1
А-18

АВАНЕСОВСКИЙ СБОРНИК

«НАУКА»

4
А-18
1) РЯ. Сборники
2) Ист. и совр. сост.
Авалков

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

90683

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

АВАНЕСОВСКИЙ СБОРНИК

К 100-летию со дня рождения
члена-корреспондента АН СССР
Р. И. Аванесова

МОСКВА
«НАУКА»
2002

УДК 80/81
ББК 81
А 18

4
А-18
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
90683

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 02-04-16062д

Рецензенты
доктор филологических наук Г.К. ВЕНЕДИКТОВ
кандидат филологических наук Л.В. ВЯЛКИНА

Редколлегия:
доктор филологических наук Л.Э. КАЛНЫНЬ,
кандидат филологических наук О.Е. КАРМАКОВА,
доктор филологических наук Т.В. ПОПОВА,
доктор филологических наук Н.Н. ПШЕНИЧНОВА
(ответственный редактор),
доктор филологических наук И.С. УЛУХАНОВ

Аванесовский сборник: К 100-летию со дня рождения чл.-кор. Р.И. Аванесова / Отв. ред. Н.Н. Пшеничнова; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М.: Наука, 2002. – 413 с. – ISBN 5-02-006389-4 (в пер.).

В сборнике рассматриваются теоретические проблемы описательной и исторической диалектологии, лингвогеографии, лексикографии, лингвокультурологии, исследуются вопросы, относящиеся к изучению языковых особенностей как в синхронии, так и диахронии, обсуждаются проблемы орфографии и орфоэпии, транскрипции, этимологии.

Авторы развивают идеи Р.И. Аванесова, сформулированные им в разной степени – детально или как бы мимоходом, попутно, в результате чего сборник демонстрирует продуктивность аванесовских идей, актуальность их для современной не только русистики, но и лингвистики в целом.

В сборник включены две ранее не опубликованные работы Р.И. Аванесова, воспоминания о нем известных ученых.

Для языковедов широкого профиля.

По сети “Академкнига”

ISNB 5-02-006389-4

© Российская академия наук, 2002
© Издательство “Наука”
(оформление), 2002

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ*

14 февраля 2002 г. исполнилось 100 лет со дня рождения замечательного ученого Рубена Ивановича Аванесова. Отдавая дань его выдающимся заслугам перед отечественной и зарубежной наукой, высоко оценивая его огромный вклад в развитие славистики и теоретической лингвистики в целом, ученики, друзья, соратники и последователи Рубена Ивановича подготовили сборник статей, посвященный его памяти[1].

Широта проблематики, характеризующая данный сборник, определяется разнообразием научных интересов Рубена Ивановича, труды которого относятся к самым разным областям русистики и славистики в целом: история языка, описательная и историческая фонетика и фонология, орфография и орфоэпия русского языка, описательная и историческая диалектология, лингвогеография, лексикография и др.

Большой ученый, прекрасный научный организатор и педагог, Р.И. Аванесов сыграл значительную роль в становлении и развитии Московской лингвистической школы.

Рубен Иванович является одним из основателей Московской фонологической школы, для которой характерны последовательный функционализм и учет иерархической структуры языка. Московская фонологическая теория, одним из создателей которой является Р.И. Аванесов, оказала огромное влияние на многих лингвистов как нашей страны, так и других стран.

Р.И. Аванесов – создатель отечественной школы диалектологии. Сформулированные им основные положения оригинальной лингвогеографической концепции и основные теоретические принципы Общеславянского лингвистического атласа получили мировое признание. Теория лингвогеографии, созданная Р.И. Аванесовым, была реализована и получила дальнейшее развитие в диалектологических атласах русского, белорусского, украинского языков, в Общеславянском лингвистическом атласе, в атласах русских говоров Поволжья, Башкирии, Татарии и др.

Огромна роль Р.И. Аванесова не только как ученого-теоретика, генератора идей, но и как организатора и вдохновителя грандиозных мероприятий по созданию "Диалектологического атласа русского языка", отражающего русские говоры середины XX в., "Общеславянского лингвистического атласа" и "Слова-

* Благодарим Российский гуманитарный научный фонд за финансовую поддержку публикации этого сборника.

[1] Одновременно в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН к этой юбилейной дате подготовлен и второй сборник, посвященный памяти Р.И. Аванесова, – "Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 2001–2002", в который вошли статьи не только российских, но и многих зарубежных ученых, главным образом – членов авторского коллектива, работающего над созданием "Общеславянского лингвистического атласа" (сборник находится в печати).

ря древнерусского языка" (XI–XIV вв.), построенного на лексике 800 источников, сохранившихся в списках XI–XIV вв.

Значение трудов Р.И. Аванесова выходит за рамки изучения восточно-славянских языков и их диалектов. Они оказали огромное влияние на развитие лингвистики в целом как в теоретическом, так и методологическом отношении. Не случайно Р.И. Аванесову были присвоены многие почетные звания и присуждены награды: член-корреспондент АН СССР, лауреат Государственной премии СССР, Председатель Международной комиссии Общеславянского лингвистического атласа, вице-президент Международного общества фонетических наук, член совета Международной фонологической Ассоциации, вице-президент Лингвистического атласа Европы, Председатель Научного совета РАН по истории и диалектологии, Председатель Координационной комиссии по изучению диалектов языков народов СССР при Институте языкознания АН СССР, Почетный член Лингвистического общества Чехословацкой Академии наук, обладатель медали Чехословацкой Академии наук "За развитие в области общественных наук", Почетный доктор Варшавского университета, иностранный член Академии наук и литературы в Майнце, иностранный член Саксонской Академии наук в Лейпциге. В течение долгого времени Р.И. Аванесов руководил всей диалектологической работой в Институте русского языка АН СССР. Все эти звания и награды лишний раз свидетельствуют об огромном научном авторитете Рубена Ивановича среди ученых самых разных стран.

Замечательному ученому огромного таланта,
доброжелательному Учителю и любимому Наставнику
посвящают авторы этот труд

I

Воспоминания

М. В. Панов

ВОСПОМИНАНИЯ О Р.И. АВАНЕСОВЕ

Мой дорогой учитель Рубен Иванович Аванесов учителем был очень строгим. Приносишь ему двадцать страниц диссертации; получаешь от него обратно и слышишь: "Изложите это на пяти страницах". Трудная задача! Ведь в филологических работах мало бывает "воды". Очевидно, все изложение придется переделывать!

В рукописи пометы: "Короче", "Для вывода не годится" или просто, но загадочно: "Не так", "Изложите по-другому" ...Намучился я с учителем! Но это я сказал в шутку. На самом деле нарадовался я, что у меня такой учитель. Требовательный и верящий в своего ученика, в его умение понимать, отвечать требованиям учителя!

Но на студенческих экзаменах Р.И. был чаще всего добрым. Ту или иную ошибку при анализе текста был готов простить. Беспощаден он был только к лентяям. У руководителей практических занятий брал списки фамилий студентов, которые не посещали занятий, и к этим студентам был особенно внимателен. Во время моего студенчества у студентов было свободное посещение; вместо занятий – гуляй не хочу! Но настигало возмездие. Я помню студента, который почти со слезами на глазах говорил: "Я наизусть знаю эту книжку, а он мне "уд" поставить не хочет! Седьмой раз иду сдавать...!" (речь шла об учебнике старославянского языка Никифорова). Ходили сдавать и больше, чем по семь раз. У студентов он получил прозвище: Рубикон Иваныч. Говорили: у нас в институт два раза поступают – вступительный экзамен сдают и переходят Рубикон.

Один экзамен у Р.И. и для меня оказался очень труден. В 1952 г. вышла в свет статья И.С. Ильинской и В.Н. Сидорова "Русское правописание". На эту тему написан миллион статей и книг, казалось бы, что еще можно сказать об этом радостного? Но статья этих двух авторов поражала новостью теоретического подхода, остротой выводов, своеобразием методики. Лингвисту, выросшему в садах московской лингвистической школы, эта статья была праздник.

Встречаю Р.И. в Институте русского языка. Он спрашивает меня, какое у меня впечатление от статьи "Русское правописание". Я дал волю своему восторгу и ликованию (такая была статья, что нельзя было обойтись без ликования!). Мой учитель терпеливо выслушал меня и сказал: "Теперь скажите, что в ней плохо!" Вот оно, труднейшее испытание!

Надо сказать, что мои "равнолюбимые" учителя, Р.И. Аванесов и В.Н. Сидоров, были в ожесточенной, острейшей, многолетней ссоре. Если я за спиной В.Н. стану распространяться о недостатках, о пороках его статьи, то это значит за его спиной порочить его работу, предать его; узнав, что я заглазно хулил прекрасную статью, он не мог бы это не рассматривать как перебежку в "чужой лагерь". С другой стороны, предстать перед другим учителем недотепой, не видящим то, что я, как ученик Аванесова, обязан видеть, я тоже не мог. Не могу я притвориться слепым!

А я видел, и даже говорил об этом своим друзьям: один есть у В.Н. – (и его соавтора, И.С. Ильинской) непонятный, удивительный срыв. Непоследовательность функционального подхода в трактовке написаний с "ы". Соавторы отнесли их к категории фонетических! После Бодуэна де Куртенэ это абсолютно невозможно! Написания с "ы" фонемны, а не фонетичны! (боюсь, что у лингвистического обывателя это место моего рассказа вызовет глупое гоготанье: какими пустяками занимается! Между тем здесь дело идет об очень важных вопросах теории языка!).

И я сказал Аванесову:

– Трактовка "ы", новая, обескураживающая, меня оставила в недоумении. Я решил, что у В.Н. есть какая-то неожиданная здесь точка зрения, но схватить мне ее пока не удалось.

– Очевидно, простой просмотр. Человек ошибчив. Даже такой замечательный умница, как В.Н. – трезво оценил Аванесов.

В это время в конце длинного коридора появился Петр Саввич Кузнецов. Опять нужно объяснительное отступление. Было известно, что П.С. Кузнецов, ученый, погруженный в самые глубокие абстракции науки, автор сложнейших теоретических построений, в то же время был человеком игры. Одна из его игр состояла в том, что он – беспредельно преданный В.Н. Сидорову его паладин. Конечно, он глубоко уважал В.Н., но он, играя, переходил грань, за которой кончалась академическая серьезность. Было много таких случаев, когда он подчеркивал, что он послушный оруженосец Владимира Николаевича. Например, П.С. высказывает в лингвистическом разговоре какую-нибудь мысль, а собеседник сообщает: В.Н. Сидоров высказывает другое мнение. П.С. заявляет: "Володя прав". (Лишь потом станет ясно, что это, скорее всего, игра: через некоторое время П.С. вернется к своему мнению.) Или: П.С. рассматривает сложную эволюцию звуков в праславянском языке, исписал формулами полдоски. Кто-то говорит: "Сидоров в своих лекциях трактует это по-другому, так-то". П.С. стирает с доски свою запись со словами: "Конечно, у В.Н. более убедительно".

– Спросим у него, – улыбаясь сказал Р.И. – Только не говорите, как теперь у Сидорова, а то он сразу скажет, что так верно.

И он спросил у П.С., как тот рассматривает написания *дым, рысь, сыр* – отражают они звуковой или фонемный строй слова. И П.С. "стал крутить":

– Ты знаешь, Рубен, здесь сложно! Здесь налагаются друг на друга фонологические и морфонологические закономерности...

Рубен Иванович сказал мне:

– Он уже читал.

Думаю, что я этот жизненный экзамен выдержал: я не обидел заглазно великого В.Н. Сидорова и не показал себя недотепой в глазах учителя...

(Итак: промах у Сидорова... И все-таки кольнет мысль: А вдруг нет? Вдруг какой-то тайный ход мысли В.Н. остался не понят? Ведь сколько раз было: недоуменно думаешь: ошибается В.Н., а потом выходит – не ошибается, а идет своею мыслью на такой глубине, которой ты не достиг.)

После Бодуэна де Куртенэ, Фортунатова, Соссюра стало невозможно в языкознании смешивать синхроническое и диахроническое изучение языка. Встал вопрос, чтобы и при чтении лекций строго разграничивать эти два аспекта. Различать их часто нелегко; для этого нужна первоклассная научная подготовка и сила характера: не свернуть с избранного пути. И тем, и другим обладала

Л.Н. Шатерникова, которая читала в Мосгорпединституте курс старославянского языка после Аванесова. Она была первой по времени (!) аспиранткой Аванесова. И она была первая, кто при чтении этого курса теоретически последовательно держала синхронию в одном ящике стола, а диахронию – в другом. Весь первый семестр она рассказывала о старославянском в строжайших рамках синхронических связей и закономерностей. Ничто не выходило за пределы синхронии. Исключалось все, что обычно украшает этот курс: факты истории, любопытные этимологии, интересные параллели из других языков, сопоставления с индоевропейскими фактами. Читать курс в таком ключе очень трудно, нужно большое искусство, чтобы сохранить внимание студентов. Им обладала Л.Н. Шатерникова. Второй семестр она целиком отдавала диахронии: он увлекал студентов многообразным изображением движения системы. Здесь были параллели из других индоевропейских языков, исторические повествования о превращениях языковых единиц, объяснения загадочных исключений в языке. Синхрония не шла вперемежку с диахронией. Честь и слава Лидии Николаевне; она поддержала высокую репутацию учителя.

Р.И. Аванесов тоже неуклонно разделял эти два аспекта изучения. Но по-другому; я говорю о его лекциях в 1937–1938 гг., когда я их слушал. Он "разламывал" старославянский язык на отдельные поля, каждое поле (например, группу заднеязычных согласных) обозревал в ее синхронных связях, "не пуская" в поле зрения инородные, диахронические данные; потом проводил границу: переходил к историческому освещению диахронических фактов. Затем так же рассматривал другую группу языковых фактов.

Возможен, вполне законен и тот, и другой путь.

Фонетисты в России и в XVIII, и в XIX в. пристально изучали звук. Предметом их изучения был не отдельный, выхваченный из речи звук, а звуковой тип. Не звук, произнесенный таким-то конкретным индивидуумом (Иваном Сергеевичем) в такую-то минуту и секунду, а звуковой тип, характерный для русского языка. А вся фонетика занимается не отдельными звуками, которые один за другим вываливаются изо рта, а звуковыми типами. Это характерно для фонетики вообще, а не только какой-нибудь отдельной эпохи. Не звук Ивана Сергеевича, сказанный тогда-то, а звук русского языка. То есть тип. Приходится настойчиво повторять это, обороняясь от глупости некоторых современных псевдолингвистов.

Изучение типического звука, звука-типа, или звукового признака, тоже типизированного, других фонетических типовых единиц остается центральной задачей фонетики как науки на всем протяжении истории этой науки.

Но отношение к этим типичностям меняется. В конце XIX – начале XX в. фонетика (и все языкознание в целом) переживает революцию. До нее мышление языковедов было предметным; у многих таким осталось и позже. Звук (чаще – букву), слово, текст – каждую языковую единицу изучали как вещь, в ее замкнутой отдельности.

Отсутствовало понятие позиции, и поэтому оказались вне поля зрения многие существенные связи единиц, в фонетике – звуков. А если были не ясны многие связи, то звуки оставались не связанными в систему. Они изучались по одиночке, "вразброс", как отдельные особи. Сделано было немало, но именно под таким углом зрения.

Из этих предметных объектов выводили отношения между объектами.

Первый И.А. Бодуэн де Куртенэ, а за ним и другие лингвисты выдвинули иную точку зрения. Они не отвергли предметный взгляд на язык, но признали наиболее важным, лежащим в основе познания и существования языка, – иной. Язык, в первую очередь, это определенные отношения между языковыми единицами; выяснив их, мы можем установить (узнать, выяснить) функции языковых единиц; путь от языковых отношений к сущностям единиц.

Началось все в 1881 г.

И.А. Бодуэн де Куртенэ ввел понятие "фонема". Фонема не вещь, не звукотип, хотя недоумие очень полюбило фонему определять как звукотип. Бодуэн де Куртенэ открыл, что звуки, которые позиционно чередуются, надо считать единством, целостностью, все члены которой (чередующиеся звуки) "в системе языка" (любимое выражение Бодуэна) – одно и то же. Эти звуки объединяет не материальное подобие, сходство или тождество, но позиционные отношения[1].

Суть позиционных чередований проста, но тем не менее недоступна узкому уму, неспособному выйти в оценке фонетических единств за пределы подобия, тождества, материально-конкретного сходства, за пределы предметной лингвистики.

Позиционные отношения вот какие. Есть позиция А – ей отвечает звук N. Есть позиция Б – ей соответствует звук М. Каждый раз, когда в речи (и в соответствующей языковой модели) происходит мена позиции А на позицию Б, звук N меняется на звук М. Если это соответствие N и М осуществляется без исключений, то чередующиеся звуки являются "в системе языка" тождеством и вместе носят название "фонема".

Добавим, что позиции А и Б должны принадлежать одной и той же более высокой языковой единице; например, если чередующиеся единицы – звуки, то они должны принадлежать одной и той же морфеме.

Эти позиционно чередующиеся звуки являются "одним и тем же", как бы различны они ни были. Например, фонема ⟨о⟩ в разных позициях представлена звуками [о], [а], [ъ], [и], [и^{э}], [ы^{э}], а также ноль.

Какой уж тут звукотип! Какие уж тут попытки понятие фонемы (принадлежащее к грамматике отношений) подменить понятием звукотипа, то есть звука![2]

В 20–30 годах XX в. Бодуэновская идея фонемы исчезла из лингвистики. Понимание фонемы как совокупности позиционных отношений было прочно забыто. Подспудно позиционное мышление развивалось в диалектологических работах Д.Н. Ушакова, Н.Н. Дурново и их учеников.

И вдруг в эту тишь и гладь вошла мысль Р.И. Аванесова и В.Н. Сидорова – в 30-м году опубликована статья о фонологическом характере русской орфогра-

---

[1] Бодуэн особо подчеркнул это в своем некрологе Н.В. Крушевскому. Но в русском двухтомнике И.А. Бодуэна де Куртенэ именно в это место перевода вкралась ошибка, обессмыслившая текст. В результате этого до русского современного читателя мысль автора не дошла. О том, что Бодуэн де Куртенэ сходство членов фонемы не считал необходимым признаком, можно узнать только из книги: *Панов М.В.* Современный русский язык. Фонетика. М., 1979. С. 112 (перевод отрывков статьи Бодуэна).

[2] Однако и в наши дни продолжаются попытки понятие фонемы подменить понятием звука (или, что то же самое, звукотипа). В 2000 г. Министерство присудило премию учебнику; авторы его с гордостью пишут, что используют термин фонема, то есть... "звук–тип".

фии, с глубоким изложением теории фонем. Была построена научная система, сознательно продолжающая мысль Бодуэна: детально разработана система фонологических понятий, введено и показано на фактах русского языка движение звуков русского языка сквозь сеть позиций, дано важнейшее, ключевое для данной теории понятие нейтрализации (у Бодуэна его не было) и показаны ступени нейтрализации. Аванесов и Сидоров (и вместе с ними Реформатский, Кузнецов, А.М. Сухотин) повернули мысль лингвистов к миру языковых отношений.

В 40–50-е годы фонологические поиски продолжались.

Существуют два мощных фонологических направления: московское и пражское. Оба логически непротиворечивы, оба безупречно владеют фактами. В основу пражской теории фонем положен различительный признак. В фонетическом строе языка пражцы видят многообразные отношения мерисмов, различительных признаков. У московской теории исходная единица – сегмент, сочетание признаков как единое целое. В результате исходных теоретических различий разошлись две теории и в других, производных понятиях.

Ученых беспокоит нерешенный вопрос об отношении двух фонологических взглядов. Их несогласованность тревожна. Р.И. Аванесов решил построить теорию, которая объединяла бы эти два теоретических мира. В 1956 г. он выступил с новым фонологическим описанием русского языка, синтезируя два плодотворных учения в единое целое.

Но в 1956 г. говорить в СССР о синтезе русских и чешских лингвистических исканий было невозможно. Р.И. Аванесов сделал вид, что он объединяет взгляды Москвы и... Ленинграда! После выхода в свет последних работ Л.В. Щербы это стало бессмысленно. Синтез Москва – Ленинград потерял всякую актуальность.

На заседании ученого совета Института русского языка Академии наук какой-то доброхот выступил с речью и сказал, что новая теория фонем Р.И. – середина пути от Москвы к Ленинграду. Было невозможно слушать, как порочат работу Аванесова, и я не мог не выступить в защиту моего учителя. Объяснил, что никакое это не Бологое, а путь на сближение с Прагой.

После заседания Аванесов сказал мне:

– Вы меня поняли.

(Потом он это высказал в печати).

Одни приняли новую концепцию Р.И., другие ее отвергли (в том числе В.Н. Сидоров). И я, ценя поиски Рубена Ивановича, не мог согласиться с рядом его положений, считая, что в фонологии–56 утрачены некоторые ценности московской теории–45 (Аванесова и Сидорова). Сказал об этом учителю; отношения с ним от этого не испортились.

Новый шаг Аванесова (1956) породил большое оживление в теории фонем. Ряд ученых выступили со статьями и книгами, в которых были высказаны новые мысли о русском фонемном строе.

Новая грамматика – грамматика отношений – разрабатывалась в России (и во всем мире) не только этими лингвистами, рядом с ними работали (с 50-х годов) структуралисты. Они много сделали для нового осмысления фактов языка, дух соссюрианской новой мысли веет в их работах. Пафос их деятельности – показать всеобщность, универсальность законов знаковых систем. Они увидели единство

знаковых законов для транспортной сигнализации, иногда очень сложной, языков жестов туземцев Австралии и Америки, информации в пении птиц, правил карточных игр, сигнализации муравьев и т.д. В том числе и человеческих языков.

"Московская", т.е. фортунатовская, лингвистика пошла близким, но другим путем. Московская лингвистическая школа сосредоточила свое внимание на языке человеческого общения (во всех его разновидностях, в том числе на языке в художественной функции). Речь в ее отличиях и сходствах с другими знаковыми системами, в ее особенностях, в таких чертах, которые свойственны только ей или редко встречаются вне языковых систем. Своеобразие языка в мире – вот страсть этой школы. Поэтому они разрабатывали такие понятия, как нейтрализация единиц в языке, их омонимические и синонимические взаимодействия, различия и связь перцептивной и сигнификативной стороны единиц, историческая динамика этих двух функций, преобразование языковой системы, с определенными схождениями и расхождениями единиц, в другую систему, с другим соотношением единиц. Именно в этих вопросах, специфических для языка, и создано фортунатовцами разных поколений немало ценных работ. Среди них – блестящие исследования Р.И. Аванесова.

Р.И. Аванесов был заведующим кафедрой русского языка в Московском городском педагогическом институте. (Институт готовил учителей для Москвы). И он вел кафедру с необыкновенной смелостью, строгой требовательностью и чувством ответственности перед наукой. Он не был тягостью для своих подчиненных; его строгость заключалась в выборе сотрудников: с удивительной чуткостью и смелостью он подобрал таких ученых-педагогов, которых не надо было контролировать и направлять. На кафедре работали в 30-х годах: Р.И. Аванесов, А.М. Селищев, В.Н. Сидоров, А.А. Реформатский, А.М. Сухотин, П.С. Кузнецов, Г.О. Винокур, С.Б. Бернштейн, И.С. Ильинская, В.Г. Орлова, А.Б. Шапиро, Н.А. Янко-Триницкая, И.А. Василенко. Василенко наследовал после Аванесова заведование кафедрой, и так же, как Аванесов, сумел ее уберечь от натиска марристов.

Кафедрой заведовал смело, написал я; в первую очередь это проявлялось в том, что он не боялся брать преподавателями бывших каторжан. "Враг народа" – для всех чиновников, хотя бы он отбыл срок, оставался врагом народа. А.М. Селищев и В.Н. Сидоров не могли в научных или педагогических учреждениях найти постоянную работу. Д.Н. Ушаков давал им иногда в МИФЛИ временные поручения, но парторганизация и "активисты" не позволяли принять их на постоянную работу. (А без этого у них не было московской прописки.) Р.И. Аванесов, со своей необыкновенной энергией и чувством долга (перед наукой и перед людьми) сумел добиться, чтобы, миновав все препятствия, они стали членами кафедры. Курс истории русского языка обычно читался один учебный год; когда Сидоров обратился к Р.И. с просьбой дать ему для этого курса два года, Аванесов пробил стену равнодушия министерских чиновников, чтобы утвердить для Мосгорпединститута двухгодичный курс. У меня было такое счастье – два года слушать у В.Н. Сидорова курс истории русского языка.

Бесспорный авторитет, требовательный руководитель, Р.И. Аванесов для своих сотрудников не был тягостью, не подавлял своей волей.

Об этом можно догадаться по тому, что на кафедре господствовало не только неукоснительное исполнение долга, но и свободный дух дружеского обще-

ния, шутки, безобидного остроумия. У членов кафедры были прозвища, не обидные, но и не подчеркнуто-почтительные. В какой-то чиновничьей справке было сказано о Р.И. – "крупный специалист русского языка". Эта неуклюжая формулировка обыгрывалась. Его в шутливых разговорах, в присутствии самого Р.И., называли "товарищ крупный"; Рубен Иванович не обижался. Уважение к нему настолько явно высказывалось в ежедневном общении, что свободная шутка не казалась недопустимой вольностью.

Об Аванесове можно сказать так же, как Маяковский сказал о своем современнике: твердый, меняющийся. Одна из его серьезнейших заслуг – он, в 30-е годы, отстоял кафедру от яростного натиска марристов. Антимарристское сопротивление – таков был общий дух кафедры. Пресловутые четыре элемента не проникали в лекции, не отравляли сознание студентов. Наоборот, гонимая Марром индоевропеистика, настоящее славяноведение, русистика, опирающаяся на испытанные традиции, определяли работу кафедры.

В последние годы жизни-творчества Аванесова его мысль была по-прежнему остра и, главное, смела и раскованна. Это главное в его научной деятельности: нет оков, пресекающих ее свободное движение. Смелы его построения позиционной теории языка, смелы работы, посвященные классификации диалектных схождений и расхождений, смелые попытки использовать синтаксический критерий для морфологии, исследования в исторической диалектологии, наконец, – колоссальные замыслы в исторической лексикологии.

Удивительная смелость – его последние построения теории "диалектного языка". Он перенес приемы фонологического мышления... в область ареальной лингвистики! Фонологически определял статус диалектов в общей картине русского языка! Он, как показала Л.Н. Булатова[3], диалекты рассматривал в их соотношениях, как фонемоподобные единицы.

Верность традициям московской (фортунатовской-ушаковской) лингвистической школы, но при этом готовность идти самыми неожиданными путями – вот Аванесов; таким он остался в памяти науки.

К.В. Горшкова

Р.И. АВАНЕСОВ – УЧЕНЫЙ И УЧИТЕЛЬ

В качестве темы для сборника памяти Рубена Ивановича Аванесова я выбрала тему "Аванесов – ученый, Аванесов – учитель". Можно сказать, ничего оригинального, ничего интересного в этой теме нет. Ведь каждый член кафедры – он и ученый, он пишет статьи, монографии, ученые записки, ученые книги. Он преподаватель, читает общий курс, спецкурсы, ведет семинары, ведет

---

[3] См.: статью Л.Н. Булатовой "Р.И. Аванесов" в книге: "Русский язык". Учебник для 7 класса. Под ред. М.В. Панова. М., 2000, с. 302.

курсовые работы. Словом, как будто на первый взгляд все одинаково, но различаются лица, руководители, различаются участники семинаров, тематика семинаров, тематика работ. Однако иногда хочется задуматься, почему из такого большого числа ученых на кафедре, а одно время на кафедре было одиннадцать профессоров, вышло по сути дела две школы – это школа профессора Аванесова по фонетике и фонологии и школа Михаила Викторовича Панова.

Очевидно, полезно заметить, что же мы понимаем под понятием "школа". Школу объединяют молодые и старые, преподаватели и ученики, начинающие и вполне зрелые доктора наук. Между ними есть значительные различия, и однако есть что-то объединяющее, что-то такое, что позволяет с уверенностью сказать: вот, например, недавний докторант Бархударова Елена Леоновна принадлежит школе Аванесова, хотя она защищала свою работу, когда Аванесова уже не было.

Дело в том, что каждая работа Рубена Ивановича – это, конечно, законченный труд, и в то же время он как бы и не вполне закончен. Каждая работа Аванесова не закончена в том смысле, что она открывает путь для дальнейшего развития идей, которые он сформулировал, путь для дальнейших поисков в том направлении, которое Рубен Иванович наметил.

Аванесов оставил очень большое наследство. Естественно, разобрать его все, разложить на части, показать отношение к формированию школы – это невозможно, это потребовало бы особого, колоссального труда. Поэтому я остановлюсь на двух работах: на "Очерках русской диалектологии" и на "Фонетике современного русского языка" 1956 г. издания МГУ.

Возможно, мы никогда не обращали особого внимания на некоторую особенность трудов Рубена Ивановича, а между тем в ней есть большой смысл. Все книги Рубена Ивановича, начиная с их совместного учебного пособия с Владимиром Николаевичем Сидоровым "Очерк грамматики современного русского языка", издания Учпедгиза 1945-го года, и дальше – и "Русская литературная и диалектная фонетика", и "Фонетика современного русского языка", и многие другие (я не беру статьи в сборниках) – все они озаглавлены: "Учебное пособие". Вместе с тем, я думаю, Аванесов прекрасно понимал, что его книги, в которых некоторые важные проблемы излагаются довольно сложно (например, проблема соответственного и несоответственного явления), в целом не могут быть учебными пособиями для рядового студента, который готовит всего лишь зачет по русской диалектологии, да и сам студент не считает это чем-то особенно важным. И не случайно параллельно с "Очерками русской диалектологии" Р.И. Аванесова выходило учебное пособие Петра Саввича Кузнецова – профессора кафедры русского языка – "Русская диалектология. Учебное пособие для студентов", выходили учебные пособия К.В. Горшковой по фонетике и фонологии современного русского языка, где опускались самые сложные вещи, а более простые, но все-таки довольно сложные разъяснялись языком, понятным студентам. Самому Аванесову это было трудно сделать, не потому что он не был педагогом – он был прекрасный педагог, – а потому что трудно отказаться от тех идей, которые он столько времени обдумывал, лелеял, которые были для него дорогими, и вдруг – как-то их упростить.

Остановимся на первой книге Рубена Ивановича – "Очерки русской диалектологии" [Аванесов, 1949]. Неслучайно именно эта книга легла в основу докторской диссертации Рубена Ивановича Аванесова. В этой книге Р.И. Аванесов рас-

смотривает язык нации как сложное целое, представляющее собой "многостепенную систему, заключающую в себе черты общие и частные, черты единства и различий разных степеней диалектного членения языка", в котором "следует различать ОБЩИЕ и РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ признаки" [Аванесов 1949, 9]. Позднее для обозначения этой сложной системы Рубен Иванович ввел термин "диалектный язык" (см. [Вопросы теории 1962, 7–27; Аванесов 1963, 95–102; Русская диалектология 1964, 10–11] и др.). В книге [Аванесов 1949] детально рассматриваются фонетические диалектные различия русского языка и частично диалектные различия лексико-семантические. В другой своей работе [Аванесов 1947] Рубен Иванович вводит очень важное для диалектологии понятие соответственное явление. Этим термином Аванесов обозначает "подвижные элементы" сложной системы языка и детально рассматривает типы соответственных явлений на материале фонетических диалектных различий русского языка.

Рубен Иванович подчеркивал, что между изучением диалектного языка как сложной системы, с одной стороны, и территориальным аспектом изучения диалектов, с другой, есть связь, но гораздо больше между ними различий. Диалектный язык может изучаться вне территориального распределения диалектных явлений – изучение территориального распределения явлений невозможно без представлений о диалектном языке. Эти работы Рубена Ивановича были очень важны, и мы вместе с Л.Э. Калнынь написали статью о диалектном языке и о диалектах по учению Аванесова и по соотношению этого учения Аванесова с учениями других ученых других разных стран [Горшкова, Калнынь 1984].

Под влиянием этой работы Аванесова я дала одной из своих аспиранток – С.М. Треблер – на первый взгляд довольно странную тему, посвященную гласным *е* и *о* на территории распространения русского языка [Треблер 1978; 1980]. Софья Владимировна Бромлей мне говорила: "Ну как же так? Ты берешь всего лишь две единицы и даешь тему кандидатской диссертации. Ничего из этого не получится". Но получилось. Оказалось, такие признаки, как нелабиализованность *е* и распространение *е* на территории, лабилизованность *о* и распространенность *о* на территории небезразличны к географическому распространению многих других явлений и позволяют выделить диалектные зоны. Эти три основные зоны были выделены автором диссертации, тщательно охарактеризованы и в какой-то мере, правда, в небольшой, получили и исторический комментарий. Так, можно сказать почти впервые родилась работа на основе учения Рубена Ивановича о диалектном языке и территориальном распределении диалектных явлений, об их взаимосвязи и, главное, об их независимости.

Мне, пожалуй, ближе вторая книга Рубена Ивановича "Фонетика современного русского языка" (издательство МГУ, 1956 г.). Как известно, Рубен Иванович выделил там две основные фонологические единицы – 1) слабую и сильную фонему и 2) фонемный ряд: слабую и сильную фонему по отношению к словоформе, фонемный ряд – по отношению к морфеме. Петр Саввич Кузнецов справедливо сразу же заметил, что не может быть сильных и слабых фонем, могут быть сильные и слабые положения. (Хотя об этом нигде не написано, но я как бы мимоходом скажу, что нет и такой единицы как гиперфонема: это не единица, это фонема в определенных условиях существования.) Но оставим пока в стороне то, что связано с понятием сильной и слабой фонемы или фонемы в

сильном и слабом положении в пределах словоформы. Сосредоточимся на фонемном ряде.

Нужно сказать, само название "Фонемный ряд" для той единицы, которая соотносилась с морфемой, не удовлетворяла самого Рубена Ивановича. Мне повезло, и выпало на мою долю большое счастье: я в течение многих недель работала вместе с Рубеном Ивановичем, я являлась редактором книги Рубена Ивановича 56-го года. Какой я была редактор! Если бы я была настоящим редактором, то в книге не было бы тех ляпсусов, которые все-таки остались. Как известно, Рубен Иванович вывел там и формулы фонемных рядов, но он брал только два дифференциальных признака: противопоставленность "твердость–мягкость" и противопоставленность "глухость–звонкость". Кроме того, он выделил как бы фразеологически связанные фонемы, когда общая твердость или мягкость, как в словах *стол – стих* (имеется в виду *стихотворение* – не *стих, тихо*) и такие как *стол – стелит*, где общность твердости и глухости, общность мягкости и глухости объединены и как бы не могут быть разделены. Рубен Иванович даже ввел особое обозначение – фигурные скобки, чтобы выделить эти единицы. Эта работа Рубена Ивановича послужила основой, или стимулом, для двух, неплохих, на мой взгляд, кандидатских диссертаций.

Одна кандидатская диссертация была написана Бархударовой Еленой Леоновной [Бархударова 1987]. Она обратила внимание на то, чем специально Рубен Иванович не занимался: Елена Леоновна учла различия и варьирование согласных по месту и по способу образования. Учитывая это варьирование, она составила свои, по типу Рубена Ивановича Аванесова, но свои ряды согласных фонем, относящихся к морфеме. При этом учитывался и стык, морфемный стык в пределах словоформы.

Вторая диссертация – Зои Петровны Здобновой – посвящена исследованию гласных. Эта работа стоит дальше идей Рубена Ивановича, но в ней очень многое сделано для понимания тех явлений, которые связаны с морфемными стыками или с их отсутствием, или как бы их "затушовкой".

Продолжая перечитывать работу Рубена Ивановича, я как-то невольно вновь и вновь обращалась к этим идеям, и мне казалось: не может быть единицы, которая состояла бы из тех формул, которые вывел Рубен Иванович. Более того, я очень отчетливо пришла к выводу, может быть, даже уже не под влиянием только работ самого Рубена Ивановича, сколько и под влиянием работ Бенвениста. Вывод этот сводился к тому, что каждый ярус структуры языка определяется какой-либо единицей, а эта единица имеет свое отношение к другой, более высокого языкового уровня. В данном случае – фонема к морфеме, морфема к лексеме. Но все дело в том, что и морфема, и лексема – значимые единицы, а фонема – незначимая единица. Именно поэтому даже в самое последнее время, в частности, в последней книге Бориса Серебренникова [Серебренников 1988], считалось, что фонетика, изучающая звуки, их образование, их изменения – это особая область, не имеющая прямого отношения к языкознанию. И действительно, надо было найти какое-то звено, которое позволило бы эти незначимые единицы – звуки-реализаторы фонем сделать структурными единицами. И перечитывая очередной раз работу Рубена Ивановича, я поняла: этим общим является СТРУКТУРА, СТРУКТУРИРОВАНИЕ. Фонема в каждом языке СТРУКТУРИРОВАНА, как и значимые единицы – морфемы, лексемы. И именно поэтому не может фонема как структурная

единица существовать вне морфемы, и она структурирована так же, как морфема. Именно поэтому она получила право войти в общую систему языка. Иначе она оставалась бы физиолого-акустическим явлением (как часто и теперь изучают фонетику), не имеющим отношения к структурной лингвистике. Между тем структурная лингвистика – не просто название, это целая научная парадигма, порожденная на рубеже XIX–XX вв., просуществовавшая весь XX век, оказывающая влияние на языкознание рубежа XX–XXI века.

Используя именно эти идеи Рубена Ивановича, уже в своей докторской диссертации Елена Леоновна Бархударова [Бархударова 1999] очень хорошо показала, что в зависимости от того, как структурированы значимые единицы языка, возникает структура фонемы. Для сопоставления она взяла языки разных систем: индоевропейские – английский германской группы, испанский романской группы, язык финно-угорский – финский, ну и, конечно, в центре – русский. И оказалось, что, несмотря на значительные различия, допустим, венгерского и русского, или венгерского и испанского, структурирование фонемы будет такое же, как структурирование значимых единиц. Так, в испанском языке не очень сложные парадигмы склонения имен и спряжения глаголов, и там будет несложная формула структуры фонемы. Самая сложная формула структуры фонемы – в русском языке, поэтому русский язык является наиболее сложным в этом отношении языком, и потому, в частности, он во многом труден для изучения.

институт русского языка им. В.В. Виноградова

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1947. Т. VI. Вып. 3 (перепечатано в: *Реформатский А.А.* Из истории отечественной фонологии. М., 1967).

Аванесов Р.И. Описательная диалектология и история языка // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963.

Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949.

Аванесов Р.И. Фонетика современного русского языка. М., 1956.

Аванесов Р.И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945.

Бархударова Е.Л. Структурная характеристика русских согласных фонем и закономерности их позиционного варьирования. Дис. … канд. филол. наук. М., 1987.

Бархударова Е.Л. Консонантизм русского языка (типология, структура, динамика). Дис. … докт. филол. наук. М., 1999.

Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962.

Горшкова К.В., Калнынь Л.Э. О некоторых вопросах теории диалектологии // Вестник Москов. ун-та. Сер. 9. Филология. 1984. № 6.

Здобнова З.П. Русские говоры на восток от Средней Вятки (западные районы Центральной Удмуртии). Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1955.

Кузнецов П.С. Русская диалектология. Изд. 3.М., 1960.

Русская диалектология. М., 1964.

Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М., 1988.

Треблер С.М. История частной системы русского вокализма с дифференциальным признаком “лабиализованность – нелабиализованность” по данным лингвистической географии (из опыта исторической интерпретации изоглосс) // Вестн. МГУ. Филология. 1978. № 5.

Треблер С.М. История системы гласных среднего подъема в ее отношении к другим частным системам вокализма и консонантизма русских говоров. Дис. … канд. филол. наук. М., 1980.

www.ruslang.ru

А.И. Журавский

ПРИЯТНО ВСПОМИНАТЬ ХОРОШЕЕ
(О роли Р.И. Аванесова в развитии белорусской диалектологии)

Молодое белорусское языкознание имеет значительные достижения во многом благодаря тому, что белорусские языковеды поддерживали тесные научные связи с профильными учреждениями и организациями своих соседей – русских, украинцев и поляков. Первое место тут заслуженно занимают русские языковеды, что находит свое объяснение в генетическом родстве русского и белорусского языков, близости исторических судеб русского и белорусского народов, нахождении их в течение долгого времени в едином государстве. Вопросам белорусского языка уже в XIX столетии много внимания уделяли русские языковеды А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, И.И. Срезневский, А.И. Соболевский, А.А. Шахматов и др.

В 20-х годах прошлого столетия проблемами белорусского языкознания усиленно занимался П.А. Расторгуев. В 1918 г. он читал лекции по белорусскому языку в Белорусском народном университете в Москве. Вскоре П.А. Расторгуев установил тесную творческую связь с Институтом белорусской культуры в Минске, где в то время изучение белорусского языка занимало ведущее место. В 1924 г. его избрали действительным членом этого Института. П.А. Расторгуев был активным участником орфографической конференции, которую Институт белорусской культуры проводил в ноябре 1926 г. В те годы в белорусских и российских научных изданиях ученый публиковал статьи по различным вопросам белорусского языкознания, преимущественно по белорусской диалектологии. Наиболее значительным трудом того времени была его монография "Северско-белорусский говор" (Л., 1927).

В те же годы проблемами белорусского языкознания занимался и известный русский языковед Н.Н. Дурново, который в ряде статей периода 1910–1929 гг. освещал некоторые особенности белорусских говоров. Белорусский языковый материал получил широкое освещение в его книгах "Очерк истории русского языка" (1924) и "Введение в историю русского языка" (1927). В 1926 г. Н.Н. Дурново был избран действительным членом Института белорусской культуры, а в декабре 1928 г. стал академиком Белорусской академии наук. В Институте белорусской культуры он заведовал кафедрой истории белорусского языка, где подготовка Исторического словаря белорусского языка считалась основной темой. К сожалению, в тогдашней сложной политико-идеологической обстановке эта работа не дала ощутимых результатов.

Активную деятельность по изучению белорусского языка проводил также Т.П. Ломтев. Он прибыл в Белоруссию в августе 1933 г., вначале был заместителем директора Института языкознания АН БССР, затем – профессором, деканом филологического факультета и заведующим кафедрой русского языка Белгосуниверситета. Первым его значительным трудом по белорусскому языку явилась книга "Беларуская граматыка. Фанетыка і правапіс" (1935). Т.П. Ломтев участвовал в подготовке коллективных академических книг "Сінтаксіс беларускай мовы" (1939) и "Курс сучаснай беларускай мовы" (1940). В ученых за-

писках БГУ в 1940 и 1941 гг. он опубликовал два объемистых исследования по белорусскому синтаксису, за которые в 1944 г. ему была присуждена ученая степень доктора филологических наук. Работая после Великой Отечественной войны в Московском университете, ученый продолжал исследовательскую работу в области белорусского языкознания. Итогом этого были его учебники для студентов-русистов "Белорусский язык" (1951) и "Грамматика белорусского языка" (1956). Белорусский языковой материал широко использован и в одном из последних трудов ученого – в книге "Сравнительно-историческая грамматика восточнославянских языков" (1961).

Почти одновременно с Т.П. Ломтевым в изучение белорусского языка включился и В.И. Борковский. Некоторое время он работал заведующим кафедрой русского языка Могилевского пединститута и тогда поместил в белорусской печати несколько статей по спорным вопросам белорусского правописания. Белорусский языковой материал В.И. Борковский особенно плодотворно использовал в своих трудах послевоенного периода. В его исследованиях по синтаксису древнерусских грамот, изданных в 1949 и 1958 гг. во Львове, широко привлечен материал полоцких и смоленских грамот, отражающих особенности древнебелорусских говоров. Белорусские языковеды особенно благодарны В.И. Борковскому за его старания по переизданию важнейших трудов основоположника белорусского языкознания Е.Ф. Карского – всех трех выпусков второго тома "Белорусов", отдельного тома "Труды по белорусскому и другим славянским языкам" и "Славянской кирилловской палеографии".

Новый этап в связях белорусских языковедов с представителями русской языковедческой науки начался после Великой Отечественной войны. Для активизации научно-исследовательской работы в области языкознания большое значение имела проведенная в мае–июле 1950 г. на страницах газеты "Правда" дискуссия по проблемам языкознания, в итоге которой было указано на необходимость изучения языкового родства славянских наций. До этого в Академии наук БССР в объединенном Институте языка, литературы и искусства работали лишь две небольшие группы языковедов, одна из которых занималась подготовкой переводного русско-белорусского словаря, а вторая проводила сбор материалов для Диалектологического атласа белорусского языка.

В связи с новыми веяниями в области языкознания в 1952 г. в Академии наук БССР был создан отдельный Институт языкознания, где в числе 5 секторов первое место занял сектор истории белорусского языка. В 1952–1953 гг. сектор работал над темой "Нарысы па гісторыі беларускай мовы". К разработке темы были привлечены преподаватели минских университета и пединститута, так как в Институте языкознания в то время не было достаточно специалистов по истории белорусского языка. На эту тему особое внимание обращал тогдашний директор Института языкознания академик АН БССР К.К. Атрахович (Кондрат Крапива). По его инициативе в июне 1954 г. проводилось широкое обсуждение этого первого в белорусском языкознании исторического исследования. На обсуждение прибыли из Москвы Р.И. Аванесов, В.И. Борковский и Т.П. Ломтев, из Вильнюса – Б.А. Ларин, А.К. Антонович и Р.С. Круопас, Украину представлял старший научный сотрудник Института языковедения им. А.А. Потебни АН УССР А.С. Лысенко. В ходе обсуждения было указано на ряд существенных недостатков и просчетов, над исправлением которых авторский коллектив работал в последующие два года. Следует отметить,

что подобного представительного языковедческого форума уже больше никогда не проводилось в Белоруссии, хотя связи белорусских языковедов с русистами продолжались и позднее.

В послевоенное время особенно тесную связь с белорусскими языковедами поддерживал профессор, член-корреспондент АН СССР Рубен Иванович Аванесов. Он был председателем Координационной комиссии по изучению диалектологии языков народов СССР при Институте языкознания АН СССР и одновременно возглавлял диалектологическую работу в Институте русского языка АН СССР. Все это имело большое значение для развертывания диалектологических исследований в Белоруссии. В 1947 г. Р.И. Аванесов поручил П.А. Расторгуеву составить проект программы по изучению белорусских говоров. 25–30 марта 1948 г. в Академии наук БССР проходила диалектологическая конференция, на которой П.А. Расторгуев прочитал доклад "Белорусская диалектология в прошлом и ее ближайшие задачи". В конференции приняли участие русисты Ф.П. Филин, Е.А. Комшилова, С.С. Высотский, А.М. Евгеньева, М.Д. Мальцев. Тогда же был обсужден и по решению конференции издан в 1948 г. проект программы П.А. Расторгуева. Эта программа проверялась путем практического использования во время диалектологических экспедиций 1948–1949 гг. Одновременно в обсуждении белорусской программы в Москве активное участие принимали лингвисты-диалектологи Института русского языка АН СССР Р.И. Аванесов, С.В. Бромлей, Л.Н. Булатова, С.С. Высотский, А.П. Евгеньева, Л.П. Жуковская, Е.А. Комшилова, П.С. Кузнецов, М.Д. Мальцев, В.Г. Орлова, В.Н. Сидоров, Ф.П. Филин и др. С учетом критических замечаний все разделы программы были дополнены, детализированы в соответствии с типичными фонетическими, грамматическими и лексическими особенностями белорусских говоров. После этого программа была издана массовым тиражом в 1950 г. и по ней проводилось обследование белорусских говоров в последующие годы. Всего были обследованы говоры 1194 населенных пунктов Белоруссии, а с 1956 г. началась непосредственная работа по составлению Диалектологического атласа белорусского языка.

Создание этого фундаментального диалектологического труда проходило в тесном контакте с сотрудниками Института русского языка АН СССР, в первую очередь с Р.И. Аванесовым. Используя богатый опыт, накопленный русскими диалектологами по сбору, обработке и картографированию диалектного материала, белорусские диалектологи за относительно короткое время проделали большую работу. Собранный путем экспедиций материал послужил надежной базой для подготовки разнообразных исследований по белорусской диалектологии. Из работ этого цикла хронологически первой была "Хрэстаматыя па беларускай дыялекталогіі", изданная под редакцией Р.И. Аванесова и Н.В. Бирилло в 1962 г. Она дает представление о народных говорах по всей территории Белоруссии и отражает современное состояние этих говоров.

Тематическим продолжением публикаций этого рода явилась книга диалектологов Института языкознания АН БССР "Нарысы па беларускай дыялекталогіі", изданная в 1964 г. под редакцией Р.И. Аванесова как учебное пособие для филологических факультетов высших учебных заведений. В этой книге Р.И. Аванесову принадлежат разделы "Прадмова", "Уводзіны" и "Групоўка дыялектаў беларускай мовы". В "Прадмове" кратко излагается история изучения белорусской диалектной речи, подчеркивается, что в отношении фонетики курс

продолжает принципы книги Р.И. Аванесова "Очерки русской диалектологии", но здесь большое внимание уделено описанию структуры белорусской диалектной речи на всех основных уровнях системы языка – фонетической, морфологической, синтаксической и лексической.

В "Уводзінах" Р.И. Аванесов дает определение предмета диалектологии, раскрывает сущность понятий "диалектная речь" и "диалекты", характеризует соотношения литературного языка и диалектов, дает определение понятий "территориальные и социальные диалекты". В конце книги помещен большой по объему раздел Р.И. Аванесова "Групоўка дыялектаў беларускай мовы". Тут перечислены наиболее показательные черты основного массива белорусской диалектной речи в противопоставлении полесской группе говоров. На основании изучения изоглосс основного массива белорусской диалектной речи охарактеризованы северо-восточный и юго-западный диалекты, перечислены наиболее характерные черты среднебелорусских говоров, высказаны замечания о группировке диалектов белорусского языка с исторической точки зрения.

Но самым значительным достижением белорусских диалектологов того времени явилось создание "Диалектологического атласа белорусского языка", изданного в 1963 и 1964 гг. в двух частях под редакцией члена-корреспондента АН СССР Р.И. Аванесова, академика АН БССР К.К. Крапивы и доктора филологических наук Ю.Ф. Мацкевич. Под руководством Р.И. Аванесова над подготовкой Атласа работали сотрудники сектора диалектологии Института языкознания АН БССР Н.В. Бирилло, Н.Т. Войтович, И.М. Гайдукевич, А.П. Груцо, З.Ф. Кравченко, А.А. Кривицкий, Ю.Ф. Мацкевич, А.Г. Мурашко, А.В. Орешонкова, Е.М. Романович, Е.И. Чеберук и О.М. Шелег.

Первая часть этого труда представляет собой альбом карт размером 40 × 28 см. Здесь помещено 7 карт по истории Белоруссии и ее административному делению в прошлом и 338 карт по фонетике, морфологии и лексике. Вторая часть содержит список исследованных населенных пунктов с указанием организаций и авторов-собирателей. Здесь же помещена наиболее полная библиография публикаций по белорусской диалектологии – перечисление свыше 740 наименований. Но основной объем этой части занимают развернутые комментарии к картам первой части.

В этой второй части Атласа помещена содержательная вступительная статья Р.И. Аванесова "Да тэарэтычных пытанняў лінгвістычнай геаграфіі". В ней автор применительно к белорусским условиям изложил соображения, высказанные им совместно с С.Б. Бернштейном в докладе "Лингвистическая география и структура языка. О принципах общеславянского лингвистического атласа", прочитанном на IV Международном съезде славистов в Москве 6 сентября 1958 г. Тут освещен в теоретическом аспекте вопрос о структуре языка как целого, территориальное варьирование системы языка и элементы теории диалектного отличия, структура диалектной речи и лингвистические карты, интерпретация данных лингвистической географии, структура диалектной речи и проблемы выделения языков и диалектов.

Следующим значительным трудом белорусских диалектологов, выполненным под руководством Р.И. Аванесова, явилась "Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак", изданная также в двух частях в 1968–1969 гг. под редакцией Р.И. Аванесова, К.К. Атраховича (Кондрат Крапивы) и Ю.Ф. Мацкевич. Первая часть содержит 80 карт, из которых 70 изображают изоглоссы фо-

нетических, грамматических и лексических особенностей белорусских говоров, а последние 10 карт, выполненные Р.И. Аванесовым, дают представление о группировке диалектов и о диалектных зонах на территории Белоруссии. Вторая часть этого труда содержит развернутые комментарии к картам. В этой части Р.И. Аванесову принадлежат содержательные "Уводзіны" (с. 3–18) и раздел "Групоўка дыялектаў на тэрытоыі Беларусі" (с. 179–206).

Подготовленный в Институте языкознания им. Якуба Коласа АН БССР под руководством Р.И. Аванесова и при его непосредственном участии комплекс исследований по белорусской диалектологии был удостоен в 1971 г. Государственной премии СССР, что явилось авторитетным признанием заслуг белорусских ученых в области языковедческой науки. В числе лауреатов этой премии был и Р.И. Аванесов.

Многие сотрудники Института языкознания АН БССР в процессе работы над диалектологическими исследованиями подготовили под руководством Р.И. Аванесова кандидатские диссертации, а некоторые из них позже стали докторами филологических наук. В своих исследованиях белорусские диалектологи плодотворно использовали мысли и соображения Р.И. Аванесова по разнообразным вопросам диалектологии, высказанные им в публикациях: "Вопросы образования русского языка в его говорах" (1947), "Вопросы методики наблюдения над говорами" (1948), "Лингвистическая география и история русского языка" (1952), "Вопросы лингвистической географии русских говоров центральных областей" (1952), "Общенародный язык и местные диалекты" (1954), "Описательная диалектология и история языка" (1963), "О соотношениях предударного вокализма после твердых и после мягких согласных в русском языке" (1970).

Р.И. Аванесов должное внимание уделял и проблемам истории белорусского языка. Он явился редактором изданной в 1961–1962 гг. в двух частях "Хрэстаматыі па гісторыі беларускай мовы", был также научным руководителем аспирантов и соискателей при подготовке кандидатских диссертаций по истории белорусского языка (в том числе и автора данной статьи). Для исследователей истории белорусского языка ценным теоретическим подспорьем служили такие публикации Р.И. Аванесова как "К вопросам образования русского национального языка" (1953), "Проблемы образования языка русской (великорусской) народности" (1955), "О некоторых вопросах истории языка" (1956), "Вопросы истории русского языка в эпоху формирования и дальнейшего развития русской (великорусской) народности" (1958), "К вопросам периодизации истории русского языка" (1973) и др.

В конце 50-х годов XX в. в восточнославянском языкознании возобновилась историческая лексикография, заметный вклад в которую внес Р.И. Аванесов. Первым наиболее значительным начинанием в этой области стала подготовка "Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.", работа над которым началась в 1957 г. в Институте языкознания АН СССР и затем продолжена в секторе исторической грамматики и лексикологии Института русского языка АН СССР. В то же время украинские лексикографы приступили к составлению "Словника староукраїнської мови XIV–XV ст." В этих условиях нельзя было оставаться в стороне и белорусским языковедам. С 1960 года в секторе истории белорусского языка Института языкознания АН БССР началась подготовка "Исторического словаря белорусского языка", работа над которым продолжается и в настоящее время.

Для составителей белорусского исторического словаря большое значение имеет учет опыта и основных принципов подготовки "Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.", разработанных Р.И. Аванесовым и позже обстоятельно изложенных им в изданном в 1966 г. специальном выпуске под названием "Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Введение, инструкция, список источников, пробные статьи". В пространном "Введении" Р.И. Аванесовым освещены такие вопросы, как хронологический охват словаря, его отношение к другим словарям восточнославянских языков древнейших эпох, отношение к словарям энциклопедическим, толковым и переводным, характер разработки источников, апеллятивный и ономастический материал в словаре, проблема графико-орфографических, фонетических и фонологических вариантов и т.д. Составителям исторического словаря белорусского языка не было необходимости еще раз самостоятельно разрабатывать эти и подобные вопросы, для них оказалось вполне достаточным учесть опыт своих русских коллег и по возможности полнее использовать его применительно к своим условиям. Написанная в основном Р.И. Аванесовым "Инструкция" полностью была использована составителями белорусского исторического словаря. В свою очередь историки белорусского языка принимали посильное участие в обсуждении проекта "Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.", позже писали рецензии на подготовленные к печати отдельные его выпуски.

Для белорусского языкознания первой половины XX в. весьма актуальными были вопросы белорусской орфографии. Проведенная в 1933 г. реформа белорусского правописания, естественно, не могла сразу решить многие спорные вопросы. Недочеты принятого тогда правописания начали выявляться уже в конце 30-х годов, но особенно острым оказался этот вопрос после Великой Отечественной войны, о чем свидетельствуют многочисленные статьи в тогдашней печати. В связи с этим в Академии наук БССР была образована специальная орфографическая комиссия во главе с вице-президентом АН БССР Якубом Коласом. В 1951 г. комиссия опубликовала проект изменений и уточнений белорусского правописания, а в следующем году в Академии наук БССР проводилась республиканская конференция по вопросам орфографии. Свои соображения теоретического характера по этому вопросу Р.И. Аванесов высказал в специальной статье "Пытанні беларускага правапісу", опубликованной в белорусской печати в 1952 г. Соображения выдающегося языковеда были учтены при издании в 1957 г. постановления Совета Министров БССР об уточнениях и частичных изменениях белорусского правописания, которое сохраняет свою силу и в настоящее время.

К сожалению, приходится констатировать, что многих из упомянутых выше русских языковедов уже нет в живых. Для восточнославянского языкознания особенно роковым оказался 1982 год, когда ушли из жизни Р.И. Аванесов, Ф.П. Филин и В.И. Борковский. Это имело трагические последствия и для белорусского языкознания. Начатая во второй половине 80-х годов прошлого столетия пресловутая перестройка заметно отразилась и на языковой ситуации в Белоруссии, где создалась благоприятная почва для разнообразных национал-экстремистских течений и группировок, подвергших решительному пересмотру прежние научные концепции и взгляды. В настоящее время в Белоруссии, как и в Украине, все большее распространение получает убеждение, что в прошлом никакой отдельной древнерусской народности и отдельного древнерусского

языка никогда не существовало, что русский, украинский и белорусский языки выделились в самостоятельные этнолингвистические образования вследствие распада праславянского языка на последней стадии его существования. Уже в начале 1993 г. центральная белорусская республиканская газета "Звязда" утверждала, что понятие "древнерусский народ" придумали русские историки и они использовали его каждый раз, когда возникала необходимость оправдать имперскую политику Москвы, стремившейся всякими путями доказать свое историческое право на Белоруссию и Украину. В связи с такими веяниями в Белоруссии в последнее время преднамеренно сузилось изучение истории белорусского языка. Достаточно сослаться на факт, что в академическом Институте языкознания докторская диссертация по истории белорусского языка была защищена 22 года назад, и есть основания полагать, что в течение ближайших 10 лет подобной диссертации не появится.

В настоящее время одной из особенностей развития белорусского литературного языка является сознательное стремление влиятельных языковедов как можно больше отдалить белорусский литературный язык от русского в области грамматики и лексики. Однако здесь приходится ограничиться лишь несколькими примерами. В "Историческом словаре белорусского языка" общеславянское по происхождению слово *граница* проиллюстрировано шестью десятками цитат из старобелорусских памятников, причем в словаре выделено 6 основных значений этого слова в старобелорусском языке, не считая переносные употребления и фразеологизмы. В словаре широко представлены и дериваты *граниченье, граничити, граничникъ, граничный, заграница, заграниченье, заграничити, заграничный, заграничье, пограниченье, пограничникъ, пограничный, пограничье.* В изданных в прошлом словарях современного белорусского языка еще фиксировались вокабулы *граніца, гранічны, гранічыць, загранiца, загранічны, пагранічнік, пагранічны, пагранічча.* Но в современных белорусских средствах массовой информации эти "русизмы" уже не употребляются, здесь последовательно используются слова *мяжа, межаваць, замежжа, замежны, памежнік, памежны* и т.д. Испокон веков у белорусов было в употреблении слово *цана*, по происхождению родственное литовскому *káina*, известное и другим славянским языкам. Но с начала 90-х годов прошлого века в белорусских газетах уже указывается не *цана*, как было раньше, а только *кошт*, хотя еще в старобелорусском языке четко разграничивались понятия *цена* и *кошт*. Латинское по происхождению слово *минута* впервые отмечено в старобелорусском тексте 1616 г. и затем стало обычным в белорусском языке. В русском языке это слово появилось на целое столетие позже, в петровскую эпоху. Но теперь этот "москализм" уже не встречается ни в белорусской печати, ни на радио, ни на телевидении – он заменен словом *хвіліна*, которого нет в русском языке.

Вместе с тем белорусскому языку навязываются слова, которые не имеют никакого исторического обоснования. Типичным примером этого может служить появление в белорусском языке слова *спадар* как эквивалент русского наименования *господин*. Такое слово никогда не употреблялось белорусами в прошлом. В белорусском языке, как и в украинском, уже с XIV в. закрепилось западнославянское слово *пан*, которое в этих языках сохранялось и в последующие столетия. В Украине это наименование в настоящее время введено в официальное употребление, и делать какие-либо упреки в этом отношении нет оснований. Иначе решился этот вопрос в Белоруссии. Когда в начале фашистской

оккупации в обозе гитлеровских полчищ в Белоруссию вернулись бывшие эмигранты и стали верными прислужниками оккупантов, то коллаборационист-языковед Я. Станкевич и придумал для своих коллег лексическую новацию *спадар*, ибо советизм *таварыш* им явно не импонировал. Знатными *спадарамі* тогда считались Адольф Гитлер, его ставленники гауляйтеры Белоруссии Кубе и Готтберг и их местные прислужники Годлевский, Ермаченко, Козловский, Кушель, Островский, Станкевич и многие другие. Очутившись после войны на Западе, бывшие прислужники оккупантов и их потомки по-прежнему продолжают величать себя *спадарамі*. Под воздействием эмигрантского варианта белорусского языка слово *спадар* стало теперь обычным и в местном белорусском языке, после восхваления его в печати, по радио и телевидению языковеды включили это слово в новейшие белорусские словари, они же образовали и дериват *спадарства*, что соответствует русскому выражению *дамы и господа* (между прочим, во время оккупации этот неологизм еще не употреблялся).

Белорусы старшего поколения протестуют против таких словесных модификаций, но к их голосу теперь никто не прислушивается.

Все же хочется надеяться, что такие неоправданные языковые преобразования окажутся эфемерными, что белорусские языковеды последующих поколений еще обратятся к ценным научным трудам по истории и диалектологии восточнославянских языков Р.И. Аванесова, В.И. Борковского, Т.П. Ломтева, Ф.П. Филина и многих других. Это даст возможность со временем воспроизвести истинную историю белорусского языка, прежде всего его словарного состава, что будет иметь определенное значение и для языковой практики в Белоруссии.

В.А. Плотникова

ПРОФЕССОР РУБЕН ИВАНОВИЧ АВАНЕСОВ
(годы моей аспирантуры: 1943–1945)

В 1937 г. я поступила в МИФЛИ (Московский институт философии, литературы и истории). В это время там преподавали крупнейшие филологи: Д.Н. Ушаков, Р.И. Аванесов, Г.О. Винокур, Д.Д. Благой, А.М. Селищев и др. Первый год был ознакомительным. Нам читали общие курсы: "Общее языкознание", "Введение в литературоведение", "Русский язык (морфология и фонетика)", "Древнегреческая литература" – т.е. те курсы, которые должны были дать нам общее представление о филологии, истории языкознания, русском языке. Следующие курсы (общие и специальные) начинались со 2-го года студенчества. Большая часть студентов выбрала предметом изучения литературу (преимущественно прозу).

Кроме специальных курсов, основными были такие: "Старославянский язык", "Древнерусская литература", "Фольклор", "История русской литературы". Я со своим будущим мужем А.Н. Робинсоном для специального изучения выбрала древнерусскую литературу. Но через 2 семестра я решила глубже за-

няться языком и перешла в семинар Р.И. Аванесова. Выбрали мы для исследования язык "Жития протопопа Аввакума". Но Рубен Иванович заболел, и занятия постепенно прекратились.

На лекции Рубена Ивановича я приходила пораньше, чтобы занять одно из первых мест. Рубен Иванович читал лекции медленно, спокойно и неэмоционально глуховатым голосом. Слушать и записывать лекции за ним было легко. Языковыми предметами интересовались немногие. Одни – действительно интересовались, другие – чтобы сдать экзамен и третьи – просто отсиживали часы лекций, беседуя, читая друг другу свои сочинения (у нас были любители-писатели и авторы стихов – среди них и С.С. Наровчатов). Безразличные и равнодушные, они иногда платились за свое равнодушие. Рубен Иванович, несмотря на близорукость, замечал, кто и где сидит, и кто и чем занят. Принимал он экзамены строго, но справедливо. И некоторым приходилось сдавать несколько раз.

В 1941 г. началась Великая Отечественная война; занятия прекратились, и одни студенты (в том числе и девушки) ушли на фронт – кто бойцами, кто переводчиками и журналистами, кто санитарками; других направили в разные области на трудовой фронт и рытье окопов. Многие погибли, а со многими мы встретились уже после войны.

Нас с мужем направили в Дагестан – на уборку винограда, а до уборки мы работали на железной дороге. Когда работы закончились, мы перебрались (с помощью друзей и знакомых) в Ашхабад, где в то время обосновался Московский университет, слившийся с МИФЛИ в одно учебное заведение.

Занятия нерегулярно проходили в местечке "Киши". Учебный год кончался, сдавались госэкзамены. Многие поступали в аспирантуру, но это не освобождало от службы в армии, и наши юноши отправились после небольшой подготовки кто сразу на фронт (многие под Сталинград), а кто в Черкасское военное училище, разместившееся в Свердловске.

В начале сентября 1942 г. университет переехал в Свердловск (Екатеринбург). Ехали две недели через Казахстан и Узбекистан. Из краев, довольно сытных и очень теплых, приехали в сырой, холодный, перенаселенный и полуголодный Свердловск. Разместили нас в разных местах, вернее "нами уплотнили" местных жителей.

Не все профессора были в Ашхабаде, многие приехали в Свердловск, в том числе Р.И. Аванесов, Г.О. Винокур, Н.К. Гудзий, П.С. Кузнецов. И все надеялись на скорое возвращение в Москву. В Свердловск мы приехали в сентябре. Занятия налаживались трудно, места было мало; в 1 здании два учебных заведения: Технологический институт и наш университет. Еды по карточкам нам не хватало. Приходилось пользоваться рынком, продавая свои вещички; некоторые сдавали кровь (за 200 г крови давали немного сливочного масла и денег).

Аудиторий для наших занятий не было, приходилось устраиваться в уголках чужих аудиторий или на подоконниках.

В Свердловске мы и познакомились с Рубеном Ивановичем как аспирант и его руководитель. Рубен Иванович с приветливой улыбкой рассматривал через роговые очки "новую аспирантку". Мы пожали друг другу руки. У Рубена Ивановича была своя манера здороваться: он немного отводил в сторону правую руку, и поэтому дружеское пожатие всегда получалось с мягким шлепком.

Ещё в Свердловске было решено, что в Москве я перейду к Г.О. Винокуру (но не перешла).

Предметы, которыми интересовался Р.И. – фонетика, фонология, историческая фонетика – не привлекали меня. Я осталась у Рубена Ивановича, и решила заняться историческим синтаксисом. Рубен Иванович дал мне тему: «История условных предложений с союзом "если" в русском языке», предполагая, что эта тема – историко-синтаксическая и связана с формированием союза "если" – на основе перфективной формы "есть – ли". Но памятниками это предположение не подтвердилось, и тема превратилась в историко-лексическую: "История употребления союза *если* в русском языке (на материале памятников XVI–XVIII вв.)".

Дальше я буду пользоваться некоторыми отрывками из писем мужу, которые я писала почти каждый день.

2.06.1943.

В два часа (ночи. – *В.П.*) первого июня мы прибыли в Москву. ⟨...⟩ Около 6 ти часов утра приехали машины и стали забирать наш багаж.

С вокзала мы поехали домой трамваями, в метро нас с вещами не пустили. Ехали по знакомым людным улицам, и, казалось, что никуда и не уезжали из Москвы. Иногда мне казалось, что все это – настоящее – мне снится или снилось – все прошлое.

Москва мало изменилась: она была такая же шумная и многолюдная, суетливая и озабоченная. Молодежь весело и хорошо выглядела, старики подряхлели: среднее поколение выглядело по-разному: одни – хорошо, а другие (их большинство) закалывали юбки английскими булавками, чтобы лучше держались.

Заниматься я пока не начала.

(И как говорила О. Князевская, Рубен Иванович обижен на меня: за 6 дней пребывания в Москве я не собралась зайти к нему.) Рубен Иванович хочет, чтобы я сдала вначале "Общее языкознание" (на основе курса "Лингвистического учения" де Соссюра), а затем уже спецвопросы по синтаксису. Работать очень хочется, но в то же время страшно: чувствую робость и неуверенность в своих силах.

2.07.1943. Мы с Клавой (К.В. Горшковой) были в Городском педагогическом институте на заседании кафедры русского языка и литературы. Одна из аспиранток (А.Г. Широкова) читала доклад по своей диссертации. Пишет она о говорах юго-восточной Словакии. Тема очень сложная: в говорах наблюдается сложное сочетание диалектов (или языковых черт) многих языков: польского, словацкого, украинского, венгерского и др.

Кроме обязательных занятий с Гр. Ос. мы старательно посещаем (я – хуже, много пропускаю) заседания кафедры русского языка.

17.09.1943.

Начала читать де Соссюра. И сейчас все эти дни хожу и думаю о "своем" Соссюре, засел он у меня в голове, все выдумываю критические замечания, много их у меня накопилось, но все кажется таким необоснованным. На этой неделе буду подавать реферат (громко сказано!) на тему: "Лингвистическое учение де Соссюра", половину я написала, читала Рубену Ивановичу, он сказал, что хорошо и правильно, но я ему не поверила; наверное, он меня не расслышал. Вопрос этот его не интересует, он хочет, чтобы я поскорее закончила с ним и принялась за следующий: вопросы "сочинения и подчинения в современном русском языке".

24.10.1943

Вчера мы долго разговаривали с Рубеном Ивановичем; я провожала его в столовую, мы шли и разговаривали обо всем – о дальнейших планах, о порядке спецвопросов, об изучении и сдаче языков, о нашем трудоустройстве.

2.11.1943. Несмотря на войну, Москва (особенно к весне) жила активной театральной жизнью. Возвращались театры, оркестры, при этом и Ленинградские, и др., бывшие в эвакуации, часто задерживались в Москве.

5-го мая 1944 г. в Консерватории будут исполняться Пятая симфония и первый фортепианный концерт, а 11-го – Шестая симфония и скрипичный концерт Чайковского. На 11-ое я пригласила Винокура с женой и Рубена Ивановича, не знаю только, пойдет ли он, боюсь за него: он ведь так ни разу и не слушал симфоническую музыку. Лидия Моисеевна, смеясь, сказала мне: "Что же, Вера, пытаетесь организовать эту молодежь??". Да, пытаюсь.

Примечание. 4.04.1944. ⟨...⟩ 11-го апреля хочу пойти на концерт Чайковского (Шестая симфония, концерт для фортепиано с оркестром). В ноябре 1943 г. отмечалось 50-летие со дня смерти П.И. Чайковского, в связи с этим в Консерватории состоялась целая серия прекрасных концертов с участием лучших пианистов и дирижеров. Хочу затащить на концерт и Рубена Ивановича. Ему страшно хочется послушать музыку, но он боится. Достала на 11-ое апреля билет и ему.

14.04.1944. Вчера заезжала к Рубену Ивановичу, немного мы с ним поговорили, и он меня очень огорчил тем, что забыл о концерте 16-го (А какой концерт!) и назначил вместе со Щербой диалектологическое заседание. Ему хочется послушать органный концерт А.Ф. Гедике; попробую достать билеты.

12.02.1945.

На днях ходила на доклад Рубена Ивановича, посвященный фонетике (физиологии звуков), описательной диалектологии и исторической диалектологии, где он отдельно коснулся среднерусских говоров. Рубен Иванович полемизирует с Шахматовым – это было основной темой его доклада на кафедре. К сожалению, у меня от доклада не осталось стройного впечатления. Я была очень усталой.

Занятия идут трудно. Не знаю, как будет дальше. Страдает мое самолюбие (ох, уж это самолюбие!). Клава (Горшкова) занимается с интересом и знает гораздо больше меня. Рубен Иванович, обращаясь к ней, получает ответы, я же отвечаю не всегда. Вообще Рубен Иванович требователен, но и снисходителен; интересуется нашими делами и сочувствует нам, заботится о нас. Иногда он и хочет сделать кому-нибудь из нас выговор за отставание (подружки мне об этом говорят), но только посмотрит хмуро через очки – и все.

17.09.1944. Рубен Иванович очень мною недоволен: я отстаю и со сдачей языков (чешский, болгарский, украинский и белорусский). Но наши успехи приносят ему удовольствие, и он делится ими с Лидией Моисеевной. "А, знаешь, Лиля, – говорит он, – Вера сдала украинский лучше, а белорусский – хуже". Или – после сдачи общего курса русского языка (в кабинете Гр. Осипов.) – "А, знаешь, Лиля, – Вера отвечала не хуже Рали" (Цейтлин).

На фронте дела лучше, и на душе стало легче. Часто наши занятия с Рубеном Ивановичем начинались с обсуждения военных успехов. "Рубен, – оповещала Лидия Моисеевна, – Вера пришла, доставай карту". Мы с Рубеном Ивановичем покрывали картой с обозначением военных действий стол и аккуратно отмечали наши успехи, красными карандашами или булавками.

28.09.1943. Да, ты знаешь, какая радость у Клавы: ее папа и бабушка в Таганроге, живы и здоровы, папа работает там же, где работал и до войны. Клава так довольна, теперь и у нее есть близкие, и у нее есть дом! (Оля – сестра Клавы смогла приехать в Свердловск, но ведь это только часть семьи, хотя и очень дорогая).

18.05.1944. У нас дали две стипендии. Выдвинули Клаву и Ралю Цейтлин (ее отвели из соображений неакадемического порядка). "А почему Вы Веру не выдвинули?" – спросил Н.К. Гудзий. Рубен Иванович ответил, что по данным этого года я достойна стипендии (переоценил!), но, к сожалению, у меня есть задолженность. Н.К. (вот неугомонный!) опять спрашивает: "Ну, а как голова-то варит?" "Варит, варит", – отвечает Рубен Иванович. "Ну, ничего, – решает Рубен Иванович. – Мы ей на будущий год дадим". Да кто же теперь загадывает? Вот, может быть, мы с Клавой поедем в диалектологическую экспедицию в Рязанскую область – это будет отдых, а так отдыхать нет возможности.

23.10.1944. Была у Рубена Ивановича. Встретились мы хорошо, он пока не говорит об отпуске, а я тоже (я ждала ребенка) не распространялась. Начну готовить диалектологию. Рубен Иванович, наверное, в начале августа уедет в Галич, и мне хочется сдать ему диалектологию (общий курс).

31.05.1945.

Сегодня вечером пойду к Рубену Ивановичу, поговорю с ним об учебных делах и предложу свои услуги в делах домашних, всяких сборах в дорогу (поездка в Галич).

Вчера у нас вышла занятная история. Сидим мы: я, Клава, Рубен Иванович и Лидия Моисеевна. Разговариваем больше, чем в полный голос. Говорили о Сам. Бор. (Бернштейне), о том, что Сам. Бор. напечатал статью под псевдонимом С.А. Одинцов. Клава все интересовалась, как же зовут С.Б., как его теперь называть. ⟨...⟩ Мы решили, что разговоры о перемене фамилии, по-видимому, только слухи. Я кричу: "Это Кузнецов пустил такую утку", – потом опять второй раз: "Это Кузнецов пустил эту утку!" И вдруг сильный щипок. Я замолчала. В комнате стоит С.Б. Как мы смутились! Он, по-видимому, стучал, а мы в увлечении не слышали, тогда он и решил появиться. Я покраснела, Л.М. и Клава тоже, а Рубен Иванович, оживленный и веселый, приятно улыбнулся и сказал, протягивая руку: – "А, Самуил Борисович, – здравствуйте, дорогой; что-то Вы рано пришли". А куда там рано, в 9 часов, как ему было назначено.

Война закончилась. Многим из Горпеда понравилось отдыхать в Галиче. Но Рубен Иванович был увлечен работой и ехать не хотел. Ни на что не надеясь, я спросила, не поживет ли он у нас в Серебряном Бору. И, к нашей общей радости, он согласился.

Это был уже 1946 г., надо было готовиться к новой жизни, к новой работе. С сентября, благодаря рекомендации Рубена Ивановича, меня приняли на работу в Городской педагогический институт.

Около 50 лет моей жизни прошли вблизи Рубена Ивановича. У него я училась в Институте и почти 2 года каждый день встречалась с ним в Свердловске, будучи аспиранткой. Он меня направил на тот путь, по которому я продолжаю идти и сейчас. Правда, дороги наши разные – но обе – филологические. Спасибо Ему большое.

В застекленном шкафу в рамочке стоит фотография Рубена Ивановича, с которой смотрят на меня добрые глаза из-под тяжелых роговых очков. Фотография напоминает те далекие годы, Серебряный Бор, где Рубену Ивановичу очень нравился большой медный самовар и вечерние чаепития. Как жаль, что все это было так давно!

Спасибо Вам, дорогой Рубен Иванович; спасибо за заботу, доброту и доброжелательность. Недаром уже 200 лет звучат слова К. Батюшкова:

О память сердца! ты сильней
Рассудка памяти печальной!

II

Архивные материалы

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Предисловие, подготовка текстов и примечания О.В. Никитина

Р.И. Аванесов

ОТЗЫВ НА "ПРАВИЛА УПОТРЕБЛЕНИЯ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ" А. М. СУХОТИНА

Публикуется впервые по машинописной копии без подписи (РГАЛИ. Ф. 454. Оп. 1.Ед. хр. № 77. Лл. 1–1 об., 4). При воспроизведении текста нами сохраняются следующие особенности: примеры, подчеркнутые в машинописи, даются курсивом, незначительные сокращения раскрываются в угловых скобках, орфография документа остается без изменений.

* * *

"Правила употребления знаков препинания" А.М. Сухотина составлены с большим знанием дела и научной добросовестностью. Они насыщены большим количеством предложений, всегда интересных и в значительной мере целесообразных. Однако задача, которую взял на себя автор, очень сложна и совершенно не разработана в науке. Поэтому многое в русской пунктуации остается спорным и после работы т. Сухотина.

Прежде всего принципиальный вопрос о том, из чего следует исходить при формулировке правил. Здесь возможно несколько путей: 1) соотносить знаки препинания с тем, что они обозначают (т.е. обращаться к смыслу); 2) соотносить знаки препинания с тем, что им обычно соответствует в устной речи, т.е. с *интонацией,* и лишь через интонацию обращаться к смыслу); 3) не соотносить знаки препинания со смыслом ни прямо, ни через фонетическую сторону устной речи, а лишь указывать на формальные грамматические приметы их употребления. Авторы "Проекта реформы правописания" Главнауки (1930) идут в основном по первому пути (поэтому они говорят, напр., что точка *обозначает* то-то). Пешковский в известный период своей деятельности придавал наибольшее значение интонации. Автор рецензируемых "Правил" идет по третьему пути. Отсюда – для него обычны такие формулировки, как "точка употребляется на конце законченного предложения" и т.д. Однако сделать это последовательно он не может: в ряде случаев он обращается то к интонации, то к различным смысловым моментам.

Напр., в § 1 сказано, что точка ставится на конце законченного предложения, кроме тех случаев, где надо ставить вопросительный или восклицательный знаки.

В § 6 говорится, что вопросительный знак ставится "после прямого вопроса, в том числе и реторического[1]". В § 7 – что восклицательный знак ставится "в конце предложения с восклицательной *интонацией*". Почему интонация в одном из приведенных случаев служит исходным моментом, а в других игнорируется? Ведь она *одинаково* существенна для *всех* этих случаев: в устной речи она может слу-

[1] Такое правописание в тексте. – *О.Н.*

жить *единственным* средством, определяющим характер фразы, таким же, каким на письме может быть точка, вопросительный и восклицательный знаки.

Далее: что такое прямой вопрос. Чем он отличается от косвенного. Сравни примеры автора: "Всю ночь я думал: кто бы это был. Всю ночь я думал, кто бы это был". Эти фразы глубоко различны грамматически: первая из них *двупланна*: она состоит из двух частей, из которых 1-я заключает в себе слова автора, вторая – подлинную "фразу" говорящего (они реально совпадают, но грамматически различаются); во второй фразе такой двупланности нет; она целиком представляет собой роль автора. Это различие в устной речи выражено особыми интонациями, а в письменном языке – различными знаками препинания. Поэтому никак нельзя согласиться с автором, что в этих примерах "различие между вопросом косвенным и прямым чисто пунктуационное" (см. § 6, п. 1, примечание 1; § 4, п. 3).

Интонация прорывается и в некоторых других местах. Например, § 2, п. 16, § 4, п. 1, примеч⟨ание⟩ 1, § 7, п. 1.

С другой стороны, автор не может не обращаться нередко к смысловой стороне, формулируя некоторые свои правила вроде следующего: "Многоточие употребляется *для обозначения* незаконченности высказывания" (см. также многочисленное "Для" в заголовках).

Система употребления знаков препинания, как она исторически сложилась в русском языке, опирается в одних случаях на интонацию, в других на структуру предложения, в третьих, непосредственно на смысл (причем в последнем случае знаки препинания обозначают то, что в устной речи остается невыраженным). В соответствии с этим и правила нужно формулировать то исходя из интонации (если она является выразителем данного грамматического значения), то из синтаксической структуры, то обращаясь непосредственно к смыслу. Нельзя все строить на интонации, но игнорировать ее в ряде случаев мне представляется неправильным. Сюда относятся случаи, указанные выше и некоторые другие: напр., § 2, п. 7, примеч⟨ание⟩ 1 – при формулировке правила с запятой при сложных союзах *потому что* и др. нельзя обойтись без интонации, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ именно ею определяется место постановки запятой. Сказать, что запятая ставится в середине союза, "Когда требуется нарочито подчеркнуть причину, срок, условия и т.д.", по меньшей мере не точно, если не неправильно: здесь нет *грамматического* подхода, "подчеркнуть причину" и пр. можно разными способами. ⟨...⟩.

ОБЩИЙ ВЫВОД

Работа т. Сухотина безусловно представляет большой интерес. Целый ряд его практических предложений вполне целесообразен. Однако имеются и спорные положения, которые необходимо пересмотреть, а также отдельные неточности, неудачные формулировки, нуждающиеся в исправлении. Настоящие "Правила" нужно доработать и в отношении насыщения их достаточным количеством примеров, улучшения (облегчения) их языка.

Что же касается до вопроса о напечатании "Правил", то он не может быть разрешен без согласования с Наркомпросом, который ведет сейчас большую работу по унификации нашего правописания.

Проф. Аванесов

8/XII–35 г.

Р.И. Аванесов

ВОПРОСЫ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ

Публикуется впервые по авторизованной машинописи (Архив РАН. Ф. 502. Оп. 5. Ед. хр. № 1) с многочисленными вставками и приписками автора, которые вносятся нами в текст без комментариев. Настоящий фрагмент представляет собой извлечение из большой статьи Р.И. Аванесова, первоначально озаглавленной автором "Вопросы русской орфоэпии". Как следует из документа, работа была прислана Д.Н. Ушакову, по-видимому, для оценки. В левом верхнем углу л. 1 приписано: "Печатать" (далее следует подпись Р.И. Аванесова). Данная статья – один из наиболее ранних из известных нам опытов ученого по исследованию системы произношения русского литературного языка (датируется 1937 г.). При воспроизведении текста нами сохраняются следующие особенности: примеры, подчеркнутые в машинописи, даются курсивом, незначительные сокращения раскрываются в угловых скобках, наши вставки даются в квадратных скобках.

* * *

Вопросу о правильном произношении (орфоэпии) у нас не уделяется почти никакого внимания.

Между тем, правильное произношение – не роскошь, не излишество, выдуманное специалистами, а такая же практическая необходимость, такое же важное дело, как и орфография.

В самом деле: наша речь реализуется либо в звучаниях (устная речь), либо в зрительных образах (письменная речь). В первом случае она воспринимается через звуки, во втором – через буквы или вообще графические знаки. Анархия в произношении так же недопустима, как и в письме: язык как средство общения будет полностью удовлетворять своему назначению только в том случае, если все элементы его будут содействовать правильному, быстрому, мягкому общению между людьми.

Всем известно, что неграмотные написания мешают чтению, тормозят понимание написанного. Неграмотное письмо может даже привести к неправильному пониманию (см. написание *в лесу – в лису, волы – валы, разрядил – разредил, компания – кампания* и др.). Точно также и неправильное произношение мешает языковому общению. При восприятии устной речи обычно мы не фиксируем внимание на ее звуковой стороне, непосредственно воспринимая смысл. Неправильное же произношение отвлекает слушателя от смысла, заставляет его обращать внимание на звуковую сторону, а иногда даже может повести к неправильному пониманию. Например, есть говоры, где предлог *у* произносится как *в*, и, таким образом, сочетание *в местности* приобретает два значения: "у местности" и "в местности". Другой пример: в ряде говоров, а также в индивидуальном произношении лиц, владеющих литературным языком, вместо мягких губных произносится твердый губной: *кро́ф, л'юбоф* вместо *кроф', л'юбоф'*[1]. В устах таких лиц фраза *готоф с'ич'ас* также двусмысленна: она может обозначать "готов сейчас" и "готовь сейчас"[2].

[1] См. у Шахматова, "Очерк современного русского литературного языка", 3-е изд. [М.], Учпедгиз, 1936, стр. 67 (здесь и далее примечания автора. – *О.Н.*).

[2] Практически неправильности в произношении, как и орфографические ошибки, очень редко могут повести к неправильному пониманию, так как значение слова определяется не только самим данным словом, но и строением предложения, значением всех его слов и, наконец, всем речевым контекстом.

Правильное произношение, как и правильное письмо, содействует наиболее быстрому и легкому языковому общению: напротив того, неправильное произношение и письмо затрудняют его.

Исключительное внимание нашей школы к орфографии понятно: малограмотность д⟨олжна⟩ быть ликвидирована в кратчайший срок. Но давно уже пришло время поднимать также культуру устной речи и, в частности, развивать правильное произношение.

Правильное произношение, как и правильное письмо, являются неотъемлемыми сторонами литературного языка. Их задачи заключаются в том, чтобы минуя все индивидуальные особенности речи, а также особенности местных говоров, быть средством наиболее широкого общения. Поэтому обучение правильному произношению также необходимо, как и обучение правописанию. Сознательное культивирование правильного произношения (в школе, на радио, на сцене, в кино) имеет огромное практическое значение в деле приобщения малограмотных масс трудящихся к литературному языку, в деле постепенного уничтожения противоположности между языком города и деревни. ⟨...⟩.

ПИСЬМО Р.И. АВАНЕСОВА Е.Б. ТАГЕРУ 1923 г.

Публикуется впервые по автографу Р.И. Аванесова фиолетовыми чернилами на двойной листе небольшого формата (РГАЛИ. Ф. 2887. Оп. 1. Ед. хр. № 45. Лл. 1–1 об. – 2–2 об.).

* * *

Р.И. АВАНЕСОВ – Е.Б. ТАГЕРУ

[Москва]

Женя, вчера получил твое письмо (от 25 авг⟨уста⟩). Долго соображал, отвечать или нет? Наконец, решил отвечать, хотя и почти уверен, что письмо мое почти, наверное, до тебя не дойдет.

Но ввиду того, что письму своему я не придаю особого значения и не думаю, что ты[1] после моей смерти издашь его, я и решаюсь писать.

Впрочем, я уверен, что не сегодня, так завтра или послезавтра я тебя увижу здесь в Москве.

Жду очень тебя и твоей бамбуковой палочки, крепость и гибкость которой я с удовольствием испытаю на себе. Действительно, сто́ю я этого. Так глупо было все с моей стороны. Если б я еще что сделал в Москве, а то ничего ровно!

1ого сент⟨ября⟩ у нас началась сессия. Я хочу чего-нибудь сдать, да все не соберусь. Как ты думаешь быть с минимумом и т.п.? Ведь теперь на этот счет гораздо строже.

Тебе, кажется, не останется ничего другого, как "работать" и подать соответствующее заявление?

Впрочем, это не суть важно.

---

[1] Далее в строке написано и зачеркнуто: его.

У нас в Москве все лето были дожди, и только в последнюю неделю наста-ла хорошая погода.

Я не делаю ровно ничего. Впрочем, каждый день ходил в исторический, но, по правде сказать, ходил не для того, чтоб заниматься, а совсем по другим це-лям: ходил просто посидеть и побеседовать с одной очень симпатичной библио-текаршей (студенткой архео⟨логического⟩ отд⟨еления⟩). Теперь (с 1го)[2] она не работает уже [в] библиотеке (а в другом отделе), и потому я, кажется, приношу свои "ученые занятия".

Только что прочел "Хождение по мукам" Ал. Толстого. Читал ли ты? Очень мне понравилось. Мне лень об этом романе[3] писать, потому что только вчера я об этом подробно писал Лиле[4]. Если ты не читал, очень советую прочесть.

От Лили я изредка получаю письма. Последнее получил позавчера. Вчера я ей отвечал. Она пишет, что получила только что от тебя письмо. Из наших ни-кого почти не вижу[5], кроме разве Кобса и то очень изредка.

На днях приехал Городский[6].

Занятия у нас начнутся еще не скоро.

Все, что ты пишешь о своих путешествиях[7], всякого рода своих приключе-ниях, о море, о горах и т.д., все это вызывает во мне чувство бесконечного со-жаления, что я, в сущности, по глупости своей не поехал никуда. Действительно стоит меня как следует твоей бамбуковой тростью[8].

Женя, уверен, что это письмо не дойдет, хотя и пишу.

Прости, что пишу так кратко. Это потому, что вчера я написал довольно большое письмо Лиле и писать сегодня опять лень.

Ну пока; на днях, наверное, увидимся.

P.S. Тепло. Х. я давно очень не видел. Не знаю, приезжала ли она в Моск-ву – ко мне не заходила.

3/IX, 23 г.

"ДАВАЙТЕ БУДЕМ ДРУЗЬЯМИ, КАК КОГДА-ТО..."
(из переписки Р.И. Аванесова с Н.М. Малышевой и В.В. Виноградовым)

Публикуется впервые.

При воспроизведении текста мы сохранили авторский стиль и по возможности пунктуацию, а также всю орнаментику писем. Подчеркивания литер в примерах заменены нами курсивом. Сокращения раскрываются в угловых скобках, незначительные вставки публикатора даются в квадратных скобках.

---

[2] Дата, заключенная автором в скобки, приписана над строкой.
[3] Далее в строке написано и зачеркнуто: подробно.
[4] Лидия Моисеевна Полак (жена Р.И. Аванесова).
[5] Далее в строке написано и зачеркнуто: изредк[а].
[6] Запись фамилии неразборчива, прочтение предположительное.
[7] Далее в строке написано и зачеркнуто: при.
[8] Так в тексте письма.

1. Р.И. АВАНЕСОВ – Н.М. МАЛЫШЕВОЙ

13. V. [19]43

Милая и дорогая Надежда Матвеевна!

Я был очень-очень рад Вашему хорошему письму, всем подробностям Вашей жизни и быта (вплоть до формы посудины, в которой носите суп). Многое нам очень знакомо по жизни в Козьмодемьянске, а кое о чем мы только мечтали (о такой посудине[1], т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ нам приходилось таскать в обыкновенной кастрюльке).

Извините меня, пожалуйста, за мою неаккуратность в ответе на Ваше письмо. Я уже объяснил причины этого в письме к Викт⟨ору⟩ Вл⟨адимирови⟩чу. Сейчас мы в состоянии предотъездной лихорадки. Впрочем, она началась уже довольно давно, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ срок нашего выезда несколько раз оттягивался. Теперь фиксировано уже число – 26^{e} мая; так что я надеюсь быть около 1/VI в Москве. Очень хочется знать о Ваших перспективах. Я просил Викт⟨ора⟩ Вл⟨адимирови⟩ча и Вас прошу написать мне в Москву. Может быть, я чем-нибудь мог бы помочь в Ваших делах московских? Вы знаете, Надежда Матвеевна, что это не пустые слова. Я прямо был бы счастлив, если бы мне удалось приблизить хоть немного Ваше возвращение в Москву или улучшить Вашу жизнь вне Москвы пока. Напишите мне, не стесняясь обо всем. Я боюсь, что Викт⟨ор⟩ Вл⟨адимирови⟩ч, исходя из наших принципиальных несогласий кое в чем, может не захотеть обращаться ко мне. А по-моему, принципы принципами, а личные отношения личными отношениями. И никакие принципиальные разногласия, мне кажется, не могут мешать хорошим, дружеским отношениям. А с Вами-то у меня никаких и разногласий-то нет. Кроме огромной симпатии, большого тяготения к Вам (как мы ни различны внешне по характеру – но Ваша эксцентрика и изломы души мне очень близки), любви, уважения и даже почти преклонения – нет у меня других чувств к Вам.

Простите, что пишу наскоро, кратко: сейчас не пишется. Напишите в Москву мне о том, где и как Вы будете дальше, а также обо всем, что следовало бы делать для Вашего возвращения.

Ваш Р. Ав⟨анесов⟩

Лидия Моисеевна[2] шлет Вам и В⟨иктору⟩ В⟨ладимирови⟩чу привет[3].

Архив РАН. Ф. 1602. Оп. 1. Ед. хр. № 528. Л. 1. Автограф голубыми чернилами на тетрадном листе в клетку.

---

[1] Далее идет зарисовка "посудины": цилиндрической формы небольшой сосуд, несколько удлиненный.

[2] Жена Р.И. Аванесова.

[3] Строка приписана вдоль левых полей поперек листа.

2. Р.И. АВАНЕСОВ – В.В. ВИНОГРАДОВУ

18. II. [19]43

Дорогой Виктор Владимирович!

Уже очень давно собираюсь Вам написать. Долгое время я не знал Вашего адреса. Потом – когда узнал от Гудзия – настало время моего отъезда из Козьмодемьянска, где я провел год, затем трудности устройства здесь – все это отвлекало, да и трудно было как-то собраться, не зная, с чего начать – так много[4] пережито за последнее время и в общем плане (война) и в личном (болезнь моя и ее последствия). Мешала и неровность в наших отношениях в последние годы и ощущение – простите за откровенность – полного безразличия Вашего к моей особе. Но вот я все же собрался (а Вы-то, наверное, так бы никогда и не собрались?).

Кратко сообщу о себе. Прошлый год провели мы в Козьмодемьянске (на Волге). Там я работал в Марийском пед⟨агогическом⟩ ин⟨ституту⟩те. Работы было много, и неинтересной. Условия[5] жизни там[6] неровные, но в общем, привлекательного было мало. Самое тяжелое – было малокультурное окружение, склочный коллектив (правда, институтские склоки нас не касались, но это малоприятно). Поэтому когда Университет переехал в Свердловск и оказалась возможность вернуться в него (т.е. в бывшее ИФЛИ[7]) – я охотно это сделал. Здесь нам в бытовом отношении тоже нелегко. Тут свои своеобразные трудности, о которых долго, да и неинтересно для Вас писать. Но в остальном я доволен: работа интересная, свой коллектив, свой факультет, где я много лет проработал, культурное наше московское окружение, много знакомых.

За это время я сколько мог и работал (правда, почти без книг, больше по своим материалам) – занимался несколькими вопросами слав⟨янской⟩ фонетики доисторич⟨еской⟩ эпохи, несколькими вопросами историч⟨еской⟩ фонетики р⟨усского⟩ языка ([8]отчасти в связи с своими диалектологическими наблюдениями), вопросом о происхождении и составе средневеликорусских говоров, о классификации р⟨усских⟩ говоров в связи с более общим вопросом о классификации диалектов вообще. Сейчас занят (в свободные часы – а их мало, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ очень много времени уходит на всякого рода хозяйств⟨енные⟩ заботы) этим последним вопросом. Если бы Вы знали, как шатка классификация р⟨усских⟩ говоров и как нелогично их выделение! По какому, напр⟨имер⟩, принципу выделяются ср⟨едне⟩в⟨елико⟩р⟨усские⟩ говоры? Или – ю⟨жно⟩в⟨елико⟩р⟨усские⟩ говоры? Четких принципов нет. Если установить также признаки, наличие кот⟨оры⟩х позволяет отнести данный говор к той или иной р⟨усской⟩ группе, то кое-что "сдвиндел" с своего места – изменится объем понятий "ср⟨едне⟩в⟨елико⟩р⟨усские⟩ говоры" и "ю⟨жно⟩в⟨елико⟩р⟨усские⟩ говоры".

Из вопросов фонетики р⟨усского⟩ языка отмечу вопрос о "переходе" *е* в *о*, которым я занимался в[9] прошл⟨ом⟩ году. Исходя из своих некоторых наблюдений над совр⟨еменными⟩ говорами, а также из[10] других материалов, я пытаюсь

---

[4] Далее в строке начало недописанного слова зачеркнуто.
[5] Далее в строке написано и зачеркнуто: там.
[6] Написано над зачеркнутым в строке словом *были*.
[7] Институт философии, литературы и искусства.
[8] Впереди начало недописанного слова (в свя[зи]) зачеркнуто.
[9] Буква приписана над строкой.
[10] Слово приписано над строкой.

дать новое объяснение эт⟨ом⟩у явлению. Шахматовское объяснение (которое в основном восходит к Фортунатову)[11] мне не кажется удовлетворительным сейчас. С каким бы удовольствием я рассказал[12] Вам свои мысли и предположения и посоветовался бы. К сожалению, в письме это невозможно. Занимался также историей *и* и *ы* (историей их функционального сближения), заударным вокализмом р⟨усского⟩ языка, отметил кое-какие детали в типах ю⟨жно⟩в⟨елико⟩р⟨усского⟩ яканья, а также приводил в порядок и обрабатывал свои диалектологические материалы двух предвоенных лет.

Вот Вам краткий отчет. Очень хотел бы знать о Ваших работах этого времени. Со слов Гудзия и Федорца знаю, что Вы не потеряли это[13] время и написали большую книгу, кажется, о р⟨усском⟩ языке др⟨евнего⟩ периода. Что это? Курс ист⟨ории⟩ р⟨усского⟩ литературного языка др⟨евнего⟩ периода или монография? Как Вы писали без книг?

Со слов тех же Гудзия и Федорца знаю, что Вам нелегко приходится. Мне кажется, надо утешаться тем, что бóльшая часть трудностей позади, да и по времени тоже. Дела на фронте сейчас очень хороши, и – думаю – скоро мы вернемся все. Гудзий говорил, что Вы мечтаете вырваться из Тобольска. Я Вас очень понимаю, но ⟨...⟩[14] наш Козьм⟨одемьянск⟩ хоть и на Волге, но для нас был чем-то вроде сибирской ссылки. Но тобольские условия жизни и работы надо переменить на *лучшие*, а не лишь бы уехать. Надо возвращаться в Москву на свою[15] работу, а не ехать лишь бы куда. Если сегодня нет возможности ехать в Москву, то лучше подождать немного, а не ехать в какое-то новое место и оттуда уже начать думать опять о возвращении домой (переезды, а главное устройство на новом месте отнимает массу сил)[16]. Мне Гудзий говорил, что Вы хотели бы хотя бы в Казань перебраться. Я Вам очень бы не советовал. Поверьте, что там во многих отношениях труднее будет Вам жить, чем в Тобольске (я там недавно проездом)[17]. Туда стоило бы ехать только в том случае, если бы Вы решили бы вообще там остаться (чего – думаю – Вы не сделаете). В Моск⟨овском⟩ госуд⟨арственном⟩ пед⟨агогическом⟩ ин⟨ститу⟩те нужен заведующий кафедрой, и я думаю – рано или поздно Вас они вызовут. Они уже, кажется, понимают, что Устинов, Никифоров и даже "доктор" Абакумов не годятся. Гудзий, кот⟨орый⟩ сейчас уехал в командировку в Москву, собирался там о Вас говорить с Клабуновским (в НКП[18]). Возможно, в конце марта или в нач⟨але⟩ апреля я поеду в Москву и тогда я поговорю, если удастся, с Котляровым о том же.

С кем Вы переписываетесь? Мне пишут много из Москвы, из немосквичей получаю иногда письма от Обнорского, Щербы, Бархударова (последний очень

---

[11] Фрагмент, заключенный автором в скобки, приписан над строкой.
[12] Далее в строке написано и зачеркнуто: бы.
[13] Слово приписано над строкой.
[14] Далее одно слово написано неразборчиво.
[15] Далее начало недописанного слова (серь[езную]) зачеркнуто.
[16] Фрагмент, заключенный автором в скобки, приписан над строкой.
[17] Фрагмент, заключенный автором в скобки, кроме первого слова, приписан над строкой.
[18] Народный комиссариат просвещения.

редко). Получил одно письмо от Ларина (которое шло несколько месяцев) и недавно ответил. Раза два писал мне короткие открытки Лоя из Горького – я ему отвечал. Где Серг⟨ей⟩ Игн⟨атьевич⟩ Бернштейн? Что Вы о нем знаете? С Булах⟨овским⟩ однажды Лидия Моисеевна обменялась письмом. Я ему давно собирался написать.

Давайте будем друзьями, как когда-то. Я не вижу ничего такого (не только сейчас, но и во все годы нашего знакомства), что бы мешало этому. Были разного рода привходящие обстоятельства, никогда не касавшиеся существа наших отношений (по крайне мере, моего отношения к Вам). Я всегда Вас оценивал и оцениваю одинаково, считая Вас едва ли не наиболее крупным специалистом по русскому языку (хотя и не все Ваши труды мне одинаково по вкусу). Но я был бы неискренен, если бы я сказал, что в чертах Вашего характера я не вижу недостатков. Они у Вас[19] есть (как и у всех)[20] и, поверьте, они Вам очень мешают: если бы не они, то Вы должны бы быть деятелем, вокруг которого группировались бы работники нашей науки, который мог бы организовать работу большого коллектива... Хорошо было бы, чтобы в будущем в Москве не было так, как было: "мы", "Вы" и т.д., а было бы одно большое "мы": ведь сколько работы во всех областях, для всех ее хватит, нужно ее ввести только в известное русло. И Вы один из тех немногих людей, которые это могли бы сделать.

А людей у нас становится все меньше и меньше: умер Сухотин, умер Ушаков, умер, наконец, Селищев. Потерю каждого я по-особенному ощущал. Но самая свежая потеря всегда кажется самой тяжелой: какая несправедливость смерть Селищева (ведь ему всего 56 лет!), буквально "на ходу" – он очень много еще мог дать; сколько осталось незавершенного у него! Хотелось бы, чтобы его архив остался цел – там есть готовые труды, напр⟨имер⟩, курс старослав⟨янского⟩ языка, кот⟨орый⟩ обязательно надо будет издать, когда придет время. Мы с ним были большие друзья, он мне очень много писал после моего отъезда, и Москва для меня без него опустела: долго еще мне не будет хватать его...

Ну[21], написал достаточно для первого раза. Пора бы и кончать. Буду очень рад, если и Вы мне напишите.

Ваш Р. Аванесов

Лидия Моисеевна шлет Вам привет.

Там же. Лл. 1–1 об. – 2–2 об. – 3. Автограф голубыми чернилами на небольших листах в клетку.

---

[19] Слово "у Вас" приписано над строкой.
[20] Фрагмент, заключенный автором в скобки, приписан над строкой.
[21] Далее одно слово в строке написано и жирно зачеркнуто. Запись неразборчива.

3. Р.И. АВАНЕСОВ – В.В. ВИНОГРАДОВУ

Дорогой Виктор Владимирович!

Простите, что так долго не отвечал на Ваше письмо: это было вызвано совершенно случайными обстоятельствами – Ваше письмо заставило мне многое передумать, на многое дать ответ, проверить еще раз себя, своих друзей и окружающих лиц. Не скрою от Вас, что на многое и многих я смотрю иначе, чем Вы. Но считаю, что это не может мешать нашим с Вами отношениям. Так как[22] со многими положениями Вашего письма я не согласен, то хотел Вам написать обстоятельный ответ. Однако письмо Ваше получалось в дни, когда у нас гостил один знакомый из Казани, приехавший в командировку в Свердловск. Он прожил у нас больше 3^{x} недель – и совершенно выбил из коллеи[23] нас – ничего при нем делать нельзя было, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩[24] живем в одной маленькой комнате, он был все время дома. Когда он уехал (около 20 апр⟨еля⟩), у меня уже пыл остыл к подробному ответу, да тут еще пошло предотъездное беспокойство – мы все в Москву собирались со дня на день (об этом ниже) и все откладывалось. Наконец, я взялся за перо... чтобы объяснить все это, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ обсуждать по существу то, что было в наших предыдущих письмах, трудно, долго (много надо писать), и лучше обо всем хорошенько поговорить, когда встретимся в Москве. Когда это может быть?

О нас могу сообщить следующее: я собирался в нач⟨але⟩ мая в Москву в командировку, но около 1/V пришло распоряжение о немедленной реэвакуации Моск⟨овского⟩ ун⟨иверсите⟩та. Уже несколько раз отодвигался срок отъезда. Но теперь назначено на 26/V, кажется, окончательно (есть наряд от упр⟨авления⟩ жел⟨езной⟩ дороги); так что я надеюсь около 1/VI быть в Москве.

Очень хотелось бы знать, как Ваши дела? Двинулись ли дела с возможностью вернуться в Москву? Или Вы решились на переезд в другой город, ближе к ИЯМу[25] – в Казань или Алма-Ату? Я очень хотел бы знать о Ваших планах. М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, я чем-нибудь мог бы быть Вам полезен в Москве? Я ведь ничего не стесняюсь, когда нужно[26] чего-то добиться – я могу и в Наркомпрос и в комитет ходить, просить, требовать и пр. – могу туда и к высокому начальству. Но надо[27] знать от Вас – чего добиваться, напишите мне, пожалуйста, в Москву (М⟨осква⟩ – центр, Чистые пруды, д. 9, кв. 51). А я обещаю делать Вам все, что окажется в моих силах (увы! теперь я не тот, правда[28], что был раньше).

Очень хотелось бы о многом поговорить с Вами специально и рассказать о своих думах, послушать Вас, познакомиться с Вашими последними работами. Верю, что скоро это окажется возможным.

Как Ваше здоровье? Переехал ли пед⟨агогический⟩ ин⟨ститу⟩т в Омск? Каковы Ваши предположения на ближ⟨айшие⟩ месяцы? Буду ждать известий от Вас в Москве.

---

[22] Далее в строке написано и зачеркнуто: и.
[23] Так у Р.И. Аванесова.
[24] Далее в строке написано и зачеркнуто: все.
[25] Институт языка и мышления АН СССР.
[26] Далее в строке написано и зачеркнуто: что.
[27] Слово приписано над строкой.
[28] Слово приписано над строкой.

Трудности Вашей жизни нам хорошо известны по собственному опыту. Здесь (в Свердл⟨овске⟩) в одних отношениях стало лучше (работа, среда и пр.), в других – труднее (бытовые условия), чем в Козьмодемьянске. Что нас ожидает в Москве – трудно сказать. Чувствую я себя тоже плохо.

Пишет мне время от времени Лоя. Он как-то мне посоветовал написать Вам, а я ему ответил, что не только уже написал Вам, но даже получил от Вас ответ. Пишет ли Вам Сергей Игнатьевич[29]?

Льва Владимировича[30] Моск⟨овский⟩ ун⟨иверсите⟩т (свердл⟨овская⟩ часть) выдвинул в действ⟨ительные⟩ члены Акад⟨емии⟩ Наук. Я предложил на собрании профессоров и преподавателей, затем провели через ученые советы – факультетский и общеуниверситетский. Думаю, что он уже выехал в Москву (во втор⟨ой⟩ половине мая[31] он писал, что в нач⟨але⟩ мая[32] переедет).

Простите, что пишу кратко. Ко всему еще ударила жара, и я плохо себя чувствую.

Итак, давайте считать наши отношения возобновленными – выльется ли это просто в деловой контакт, или корректные товарищеские отношения, или в настоящую дружбу – покажет будущее. На многое мы смотрим по-разному, но, на мой взгляд, это не может мешать нашим хорошим личным отношениям.

Так напишите же мне в Москву. Я был бы рад, если бы мог быть чем-нибудь Вам полезным.

Ваш Р. Аванесов

13. V. [19]43

Там же. Лл. 4–4 об. Автограф голубыми чернилами на тетрадном листе в клетку.

ПИСЬМО Р.И. АВАНЕСОВА Л.П. ГРОССМАНУ 1958 г.

Публикуется впервые по автографу Р.И. Аванесова голубыми чернилами на двойном листе небольшого формата (РГАЛИ. Ф. 1386. Оп. 2. Ед. хр. № 163. Лл. 1–2). При воспроизведении текста авторские сокращения раскрываются в угловых скобках.

[29] Имеется в виду С.И. Бернштейн.

[30] Имеется в виду Л.В. Щерба.

[31] Так в тексте письма – очевидно, описка; следует иметь в виду: апреля.

[32] Далее в строке написано и зачеркнуто: он.

* * *

Р. И. АВАНЕСОВ – Л.П. ГРОССМАНУ

Глубокоуважаемый Леонид Петрович!

Благодарю Вас за Ваше поздравление по случаю моего избрания в члены-корреспонденты Акад⟨емии⟩ Наук СССР. Я очень тронут Вашим вниманием.

Позвольте мне, с своей стороны, пожелать Вам всего самого хорошего и больше всего – здоровья.

Я Вас знаю и люблю с первых дней своих студенческих лет, когда стал под руководством покойного Николай Леонтьевича[1] заниматься Достоевским. Я и мои товарищи бывали на всех Ваших докладах и выступлениях и считали Вас одним из самых блестящих и талантливых литературоведов. Однако познакомиться с Вами лично довелось много позже.

Я и Лид⟨ия⟩ Моисеевна[2] кланяемся Вам и Вашей супруге.

Искренне Ваш

Р. Аванесов

30 VI 58

[1] Н.Л. Бродский.

[2] Жена Р.И. Аванесова.

III

Теория диалектологии и лингвогеографии. Лингвокультурология

Л.Э. Калнынь

ЗНАЧЕНИЕ ТРУДОВ Р.И. АВАНЕСОВА ДЛЯ ТЕОРИИ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Круг научных интересов Р.И. Аванесова был чрезвычайно широк и касался разных разделов лингвистики – от фонетики до лексикографии. Но особое место в его научных занятиях занимала диалектология как наука о территориально ограниченных формах национального языка.

В научном мире имя Р.И. Аванесова ассоциируется главным образом с изучением русских и славянских диалектов и их лингвогеографической интерпретацией.

На всех этапах работы над атласом русских народных говоров Р.И. Аванесов выступал как генератор идей этого труда и как его организатор – это касалось создания программы собирания сведения для составления атласа, определения сетки населенных пунктов, подлежащих обследованию, проблематики карт.

При жизни Р.И. Аванесову удалось увидеть результат работы, вдохновителем которой он был, лишь в виде одной публикации. Это "Атлас русских народных говоров центральных областей к Востоку от Москвы" (М., 1957). Издание было связано с немалыми, отчасти ненаучными, трудностями и неслучайно на экземпляре атласа, подаренного мне, Р.И. Аванесов сделал надпись – "от многострадального руководителя этой работы" (21.II.1958).

Эта первая публикация русского атласа является во всех отношениях замечательным трудом. Тематика и состав карт позволяют достаточно полно судить о диалектном ландшафте региона; информация подтверждается обширным фактическим материалом, данном в комментариях; приведен большой объем разнообразного справочного материала. Очень важно, что карты выполнены в технике значков, помещаемых у каждого пункта – это наиболее эффективный способ подачи лингвогеографической информации.

Этот атлас сыграл большую роль в восточнославянской лингвогеографии. Его принципы были реализованы в "Дыялектнам атласе беларускай мовы" (Мінск, 1963), который создавался при участии Р.И. Аванесова.

Р.И. Аванесов был одним из основателей Общеславянского лингвистического атласа и участвовал в создании его программы. До конца своих дней Р.И. Аванесов возглавлял Международную комиссию ОЛА при МКС. Занимался он и Европейским атласом.

Деятельность Р.И. Аванесова в области лингвогеографии обычно занимает приоритетное место в оценке его как ученого-диалектолога.

Между тем, это общее представление парадоксально сочетается с неполным знанием, а иногда и с непониманием того, что Р.И. Аванесов в своих исследованиях сформулировал ряд идей, которые выводят диалектологию как науку на качественно новый уровень. Он дал теоретическое обоснование изучению

диалектного континуума. Эта идея чрезвычайно важна и требует специального комментирования.

Во второй половине 40-х годов в советском языкознании отнюдь не было популярным изучение проблем структурной организации языка на разных его уровнях. Тем более это относилось к диалектологии. Территориальные диалекты традиционно расценивались как источник фактов для истории языка и как объект лингвогеографической интерпретации. Лингвогеография, т.е. изображение диалектного ландшафта на плоскости карты, в принципе считалась предельной целью диалектологии. К тому же подразумевалось, что диалектная карта играет вспомогательную роль для истории языка, а иногда и для истории народа. Такое отношение к диалектологии было закономерно. Перед наукой, не имеющей теоретического основания, имеется выбор из двух возможностей – 1) примкнуть к традиционно апробированным разделам знаний и 2) свестись к элементарному более или менее интересному для исследователя коллекционированию фактов.

В русской диалектологии были реализованы обе возможности. С одной стороны, это слияние с историей языка, а с другой – господство дифференциального подхода к диалектам, который предполагает фиксацию диалектных явлений, отличных от литературного языка. А. Мартине весьма иронически оценивал такую диалектологическую практику. Он писал: "Они (диалектологи. – *Л.К.*) стремятся в каждой деревне, в которой они случайно разбили свои шатры, собрать древние неиспорченные (правильные), исконные признаки". Диалектологи "были, а часто есть еще и теперь, скорее любителями древностей, ищущими редкие пережитки, чем лингвистами, интересы которых состоят в том, чтобы характеризовать диалектные формы языка как целое" [Martinet 1954].

В 1947 г., вопреки установившемуся в советском языкознании отношению к изучению диалектов, Р.И. Аванесов публикует статью, в которой совершенно по-новому формулирует задачи диалектологии, переводя ее в ранг науки, без которой нельзя понять устройство национального языка. Это статья – "Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка" (Известия АН СССР. ОЛЯ. 1947. Т. VI. Вып. 3).

Р.И. Аванесов в этой работе отказывается от традиционного представления о национальном языке как о конгломерате территориальных, социальных вариантов и кодифицированного стандарта. Он полагает, что национальный язык должен быть интерпретирован как единая, особым образом организованная система.

Р.И. Аванесов поставил вопрос – можно ли говорить о фонетической системе применительно к современному русскому языку в целом, с охватом всех его диалектов и общего литературного стандарта? и, ответив утвердительно на него, предлагает решение проблемы. Он писал: "Можно говорить не только о частных фонетических системах отдельных русских говоров, но также об общей фонетической системе русского языка в целом. Эта последняя включает в себя, с одной стороны, черты, общие для всего русского языка, черты стабильные, устойчивые, и, с другой стороны, черты в большей или меньшей степени неустойчивые, подвижные..., в которых и проявляются диалектные различия". Поэтому наряду с частными фонетическими системами отдельных говоров возможно построение фонетической системы "высшего ранга", можно сказать, "систе-

мы фонетических систем русского языка в целом, включая все его диалектные разновидности и литературный язык" (с. 212).

В этой общей системе языковые факты, отличающие разные диалекты друг от друга и от литературного языка, приводятся в отношение эквивалентности в рамках **соответственного явления.** В соответственное явление включаются звенья системы, образованные территориально несовместимыми вариантами (компоненты соответственного явления могут иметь и нулевое значение).

Формулируя идею общей системы ("мегасистемы") русского языка, Р.И. Аванесов в статье 1947 г. делает опыт конкретизации соответственного явления. Он выделяет единицу, названную им "полифонемой". Эта единица объединяет в себе все фонемы сильного положения, образующие диалектное различие, т.е. "если в части русских говоров различается та или иная фонема, то следовательно, она наличествует в качестве полифонемы в общей системе русского языка в целом" (с. 227). Так, полифонема /ô/ объединяет фонемы /о/ и /ô/, полифонема /ê/ – фонемы /е/ и /ê/. И далее: "состав полифонем русского языка представляет собой как бы костяк общей фонетической системы, на основе которого устанавливаются ее стабильные и подвижные элементы и который помогает нам соотносить факты разных говоров и построить как бы единую общую систему частных фонетических систем" (с. 227). Как можно заметить, в "полифонеме" комбинируется синхронная и диахроническая информация об определенном фрагменте диалектной системы.

К идее "полифонемы" Р.И. Аванесов в дальнейшем не возвращался, но концепция "общей системы языка" стала основой его теоретических построений в области диалектологии.

Разрабатывая идею "общей системы" на материале лишь диалектной части русского языка, Р.И. Аванесов назвал полученную макросистему **диалектным языком.** Модель диалектного языка дает возможность в обозримом виде в синхронном плане представить некоторый диалектный континуум как реализацию системы, состоящей из постоянных и варьирующихся звеньев.

Интерпретация национального языка как сложно организованного структурного целого была теоретической новацией. Используя этот подход, Р.И. Аванесов в 1949 г. опубликовал книгу "Очерк русской диалектологии", которая содержала новый тип описания диалектной дифференциации русского языка. Особенно это выразилось в описании вокализма. Была дана модель русского диалектного вокализма в полном составе его варьирующихся и постоянных звеньев. При построении этой модели приоритетное значение имел сам языковой/речевой факт и его территориальная несовместимость с другими фактами. Привязанность же явления к конкретному региону в данном случае значения не имела – это была чисто структурная интерпретация диалектных особенностей "вне территории". Многим диалектологам того времени такой подход к изучению диалектов казался неприемлемым.

Идея "общей системы" была абсолютно новаторская. Из нее логически вытекали некоторые моменты, вызывающие, с поправкой на время, известную неуверенность и у самого автора.

Дело в том, что в в конце 40-х годов в советской лингвистике существовало негативное отношение к таким научным построениям, которые не соотносились непосредственно с речевым фактом или речевой ситуацией. Пример тому –

фонологическая дискуссия конца 40-х годов, когда концепция МФШ упрекалась в идеализме из-за того, что она констатировала нетождественность звука и фонемы. Р.И. Аванесов ожидал (и, как показали дальнейшие события, не без основания), что его идея "общей системы" вызовет упрек в искусственности и нереалистичности построения. Поэтому он счел необходимым подчеркнуть, что общая фонетическая система русского языка – это реальность, основанная на близости разных форм русского языка и подтверждаемая его культурно-историческим единством. Поэтому, писал Р.И. Аванесов, нельзя в виде единой системы представить, например, славянские языки (с. 226). В контексте современных представлений и научной практики эти уточнения представляются не вполне правомерными.

Общая фонетическая система русского языка – это модель структуры и системных отношений, находящаяся на таком уровне абстракции, которая не может восприниматься как реальность, непосредственно соотносимая с языковой действительностью и тем более с речевой практикой. Ведь само по себе моделирование – это "научный прием, состоящий в схематическом воспроизведении объекта, либо не поддающегося непосредственному наблюдению, либо отличающегося большой сложностью" [Ахманова 1966, 238]. Бесспорно, национальный язык является именно таким сложным объектом и его устройство может быть понято на основе моделей кодифицированного стандарта и диалектного языка.

Интерпретация собрания диалектов как системы, состоящей из общих и из разного типа вариативных звеньев, оказалась продуктивной не только в применении к диалектам одного языка [Вопросы 1962; Русская диалектология 1964]. Весьма показательны карты ОЛА, демонстрирующие фрагменты "общей системы" именно славянских языков [обобщающие карты в ОЛА 1988, 1990 и др.]. Иными словами, здесь "в виде единой системы" представлены славянские диалекты.

Сформулированная Р.И. Аванесовым идея общесистемной интерпретации национального языка как целого образования на первых порах не всеми лингвистами была понята [Бернштейн 1986, 10]. Проявлялось и прямо враждебное отношение, с претензией объявить изыскания Р.И. Аванесова ненаучными. Особенно последовательно печатно и устно стремился дезавуировать идею "диалектного языка" Ф.П. Филин – это отражено и в его последней публикации в ВЯ, которая называется «О так называемом "диалектном языке"» (ВЯ. 1981. № 2).

Основной аргумент Ф.П. Филина против диалектного языка состоит в том, что на диалектном языке никто не говорит – говорят на отдельных говорах (частных диалектных системах) (с. 37). Но в действительности этот упрек лингвистически несостоятелен.

Когда речь идет об интерпретации сложного языкового объекта приемом моделирования, критерий "говорения" на нем вообще неприемлем. Моделирование системы – это компетенция лингвиста, а не говорящего на языке. Система диалектного языка строится на основе знаний лингвиста о составе диалектных различий на данной территории. Многие носители языка не имеют представления о этих различиях, поскольку никогда не вступают в контакты с носителями других диалектов. Это естественное свойство больших языковых коллективов, для которых характерна разная *интенсивность общения* между его чле-

нами [Блумфилд 1968, 60]. То обстоятельство, что некоторые члены коллектива никогда не вступают в контакт между собою, вовсе не свидетельствует о невозможности существования общей системы языка и ни в коей мере не является аргументом в пользу недопустимости моделирования системы диалектного языка.

Между тем, в мировой лингвистике закономерно возникла проблема включения диалектных форм языка в общее русло структурного анализа. И в 1954 г., т.е. через семь лет после выхода статьи Р.И. Аванесова об "общей системе", в журнале "Word" (1954, 20) была опубликована статья У. Вайнрайха "Возможна ли структурная диалектология?" (Is a structural dialectology possible?). В ней, по существу, обсуждаются те же проблемы, которые в свое время были поставлены и решены Р.И. Аванесовым.

Для системной интерпретации диалектного континуума Вайнрайх предлагает понятие "диасистема", практически тождественное "диалектному языку". Ср. определение диасистемы у Вайнрайха – это "система высшего уровня, сконструированная из дискретных и гомогенных систем, созданных на основе описания, из которых каждая представляет собою уникальную формальную организацию" (s. 390); диасистема имеет черты постоянные и черты, варьирующиеся в дискретных системах.

Таким образом, идея превращения диалектологии из прикладного раздела языкознания в компонент структурной лингвистики возникла у ученых из разных стран независимо друг от друга. Но работа Р.И. Аванесова, хотя хронологически значительно более ранняя, прошла незамеченной и даже осужденной, а статья Вайнрайха постоянно цитируется как основополагающий для диалектологии труд.

Впервые сформулировав идею структурной диалектологии, Р.И. Аванесов показал возможность ее реализации в конкретном исследовании. Этим он в корне изменил статус диалектологии как науки. Это касается как объекта, так и метода исследования. Предметом изучения становится диалект/говор в полном составе его языковых проявлений, а не отдельные особенности, отличающие диалект от литературного языка. Адекватное представление об устройстве и функционировании диалекта достигается методом моделирования диалектных систем разного уровня (ЧДС, собрание диалектов типа наречия, диалектный язык как компонент национального языка).

В область лингвогеографии, этого наиболее традиционного раздела диалектологии, Р.И. Аванесов также внес новые идеи. Особого внимания заслуживает одно новаторское решение, которое не столько актуально для современной диалектологии, сколько открывает перспективы на будущее. Имею в виду его доклад на V Международном съезде славистов (София, 1963 г.) – "Описательная диалектология и история языка".

Р.И. Аванесов обратил внимание, что на диалектологическую карту наносятся явления, синхронно сосуществующие, но по своему происхождению датируемые разным временем. Практически на одной плоскости оказываются факты, сформировавшиеся в условиях разного языкового состояния. Это можно показать на следующем примере. Недифференцированное отношение к ударению характерно для рефлексации *ě в польских, многих украинских, части белорусских и русских говоров. Это выражается в том, что *ě подвергся одинаковым изменениям под ударением и без ударения. Но в польских го-

ворах это произошло до падения редуцированных; в украинских – после падения слабых, но до прояснения сильных редуцированных (поэтому совпадение в развитии *ě и *е в закрытом слоге, но не е из *ь); в русских – после прояснения сильных редуцированных и после изменения е в о. Можно привести и другие примеры однотипных явлений, возникших в разных диалектах в разное время и в разных языковых условиях.

Учитывая это, Р.И. Аванесов сформулировал новую задачу лингвогеографии. Сосуществующие в синхронии разновременные по происхождению явления надо картографировать с учетом фактора времени. Это создаст адекватное представление о движении этих явлений во времени и пространстве. Изоглоссы будут показывать не только пространственное, но и временное соотношение картографируемых явлений. И тогда станет ясно, что одни из синхронно сосуществующих явлений корнями уходят в глубокую старину, а другие – относятся к более новому времени. Такие изоглоссы Р.И. Аванесов предложил назвать "*хроно-топо-изоглоссы*". Такая изоглосса представляет собою лингвогеографический аргумент в пользу связи диалектологии с историей языка. В создании "хроно-топо-изоглосс" Р.И. Аванесов видел перспективы славянской лингвогеографии в особенности в связи с созданием ОЛА.

В своих теоретических построениях Р.И. Аванесов очень логичен и рационален, поэтому они имеют прямой выход в исследовательскую практику. Закончить статью уместно цитатой из статьи С.Б. Бернштейна, написанной в 1986 г. и посвященной памяти Р.И. Аванесова: "Ясно лишь одно – дальнейший успешный подъем диалектологических исследований в нашей стране возможен лишь на основе творческого развития идей Р.И. Аванесова" [Бернштейн 1986, 10].

ЛИТЕРАТУРА

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

Бернштейн С.Б. Размышления о славянской диалектологии // Славянское и балканское языкознание. М., 1986.

Блумфилд Л. Язык. М., 1968.

Вопросы 1962 – Вопросы теории лингвистической географии / Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1962.

ОЛА 1988 – Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 1. Рефлексы *ě. Београд, 1988.

ОЛА 1990 – Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 2а. Рефлексы *ę. М., 1990.

Русская диалектология 1964 – Русская диалектология / Под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. М., 1964.

Martinet 1954 – *Martinet A.* Dialecte // Romanse Philologie. 1954. 8. S. 1–11.

Л.Э. Калнынь

РОЛЬ Р.И. АВАНЕСОВА В СОЗДАНИИ ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АТЛАСА

Идея лингвогеографической интерпретации диалектного континуума, соответствующего территории распространения славянских языков, существовала в славистике в течение десятилетий. Но реальные контуры в виде конкретного научного проекта эта идея приобрела в 1958 г.

На IV Международном съезде славистов был представлен доклад Р.И. Аванесова и С.Б. Бернштейна [1], в котором давалось теоретическое обоснование возможности объединения на одной карте особенностей диалектов разных языков и намечались конкретные способы реализации этого.

Теоретические положения, представленные в докладе, логически продолжают разработанную ранее Р.И. Аванесовым концепцию, согласно которой собрание диалектов одного языка является структурированным образованием, состоящим из постоянных и территориально варьирующихся звеньев. Варьирующиеся элементы, занимающие одно и то же место в разных системах, образуют "соответственное явление". Распространение понятия соответственного явления на собрание родственных языков означает, что "члены одного соответственного явления исключают друг друга в системе одного из родственных языков и, напротив, замещают друг друга в системах разных родственных языков, образуя своего рода тождество в каком-либо отношении (например, в функциональном или в отношении звукового оформления)" (с. 10).

Соответственное явление имеет два аспекта. Во-первых, оно демонстрирует синхроническое тождество, которое проявляется в последовательном проведении фонетических и морфологических закономерностей в одних и тех же морфемах. Наряду с этим диахроническое тождество "представлено результатами разных путей развития одной и той же формы, или – последовательными этапами одного пути развития праформы" (с. 11). Тождество диахроническое обычно образуется из тождества синхронического. Так, например, в связи с утратой регулярности синхроническое фонетическое тождество может переродиться в диахроническое фонетическое тождество или выйти вообще за пределы фонетики.

Возможность установления соответственных явлений в рамках собрания разных славянских языков/диалектов является центральным аргументом в пользу того, что создание общеславянского атласа имеет реальную основу.

Именно применение идеи соответственного явления к славянскому диалектному континууму гарантирует, что общеславянский атлас не превратится в сумму национальных атласов. В масштабах общеславянского атласа принципиально меняется иерархия явлений, составляющих специфику отдельных языков/диалектов. То, что в национальном атласе остается за пределами внимания благодаря постоянству своей экспликации, в многоязыковом атласе выступает как компонент соответственного явления, поскольку в других языках тот же фрагмент системы представлен по-другому.

В этой связи заслуживает внимания замечание, сделанное Р.И. Аванесовым в статье 1962 г. [2] в предвидении проблем, которые могут возникнуть при составлении карт атласа. Размещение особенностей, входящих в соответственное явление, на территории атласа может быть неравномерным. Наряду с регионами, содержащими многообразие диалектных вариантов, выделяются территории, которые в отношении определенного явления представляют единство, т.е. характеризуются только одним вариантом каждого из них. Реально такая ситуация проявилась в дальнейшем в ходе работы над выпусками фонетико-грамматической серии ОЛА – по ряду вопросов территория русских говоров оказывается чрезвычайно монотонной. Но Р.И. Аванесов предупреждает – «мы не должны "стесняться" при составлении карт общеславянского лингвистичекого атласа ставить одинаковые знаки у населенных пунктов даже обширных территорий (иногда, может быть, даже целой национальной территории): важно, чтобы были различия в масштабе общеславянском» (с. 510).

В докладе на IV Международном съезде славистов подчеркнуто различие между национальным и многоязыковым атласами в характере даваемой ими диахронической информации: "Изоглоссы частного атласа должны дать материал для изучения истории данного языка. Изоглоссы общеславянского атласа должны дать материал для изучения истории взаимоотношений между славянскими языками в различные более древние исторические эпохи, для изучения общеславянских процессов, а также, что особенно важно, для изучения диалектных различий праславянского языка" (с. 15).

Теоретическое обоснование возможности создания общеславянского атласа, данное в докладе на IV Международном съезде славистов, ни в коей мере не было декларативным. Оно рассматривалось авторами доклада как ступень подхода к конкретной работе над атласом. Именно поэтому после теоретической части доклада предлагалось обсуждение конкретных вопросов, которые возникают в ходе лингвогеографических исследований.

Прежде всего, это Вопросник для обследования славянских диалектов. Иллюстративный материал для него приводится из разделов лексики и словообразования. Исходя из специфики славянских диалектов было сделано предположение, которое в дальнейшем подтвердилось, что объектом картографирования может быть одно слово/морфема.

Принципиальное значение для многоязычного атласа имеет транскрипция – она должна способствовать максимально адекватной передачи качества звукотипов, актуальных в отдельных диалектах. Вопросу транскрипции посвящен специальный раздел в докладе на IV Международном съезде славистов. Весьма примечательно, что уже на этой стадии обсуждения предлагалось использовать разные типы транскрипции в записях фонетики и лексики. В последнем случае должна использоваться морфофонематическая транскрипция, которая может "передать фонематический состав каждой отдельной морфемы, составляющей данное слово в той или другой его форме" (с. 25). Характерно, что в дальнейшей практике работы над ОЛА морфофонематическая транскрипция нашла свое регулярное применение.

Существенным компонентом любого атласа является сетка обследуемых пунктов. Поставлен об этом вопрос в применении к общеславянскому атласу и в докладе. Но, по необходимости, в самой общей форме. При определении сет-

ки из всех критериев предполагалось выбрать степень диалектной дробности языка – чем больше различий в регионе, тем гуще сетка. В соответствии с этим даны цифры, которые в дальнейшем подверглись существенной коррекции. Например – для словенского языка предлагалось 40 пунктов, для лужицких – 20, для русских – 100. Но, как известно, бланковка ОЛА имеет 24 словенских пункта, 4 серболужицких и 312 русских.

В истории создания общеславянского атласа доклад Р.И. Аванесова и С.Б. Бернштейна на IV Международном съезде славистов имеет ключевое значение. Идеи, изложенные в докладе, были поддержаны ведущими лингвистами славянских стран. В дальнейшем во Вступительном выпуске ОЛА в качестве основателей атласа [3] или инициаторов проекта атласа [4] названы Р.И. Аванесов, А. Белич, С.Б. Бернштейн, Б. Гавранек, В. Дорошевски, С. Стойков, З. Штибер.

Уже на IV Международном съезде славистов была создана при МКС Комиссия ОЛА, председателем которой был избран Р.И. Аванесов. В достаточно короткий срок Р.И. Аванесов сумел так организовать работу международного коллектива лингвистов, что, спустя непродолжительное время, стала возможной конкретная реализация задач, имеющих кардинальное значение для ОЛА.

Следует подчеркнуть, что все решения формировались в ходе всестороннего коллективного обсуждения. Имея это в виду, Р.И. Аванесов счел необходимым создать серийное издание, в котором рассматривались бы проблемы славянской диалектологии вообще и вопросы теоретического и методического характера, актуальные именно в рамках ОЛА. Так было основано издание "ОЛА. Материалы и исследования", председателем редколлегии которого был Р.И. Аванесов. Первый выпуск датируется 1965 годом, последний – 2000 годом. Характерно, что уже в первой публикации этого издания [5] обсуждались такие важные для атласа вопросы, как составление Вопросника (Кононова), фонетическая транскрипция (Пожарицкая), проблема неславянских диалектов в ОЛА (Бернштейн), славянских диалектов в неславянских странах (Хамм, Эйхлер). В дальнейшем некоторые из этих вопросов решились по-иному в сравнении с тем, как это предполагалось на первых этапах работы над ОЛА.

В ходе работы Комиссии ОЛА был составлен и издан в 1965 г. "Вопросник Общеславянского лингвистического атласа" [6], при подготовке которого Р.И. Аванесов выступал в роли главного редактора. Вопросник подводил работу над атласом к этапу сбора полевого материала. Поэтому в Вопроснике дана транскрипция, явившаяся результатом обсуждения и сопоставления разных точек зрения фонетистов. Р.И. Аванесов был озабочен адекватностью полевых диалектных записей. Это видно из того, что он счел необходимым опубликовать "Схему собирания материалов для краткой фонологической характеристики частной диалектной системы русского языка" [7]. В связи с этим можно отметить, что Р.И. Аванесов предполагал в будущем создание серии фонологических описаний каждого из говоров, включенных в сетку ОЛА. Это способствовало бы интерпретации явлений разных языков при составлении карт, а также могло бы стать основой сопоставительного анализа фонологии славянских диалектов. Идея эта была реализована словенскими, хорватскими, сербскими, македонскими, польскими и серболужицкими

лингвистами [8, 9, 10]. Содержание этих описаний чрезвычайно полезно не только с точки зрения лингвогеографии, но и при общем описании фонетики соответствующих языков.

Такое сложное научное предприятие, как ОЛА, естественно, не могло создаваться без предварительных опытов картографирования и обсуждения их. Поэтому в 1974 г. в [11] были опубликованы 27 пробных карт фонетического, лексического и словообразовательного содержания.

Р.И. Аванесов считал, что ОЛА как уникальный международный проект должен находиться в центре внимания научной общественности. Поэтому он регулярно публиковал сведения о состоянии и итогах работы над ОЛА. Это были статьи [2, 12, 13, 14, 15], отчетные доклады о работе Комиссии ОЛА на Международных съездах славистов [16, 17].

Обобщение этих сведений было дано во "Вступительном выпуске ОЛА" [3], первое издание которого вышло в 1978 г. Здесь излагается история двадцатилетней работы над проектом ОЛА и дается необходимая справочная информация. К этому времени был практически собран необходимый полевой материал на территории всех славянских языков и созданы карты первого выпуска фонетико-грамматической серии "Рефлексы *ě", который предполагалось опубликовать в издательстве "Наука". Однако препятствия вненаучного характера (болгарско-македонский конфликт) помешали этому и лишь спустя десятилетие выпуск "Рефлексы *ě" [18] был опубликован в Белграде (СФРЮ).

Трагедия Р.И. Аванесова состояла в том, что он, сделав громадный интеллектуальный и организационный вклад в проект ОЛА, не увидел при жизни публикацию карт этого атласа. Четыре фонетико-грамматических выпуска и три лексико-словообразовательных [19] вышли из печати уже после смерти Р.И. Аванесова.

Последней публикацией Р.И. Аванесова, посвященной теме ОЛА и написанной к IX Международному съезду славистов, была статья, в которой обсуждался вопрос создания обобщающих фонетико-фонологических карт в рамках фонетико-грамматической серии ОЛА [20].

Основной корпус фонетических карт ОЛА показывает синхронную дифференциацию славянского континуума в зависимости от звукового облика отдельных словоформ. Но столь атомарная характеристика славянского диалектного ландшафта противоречит требованиям современной лингвистической науки интерпретировать языковые факты в системном контексте. Рефлексы праславянских фонем должны быть показаны не только как составляющие конкретных морфем, но и как компоненты системы в их позиционных связях с фонетическим контекстом и с суперсегментными явлениями. Информацию такого рода должны представить обобщающие (или синтетические) карты.

Идеи, высказанные в этой статье Р.И. Аванесова, оказались весьма продуктивны. Сложился определенный репертуар обобщающих карт как необходимый компонент выпуска, посвященного рефлексам определенного прасл. элемента. Это карты, показывающие – 1) фонетические рефлексы прасл. гласного, 2) влияние вокального количества на рефлексы прасл. гласного, 3) влияние ударения на рефлексы прасл. гласного, 4) влияние консонантного окружения на рефлексы прасл. гласного, 5) фонологический статус рефлексов прасл. гласного.

Работа над Общеславянским лингвистическим атласом продолжается уже более сорока лет. Многие, кто начинал эту работу – ушли. Но идеи, положенные в основу атласа, уникальная картотека диалектного материала, собранная по Вопроснику ОЛА по всей Славии, – все это делает работу над ОЛА необыкновенно привлекательной для новых исследователей. Бесспорно, что большая заслуга в этом принадлежит Р.И. Аванесову. Его научное творчество остается необходимым компонентом современной науки о языке.

ЛИТЕРАТУРА

[1] *Р.И. Аванесов и С.Б. Бернштейн.* Лингвистическая география и структура языка. О принципах Общеславянского лингвистического атласа // IV Международный съезд славистов. Доклады. М., 1958.

[2] *Р.И. Аванесов.* К вопросу об Общеславянском лингвистическом атласе // Slavia. Roč. XXXI (1962), seš. 4.

[3] Общеславянский лингвистический атлас. Вступительный выпуск. Общие принципы. Справочные материалы. М., 1978.

[4] Общеславянский лингвистический атлас. Вступительный выпуск. Общие принципы. Справочные материалы. 2-е изд., исправленное и дополненное. М., 1994.

[5] Общеславянский лингвистический атлас. (Материалы и исследования). М., 1965.

[6] Вопросник Общеславянского лингвистического атласа. М., 1965.

[7] Методические указания собирателям материалов по вопроснику ОЛА. II. М., 1969.

[8] Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrbskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih Opšteslovenskim lingvističkim atlasom. Sarajevo, 1981.

[9] Opisy fonologiczne polskich punktów "Ogólnoslowiańskiego atlasu językowego". *Z. Topolińska.* Zeszyt I.Warszawa 1982; *A. Basara, J. Basara.* Zeszyt II. Warszawa 1983; *H. Zdúnska.* Zeszyt III. Warszawa 1984.

[10] *F. Michalk, W. Sperber.* Wopisanje fonologiskich systemow naréčow serbskich informaciskich dypkow w Slowjanskim réčnym atlasu // Lětopis Instituta za serbski ludospyt. Rjad A. č. 30/1, 1983.

[11] Пробные карты ОЛА с материалами и комментариями //ОЛА. Материалы и исследования. М., 1974.

[12] *Аванесов Р.И.* О работе над Общеславянским лингвистическим атласом // Studia slavica / Budapest. T. 8. Fasc 3–4. 1962.

[13] *Р.И. Аванесов.* Об Общеславянском лингвистическом атласе (Ответ на анкету) // ВЯ. № 4. 1963.

[14] *Аванесов Р.И.* К итогам работы над Общеславянским лингвистическим атласом // Советское славяноведение. № 1. 1965.

[15] *Аванесов Р.И.* Состояние и итоги работы над ОЛА // Известия АН СССР. ОЛЯ. Т. XXX. Вып. 2. 1971.

[16] *Аванесов Р.И.* Отчетный доклад комиссии Общеславянского лингвистического атласа VI Международному съезду славистов. М., 1968.

[17] *Аванесов Р.И.* Общеславянский атлас 1958–78 (итоги и перспективы) // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978.

[18] Общеславянский лингвистический атлас. Фонетико-грамматическая серия. Выпуск 1. "Рефлексы *ě". Белград 1988.

[19] Кроме выпуска "Рефлексы *ě", это – Выпуск 2а "Рефлексы *ę". М., 1990; Выпуск 2б. "Рефлексы *ǫ".Wrocław, 1990; Выпуск 3. "Рефлексы *ьг, *ъг, *ы, *ъ!". Warszawa 1994.

Лексико-словообразовательная серия: Выпуск 1. "Животный мир". М., 1989; Выпуск 2. "Животноводство". Warszawa 2000; Выпуск 3. "Растительный мир". Мінск 2000.

[20] *Аванесов Р.И., Калнынь Л.Э.* Обобщающие карты как особый тип карт в Общеславянском лингвистическом атласе // ВЯ. № 4. 1983.

В.Е. Гольдин

ДОМИНАНТЫ ТРАДИЦИОННОЙ СЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ*

Р.И. Аванесов так определил основные различия между литературным языком и диалектами: "Литературный язык и язык диалектный имеют ряд отличий между собой, среди которых принципиально важны следующие: 1) отношение к территории своего употребления; 2) отношение к письменной форме языка; 3) функции той и другой разновидности языка; 4) отношение к монологической и диалогической формам языкового выражения" [Аванесов 1964, 7]. Анализ соответственных диалектных явлений Р.И. Аванесов счел необходимым предварить специальным рассмотрением этих общих отличий, подчеркнув тем самым единую коммуникативную сущность русских народных говоров.

Установление важнейших параметров, по которым оценивается своеобразие говоров в сравнении с литературным языком, оказало сильное воздействие на диалектологическую теорию. Отмеченные Р.И. Аванесовым явления, коренящиеся в особенностях коммуникативной природы литературного языка и диалектов, детально обсуждаются в исследованиях как структурного, так и функционального характера (напр.: [Баранникова 1967]); тем более важен их учет в диалектологических работах собственно коммуникативной направленности, поскольку коммуникативное изучение русских говоров опирается на идею существования общих отличий традиционной русской культуры деревенского общения, "народной культуры" [Толстой 1991], обслуживаемой диалектами, от культуры городского общения, ориентированной на литературный язык и отчасти на тесно связанные с ним просторечие и "общий жаргон", или сленг, получивший в последнее время особенно большое распространение [Ермакова, Земская, Розина 1999]. К настоящему времени выявлено значительное число таких отличий, и возникает вопрос о с и с т е м е конституирующих черт и доминант традиционной культуры речевого деревенского общения и месте в этой системе указанных Р.И. Аванесовым параметров.

Специфика традиционной русской культуры деревенского речевого общения (в сравнении с городской культурой) проявляется, как показывают исследования, в нескольких отношениях. Во-первых, ее характеризует с л а б а я р а с ч л е н е н н о с т ь к о м м у н и к а т и в н о й с ф е р ы. Русский литературный язык используется в функционально, социально, территориально и темпорально специализированных и даже профессионализированных сферах общения: в городской культуре быт достаточно отчетливо противопоставлен отделенным от него другим областям жизни, и каждая из них (производство, наука, образование, общественная деятельность, коллективные формы досуга, область эстетической деятельности) протекает при особом составе соответствующего коллектива (социально-ролевая дифференциация), в основном в особом своем месте, включая специально приспособленные к осуществлению той или

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 00-04-0362 а/в).

иной деятельности здания, помещения, пространства (функционально-территориальная дифференциация), в свое особое, обычаем или законом отведенное для данной области жизни время (функционально-темпоральная дифференциация). Следствием этого являются функциональное и социальное варьирование речи горожан и закрепление этого варьирования в системе функциональных стилей литературного языка. Коммуникативная же сфера использования диалекта существенно иная. Говоря о том, что диалектная речь используется лишь в бытовом общении, обслуживает только обиходно-бытовую сферу, мы, скорее всего, допускаем неточность: в традиционном сельском общении, по-видимому, нет собственно "быта", поскольку семейные дела, заботы, отношения не отделены совершенно отчетливо от дел и отношений хозяйственных, производственных (конечно, прежде всего в индивидуальных хозяйствах), личная и просто индивидуальная сфера общения слабо противопоставлена коллективной, жилой дом выступает (в отличие от городской "квартиры") средоточием большей части характерных для сельской жизни коммуникативных и некоммуникативных отношений (ср.: [Никитина, Кукушкина 2000]) и т.д.

Конечно, в устном неофициальном городском общении на литературном языке функциональная, социальная, темпоральная и территориальная дифференциация, как показано, например, М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой, также не абсолютна: деление коммуникации в соответствии с параметром "рабочее время/свободное время" "не соотносится прямолинейно с пространственным членением "дом/вне дома", поскольку как дома, так и вне дома есть свои зоны рабочего и свободного времени"; с другой стороны, "членение на свободное и рабочее время соотнесено, но не тождественно членению на будни и праздники" [Китайгородская, Розанова 1999, 27]. Если, однако, городское общение проявляет себя как не абсолютно расчлененное, то традиционное сельское общение близко к противоположному полюсу коммуникативной дискретности: оно, скорее, почти нерасчлененное или слабо расчлененное. Поэтому о функциональной ограниченности диалекта можно говорить применительно к тем сторонам жизни и видам деятельности (наука, официальное делопроизводство, школьное обучение...), в которых носители диалекта вообще не принимают или почти не принимают участия и которые не обслуживаются диалектом. В отношении же к другим жизненным сферам – семья, хозяйство, досуг – наблюдаются именно слабая расчлененность или даже единство коммуникации. Но семья, хозяйство, отчасти и досуг – это не просто "другие", это важнейшие стороны деревенской жизни, и именно они характеризуются слабой расчлененностью в коммуникативном отношении.

Фольклор и область верований образуют в составе народной культуры целостные жизненные пространства и соответственно воплощаются специфическими вариантами местной речи, но при этом пронизывают собой и остальные сферы традиционного сельского общения, и, следовательно, в этом случае также существует неполная расчлененность коммуникации, хотя и иного, несколько более сложного типа. Его своеобразие отчасти охарактеризовано в замечании С.Е. Никитиной и Е.Ю. Кукушкиной по поводу того, как решается проблема совмещения в сознании носителей народной культуры различных систем ценностей, представленных столь разными жанрами, как свадебные причитания, с одной стороны, и духовные стихи, с другой стороны: "...В народной культуре она решается распределением соответствующих текстов по разным периодам жизни человека: молодость и зрелость отдаются "светским" жанрам, в ста-

рости они становятся запретными, зато, готовясь к переходу в мир иной, люди поют духовные стихи. В годовом цикле пение стихов и песен распределено по постным и скоромным дням" [Никитина, Кукушкина 2000, 8].

Во-вторых, специфика традиционной сельской культуры общения обнаруживает себя в социальных формах организации этого общения: в типичных для данной культуры сложных речевых событиях [Гольдин 1997; Дубровская 2001] и особенностях структуры этих событий (ср., например, сельскую и городскую свадьбу, сельские и городские похороны, проводы в армию, традиционные сельские и городские гуляния молодежи и т.д.); в социально-ролевой организации речевой коммуникации (отсутствие профессиональной рефлексии над говором внутри самой культуры традиционного сельского общения, особая ценность сказителей, песенников, сказочников и других хранителей устного народного творчества в данной культуре и др.). Сюда же, по-видимому, нужно отнести и характерные для диалектного общения способы хранения и передачи речевой традиции: собственные прецедентные тексты деревенской речевой культуры в составе устного народного творчества, разнообразные обрядовые формы коммуникации и т.д.

В-третьих, своеобразие этой культуры получает яркое выражение в ее когнитивной стороне: в предельно высокой степени общности информационных баз членов одного сельского коллектива; в мифологическом характере миропонимания, в специфике выражаемой диалектом картины мира; в составе зон актуального внимания сельских жителей, в фокусе их культуры, направленном преимущественно на семью и соседей, на дом, домашнее хозяйство, сельские промыслы, природу; в тематической дистанции, на которую принято допускать "чужого" собеседника (в сельском общении эта дистанция, как известно, значительно короче, чем в городской культуре коммуникации); в самих принципах разграничения "своего" и "чужого" и т.д. К когнитивным особенностям традиционной сельской речевой культуры (в сравнении с городской на базе литературного языка) относится и присущее этой культуре распределение различных типов информации, сведений, знаний между свободным устным дискурсом, фольклорными текстами и относительно устойчивыми рассказами "из жизни", какие иногда называют "рассказами-пластинками". В каждом из этих коммуникативных типов формируется особый идеальный мир с собственной географией, мифологией, историей и, конечно, оценками; см.: [Никитина 1993; Никитина 1999; Никитина, Кукушкина 2000]. Когнитивное своеобразие народной речевой культуры (в ее мирском варианте) хорошо заметно и в том, как в ней понимается относительная важность знаний, полученных в непосредственном личном наблюдении, в реальной практике жизни, в отличие от знаний "услышанных", то есть полученных только через слово, – притом через слово, не освященное фольклорной или религиозной традицией. Истинным знанием считается лишь первое. Ср. характерные в этом отношении высказывания носителя диалекта:

Она не может этого знать... Ей -то/ с двадцать... седьмого/ нет с двадцать/ восьмого... Оне/ оне молодые/ там двоюродный племянник только/ и всё// он молодой// он и вовсе... Да и его тогда не было ещё// Иль был/ да... без штанов бегал// А таких-то/ там вот... Нет// Да/ ну она тоже/ чё она те может/ рассказать-то/ тоже/ только о колхозах// Всё// А вот таких-то/ которые чтобы до колхозов знали... Да// Эт таких-то там наверное уже нет// Нет// Нет конечно// (Саратовская обл., 2000 г.)

В-четвертых, общие всем говорам особенности рассматриваемой культуры охватывают соответствующую сферу коммуникативных средств, включая принципиально устную форму речи, ее предельно разговорный характер и в том числе диалогичность, установку на иконичность, изобразительность речи [Гольдин 2001], принцип совмещения ситуации-темы с ситуацией текущего общения в повествовании о прошлом [Гольдин 1995], специфику рефлексии носителей диалекта над своей речью [Ростова 2000], значительную нефункциональную вариативность говора и многое другое. К числу признаков этого типа относится и состав типичных для сельского общения речевых жанров, преимущественно первичных; существенны при этом и жанровые лакуны, выявляющиеся в сравнении с набором речевых жанров городского общения. Общие всей диалектной коммуникации речевые проявления позволяют строить общую же теорию диалектного высказывания, имеющую особенно большое значение для развития коммуникативной диалектологии, поскольку все уровни высказывания, как показано в специальной работе Т.А. Демешкиной, так или иначе оказываются связанными с характером традиционной сельской культуры речевого общения [Демешкина 2000]. Исследование Т.А. Демешкиной выполнено на материале русских старожильческих говоров Среднего Приобья, однако бóльшая часть выявленных автором особенностей высказывания в сибирской диалектной речи имеет не региональный, а общедиалектный характер, при этом заметно отличающий диалектные высказывания от высказываний литературной речи.

Характерные для традиционного сельского общения различные функционально-социальные, когнитивные и собственно речевые особенности, безусловно, взаимосвязаны. В народной культуре они образуют многочисленные совмещения, пересечения, которыми отмечены центральные для этой культуры коммуникативные узлы. Примером такого узла могут служить особенно актуальные в сельской жизни семейные (родственные) и соседские отношения, плотно переплетенные с отношениями возрастных групп, поддержанные специальными разновидностями коммуникации (ср. хотя бы соответствующие этим группам разные формы проведения досуга, празднований и под.), связанные в народной культуре с отдельными этапами жизни и получившие особую когнитивную выделенность, актуальность, закрепленную в языковом материале. Отражение (безусловно, неполное, частичное) центральности данного коммуникативного узла народно-речевой культуры обнаруживается, например, в наполнении лексико-словообразовательного гнезда ДЕВА архангельских говоров. В десятом выпуске "Архангельского областного словаря" [Архангельский 1999] словам с корнем *дев-* посвящено почти сто отдельных статей, само количество которых весьма знаменательно. Существительные, прилагательные, наречия и глаголы этого гнезда демонстрируют многократно реализованную закономерную связь таких значений, как 'незамужняя молодая женщина, девушка', 'ребенок женского пола, девочка', 'замужняя молодая женщина', 'не вступившая в брачные отношения женщина, старая дева', 'монахиня', 'внебрачный ребенок', 'любитель общаться с женщинами, ухаживать за женщинами', 'женоподобный мужчина', 'украшения, напоминающие фигуру женщины', 'предметы, явления, входящие в личную сферу женщин, принадлежащие им или специально для них предназначенные', 'жизнь до замужества, пора девичества', 'соответствующее девичеству времяпрепровождение', 'правила поведения, требуемые от девуш-

ки', 'обряд прощания с девичеством', 'свадебный обрядовый символ (например, сжигаемый на свадьбе сноп)' и другие. Многочисленные фразеологизмы, включающие лексические компоненты данного гнезда (*девья жизнь, девей век, девья краса, девье слово, девья баня, девей праздник, девей род, девка-приносица, девичья песня, девичья посадка, полная девка, девка-простоволосица, девка на девку наросла, девочья память, девочья рубаха* и др.) и относящиеся к гнезду топонимы, с одной стороны, подтверждают регулярность демонстрируемых гнездом связей, а с другой стороны, продолжают их в сторону семантики хозяйства, этики, эстетики, народной философии.

На общие черты традиционного сельского общения накладываются следствия особых исторических, природных, хозяйственных, демографических, конфессиональных условий того или иного региона или отдельных населенных пунктов (иногда даже их частей) и образуют варианты, подтипы внутри обслуживаемой диалектом деревенской коммуникативной культуры. Одно из различий этого типа установлено Р.Ф. Касаткиной. Изучение личных именований в русских говорах привело Р.Ф. Касаткину к выводу о том, что в севернорусском регионе, с одной стороны, и в средне- и южнорусском регионе, с другой стороны, "существует разное отношение к личному имени, проявляется неодинаковая ценность его. Свидетельствами этой социальной оценки пронизан речевой этикет каждой из двух основных региональных разновидностей русского языка" [Пауфошима 1988, 57]. Наблюдателю, стоящему на позициях литературной речи, представляется, что северный этикет именования и самоименования отражает большее уважение к именуемым и большее самоуважение говорящих, чем среднерусский и южнорусский. Данное различие особенно интересно потому, что оно имеет дихотомический характер и прослеживается на огромной территории; ему удается сопоставить акцентные контуры личного имени и, следовательно, обнаружить еще одну связь структурных и собственно коммуникативных диалектных форм. Вместе с тем это, безусловно, различие в н у т р и традиционной сельской культуры речевого общения, частное по отношению к оппозиции сельской и городской коммуникативных систем. Выявление подобных различий приближает к пониманию иерархии свойств сельской культуры общения, к более всестороннему и объективному представлению об этом коммуникативном образовании.

Возвращаясь к сформулированным Р.И. Аванесовым различиям между литературным языком и диалектами, отметим, что они относятся к двум из обсуждаемых выше типов проявления специфики традиционной сельской культуры речевого общения и затрагивают чрезвычайно важные, хотя и не все ее аспекты. Четырем основным аспектам народно-речевой культуры (характер расчлененности коммуникативной сферы, социальные формы организации общения, его когнитивные и собственно речевые особенности) соответствуют целые комплексы конституирующих коммуникативных признаков, выступающих в тесной взаимосвязи и способных развивать внутреннюю вариантность. Можно ли, однако, рассматривать эти признаки (каждое в отдельности или все вместе) в качестве доминантных, определяющих необходимость, обязательность реализации других специфических особенностей культуры диалектного общения?

Как нам представляется, главными факторами, определявшими в течение многих веков единство коммуникативного типа русского сельского общения на всех территориях бытования говоров, то есть факторами доминантными, были

ограниченность коллектива общавшихся, то есть его малые размеры при относительной хозяйственной, социальной, культурной самодостаточности, а также принципиальная традиционность, ориентация на прошлое. Сочетание этих факторов способно, по-видимому, объяснить отношение диалектов к территории, отсутствие потребности в письменном канале связи, их функциональные особенности, диалогический характер диалектной речи. Воздействию этих факторов можно приписать и другие специфические черты традиционной сельской культуры речевого общения.

Попытки выделения доминантных факторов, оказывающих существенное влияние на развитие и сохранение народно-речевой культуры, имеют смысл в связи с рассмотрением не только чисто теоретических, но и весьма актуальных практических проблем языковой ситуации в нашем обществе и прежде всего – проблемы дальнейшей судьбы русских говоров. Процент сельского населения в стране неуклонно уменьшается, увеличивается число городских жителей. За период с 1950 г. по 1984 г. доля городского населения в СССР уже увеличилась с 39% до 65% [Брук 1986]. Сейчас в сельской местности Российской Федерации живет только 27% населения [Великий 2000, 13]. Процесс перетекания населения в город и вообще активной миграции начался не сегодня [Касаткин 1999, 32–45], и он продолжается. Это означает, что все больше родственников современных сельских носителей диалектной культуры живет не с ними, зачастую – далеко от них; все больше семейных связей, традиционно самых сильных в сельском обществе, не замыкается в селе или ближайшей округе, а тянется очень далеко или вовсе обрывается. По данным на 1997 г. 21% семей сельских жителей составляли семьи, состоящие лишь из 1 человека (в основном – пожилых женщин), 10% составляли семьи, состоящие из супружеских пар пенсионеров [Великий 2000, 14]. Если даже ограничиться только собственно демографической стороной дела, то нужно признать, что фактор самодостаточности ограниченных сельских коллективов уходит в прошлое. Возникают тяжело переживаемые представителями сельского типа речевой культуры противоречия между традиционно высокой значимостью семейных связей и трудностью реализовать их в прежних формах или хотя бы просто поддерживать, между традиционным представлением о селе и сельском доме как главной родовой территории и ощущением того, что они все более превращаются в коммуникативную окраину. Эти противоречия, по-видимому, способны подорвать основания традиционной сельской культуры речевого общения.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. Введение // Русская диалектология / Под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. М., 1964.

Архангельский 1999 – Архангельский областной словарь. Вып. 10. 1999.

Баранникова Л.И. Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967.

Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1986.

Великий П.П., Елютина М.Э., Штейнберг И.Е., Бахтурина Л.В. Старики российской деревни. Саратов, 2000.

Гольдин В.Е. Машиннообрабатываемые корпусы диалектных текстов и проблема типологии русской речи // Русистика сегодня. М., 1995. № 2.

Гольдин В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. Саратов, 1997.

Гольдин В.Е. Изобразительность диалектной речи // Бюллетень фонетического общества. № 7. Тексты устной речи. Бохум, 2001

Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск, 2000.

Дубровская О.Н. Имена сложных речевых событий в русском и английском языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001.

Ермакова О.П., Земская Е.С., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона / Под общ. руков. Р.И. Розиной. М., 1999.

Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.

Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.

Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.

Никитина С.Е. Сердце и душа фольклорного человека // Человек в культуре и языке. М., 1999.

Никитина С.Е., Кукушкина Е.Ю. Дом в свадебных причитаниях и духовных стихах: опыт тезаурусного описания. М., 2000.

Пауфошима Р.Ф. Акцентный контур личного именования как отражение социальной оценки имени в диалектах русского языка // Речь: восприятие и семантика. М., 1988.

Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск, 2000.

Толстой Н.И. Язык и культура (Некоторые проблемы славянской этнолингвистики) // Доклады Всесоюзной научной конференции "Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики". Ч. 1. М., 1991.

Н.Н. Пшеничнова

О НЕКОТОРЫХ ТРУДНЫХ ВОПРОСАХ СТРУКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ РУССКИХ ГОВОРОВ

Р.И. Аванесов рассматривал выделение диалектов как часть теории лингвистической географии и как одну из ее основных задач, и именно Р.И. Аванесов впервые четко сформулировал принципы диалектного членения Московской диалектологической школы [Аванесов 1962, 25–27; 1963, 302–308; 1964, 15–19]. Созданная Р.И. Аванесовым теория диалекта (см. прежде всего [Аванесов 1963 и 1965]) воплощена в двух работах представителей Московской диалектологической школы – [Захарова, Орлова 1970] и [Пшеничнова 1996]. В этих работах теория диалекта, а именно принципы выделения и характеристики диалектов, развиваются в двух направлениях – лингвогеографическом и структурно-типологическом.

Во время дискуссии, состоявшейся на "Круглом столе" в Институте славяноведения РАН 5 июня 2001 г., а также в статье [Касаткин 2002] Л.Л. Касаткин высказал ряд замечаний к проведенной мною структурно-типологической классификации (СТК) русских говоров. Следует заметить, что почти на все вопросы, затронутые Л.Л. Касаткиным, ответы содержатся в [Пшеничнова 1987; 1988; 2000] и [Пшеничнова – в печати-1], а также в рецензиях на мою книгу [Попова 1998; Калнынь 2000]. Вместе с тем эти замечания показали, что на некото-

рых вопросах ввиду их сложности следу-ет, по-видимому, остановиться еще раз, акцентируя при этом отдельные положения СТК, которые недостаточно выделены в моей книге.

1. Проведенная мной СТК, по мнению Л.Л. Касаткина, как бы перечеркивает имеющее безусловную научную ценность диалектное членение русского языка К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой, в то время как оно было поддержано диалектологами, в том числе и Р.И. Аванесовым (с. 29 – здесь и далее указываются страницы названной статьи Л.Л. Касаткина). Действительно, научная значимость ДЧ, построенного К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой, несомненна, и, в частности, Р.И. Аванесов в целом оценил его положительно. В то же время он с большим интересом и одобрением отнесся к идее провести структурно-типологическую классификацию русских говоров. Задача состояла в том, чтобы провести именно классификацию, а не диалектное членение, то есть классификацию в полном смысле этого слова – вне территории, без обращения к диахронии, вне каких-либо исторических или других экстралингвистических показателей, по общему для всех говоров, участвующих в делении, основанию, в качестве которого были бы учтены те же признаки, по которым было построено и ДЧ К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой. Следовательно, классификация должна была быть проведена по тем признакам, которые представлены в ДАРЯ, без привлечения каких-либо дополнительных сведений о говорах, в незнании которых упрекает меня Л.Л. Касатки (с. 29,37), содержание каждого из признаков на картах ДАРЯ раскрыто в условных обозначениях к картам (на этих же условных обозначениях как на признаках построено и ДЧ; неясно, почему это вызывает отрицательную реакцию Л.Л. Касаткина – с. 29). Интерес Рубена Ивановича к такой классификации на основе использования элементов теории вероятностей и математической статистики все время возрастал по мере того, как он знакомился с моими опытами в этой области. Так, в частности, в одном из писем ко мне (от 22.04.77) Р.И. Аванесов писал: "⟨...⟩ надо показать, что дает этот метод во изменение или уточнение той классификации, которая сейчас существует ⟨...⟩ надо распространить Вашу методику исследования на всю территорию сводного нашего атласа. Во введении надо хорошо, теоретически отчетливо сказать о диахроническом (традиционном) подходе к проблемам диалектологии и классификации диалектов и о подходе синхроническом и показать, что он дает как сам по себе, так и для диахронического изучения системы языка".

СТК была проведена мной с помощью Автоматизированного варианта Диалектологического атласа русского языка (АВ ДАРЯ)[1].

2. Высказанная Л.Л. Касаткиным критика построенной мной классификации, как показывают сделанные им замечания, основана, главным образом, на некоторых ошибочных исходных позициях.

Во-первых, Л.Л. Касаткин неправомерно считает, что классификацию, которая, как я уже сказала, сама по себе не имеет никакого отношения ни к территории, ни к диахроническому аспекту, ни к каким-либо экстралингвистическим показателям, можно оценивать с точки зрения принципов диалектного членения, для которого первостепенное значение имеет территория, а также в определенной степени и диахрония. Иными словами, Л.Л. Касаткин не учитывает то обстоятельство, что ДЧ и СТК – это результат сравнения говоров в двух разных аспектах: лингвогеографическом в ДЧ и структурно-типологическом в СТК. На эти два аспекта изучения говоров специально обращает внимание Р.И. Аванесов [Аванесов 1965].

Наум! Я не очень ясно изложил свою точку зрения на
вопрос о применении статистических методов к диалектологии
вообще и к классификации частной диалектной системы в частности.

Речь шла о характере исследования по русскому языку, но с применением нового метода. В этом случае надо показать, где здесь это применение или уточнение той классификации, которая сейчас существует. Это будет работа по русистике. Именно такой должна быть работа, проводимая в нашем секторе (т.е., с акцентом на проблематику русской диалектологии).

У Вас много сделано, надо распространить Вашу методику исследования на всю территорию Северного Кавказа.

Я введение надо хорошо, теоретически обосновать и диахронический (традиционный) подход к проблеме диалектности и классификации диалектов) и о подходе синхронической и показать, что он дает как сам по себе, так и для диахронического изучения системы языка.

Это пока все. Обнимаю Вас.

Ваш Р. Аванесов

Автограф письма Р.И. Аванесова Н.Н. Пшеничновой

Во-вторых, оценивая результаты СТК, Л.Л. Касаткин не учитывает ее многоуровневость: сравнивая характеристики групп говоров разных диалектных типов (д.т.), игнорирует тот факт, что названные им группы говоров относятся к разным разбиениям[2] разных классификационных уровней и, следовательно, сравниваемые им диалектные типы – это диалектные типы, относящиеся к группам говоров разных разбиений[3].

Следствием этих ошибочных исходных позиций является неверное толкование целого ряда результатов СТК, на которых далее я считаю необходимым остановиться.

2.1.1. ДЧ К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой строго соответствует принципам диалектного членения МДШ [Захарова, Орлова 1970]. Проведенная мной СТК русских говоров – это не диалектное членение, и она не должна оцениваться с точки зрения соответствия ее принципам диалектного членения. Результаты классификации отличаются от результатов ДЧ прежде всего своей сущностью, а именно, эти результаты не имеют никакого отношения к территории: в ДЧ выделяются ЛИНГВОТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ единицы (наречия, межзональные, в том числе среднерусские, говоры, группы и подгруппы говоров, а также зоны), единицами четырехуровневой СТК являются СОВОКУПНОСТИ ГОВОРОВ, одни из которых представляют собой однородные группы, другие – переходные совокупности, третьи нельзя отнести ни к какой-либо однородной группе, ни к переходным совокупностям – это разнородные говоры, которые на данном классификационном уровне составляют как бы "остаток", который можно назвать смешанной совокупностью разнородных говоров [Пшеничнова 1996, 19, 26–29; Пшеничнова – в печати-1]. **Этими результатами классификация завершается.** ДЧ и СТК – это результат сравнения говоров в двух разных аспектах – лингвогеографическом и структурно-типологическом, на которые обращает внимание Р.И. Аванесов [Аванесов 1965]. Критерии для оценки полученных результатов следует искать прежде всего в теории классификации. В этом плане, в частности, важно отметить, что результаты СТК не меняются в зависимости от того, какой говор принят в качестве точки отсчета, а это свидетельствует об адекватности полученных результатов анализируемому материалу.

2.1.2. Интерпретация результатов СТК – уже другой этап исследования, и эти результаты могут быть использованы в разных аспектах. Структурно-типологический аспект изучения говоров в принципе не предполагает территориальной проекции результатов такого анализа [Аванесов 1965, 24]. Вместе с тем важно показать на карте, как распространены говоры полученных классификационных единиц, так как говоры – это территориальные разновидности языка. Карта, отражающая СТК, неизбежно будет отличаться от карты ДЧ, но эти различия должны иметь разумное объяснение.

Расхождения между картами [Опыта] и ДЧ, с одной стороны, и СТК, с другой, – носят иной характер, чем расхождения между картами [Опыта] и ДЧ. Карты [Опыта] и ДЧ обе построены в соответствии с принципами ареального диалектного членения и обе, построенные на синхронных материалах, направлены на диахронию. Различаются эти карты тем, что в ДЧ учтено существенно больше признаков и построено оно, в отличие от [Опыта], на основе детального анализа лингвогеографического ландшафта. В результате ДЧ существенно дополняет и детализирует карту [Опыта]. Обе названные карты – это схемы с четкими, но в разной степени условными границами между лингвотерриториальными единица-

ми, проведенными не по всем основным языковым показателям, а лишь по таким, которые выделяют достаточно четкие ареалы. На этих картах вопрос о классификационной принадлежности каждого отдельного говора не ставится. СТК построена только на синхронном материале без какой-либо диахронической его оценки. На карте СТК представлены принципиально иные классификационные единицы (см. выше), отражена классификационная принадлежность каждого отдельного говора с учетом всех основных языковых показателей, в результате чего показано отсутствие четких границ между территориями распространения говоров, относящихся к разным классификационным единицам.

В то же время карта, отражающая СТК, оказалась во многом сходной с картами [Опыта] и ДЧ К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой (см. [Пшеничнова 1995])[4].

Так, на первом уровне СТК выделились две однородные группы говоров – Севернорусского (С) и Южнорусского (Ю) д.т., которые близки соответственно Северному и Южному наречиям ДЧ как по территории распространения относящихся к ним говоров, так и по характеристике этих говоров. В частности, те языковые особенности, которые Н.Н. Дурново, Д.Н. Ушаков и Н.Н. Соколов – авторы [Опыта], а также Р.И. Аванесов, П.С. Кузнецов и авторы ДЧ К.Ф. Захарова и В.Г. Орлова считали наиболее важными для выделения севернорусского (северновеликорусского) и южнорусского (южновеликорусского) наречия, о чем напоминает Л.Л. Касаткин (с. 30), и в СТК также относятся к Главным для разделения рассматриваемых говоров на единицы того же, первого, классификационного уровня (ср. [Пшеничнова 1996, 60, 61, 62, 96, 97, 190–192, 195], где признаки, о которых идет речь представлены под №№: 835 – оканье; 846 – аканье; 1185 – [г]; 1186 – [ɣ]; 1220 – совпадение согласных на месте *ч* и *ц* в [ц']); 390 – Р.-В. ед. *меня́, тебя́, себя́*; 391 – Р.-В. ед. *мене́, тебе́, себе́*; 541 – [т] в окончании 3 л. ед. и мн.ч. глаголов наст. вр.; 544 – [т'] в том же окончании; 612 – сочетание [а́е] в глаголах типа *зна́ет, быва́ет*; 614 – сочетание [а́а], [а́ъ] в глаголах типа *зна́ет, быва́ет*.

На первом же уровне СТК выделилась переходная совокупность (П) – Среднерусские говоры и смешанная совокупность разнородных говоров (Р), которые с определенными оговорками я называю "говоры Западнорусского д.т.".

2.1.2.1. По мнению Л.Л. Касаткина, неверным является выделение в СТК Западнорусского д.т., "как равноправно соотносимого с Северным и Южным" (с. 36). Прежде всего, здесь, как и в других примерах, Л.Л. Касаткин смешивает два разных понятия – тип диалекта и классификационная единица (см. прим. 3), и, кроме того, оценивает результат СТК, исходя из принципов ДЧ, о чем было сказано выше.

При рассмотрении говоров Западнорусского д.т. необходимо обратить внимание на то, что эти говоры выделились на первом уровне СТК как смешанная совокупность разнородных говоров, которая условно была названа "говорами (не группой!) Западнорусского д.т." (обоснование см. в: [Пшеничнова 1996, 46–49]). Следовательно, в СТК эти говоры равноправно соотносятся с группами говоров Севернорусского и Южнорусского д.т. только по уровню деления (первый уровень), а не по характеру совокупности. В этом отношении они находятся в СТК в том же положении, что и Среднерусские говоры, против выделения которых на том же уровне Л.Л. Касаткин не возражает, хотя Среднерусские говоры также не образуют в СТК однородной группы определенного д.т. и не являются наречием в ДЧ. Выделение говоров Западнорусского д.т. в СТК не про-

тиворечит выделению Западной зоны ДЧ, а детализирует характеристику западнорусских говоров как разнородных. Говоры Западнорусского д.т. занимают узкую полосу территории вдоль русско-белорусской и русско-украинской границы. Эта территория несколько уже, чем Западная зона ДЧ, занимающая более широкое пространство (ср.: карта № 7 в [Пшеничнова 1996] и карта № 11 в [Захарова, Орлова 1970]). Однако важно обратить внимание на сходство говоров Западнорусского д.т. СТК и говоров Западной зоны ДЧ, которые выделены были на совершенно разных основаниях. Это сходство состоит, в частности, в том, что, как в ДЧ, так и в СТК рассматриваемые говоры неоднородны, и в них можно выделить отдельные однородные группы только на следующих классификационных уровнях. Назову некоторые из этих групп: на втором уровне СТК выделяются две однородные группы говоров – Юго-западного и Северо-западного д.т., в пределах группы Северо-западного д.т. на третьем уровне выделяется группа говоров Псковского д.т., в которой на четвертом уровне выделяется группа говоров Южнопсковского д.т. (подробно см.: [Пшеничнова 1996, 52, схема 8]).

В качестве одного из доводов против выделения в СТК говоров Западнорусского д.т. Л.Л. Касаткин называет признаки, относящиеся к типоопределяющим Западнорусского д.т., которые, по его мнению, широко распространены и в других говорах, как, например, отмеченный в севернорусских говорах признак «В соответствии с сочетанием "мягкий согласный + *j*" – долгие мягкие согласные (любые): *пла́*[т'т']*а*, *сту́*[л'л']*а*, *ру*[жж]*о́* и т.п.» (с. 36). Карта № 74 [ДАРЯ 1986] показывает, что эта черта действительно отмечена во многих севернорусских говорах, однако сравнить степень распространенности этого признака в говорах Западнорусского и Севернорусского д.т. визуально невозможно. АВ ДАРЯ позволяет определить относительную частоту (р) данного признака в каждой из четырех единиц СТК первого уровня: в С р = 0,17; в Ю р = 0,194; в П р = 0,044; в Зап. р = 0,75. Как видим, относительная частота названной особенности в говорах Западнорусского д.т. является существенно более высокой, чем в говорах других единиц деления того же уровня. Можно привести и такие цифры: всего в С – 1515 ЧДС, 17% от этого числа (ср: р = 0,17) – примерно 255 (это можно проверить путем наложения на упомянутую карту ДАРЯ кальки с номерами нас. пп.). Эти 255 нас. пп., разбросанные по территории говоров Севернорусского д.т., и создают впечатление широкого распространения. То же можно сказать и о других признаках, названных Л.Л. Касаткиным (с. 36), если сравнить относительную частоту типоопределяющих признаков Западнорусского д.т. [Пшеничнова 1996, 137, 139] во всех четырех единицах первого уровня СТК (там же, 190–197, столбцы 2, 3, 4, 6–I, 6–II, 6–III, 6–IV).

В качестве второго довода против выделения говоров Западнорусского д.т. Л.Л. Касаткин называет признаки, которые отмечены лишь в части западнорусских говоров, как, например, "Аканье диссимилятивное жиздринского типа" (подобных примеров Л.Л. Касаткин приводит около двух десятков – (с. 35–36), но их можно привести и значительно больше). Это замечание также основано на лингвогеографическом подходе к оценке важности признака для выделения лингвогеографической единицы. В СТК далеко не каждый типоопределяющий признак характерен для большей части говоров определенной классификационной единицы. Напротив, признак, распространенный во всех или почти во всех говорах данной единицы, скорей всего отмечен и в говорах другой (других) еди-

ницы (единиц) того же уровня деления. Если же некоторая особенность отмечена в небольшом числе говоров какой-либо классификационной единицы, а в других единицах того же ранга эта особенность не отмечена, то она входит в число признаков, диагностирующих д.т. говоров данной единицы. Нельзя забывать о следующем. В ДЧ сначала определяется единица по признакам, четко выделяющим ее территорию, а затем признаки, отмеченные в небольшом числе говоров данной, уже выделившейся единицы, характеризуют эту единицу дополнительно. Об этом пишет и Л.Л. Касаткин, но это "правило" он переносит и на СТК. В СТК это "правило" действовать не может, так как в ней выделение классификационных единиц происходит **в результате** учета распределения каждого из признаков (на основании которых проводится деление) по тем классификационным единицам одного уровня, которые только еще будут получены, и этот учет происходит автоматически вне территории (это позволяет сделать метод, которым проведена СТК [Пшеничнова 1996, 16–20], см. также пп. 2.2, 2.2.1, 2.2.2 данной статьи).

2.1.2.2. Полоса Среднерусских говоров (переходных между говорами Севернорусского и Южнорусского д.т.), которые так же, как и в ДЧ, не образуют однородной группы, является более узкой, чем в ДЧ: северная половина Владимирско-Поволжских говоров ДЧ в СТК относится к севернорусским. Для характеристики говоров этой полосы, выделенной в СТК, как и все классификационные единицы, только на основе сходств и различий между говорами по данным синхронии без какой-либо территориальной или диахронической оценки этих данных, важно отметить следующее. Среднерусские говоры, выделившиеся в СТК как говоры, для которых характерно сочетание признаков, свойственных севернорусским и южнорусским говорам, по таким важным для языковой системы чертам, как безударный вокализм, характеризуются в большинстве случаев сочетанием особенностей, которые наиболее ярко свидетельствуют о переходном характере данных говоров. Это, в частности, можно считать еще одним подтверждением достоверности результатов СТК.

К Среднерусским говорам в СТК относится подавляющее большинство говоров, в которых отмечено неполное оканье и частичное различение гласных неверхнего подъема после мягких (на карте СТК это северная часть полосы Среднерусских говоров и отдельные вкрапления на территории говоров Севернорусского д.т.), а в значительной части говоров с аканьем, также отнесенных в СТК к Среднерусским, отмечено еканье или умеренное яканье, которое, как известно, ближе всего к предударному вокализму после мягких севернорусских говоров (на карте СТК это южная часть Среднерусских говоров) – ср.: [Пшеничнова 1996; карта № 6] и [ДАРЯ 1986; карты №№ 1, 3, 9]). Таким образом, Л.Л. Касаткин в своем утверждении, что в СТК говоры с полным и с неполным оканьем объединены "в один Севернорусский диалектный тип" (с. 29), допускает существенную неточность (не говоря уж о том, что говоры объединяются в группу, а не в тип). **Часть говоров** с неполным оканьем и частичным различением гласных неверхнего подъема после мягких в результате сравнения по всем основным языковым показателям действительно вошла в группу говоров Севернорусского д.т., но в пределах этой группы вместе с частью говоров, относящихся по ДЧ к Костромской группе (второй уровень), на втором уровне СТК выделилась как отдельная группа (Владимирско-Поволжского д.т.).

Возражая против того, в каком объеме выделились в СТК Среднерусские говоры, Л.Л. Касаткин ссылается на мнение Р.О. Якобсона, однако краткая цитата, приведенная Л.Л. Касаткиным (с. 28), далеко не полностью раскрывает точку зрения Р.О. Якобсона на данный вопрос. В своем несогласии с разделением в [Опыте] говоров средневеликорусских и северновеликорусских с намечающейся переходностью, так же как и авторы [Опыта], Р.О. Якобсон сначала исходит из лингвогеографической и диахронической оценки фактов, что для классификации в ее чистом виде (в структурно-типологическом аспекте) принципиально исключено, а затем делает существенную оговорку: "(...) вопрос об основе говоров выходит за пределы описательной диалектологии, являясь одной из задач диалектологии исторической" [Якобсон 1916, 105–106]. Свое возражение против границы между ср.-в.-р. говорами и с.-в.-р. с намечающейся переходностью Р.О. Якобсон обосновывает недостаточным числом признаков, определивших эту границу: "Нам представляется излишне категоричной и северная граница средневеликорусских говоров, отмежевывающая их от т.н. говоров с намечающейся переходностью. Признак, положенный в основу этого разграничения, именно наличность или отсутствие *о* в предударном слоге – также не является существенным" [Якобсон 1916, 103]. (Речь идет о признаке, который, по мнению Л.Л. Касаткина, как раз и является наиболее существенным и который, как показано ниже, в п. 2.2.1, действительно таковым не является.) В другой своей статье, впервые опубликованной также в 1916 г., Р.О. Якобсон рассматривает "и различные типы т.н. говоров с намечающейся переходностью, и различные типы говоров переходных лишь как отдельные полосы обширной зоны средневеликорусских говоров" [Якобсон 1971, 574] и несколько подробнее обосновывает свою точку зрения: "Во 1-ых, есть говоры с намечающейся переходностью, то есть сохраняющие в определенных условиях *о* предударное и в то же время характеризующиеся более отстоявшимся вокализмом. Во-вторых, как говоры с намечающейся переходностью, так и говоры, по терминологии Очерка, средневеликорусские выработали некоторые общие специфические, одним им присущие, так сказать, переходные черты, как то – *у* из начального предударного *о*, передвижение вперед задне-палатальных, средне-великорусское дзеканье, умеренное яканье, окончание *-уй* в творительном единственного существительных женск. р." [Якобсон 1971, 573]. Первый довод Р.О. Якобсона не противоречит тому принципу, в соответствии с которым авторы [Опыта] проводили упомянутую границу: в [Опыте] говоры северновеликорусские с намечающейся переходностью отличаются от переходных не отдельными примерами нарушения оканья, а другой системой безударного вокализма – оканьем в 1-ом предударном слоге и неразличением /о/ и /а/ в других безударных слогах, что прослеживается в неограниченном числе примеров, то есть является свидетельством "отстоявшегося вокализма" (ср. [Опыт, 45]). Что же касается тех особенностей, которые, по мнению Р.О. Якобсона, являются общими и при этом специфичными для говоров переходных и с намечающейся переходностью, то, как показывают данные [Опыта] и существенно более полные материалы, собранные позднее, в середине XX в. (материалы ДАРЯ), эти языковые черты не являются особенностями исключительно только с.-в.-р. с намечающейся переходностью и переходных (ср. -в.р) – срв. [ДАРЯ 1986: карты № 3 – умеренное яканье; № 35 – [у]*дного́*, [у]*топри́* и т.п.; № 68 – *ру́*[т']*и*, [т']*и́слый*, *Ва́нь*[т']*а* и т.п.; ДАРЯ 1989, карта № 3 – *ба́буй*, *ла́вкуй* и т.п.]). Произношение же *т'*, *д'* со слабым фрикативным

элементом, характерное и для литературного языка, отмечается во многих русских говорах (ср. [ДАРЯ 1986: карта № 64]). Такое произношение "при условии, если фрикативный элемент будет достаточно слабым, собственно, не является диалектным" [Аванесов 1949, 136].

Р.О. Якобсон обращает специальное внимание на неоднородность говоров, которые он предлагает выделять как переходные, или среднерусские, и на постепенность перехода между северновеликорусскими и южновеликорусскими: "Не целесообразней ли считать средневеликорусскими все те говоры, которые совмещают фонетические черты ю.-в.р. (или б.-р.) с неюжными чертами. В зависимости от количественного соотношения тех и других черт можно было бы установить ряд полос средневеликорусских диалектов" [Якобсон 1916, 106]. Именно такой анализ материала, но материала значительно большего объема, и осуществлен в СТК, которая, в частности, уточнила представление о неоднородности среднерусских говоров и постепенности перехода между говорами Севернорусского и Южнорусского д.т., о чем говорили и авторы [Опыта], и Р.О. Якобсон, и Р.И. Аванесов, и авторы ДЧ.

2.2. Необходимо иметь в виду, что значимость признаков в языковой системе, с одной стороны, и значение (роль, вклад, вес) признака в классификации – не одно и то же.

2.2.1. Признаки в качестве основания любой классификации определяются ее задачей и отбираются до процедуры деления. Задача провести классификацию русских говоров как отдельных ЧДС по всем основным языковым показателям определила выбор в качестве ее основания тех признаков, которые отражены в ДАРЯ: ДАРЯ наиболее полно отражает русские говоры Центра Европейской части России середины XX в. и, кроме того, позволяет провести классификацию тех же говоров и по тем же признакам, на которых построено и ДЧ К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой (о чем сказано выше). Следовательно, отбор признаков в качестве основания СТК произведен в процессе работы над ДАРЯ, в котором каждый признак, независимо от того, является ли он языковой закономерностью, представленной неограниченным числом примеров, или языковой чертой, представленной единичным примером, – каждый признак рассматривается как элемент языковой системы. **Значимость признаков в языковой системе в процедуре классификации, как и в процедуре ДЧ, не учитывается**[5]. С другой стороны, в самой процедуре классификации все признаки участвуют с учетом их разной роли в классификации, или, иначе, разного вклада в деление, разного классификационного веса. В качестве одного из недостатков СТК Л.Л. Касаткин отмечает тот факт, что в ней среди Главных признаков не различаются, с одной стороны, такие, которые четко выделяют территорию лингвогеографических единиц, и с другой стороны, признаки, распространенные лишь на части территории лингвогеографических единиц (с. 33). Л.Л. Касаткин исходит здесь из лингвогеографического принципа оценки признаков, входящих в основание классификации, что для СТК принципиально исключено.

Диалектологам известно, что разные языковые особенности неодинаково распределены по говорам. Возникает естественное представление о том, что именно от распределения по говорам зависит классификационный вес признака, аналогично тому, как значимость признака в ДЧ зависит от большей или меньшей четкости ареала распространения данной языковой черты. Эта КЛАССИФИКАЦИОННАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ПРИЗНАКОВ входит в показатель бли-

сти между каждыми двумя говорами по каждому из признаков основания и учитывается в СТК автоматически (подробнее в [Пшеничнова 1996; 10–13]). Содержательно зависимость меры близости между двумя говорами от классификационной значимости признака, по которому говоры сравниваются, можно пояснить следующим образом. Бóльшая или меньшая близость между двумя говорами зависит от того, насколько широко распространен признак, по которому эти два говора сравниваются. Так, если в двух сравниваемых говорах присутствует признак широко распространенный, или отсутствует признак, который вообще в классифицируемых говорах является очень редким, то такие признаки очень мало говорят о близости между сравниваемыми говорами. Напротив, если два говора совпадают по признаку редкому или если в обоих сравниваемых говорах отсутствует признак широко распространенный, то это с большой долей вероятности свидетельствует о близости данных двух говоров. Мера близости между каждыми двумя говорами по всем признакам вычисляется с учетом сказанного. На основании полученных мер близости определяется величина, которая показывает, могут данные два говора входить в одну однородную группу или не могут, и это на протяжении всей процедуры классификации определенным образом уточняется [Пшеничнова 1996, 16–20]. В результате получается наиболее вероятная классификация рассматриваемых говоров по данному основанию[6]. Следовательно, утверждение Л.Л. Касаткина, что в СТК не разграничены признаки по их способности выделять "лингвогеографические объекты" (с. 33), неправомерно по крайней мере по двум причинам. Во-первых, в СТК выделяются не лингвогеографические объекты, а совокупности говоров (разного рода), и СТК заканчивается до того, как ее результаты оказываются отраженными на карте (см. выше). Во-вторых, признаки основания СТК очень строго разграничены по их способности выделять совокупности говоров. При этом в отличие от ДЧ, в котором признаки делятся на две группы – выделяющие четкие ареалы (наиболее важные для деления) и не занимающие компактной территории, в СТК по способности различать классификационные единицы одного уровня деления оцениваются все признаки основания, все признаки могут быть выстроены в ранжированный ряд, в котором значения их классификационных весов меняются (для русских говоров) монотонно. Ранжированный ряд весов (условно!) делится на две части (по определенному правилу – [Пшеничнова 1996, 22]): 1) главные для данного разбиения и 2) все остальные.

Таким образом, **классификационный вес признаков зависит только от распределения их по говорам** и, вопреки сомнениям Л.Л. Касаткина (с. 31), не меняется в зависимости от того, сколько карт ДАРЯ отражает данный признак (естественно, если этот признак на разных картах отмечен в одних и тех же нас. п.). Числовое выражение классификационного веса может быть получено после завершения классификации. Так, были определены классификационные веса всех признаков и выделены среди них "Главные" для каждого разбиения всех четырех уровней деления, то есть выделены такие, роль которых в классификации, **для каждого разбиения отдельно**, была наиболее существенной. Следовательно, в классификации участвуют все признаки, отмеченные хотя бы в одном говоре той совокупности, которая подлежит делению, но при этом роль признаков в делении различна. Например, на первом уровне СТК участвуют все 4416 признаков, а не только те 307, которые относятся к Главным, как пишет Л.Л. Касаткин (с. 27; ср. [Пшеничнова 1996, 22]). Значение этих 307 признаков

для деления на первом классификационном уровне оказалось наиболее существенным, потому они и названы "Главными" (Главные для деления!). Все другие признаки также внесли свой вклад в классификацию, но их роль в СТК менее значительна [Пшеничнова 1996, 20–22].

Важно отметить строгую закономерность в том, как классификационные веса признаков СТК соответствуют лингвогеографической характеристике признака: малейшее расхождение в распределении языковых черт по говорам отражается в их классификационных весах, и это очень убедительно показывает сопоставление весов признаков с картами ДАРЯ, на которых соответствующие признаки отражены. Наглядный пример этому приводится в [Калнынь 2000]. Приведу еще один пример, который интересен в том отношении, что он рассматривается и в статье Л.Л. Касаткина, и является при этом свидетельством того, что Л.Л. Касаткин не различает признаки, наиболее важные в языковой системе, с одной стороны, и наиболее важные для деления, с другой – (в противоречии с этим находится сформулированный им же известный лингвогеографический принцип определения важности признака для деления, о котором было сказано выше).

На первом уровне СТК классификационный вес признаков означает их роль в разделении всего рассматриваемого множества говоров на четыре единицы классификации: две однородные группы говоров (Севернорусского и Южнорусского д.т.), переходную совокупность (Среднерусские говоры) и смешанную совокупность разнородных говоров (говоры Западнорусского д.т.). Для этого, первого, уровня СТК самым высоким является классификационный вес признака "[о] на месте *о* в заударном конечном закрытом слоге после твердых согласных (*ко́л*[о]*с*, *хо́л*[о]*д* и т.п.)". Это отражается в относительной частоте (р) данного признака в выделившихся классификационных единицах (в С р = 0,951; в Ю р = 0,006; в Зап. р = 0,089; в П р = 0,209), а карта № 17 ДАРЯ показывает, что эта языковая черта делит территорию атласа наиболее четко (см. [Пшеничнова 1996; 190, первая строка таблицы и карта № 1; ДАРЯ 1986: карта № 17, признак 7]). В то же время такой важный для характеристики говоров Севернорусского д.т. признак, как "Различение /о/ и /а/ в 1-ом предударном слоге после твердых согласных в [о] – [а] (оканье): *в*[о]*да́*, *к*[о]*сы́* и т.п. – *тр*[а]*ва́*, *стр*[а]*ды́* и т.п." (различение именно в [о] – [а], а не в других звуках!), вносит меньший вклад в деление, так как его распределение по говорам четырех классификационных единиц первого уровня различается в меньшей степени (относительная частота данного признака в четырех названных классификационных единицах первого уровня равна: в С р = 0,637; в Ю р = 0,011; в Зап. р = 0,043; в П р = 0,421), и его классификационный вес соответственно является более низким [Пшеничнова 1996; 191, вторая строка снизу и карта № 1; ДАРЯ 1986; карта № 1]. Равным образом меньший, чем первый из названных признаков, вклад в деление вносит такой признак, как аканье недиссимилятивное, который имеет, хотя и очень высокий классификационный вес, но все-таки ниже целого ряда других (относительная частота аканья в четырех единицах первого уровня классификации равна: в С р = 0,03; в Ю р = 0,863; в Зап. р = 0,505; в П р = 0,444) [Пшеничнова 1996; 191, первая строка сверху и карта № 1; ДАРЯ 1986: карта № 1].

Из числа признаков, Главных для деления, устанавливаются типоопределяющие признаки и сопутствующие–Гл., которые вместе с сопутствующими–Эталонными и составляют тип диалекта (диалектный тип). В зависимости от того,

www.ruslang.ru

единицу какого разбиения характеризует тот или иной признак, статус одного и того же признака как типоопределяющего, сопутствующего–Гл. или сопутствующего–Эт. может меняться.

Каждая выделившаяся единица классификации характеризуется, кроме того, признаками, которые наиболее распространены в говорах данной единицы деления, независимо от того, как эти признаки распределены по говорам других единиц того же разбиения. Эти признаки образуют Эталон типичности данной классификационной единицы (подробнее в: [Пшеничнова 1996; 16, 36–38; ДД. Приложение 2]).

2.2.2. ХАРАКТЕРИСТИКА выделившихся классификационных единиц включает в себя все признаки, отмеченные в говорах данной единицы, а не только Главные, и строится, вопреки утверждению Л.Л. Касаткина (с. 31), традиционно: черты фонетико-фонологические, морфологические, синтаксические, лексико-семантические. При этом раздельно перечисляются языковые черты, более всего различающиеся своим распределением по говорам разных единиц **одного разбиения**, – типоопределяющие признаки, и языковые особенности, распределение которых по говорам разных единиц **одного разбиения** различается менее существенно, – признаки сопутствующие–Гл. и сопутствующие–Эт. ([Пшеничнова 1996; 38–42; 56–157]). В частности, различение /о/ и /а/ в первом предударном слоге после твердых согласных не только в [о] – [а], но и в других гласных (напр., *в*[у]*дá, в*[у]*ды́* и т.п. – *тр*[а]*вá, тр*[а]*вóй* и т.п.) является типоопределяющим признаком в характеристике говоров Севернорусского д.т. (ср. [Пшеничнова 1996, 59 – признак 7] и [ДАРЯ 1986, карта № 11]), в то время как различение /о/ и /а/ в той же позиции, но только в гласных [о] – [а] (*в*[о]*дá, в*[о]*ды́* и т.п. – *тр*[а]*вá, тр*[а]*вóй* и т.п.) является Сопутствующим–Гл. признаком Севернорусского д.т. (ср. [Пшеничнова 1996, 61 – признак 1, 191 – таблица, вторая строка снизу] и [ДАРЯ 1986, карта № 1], а признак "аканье независимо от гласного под ударением" является сопутствующим–Гл. Южнорусского д.т. (ср. [Пшеничнова 1996, 96 – признак 1] и [ДАРЯ 1986, карта № 1]).

2.3.1. Л.Л. Касаткин перечисляет такие примеры, в которых одни и те же типоопределяющие признаки входят в разные диалектные типы, и на основании этого делает вывод, что подобные признаки не могут диагностировать тип (с. 33). Этот вывод основан на очень существенном заблуждении: Л.Л. Касаткин сравнивает диалектные типы, характеризующие такие классификационные единицы, которые входят в разные разбиения. Эти единицы нельзя рассматривать в одном ряду, как нельзя рассматривать в одном ряду и единицы ДЧ, относящиеся к разным уровням деления: "〈...〉 непосредственно противопоставлены друг другу диалекты только одной ступени членения, одного "ранга" 〈...〉, так как только в этих случаях наличествуют соотносительные языковые черты, взаимно исключаемые в разных диалектах данной ступени членения, по которым они выделяются и которые можно назвать конститутивными (ср. типоопределяющие признаки в СТК. – *Н.П.*). Попытка противопоставить диалекты разных ступеней членения (например, диалекты первой и второй ступени) всегда будет неудачна. 〈...〉 Неудачей кончается и попытка противопоставить диалекты разных ступеней членения (например, 1 и 2) по чертам, которыми диалект 2 отличается от диалекта той же ступени членения 2а: специфические черты одного и того же диалекта низшего ранга (2 и 2а) по отношению к "своему" диалекту высшего ранга (1), в который они входят, являются безразличными,

нейтральными – в составе диалекта 1 они могут наличествовать, но могут и отсутствовать" [Аванесов 1965, 32].

Так, например, приведенный Л.Л. Касаткиным (с. 33–34) признак "[К'] на месте *к* твердого после этимологически парных мягких согласных в неединичным случаях: Вань[к'а], редь[к'а] и т.п." является в СТК типоопределяющим и Вологодского д.т., и Брянского д.т., и отмечен также во многих говорах Южнорусского д.т. Здесь сравниваются д.т. СТК разных рангов, относящиеся к группам говоров, входящих в разные разбиения. Этот пример подробно рассмотрен мной в [Пшеничнова – в печати-1].

Перейдем к другому примеру из числа приведенных Л.Л. Касаткиным. "Отсутствие конечного *т* в окончании 3 л. мн. ч. глаголов II спряжения с ударением на окончании: *они сидя́, крича́* и т.п." (с. 34) является типоопределяющим признаком и Новгородского, и Новгородско-Ладожского, и Среднедонского д.т., а кроме того, эта черта распространена во многих говорах Псковского и в некоторых говорах Южнорусского д.т. Все эти классификационные единицы входят в разные разбиения, и потому сравнивать их характеристики в одном ряду нельзя.

Для того, чтобы четко представлять себе, группу говоров какого уровня деления характеризует тот или иной диалектный тип и с какими говорами данная группа составляет одно разбиение, обратимся к схемам 5–8 в [Пшеничнова 1996, 49–50], в которых отражена иерархия классификационных единиц СТК.

В нашем примере Новгородский д.т. – тип второго ранга, и его типоопределяющие признаки – это такие, которые более всего отличают группу говоров Новгородского д.т. от говоров других классификационных единиц того же второго уровня деления, составляющих вместе с группой Новгородского д.т. одно разбиение, то есть образуют вместе с Новгородскими группу говоров предыдущего, более высокого, уровня деления – совокупность говоров Севернорусского д.т. Карта № 81 [ДАРЯ 1989] в сопоставлении с картой 2 [Пшеничнова 1996] показывает, что названный признак в севернорусских говорах распространен почти исключительно в говорах Новгородского д.т.

Новгородско-Ладожский д.т. – тип третьего ранга, и его типоопределяющие признаки – это такие, которые более всего отличают говоры данного типа от других говоров, составляющих вместе с говорами Новгородско-Ладожского д.т. одно разбиение в пределах группы говоров Новгородского д.т., а карта № 81 [ДАРЯ 1989] в сопоставлении с картой 2 [Пшеничнова 1996] позволяет видеть, что признак "*они сидя́, крича́* и т.п." среди всех говоров Новгородского д.т. более всего распространен в говорах Новгородско-Ладожского д.т.

Среднедонской д.т. – тип четвертого ранга, но уже в пределах говоров Южнорусского д.т. Его типоопределяющие признаки – это такие, которые более всего отличают говоры данной группы от других говоров, составляющих вместе с говорами Среднедонского д.т. одно разбиение, то есть образующих одну совокупность более высокого, третьего, уровня деления. Карта № 81 [ДАРЯ 1989] и карта 4 [Пшеничнова 1996] подтверждают это.

Псковский д.т. – тип третьего ранга, но в пределах говоров Западнорусского д.т. Его типоопределяющие признаки – это такие, которые более всего отличают говоры Псковского д.т. от других говоров, входящих вместе с Псковскими в одно разбиение, то есть образующих вместе с Псковскими одну группу предыдущего, второго, уровня деления – группу говоров Северо-западного д.т. Карта № 81 [ДАРЯ 1989] и карта 7 [Пшеничнова 1996] показывают, что рассматриваемый

признак не выделяет группу Псковского д.т. из всей совокупности Северо-западного д.т., так как он распространен во многих и других говорах Северо-западного д.т. и потому не является типоопределяющим Псковского д.т. Однако этот признак не относится к числу типоопределяющих и Северо-западного типа (то есть таких, которые более всего отличают говоры Северо-западного д.т. от других говоров того же разбиения), так как этот признак отмечен и в говорах Юго-западного д.т., которые вместе с говорами Северо-западного д.т. и разнородными говорами Западнорусского д.т. образуют одно разбиение. В этом можно убедиться, сопоставив карты № 81 [ДАРЯ 1989] и № 7 [Пшеничнова 1996].

Формы типа "*они сидя́, стуча́* и т.п." распространены, как сказано выше, и в некоторых южнорусских говорах, по формулировке Л.Л. Касаткина, "характеризуемых Н.Н. Пшеничновой как "другие переходные говоры Южнорусского д.т." (с. 34). Таким названием на обобщенной (по техническим причинам) карте СТК, опубликованной в [Русский язык 1997], я объединила разрозненные говоры, относящиеся к разным переходным единицам в пределах говоров Южнорусского д.т. Все эти единицы отражены в схеме 7 и на карте 5 [Пшеничнова 1996, 51] и могут быть рассмотрены в том же плане, что и названные выше.

Точно так же и все другие примеры, которые, по мнению Л.Л. Касаткина, свидетельствуют о невозможности определить диалектный тип говора, **относятся к характеристикам групп говоров разных разбиений и потому не могут рассматриваться в одном ряду.**

2.3.2. Примеры, приведенные Л.Л. Касаткиным в его статье, могут ввести читателя в некоторое заблуждение: можно подумать, что определить диалектный тип каждого вновь зафиксированного говора по СТК это значит определить, к какому из всех тридцати четырех д.т., выделенных в СТК, можно отнести данный говор, считая все тридцать четыре д.т. равноправными. Это было бы большой ошибкой. Следует еще раз обратить внимание на то, что тридцать четыре диалектных типа, полученных в СТК, нельзя рассматривать в одном ряду – это типы разных рангов, относящиеся к единицам СТК разных разбиений.

Типоопределяющие признаки позволяют диагностировать диалектный тип каждого вновь зафиксированного говора, но это должно проходить в том же порядке, как проводится и вся СТК, то есть сначала определяется диалектный тип говора на первом классификационном уровне, далее – на втором, затем – на третьем и, наконец, на четвертом уровне деления.

3. Не вполне ясные рассуждения Л.Л. Касаткина по поводу того, что нельзя смешивать два типа классификации – "построенной по принципу определителя" и "так сказать, классификация наоборот" (с. 33), по-видимому, следует понимать, как констатацию известного положения о том, что политетическая классификация, или порождение, или иначе конструктивный способ построения классификации, отличается от монотетической, или исчисления, или иначе аксиоматического способа построения классификации (см. [Общее языкознание 1973, 240]), которые, естественно, невозможно объединить в одну. Построенная мной СТК – это политетическая классификация и только.

4. Ответ на замечания относительно говоров Костромского акающего острова (с. 37) содержатся в моей статье в [Пшеничнова – в печати-2]. Здесь обращаю внимание лишь на то, что Л.Л. Касаткин сравнивает классификационный статус этих говоров на первом уровне деления в ДЧ с их классификационным статусом в СТК на четвертом уровне, что совершенно неверно.

5. Некоторые замечания Л.Л. Касаткина вызваны досадными недоразумениями. Я остановлюсь только на следующих двух.

Первое. Л.Л. Касаткин пишет, что в характеристику говоров Севернорусского д.т. включен признак "произношение [ъ] на месте /о/ во втором предударном неприкрытом слоге", причем как признак, относящийся к числу Главных (с. 31). В действительности этого признака в моей характеристике говоров Севернорусского д.т. нет (см. [Пшеничнова 1996, 59–62]). Недоразумение объясняется тем, что в условных обозначениях к карте № 35 [ДАРЯ 1986], на которой отражен названный признак, знаки стоят не в том порядке, как это было в оригинале карты. В связи с̀ этим признак с № 1122 (в таблице на с. 190 моей книги – 3-я строка сверху) – это не [ъ], а [о] на месте /о/ во 2-ом предударном неприкрытом слоге[7]. В этом можно убедиться, если посмотреть характеристику говоров Севернорусского д.т. в моей книге [Пшеничнова 1996, 60 – порядковый номер признака 24] (ср. также Онежский д.т. [там же: 73, порядковый номер признака 3]).

Второе. К сожалению, на с. 97 моей книги [Пшеничнова 1996] допущена досадная опечатка, которая и вызвала замечание (с. 32): в характеристике говоров Южнорусского д.т. назван признак "[г] в сильной позиции – [к] в слабой", то есть взрывные согласные, вместо фрикативных, которые должны быть в действительности. Указанные при этом № признака (1186), а также № карты (44) и № условного обозначения на карте (2) [ДАРЯ 1986] подтверждают, что в данном случае имеется в виду [γ] – [х]. Эта же опечатка – и на с. 107 (в других случаях признак с № 1186 раскрыт правильно – см. [там же, 100, 105]). Прошу читателей моей книги извинить меня и внести в своей экземпляр книги поправку.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] По-видимому, в связи с тем, что Л.Л. Касаткин не принимал участия в создании АВ ДАРЯ и не знаком с содержанием этой системы, в его статье искажаются факты, относящиеся к созданию АВ ДАРЯ.

АВ ДАРЯ создан сотрудниками отдела диалектологии и лингвогеографии и отдела Машинного фонда русского языка ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН при участии математика-программиста. АВ ДАРЯ должен был стать одной из составляющих Диалектологического фонда русского языка, проект которого как части Машинного фонда русского языка в целом был также разработан.

Система "Автоматизированный (не "автоматический"!) вариант Диалектологического атласа русского языка" (АВ ДАРЯ) названа так в соответствии с определением автоматизированной информационной системы, которое было сформулировано академиком В.М. Глушковым [Глушков 1987, 160–161], ее характеристика дана в [Пшеничнова 1987, 1989]. Система АВ ДАРЯ создавалась в течение неполных двух лет (1986–1987) и была предназначена для машин типа ЕС ЭВМ, которые сейчас в России уже не используются. Позднее, в конце 80–90-х годов по различным причинам, прежде всего финансовым, эта система не была переведена на другие типы компьютеров, и в настоящее время в Машинном фонде Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН существуют данные ДАРЯ и программа классификации говоров. В связи со сказанным название "компьютерный вариант ДАРЯ", предлагаемое Л.Л. Касаткиным (с. 27), было бы неверным.

Естественно, что без АВ ДАРЯ невозможна была бы, в частности, и СТК русских говоров, как она была бы невозможна вообще без ДАРЯ и в целом – без всех тех материалов, которые собраны огромной армией диалектологов в течение более двух десятилетий, а в конечном итоге – и без тех капитальных трудов по русской диалектологии, которые были созданы ранее. Им всем благодарны все диалектологи, работающие с материалами и картами ДАРЯ.

[2] Разбиение – разделение классификационной единицы более высокого уровня классификации на составляющие ее единицы следующего, более низкого уровня; пример разбиения: [Говоры Новгородского д.т. = Говоры Новгородско-Ладожского д.т. + другие – разнородные – говоры Новгородского д.т.].

[3] Следует при этом обратить внимание и на то, что термин "диалектный тип" (или "тип диалекта") Л.Л. Касаткин употребляет в одном ряду с такими понятиями, как "наречие", "группа говоров", то есть рассматривает тип диалекта как единицу классификации. В действительности же в СТК тип диалекта, или диалектный тип, – это не группа говоров, а комплекс признаков, характеризующих однородную (как правило) группу говоров (исключение – говоры Западнорусского д.т., однородной группы не образующие). (Ср. "тип макросистемы" – [Аванесов 1963, 305]).

[4] Хотелось бы отметить, что и К.Ф. Захарова – один из авторов ДЧ, – подробно рассмотрев результаты проведенной мной СТК, оценила ее весьма положительно. По мнению К.Ф. Захаровой, высказанном мне в частной беседе, очень важным и интересным является тот факт, что классификация говоров, проведенная другим, нелингвогеографическим, методом привела к результатам, очень близким ДЧ, которые оценивают русские говоры на основании тех же данных, но с другой точки зрения.

[5] Подробнее об этом в: [Пшеничнова – в печати-1].

[6] В рецензии на мою книгу "Типология русских говоров" М. Арапов высказывает критические замечания по поводу формулы (1) в [Пшеничнова 1996, 10], по которой якобы я вычисляю классификационный вес признаков [Арапов 1998, 229]. К большому сожалению, М. Арапов допускает существенную ошибку: по формуле (1) в моей книге определяется не степень существенности признаков, как пишет автор рецензии, а мера близости между двумя говорами по данному признаку.

[7] АВ ДАРЯ, с помощью которого была проведена СТК, создавался не по изданным картам ДАРЯ, а по их оригиналам, так как в оригиналах номера нас. пп. даны на каждой карте, а не только на кальке, как в изданном атласе, а это для создания АВ ДАРЯ было очень важно.

Значение каждого из признаков, указанных в таблице книги [Пшеничнова 1996, 190–197], следует определять прежде всего по данным в книге [там же, 59–157] характеристикам тех диалектных типов, для которых признак в таблице отмечен как типоопределяющий или сопутствующий–Гл., а затем можно сопоставить значение признака с показаниями ДАРЯ.

Можно отметить (хотя это ясно из характеристик диалектных типов в названной книге), что в оригинале карты № 35 [ДАРЯ 1986] признаки пронумерованы так: № 1 – [а], № 2 – [ъ], № 3 – [о], № 4 – [у], № 5 – [и].

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник Московского университета. 1947. № 9.

Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949.

Аванесов Р.И. Структура диалектного языка и проблема выделения языков и диалектов // Вопросы теории лингвистической географии / Под ред. чл.-корр. АН СССР Р.И. Аванесова. М., 1962.

Аванесов Р.И. Описательная диалектология и история языка // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963.

Аванесов Р.И. Диалекты // Русская диалектология / Под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. М., 1964.

Аванесов Р.И. О двух аспектах предмета диалектологии // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1965.

Арапов М. О классифицировании диалектов. Заметки о монографии Н.Н. Пшеничновой "Типология русских говоров" // Русистика сегодня. ОЛЯ РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. № 3–4/98.

Глушков В.М. Основы безбумажной информатики. М., 1987.

ДАРЯ – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР.

Под ред. Р.И. Аванесова, С.В. Бромлей. Вып. I. Фонетика. М., 1986. Вып. II. Морфология. М., 1989. Вып. III. Лексика. Синтаксис. Часть 1. М., 1997. Часть 2 (в печати).

Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка // Русская диалектология / Под ред. Л.Л. Касаткина. М., 1989.

Калнынь Л.Э. [Рец.]: Н.Н. Пшеничнова. Типология русских говоров. М., 1996, 208 с. + 7 карт // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1994–1996. М., 2000.

Касаткин Л.Л. Диалектное членения русского языка, типология русских говоров и статус Чухломского акающего острова // Материалы и исследования по русской диалектологии I (7). К 100-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Р.И. Аванесова. М., 2002.

Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии. Составили Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколов и Д.Н. Ушаков. М., 1915.

Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. М., 1973.

Попова Т.В. [Рец.] Пшеничнова Н.Н. Типология русских говоров. М., 1996, 208 стр., 7 карт // Russian Linguistics 23. Gottingen. 1999.

Пшеничнова Н.Н. Автоматизированный вариант диалектологического атласа русского языка (АВ ДАРЯ) // Лингвистические задачи и обработка данных на ЭВМ. М., 1987.

Пшеничнова Н.Н. Диалектологический атлас русского языка и его Автоматизированный вариант // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1985–1987. М., 1989.

Пшеничнова Н.Н. Типология русских говоров. М., 1996.

Пшеничнова Н.Н. Среднерусские говоры в структурно-типологической классификации русских говоров // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1994–1995. М., 2000.

Пшеничнова Н.Н. Структурно-типологическая классификация говоров и диалектное членение русского языка // Исследования по славянской диалектологии. Dialectologia Slavica. 4. Сб-к к 85-летию С.Б. Бернштейна. М., 1995.

Пшеничнова Н.Н. О принципах диалектного членения и структурно-типологической классификации говоров Московской диалектологической школы // ОЛА. Мат-ы и иссл. 2001–2002. К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Рубена Ивановича Аванесова (в печати-1).

Пшеничнова Н.Н. Говоры Костромского акающего острова в структурно-типологической классификации русских говоров // ОЛА. Мат-ы и иссл. 2001–2002 (в печати-2).

Пшеничнова Н.Н. Типология русских говоров Дис. ... доктора филол. наук. Приложение (хранится в библиотеке ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН).

Русская диалектология. Под ред. Р.И. Аванесова, В.Г. Орловой. М., 1964.

Русский язык. Энциклопедия. Изд. 2-ое. М., 1997 (цветная вклейка).

Якобсон Р. Фонетика одного северно-великорусского говора с намечающейся переходностью // Roman Jakobson. Selected Writings. 1971. Mouton. The Hague; Paris.

Якобсон Р. [Рец.] Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколов, Д.Н. Ушаков. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, с приложением очерка русской диалектологии. ("Труды Моск. Диал. Комиссии", вып. V). М., 1915 // Этнографическое обозрение. Год 28-й. Кн. CIX–CX. 1916, № 1–2. М., 1916.

Л.И. Баранникова

ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ ТАБЛИЧНО-ЧИСЛОВОГО ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АТЛАСА РУССКОГО ЯЗЫКА НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРОВ ТЕРРИТОРИЙ ПОЗДНЕГО ЗАСЕЛЕНИЯ

Развернувшаяся в XX в. работа по составлению Диалектологического атласа русского языка была связана, прежде всего, с описанием говоров исконной территории его формирования. Лишь позднее встал вопрос о составлении диалектологических атласов говоров территорий позднего заселения, к которым относятся и говоры Среднего и Нижнего Поволжья.

Р.И. Аванесову принадлежит большая заслуга в том, что он помог в организации работы по изучению говоров территории позднего заселения. Эта проблема специально обсуждалась на одном из диалектологических совещаний, ежегодно проводимых Институтом русского языка АН, и получила отражение в печати[1].

Само понятие "говоры территорий позднего заселения", ставшее традиционным в диалектологии, в значительной степени условно. Оно используется для обозначения говоров территорий, вошедших в состав Русского государства сравнительно поздно, в основном в период после XVI–XVII вв., а на ряде территорий и позже, уже в период XVIII–XIX вв. В европейской части России к территориям позднего заселения относятся, в частности, районы Среднего и Нижнего Поволжья. Широко представлены эти говоры и в Сибири, что определяет актуальность разработки проблемы их описания и картографирования[2].

Естественно, что в высших учебных заведениях Поволжья, в частности Саратове и Самаре много внимания уделялось изучению поволжских говоров. В Саратове и Самаре проводились специальные совещания по проблемам изучения и описания говоров территорий позднего заселения[3].

Обследование поволжских говоров проводилось в течение ряда лет вузами, расположенными на территории Поволжья. Материалы обследования не всегда были достаточно высокого качества, что связано было, прежде всего, со сложностью состава говоров исследуемой территории, заселенной выходцами из разных районов России, переселявшихся в разное время, что отражалось на характере диалектов переселенцев и степени сохранения черт, свойственных их говорам в прошлом.

В ряде случаев приходилось проводить повторное обследование и менять избранные ранее пункты, оказавшиеся заселенными носителями других славянских языков, чаще всего носителями украинского языка или смешанных русско-украинских диалектов.

---

[1] См.: *Баранникова Л.И.* Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // Вопросы языкознания. 1975. № 2.

[2] *Баранникова Л.И.* Говоры территорий позднего заселения и проблема методов их изучения // Проблемы изучения русских говоров вторичного образования. Кемерово, 1983.

[3] См., например, сборники "Вопросы русской диалектологии" (Куйбышев, 1982) и "Проблемы изучения русских говоров вторичного образования" (Кемерово, 1983).

Первоначально намечалось провести обследование 605 пунктов, что отразилось на нумерации пунктов, с 1 до 605. В ходе процесса изучения материала выявилась потребность включения дополнительных пунктов. Чтобы не менять всю ранее принятую нумерацию для обозначения вновь введенных пунктов, было использовано введение дополнительного буквенного обозначения. К номеру предшествующего пункта прибавлялась буква "а". Так появились дополнительные обозначения с буквой "а" (002а, 048а, 219а и т.д.). Особенно заметно количество таких пунктов в Пензенской области, что связано со сложным характером пензенских говоров, явившихся результатом сложных условий ее заселения, что отразилось и на составе говоров.

Всего обследовано и проанализировано было 623 пункта, которые по областям распространены неравномерно, что зависит, прежде всего, от величины территории области и от особенностей ее заселения и современной представленности говорами разного типа. Обследованные пункты по областям распределяются следующим образом.

№№ по порядку	Область	Нумерация населенных пунктов	Общее количество обследованных пунктов
1.	Ульяновская	с 1 по 60	64
2.	Самарская	61–218	153
3.	Пензенская	219–260	53
4.	Саратовская	261–525	270
5.	Волгоградская	527–605	76

Естественно, что не все пункты были обследованы с достаточной полнотой и точностью, но поскольку проводился отбор пунктов не только по их месту на карте, но и по полноте и качеству собранного материала (в ряде случаев проводилось дополнительное обследование), можно считать, что полученные данные достаточно полно и объективно отражают диалектные особенности описываемых говоров территорий позднего заселения.

Проанализированный по 294 вопросам специальной Программы[4] материал дает достаточно полное представление о специфике говоров картографируемой территории и может служить основанием для составления карт разного типа, характеризующих специфику говоров территорий позднего заселения. Разработка материала и составление атласа говоров данной территории важны не только сами по себе, но они имеют существенное значение для разработки общей теории лингвогеографических исследований говоров территорий позднего заселения, а к их числу, как уже отмечалось, относятся многие районы как европейской, так и азиатской части России.

Для этих территорий характерно не только наличие разных типов говоров, но и их сосуществование в одном и том же пункте, заселение которого проходило в разное время выходцами из разных губерний. В говорах вновь заселенных территорий отмечалось и сосуществование говоров разного типа, и их взаимовлияние, приводившее к образованию новых сложных особенностей диалект-

[4] Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. М.; Л., 1947.

ных систем. Говоры территорий позднего заселения обычно характеризуются значительной сложностью и пестротой, так что не всегда легко определить их основной тип. Сложность говоров территорий позднего заселения особенно отчетливо выявляется при их картографировании.

Перед диалектологом возникает две возможности: а) упрощение карты, выявление только наиболее существенных различий; б) поиски новых путей и способов передачи сложного материала.

В опубликованном "Атласе русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья"[5] при составлении карты по характеру безударного вокализма в позиции после мягких согласных автор пошел по пути упрощения материала. Картографировано произношение, представленное в большинстве слов. Тип произношения, наблюдаемый лишь в отдельных словах, не получил отражения на карте.

Такой подход не вполне правомерен, так как он не раскрывает всей сложности диалектных систем и особенности диалектных процессов в условиях говоров территорий позднего заселения.

Проведенный анализ всего собранного по Среднему и Нижнему Поволжью материалу показал сложность материала и необходимость поиска новых путей его описания и анализа.

Проведенный анализ всего собранного материала показал наличие ответов по 180 вопросам диалектной программы из общего числа 294 вопроса. Ответы по остальным вопросам указывали или на отсутствие обозначенного явления, или вызывали сомнения в правильности. Из выделенных 180 вопросов 42 относилось к фонетике, 58 – к грамматике и 80 – к лексике. Такое преобладание ответов по лексике естественно, так как и общее число вопросов по лексике в Программе достаточно велико (154 вопроса по лексике при 67 по фонетике и 74 по грамматике).

Лексические различия не вызывают особых трудностей при картографировании, но многие из них малоинформативны, так как часто отмечаются лишь в ответах по отдельным пунктам и не всегда есть уверенность в их отсутствии в других пунктах, они просто могли остаться незамеченными.

Представленность отдельных явлений лишь в ограниченном числе пунктов, с одной стороны, и многообразие возможных вариантов, – с другой, весьма затрудняет картографирование обычного типа. В одном случае особенности говоров наблюдаются лишь в отдельных пунктах, в других – имеют смешанный многоаспектный характер. А иногда в одном и том же пункте отмечается и то и другое. Все это весьма затрудняет картографирование и делает его малоинформативным. Малоинформативны карты, в которых приведенные особенности отмечены лишь в отдельных пунктах, но в то же время наличие таких единичных явлений весьма показательно для говоров территорий позднего заселения.

Сложны для построения и карты с большим количеством различий между говорами разных пунктов. В этом отношении очень показательна карта произношения безударных гласных в позиции после мягких согласных. Имеются в виду ответы на вопросы с 3 по 9 включительно, показывающие специфику проявления безударного вокализма после мягких согласных в разных фонетических условиях (см. вопросы Программы с 3 по 9 включительно).

---

[5] *Баранникова Л.И.* Атлас русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья. Саратов, 2000.

Обозначение типа произношения	Области				
	Ульяновская	Самарская	Пензенская	Саратовская	Волгоградская
11 – оканье	49	60	13	44	1
11в – оканье с единичными примерами аканья	6	10	6	12	5
22 – аканье	6	80	35	196	67
12 – сочетание оканья и аканья	–	2	–	18	18

Передача материала на одной карте для сложных говоров территорий позднего заселения, как уже говорилось ранее, по существу, просто невозможна, а составление ряда карт нецелесообразно, так как в ответах по ряду вопросов трудно получить полный материал.

В этом случае целесообразно использовать другие методы обработки диалектного материала. В "Программе..." приводится целый ряд вопросов (с 3 по 9), ответы на которые дают полное представление о специфике безударного вокализма в позиции после мягких согласных в разных типах и группах слов. Использование традиционного метода картографирования, как уже говорилось, просто невозможно, а вместе с тем оно очень важно.

В этом случае представляется целесообразным использование другой методики, которую мы называем количественно-числовой.

В этом случае составляется таблица (см. приложение III), в левом столбце которой приводятся номера пунктов, а в правом – условное цифровое обозначение картографируемого явления, при этом каждый вариант произносимого в данной позиции звука получает свое цифровое обозначение. Это цифровое обозначение является обязательным для всех карт-таблиц, передающих особенности безударного вокализма. Принятое цифровое обозначение передает и тип звука, и тип произношения. В приведенной таблице, показывающей характер безударного вокализма после мягких согласных, цифра 2 означает яканье, т.е. произношение типа *п'атно, с'астра, в'асна* и т.п., цифра 3 – еканье (*с'естра, в'есна*), 4 – иканье (*с'истра, в'исна*) и т.д. Цифра 1 передает сохранение произношения гласных, т.е. их различение (*с'естра, в'есна*, но *п'атно*).

Уточнение вариантов произношения, например уточнение типов яканья, передается сочетанием цифр (см. прилагаемую таблицу I цифрового обозначения типов предударного вокализма).

Цифры правого столбца табл. III указывают на характер произношения гласных первого предударного слога после мягких согласных в том или ином пункте (см. цифры левого столбца). Такой способ подачи диалектного материала позволяет передать специфику говоров даже в описании сложных вариантов произношения безударных гласных в позиции после мягких согласных.

Этот принцип сохранен и в позиции указания типов безударного вокализма после твердых согласных. Говоры описываемой территории в данном случае характеризуются меньшим разнообразием, но все же их соотношение по областям достаточно выразительно. Это отражено в таблице, где цифры 22 указывают на

аканье, 11 – на оканье, а 12 – на говоры, в которых эти типы произношения сочетаются.

Принятый принцип таблично-цифровой передачи материала позволяет, с одной стороны, достаточно полно и выразительно передать материал, а с другой – упростить его подачу. Но дело не только в этом. Важно, что цифровая методика облегчает не только возможность представления материала, его подачу, позволяет учитывать не только наличие того или иного явления, но и степень его распространения. В этом случае учитывается и степень распространения языковых явлений, типичность или, наоборот, ограниченность исследуемых явлений в разных говорах.

В случаях слабой представленности материала не составляются специальные карты и полные таблицы, а приводится только список единичных пунктов, в которых было зафиксировано данное явление. Не составляются при этом и полные таблицы, охватывающие все пункты, а дается лишь список номеров пунктов, в которых были зафиксированы данные явления. По предварительным подсчетам число полных цифровых таблиц может быть сведено к 110–120. Около 20–30 таблиц могут быть представлены в сокращенном виде. Часть материала (примерно около 20–25 пунктов) может быть представлена в виде простого описания.

Думается, что и такого вида дополнительный материал важно ввести в научный оборот и сделать достоянием не только диалектологов-специалистов, но и всех интересующихся своеобразием диалектных вариантов русского языка.

Приложение

Типы предударного вокализма после мягких согласных и их распространение по говорам

I. Условные обозначения типов предударного вокализма после мягких согласных.
II. Распространение типов предударного вокализма по областям.
III. Представленность типов предударного вокализма в обследованных пунктах.

I.

11 – последовательное различение гласных
22 – яканье
33 – еканье
44 – иканье
24 – умеренное яканье
25 – диссимилятивное яканье
26 – ассимилятивное яканье
256 – ассимилятивно-диссимилятивное яканье
254 – диссимилятивно-ассимилятивное яканье
н – отсутствие данных

II.

Тип произношения	Области					Общее количество ответов
	Ульяновская	Самарская	Пензенская	Саратовская	Волгоградская	
11	53	66	21	64	10	214
22	–	5	–	5	–	10
33	3	6	–	–	–	9
44	3	5	16	22	9	55
24	11	39	16	138	18	212
25	–	–	–	3	–	3
254	–	7	–	3	3	13
256	–	17	1	27	28	72
Всего	70	167	54	267	68	588

III.

001	11	041a	44	082	11	124	24	166	24
002	11	042	11	083	11	125	22	167	256
002a	11	042a	11	084	22	126	–	168	33
003	11	043	11	085	22	127	11	169	24
004	44	044	11	086	11	128	11	170	11
005	44	045	11	087	11	129	24	171	24
006	11	046	11	088	11	130	11	172	11
007	11	047	11	089	24	131	11	173	24
008	11	048	11	090	24	132	11	174	44
009	11	048a	11	091	24	133	11	175	33
010	11	049	11	092	24	134	25	176	24
011	11	051	31	093	24	135	11	177	11
012	11	051a	11	094	11	136	33	178	256
013	11	052	11	095	11	137	33	179	24
014	11	053	11	096	11	138	24	180	256
015	11	054	11	097	11	139	11	181	24
016	11	054a	11	098	н	140	25	182	33
017	11	055	11	099	11	141	11	183	256
018	11	056	11	100	11	142	н	184	24
019	11	057	11	101	25	143	24	185	32
020	11	060	11	102	25	144	24	186	24
021	11	061	11	103	11	145	24	187	256
022	11	062	11	104	11	146	11	188	–
023	11	063	11	105	11	147	24	189	24
024	11	064	11	106	11	148	11	190	24
025	11	065	11	107	11	149	11	191	11
026	33	066	11	108	24	150	11	192	11
027	11	067	11	109	11	151	11	193	н
028	11	068	11	110	11	152	256	194	24
029	11	069	11	111	11	153	44	195	256
030	11	070	22	112	11	154	11	196	25
031	24	071	11	113	11	155	256	197	25
032	11	072	11	114	11	156	44	198	44
033	33	073	11	115	11	157	11	199	256
034	11	074	11	116	11	158	256	200	256
035	11	075	24	117	11	159	11	201	256
036	11	076	44	118	11	160	24	202	–

037	11	077	11	119	11	161	11	203	256
038	11	078	11	120	11	162	11	204	254
039	11	079	44	121	11	163	24	205	254
040	11	080	33	122	11	164	24	206	24
041	11	081	11	123	24	165	256	207	254
208	254	243a	–	278	11	320	256	361	11
209	256	244	24	279	11a	321	24	362	24
210	24	244a	24	280	11	322	24	363	24
211	254	245	44	281	24	323	44	364	24
212	254	246	24	282	25	324	24	365	24
213	24	247	44	283	25	325	24	366	24
214	254	247a	44	284	24	326	24	367	256
215	24	248	44	285	44	327	24	368	24
216	24	249	11	286	44	328	24	369	24
217	254	250	11	287	44	329	24	370	24
218	24	251	24	288	24	330	246	371	24
219	11	252	24	289	24	331	44	372	24
219a	44	253	11a	290	24	332	24	373	44
220	11	253a	11a	291	24	333	11	374	246
221	11	254	11	292	24	334	11a	374a	11
222	24	254a	24	293	11	335	24	373	11
222a	11	255	–	294	11	336	24	376	24
223	44	256	–	295	24	337	24	377	11
223a	44	257	24	296	11	338	24	378	11
224	11	257a	44	297	11	339	24	379	11
224a	11	258	11	298	11	340	24	380	11
225	44	258a	11	299	24	341	11	381	24
226	11	259	24	300	24	342	11	382	24
227	24	260	11a	301	24	342a	11	383	24
228	24	261	11	302	256	343	11	384	44
229	11	262	11	303	24	344	11	385	256
230	24	263	11	304	246	345	11	386	24
231	44	264	44	305	246	346	25	387	24
233	11a	265	11	306	24	347	24	387a	24
234	11	266	44	307	44	348	24	388	24
234a	22	267	11	308	24	349	256	389	44
235	256	268	11	309	24	350	24	390	11a
236	44	269	44	310	246	351	24	391a	11
237	44	270	11	311	24	352	24	392	11
238	44	271	11	312	24	353	44	393	11a
238a	24	272	11	313	24	354	24	394	24
239	44	272a	11	314	24	355	24	395	11
239a	44	273	24	315	11	356	11	396	11
240	11	274	24	316	–	357	11	397	11
241	11a	275	11	317	24	358	11	398	24
242	24	276	11	318	24	359	11	399	24
243	44	277	24	319	44	360	11	400	256
401	22	442	24	484	24	525a	256	564	256
402	24	443	24	485	234	527	256	565	256
403	24	444	256	486	24	528	24	566	256
404	24	445	22	487	11	529	44	567	256
405	24	446	11	488	24	529a	44	568	44
406	11	447	44	489	256	530	254	569	–
407	11	448	11	490	24	531	24	570	256
408	24	449	24	491	24	532	256	571	44

409	24	450	24	492	24	533	24	575	24
410	11	451	44	493	24	534	256	573	24
411	11	452	24	494	24	535	24	574	–
412	24	453	–	495	24	535a	24	575	256
413	11	454	24	496	11	536	256	576	256
414	24	455	24	497	256	536a	–	577	24
415	24	456	24	498	256	537	11	579	–
416	256	457	24	499	–	537a	11	580	256
417	24	458	256	500	24	538	24	581	256
418	24	459	24	501	24	540	256	582	256
419	24	460	24	502	24	541	–	584	24
420	254	461	24	503	24	542	–	585	256
421	24	462	24	504	24	543	–	586	24
422	24	463	11	505	24	543a	11	587	11
423	24	464	256	506	24	544	11	590	24
424	254	465	24	507	24	545	256	591	–
425	44	466	24	508	256	546	24	592	256
426	44	467	24	509	44	547	–	593	256
427	44	468	24	510	24	548	11	594	256
428	11	469	24	511	24	549	24	595	24
429	11	470	256	512	256	550	256	596	44
430	24	471	24	513	24	551	11	597	24
430a	24	472	22	514	256	552	11	598	24
431	24	473	256	515	24	553	–	599	24
432	22	474	44	516	256	554	256	600	44
433	22	475	44	517	24	555	11	601	41
434	24	476	–	518	24	556	–	602	256
435	24a	477	–	519	256	557	256	603	44
436	44	478	24	520	24	558	256	604	44
437	11	479	24	521	256	559	11	605	–
438	44	480	256	522	256	560	256		
439	24	481	44	523	256	561	22		
440	24	482	24	524	256	562	256		
441	24	483	–	525	256	563	24		

А. С. Герд

ДИАЛЕКТНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ И МЕЖДИАЛЕКТНЫЕ СВЯЗИ ГОВОРОВ ОБОНЕЖЬЯ

Вспоминая в разное время наши экспедиции по ДАРЯ в 50-е годы XX в. и московские диалектологические конференции 60-х годов, я не раз удивлялся той концептуальной и организационной целеустремленности, с которой Р.И. Аванесов, порой в весьма непростых ситуациях, вел к цели корабль ДАРЯ. Время все расставило на свои места, и сегодня без ДАРЯ и его фондов не может работать ни один диалектолог[1].

[1] Параллельно я всегда вспоминаю, как Л.Р. Зиндер говорил мне приблизительно так: “Вот, когда говорят о Московской и Ленинградской школах, все думают, что мы с Р.И. Аванесо-

За последние два-три десятилетия говоры Обонежья (онежские – по классификации ИРЯ АН 1964) уже не раз подвергались достаточно детальному изучению[2].

Цель настоящей статьи обратить внимание на внутренние междиалектные связи говоров Обонежья прежде всего между собой, а также и с ближайшими сопредельными диалектами к югу от Обонежья (ладого-тихвинские и белозерские говоры). Ниже под Обонежьем понимается территория современных Вытегорского, частично Подпорожского, Прионежского, Кондопожского, Медвежьегорского (Заонежье), Пудожского и Каргопольского районов, последний исторически тесно связан именно с Пудожьем и Заонежьем. Для анализа избраны следующие локальные узлы: Прионежье (Кондопожский и Прионежский районы Карелии), Вытегорский район (Вологодская область), Пудожье (Пудожский район Карелии), Каргополье (Каргопольский район Архангельской области).

Ниже рассмотрение лексических взаимосвязей производится через указание на сокращенные названия районов, принятые, как в СРГК[3], так и в серии сборников "Севернорусские говоры". Последовательно перечисляемые по принципу с севера и северо-запада на юг и юго-восток, названия районов указывают тем самым на связи говоров этих районов между собой в единую микрозону. Написание районов в скобках указывает на частичное и слабое захо-

---

вым злейшие враги, как Монтекки и Капулетти, которые вот-вот готовы схватиться в борьбе, и такое впечатление иногда складывается и у студентов, а ведь у меня с Р.И. самые теплые отношения, и я всегда рад видеть его вновь." Действительно, сегодня мы видим, чем больше разных школ и направлений, тем шире и полноводнее река нашей науки (см *Герд А.С.* В чем же суть Петербургской лингвистической школы // Слово во времени и пространстве. СПб., 2000).

[2] Русская диалектология АН СССР / Под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. М., 1964; *Герд А.С.* К истории образования говоров Заонежья // Северно-русские говоры / Под ред. Н.А. Мещерского. Вып. 3. Л., 1979; *Герд А.С.* К истории образования говоров Беломорья // Диалектное и просторечное слово в диахронии и синхронии / Под ред. Ю.И. Чайкиной. Вологда, 1987; *Герд А.С.* К истории диалектных границ вокруг Онежского озера // История русского слова: Проблемы номинации и семантики / Под ред. Л.Ю. Зориной. Вологда, 1991; *Герд А.С.* История прибалтийско-финских народов в трудах Д.В. Бубриха в свете проблем теории этногенеза // Д.В. Бубрих. К 100-летию со дня рождения / Под ред. Г.М. Керта. СПб., 1992; *Герд А.С.* Очерк исторической диалектологии Верхней Руси. СПб., 2000; *Демидова Е.В.* Лексика природы говоров Поморья в ареально-типологическом аспекте (К истории формирования говора): Автореф. дис... канд. филол. наук, СПб., 1997; *Карамышева Л.М.* Русская лексика рыбаков Онежского озера (К истории формирования диалекта). Автореф. дис... канд. филол. наук, Л., 1988; *Маркова Н.В.* Диалектные способы выражения семантического субъекта и объекта в онежсикх говорах и их история. Автореф. дис... канд. филол. наук, М., 1989; *Мызников С.А.* Лексика прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Обонежья. Автореф. дис... канд. филол. наук, СПб., 1994; *Новикова Е.И.* Морфологическое словообразование качественных имен прилагательных в русских говорах Карелии и сопредельных областей. Автореф. дис... канд. филол. наук, Л., 1980; *Фадеев Г.А.* Структурно-семантический анализ синонимических отношений глаголов со значением звучания удара-стука и говорения в говоре Заонежья Медвежьегорского района Карельской АССР. Автореф. дис... канд. филол. наук, Л., 1986. См. также статьи в серии сборников Севернорусские говоры, вып. 1 (Л., 1970. Под ред. Н.А. Мещерского – Вып. 2–7. Под ред. А.С. Герда). СПб.

[3] СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. В. 1, СПб., 1994. Вып. 5, СПб., 2001.

ждение его в данную микрозону. Типы лексических связей определяются на юг в пределах Ладого-Тихвинской диалектной зоны (ЛТЗ), на восток – Белозерья, Каргополья, на западе естественной границей являются собственно карельские (людиковские) диалекты. При этом следует учитывать, что все более далекие междиалектные связи говоров Обонежья с псковскими, тверскими, смоленскими, северобелорусскими диалектами осуществляются уже через ладого-тихвинскую диалектную зону. К ЛТЗ отнесены говоры Волховского, Тихвинского, Бокситогорского, Лодейнопольского районов Ленинградской области Любытинского, Солецкого, Чудовского – Новгородской, части Бабаевского района Вологодской области. В ряде случаев, когда слово представлено в большинстве районов ЛТЗ, ладого-тихвинские говоры (по классификации ИРЯ РАН) приводятся под сокращением ЛТЗ. К белозерским говорам отнесены говоры Кадуйского, Кирилловского, Череповецкого, Белозерского районов Вологодской области. Значения одних и тех же слов при повторном их упоминании не указываются. Подробно всю систему значений каждого слова см. в СРГК. Статья построена на материалах СРГК. В статье не привлекается субстратная лексика.

Лексические связи говора Прионежья (Кондоп., Прион. районы).

1. Кондоп., Прион., Подп., ЛТЗ, Белоз., Пуд., Карг., *аред* ‘озорник’, *шалун, бобка* ‘игрушка’, *большак* ‘старший по возрасту’, *ветки* ‘ботва’, *витушка* ‘калач, крендель’, *гладыш* ‘вид березы’, *корчага* ‘сосуд’, *краска* ‘менструации’, *колпак* ‘вид крыши дома’, *креж* ‘возвышенность’, *крылец* ‘крыльцо’.

2. Кондоп., Прион., ЛТЗ. *авой* ‘как возглас удивления’, *богатка* ‘богачка’, *богородица* ‘растение’, *болозень* ‘мозоль’, *болтушка* ‘вид пищи’, *вилач* ‘рогатина’, *гамзила* ‘неряха’, *гамзить* ‘делать что-нибудь неаккуратно’, *гладина* ‘гладь’, *глазник* (не южнее Лод.), *окно* (в болоте), *глыза* (‘ком земли, кусок льда’), *горазд* ‘сильно’, *горло* ‘голенище’, *граять* ‘кричать (о птицах)’, *грузно* ‘тяжело’, *жадобный* ‘желанный, дорогой’, *желудок* ‘желток’, *коробочка* ‘танец’, *косяк* ‘тот, кто косит’.

3. Кондоп., Прион., Пуд. *жировик* ‘злой дух’.

4. Кондоп., Прион., Подп. *баский, баско* ‘красивый, красиво’, *березья* ‘белые зубы’, *галога* ‘заморозок, иней’, *глушина* ‘глухой лес’, *грибастный* ‘с прыщиками’, *жвакать* ‘кусать, есть, жалить’.

Эти типы связи (1–4) объединяют говоры Прионежья с рядом других диалектов в их противопоставлении говорам Заонежья (Медв.)

5. Кондоп., Прион., Медв., Пуд., Карг., Плес. *аншпуг* ‘рычаг’, *бабка* ‘бабочка, мотылек’, *байкать* ‘рассказывать’, *баска* ‘оборка’, *беда* ‘очень много чего-н.’, *бель* ‘белые нитки’, *березовик* ‘гриб подберезовик’, *берестина* ‘береста’, *близна* ‘узел, утолщение’, *блинок* ‘лист водного растения’, *бобрик* ‘плющ’, *боронница* ‘деревянная заготовка для бороны’, *братко* ‘брат’, *брюдга* ‘родственник со стороны жениха’, *водонос* ‘сильное течение’, *грибы* ‘оборка на платье’, *жар* ‘раскаленный воздух в бане’.

6. Кондоп., Прион., Подп., Выт., Медв., Пуд. *бубарка* ‘насекомое’, *водяник* ‘водяной’, *глушина* ‘крушина’, *грем* ‘шум, грохот’, *езд, ездо* ‘наклонный настил из бревен, ведущий на второй этаж’, *жаревка* ‘сковорода’, *жустарить, жухтарить* ‘жевать с хрустом’, *квести* ‘цвести’, *квет* ‘цветок’, *кижанка* ‘вид лодки’, *кутки* ‘курятник’, *кондак* ‘палка с деревянным или железным крючком’, *косинка* ‘полочка для икон’, *клесла* ‘большие сани’.

7. Кондоп., Прион., Подп., Медв., *бабка* ‘знахарка’, *барма* ‘овод’, *бедовский* ‘бойкий, разбитной’, *белево, класть на белево* ‘для отбелевания’, *белышек* ‘гребень волны с белой пеной’, *бубак* ‘ручейник’, *буза* ‘скандал’, *бульбак* ‘прыщик’, *бундырь* ‘шишка, волдырь’, *валога* ‘масло, жир’, *груда, грудовка* ‘куча камней’, *грудный* ‘обильный’, *жаровой* ‘появляющийся в хорошую погоду (о рыбе)’, *желанный* ‘внимательный, заботливый’, *железник* ‘рыхлый лед’, *жигалюха* ‘ящерица’, *колужина* ‘дерево, затонувшее в воде’, *калажить* ‘вид лова рыбы’, *красень* ‘алый отсвет на небосводе’, *кропать* ‘говорить, рассказывать’.

Типы 5–7 выделяют яркую зону говоров Обонежья в их противопоставлении ЛТЗ.

Лексические связи вытегорских говоров (Вытегорский р-н Вологодской области):

1. Выт., Подп., ЛТЗ (Белоз), Пуд., Карг. *кованка* ‘вид косы’, *колотье* ‘болезнь’, *косуля* ‘вид сохи’.

2. Выт., Подп., ЛТЗ, Белоз., Пуд., Карг., Плес. *белуга* ‘неплодородная почва’, *беремя* ‘охапка сена’, *вершник* ‘верхний косяк окна, двери’, *ветренник* ‘пространство между стеной и верхней частью наличника’, *воротушка* ‘верхняя часть женской рубашки’, *грибок* ‘оборка на платье’, *грохот* ‘корзина’, *домаха* ‘хозяйка на дому’, *дровенка* ‘вид пилы’, *жоркий* ‘прожорливый’, *завор, заворина* ‘изгородь из жердей, жердь в изгороди’, *золить* ‘отбеливать холст, пряжу’, *клуб, клубок* ‘кочан капусты’, *кросна* ‘ткацкий стан’.

3. Выт., Пуд. (ЛТЗ, Белоз.) *амишаться, аймишаться* ‘испугаться’, *бледой* ‘бледный’, *витушка* ‘выпечное изделие’, *вожатый* ‘сопровождающий’, *глазовина* ‘трясина на болоте’, *глупыш* ‘оладья’, *глушина* ‘вид березы’, *гули-гули* ‘подзывные слова для гусей’, *дрожуха* ‘дрожь’, *духмяна, духмянка* ‘комнатные растения’, *ече-ече, ечи-ечи* ‘подзывные слова для овец’, *жаринка* ‘дерево, высохшее на корню’, *желтоголовик* ‘растение’, *жир, жира* ‘этаж дома’, *житник* ‘пирог’, *заборница* ‘изгородь’, *заброда* (о том, кто где-то бродит), *заднеха* ‘небольшая избушка-пристройка’, *заднюха* ‘задняя комната в доме’, *заполек* ‘окраина деревни’, *звега* ‘болтун’, *зимнина* ‘овечья шерсть зимней стрижки’, *зыбель* ‘люлька’, *исподки* ‘варежки’, *казит* ‘кажется’ (безл.), *коренушка* ‘корзина’, *корчага* ‘сосуд’.

4. Выт., ЛТЗ, Карг., Плес., Онеж. *волочуга* ‘воз сена, дров’, *вольный* ‘озорной’, *вонный* ‘внешний’, *вону* ‘снаружи’, *горма* ‘растение’, *грабанье* (сена), *гумкать* ‘кричать’, *заездок* ‘закол в реке’, *карзалка* ‘щетка для шерсти’, *кашник* ‘горшок’, *квасник* ‘выпечное изделие’.

5. Выт., Подп., Лод. (оятско-свирская подгруппа) *затесок* ‘зарубка на дереве’, *каменка* ‘груда камней в поле’, *качка* ‘колыбель’, *без киверу* ‘без памяти’, *кислопреженец* ‘лепешка’, *красик* ‘гриб’, *гвоздильница* ‘вешалка’, *галяндать* ‘смеяться’, *гольный* ‘без примеси, сплошной’, *горготать* (о птицах), *коробина* ‘сыпь, нарыв’.

6. Выт., ЛТЗ (Белоз.) *коса* ‘пирог’, *косор* ‘большой нож’, *косорить* ‘срезать траву, хлеб’, *кошенина* ‘покос’, *красуха* ‘болезнь’, *крёсла* ‘рама для перевозки сена на телеге’.

7. Выт., Белоз. (Пуд.), Карг. *бобочек* ‘кусочек, ломтик’, *бревенник* ‘бревна’, *веретье* ‘участок земли, неприемлемый для вспашки’, *верхник* ‘верхняя часть наличника; ряд теса на крыше’, *водолив* ‘тот, кто откачивает воду из судна’, *гузно, гужно* ‘часть прялки’, *заплечник* ‘берестяной короб’, *зауголок* ‘внебрачный

ребенок', *каретник* 'сарай для повозок, сена, дров', *квашонник* 'вид кухонного ножа', *кисель* 'кислый привкус', *кислятка* 'щавель', *кокшить* 'ударять, бить'.

Типы 1–6 выделяют группы говоров, противопоставленные Заонежью. Тип 7 противопоставлен и говорам Заонежья и ЛТЗ.

8. Выт., Кондоп., Прион., Подп., Медв., Пуд., Карг., Плес. *бродок* 'рыболовное орудие', *бредень* 'невод', *бубарка* 'насекомое', *бурак* 'берестяной сосуд', *бучить белье*, *вал* 'ряд скошенной травы', *валеница* 'место, расчищенное под пашню', *вареник* 'пирог с вареньем', *варя* 'количество продуктов на одну варку', *вред* 'прыщ', *вместях* 'вместе', *встрету* 'навстречу', *гаведь* 'насекомое', *глудко* 'скользко', *граять* 'кричать, каркать, плакать', *грабщик* 'тот, кто сгребает сено', *губка* 'часть светца', *дородно* 'много, в большом количестве', *дородный* 'взрослый', *досюль* 'в прежние времена', *досюльный* 'бывший ранее, старый', *дубравка* 'лужайка со скошенной травой', *жаревка* 'сковорода', *жарник* 'ниша в печи', *жогнуть* 'укусить, ужалить', *загнет* 'углубление в печи', *загозка, загошка* 'кукушка', *загорода* 'изгородь', *закласть* 'запереть на задвижку', *заколина* 'вид укладки сена', *залески* 'глухие деревни', *замереть* 'умереть', *запад* 'западный ветер', *затуторить* 'забить, убить', *затухнуть* 'задохнуться', *заугольш* 'внебрачный ребенок', *зашаять, зашаяться* 'заболеть', *зимовье* 'обряд угощения печника', *идный* 'иной, другой', *имушки* 'игра в жмурки', *каменица* 'вид печки', *капина* 'капля', *карта* 'вид щетки', *квасник* 'выпечное изделие', *кижанка* 'лодка', *кипка* 'гроздь чего-н.', *киселика* 'ягоды на кустах красной смородины', *клевать* 'жалить (о змеях)', *кожух* 'часть русской печи'.

9. Выт., Кондоп., Прион., Подп., Медв., Пуд. *баска* 'вид кофточки', *галица* 'галка', *гвоздильня* 'вешалка', *гляй, гли-ко* 'посмотри-ка', *горб* 'горбыль дерева, доски', *гороховица* 'гороховый стебель с листьями', *гороховище* 'поле, где растет горох', *двужирный* 'двухэтажный', *двуродный* 'двоюродный', *дымовое* 'обряд угощения печника', *изотчина* 'отчество', *крошеница* 'кушанье'.

10. Выт., Медв. *авгать* 'мяукать', *блинчик* 'лист водяной лилии'.

11. Выт., Подп., Лод., Медв. *валушечка, валюшечка* 'шарик из теста', *кокач* 'пирожок'.

Типы 8–11 выделяют говоры Обонежья в их противопоставлении и говорам ЛТЗ (искл. север. Лод. и Подп. районов), и Белозерья. Почти для всех слов вытегорских говоров (искл. 9) характерно вхождение в зону лачско-каргопольских говоров по реке Онеге (Карг., Плес.).

Лексические связи говоров Пудожья (Пуд. район Карелии)[4]

1. Пуд., ЛТЗ, Подп., Выт., Белоз., Карг., Плес. *бобочка* 'любой цветок', *бобылек* 'бутон', *вид* 'зрение', *взятыш* 'приемыш', *вирать лапти, вьюн* 'водоворот', *горушка* 'пряжа с веретеном', *грабка* 'грабление сена'.

2. Пуд., ЛТЗ, Выт. *баторина* 'палка для опоры при ходьбе', *верещага* 'яичница', *вешалица* 'вешалка', *вьюр* 'водоворот', *галуха* 'шутник', *грохот* 'корзина', *гул* 'эхо'.

3. Пуд., Подп., Выт., Медв., Прион., Карг., Плес. *водник* 'водяной', *горесть* 'дым, чад'.

4. Пуд., ЛТЗ, Медв., Кондоп., Прион., Подп. *быстрина* 'водоворот', *веретенник* 'змея', *ветрить* 'продувать', *гаведь* 'насекомые', *гряна* 'грядка', *дальновидный* 'дальнозоркий', *дверина, дверинка.*

---

[4] Здесь и ниже типы связей восточно-обонежских (пудожских и каргопольских) говоров являются взаимодополняющими к аналогичным типам западно-онежских говоров.

5. Пуд., Подп., Прион., Медв., Кондоп. *бросальница, бросаница* ‘то, чем очищают лен’, *бугра* ‘шалаш из веток’, *взводень* ‘волна’, *гриб* ‘оборка, складка’, *гадистый* ‘изобилующий змеями’, *гатить* ‘тошнить’, *гостивище* ‘дом, где гостят’, *готовиться* ‘зреть’, *грести, грестись* ‘идти, направляться’.

6. Пуд., Медв., Выт. *внучат* ‘внук’, *гребло* ‘весло’.

7. Пуд., Медв. *бармак* ‘овод’, *беремя* ‘охапка’, *булка* ‘ручка пилы’, *бухомарник* ‘мухомор’, *валебница* ‘одежда из холста’, *валеница* ‘место, расчищенное под пашню’, *вздыманник* ‘пирог на дрожжах’, *вздыхание* ‘дыхание’, *вздыхать* ‘вдыхать’, *глеб, глев* ‘плесень, слизь’, *граять* ‘кричать’.

8 Пуд., Выт. *бледой* ‘бледный’, *гужевать* ‘кутить’, *гули-гули* ‘подзывные слова для овец’.

9. Пуд. и Карг., Плес. *бродко* ‘трудно идти’, *буево* ‘погост, кладбище’, *вешник* ‘дружка на свадьбе’, *водоносник* ‘ведро’, *галзун* ‘заслонка в дымоходе’, *голзать* ‘возиться, ерзать’, *готяшка* ‘длинный стебель’, *грудник* ‘мастит’, *двинянка* ‘каравай’, *грабеж* ‘сгребание сена’.

Типы 4–9 выделяют говоры Обонежья в их противопоставлении ЛТЗ и Белозерью.

Лексические связи каргопольских говоров (Карг. р-н Архангельской области). Рассматриваются связи преимущественно с говорами Обонежья.

1. Карг., ЛТЗ, Кондоп., Прион., Выт., Белоз., Пуд., Плес. *баса* ‘тот, кто нарядно красиво одет’, *баский* ‘нарядный’, *баско* ‘нарядно’, *брусена* ‘брусника’, *вершок* ‘верхняя часть растений’, *водополь* ‘половодье’, *глездко* ‘скользко’, *глущина* ‘вид березы’, *говоруха* ‘болтун’, *гостьба, гостьбище* ‘гости’, *грабилка* ‘грабли’, *гумкать* ‘кричать’, *есть голью* ‘без хлеба’.

2. Карг., Выт., Подп., Лод., Пуд. *быстрина* ‘место, где быстрое течение’, *захабина* ‘выемка, углубление, лаз’, *колосник* ‘гриб’.

3. Карг., Белоз. *боронка* ‘рыхление почвы’, *варзаться* ‘возиться с кем, чем-н.’, *вертушок, вертюжок* ‘вид замка’, *веснуть* ‘висеть’, *водяно* ‘мокро, сыро’, *водня* ‘хлопоты по хозяйству’.

4. Карг., Подп., Кондоп., Прион., Выт., Медв., Пуд. *бардать* ‘понимать’, *барин* ‘прыщ’, *бережной* ‘бережливый’, *боля, воль* ‘болезнь’, *боязко* ‘страшно’, *веска* ‘вид корзины’, *водонос* ‘сильное встречное течение’, *голзать* ‘ерзать, возиться’, *грабка* ‘сгребание сена’, *грядка* ‘бревно’, *двоёнки* ‘близнецы’, *двойма* ‘вдвоем’, *дворовик* ‘домовой, хозяин двора’.

5. Карг., Кондоп., Прион., Выт., Подп., Медв., Белоз. *баять* ‘говорить, сообщать’, *беседка* ‘доска для сидения в лодке’, *болька* ‘ранка’, *болько* ‘очень, весьма’, *водонос* ‘коромысло’.

Как западноонежский ареал (Кондоп., Прион., Медв., Выт., Подп.), так и восточноонежский (Медв., (вост.), Пуд., Карг., Плес.) с разных сторон выходят с юга к Белому морю. Это связи типа: Пуд., Медв., Подп., ЛТЗ + Канд., Кем., Тер.; Пуд., Медв., Прион., Кондоп., Выт., Подп. + Кем., Канд., Тер.; далее на примере каргопольских говоров особенно ярко выступают связи восточнообонежских диалектов с Беломорьем. Чаще всего это включение с юга в ареал “Онеж.” говоров Беломорского района Карелии (типы 1, 4) гораздо реже + уже – в ареал “Кем., Канд., Тер., Севмор”. При этом говоры каргопольского и Плесецкого районов чаще тяготеют к Онежскому и Прионежскому, Кондопожскому, Медвежьегорскому, и западному Беломорью.

В каждой подгруппе много узко местных слов, известных скорее всего только в одном или двух районах. Так, только в Кондопожском районе таких слов на буквы А–К свыше 75.

По лексическим данным внутренне онежские диалекты, говоры Обонежья весьма неоднородны и отличаются довольно сложным переплетением микроареалов и микрозон.

Отдельные типы образуют достаточно сложную паутину внутренних взаимосвязей.

Наиболее ярко выделяются следующие крупные ареальные зоны и типы связи.

1. Тип связей, огибающих Онежское озеро с востока от Прионежья к Вытегре и далее на Онегу и к Белому морю. Этот тип обычно включает ЛТЗ, но исключает Заонежье.

2. Собственно онежский ареал – это говоры Кондопожского, Прионежского, Медвежьегорского, Вытегорского, север Подпорожского, Пудожского, Каргопольского районов. Этот тип исключает и ЛТЗ, и Белозерье.

3. Западно-Онежский тип – говоры Кондопожского, Прионежского, Подпорожского, частично Лодейнопольского, Вытегорского, Медвежьегорского районов.

Ряд ареалов связывают анализируемые говоры на юге только с Лодейнопольским районом, то есть не южнее Оятской группы. Для всех групп характерно большое число слов, выделяющих общий севернорусский тип связей.

Е.А. Нефедова

ДИАЛЕКТНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ МИКРОСИСТЕМЫ В АРЕАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Известно, что познаваемая человеком реальная действительность находит свое отражение в языке. Так, знаменитый русский ученый Л.В. Щерба писал: "Мир, который дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных языках [Щерба 1974, 64]. Это суждение может быть распространено и на диалекты одного языка. Вариантность представления о реальном мире, отраженная в языке, характерна не только для языковых коллективов, разделенных территориально и реально не вступающих в общение друг с другом (факты такого рода представлены на картах ОЛА и ЛАЕ), явление вариантности отмечается и при сопоставлении групп говоров одного наречия, а также в пределах одной группы говоров. Есть наблюдения, свидетельствующие о различиях между говорами близлежащих деревень[1]. В статье рассматриваются ареальные раз-

[1] Диалектологи приходят к мнению о том, что каждая частная диалектная система (система говора одного населенного пункта) не тождественна полностью частным диалектным системам соседних говоров [Горшкова, Калнынь 1984, 6; Гецова 1999, 186–187].

личия в лексике, прямо или косвенно свидетельствующие о вариантности картины мира, представленной в языковом сознании носителей архангельских говоров, относящихся к севернорусскому наречию.

Результаты процесса познания человеком реального мира закрепляются в разных языковых формах. На лексико-семантическом уровне к их числу можно отнести:

1) Способы членения языковым сознанием внеязыковой действительности. Они могут проявляться в неодинаковом по говорам соотношении общих и частных понятий[2]. Например, на юге территории архангельских говоров существует общее название для всех видов грибов (*гу́ба, гриб*), а на остальной ее части – только более узкие родовые названия грибов, предназначающихся для соления (*гу́ба, ры́жик, волну́ха*) и сушения (*гриб, оба́бок*) (см. подробнее [Нефедова 1978, 186–203]).

Северо-запад и юго-восток архангельской территории характеризуются общим названием погоды вообще (*вре́ме, пого́дье*) и частными названиями хорошей (*ве́дрие, ве́дро*) и плохой (*пого́да*) погоды. В бассейне рек Северной Двины и Ваги общее понятие 'погода', вероятно, исконно не было представлено, имелись лишь названия хорошей и плохой погоды. Оппозиция *ве́дрие, ве́дро – пого́да*, отражающая это состояние, хорошо прослеживается в современных архангельских говорах (см. подробнее [Нефедова 2000, 228–238]).

Способы членения внеязыковой действительности находят проявление и в самом характере классифицирующей деятельности человеческого сознания, в выборе оснований для классификации. Например, в архангельских говорах слово *гнус* является собирательным обозначением мелких грызунов, пресмыкающихся и летающих кровососущих насекомых[3]. В основу номинации, вероятно, положен признак коннотативного характера, на что указывают семантика общерусского *гну́сный*, а также параллели из других славянских языков: блг. *гнус* 'отвращение', србх. *гнус* 'грязь, отвращение', словен. *gnus*, чеш. *hnus*, *hnis* 'отвращение', польск. *gnus* 'лентяй' [Фасмер 1, 422]. С другой стороны, диалектная семантика этого слова соотносима с др. исл. *gnua* 'тереть', греч. χναυω 'скребу, царапаю', χνοος 'оскребок', родство с которыми отмечает М. Фасмер. В современных архангельских говорах это слово выполняет номинативную функцию, являясь обозначением родового понятия, под которое подводятся зоологические объекты, относящиеся к разным, достаточно удаленным друг от друга, отделам научной классификации[4]. Основанием объединения являются, вероятно, такие общие для них признаки, как способность причинять вред человеку и, возможно, малый размер и способ существования. Таким образом, объем и содер-

---

[2] В статье использованы материалы картотеки Архангельского областного словаря [АОС, 1980–2001] и личные наблюдения автора, проведенные в диалектологических экспедициях.

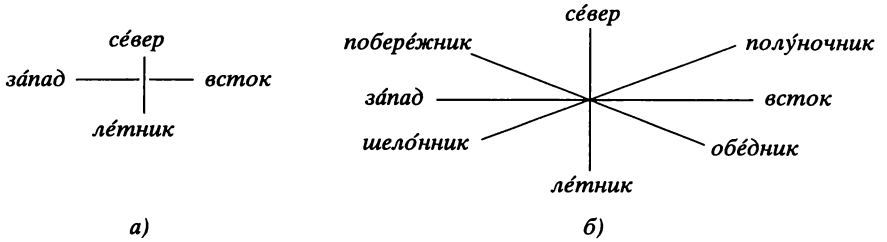
[3] См. АОС, вып. 9, 161. Аналогичный объем значения имеет в говорах северных и северо-западных слово *гад* [СРНГ, вып. 6, 89–90, ср. также СРЯ XI –XVII, вып. 4, 5]. В современных архангельских говорах оно, как и слово *гнус*, может выступать в качестве родового обозначения грызунов, пресмыкающихся, земноводных животных [АОС, вып. 9, 21].

[4] По данным, приведенным в докладе Е.Я. Шмелевой и А.Д. Шмелева на Пятых Шмелевских чтениях 23–25 февраля 2002 г., в "наивной" зоологии носителей литературного языка грызуны считаются животными, однако не имеют четкой отнесенности к диким или домашним животным. Гадюки, ужи, удавы относятся к змеям, а улитки, черви находятся вне классов.

жание рассматриваемого родового понятия имеет ярко выраженный диалектный характер[5].

2) Характер и степень дифференциации внеязыковой действительности в разных языковых коллективах. Так, в поморских архангельских говорах представлена дифференцированная система названий ветров, включающая в себя обозначения ветров как основных, так и промежуточных направлений. На остальной архангельской территории функционируют только названия ветров основных направлений (см. схему 1).

Схема 1

а) *б)*

Яркие примеры различий данного типа представлены в области микологической лексики. Из всей массы микологических объектов специальные названия на всей территории архангельских говоров имеют такие виды, как подосиновик, масленок поздний, груздь настоящий и волнушка розовая. Другие виды поименованы лишь в части говоров. Отсутствие специального наименования у какого-либо естественного, природного объекта означает, что либо он находится вне социальной практики говорящих и поэтому никак не именуется, либо он объединяется языковым сознанием с другим, похожим объектом, получая общее с ним наименование. В микологической лексике архангельских говоров отражены оба эти случая.

Первый связан с неодинаковым отношением к тем или иным микологическим объектам на разных частях архангельской территории. Виды, традиционно относимые населением к несъедобным (например, валуй, сыроежка, подгруздок белый и некоторые другие) не имеют в соответствующих говорах специальных обозначений. При этом существуют говоры, носители которых эти виды очень ценят, что находит проявление в специальной системе наименований, например, гриб валуй на юге и юго-востоке архангельской территории: *бычóк, кубáрь, колпáк, снегáрь, бык-соловúк*; грибы сыроежки в пинежских говорах: *крáсная гýба, красýля* ‘сыроежка красная’, *жёлтая гýба, желтýха* ‘сыроежка желтая’, *синя́вка* ‘сыроежка синевато-лиловая’ (см. схему 2, где Ob – реальный объект микологической действительности, D – объекты микологической действительности, обощенные в класс и поименованные, выделенные языковым сознанием, N – имя денотата).

[5] По данным СРНГ, слово *гнус* в рассматриваемом значении представлено также в вологодских, вятских, пермских, сибирских говорах [СРНГ, вып. 6, 248–249].

Схема 2

тип 1	тип 2
$Ob_1 - D_1 - N_1$	$Ob_1 - D_1 - N_1$
$Ob_2 - D_2 - N_2$	$Ob_2 - D_2 - N_2$
$Ob_3 - D_3 - N_3$	$Ob_3 -$ –

Второй случай связан с различным членением языковым сознанием говорящих одинаковой микологической действительности. Виды, которые в одних говорах представляются самостоятельными, имея каждый свое собственное обозначение, в других говорах могут осознаваться как один вид и иметь одно нерасчлененное наименование. К ним относятся подосиновик и подберезовик, моховик и козляк, разные виды млечников, сыроежек, сосновая и еловая разновидности белого гриба, боровая и болотная формы рыжика (см. схему 3).

Схема 3

тип 1	тип 2
$Ob_1 — D_1 — N_1$	Ob_1 ⟩
$Ob_2 — D_2 — N_2$	Ob_2 ⟶ D— N
$Ob_3 — D_3 — N_3$	Ob_3 ⟩

В ряде случаев одинаковые на первый взгляд языковые факты имеют разное объяснение. Так, отсутствие названия для млечника в некоторых мезенских говорах связано с представлением о несъедобности этого вида, а в пинежских и части двинских говоров – с тем, что этот вид имеет одно нерасчлененное наименование с близкими ему видами – горькушкой и серянкой.

Среди архангельских говоров выделяются зоны большей дифференциации микологической действительности: двинские и важские говоры, и зоны меньшей ее дифференциации: мезенские и онежские говоры. Поморские и пинежские говоры занимают в этом отношении промежуточное положение.

3) Неодинаковое восприятие объектов реального мира, неодинаковое их видение языковым сознанием.

Следствием этого является выбор разных признаков в качестве основы номинации одного и того же объекта.

4) Разное вербальное воплощение одинакового восприятия реальностей окружающего мира.

Это отражается в различиях мотивирующих основ при общности признака номинации (ПН).

Различия этих типов имеют ареальную значимость. При их картографировании могут выделяться ареалы **номинационного** характера, которые дают группы слов с общим признаком номинации, и внутри них – более мелкие **мотивационные** ареалы, противопоставленные друг другу по локализации слов с общей мотивирующей основой[6].

[6] См. об этом в [Нефедова 1975; 2000а; 2001]. В [Иванов, Вялкина 1990] рассматриваются "так называемые мотивационные карты, т.е. карты, характеризующие способ номинации или признак, по которому номинация производится".

Рассмотрим подробнее два последних типа различий на материале микологической и энтомологической лексики архангельских говоров.

Гриб млечник представлен в этих говорах следующими группами названий.

1. По признаку цвета: *серя́к, беля́к, синя́вка, синю́ха, се́рый ры́жик, бе́лый ры́жик, си́ний ры́жик*. В составных наименованиях опорное слово *ры́жик* выражает отнесенность данного вида к подклассу пластинчатых грибов, признак цвета, выражаемый внутренней формой этого слова, десемантизирован.
2. По признаку формы (семантическая модель 'бытовой предмет' → 'гриб'): *ко́лоб* (арх. *ко́лоб* – 'печеное изделие круглой формы'), *лубя́нка* (арх. *лубя́нка* – 'округлый циллиндрический сосуд из бересты', возможно, в названии отражена не только ассоциация по форме, но и по сходству гладкой поверхности тела гриба с берестой), *конёк* (арх. *конёк* – 'украшение на крыше дома', его вид сбоку напоминает загнутую шляпку гриба). Все названия, образованные по признаку формы, являются метафорическими.
3. По признаку консистенции – *киселю́ха, плаву́ха, плави́ца* (ср. арх. *плаву́н* – 'болото'). Названия отражают особенность гриба, состоящую в том, что при обработке его мякоть приобретает желеобразный вид (расплывается подобно киселю).
4. По признаку места произрастания – *пу́тник, пу́тик*. В названиях зафиксировано свойство гриба произрастать около дорог.
5. По признаку симбиоза с деревом – *ольхова́тик, оси́новый ры́жик*.

Названия, образованные по признаку цвета, локализованы в северо-восточной части архангельской территории, на среднем и нижнем течении Северной Двины, отмечены они в междуречье Онеги и Ваги. Лексемы с мотивирующей основой (МО) *син-* отмечены преимущественно на северо-востоке, с МО *бел* – по среднему течению Двины, в междуречье Онеги и Ваги, МО *сер* – в верховьях Двины.

Названия, мотивированные признаком формы, локализованы в онежских, поморских и мезенских и пинежских говорах. Лексема *лубя́нка* представлена в онежских и поморских говорах, лексема *ко́лоб* – в мезенских говорах, лексема *конёк* – в пинежских говорах.

Названия по признаку консистенции распространены в бассейне Ваги, при этом лексема *киселю́ха* отмечена в нижнем ее течении, лексемы с МО *плав* – в верховьях.

Названия, отражающие признак места произрастания, представлены в верховьях Ваги и Северной Двины. Локализация отдельных лексем ареалов не выделяет.

Названия, образованные по признаку симбиоза с деревом, характеризуются точечными ареалами. См. карту 1, показывающую локализацию лексем с общим ПН.

Масленок поздний – Suillus luteus (Fr.) S.F. Gray

1. Наиболее распространенный признак, послуживший основанием номинации данного микологического объекта – слизистый характер шляпки гриба. Он реализован большим количеством лексем:

с МО *масл-*: *ма́сленый гриб, ма́сленик, маслу́ха, маслёнок, масля́к, масля́нка, масля́нок, маслёха, маслю́ха, маслю́к, маслю́г, масля́шка, масла́к, масля́тик, ма́сленка;*

с МО *слиз-*: *слизу́н, слизя́к, сли́зик, слизуне́ц, слизту́н, слизня́к, сли́зень;*

с МО *сопл-*: *сопля́к*;

с МО *сыр-*: *сыро́й гриб.*

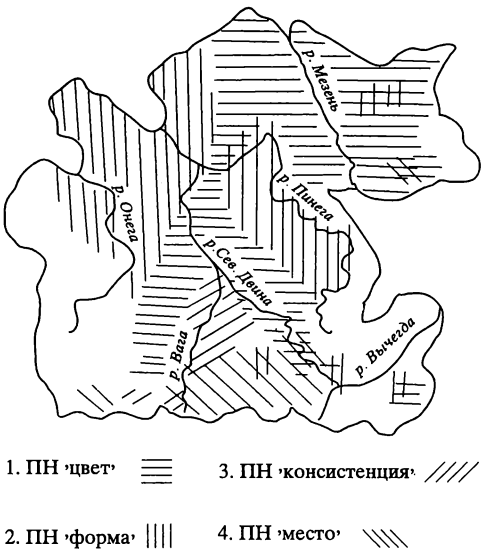
2. ПН ‘форма’: *колпа́к.*

3. ПН ‘цвет’: *бе́лый гриб.*

4. ПН ‘место произрастания’: *ело́вик, подъе́льник, доро́жник.*

5. ПН, связанный с тем, что шляпка гриба перед употреблением очищается от кожицы: *чи́щенник, чи́щельник.*

6. Немотивированное название *оба́бок*, этимологию которого М. Фасмер связывает с *баба* ‘пень’ по аналогии с *опенок* от *пень* (Фасмер, т. 3, 97).

Карта 1. Названия гриба млечника

Признак номинации, определяемый осязательными качествами гриба, используется для обозначения данного вида на всей архангельской территории. Имеется четкое противопоставление ареалов, различающихся реализацией указанного МП. Говоры северо-восточной части территории (Мезень, Пинега, несколько пунктов по среднему течению Двины) реализуют этот признак в основе *слиз-*, остальные говоры – в основе *масл-*. Лексические ареалы выделяют *масленик* – бассейн Двины и говоры на территории Онежского полуострова, *маслу́ха* – ареал на юге территории, в бассейне р. Ваги, *маслёнок* – бассейн Онеги, *масля́к* – в междуречье Онеги, Ваги и Емцы. Локализация названий *сопля́к, сыро́й гриб* имеет точечный характер.

На зону распространения названий с МО *масл-* накладываются ареал немотивированного названия *оба́бок* – среднее и верхнее течение Двины, среднее течение Ваги. Названия *чи́щенник, чи́щельник* выделяют ареал по среднему течению Ваги.

Названия, мотивированные признаками формы, цвета, места произрастания, симбиоза с деревом, имеют точечное распространение. См. карту 2, отражающую локализацию лексем с общим ПН.

Козляк – Suillus bovinus (Fr.)

Основанием номинации данного микологического объекта послужили следующие ПН:

1. ‘Место произрастания’: *доро́жник, подоро́жник, кули́жник* (арх. *кули́га* ‘поляна’).

2. ‘Консистенция’: *суко́нник, сухо́й гриб.*

3. ‘Цвет’: *жёлтый гриб, желтя́к.*

4. ‘Ассоциативное сходство с домашним животным’:
козой (козлом) – *ко́злик, козлу́ха, козля́ш, козля́к, козла́к, козля́тик, козля́шка,*
овцой – *овеча́га, ове́чник, ба́сенька* (арх. ‘овца’)
коровой – *коро́вик, коро́вник, коро́веник, коровя́к.*

Карта 2. Названия гриба масленка

5. Названия, образованные по семантической модели ‘имя человека – гриб’ – *ива́н, ива́нчик, ива́нтыш (ива́ндыш).*

6. Немотивированное название *оба́бок.*

Данный микологический объект имеет специальные названия в говорах двинских (кроме нижнего течения Двины), пинежских, важских, вычегодских, мезенских (среднее и верхнее течение Мезени). Названия козляка редко встречаются в онежских говорах и почти не отмечены в части говоров междуречья Ваги, Емцы и Онеги, в поморских говорах и говорах северо-восточной части области (нижнее течение Мезени).

Названия, образованные по семантической модели ‘имя человека – гриб’, локализованы в верховьях Северной Двины и на Вычегде. Названия по признаку консистенции образуют компактный ареал в верховьях Мезени и на Важке, названия по цвету гриба – в среднем течении Пинеги. Названия, в которых реализована семантическая модель ‘животное – гриб’, представлены на остальной территории ареала, характеризующегося наличием специального названия данного вида. В пределах этого последнего, наиболее крупного номинационного ареала выделяются ареалы мотивационного характера: с МО ***козл-*** – верхнее и среднее течение Ваги, с МО ***овеч-*** – среднее течение Двины, с МО ***коров-*** – низовья Пинеги, Двина в месте впадения в нее Емцы. Названия по признаку места произрастания, а также немотивированное название *оба́бок* имеют точечное распространение. Карта 3 отражает локализацию названий с общим ПН.

Два других примера относятся к области энтомологической лексики.

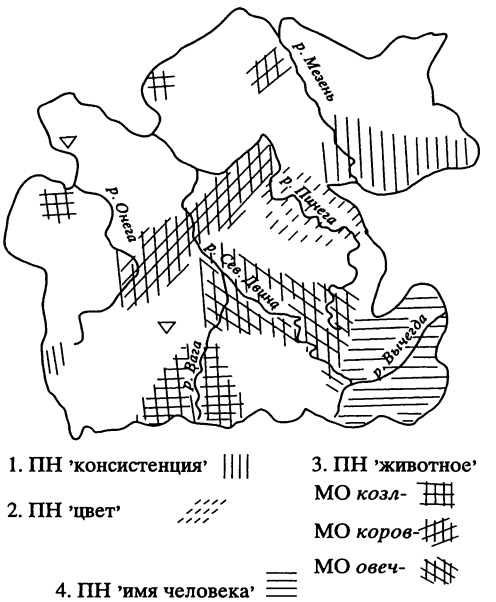
Стрекоза

Названия стрекозы в архангельских говорах образуют две группы, различающиеся признаками номинации соответствующего объекта.

1. Названия, образованные по ассоциативному сходству насекомого с каким-либо бытовым предметом: *коромы́сло, веретно́, мотови́ло.* В названиях отражены особенности внешнего вида стрекозы: это насекомое тонкое и длинное, его тело похоже на веретно, а с развернутыми крыльями стрекоза напоминает коромысло (в Архангельской области коромысло часто имеет вид шеста с перекладиной) или мотовило (т-образное приспособление с раздвоенным нижним концом, на которое перематывают пряжу с веретна). Кроме того, название *веретно́,* связанное с *верте́ть, верте́ться* через свое первичное значение, вероятно, указывает и на способность стрекозы легко и быстро менять направление полета. Интересно отметить, что общее с литературным название *стрекоза* этимологически соотносится с *стрекать* ‘прыгать’ (Фасмер, т. 3, 774).

2. Вторая группа включает в себя такие слова, как *стрела́, стре́лка, стрело́к*. В наименовании *стрела́* заключены ассоциации, связанные со скоростью полета насекомого (ср. арх. *стрела́* – молния). Дальнейшую метафоризацию и персонификацию это свойство стрекозы получает в наименовании *стрело́к*.

Соответственно этим группам, на территории архангельских говоров выделяются два номинационных ареала: первый характеризует говоры в бассейне р. Онеги, второй – говоры в бассейне рек Северной Двины, Пинеги, Мезени, а также поморские говоры. В пределах второго номинационного ареала компактной локализацией характеризуется слово *стрело́к* – в бассейне Мезени, верховьях Пинеги[7] (карта 4).

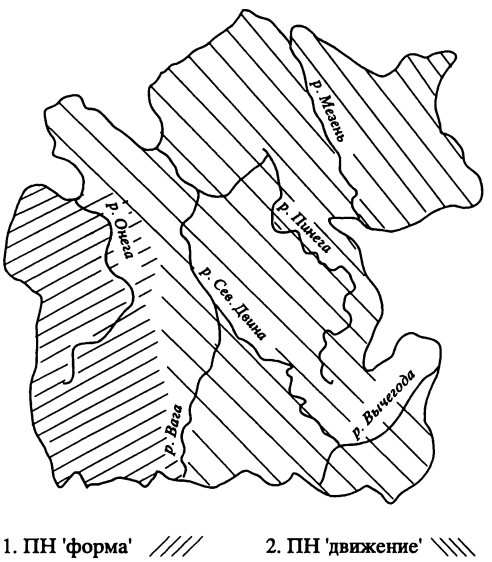
Карта 3. Названия гриба козляка

Кузнечик

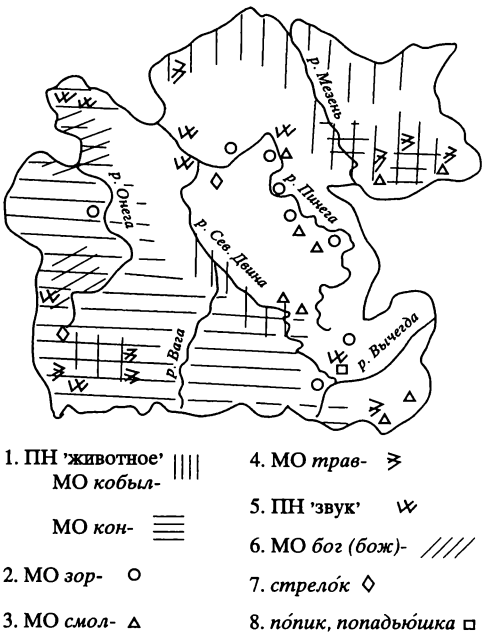
В номинации этого насекомого в архангельских говорах использованы следующие ПН:

1. Ассоциативное сходство с животным (возможно, и со способом его передвижения скачками) – *конёк, кобы́лка*. В названии *кобы́лка-стремену́шка* заключена развернутая метафора (стремя – часть верховой конской сбруи). Особенности передвижения насекомого, представлены как полет в наименовании *пти́чка*.
2. Приписываемое насекомому свойство способствовать созреванию зерновых – *зорни́к, зо́рька* (от *зори́ть* в соответствующем значении, ср.: *Хле́п созрева́йет, так старики́ говоря́т: зорники́ зоря́т. Зорника́ ра́зьве мо́жно обижа́ть, он не ззори́т нам ячьме́нь*. КРАСН.ВУ. *Когда́ хлеба́ задохо́дят, тогда́ зоря́т зо́рьки*. ПИН.Квр.
3. Свойство выделять темную жидкость, похожую на смолу – *смо́лка* (*Смо́лки, они́ цивили́кают. Смо́лка, смо́лка, да́й смолы́, не да́ш – убью́*. ПИН.Влт.). Этот признак закреплен также в составных наименованиях *смолено́й конёк, пти́чка-смо́лка, смо́лка-кобы́лка*.
4. Место обитания – *травену́шка*, а также *травена́я кобы́лка, травено́й конёк*.
5. Характерный звук, издаваемый насекомым – *стрекуне́ц, стрека́ч, стрекоту́ха, кобы́лка-стреконо́жка*, а также, возможно, и слово *стрекоза́*,

[7] Карта 70 "Лексического атласа Архангельской области" Л.П. Комягиной [Комягина 1994, 104] представляет локализацию названий стрекозы вне обобщения их с точки зрения номинации.

Карта 4. Названия стрекозы

Карта 5. Названия кузнечика

утратившее свою этимологическую связь с *стрекать* 'прыгать' (см. об этом выше).

6. Семантическая модель 'профессия человека – насекомое' – *кузне́ц, кузне́чик, по́пик, попадью́шка*. Первые два названия, возможно, также связаны и с предыдущим принципом номинации, свойство насекомого издавать характерный звук передается в них метафорически, по ассоциации со звуками, доносящимися из кузницы.

Названия, образованные на основе ассоциативного сходства с животным, занимают большую часть архангельской территории (они совсем не представлены лишь в низовьях Двины и на Пинеге). В пределах этого номинационного ареала противопоставлены западные говоры (бассейн Онеги, западная часть Онежского полуострова, междуречье Онеги и Ваги, среднее и нижнее течение Двины), где названный признак реализован лексемой *конёк*, и говоры восточные (Зимний берег Белого моря, бассейны рек Мезени и Кулоя), где распространено название *кобы́лка*. Интересно отметить микроареалы противопоставленных территориально названий на "чужой" территории: *кобы́лка* – на юго-западе, *конёк* – на северо-востоке, в верховьях Мезени. В пределах распространения лексемы *конёк* выделяется микроареал употребления атрибутивного сочетания *бо́жий конёк* (низовья Онеги).

Названия с МО *зор-* представлены на Пинеге и в верховьях Двины. Распространение названий с МО *смол-* можно определить как рассеянный восточный ареал: верховья Мезени и Двины, среднее и верхнее течение Пинеги, юго-восточная часть территории.

Названия с МО *трав-*, реализующие ПН 'место обитания', локализованы в верховьях Мезени, островные ареалы представлены в южной части архангельской территории.

Названия с основой *стрек-* имеет рассеянное употребление в западных говорах.

Названия *стрело́к, по́пик, попадью́шка* имеют в архангельских говорах точечную локализацию. Однако *pop, popac, popic, bogomolka*, отмеченные в некоторых южнославянских говорах [Помяновская 1972], свидетельствуют об устойчивости последней семантической модели (карта 5).

Сравнение ареалов названий с разными ПН выявляет их частичное наложение. Оно возникает в результате номинации насекомого одновременно по нескольким признакам, что приводит к появлению разномотивированных однодиалектных синонимов.

Таким образом, не только разные языки, но и диалекты одного языка при их сопоставлении обнаруживают различия в структурировании одной и той же семантической области, в характере семантических моделей, используемых при номинации, а также в материальном воплощении этих семантических моделей. Важно отметить ареальную значимость типов семантических отношений вне их лексемного воплощения, установленную на основе соотношения номинационных и мотивационных ареалов.

ЛИТЕРАТУРА

АОС – Архангельский областной словарь. Вып. 1–10, М., 1980–1999.

Гецова О.Г. Место общерусской лексики в лексических системах современных говоров (в свете новых диалектных данных) // Русский язык и русистика в современном культурном пространстве. Екатеринбург, 1999.

Горшкова К.В., Калнынь Л.Э. О некоторых вопросах теории диалектологии //Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1984. № 6.

Комягина Л.П. Лексический атлас Архангельской области. Архангельск, 1994.

Нефедова Е.А. О возможности картографирования мотивационных отношений // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. М., 1975.

Нефедова Е.А. О гипонимических отношениях в группе микологической диалектной лексики // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1976. М., 1978.

Нефедова Е.А. Время и *погода* в современных русских говорах // Функциональные и семантические характеристики текста, высказывания, слова. М., 2000.

Нефедова Е.А. Ареальная характеристика семантических отношений в лексических микросистемах // Abstract book. Тезисы докладов. III международный конгресс диалектологов и геолингвистов. Люблин, 24–29 июля 2000а.

Нефедова Е.А. Паук и *паутина* в архангельских говорах // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. Сборник научных статей к 80-летию профессора К.В. Горшковой. М., 2001.

Помяновская В. Соотношение предметно-семантических и формально-структуральных элементов на материале дифференциации названий диких животных в южнославянских говорах // Общеславянский лингвистический атлас, 1970. М., 1972.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 6. Л., 1970.

СРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1967–1973.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

КРАСН.ВУ – Красноборский р-н, дер. Верхняя Уфтюга;

ПИН.КВр. – Пинежский р-н, дер. Кеврола; Влт. – дер. Валтево

И.А. Букринская, О.Е. Кармакова

ЛЕКСИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РУССКИХ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ГОВОРОВ
(на материале Диалектологического атласа русского языка)

Рубен Иванович Аванесов – один из основателей Московской фонологической школы – внес огромный вклад в развитие отечественной диалектологии и лингвогеографии. Всякий раз при синхронном описании конкретной диалектной системы ученого не переставали занимать проблемы исторической интерпретации анализируемого материала и диалектного членения русского языка. Именно в русле идей Аванесова в статье исследуется своеобразие лексических изоглосс, которые характеризуют северо-западные диалекты. Рассматриваемые нами говоры не совпадают с "северо-западной диалектной зоной", выделенной в [Захарова, Орлова 1970], куда входит лишь часть псковских, селигеро-торжковских, онежских говоров, целиком новгородские и ладого-тихвинские. Мы же включаем в рассматриваемый ареал целиком псковские, новгородские, онежские, ладого-тихвинские, исключаем селигеро-торжковские и тверские говоры, как имеющие свои особые лексические изоглоссы, требующие отдельного исследования.

При изучении восточнославянского ландшафта разных языковых уровней определенная часть лексических изоглосс привлекает внимание своей необычной, не совпадающей с другими ареалами, конфигурацией, которая нуждается в осмыслении и интерпретации. При этом для многих лексических явлений характерны небольшие, но достаточно четкие ареалы. Следует отметить, что современные русские говоры по своим лексическим чертам представляют более дробное и мозаичное образование, нежели говоры украинского и белорусского языков. Является ли пестрота русского лингвистического ландшафта результатом поздних изменений, произошедших в языке, или же она является отражением древней диалектной неоднородности? На этот счет существуют различные точки зрения. Многие диалектологи склонны считать лексическую дробность явлением поздним, однако архаическая лексика позволяет обнаружить очень древние фонетические изменения, которые, как правило, сохраняются крайне нерегулярно и лишь в лексикализованном виде. Диалектологический атлас дает возможность увидеть ареалы явлений, сопоставить их между собой и соотнести с древними изоглоссами разных языковых уровней. Как пишет [Бромлей 1981, 3–4], важны для анализа пучки изоглосс – повторяемость определенных конфигураций, "данные современных диалектов, представленные на картах атласа, в силу того, что они охватывают сплошной диалектный континуум, т.е. обладают свойством непрерывности, широко допускают системное в лингвогеографическом смысле истолкование... в том числе возможность исторической реконструкции...".

При этом именно Северо-Запад привлекает внимание исследователей, так как постоянно ведутся споры о происхождении и взаимодействии говоров этого

региона. Традиционно считается, что данная территория была заселена северными (псковскими) кривичами и ильменскими (новгородскими) словенами [ДАРЯ 1, Седов 1]. Современные ладого-тихвинские и часть онежских говоров также восходят к диалекту ильменских словен. Раннее взаимодействие названных племенных языков, т.е. кривичей и словен, привело к образованию древненовгородского диалекта (XI–XIII вв.) [Аванесов 1947; Образование 1970; Филин 1972; Зализняк 1996; Николаев 1995].

Однако в последнее время стала популярной иная точка зрения, представленная в работах А.С. Герда, Я.И. Бьёрнфлатена и В.Б. Крысько, полагающих, что псковский диалект складывался на северно-русской новгородско-словенской основе в процессе взаимодействия с неславянским субстратом. Позднее происходило продвижение псковского диалектного ядра на юг, столкновение с диалектом кривичей Днепро-Двинского ареала, в результате чего осуществлялась "кривичизация псковского диалекта" [Герд 2001, 15]. В.Б. Крысько сомневается в значимости современных диалектных данных, не поддержанных материалами памятников письменности, для реконструкции того или иного племенного диалекта. Кроме того, псковский диалект, по мнению Крысько, подобно новгородскому, восходит к языку ильменских словен [Крысько 1997–1998, 367–370, 375–378].

Обращение к картам ДАРЯ показывает, что, действительно, лексические изоглоссы данной территории представляют собой пеструю картину, причем некоторые лексические явления находят соответствия в других регионах восточной Славии (в говорах новгородской колонизации: вологодских, некоторых архангельских, поморских; в части говоров Владимирско-Поволжской группы – "кривичский пояс"; в северо-восточных белорусских и в карпатских говорах.)

Лексических изоглосс, общих для всей северо-западной зоны, немного. К подобным изоглоссам относятся следующие: *петýн* 'петух', *горáзно, горáзд* 'очень', название вязаных рукавиц с одним пальцем, образованные от корней *дян-, дьян-, деян-, ден-, дель-* (*дя́нки, дья́нки, дяни́цы, деяни́цы, де́ницы, де́льницы* и др.). Приводимые названия, по-видимому, связаны с праславянским корнем **de(ja)ti* 'делать, совершать'. Заметим, что в польском и нижнелужицком языках отмечаются, кроме указанных, следующие значения данного глагола: 'ткать, вышивать, вязать на спицах' [ЭССЯ, т. 4], которые, скорее всего, и соотносимы с названиями рукавиц в русских говорах. Лексемы с корнем *-дель-* распространены в ладого-тихвинских, онежских и частично архангельских говорах. Этимология названия *де́льницы* неясна: возможно, это образование от приведенного глагола путем вторичной этимологизации – сближением со словом *дель* 'пряжа' [ПОС 9], однако допустимо предположить, что наименование действительно образовано от *дель* 'пряжа, шерсть-сырец' [Дерягин 1974, 44]. К изоглоссам, общим для северо-западной территории, относятся также названия цепа с корнем **-vęz/-vǫz*: *прúвязь, прúвоза, прúуз, прúузь* и др. На этой же территории единично встречаются иные именования орудия для ручного обмолота: общеславянское *цеп*, а также *кеп* – с эффектом отсутствия результатов второй палатализации [Глускина 1968; Зализняк 1996; Николаев 1998], что, по мнению ряда ученых, считается одной из характерных черт языка кривичей. Форму *кеп* и производные от нее неоднократно фиксируют исследователи псковских говоров, Зализняк обнаруживает написание *кеп* в новгородских берестяных грамо-

тах. Кроме того, на картах ДАРЯ отмечены дериваты *цепо́к, цепе́ц, кепо́к, кепе́ц* в качестве наименований ручки и бьющей части цепа. Вполне вероятно, что на данной территории было первоначально распространено как раз название *цеп/кеп*. Вытеснению имени орудия с корнем **-cěp* способствовала прозрачная внутренняя форма новых названий: образованные от корня **-vęz/-vǫz-*, они были мотивированы устройством орудия, которое состоит из двух соединенных (связанных) между собой деревянных частей. Но можно предполагать, что и названия с корнем **vęz-/vǫz-* являются старой лексической инновацией (о чем говорит не только компактность ареала, но и наличие большого числа дериватов).

Однако слова, представленные на картах ДАРЯ, хотя и восходят к одному этимону, образуются от двух корней *-уз-* и *-вяз-/-воз-*, территориально противопоставленных (см. карту). *Прúуз, прúузь, прúуза, прúузда* свойственны новгородским, ладо́го-тихвинским говорам и части онежских, т.е. северо-восточному региону описываемой зоны. *Прúвоз, прúвозь, прúвоза, прúвязь, прúвяза* распространены в псковских говорах.

Кроме упомянутой, имеются и другие лексические изоглоссы, которые разделяют эти говоры на два региона: северо-восточный, куда входят ладого-тихвинские, часть онежских и новгородских говоров, и юго-западный – псковские, часть новгородских, а в отдельных случаях и гдовские говоры.

Приведем примеры, характеризующие это противопоставление: глаголы со значением ‘убирать лен’ соответственно: с.-в. *таскáть* – ю.-з. *тягáть*; названия большой укладки снопов или сена: с.-в. *зарóд* – ю.-з. *одэ́нье, одéнье*, названия каши из муки: с.-в. *густúха* и др. дериваты с корнем *густ-/гущ-* – ю.-з. *мучáха, мучáнка*. Бóльшая часть лексических явлений, присущих ладого-тихвинским и новгородским говорам, встречается и на территориях, куда распространялась новгородская колонизация, например, в архангельских, вологодских, поморских говорах. Многие исследователи считают, как уже отмечалось, что эти говоры восходят к племенному языку ильменских словен: “Территория словен в общем совпадает с территорией новгородской земли...” [Аванесов 1947, 128]. Языковые черты, свойственные словенам: переход **ě* (ять) в [и], различение двух типов *о*: [о] и [ω]. К лексическим чертам словен предположительно можно отнести название *тепéц* ‘бьющая часть цепа’ – от гл. *тептú* ‘ударять, бить’ [Фасмер Ш], отмечаемое также в словенском языке [Plet. I], *рáйдуга* ‘радуга’, *пáлица* ‘название орудия для выколачивания белья при стирке’.

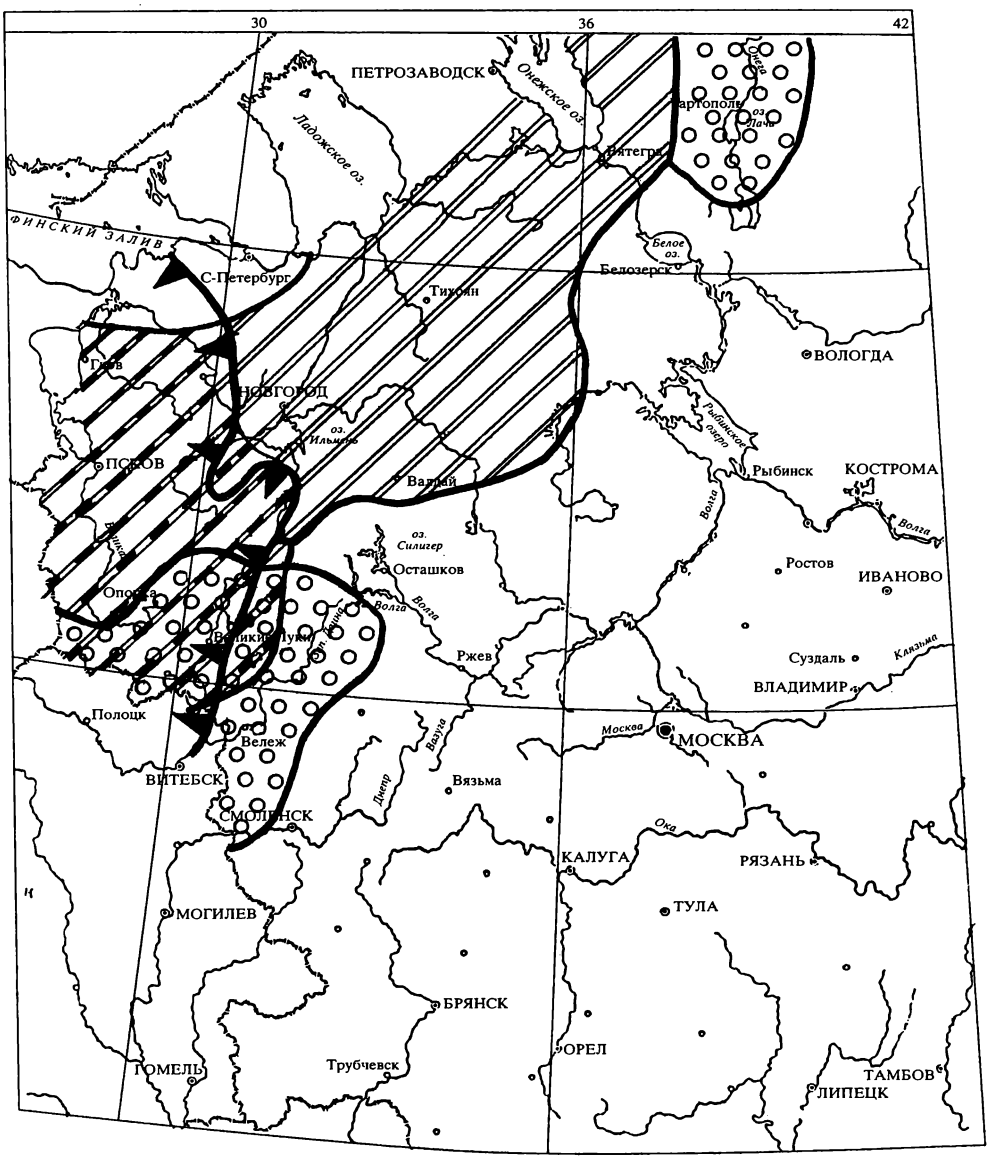
Рассмотренное выше противопоставление двух территорий: северо-востока и юго-запада – подтверждается и отдельными акцентологическими данными. Так, в большей части новгородских и ладого-тихвинских говоров существительные мужского рода (*ŏ-* и *ŭ-* основ) имеют классические акцентные парадигмы: a (баритонированная – ударение на корне), b (окситонированная – с ударением на первом слоге окончания) и c (с подвижным ударением), к ней относятся существительные, восходившие к энклиноменам. А в псковских говорах сохраняются рефлексы еще одной а.п. – d. Акцентологи называют ее “смешанной”, так как в ней энклиномены представлены в И.–В. падежах, а во всех остальных формах – нафлексионное ударение. В современных псковских говорах, как правило, сохраняется окситонеза в косвенных падежах единственного числа у существительных, восходящих к этой

парадигме, например: *под бокóм, в бокé* [ДАРЯ; ПОС 2, 80; Николаев 1989]. А.п. d впервые была обнаружена В.М. Иллич-Свитычем, поэтому называется "архаизмом Иллич-Свитыча" [Дыбо, Замятина, Николаев 1990]. Рефлексы данной а.п. сохраняются непоследовательно, охватывая лишь отдельные группы лексики. Это акцентологическое явление никак не может быть поздним, поскольку отражает различение энклиноменных и ортотонических форм: "...акцентная кривая слов а.п. d является аномальной: в ней энклиномен представлен в им. и вин.п. ед.ч., (т.е. корень ведет здесь себя как имеющий минусовую маркировку, характерную для корней а.п. c), тогда как все остальные формы имеют окситонезу (здесь эти корни ведут себя как плюсовые, принадлежащие а.п. b") [Николаев 1989, 199]. Позволим напомнить, что энклиноменами называются формы фонологически безударные, а ортотоническими – фонологически ударные [Зализняк 1985].

Юго-западный регион, куда входят псковские говоры и примыкающие к ним западные новгородские, имеет и собственные лексические изоглоссы: *кáлика, кáливка* 'брюква' (некоторые лингвисты полагают это заимствованием из финского), *баркáн* 'морковь' (с неясной этимологией), *сýпрядки* 'вечерние собрания молодежи'. Название *сýпрядки* встречается и в белорусских говорах, но территория его распространения неизвестна, так как в ДАБМ перечисленные слова не картографируются (см. карту. По техническим причинам на ней показаны не все приводимые в статье лексемы, а лишь некоторые, дающие представление об анализируемых ареалах).

Похожий ареал очерчивает изоглосса ударений l-причастий женского рода единственного числа глаголов подвижной акцентной парадигмы от односложных основ на гласный. В праславянском l-причастия от этих глаголов имели формы с чередующимся начальным и конечным ударением, например: *нáчал, нáчали, началá; брал, брáли, бралá; дал, дáли, далá.* Такая система сохраняется как в большинстве русских диалектов, так и в литературном языке. А в псковских говорах произошло выравнивание ударения, и причастия от глаголов всех типов имеют наосновное (баритонированное) ударение: *дáла, пúла, брáла, спáла.* Подобное явление встречается в некоторых онежских и архангельских говорах, которые генетически связаны с псковскими. Эта акцентологическая черта характеризует только псковские говоры русского языка.

В то же время очень важен тот факт, что такая же система ударений в *l*-причастиях отмечается в компактном ареале юго-западных украинских (подольских, прикарпатских и закарпатских) говоров [Николаев 1995]. Подобное соответствие не может быть однозначно истолковано. Кроме того, мы находим лексические параллели в псковских и карпатских говорах, в частности в торуньском [Словарь 2001]: *мучáха, мучáнка* 'каша из муки' – *тиčáŋka* 'жидкая каша на молоке'; *гáти* (именно в этом варианте!) пск. 'портки, штаны' [Опыт 1852; Даль 1; ДАРЯ; ПОС 6] и *gati* pl.t. 'широкие штаны'; (см. также *gati* в [ОКДА 1994]), *мезгá, мязгá* 'плева на мясе, остатки мяса на внутренней стороне шкуры' [СРНГ 18] – *miskа́* в том же значении. Карпатские говоры, как и псковские, сохраняют рефлексы а.п. d. Перечисленные соответствия в псковских и части карпатских диалектов, возможно, могут свидетельствовать об их общих корнях. Н.И. Толстой еще в 1977 г. выделил "поясную зону" архаических явлений, которая "прерывисто вырисовывается" в западной части восточнославянского диа-

Карта. Лексическое своеобразие русских северо-западных говоров (по материалам ДАРЯ)

орудие для ручного обмолота:

1 *прúуз* и др. названия с корнем *-уз-*

2 *прúвязь* и др. названия с корнем *-вяз-*

3 *сýпрядки* 'вечерние собрания молодежи'

4 *испóдки* 'вязаные рукавицы с одним пальцем'

лектного массива: от русских северо-западных говоров до Карпат [Толстой 1977, 50].

Следующий пучок изоглосс – южнопсковский – продолжается в смоленских и восточной части белорусских говоров (полоцких).

Перечислим лексические черты, общие для южнопсковских и северо-восточных белорусских говоров: *весёлка* 'радуга' (см. подробнее [Букринская, Кармакова, 1995]), *испóдки* 'вязаные рукавицы с одним пальцем' [ДАРЯ Ш, 35; ДАБМ, карта 333] (лексема встречается также в говорах, расположенных вокруг оз. Лача, видимо, связанных генетически с южнопсковскими говорами), *лáпик, лáпина* 'заплатка' [ДАРЯ Ш, карта 38; ДАБМ, карта 324], *гомони́ть* 'разговаривать' [ДАРЯ Ш, карта 95; ДАБМ, карта 320], *(о)болóнье* 'низменное поречье, луг' [Филин 1972, 520–524]. Приведенные лексемы относятся к праславянскому лексическому фонду. В северо-восточных белорусских говорах так же, как и в псковских, сохраняются рефлексы a.п. d. Современные южнопсковские, смоленские и полоцкие говоры восходят, как уже говорилось, по мнению ряда ученых, к племенному языку кривичей, их южной ветви.

Различное происхождение псковских и новгородских говоров подтверждает, на наш взгляд, и типологическая классификация [Пшеничнова 1996, 49], основанная на анализе карт 3-х выпусков ДАРЯ. По ней псковские говоры объединяются со смоленскими и брянскими, вместе с которыми относятся к западнорусскому диалектному типу (ДТ). Западнорусский ДТ выделился наряду с Севернорусским и Южнорусским ДТ на первом уровне членения. Этот факт может свидетельствовать, с одной стороны, о генетической общности псковских и смоленско-полоцких говоров, а с другой, – позволяет предполагать генетическую неоднородность современных псковских говоров и новгородских вместе с ладого-тихвинскими. В классификации выделяется группа говоров Псковского диалектного типа в составе Западнорусского ДТ и группа Новгородско-Ладожского ДТ в составе говоров Севернорусского ДТ. Приведенные данные целесообразно сопоставить с результатами археологических исследований – выделением двух противопоставленных культур на территории северо-запада: захоронений с длинными псковскими курганами (кривичи) и с сопками (ильменские словене) [Седов 1994, 10].

О генетической неоднородности псковских и новгородских говоров, а также о генетической общности псковских и смоленско-полоцких говоров на материале фонетики и морфологии писал Р.И. Аванесов в программной статье "Вопросы образования русского языка в его говорах": "...на территории кривичей позднее развиваются близкие между собой смоленские и полоцкие говоры, с одной стороны, и весьма отличный от них говор псковский, с другой. Близость смоленских и полоцких говоров находит свое объяснение в связях этих земель. Напротив, отличие их от псковского объясняется значительной обособленностью Пскова от Смоленска и Полоцка, а также тесными связями с Новгородом и специфическими процессами языкового смещения на территории псковских говоров" [Аванесов 1947, 128].

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. Вопросы образования русского языка в его говорах // ВЯ. 1947. № 9. С. 128, 130, 131.

Бромлей С.В. Русский диалектологичекий атлас как источник изучения истории языка // Диалектология и лигвогеография русского языка. М., 1981.

Букринская И.А., Кармакова О.Е. Названия радуги // Восточнославянские изоглоссы. 1995. М., 1995.

Букринская И.А., Кармакова О.Е. Интерпретация лексических изоглосс в связи с вопросами раннего диалектного членения восточнославянских языков // Славянское языкознание. XII Международный сьезд славистов. Краков, 1998. М., 1998.

Бьёрнфлатен Я.И. Опыт лингвогеографии Псковской области // Псковские говоры. История и диалектология русского языка. Oslo, 1997.

Герд А.С. Лингвистический атлас Верхней Руси. СПб., 1996.

Герд А.С. Очерк исторической диалектологии Верхней Руси (История ландшафта). СПб., 2001.

Глускина С.М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. Вып. II. Псков, 1968.

ДАРЯ 1, Седов 1 – Диалектологический атлас русского языка. М., 1986. Вып. 1. Фонетика. Карта I. Расселение славянских племен и их соседей в X в. (по материалам археологии). Автор В.В. Седов.

ДАРЯ – Диалектологический атлас русского языка. Европейская часть России. Лексика. Вып. III, ч. 1. Минск, 1998.

ДАБМ – Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1954.

Дерягин В.Я. Названия рукавиц в русском языке // Диалектная лексика. 1973. Л., 1974.

Дыбо В.А., Замятина Г.И., Николаев С.Л. Основы славянской акцентологии. М., 1990.

Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1996.

Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

Крысько В.Б. Кости и письмена: к поискам истоков древнего новгородско-псковского диалекта // Псковские говоры. История и диалектология русского языка / Под ред. Я.И. Бьёрнфлатена. Oslo, 1997.

Крысько В.Б. Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998. М., 1998.

Николаев С.Л. Следы особенностей восточночнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988.

Николаев С.Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи (окончание) // Балто-славянские исследования 1987. М., 1989.

Николаев С.Л. Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // ВЯ. 1994. № 3.

Николаев С.Л. Ударение формы l-причастия женского рода единственного числа от глаголов подвижной акцентной парадигмы от односложных основ на гласный // Восточнославянские изоглоссы 1995. М., 1995.

Николаев С.Л., Толстая М.Н. Словарь карпатоукраинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов. М., 2001.

Образование 1970 – Образование северного наречия и среднерусских говоров. М., 1970.

ОКДА 1994 – Общекарпатский диалектологический атлас. М., 1994. Вып. 2, карты 10, 11.

Опыт 1952 – Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской Академии наук. СПб., 1852.

ПОС 6 – Псковский областной словарь. Л., 1985.
Пшеничнова Н.Н. Типология русских говоров. М., 1996.
Седов В.В. Восточнославянская этноязыковая общность // ВЯ. 1994. № 4.
СРНГ 18 – Словарь русских народных говоров. Вып. 18. Л., 1982.
Толстой Н.И. О соотношении центрального и маргинальных ареалов в современной Славии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. 1–4.
Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972.
ЭССЯ 4 – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 4. М., 1977.
Pleteršnik M. Slovenško-nemški slovar. I–II. Ljubljana. 1894–1895.

Г.П. Клепикова

МНОГОЯЗЫКОВЫЕ АТЛАСЫ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ СЕПАРАТНЫХ МЕЖСЛАВЯНСКИХ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

Отличие "Общеславянского лингвистического атласа" (ОЛА), как полилингвального атласа одной языковой **семьи**, от национальных атласов отдельных языков определяется тем, что он позволяет устанавливать синхронно зафиксированные диалектные различия в пределах **всего** общеславянского диалектного континуума, и – тем самым – типы противопоставлений в масштабах Славии; это, в частности, противопоставления **разных** языковых групп, **одного** языка другим, **части** диалектов одного языка (=нескольких языков) диалектам иных зон и под. Благодаря этому материалы ОЛА способствуют решению двух проблем – историко-сравнительной и синхронно-типологической; интерпретация карт ОЛА может свидетельствовать "о появлении соответственных диалектных различий как в эпоху существования праславянского языка, так и после его распада, о постепенном обособлении языкового развития **отдельных** частей славянства, о складывании современных славянских языков и их диалектов" [Аванесов 1978, 9; ОЛА 1989, 5-6] (выделено нами. – *Г.К.*).

В качестве примера существования в славянском диалектном континууме подобного изолированного ареала, включающего – в данном случае – говоры Южной Славии и южной периферии Северной Славии, далее рассматривается представленный на лексической карте №51 [ОЛА 2000] ареал названий 'падали, дохлого животного', интерпретируемых составителями (Токар, Ткачук) как дериваты от корневой морфемы *mъ͡r*=*: [1] *mъ͡r-ă-a* (и *mъ͡r-š-[lek]-ъ*) ~ [2] *mъ͡r-x-a* (и *mъ-x-ov-in-a*) ~ [3] *mъ͡r-š-in-a* (может быть, десубстантив от [1] или [2]) ~ [4] *mъ͡r-c-in-a* (и *mъ͡r-c-in-ja*), тот локальный ареал противопоставляется значительным по величине ареалам *pad-al-ь* (*pad-ъl-o* и под.), [*sъ*]-*dъx-ъl-in-a* и под.,

* Корневая морфема в ОЛА передается именно так; запись метаформ здесь и далее – в обобщающей транскрипции ОЛА.

stьrv-o (*stьrv-a* и под.). Детально география вариантов с корнем *mъ̑r-* описывается следующим образом: на Юге репрезентанты *mъ̑r-š-a* (часто параллельно с другими названиями) отмечены в южно-, восточносербской (*'mr̥ša, 'mr̥šina, mr'šɔtina, mърša* и *mrš'l'ək*) (ср. также *'mr̥ča* – п. 151 [Венгрия]) и македонской ('mr̥ša, 'mərša, *'marša, 'marša* и *mrš'lak*) зонах (а также, по иным источникам, – в болгарской [1]); на Севере они фиксируются в карпатоукраинских говорах (Закарпатье, Буковина – *'merša, 'merš'a, 'merši*, и редко – *'mьirxa* [п. 469]). Варианты с *mъ̑r-x-* (дериваты) представлены в западной части Южной Славии (словенские [mərx̆oví:na, mo̯rxa'vina, marxu'vina, mərxotí:na] и хорватские ['mr̥xetina, mĺxina] говоры), а в Северной – только в чешских (*'mr̥xa, 'morxa*) и редко – в украинских (см. выше); "амбивалентная" форма *mъ̑r-š-in-a* – в словенских (*mərši:na*) и чешских (*'mr̥šina, 'mr̥šɛna*). Наконец, по ОЛА, варианты с *-c-* в основе записаны преимущественно в южнославянских диалектах – в некоторых хорватских (*mr̥ci'na, mr̥cína, mr̥cna*) и (западно)сербских (*mŕ̥cina, mr̥'cina, mr̥'cìna, mr̥'ciń́a, mr̥'cyna* и др.), далее подобная форма известна и в Средней Словакии (*'mrcina*) (см. карту 1).

Данные ОЛА могут быть существенно дополнены материалами другого полилингвального атласа – "Общекарпатского диалектологического атласа" (ОКДА); прежде всего это касается распространения указанных выше форм, но также – и их семантики. Так, карта №71 в 5-м выпуске ОКДА [2] показывает наличие варианта *mъ̑r-š-a* в значениях 'падаль', а также 'слабое, болезненное животное – кляча' (отмечаются и некоторые переносные и экспрессивные – бранное и под. – значения) в карпатоукраинской зоне, – шире, чем это дано в ОЛА (отдельные гуцульские, покутские и даже бойковские говоры) (*'merša, 'merš'i, 'merš*'9, *'märs'a, 'mɛrša* и др.) [3]. На Юге метаформа *m(̯)rša* (и дериваты) фиксируется со значением 'падаль' (ср., например, *'mr̥ša* [пп. 199, 200, 202], *mr̥'šlak* [204, 204]), но часто – и 'кляча' (*mr̥ša* [пп. 193, 195]), 'худой, сухощавый (о человеке)' и под. (*mŕ̥:ša* [п. 192], *mr̥̀šav* [пп. 194, 197], *'mr̥ša:v* [п. 196], *mr̥̀šav* [п. 201]); в македонской зоне, помимо значений 'падаль' (повсеместно) (*'mr̥ša, 'mərša*) и 'кляча' (п. 206), отмечено и значение 'тело' (!) (пп. 206, 208–210) (нумерация пп. ОКДА). Кроме того, Атлас отражает распространение старого заимствования из (южно)славянского *'mьiršav* 'подлый, отвратительный; грязный' и под. в румынских (молдавских) говорах между рр. Днестр и Прут, а также в Северной Буковине (см. также в: [DLR]; ср..и: [Tiktin II, 995]) [4].

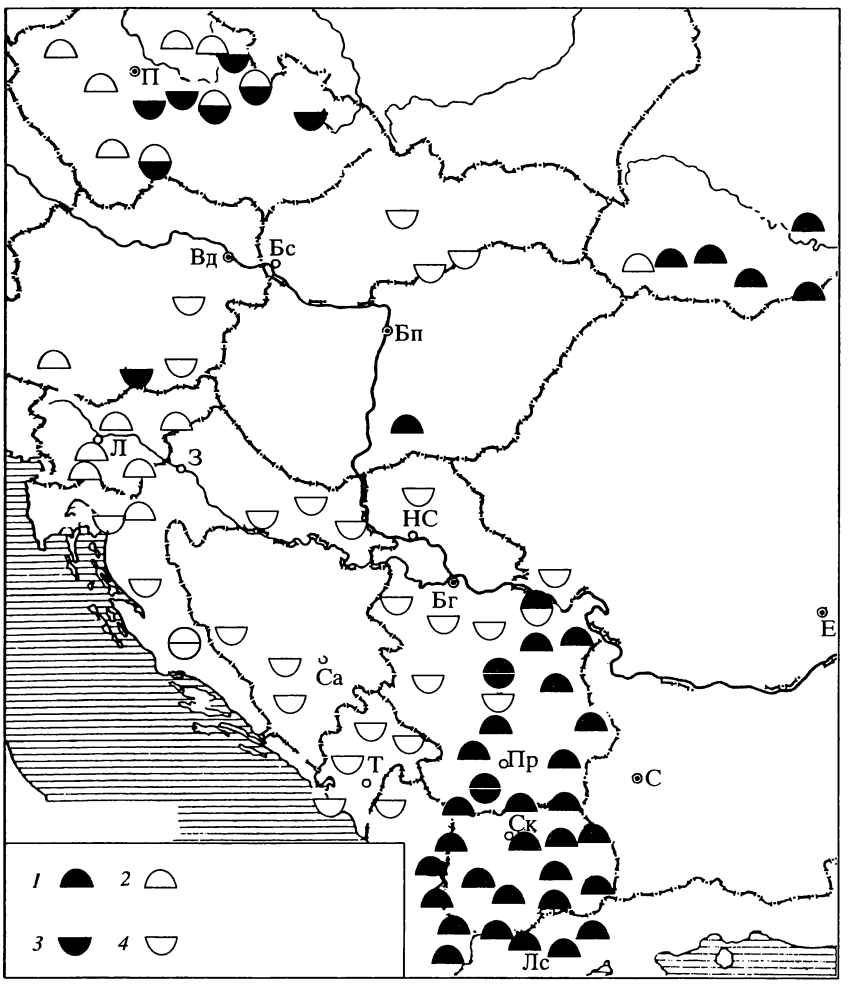
Та же карта ОКДА содержит дополнительные сведения относительно географии и семантики рефлексов *mъ̑r-x-* в моравских и словацких говорах (ср.: мор. *'mʏrxa, mar'š'ina* 'слабое животное , плохой человек [бран.]' [п. 21], *'mr̥xa* 'то же' [22–27]; слвц. *'mr̥xa* 'кляча – о человеке (бран.)' [п. 28], 'плохое, непокорное животное' [п. 31], 'кляча', 'неряха (о человеке)' [п. 32], 'кляча' [п. 33], 'падаль' и 'что-то некачественное' [п. 36], 'бранное' [п. 38], *'mr̥xa* 'бранное' и *'mr̥šina* 'шалун' [п. 40], *'mr̥xa* 'падаль', 'кляча', 'больной человек', 'бранное' [п. 41], *'merxa* 'худое животное' [п. 42]), а также и в южнопольских (подкарпатских), – правда, только не в значении 'падаль', а 'слабое, болезненное животное', 'худой человек', 'бранное': *'mʏrxa, 'mʏršina* 'плохой человек' (п. 1), *'myrxa* 'слабое, болезненное животное, человек' (пп. 12, 13), 'то же' (об овце) (п. 14), *'mɛ̨rxa* 'кляча – о коне' (п. 17) и др.; ср. также дериваты – п. *'merśina* 'кляча' (и *zmyrxło śe* 'ослабло – о животном') (п. 6), укр. *mar'šena* 'кляча' (п. 20), слвц. *'mr̥šina* 'проворная женщина' (!) (п. 29), *'mr̥si:na* 'падаль' (пп. 30, 39), *'mr̥šina*

'слабый человек', 'бранное' (п. 34). Вместе с тем карта ОКДА подтверждает наличие репрезентантов *mъr-c-in-a* лишь в Центральной Словакии, ср.: '*mrcina* 'кляча' (пп. 35, 37)(ср. карту 2).

Итак, материалы ОЛА и некоторых иных источников позволяют характеризовать ареал рефлексов форм *mъr-š-/ mъr-x- /mъr-c-* как достаточно четко локализованный (хотя он и оказывается "разорванным", разделенным на две части венгерским и отчасти восточнороманским диалектным континуумом). Совместное рассмотрение перечисленных выше фонетико-словообразовательных вариантов представляется оправданным не только в силу собственно ареалогических мотивов (конфигурация и тип ареала), но также и потому, что это рассмотрение репрезентантов трех указанных форм может дать новые (собственно ареалогические) аргументы, которые могут быть использованы для уточнения имеющихся этимологических версий, – известно, что существуют различные, вплоть до противоположных, трактовки этих форм.

Начнем с того, что в ЭССЯ из всех анализируемых лексем (с "расширением"-š-, -x-, -c-) анализируется (дважды!) лишь одна – продолжение **mьr(tь)cina* (21, с.126-127) и **mьrtьčina* [?] (там же, с. 151); констатируется неясность ее происхождения и оцениваются существующие ее объяснения, – как исконной (из слав. **merti, mьrǫ* >...**mьrtьsь* [версия Ф. Миклошича]), как балканский латинизм или реликт языка средневековых влахов, контаминация "исконного" и романского образований и под.; в конце концов составители как будто склонны согласиться с мнением Ф. Миклошича. В. Махек разграничивает *mrcha*[1] 'mrtvola' (присутствует в ст.-чеш., слвц.), экспрессивное по характеру, из *mr-[tvola], mr-[tina]* и др. + новый суфф. *-cha*, и *mrcha*[2] 'hubený, chatrný kůň', 'прозвище человека' и под. (ср. и дериваты-глаголы, где *-cha* имеет значение "интенсивности" – п. *pomerchać, pomyrchać* к *po-mierzwić*), допускается и контаминация с нем. *marha* (Machek[1] 309). ЕСУМ (3, 445) определяет укр. *мерха, мерша* и др. (также параллели в иных славянских языках) 'кляча', 'падаль', 'слабый, худой, болезненный' и т.д. в качестве заимствования, ср.нем. *Mähre* 'кляча и под.', которое далее, на славянской почве, сблизилось со словами гнезда слав.**merti* (:**mьrtvъ*). БЕР видит в *мърха* 'вид плохо пахнущего растения' продолжение слав **mъrxъ*, родственное нем. *zermürsen* 'смачивать', *mursch, murs* 'сгнивший' (< и.-е.**mr-* < **mer-* 'тереть') (4, с. 426); не принимается версия В. Махека относительно *mr-* + *-cha*, а *мърцина* (*мръцина*) 'падаль', 'мясо павшего животного', 'больной (негодный для работы)' и под. рассматривается как продолжение **mьrtvь* (с. 427–428); наконец, *мърша* (*мрьша*) 'падаль', 'слабое животное' и др. (и дериваты) возводится к слав. **mьrša* < **mr̥xa* [см. выше] + *jā* (т.е. неславянского происхождения?), однако наряду с этим упоминается версия В. Георгиева, предлагавшего в качестве исходного пункта действ. причастие прош. вр. от **merti*: мьрьши = мьръѫ тварь > мьр[ъ]ша (с. 429–430).

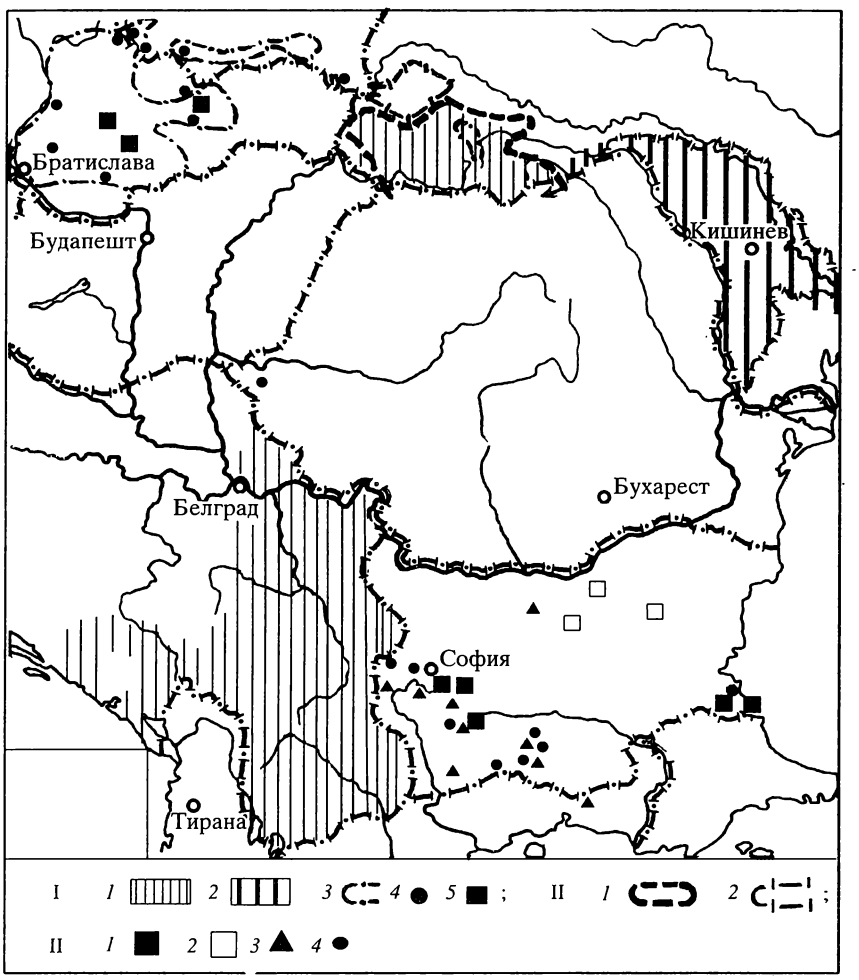
Наконец, П. Скок (2, с. 465–466) видит в *mrša* и под. корень *mrš-* (?) – один из 9(!) вариантов корня, представленного в слав **merti/*mьrti*... (< и.-е. *mer-*; см. также и: ЭССЯ 18, с. 101, 20, с. 141), при этом данный вариант, по его мнению, отсутствовал в праславянском и возник в хорватском позднее (вместе с тем ср. его указание на фиксацию подобных вариантов и в карпатоукраинских говорах); семантически связан с *mrha*, последнее же сопоставляется с др.-в.- нем. *mariha* 'кобыла', *marah* 'конь' (подробнее: 2, 377), и *mrcina* (см. выше).

Карта 1. Репрезентанты *tъr̆-š-a* и др. в ОЛА:
*1 – tъr̆-š-a; 2 – tъr̆-x-*а; *3 – tъr̆-š-in-a; 4 – tъr̆-c-in-a*

Таким образом, хотя и отсутствует общепринятая этимология ряда лексем рассматриваемой группы слов, многие исследователи в той или иной мере исходят из близости, – не только семантической, но и генетической, – вариантов (с *-š-*, *-x-*, *-c-* в основе), и далее – допускают их связь со слав. **merti*, – как с непосредственным источником или/и одним из нескольких элементов, участвовавших в процессе контаминации.

Приведенные выше конкретные материалы полилингвальных атласов и других трудов могут рассматриваться как согласующиеся с предположением общего характера о том, что процесс распада славянского языкового единства был более сложным, чем он представляется сторонникам теории "родословного древа". Тот факт, что, по ОЛА, многие современные изоглоссы пе-

Карта 2. Репрезентанты слав. **тьrša* и др. (в ОКДА, КДА и БЕР):
I (ОКДА) *1* – *+m()rš-*; *2* – рум. *'тьrşav*; *3* – слав. *+m()rx-*; *4* – слав. *+m()ršina*, *5* – слвц. *'mrcina*; II (КДА) *1* – укр. *мерша* и др.; *2* – укр. *мерха, мирха* и др.; III (БЕР) *1* – *мърцина* 'падаль'; *2* – *мърцина* 'наречие – неохотно, с трудом и под.'; *3* – *мърша* (*мръша*) и др. 'падаль'; *4* – дериваты (*мършав, мършея* и др.)

ресекают Славию в различных направлениях, "означает, что отдельные части славянства, не соответствующие выделяемым сейчас трем славянским группам, в разные эпохи, в силу разных экономических, политических, культурных причин, были в неодинаковых отношениях друг к другу", т.е. переживали не только процессы удаления друг от друга (дивергенция), но и "вторичного" сближения (конвергенция) (подробнее: [Аванесов 1978, 9–10]). Именно поэтому изучение географии (и семантики) лексем с основами *тъr̆-š-/ тъr̆-x-/ тъr̆-c-*, с одной стороны, выявляет нетривиальный и значительный по величине ареал, который **синхронно** оказывается в целом противопоставленным остальным частям Славии (и его убедительная **диахроническая** интерпрета-

ция пока не может быть дана), а, с другой, – те же материалы свидетельствуют о несомненной дифференциации **внутри** описанного ареала, что находит отражение в сепаратных изоглоссах (изолексах и изосемах) нескольких типов.

а) Наиболее четкую конфигурацию имеет, на наш взгляд, изолиния, презентирующая формы с расширением *-š-* (и прежде всего *mъr-š-a*); она может оцениваться в качестве еще одного примера существования особых локальных лексико-семантических схождений между карпатоукраинскими (resp. карпатославянскими) и южнославянскими говорами, которые представляют объект изучения в рамках проблемы так наз. "карпатской миграции славян" (КМС). В свое время В.М. Иллич-Свитыч сформулировал эту проблему как одно из важных направлений изучения позднепраславянского в период его диалектного дробления (и ухода части древних славян на Юг, на Балканский п-в); в работе "Лексический комментарий к карпатской миграции славян" он сформулировал свой подход к истолкованию указанных параллелей, который состоит в признании их именно следствием КМС (а не, например, относительно поздними заимствованиями из южнославянских языков) [5]. Разумеется, далеко не все карпатоукраинско-южнославянские соответствия могут быть объяснены подобным образом. Дальнейшие интенсивные разыскания в области карпатского языкознания (и, в частности, создание лингвистического атласа – ОКДА) показали, что следует отграничивать, по крайней мере, явления, перенесенные с Севера на Юг (в ходе КМС) ("карпатизмы") от явлений, которые датируются более поздним временем и были транспортированы в карпатскую зону с Юга, в процессе многочисленных миграций балканского населения в Средние века (с XIII–XIV вв.) ("балканизмы") [6].

(б) Выявленную в ОЛА изолексу *mъr-x-* и подтвержденную иными материалами, охватывающую преимущественно **западную** половину изученного ареала, т.е. некоторые западнославянские (чешские, словацкие, также – отдельные украинские – см. выше) и южнославянские диалекты, следует, на наш взгляд, учитывать при рассмотрении проблемы эвентуальной близости западнославянских языков в целом к части языков (диалектов) Южной Славии) [7].

в) Как показывают карты 1,2, фиксации форм *mъr-c-ina* и под. не образуют четко выраженной (микро)зоны, но тем не менее они также концентрируются в западной части макроареала (на Юге – в хорватских и сербских говорах, отмечаются, по БЕР, в болгарских; на Севере – в чешских и словацких). Подобное распределение рефлексов указанной формы (напоминающее, кстати, тип изоглоссы рассмотренный выше, п.б), может играть роль ареалогического аргумента в пользу одной из этимологических версий, – а именно той, которая учитывает возможность влияния "балканского контекста" (см.выше).

Вместе с тем имеющиеся данные не позволяют назвать изосемы, которые характеризовались бы четкими конфигурациями и описывали бы **противопоставленные** явления, – часто они чрезвычайно дробны ("мозаичны") и совмещаются друг с другом (по-видимому, в силу недостаточно четкой расчлененности семантического поля соответствующей группы лексем); можно лишь констатировать количественное превалирование фиксаций значения 'падаль' и, чуть более редкого, – значения 'слабое, болезненное животное; кляча', весьма часто

отмечается значения 'слабый, болезненный, худой и под. человек' и различные "экспрессивы" (бранное, пейоративное и под.). **Соотношение** "семем", образующих "семантическую амплитуду" этой группы лексем, вероятно, может быть интерпретировано в пользу следующего (как основного) направления эволюции: 'падаль' → 'слабое, болезненное животное, кляча и под.' →... различные вторичные (переносные и др.) значения, что косвенно может говорить в пользу исконнославянского "статуса" *тъг-š-а* и под.; однако очевидно, что для решения данной этимологической проблемы фактов лишь современной диалектологии (лингвогеографии, диалектной семасиологии) недостаточно, и необходимы дальнейшие разыскания.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ср., например, в БЕР (4, 429 и сл.): *мърша, мръша* 'падаль' (и иные значения), а также дериваты – *мършав* (*мършаф и под.*), *мършар, мършатина, мършел, мършица, мършляк* и др.; примеры даны из разных частей Болгарии (их локализацию см. на карте 2).

[2] Общекарпатский диалектологический атлас. Вып. 5., Bratislava, 1997. Данные о других выпусках: 1-й – Кишинев, 1989; 2-й – М., 1994; 3-й Warszawa, 1992; 4-й – Львів, 1993.

[3] Следует учитывать и материал "Карпатского диалектологического атласа" ([КДА]. М., 1967, карта № 12, комм. с. 82–83), который однозначно указывает на широкую представленность данного варианта (*ме́рша, ме́рші, ме́рша, ма́рша* 'падаль', 'кляча' и др., а также дериватов – *ма́ршэна* то же, *мэршáвий* 'худой' и др., *мэршáвітэ* 'худеть' и др.) в карпатоукраинской зоне, за исключением северо-западной, "бойковской", микрозоны, где отмечен вариант *ме́рха* (*ме́рха, ми́рха* и дериваты – *мирхáтий* и др.) и востока Буковины, где образования с *тъг-*, по КДА, неизвестны. Ср. и фиксацию соответствующих лексем (*мерша, мершавиця, мершаник* и др.) в: Гринченко 2, 419 (исключительно западноукраинские [карпатоукраинские] источники).

[4] Ср.: [DLR]; *mîrşav* (Молд[авия]) 'mager, abgezehrt', нов., фигур.) 'schmutzig, niedrig, niederträchtig' [Tiktin II, 995]; ср. и: *мыршав* < ю.-слав. [Скурт 271]. О развитии семантики 'худой, тощий' →... 'подлый, низкий' подробнее в: *Михаилэ Г.* Некоторые вопросы изучения семантики древнеславянских заимствований в румынском языке// Вопросы славянского языкознания. 4. М., 1959, с. 81.

[5] Он писал: "...Распространение славянских племен на Балканском п-ве, завершившееся в VI–VII вв. н.э., явилось крупнейшим языковым сдвигом, нарушившим первоначальное диалектное членение славянской территории. Если пребывание славян в горных районах (...не позднее III в.н.э.) было сколько-нибудь продолжительным, новая географическая среда и новый языковой субстрат должны были вызвать значительные сдвиги в лексике. Их можно проследить на лексике южнославянских языков, являющихся продолжением диалектов, пересекших Карпаты. С другой стороны, зачатки таких сдвигов следует искать у северных (восточных и западных) славян, заселяющих сейчас Карпаты от верховьев Серета до Дуная у Братиславы...". И далее: "〈...〉 практически отнесение лексического процесса к периоду КМС требует установления двух связанных между собой общими лексическими явлениями зон – южнославянской и севернославянской карпатской 〈...〉, включая примыкающие с севера и северо-востока к Карпатам районы; здесь важно, чтобы **на остальной** севернославянской территории данное лексическое (семантическое) явление не было засвидетельствовано"(Илличч-Свитыч 222; выделено нами. – *Г.К.*). Ареал *тъг-š-/ тъгх-/ тъгс-* вполне соответствует этому принципиально важному требованию.

[6] Подробнее о понятиях "карпатизмы" и "балканизмы", употребляющихся в карпатском языкознании см. в: *Бернштейн С.Б.* Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. М., 2000, с. 124 и сл., 156, 166 и сл., 205, 232 и сл.

[7] Об этом см., например, в: *Бирнбаум Х.* Праславянский язык. Достижения и проблемы его реконструкции. М., 1987, с. 25 и сл.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. Общеславянский лингвистический атлас (1958–1978). Итоги и перспективы// Славянское языкознание.VIII Межд. съезд славистов. М., 1978.

Иллич-Свитыч В.М. Лексический комментарий к карпатской миграции славян // Изв. ОЛЯ АН СССР. Вып. 3. М., 1960.

ОЛА 1989 – Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1. М., 1989.

ОЛА 2000 – Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып.2. Warszawa, 2000.

Скурт – Скурт дикционар етимолоӂик ал лимбий молдовенешть. Кишинэу, 1978.

DLR – Dicţionarul limbii române. VIII. Bucureşti, 1971.

Tiktin H. Rumänisch-deutsches Wörterbuch. I–III. Bukarest, 1903–1925.

Остальные сокращения см.в издании Ин-та русского языка РАН "Этимология".

М.Н. Преображенская

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИССЛЕДОВАНИЯ СИНТАКСИСА ДИАЛЕКТНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Создание диалектологического атласа стимулировало дальнейшее более углубленное изучение русских диалектов. Для каждого уровня языка выдвигаются специфические очередные задачи следующего этапа работы. Для синтаксиса, в частности, обозначилась недостаточная разработанность основных исходных теоретических положений о самом предмете исследования. Прежде всего следует конкретнее определить статус диалектной речи в качестве одной из разновидностей, составляющих русский язык в целом, а также уточнить понятие "диалектное различие синтаксического уровня".

Диалектный язык – совокупность некодифицированных разновидностей местных форм бытовой речи. Такая речь используется обычно спонтанно в сфере повседневного общения людей; она строится с опорой на фоновые знания собеседников, на общее понимание обстановки, на знание предмета разговора и т. п. Содержание такой речи не требует обычно последовательного развернутого изложения, его могут передавать отрывочные структуры, неполные предложения, а также жесты, мимика, интонация и пр. Сложные синтаксические конструкции, характерные для синтаксической системы письменной формы литературного языка, в диалектной бесписьменной речи не получают широкого развития, просто за их ненадобностью.

В последние десятилетия активно исследуется синтаксический строй устных разговорных форм русского языка (литературная повседневная речь, просторечие). Обнаружено, что в синтаксическом строе всех разновидностей бытовых устных форм русского языка имеется много общих черт, что обосновывает предположение, "что строение конситуативных высказываний разговорного языка не есть что-то совершенно стихийное и не регулируемое языком. Конситуативные высказывания имеют свои схемы, строение и понимание кото-

рых могут быть представлены в виде схем, не сводимых к схемам предложения" [Ширяев 1975, 132]; см. также [Ширяев 2001]. Иными словами, при анализе синтаксического строя устных текстов не всегда следует опираться на грамматическую классификацию, выработанную для письменного литературного языка.

К началу работы над атласами русских говоров сложилось общее представление о значительном единстве синтаксического строя славянских языков, в том числе и русского; на уровне синтаксиса не ожидалось каких-либо существенных различий. Во вступительной статье к "Атласу русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы" была дана следующая характеристика раздела "Синтаксис" в Программе, по которой собирался материал для атласов: "Раздел синтаксиса занимает в "Программе" наиболее скромное место ввиду значительного единства синтаксического строя русского языка, а также малой изученности диалектного синтаксиса... Следует отметить также не всегда удачные формулировки вопросов по синтаксису, которые в ряде случаев не дали возможности собрать по разным населенным пунктам вполне соотносительный материал" [Аванесов 1957, 64]. Однако в разделе "Синтаксис" Диалектологического атласа русского языка представлено 12 карт, работа над которыми позволила их авторам – Ирине Борисовне Кузьминой и Елене Васильевне Немченко (автором карты № 12 является также С.В. Бромлей), последовательно используя теоретические положения лингвистической географии, выявить специфику ряда диалектных различий синтаксического уровня и разработать методы их картографирования. Карты по синтаксису в ДАРЯ убедительно показывают существенную роль синтаксических диалектных различий в территориальном членении русских говоров. В составе комплексов изоглосс по другим уровням языка изоглоссы синтаксических диалектных явлений также характеризуют ареалы различных типов русских диалектов. Такой результат, хотя он и не опровергает мнение о единстве синтаксического строя русского языка, но он, несомненно, требует обратить более пристальное внимание на изучение синтаксиса русской диалектной речи.

Лингвистические карты дают общие исходные сведения о синхронных синтаксических особенностях русских говоров, однако синтаксический уровень диалектной речи представляет интерес не только в аспекте территориального членения диалектного языка. Необходимо сопоставлять современные данные с данными истории языка, с материалами других славянских языков, а также – и это следует особо подчеркнуть – с данными о синтаксическом строе нерусских языков в зонах межъязыковых контактов. Такие задачи требуют серьезных монографических исследований, которые могут быть посвящены как конкретным диалектным явлениям, так и синтаксическому строю отдельных говоров или групп однотипных говоров. Работая над составлением синтаксических карт для ДАРЯ, авторы одновременно изучали и разрабатывали принципы выделения синтаксических диалектных различий, стремясь представить территориально противопоставленный материал в его собственно синтаксическом аспекте. Последнее требование не всегда содержится в вопросах синтаксического раздела Программы. Таким образом, серьезное систематическое изучение синтаксических различий русского диалектного языка началось только на этапе картографирования скромного, собранного для Атласа материала (в отличие от диалектных различий в области фонетики и морфологии, для которых была разработана фундаментальная теория).

Так, на уровне словосочетаний при общерусском единстве таких способов синтаксической связи, как согласование и управление, диалектные различия синтаксических моделей образуются за счет неодинаковых составов предлогов, за счет управления одних и тех же предлогов разными падежами, за счет наличия в части говоров именительного падежа прямого объекта при инфинитиве и предикативных наречиях и др. При анализе различных моделей словосочетаний постоянно учитывается критерий семантического тождества и принадлежность компонентов модели к ограниченным или неограниченным лексико-семантическим группам слов.

Сочетания с предлогами – это живой, неустоявшийся фрагмент синтаксического строя русского языка, он характеризуется большим разбросом состава самих предлогов по диалектам и различиями семантики словосочетаний с одними и теми же предлогами. Сочетания предлогов с местоимениями могут конкретизировать содержание вопроса, служить коррелятами в структуре сложных предложений, уточнять смысл семантико-синтаксических связей в содержании речи.

Простое предложение представлено на картах ДАРЯ согласно Академической грамматике – как оформившиеся односоставные и двусоставные структуры. Анализируются формы выражения главных членов предложения. Диалектные различия обнаруживаются главным образом в формах выражения сказуемых. Этим интересным материалам посвящены многочисленные исследования. Наиболее полно эти диалектные различия освещены в монографиях И.Б. Кузьминой и В.Н. Трубинского.

Особо в диалектном синтаксисе стоит вопрос о сложных синтаксических конструкциях. Как уже отмечалось, для устных бытовых разновидностей русского языка не характерны развернутые формы сложных синтаксических конструкций, особенно справедливо это по отношению к диалектной речи. В общеразговорной русской речи можно встретить не известные литературному языку синтаксические конструкции. Например, весьма распространены бессоюзные объединения предикативных единиц, аналоги определительным сложноподчиненным предложениям и синтаксические объединения предикативных единиц с помощью асемантических союзов *что* и *как*. Это не всегда бинарные объединения, которые в зависимости от контекста могут быть соотнесены с разными семантико-синтаксическими типами сложноподчиненных предложений литературного языка. Эти и некоторые другие синтаксические конструкции характерны для всех разновидностей разговорного языка, они не образуют диалектных различий синтаксического уровня, однако могут служить иллюстрацией отсутствия необходимости у говорящих обозначать четко смысловую однозначность речи, содержание которой может быть понято с помощью невербальных сопровождающих речь экстралингвистических факторов. В случаях же необходимости в говорах используются сложные конструкции литературного языка с однозначным выражением семантико-синтаксических отношений между частями, с помощью специализированных служебных средств.

Однако в синтаксисе диалектного языка можно наблюдать специфические диалектные способы выражения семантико-синтаксического плана в содержании речи. Так, И.Б. Кузьмина и Е.В. Немченко приводят примеры, в которых основное и второстепенное сказуемые (деепричастия на *-ши*) отнесены к раз-

личным субъектам действия: "*Конь не бегит не бивши; Не садивши выросли волчьи ягоды.* Содержание таких предложений в литературном языке могло бы быть передано сложноподчиненными предложениями... например, *конь не бежит, если его не бить; волчьи ягоды выросли, хотя их не сажали*" [Русская диалектология 1964, 196]. Появление подобных, не присущих современному русскому языку синтаксических конструкций с деепричастиями может объясняться влиянием финно-угорских языков, для которых обычно предикативное употребление причастий при выражении семантико-синтаксических связей в содержании текстов. Возможно также, что в диалектном употреблении деепричастий сохранилось утраченное свойство причастий, которые в истории языка могли выступать в функции предикатов.

Известно, что в структуре разговорной речи большую роль играет употребление множества ч а с т и ц . Этот разряд служебных слов представляет интерес со стороны различий их составов и многообразия функций. В некоторых случаях характер употребления частиц определяет диалектные особенности синтаксического строя говоров. Например, известное территориальное противопоставление употребления в вопросительных предложениях частиц *ти, чи* и частицы *ли* сопровождается различием в структурных схемах вопросительных предложений. Частица *ли* всегда в позиции после слова, обозначающего предмет вопроса, и при этом это слово может не быть первым в предложении; частицы же *ти, чи* в вопросе занимают инициальное положение перед первым словом – предметом вопроса. Это различие структурных схем вопросительных предложений, по-видимому, имеет исторические корни: в древнерусском языке старшей поры постпозиция частиц *бо, ли, же* по отношению к выделяемому в тексте слову была характерной синтаксической чертой. В истории отдельных восточнославянских языков только в русском языке сохранилась старая схема употребления частицы *ли* в вопросительных и условных предложениях. Подробнее об этом см. [Преображенская 1991, 82–89].

В ДАРЯ картографированы как особые частицы в позиции конца предложения служебные слова *да, дак, да и, и.* Всем этим словам приписывается "заключительно-закрепительная" функция. При перечислении однородных членов эти слова повторяются после каждого члена ряда, в том числе и после последнего. Эта яркая диалектная черта северного наречия не раз привлекала внимание исследователей. Однако синтаксическая природа этого явления остается непонятной с грамматических позиций русского языка.

В литературном русском языке разговорного типа при выражении – без союзов – синтаксической ситуации перечисления возможно так или иначе маркировать конец всей конструкции: или вербально – союзом *и* перед завершающим членом ряда (А / Б / В и Г), или только интонацией. Во всех случаях конструкция с маркированным последним членом оказывается закрытой.

Рассмотрим диалектные перечислительные конструкции с повторяющимися частицами *да, да и, и*[1]. В северных говорах, контактирующих с неславянскими языками, можно предположить влияние другого принципа организации перечислительных конструкций, в которых служебное слово занимает позицию не между членами перечисления, а после каждого из них: А да / Б да / В да...

---

[1] Сфера употребления служебного слова *дак* шире и не ограничена рамками простого предложения, см. об этом далее.

В этом случае конец вербально не маркируется, и весь ряд оказывается открытым (с точки зрения носителя русского языка). Перечислительный ряд, в котором употребляют двойной союз *да и*, мог возникнуть вследствие контаминации двух принципов: *да*, примыкая к очередному члену перечислительного ряда, может восприниматься с этим членом как единое целое, а союз *и* указывает на собственно синтаксическую связь, но при этом, однако, в конце сохраняется повтор *да и*, что воспринимается русскими как особый маркер завершенности перечисления. Интересно, что в редких случаях в такой же схеме перечислительных конструкций в говорах отмечен и союз *и*, то есть его также ставят после последнего члена ряда.

По-видимому, в этом звене синтаксиса говоров наблюдается взаимодействие строевых принципов языков различных семей (в частности, русского и послелогового финно-угорского). Приведем характеристику синтаксического строя финно-угорских языков, сделанную К.Е. Майтинской: "...финно-угорские языки относятся к послеложным языкам... В марийском, удмуртском, коми, хантыйском языках распространены союзы, замыкающие присоединяемую часть сложного предложения". В языке коми "союз *да* выступает как средство подчинительной связи, выражающее временное и причинное отношения, и стоит в конце придаточного предложения... формирование структуры сложного предложения интенсифицировалось в результате контактирования с тюркскими языками, в которых также распространены сложные предложения, характеризующиеся союзами, занимающими замыкающее место" [Майтинская 1982, 88, 89, 155].

В аспекте взаимодействия синтаксического строя русских диалектов с иноязычными принципами организации синтаксиса можно также рассматривать образование в русских диалектах Севера, а также Урала и Сибири, сложных конструкций со служебным словом *дак*. Это слово в позиции начала замыкающего придаточного предложения может выступать как асемантический союз в конструкциях с широким кругом семантико-синтаксических отношений обстоятельственного характера (аналогично союзам *что* и *как* в разговорном русском языке). Но *дак* в говорах Севера может занимать также и позицию конца полипредикативной (в том числе и бинарной) синтаксической конструкции, что предполагает реверсивный ход мысли, то есть для адекватного понимания высказывания требуется обращение к содержанию предшествующей, левой части конструкции. Например: *Мы жили худо / отец-от помер / отец-от катаники у нас катал / все это отдали / продали // пятеро детей дак; Уж он не пахал, лошади нед дак.*

Мы обратили внимание на те синтаксические конструкции со служебным словом *дак*, которые отличает особая позиция служебного слова в структурной схеме. Этим конструкциям нет аналогов в общерусском разговорном языке. В терминах лингвистической географии, в масштабе диалектного языка, эти конструкции характеризуются как непротивопоставленные. Подчеркнем специально, что для квалификации этих конструкций ведущим параметром оказывается позиция служебного слова в структурной схеме синтаксической конструкции (подробнее об этом см. [Преображенская 1985]).

В некоторых говорах Севера служебное слово *дак* отмечено в коррелятивном сочетании с так называемыми постпозитивными частицами. В.И. Трубинский эти случаи обозначил формулой "*то... то... дак*" и оценивает их как

"типизированный прием высказывания", который, однако, не превращается в регулярную структуру уровня синтаксиса сложного предложения [Трубинский 1984, 36]. Это редкое и интересное явление изучено еще недостаточно. С одной стороны, в этих диалектах наблюдается процесс утраты согласуемых постпозитивных частиц, которые, однако, в какой-то степени могут оставаться связанными с категорией определенности (как постпозитивные артикли) [Трубинский 1984, 32], и это проявляется в первой части конструкции при обозначении предмета речи; во второй же части, маркированной *дак*, постпозитивные частицы, как правило, отсутствуют. Подобные соотношения постпозитивных частиц со служебным словом *дак* отмечено в синтаксисе говоров Урала. В.В. Мерлин связывает их с коммуникативным членением высказываний: постпозитивные частицы маркируют тему, а *дак* вводит рему [Мерлин 1978]. Однако материал остается недостаточно изученным. Если же после дообследования вопроса будет обнаружено реально существующее диалектное явление синтаксиса, то оно несомненно будет отнесено к числу непротивопоставленных.

При изучении диалектного языка методами лингвистической географии существенно выявить так называемые соответственные явления, чтобы обеспечить их сопоставимость на лингвистических картах и установить противопоставленные и непротивопоставленные диалектные явления. Понятно, что противопоставленные явления существенны для получения изоглосс – основы территориального членения диалектов. При монографическом описании, напротив, более существенными могут оказаться непротивопоставленные территориально диалектные явления, которые могут относиться или к архаизмам, утраченным в других разновидностях языка, или быть чисто местными особенностями. При изучении синтаксиса диалектного языка такие местные черты синтаксического строя представляют весьма большой интерес.

При исследовании синтаксических диалектных различий следует отчетливо представлять основные принципы организации синтаксического строя русского языка.

Любая мысль вербально реализуется в высказываниях по моделям, присущим синтаксическому строю конкретных языков. При этом в процессе воплощения мысли каждый раз воссоздаются типовые модели синтаксических конструкций языка. В структуре таких моделей взаимодействуют единицы других, низших уровней языка. На синтаксическом уровне обозначаются не просто некие объекты мысли (например, предметы, действия, явления), а выражаются смысловые отношения между такими объектами. В структуре любой синтаксической модели в принципе всегда не менее двух составляющих. Таким образом, единицы синтаксического уровня – сложное целое, которое возникает путем интеграции единиц низшего уровня в составе единицы высшего уровня [Бенвенист 1974, 134], и при этом значение или функция более сложно организованных единиц несводимы к значениям или функциям их составляющих [Курилович 1962, 28–29]. Каждая модель в синтаксической системе специализирована для выражения определенных смысловых отношений между составляющими ее частями, каждая синтаксическая конструкция коррелирует в речи со смысловым инвариантом той модели языка, по образцу которой она построена.

Итак, синтаксические модели языка можно характеризовать с двух сторон: со стороны их реальной грамматической структуры и со стороны семан-

тики логико-смысловых отношений между их частями. В синтаксических исследованиях диалектов для обеспечения сопоставимости материала смысловой фактор обычно учитывается в той или иной мере. Но при более глубоком монографическом описании синтаксиса диалектного языка, при отказе от ориентации на систему литературного кодифицированного языка удобнее опираться на феномен синтаксической синонимии и выдвинуть понятие семантико-синтаксической ситуации. Под семантико-синтаксической ситуацией подразумевается совокупность событийных и логических условий, образующих в речи определенные категории синтаксической семантики. Логико-смысловая составляющая таких категорий отработана в употреблении языка как типизированная, и, вследствие этого, за конкретными семантико-синтаксическими ситуациями в системе языка могут закрепляться определенные структурные схемы синтаксических конструкций – моделей. В этом случае возможен анализ диалектных текстов по принципу от конкретной семантико-синтаксической ситуации к средству ее выражения, то есть к модели (аналогично тому, как в лексике используется принцип "от реалии к названию"). Например, вопрос: как выражаются семантико-синтаксические отношения причины? Этим приемом синтаксический строй частных диалектных систем можно квалифицировать в зависимости от того, какие синтаксические конструкции получили в нем развитие.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. Вступительные статьи // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1957.

Диалектологический атлас русского языка. Вып. III. Ч. 2 (в печати).

Кузьмина И.Б. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М., 1993.

Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.

Майтинская К.Е. Служебные слова в финно-угорских языках. М., 1982.

Мерлин В.В. Частица *дак* как средство актуального членения // Живое слово русского Прикамья. Пермь, 1978.

Преображенская М.Н. Служебное слово *дак* в севернорусских говорах // Восточные славяне. Языки. История. Культура. М., 1985.

Преображенская М.Н. Служебные средства в истории синтаксического строя русского языка XI–XVII вв. (сложноподчиненное предложение). М., 1991.

Русская диалектология. М., 1964.

Трубинский В.И. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л., 1984.

Ширяев Е.Н. Об основной синтаксической единице разговорного языка // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975.

Ширяев Е.Н. Семантико-синтаксическая структура разговорного диалога // Русский язык в научном освещении. 2001. №1.

Е.А. Галинская

О ПЕРСПЕКТИВАХ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИНГВОГЕОГРАФИИ

Опыт создания диахронной лингвистической карты

1. Рубен Иванович Аванесов, занимавшийся на протяжении многих лет проблемами русской лингвистической географии и заложивший теоретические и практические основы ее развития, считал, что, имея несомненную самостоятельную ценность, лингвогеография дает в то же время важнейший материал для истории языка, и показал это на примере ряда фонетических изоглосс (см. [Аванесов 1952]). Кроме того, Р.И. Аванесов полагал, что топоизоглоссы, которые выстраивает синхронная лингвистическая география, могут быть соединены с хроноизоглоссами, восстанавливаемыми исторической грамматикой, так что в итоге должны получиться двумерные хронотопоизоглоссы – объект исторической диалектологии [Аванесов 1963, 312]. Однако для того чтобы двумерные изоглоссы, включающие и пространство, и время, стали когда-нибудь реальностью, сначала необходимо выстроить одномерные топоизоглоссы применительно к синхронным срезам предшествующих эпох, используя при этом данные датированных и локализованных памятников письменности. Поскольку наиболее надежно по памятникам древней письменности (прежде всего – по текстам делового и бытового содержания) реконструируется фонетический уровень языка, речь может идти о построении именно фонетических изоглосс. К сожалению, в отношении к древнерусскому периоду полная картина распространения основных фонетических явлений восстановлена быть не может ввиду отсутствия пригодных для реконструкций памятников письменности, которые отражали бы все диалекты этого периода. Но для более поздних эпох подобная задача вполне осуществима, так как начиная с конца XVI в. памятниками деловой письменности представлены практически все территории исконного распространения русского языка.

В настоящей статье демонстрируется, как на основании письменных источников конца XVI – первой половины XVII в. можно картографировать фонетические диалектные явления, и для примера выбирается вопрос о твердом или мягком произношении шипящих /ш/ и /ж/, которое находит достаточно надежное отражение в древних рукописных текстах.

Материалом исследования послужили скорописные памятники делового письма конца XVI – первой половины XVII в., представляющие западную диалектную зону и происходящие из Новгорода, Тихвина, Пскова и его окрестностей, Великих Лук, Торжка, Ржева, Старицы, Твери (рукописи хранятся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) и в Санкт-Петербургском филиале Института Российской истории РАН). Изучены также по изданию [Памятники... 1912] тексты смоленского происхождения начала XVII в., оригиналы которых находятся в Швеции. Печатным источником пришлось пользоваться потому, что в столичных архивах деловых текстов этого периода, происходящих из Смоленска, не сохранилось, так как всю первую половину XVII в. Смоленская земля находилась в составе Польского государства и доку-

менты местного делопроизводства в московские канцелярии не поступали, а вывозились, по всей видимости, в Польшу. Для того чтобы составить карту, на которой была бы спроецирована языковая ситуация, сложившаяся в первой половине XVII в. не только в западной диалектной зоне, но и на других территориях исконного распространения русского языка, привлекается также материал, собранный и проанализированный другими исследователями, изучавшими скорописные памятники XVII в., которые отражают южнорусские, среднерусские и восточные севернорусские говоры.

2. Часть рукописных источников конца XVI – первой половины XVII в. дает несомненные свидетельства твердости шипящих, о чем можно судить на основании наличия написаний с сочетаниями **шы, жы** и полного отсутствия написаний с сочетаниями **шя, жя, шю, жю**.

Например, в текстах, созданных в конце XVI – первой половине XVII в. на территории северо-восточной новгородской периферии – в Тихвинском Успенском и Александровом Свирском монастырях[1], находим следующие написания[2]: *аршы*^{н} 1259–60, *шытые* 33–112, *шыты*^{х} IX–17, *на поминъ д(у)шы* I–26, *бо*^{л}*шыхъ* VI–61, *болшы*^{х} IX–17, 22 об., *Бижы*^{ц}*ког ве*^{р}*ха* 20–13 об., 28–8 об., *Бижы*^{ц}*ко*^{ц} *пятины* 1257–49 об., б҃*жычани*^{н} 1257–2, *из жытницы* 8–17 об., 20–12 об., 25–4 и др., *на жытницу* 8–17 об., *жыта* (Р. ед.) 11–8, 20–14 об. и др., *жытничные* 23–1, 25–1, *Чю*^{ж}*ы*^{ц}*ские волости* 1257–40, *жы*^{л}*цо*^{в} 1–60, *Ива*^{н} *Жы*^{тт}*ко*^{ц} 1257–24, *жыве*^{т} 1257–45 об., *та*^{в}*рижына* 1257–45 об., 54, *ржы* (Р. ед.) 1–38, 2–26 об., 7–5 и др. (часто), *обжы* (Р. ед.) 7–159, III–9 об., *кожы* (Р. ед.) VI–125, *чю*^{ж}*ые* (Р. ед. ж.р.) 1257–33 об., *рыжыи* 1257–35, *в о*^{тт}*хожы*^{х} *пашня*^{х} IX–20.

Аналогичные орфограммы обнаруживаются в отказных и отдельных книгах первой половины XVII в., написанных в Пскове и его окрестностях (Опочке, Изборске и др.)[3]: *допрашыва*^{л} 8455–144, *Девшшыны* (И. мн.) 8461–347 об., *латышы* 8461–708 об., *Шы*^{шш}*кину* 8455–427 об., *Шы*^{шш}*кина* (Р. ед.) 8455–340 об., *жы*^{л} 8455–250, *жыве*^{т} 8455–456, *жыву*^{т} 8455–529 об., *жылы*^{х} 8455–516, *Троицы живоначалные* 8455–368, *прожито*^{ч}*ное* 8455–505 об., 524, *прожито*^{ч}*ново* 8455–522, *Дружыне* (Д. ед.) 8455–506 об., *приложы*^{л} 8461–117/117 об., 820 об., 821, *о*^{тт}*хожые* (Р. ед. ж.р.) 8455–496, 498, 498 об. (2 р.), 499, *Ива*^{н} *Пажы*^{ц}*ского* 8455–51, *Пажы*^{ц}*ского* 8455–51.

Судя по показаниям памятников деловой письменности, лингвистические исследования которых имеются в научном обороте, исключительно твердыми были /ш/ и /ж/ в великоустюжских (см. [Сущева 1974, 101–102])[4], шуйских (см. [Ворошилова 1955, 8]), волоколамских (см. [Иванов 1953, 8]), рязанских (см. [Галкина 1961, 14]) и воронежских (см. [Жарких 1953, 10]) говорах интересующего нас периода.

---

[1] Исследованы 46 книг хозяйственного содержания, хранящихся в архиве Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории РАН, фонды 3 и 132.

[2] Первое из чисел, следующих за словоформами, обозначает номер рукописи по описям Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории РАН (рукописи из описи № 2 фонда 132 обозначаются арабскими цифрами, тогда как рукописи из описи № 2 фонда 3 – римскими), а второе – номер листа.

[3] Рукописи хранятся в РГАДА, ф. 1209, оп. 2 – № 8455 и № 8461. При цитировании материала первым числом обозначается номер рукописи, вторым – номер листа.

[4] Впрочем, в одном из великоустюжских документов зафиксировано не совсем понятное написание *во ржо* при наличии написания *ржы* (см. [Сущева 1974, 101]).

3. Среди рукописей конца XVI – первой половины XVII в. есть и такие, в которых представлены сочетания **шя, жя, шю, жю**, что наталкивает на мысль о том, что шипящие в соответствующих диалектах могли быть еще мягкими. Такое соображение подкрепляется тем фактом, что в недавнем прошлом именно в этих диалектах фиксировались мягкие [ш'], [ж'], а ныне в определенных случаях наблюдается [е], не перешедшее в [о] в позиции перед шипящими (уже отвердевшими). В зависимости от количества написаний с буквосочетаниями **шя, жя, шю, жю**, а также от наличия или отсутствия наряду с ними написаний с **шы, жы** можно делать выводы о том, сохранялась ли мягкость шипящих реликтово или же была еще достаточно характерным явлением для говора.

3.1. Начнем с тех диалектов, для которых реконструируется **реликтовое сохранение мягкости шипящих** при сформировавшемся их твердом произношении. Таков был, в частности, великолукский диалект первой половины XVII в., о чем можно судить на основании данных великолукской отказной книги 1616–1637 гг. (РГАДА, фонд 1209, оп. 2, № 8367). Там, с одной стороны, имеется много слов с сочетаниями **шы, жы**, которые, несомненно, отражают твердость соответствующих звуков (*пусташы* 372 об., 563, 563 об. (2 р.), 564, *жыли* 563 об., *жылы*^{х} (Р. мн.) 65 об., *жылые* 64 об., 111 об., 224, *приложы*^{1} 23 об., 42 об., 66, 136 об., *приложылъ* 26 об., *Дружыны* (имя собственное, Д. ед.) 51 об., в *Жыже*^{ч}*ко*^{ч} *волости* 372); с другой же стороны, есть орфограммы, за которыми должна стоять мягкость шипящих: *Яшю*^{т}*ки* (Р. ед.) 23, *Фе*^{т}*ка Жю*^{к} 158, *Фе*^{т}*ку Жюка* (В. ед.) 156 об.

Делать вывод, что написания обоих типов отражают реальную языковую ситуацию, то есть реликтовое сохранение мягкости шипящих, можно на основании наших представлений о том, каково было качество шипящих в тот же период в соседних диалектах. Как было показано выше, в псковском говоре, который располагался к северу от великолукского, шипящие были уже твердыми. В смоленском же диалекте, локализовавшемся южнее великолукского, шипящие в начале XVII в., как будет показано ниже, еще в основном сохраняли мягкость. Таким образом, в плане отвердения шипящих великолукский диалект занимал промежуточное положение между псковским диалектом, где отвердение шипящих уже произошло, и смоленским диалектом, в котором процесс отвердения задержался.

Сходную, но не идентичную картину отражают вологодские памятники деловой письменности. При том что в текстах конца XVI – первой половины XVII в. присутствуют лишь орфограммы с **ы** после **ж**, и фиксируются они в большом количестве, сочетание **жю** не встречено ни разу, но оно имеется в более раннем документе, датируемом 1562 г. Несколько по-другому выглядит ситуация с употреблением букв гласных после **ш**. При наличии форм с сочетанием **шы** (которых, впрочем меньше, чем форм с **жы**) в рукописи 1617 года отмечено сочетание **шю** (*шюбу, в Шюиском*), и это приводит Л.Ф. Копосова, исследовавшего данные тексты, к выводу о том, что [ш] отвердевало позднее, чем [ж], так что в первой половине XVII в. еще наблюдалась остаточная мягкость [ш'] [Копосов 1967, 191].

С.И. Котков находит написания с сочетаниями **шя, жя, шю, жю**, впрочем, сравнительно малочисленные, в текстах первой половины и середины XVII века, написанных в Ельце, Курске, Новосиле, Осколе, и считает их указанием на реликтовую мягкость шипящих, причем в подтверждение этого вывода он ссы-

лается, во-первых, на тот немаловажный факт, что в более поздних источниках, датируемых концом XVII и первой четвертью XVIII вв., подобные написания уже полностью отсутствуют, и во-вторых, на наличие в современных южнорусских говорах некоторых случаев неперехода [е] в ['о] перед шипящими (см. [Котков 1963, 105–106]). Естественно, в южнорусских памятниках встречаются и орфограммы, за которыми усматривается твердость шипящих (*жывота, нашыми* и др.). С.И. Котков приводит примеры только из некоторых рукописей (их локализация – Елец, Кромы, Курск, Ливны, Новосиль) [Там же, 107], но очевидно, что и в остальных южнорусских диалектах твердые шипящие уже присутствовали. Во всяком случае, подобная ситуация – явная твердость [ш] и [ж] при реликтовом сохранении мягких [ш'] [ж'] – восстанавливается по данным брянских текстов делового содержания первой половины XVII в., изданных в книгах [Памятники... 1982] и [Памятники... 1993]:

по конеч ... межы [Памятники... 1982, №2 – л. 103 об.], *прожыточное* [там же – л. 662 об.], *не по$^{\partial}$жыга^{т}* [там же – лл. 516, 520 об.], *по^{л} се^{л}ца Жылѣ^{ч}ки* [там же – л. 516 об.], *по^{л} се^{л}ца Жыле^{ч}ки* [там же – л. 521], *села Бежы^{ч}* [там же – л. 665 об.].

за нашю ... вину [Памятики... 1993, №9 – 291].

Г.А. Хабургаев подверг критике выводы С.И. Коткова о реликтовом сохранении мягкости шипящих в южнорусских говорах первой половины XVII в., говоря, что написаниям с сочетаниями **шя**, **шю**, **жя**, **жю** не следует приписывать фонетического значения. Он полагал, что, если бы в южнорусских говорах хотя бы реликтово сохранялась мягкость [ш'] [ж'], в местных текстах непременно присутствовала бы мена букв **ш** и **ч**, поскольку на юге распространена утрата затвора аффрикатой [ч'], так что на ее месте слышится [ш'] [Хабургаев 1967, 175–177][5]. Эта аргументация, впрочем, может быть оспорена, так как известно, что диалектные явления, связанные с судьбой аффрикат, по каким-то причинам практически не находят отражения в памятниках деловой письменности XVI–XVII вв. Во-первых, это касается цоканья: в рукописях XVI–XVII вв., созданных на тех севернорусских территориях, говоры которых в настоящее время характеризуются неразличением аффрикат, практически повсеместно отсутствуют случаи смешения букв **ц** и **ч** (см. [Елизаровский 1958, 27-28; Колесов 1972, 354; Копосов 1967, 192-193; Копосов 1971, 10; Копосов 1977, 83-84]). И, во-вторых, столь широко представленное в южнорусских говорах явление, как утрата затвора аффрикатой [ц], также отражается в рукописных источниках XVII в. южного происхождения абсолютно единично, причем имеющиеся примеры не слишком надежны (*Асифорка, Ансифора* от имени Анцифор и *Сарябин* – фамилия, которая, возможно, связана с диал. [сар'а́бат'], т.е. "царапать") (см. [Котков 1952, 51]).

3.2. В конце XVI – первой половине XVII в. существовали, должно быть, и такие диалекты, где **процесс отвердения шипящих как раз шел**, то есть мягкие

[5] И действительно, С.И. Котков обнаружил только один пример написания **ш** вместо **ч** в исследованных им южнорусских памятниках: *два озерка Щуш(ь)я да Баб(ь)я* (брянский текст 1595 г.) [Котков 1963, 110]. Речь идет об озере под названием Щучье, ср.: *озе^{р}ко Щу^{ч}я* [Памятники... 1982, № 2 – л. 982 об.].

[ш'] и [ж'] еще были достаточно употребительны, но распространились уже и твердые [ш] и [ж].

Возможно, отвердение шипящих происходило в этот период в новгородском диалекте при том, что еще могли сохраняться и мягкие шипящие. В деловых текстах новгородского происхождения[6], с одной стороны, встречено несколько написаний с сочетанием **жы**: *на прожыто*^{к} 42757, д. 37, л. 7 (2 р.), *служылы*^{м} 13 б – 62, *две о*^{б}*жы* 42757, д. 22, л. 1, *по*^{л} *о*^{б}*жы* 42757, д. 39, л. 2 (2 р.). С другой стороны, отмечены написания с сочетаниями **жя**, **жю**: *пожялуи* 42757, д. 6, л. 1 (2 р.), 43280–169 (2 р.), *пожялова*^{л} 42757, д. 6, л. 1, 43280–169, *о*^{б}*жями* 43280–169, 42757, д. 6, л. 1 (3 р.); *з Жюко*^{в}*ского* 32-19 об., ⟨пустошь⟩ *Кожюхова* 32–181 об., *о*^{б}*жю* 43280–144 (2 р.), 169, 42757, д. 15, л. 1, д. 25, л. 2, д. 40, л. 1, *на межю* 13 б – 70 (2 р.), 70 об., *мужю* 43363, д. 26, л. 1, *служю* 42363 д. 12, л. 7, *сторожю* (Д. ед.) 13 б – 115 об.

Сходная картина – и мягкость, и твердость шипящих – вырисовывается по материалам нижегородских текстов XVII века (*по ушям, шюбных, прошю, кожю, Жюков, к черътежю, не положя – сложыл, жытели, приложыл, ржы, межы*) (см. [Семенова 1973, 11]). В процессе отвердения находились шипящие и в калужских говорах XVII в. (ср. написания, извлеченные из местных рукописей: *пашют, сижю, шюба, рубежю, пустошы, жывыми*) (см. [Савченко 1966, 5]).

3.3. Три с половиной – четыре столетия тому назад имелись, видимо, и диалекты, где **шипящие были преимущественно мягкими**, а процесс их отвердения еще только начинался. Подобная ситуация присутствовала в смоленских говорах начала XVII в., поскольку в местных рукописях регулярно употребляются сочетания **шя, жя, шю, жю**. Ср. следующие написания из "Памятников обороны Смоленска 1609–1611 гг." [Памятники... 1912]: *Елшяня* 34[7], *Кушялев* 159 (2 р.), *Шянин* 227 (IV), *Шятихин* 159, *упрашял* 222, *шяпок* (Р. мн.) 7, 9, *Шюмов* 159, *у... Шюшарина* 245, *у... Шюбникова* 242, *Мишюркина* (Р. ед.) 13, *Ошюшкина* (Р. ед.) 243, *в болшюю меру* 242, *шюбка* 283, *трицат шюб* 7, *одну шюбу, две шюбы* 101, *две шюбенки* 101, 2 *шюрина* 242, *Бестужяв* 159, *Жяров* 242 (2 р.), *ис Сурожя* 39, *дорогобужян* (Р. мн.) 242, *не держят(ь)* 227 (I), *жялованья* (Р. ед.) 242, *нарежялся* 26, *пожялуи* 33, *убежяли* 9, *снесут жя* 227 (I), *хотят жя* 39, *с тех жя* 7, *с тем жя* 26, *Жюкову* 232, *у Велижю* 32, *кажюшной* 283, *межю* 39, *к... рубежю* 39, *рыжю* 96, *на... сторожю* 39 и т.д.

Косвенным свидетельством того, что шипящие в смоленских говорах, действительно, отвердели поздно, служит тот факт, что ныне здесь зачастую отсут-

---

[6] Были изучены скорописные памятники конца XVI – первой половины XVII в., хранящиеся в РГАДА: около 280 челобитных грамот (фонд 1209, опись 1243 – столбцы 23458, 23459, 23460, опись 1245 – столбцы 42757, 42768, 42777а, 42788, опись 1246 – столбцы 34280, 43363, 4331), "Список новгородским денежным четвертным окладным и неокладным всяким доходам", 1621 г., 128 л. – РГАДА, фонд 137, оп. 1 (45. Новгород, №13 б) и "Новагорода книга оброчным и необрочным всяким землям и угодьям и кто оными владеет", 1646 г., 308 л. – РГАДА, фонд 137, оп. 1 (45. Новгород, № 32). При цитировании материала рукописных источников из 1209-го фонда РГАДА указывается номер столбца по описям, номер дела в столбце Поместного приказа, если столбец разбит на отдельные дела, что бывает не всегда, и, наконец, номер листа. При цитировании же материала из рукописей, содержащихся в 137-м фонде РГАДА, указывается номер рукописи и через дефис номер листа.

[7] Числа после примеров указывают на номера текстов по изданию [Памятники... 1912].

ствуют результаты изменения [е] в [о] перед шипящими (см. [Расторгуев 1960, 33]). Впрочем, процесс отвердения /ш/ и /ж/ в начале XVII в., по-видимому, уже постепенно начинался, так как на фоне регулярных написаний с буквосочетаниями **ши, жи** в исследованных текстах встречено три случая написания **жы**: *ржы* (Р. ед.) 247 (2 р.), *аржы* 242 (при многочисленных написаниях *иржи* в этом же тексте). Видимо, позиция в труднопроизносимом сочетании после твердого [р] была первой, в которой шипящие начинали отвердевать.

Интересно заметить, что в более раннем тексте смоленского происхождения – Смоленской крестоприводной книге конца XVI века (1598 г.) – имеются исключительно сочетания **ш** и **ж** с **я** и **ю**: *Матюшя* 4 об., *Шюᴬга* 5, *Шютаᵘ* 21, *Шашюра* 38 об., *Шюмило* 40, *Дашюкоᵘ* 57, *Шюмаᵏ* 60, *Ушякоᵘ* 63, *Тишя* 64 об., *шяпуваᴬ* 64 об., *Шярапоᵘ* 70 об., *Жюкъ* 4, *Жюᵏ* 35, 58, *Жюка* 30, *Жюкоᵘ* 68, *Свежюноᵘ* 32 об. (примеры приводятся по изданию [Смол. крестоприводн. книга]). Памятники же делового письма смоленского происхождения последней трети XVII в. уже полностью свидетельствуют о твердом произношении [ш] и [ж]. В частности, в смоленских отказных и приходно-расходных книгах этого периода сочетания **шя, жя, шю, жю** не фиксируются, тогда как представлено достаточное количество форм с сочетаниями **шы, жы**, например: *жывутᵗ, надлежытъ, жылыя, приложылъ, пустошы, Пᵃрфену Шымъкову* (см. [Соболева 1996, 38]). Это позволяет заключить, что шипящие в смоленском диалекте отвердевали на протяжении первой половины XVII в. и стали окончательно твердыми наверняка к последней трети этого столетия, а возможно, и несколько раньше.

Орфографические данные, аналогичные тем, что найдены в "Памятниках обороны Смоленска 1609–1611 гг.", имеются в тульских рукописях XVII в.: при написаниях типа *сижю, нашя* **ы** после букв шипящих отмечается только в форме *ржы*. Свидетельством того, что /ш/ и /ж/ в тульских говорах действительно отвердевали столь поздно, является тот факт, что мягкие шипящие кое-где отмечались в пределах Тульской губернии в начале XX века (см. [Рыбочкина 1970, 8]). Судя по всему, процесс отвердения шипящих еще не завершился в XVII в. в галичских акающих говорах. По наблюдениям Л.П. Греховой, изучившей деловые тексты, созданные в Галичском уезде (Галиче и его осадах – Чухломской, Парфеньевской, Судайской и Соли Галичской), в местных рукописях есть написания с сочетаниями **шю, жю**, а пример с **шы** только один (*допрашываны*) (см. [Грехова 1966, 6]).

Заслуживающие доверия свидетельства мягкости [ш'] и [ж'] обнаружены в текстах тверского происхождения[8]. Во-первых, здесь также нет сочетаний **шы, жы**, но имеются написания **шя** и **жю**: *Проко/ш/я* (В. ед.) 348 об., *Жюкова* (Р. ед.) 5, 5 об., 7 об. Во-вторых, в одном из почерков три раза встречено написание *пустошь* 364 об., 366 об., 367, при том что писец строго различал буквы **ъ** и **ь** – и не только графически, но и функционально, явно обращая внимание при их использовании на твердость и мягкость предшествующих согласных. Ср. примеры:

ъ: *тутоᵘнихъ и сторонᵘнихъ поповъ и старостъ* 16061–364 об, *лѣсомъ* 16061–367 об., *во Тверᵖскомъ уѣзде* 16061–366, *три* ***копъны***, 16061–368, ***въдовѣ***

[8] Была исследована тверская отказная книга 1627–1643 гг. (РГАДА, фонд 1209, оп. 2, № 16061).

16061–392, ***Онъдрѣя*** (В. ед.,) 16061-391 об., ***семъ*** 16061–367, ***восмъ*** 16061–366, 367 об., 400;

ь: *пять* 16061–367 об, *в помѣстье* 16061–392, *Одотьину пасыку* 16061–392, *Парфенья* (В. ед.) 16061–365, *четыре* ***четьверьти*** 16061–367 об., *четыре* ***четверьти*** 16061–367, *восмъ* ***четверьтеи*** 16061–366, *во* ***Тьверскои*** *уѣздъ* 16061–364.

По-видимому, писец обладал тонким фонетическим слухом, ибо он последовательно отмечал на письме твердость или мягкость согласных, стоящих перед другими согласными, а также отвердевшие губные в исходе числительных "семь" и "восемь" (см. примеры, выделенные жирным шрифтом). Таким образом, за написанием *пустошь*, принадлежащим руке этого писца, наверняка, стоит мягкость /ш/.

Есть некоторые основания предполагать, что и в соседнем – торжковском говоре первой половины XVII в. шипящие могли быть еще мягкими, поскольку в новоторжской отказной книге 1611–1628 гг. (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 11463) при полном отсутствии сочетаний **шы, жы** есть сочетание **шю**: *Шюшерина* (фамилия – Р. ед.) 250, 268, 279. Немаловажным аргументом в пользу признания данного предположения реальным является тот факт, что мягкость в произношении шипящих отмечалась в селигеро-торжковских говорах в гораздо более поздний период – в начале XX в. (см. [Соколов 1908, 41-42, 45; Попов 1912, 260]).

4. Таким образом, весь приведенный материал позволяет выстроить карту, на которой применительно к синхронному срезу, ограниченному концом XVI – первой половиной XVII в., отражено качество шипящих /ш/ и /ж/ в тех расположенных на территории исконного распространения русского языка диалектах, которые представлены исследованными к настоящему моменту памятниками локальной деловой письменности (см. приложение). Оказалось, что эта карта во многом не похожа на современную [ДАРЯ I, карта 63]. Так, в нынешнее время во всех говорах, где отмечаются мягкие шипящие, они сосуществуют с твердыми при подавляющем преобладании последних, а более или менее последовательное употребление мягких шипящих характерно только для ареалов в Ивановской и Костромской областях [см. ДАРЯ I. Комментарии к картам, 165]. Судя по данным рукописных источников первой половины XVII в., три с половиной – четыре столетия тому назад мягкие шипящие были распространены гораздо шире: они наблюдались во многих диалектах, ныне характеризующихся наличием твердых шипящих: в смоленском, торжковском, тверском и тульском. Видимо, более частотным, нежели теперь, было произношение мягких шипящих в северо-восточных акающих говорах. Остаточная мягкость [ш'] и [ж'] в первой половине XVII в. имела место в ряде южнорусских говоров – брянских, оскольских, елецких, новосильских – там, где теперь ее уже нет; в калужских говорах, в которых шипящие ныне могут быть только твердыми, в XVII в. существовало и твердое, и мягкое их произношение; видимо, шире, чем сейчас, были распространены мягкие шипящие в окрестностях Новгорода и озера Ильмень.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. Лингвистическая география и история русского языка // Вопр. языкознания. 1952, № 6.

Аванесов Р.И. Описательная диалектология и история языка // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963). Доклады советской делегации. М., 1963.

Ворошилова Т.С. Из истории шуйских говоров XVI–XVIII вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955.

Галкина Г.С. Язык рязанских деловых документов XVII–XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тула, 1961.

Грехова Л.П. Исследование генетически южновеликорусского образования в северновеликорусском массиве. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966.

ДАРЯ – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. I. Фонетика. М., 1986.

Елизаровский И.А. Язык Беломорских актов XVI–XVII вв. Архангельск, 1958.

Жарких Т.В. Язык воронежских грамот XVII века (Фонетическая система и морфологический строй): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1953.

Иванов В.В. Из истории говоров северо-западного Подмосковья (Волоколамские говоры). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1953.

Колесов В.В. Различительные особенности языка и письма в северновеликорусских рукописях из собрания Пушкинского дома // Рукописное наследие Древней Руси. Л., 1972.

Копосов Л.Ф. Фонетика вологодских говоров XVI–XVII вв.: (По данным местной письменности) // Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та. 1967. Т. 204. Вып. 14.

Копосов Л.Ф. Вологодские говоры XVI–XVII вв. по данным местной деловой письменности: Фонетика и морфология. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.

Копосов Л.Ф. Унские грамоты XVI–XVII вв. // История русского языка: Лингвистический сборник. М., 1977. Вып. 7.

Котков С.И. Заметки по консонантизму курско-орловских говоров // Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР. М., 1952. Т. 2.

Котков С.И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии: (Фонетика и морфология). М., 1963.

Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг. / Под ред. и с предисл. действительного члена Ю.В. Готье. М., 1912.

Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги / Изд. подготовили С.И. Котков, Н.С. Коткова. М., 1982.

Памятники южновеликорусского наречия. Челобитья и расспросные речи / Отв. ред. В.П. Вомперский. М., 1993.

Попов В.М. Замечания о северно-смоленских и ржевских говорах (Отчет Отделения русского языка о поездках в Поречский и Ржевский уезды) // Изв. ОРЯС. Т. 18. Кн. 3. СПб., 1912.

Расторгуев П.А. Говоры на территории Смоленщины. М., 1960.

Рыбочкина Е.А. Фонетика и морфология тульских говоров XVII в. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970.

Савченко Н.Ф. Калужские говоры XVII века по данным местной письменности (Фонетика и морфология). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966.

Семенова А.П. Фонетика и морфология нижегородских говоров XVII века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.

Смоленская крестоприводная книга 1598 г. (Подготовили к печати С.П. Мордовина, А.С. Станиславский) // Источники по истории русского языка. М., 1976.

Соболева Н.В. Фонетика смоленского диалекта второй половины XVII в. (по данным местной деловой письменности). Дипломная работа (машинопись) МГУ, 1996.

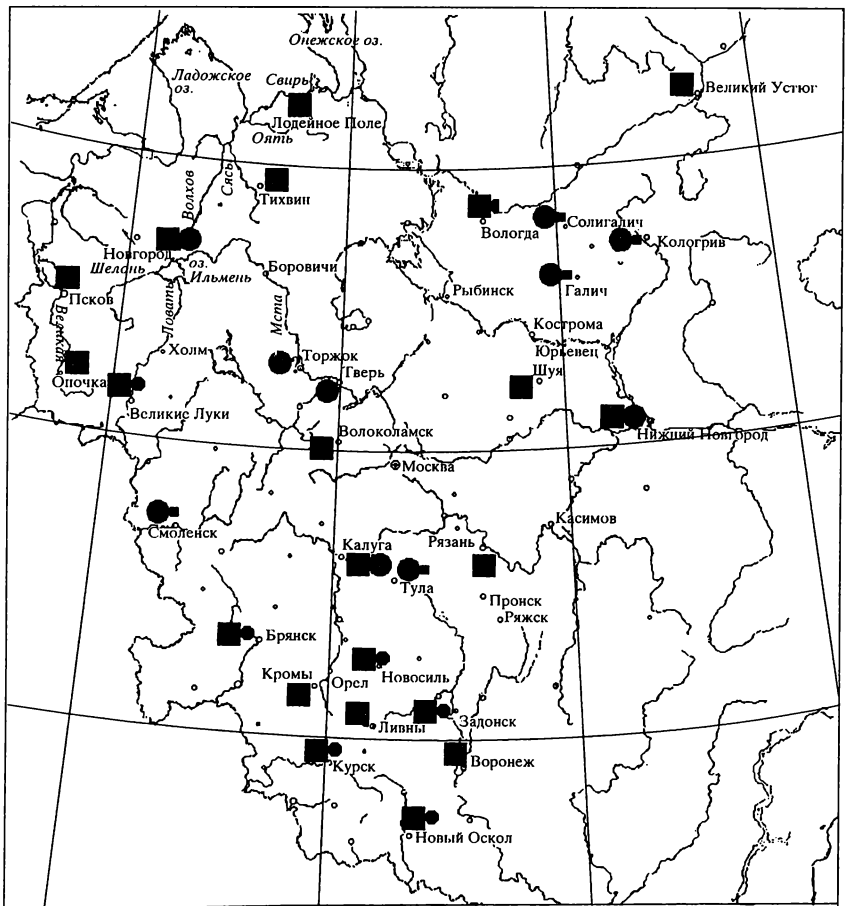
Соколов Н.Н. Отчет о поездке в Тверскую губернию с диалектологическою целью летом 1904 г. // Труды Московск. Диалектологич. Комиссии. Вып. 1. Варшава. 1908.

Сущева М.В. Орфографические нормы и возможности отражения диалектных особенностей в деловой письменности первой половины XVII в. (на материале документов г. Великого Устюга). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1974.

Хабургаев Г.А. Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия: (Консонантизм) // Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та. Т. 204. Вып. 14. М., 1967.

Приложение

Распространение твердых и мягких шипящих в конце XVI – первой половине XVII в.

Условные обозначения:

– [ш] и [ж] твердые

– [ш] и [ж] твердые при реликтовом сохранении мягких [ш'] и[ж']

– [ш] и [ж] твердые при реликтовом сохранении мягкого [ш']

– сосуществование твердых [ш] и [ж] и мягких [ш'] и [ж'] (шипящие находятся в процессе отвердения)

– преимущественно мягкие [ш'] и [ж'], процесс отвердения которых только начинается

– [ш'] и [ж'] мягкие при отсутствии в рукописных источниках указаний на существование [ш] и [ж]

– то же под вопросом ввиду ограниченности материала письменных источников

О.И. Блинова

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ*

Мы обязаны искать и собирать повсюду, как золотоносный песок, по крупицам образцы русской речи...

К. Паустовский

Одно из формирующихся научных направлений в русской диалектологии составляет лингвокультурологическое, которое активно разрабатывается диалектологами Томского университета. Основная проблема направления – диалект и народная культура – исследуется томскими русистами с преимущественным вниманием к народной речевой культуре (НРК), которая рассматривается и как выразитель духовной культуры, и как ее важная составляющая часть [Толстой 1991; Гольдин, Сиротинина 1997: 413–415]. Основные аспекты изучения НРК – онтологический, лексикографический, лингвоисточниковедческий и лингвоэкологический. Между выделенными аспектами не всегда можно провести четкую грань: некоторые из них отражают взаимопроникновение, взаимосвязь, например, онтологический и источниковедческий, источниковедческий и лингвоэкологический. И, тем не менее, представляется важным, методологически значимым поаспектный анализ НРК, позволяющий определить "угол зрения" на предмет анализа.

В **онтологическом** аспекте, связанном с системой исходных научных понятий лингвокультурологии, с выявлением компонентов народной культуры и их отражением в крестьянской языковой картине мира, предметом рассмотрения на материале русских говоров Среднего Приобья избраны такие универсальные категории народной культуры, как пространство и время, исследуемые с точки зрения соотношения и взаимосвязи языковой и концептуальной картины мира, соотношения в крестьянском миросозерцании бытового и бытийного времени, принципов и способов временной локализации относительно момента речи. Подробное освещение получило время народного праздника – календарного и некалендарного с выявлением событийных маркеров времени [Порядина 1995; Калиткина 1996; 1998а, 1998б, 2000, 2001; Банкова 1998а и др.] Рассмотрены различные концепты НРК: "человек", "жизнь" и "смерть", "память" и "знание", "душа", "сердце", эстетические категории "красивое", "хорошее" и некоторые другие [Резанова 1995; Банкова 1996, 1998б, 1998в, 1999, 2000].

Проведены в онтологическом ключе исследования отдельных слагаемых НРК как составной части культуры духовной. Развернутую разработку в общетеоретическом плане получила лексико-семантическая категория образности – результат обобщения образности как свойства слова с двуплановой семантикой и метафорическим способом ее выражения: определены разряды образных слов – языковые метафоры и собственно образные слова, отличающиеся от языковых метафор не только тем, что они представляют собой не вторичные, а первичные номинации, но и тем, что они характеризуются не семантическим, как метафоры, а морфологическим типом мотивированности (например, *вол-*

* Статья выполнена при финансовой поддержке гранта МО РФ (проект ГОО-1. 6-456).

нушка 'гриб с волнистой шляпкой', *горицвет* 'растение с ярко-красным, как бы горящим цветком', *горластый* 'громкоголосый, словно с широким горлом'); дано обоснование понятия образного контекста, с определением его типов, понятия ассоциативно-образного семантического поля [Блинова 1990; 1994; Юрина 1995; 1999; Шенделева 1999 и др.]. Это позволило выявить огромный образный пласт НРК и лексикографировать его [Блинова, Мартынова, Юрина 1997].

Предложена трактовка олицетворения как термина лингвокультурологии и явления НРК [Блинова 1998; 1999], трактовка обрядового слова и обрядового значения слова [Банкова 1997; Банкова, Калиткина 2000].

Исследованию на материале среднеобских говоров подверглись такие феномены НРК, как явление олицетворения и зооморфизма, образные средства диалекта и их функции, фигуры речи – тавтология, плеоназм, градация, приемы кольца, оживления внутренней формы слова, параллелизма, подхвата, эвфонии и др. Детальное описание получили сравнительные обороты в континууме сибирского говора и в речи диалектной личности [Шенделева 1998; Волкова 1998; 1999; 2000а; 2000б; Иванцова, Волкова 1999; Юрина 1999; Блинова 2000; 2001; Найден 2000; 2001; и др.].

Подробное освещение дано различным речевым жанрам НРК: информативным (бытовой рассказ, воспоминание, запрос и уточнение информации, предположение), оценочным (похвала, неодобрение, жалоба), императивным (приказание, требование, просьба, предупреждение, совет, предложение, уговаривание), этикетным (благодарность, приглашение, прощание, приветствие) [Демешкина 2000; Гынгазова 1998; 1999; Эмер 1998; Казакова 1999; 2000а; 2000б].

Результаты, полученные при изучении онтологического аспекта исследования НРК, использованы при анализе **лексикографического** аспекта диалектной лингвокультурологии. Работы томских русистов посвящены разработке научных концепций словарей лингвокультурологической направленности и принципам их составления. В данном аспекте также учитывается бифункциональность НРК: как составной части духовной культуры и как средства ее выражения.

НРК в ее первой ипостаси нашла свое отражение в опубликованном "Словаре образных слов и выражений народного говора" (Томск, 1997), включающем 2545 образных лексико-фразеологических и иных единиц русских говоров Среднего Приобья. Во вводной части словаря [Блинова 1997] представлена его концепция, базирующаяся на лексикологической теории образности, согласно которой образность (как было отмечено ранее) определяется как свойство слова (языковой единицы), характеризующегося семантической двуплановостью и метафорическим способом ее выражения. Названа совокупность принципов отбора языковых единиц в словарь: принцип идентификации языковой единицы как образной; принцип учета ее функций (функции выражения образного представления, эмоционально-экспрессивной, эстетической функции, которые могут проявляться комплексно либо избирательно); принцип антропоцентризма, предусматривающий обращение к метаязыковому сознанию носителя диалекта, его творца, отражающего образное видение мира; принцип системности, учитывающий разноуровневые связи образных языковых единиц диалекта.

В соответствии с перечисленными принципами в словарь включены: языковые метафоры (*слёзка* 'капелька влаги на поверхности чего-л., напоминающая слезу'), собственно образные слова (*змеиться* 'виться, извиваться, подобно

змее'), двукомпонентные номинации (*кукушкины сапожки* 'венерин башмачок'), фразеологизмы (*негде курочке клюнуть* 'о большом количестве чего-л.'), творительный уподобления (цветет *колокольчиком*), сравнительные наречия (*сердечком*), сравнительные обороты (*белый, как снежок*). Названные принципы реализуются и в зонах словарной статьи. В зону заглавного слова введены два типа помет: а) семантические пометы, характеризующие особенности семантики толкуемой языковой единицы в аспекте образности (СО – собственно образное слово, ЯМ и РМ – языковая/речевая метафора), в аспекте эмоциональной оценочности и экспрессивности (ласкательное, одобрительное, неодобрительное, ироническое и под.) и б) функциональные пометы, характеризующие преимущественность употребления заглавного слова в том или ином стиле диалекта (высокое, народно-поэтическое и под.). Толкование образной языковой единицы опирается на два принципа семантизации: принцип отражения в толковании компонентов образной семантики и принцип отражения показаний метаязыкового сознания носителей диалекта, демонстрирующих восприятие единицы как образной. Иллюстративная зона словарной статьи содержит тексты и метатексты.

В настоящее время составители словаря готовят его второе издание, дополненное за счет новых образных средств, новых семантических помет, за счет расширения круга слов, сопровождаемых пометой "олицетворение" в соответствии с предложенной трактовкой этого явления в: [Блинова 1998], предусматривающей расширение круга денотатов, обусловливающих эффект олицетворения. К числу таких денотатов отнесены физические свойства и действия человека (*ножка* гриба, *спинка* стула, болезнь *косит*), одежда и обувь, посуда и украшения, другие артефакты – творения человеческих рук (*рукав* реки, *шляпка* гриба, *кувшинка* 'водяная лилия', *иголка* ели и под.).

Разработана концепция другого словаря лингвокультурологического типа – "Словаря сибирских обрядов" [Банкова 1998; Банкова, Калиткина 2000], синтезирующий в себе бифункциональность НРК, которая предстает в нем и как средство выражения обрядовых ритуалов, и как компонент духовной культуры, отраженный в совокупности обрядовых текстов. Это определило и состав источников словаря (этнографический, языковой, фольклорный), и принципы отбора слов, имеющих статус обрядовых, и слов с обрядовым значением [Банкова 1997], и характер словарной статьи (общая словарная статья дает представление об общей структуре обряда, его главных составных частях, об участниках обряда и т.д.; частная словарная статья посвящена отдельному элементу обряда), и толкование значения, учитывающее магическую функцию обрядового действа; и даже порядок следования словарных статей (в той последовательности, в которой совершается обряд).

Уделено внимание лексикографическому способу отражения духовной и материальной культура селян [Блинова 1994; 1995; 1996; 1997; Банкова 1998б; и др.]

В **лингвоисточниковедческом** аспекте, ориентированном на выявление источников изучения НРК и их информативных возможностей, большей частью исследован лексикографический источник – различные типы диалектных словарей Среднего Приобья – также с учетом бифункциональности НРК. Большее внимание в рассматриваемом аспекте обращено на диалектные словари полного типа – "Полный словарь сибирского говора" (Томск,

1992–1995. Т. 1–4), "Вершининский словарь" (Томск, 1998–2000. Т. 1–3), "Полный словарь диалектной личности" (рукопись) и аспектные диалектные словари – "Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья" (Томск, 1982–1983. Т. 1–2), "Словарь образных слов и выражений народного говора" (Томск, 1997). Информативные возможности словарей определены с учетом зон словарной статьи.

Выявлено, что областной словарь как источник изучения народной духовной культуры содержит данные о различных ее аспектах: нравственном, познавательном, эстетическом, об особенностях крестьянского мировидения, крестьянской языковой картины мира, о речевом воплощении культурных концептов [Банкова 1995, 1998а; 2000; и др.; Блинова 1995; 1996; 1997 и др.].

Каждый из диалектных словарей поставляет данные о различных слагаемых НРК. Если, например, "Словарь образных слов и выражений народного говора" концентрирует метафоры и собственно образные слова, сравнительные обороты и образную фразеологию, отражает явления олицетворения, зооморфизма и т.д., то "Мотивационный диалектный словарь" содержит благодатный материал для изучения многих фигур речи, имеющих мотивационную "одежду" – прием оживления внутренней формы слова, сравнения, лексического повтора, параллелизма, тавтологии, плеоназма, градации, антитезы, кольца и др. Например, в нижеприводимом тексте из "Мотивационного словаря" – *Косач есть, тетерки, глухари. Весной, когда он* [глухарь] *самку подзывает, так поет и, как глухой, ничего не слышит, хоть руками его бери* – реализовано несколько фигур речи: прием оживления внутренней формы слова (*глухарь – как глухой*), прием сравнения (не слышит, *как глухой*), прием олицетворения (глухарь самку *подзывает, поет*). Названный словарь, отражая мотивационные отношения слов диалекта, является источником изучения редких фигур речи, таких как приемы толкования и инотолкования внутренней формы слова, прием наделения немотивированного слова внутренней формой, прием перевернутой мотивации [Блинова 1998а; 2000в]: *Калина, она же как калёная стоит, красная вся, раскалилась. Волнушка, у ей розоватая эта* [шляпка], *а тут* [по краям шляпки] – *неровно, а волнами, волнами. Бахилы* [болотные сапоги] *делаются тяжелы и плотны, чтобы вода не попала в их: идешь по болоту – бах! бах! – так хлюпают они по воде.*

Начато изучение других источников исследования НРК – диалектных текстов, представленных в материалах диалектологических экспедиций Томского университета, фольклорных текстов, собранных в регионе Среднего Приобья [Блинова 1998; 1999; 2000б; 2001а; 2001б; Волкова 1998; 2000; Казакова 2000; Калиткина 2001; Найден, 2000; Шенделева 1995; 1998 и др.].

И последний, **лингвоэкологический,** аспект изучения НРК, связанный с выявлением способов ее сохранения, по существу, только заявлен в опубликованной автором статье, посвященной лексикографическому способу сохранения НРК [Блинова 2000а]. В статье подчеркнута мысль об актуальности и значимости данного аспекта, обусловленных тем, что диалект – главный носитель и выразитель НРК – существует в единственной форме бытования – устной, испытывает мощное воздействие литературного языка и других внеязыковых факторов, что неизбежно приводит к утрате традиционных элементов НРК, утрате невосполнимой.

Предстоит научное описание других способов хранения НРК.

ЛИТЕРАТУРА

Банкова Т.Б. "Полный словарь сибирского говора" как источник изучения народного миросозерцания // Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее. Вып. 4. Томск, 1995.

Банкова Т.Б. Народное представление о "красивом": этнический и эстетический аспекты (на материале "Полного словаря сибирского говора"//Современные образовательные стратегии и духовное развитие личности. Ч. II. Томск, 1996.

Банкова Т.Б. Обрядовое значение слова: языковой и этнический феномен // Этносы Сибири: Язык и культура. Ч. I. Томск, 1997.

Банкова Т.Б. Бытовое и бытийное время в крестьянском миросозерцании (на материале "Полного словаря сибирского говора" // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты. Т. I. Бийск, 1998а.

Банкова Т.Б. Концепты "память" и "знание" и их речевое воплощение в народной языковой картине мира // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии. Томск, 1998б.

Банкова Т.Б. Крестьянский мир в "Словаре образных слов и выражений народного говора" // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии. Томск, 1998в.

Банкова Т.Б. Словарь сибирских обрядов (на материале семейных обрядов) // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. Томск, 1998г.

Банкова Т.Б. Ценностные ориентиры в крестьянском мировидении (на материале "Полного словаря сибирского говора") // Язык и культура. Томск , 1999.

Банкова Т.Б. Традиционная антиномия "жизнь – смерть" и ее трансформация в народном мировидении//Православие и Россия: Канун 3-его тысячелетия. Томск, 2000.

Банкова Т.Б., Калиткина Г.В. Лексикографическое описание обрядового слова. К постановке проблемы //Актуальные проблемы русистики, Томск, 2000.

Блинова О.И. Словари и духовная культура//Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее. Вып. 2. Томск, 1994.

Блинова О.И. Способы отражения народной духовной культуры в областном словаре // Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее. Вып. 4. Томск, 1995.

Блинова О.И. Областной словарь как памятник народной духовной культуры // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспекте. Вып 1. Новосибирск, 1996.

Блинова О.И. Лексикографическое исследование духовной и материальной культуры // Этносы Сибири: Язык и культура. Ч. I. Томск, 1997.

Блинова О.И. Мотивационная "одежда" стилистических фигур // Вестник Том. гос. пед. ун-та. Вып. 6. Томск, 1998.

Блинова О.И. Олицетворение (К формированию научных понятий лингвокультурологии) // Образование, язык, культура на рубеже XX–XXI вв. Уфа; Томск, 1998.

Блинова О.И. Явление олицетворения как феномен народной речевой культуры // Язык и культура. Сб. статей 13-й междунар. науч.-метод. конф. Томск, 1999.

Блинова О.И. Лексикографический способ сохранения народной речевой культуры // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Ч. II. Томск, 2000а.

Блинова О.И. Об одном из слагаемых народной речевой культуры // Православие и Россия: Канун 3-его тысячелетия, Томск, 2000б.

Блинова О.И. Русская мотивология. Томск, 2000в.

Блинова О.И. Народная речевая культура русских старожилов Среднего Приобья // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении... Томск, 2001а.

Блинова О.И. Областной словарь как источник изучения народной речевой культуры. М., 2001б (в печати).

Блинова О.И., Мартынова С.Э., Юрина Е.А. Словарь образных слов и выражений народного говора / Под ред. О.И. Блиновой. Томск, 1997.

Волкова Т.Ф. Образные и логические сравнения в языке диалектной личности // Iuvenilia. Сб. студ. и аспирант. работ. Вып. 2. Томск, 1998.

Волкова Т.Ф. Особенности употребления сравнений отдельной личностью на фоне языка социума // Филологические исследования.Томск, 2000.

Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Речевая культура // Русский язык. Энциклопедия. М., 1997.

Гынгазова Л.Г. Жанр оценки в языке личности // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. Томск, 1998.

Гынгазова Л.Г. Тональность текстов-воспоминаний в языке личности // Язык и культура. Сб. науч. статей XIII международной науч.-метод. конф. Томск, 1999.

Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания: Аспекты семантики. Томск, 2000.

Иванцова Е.В., Волкова Т.Ф. Отражение языковой картины мира в сравнениях диалектной личности // Вестник Том. гос. ун-та. Т. 268. Томск, 1999.

Казакова О.А. Информативные жанры в языке личности (опыт составления типологии) // Филологические науки. Томск, 2000.

Калиткина Г.В. Удвоение временных планов в вершининском говоре: взаимосвязь языковой и концептуальной картины мира // Современные образовательные стратегии и духовное развитие личности. Ч. 2. Томск, 1996.

Калиткина Г.В. Локализация в континууме ПРОШЛОГО в вершининском говоре // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. Томск, 1998а.

Калиткина Г.В. Событийные маркеры времени // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты. Т. 1. Бийск, 1998б.

Калиткина Г.В. Календарный и некалендарный личный праздник в лингвокультурологическом аспекте // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Ч. 2. Томск, 2000а.

Калиткина Г.В. Циклический праздник в лингвокультурологическом аспекте // Православие и Россия: канун 3-го тысячелетия. Томск, 2000б.

Калиткина Г.В. Время праздника: сакральное и профанное (Отражение лексики с темпоральным значением в томских областных словарях) // Проблемы русистики. Томск. 2001.

Найден Е.В. Функции мотивационно связанных слов в народно-поэтическом стиле диалекта // Филологические исследования. Томск, 2000.

Порядина Р.Н. Универсальные категории культуры в языковой картине мира // Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее. Вып. 4. Томск, 1995.

Порядина Р.Н. Пространственная модель универсума в русской народной культуре (по данным модификационного словообразования) // Православие и Россия: канун 3-го тысячелетия. Томск, 2000.

Резанова З.И. Человек в ценностной картине мира (на материале лексических диалектных систем) // Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее. Вып. 4. Томск, 1995.

Толстой Н.И. Язык и культура: Некоторые проблемы славянской этнолингвистики // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистки. Ч. 1. М., 1991.

Шенделева Е.А. Образный контекст /Лингвистические чтения, посвященные 100-летию со дня рождения проф. Н.П. Гринковой. СПб., 1995.

Шенделева Е.А. Образное слово в народно-поэтическом стиле диалекта // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии. Томск, 1998.

Шенделева Е.А. Ассоциативно-образное семантическое поле как лингвокультурологический феномен // Язык и культура. Сб. науч. статей... Томск, 1999.

Шенделева Е.А. Полевый подход к анализу образного строя языка: модели лингвистической интерпретации // Русский язык: исторические судьбы и современность. Междунар. конгресс. Труды и материалы. М., 2001.

Эмер В.А. Отглагольное имя в информативных речевых жанрах // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. Томск, 1998.

Юрина Е.А. Образное слово в системе диалекта (функциональный аспект) // Диалектологические и историко-лексикологические проблемы. Омск, 1999.

М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова

ГОЛОСА МОСКОВСКИХ УЛИЦ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в. (по материалам архива Е.З. Баранова)

О богатстве и яркости московского народного говора начала XX в. сохранилось много свидетельств и воспоминаний. Наиболее известные из них – книги В.А. Гиляровского и Е.П. Иванова [Гиляровский 1981; Иванов 1989]. В них авторы стремились максимально точно воспроизвести особенности устной речи москвичей, ее "типовой колорит" [Иванов 1989, 202].

Уникальный языковой материал – записи устной речи городских низов Москвы на рубеже XIX–XX вв. – представлен в архиве Е.З. Баранова (РГАЛИ, фонд 1418).

Евгений Захарович Баранов родился в г. Нальчике 28.12.1869 (9.01.1870), родители – выходцы их подмосковного села Непецыно, осевшие на Кавказе. Год смерти точно не установлен; в немногочисленных биографических справках о нем эта дата указывается приблизительно: после 1932 г. [Сучков 1989], после 1934 г. [Московские легенды 1993]. Запись, найденная в одном из документов, хранящемся в архиве Баранова, позволила нам высказать свое предположение о дате его смерти – после января 1941 г.[1]

Талантливый писатель, публицист, фольклорист-любитель, Баранов на протяжении всей своей жизни собирал этнографический и фольклорный материал во многих регионах Северного Кавказа. Его внимание привлекали самые разные жанры устного народного творчества: сказки, былички, легенды, народные анекдоты, частушки и т.п.

Перебравшись в Москву (1911 г.), Баранов много времени уделяет записи народной речи городских низов. Часть этих материалов была опубликована в книге "Московские легенды" (М., в. 1, 1923 г.). После Октябрьской революции Баранов приобретает известность среди этнографов и фольклористов как собиратель городского фольклора, выступает на заседаниях общества "Старая Москва". Особенно тесные контакты устанавливаются у него с председателем фонда "Старая Москва" П.И. Миллером, Б.М. и Ю.М. Соколовыми. По настоянию последнего он пишет два варианта автобиографии, содержащих много ярких личных подробностей и дающих представление о характере собирателя и особенностях его работы [Баранов 2001, 232–239]. К сожалению, бóльшая часть собранных Барановым материалов так и не была опубликована при его жизни и в настоящее время хранится в РГАЛИ[2].

---

[1] Публикацию архивных материалов, позволяющих уточнить дату смерти Е.З. Баранова, а также две автобиографии из барановского архива см. в [Китайгородская, Розанова 2002]. В настоящей статье представлены лишь краткие биографические сведения о Е.З. Баранове.

[2] В 1991 г. была издана книга "Московские легенды, записанные Евгением Барановым", которая представляет собой публикацию некоторых материалов из барановского архива, хранящегося в РГАЛИ. Автор публикации – Вера Бокова. К сожалению, данная книга не может служить вполне надежным источником для научных исследований, поскольку публикатор достаточно вольно обращается с архивными материалами: публикация содержит

Барановский фонд включает 19 единиц хранения, представляющих собой папки с рукописными и авторизованными машинописными материалами, систематизированными самим Барановым. При систематизации материалов он пытается ориентироваться на их жанровую принадлежность, что получает отражение в многочисленных примечаниях.

Как свидетельствуют материалы архива, Баранова интересовало все: различные художественные фольклорные жанры, поверья, бытовые рассказы, слухи, отдельные слова и выражения, т. е. весь речевой мир, окружавший его. При этом особенностью Баранова как собирателя народной речи был его живой, неподдельной интерес к "человеку говорящему", кем бы в социальной иерархии этот человек не оказывался. Привлекшие внимание собирателя речевые факты существуют не сами по себе, а в неразрывной связи с их носителями. Это обстоятельство придает особую ценность барановским материалам, поскольку все записи точно паспортизованы и сопровождаются подробными комментариями самого Баранова, которые по сути являются р е ч е в ы м и п о р т р е т а м и героев. Каждый текст предваряется краткой "историей жизни" рассказчика, содержащей речевые меты, характерные для данного персонажа, наблюдения над особенностями речевого поведения и психологического склада, а также обстоятельства знакомства с ним и условия записи.

Так, рассказывая об одном из своих информантов, Егоре Ивановиче Манулине, Баранов указывает время и место знакомства с ним (*познакомился в 1925 г. в московской чайной*), некоторые социальные характеристики (*маляр, родом из подмосковных крестьян, с молодых лет живет в Москве*). Далее, сообщая некоторые подробности жизни собеседника, почерпнутые из его собственного рассказа или мнений о нем окружающих, Баранов старается как можно точнее воспроизводить речевую манеру говорящего, а наиболее типичные слова и выражения заключает в кавычки:

〈...〉 Двадцати лет Е.И. неудачно сошелся с "одной девчинкой", которая, прожив с ним два месяца, ушла от него, "связалась с дворником". Но и у дворника жила она недолго: однажды она залезла к нему в сундук, украла восемь рублей. Дворник избил ее и прогнал. Потом Е.И. видел, как она "стала ночной канарейкой, разгуливала по бульварам и распространяла заразу". 〈...〉 а его товарищи по работе отозвались о нем с самой неблагоприятной для него стороны, называя его "не пролей капли", т.е. горьким пьяницей, "брехуном" и вором. 〈...〉 Насчет его способности "брехать", т.е. рассказывать смешные истории, скажу, что он был интересным, занимательным рассказчиком [ед. 9, л. 2].

Ср. также приписку в конце сказки "Отец и три его сына" [ед. 8, лл. 32–36], содержащую метаязыковые замечания рассказчика:

Записана мною в Москве в 1926 г. от маляра Семена Дмитриевича Шаранова, крестьянина Ярославской губернии 37 – 8 лет. Сам же он перенял ее еще молодым парнем от старого маляра Егора Иваныча, с которым ему не раз приходилось работать. Егор Иваныч любил выпивать, был человек веселого нрава, знал много прибауток, народных сказок. Шаранов признается, что у него сказка вышла не так складна, как у Егора Иваныча, что произошло "от давнего времени", когда он ее слышал. Кое-что он в ней позабыл, кое-что передал по-своему [ед. 8, л 36].

текстологические неточности, не снабжена указаниями на соответствующие архивные источники (лишь в тексте предисловия содержится общая отсылка к материалам Фонда с указанием номеров фонда, описи и единиц хранения).

Авторские комментарии говорят об особенностях работы Баранова как фольклориста и исследователя народной устной речи. В них он всегда указывает место записи и обстоятельства общения, т. е. ситуативные условия разговора. Чаще всего это трактир, чайная, пароход, постоялый двор, ночлежный дом и т.п. – ситуации, располагающие к фактическому общению незнакомых или малознакомых друг с другом людей. Информантами Баранова чаще всего были представители городских низов: ремесленники, мастеровые, "странные люди" и т.п., т.е. носители городского просторечия. Для них Баранов был "своим среди своих". Это и объясняет особую ценность, достоверность, аутентичность материалов, полученных методом "включенного наблюдателя". Замечания, содержащиеся в авторском комментарии, нередко характеризуют Баранова не как пассивного слушателя, но как умелого интервьюера, направляющего разговор в нужное ему русло. Одна из целей подобных "наводящих" вопросов – прояснить некоторые расхожие представления, бытующие в данной среде. Ср. показательный фрагмент барановского комментария к легенде о жулике Рахманове:

Генерал-губернатор похвалил его за находчивость и ловкость, дал ему в награду 300 р. и подарил свою шинель, так как по правилам он не мог носить ту шинель, которая побывала на плечах жулика. (Что это были за правила, рассказчик не мог объяснить) [ед. 2, л. 129].

Заметим, что многочисленные авторские комментарии придают особую ценность собранным материалам, т.к. способствуют их более глубокому и полному пониманию, как бы "погружают" современного читателя во временной и ситуативный контекст, заполняя неизбежно возникающие при чтении подобных текстов смысловые лакуны. Ср. фрагмент анекдота "Счастливое место" и авторское примечание к нему:

Вот поэтому-то и побасенка такая составлена, вроде насмешки: дескать, вот поп хоть и библию читает, а настоящего понятия у него нет. А работник библию не читает, только умом перевесил попа... Ну, конешно, может, этого и не было, а составили, чтобы над попами посмеяться. А то они гордятся очень – дескать, вот они всю библию прочитали и не сошли с ума. А возьмись-ка другой читает ее до конца, сразу помрачение ума (у него) будет... ⟨Примечание Баранова⟩ В народе существует поверие о том, что если кто-либо не из духовенства прочтет всю библию, тот обязательно сойдет с ума [ед. 8, л. 7].

Таким образом, Баранов располагал уникальной возможностью фиксировать и анализировать живую устную речь городских низов в наиболее естественных, непринужденных ее формах, в разных коммуникативных ситуациях и соответствующих им речевых жанрах (беседа, рассказ, жалоба, угроза, молитва, анекдот и т.п.).

В качестве примера приведем фрагмент очерка "Сатанаил" [ед. 8, лл. 2–7]. (Сатанаил – прозвище информанта, уличного торговца цветами и фруктами, от которого Баранов записал анекдот "Счастливое место", приводимый после очерка о самом информанте). Рассказывая о своем собеседнике, собиратель старается как можно точнее воспроизвести речевую манеру Сатанаила: особенности словоупотребления, произношения, типичные речевые реакции, жесты, специфику речевого поведения:

Познакомился я с ним так: как-то, страдая с похмелья, он попросил у меня двадцать копеек; я дал ему их; он похвалил меня, сказав, что я "никакая-нибудь сволоч, а человек с

понятием"[3], и с тех пор стал говорить мне "ты"; нередко он подсаживался к моему столу выпить стакан чаю и "поговорить от нечего делать". Говорил, впрочем, он, а я только слушал "готовое". Большею частью он в этом "разговоре" злословил, осуждая чужие недостатки и грехи.

Хозяина трактира, человека на вид почтенного и уже поседевшего, он называл мошенником, обманами нажившим деньги, буфетчика – вором, половые чехи, как называли их за получаемое ими шестирублевое месячное жалование – шестерки, все без исключения были "подлецы".

Как-то во время одного из таких "разговоров" я спросил его:

– А ты кто же? Неужели честный человек?

– Зачем "честный"? – просто возразил он. – И я тоже мошенник и подлец. Да и, вопче, все люди подлецы и мошенники – все обманом живут. ⟨...⟩

В другой раз я пришел в трактир с книгой, заказал чай.

Он только что выпил рюмку водки у буфета и закусывал малосольным огурцом.

Увидев меня, он как-то боком, точно крадучись, приблизился к моему столу, взял книгу, развернул и, уставившись глазами в страницу, беззвучно зашептал... Я подумал, что он читал, потом увидел, что он держал книгу вверх ногами.

– Хорошая вещь, – проговорил он, закрывая книгу и осторожно кладя ее на стол. – Это... сколько живу на свете, а ни разу не видел, как книгу печатывают... А вот стишок могу составить. Вот слушай, какой это стишок. И, покачивая указательным пальцем направо-налево, он продекламировал:

Раз пошел я прогуляться,
А навстречу гордовой...
"Ты куда, сволоч, идеш?"
Он мине увспросил[4],
А я ему отвечал:
"Ты сам сволочь, сукинсын
И мошенник, и подлец".
Тут он сразу размахнулся
И вдарил он мине.
После того уцепился (за меня)
И в участок потащил...

А вот дальше не выходит... Я и так, я и этак – нет, не идет... [ед. 8, л. 3–4].

Речевые портреты барановских информантов индивидуальны. Обычно он делал запись услышанного рассказа "по горячим следам". Если у него возникали сомнения в возможности точной передачи речевой манеры информанта, он это специально оговаривал и ограничивался пересказом сюжета своими словами, т.е. Баранова отличала научная д о б р о с о в е с т н о с т ь. Ср. комментарий к легенде о жулике Рахманове (курсив наш. – *М.К., Н.Р.*):

Существует вариант этой легенды. К сожалению, своевременно он не был записан мной, *потом, спустя некоторое время, я не мог восстановить в памяти ни своеобразного склада речи рассказчика, ни отдельных, более или менее характерных выражений*, поэтому привожу только содержание его [ед. 2, л. 128].

---

[3] Здесь и далее в цитатах сохранена авторская орфография, с помощью которой Баранов передает особенности речи Сатанаила.

[4] В конце страницы эта строчка содержит примечание Баранова: "В 1912, 13 и 14 гг. в низах Москвы было принято говорить вместо "спросить" – "увспросить", что считалось признаком культурности".

Баранов представлял не только речевые портреты, но и создавал яркие, запоминающиеся, индивидуальные образы своих собеседников. В комментариях он описывает внешность человека, особенности психологического склада, манеру поведения, взаимоотношения с окружающими и т.п. Существенную роль в характеризации рассказчика играет его прозвище: *Сатанаил, Степка Кривой, Отряха-Мученик, Чертопхай, Николушка-свет, Матрешка, Алексашка* и мн. др. Баранов, стремясь к точной паспортизации информанта, всегда пытается выяснить имя, отчество и фамилию человека, а если у него есть прозвище, то прояснить его мотивацию. Ср.:

Познакомился я с Сергеем Ефимовичем Мосоловым в 1923 году в Москве ⟨...⟩ Было ему лет шестьдесят с лишком, лицо у него было очень некрасивое, особенно длинный, тонкий и крючковатый нос. Это лицо да еще довольно толстая железная палка, его постоянная спутница, на одном конце изогнутая наподобие кочерги, послужили поводом для других торговцев, моих соседей, дать ему кличку "дьявола с железной палкой" [ед. 2, л.].

В тот же вечер я познакомился с Чертопхаем; потом мы с ним нередко пили чай вместе, и тогда я узнал, что он вовсе не Чертопхай, а Гаврила Семеныч Охотнов, родом из Костромской губернии, Чертопхаем же его прозвал еще до революции один торговец на Сухаревке. У Гаврилы Семеныча тогда была ручная тележка, на которой он перевозил небольшие тяжести, чем и кормился. Чтобы привести тележку в движение, надо было пхать ее вперед, и это обстоятельство, по объяснению Г[аврилы] С[еменыча], дало повод торговцу прозвать его Чертопхаем [ед. 7, л. 14].

В некоторых случаях объяснить причины появления прозвища не может и сам рассказчик:

Седенький старичок-нищий, лет 73–75-ти, но еще довольно бодрый, подвижный, в 1924 году был постоянным посетителем харчевни "Низок" ⟨...⟩ В харчевне и на улице он был известен под кличкой "Николушка-свет", хотя имя его было Никифор. С чего взялась эта странная кличка, он и сам не знал, взялась она, по его словам, давно, лет 20 тому назад, когда он "только что, господи благослови, начал христарадничать" [ед. 2, л. 40а].

Однако нередко в памяти окружающих остается только прозвище человека:

А эта Матрёшка была баба-карлик, и звать ее было по-настоящему не Матрешка, а иначе, а Матрёшкой прозвали вроде как бы в насмешку... Это вот есть куклы такие деревянные, маленькие, красками разрисованы, расписаны. И как этакую куколку ни повали, она все встанет как следует... И дали ей прозвище "Матрёшка".

Вот и эту бабу... да и не баба она была, а девка старая... И была она юродивка – будто дурочка, а знала такое, что иному вовеки-вечные не узнать... Ну, вот и ее тоже прозвали Матрёшкой, а как ее заправдишнее имя было – никто не знал [ед. 7, л. 7].

Жизнь под прозвищем, а не под именем, по-видимому, являлась нормой существования человека в данной среде. Нередко человек вполне сознательно сам отказывается от своего имени. Ср. показательный комментарий Баранова:

Раз мне пришло в голову спросить, как его зовут по-настоящему.

– А к чему это тебе? – возразил он, покачивая головой. – Зовут, зовут, покличут, возьмут в жопу потычут. И к чему это: как звать? Тебя я не спрашиваю и ты не спрашивай. Это попу надо (знать): исдохнешь, он и загудит: "Раба божия"... А тот самый раб – воняет, одна зараза... [ед. 8, л. 4]

Записи речи представителей городских низов, сделанные Е.З. Барановым, дают возможность воссоздать (пусть даже фрагментарно) повседневный речевой быт горожан, услышать, так сказать, живой голос улицы конца XIX–начала XX в.

Особое внимание Баранов уделяет передаче на письме о с о б е н н о с т е й у с т н о й н е к о д и ф и ц и р о в а н н о й р е ч и. Его рассказчики, в большинстве своем родом из сельской местности, утратили связь с исконным диалектом, поскольку всю сознательную жизнь, а часто и с детства, жили в городе. Именно они составляли основную массу носителей г о р о д с к о г о п р о с т о р е ч и я, а применительно к Москве – московского народного говора[5]. Для Баранова важны не только тематика, сюжет, композиция фольклорного текста, но и то, как он рассказан, к а к и е я з ы к о в ы е с р е д с т в а использует повествователь. Внимание к звучащему слову обнаруживает себя как в записях речи рассказчиков, так и в чрезвычайно интересных авторских примечаниях и пометах.

В поле зрения собирателя оказались просторечные явления практически всех языковых уровней. Степень насыщенности текстов подобного рода речевыми метами чрезвычайно высока. Рамки статьи позволяют привести лишь некоторые примеры для иллюстрации.

ФОНЕТИКА

Баранов орфографическими средствами последовательно фиксирует наиболее частотные, лексикализовавшиеся фонетические дублеты слов: рупь, тыща, архирей, мильён и т.п. Ср.: Давай штрафу *рупь* [ед. 9, л. 5 об.]; верст *тыщу* будет [ед. 9, л. 13 об.]; два *мильена* [ед. 2, л. 26]; Проснулся утром *архирей*, видит – дверь открыта [ед. 8, л. 26 об.]. В некоторых случаях для менее "привычных глазу" орфограмм автор дает в скобках литературный вариант слова. Ср.: Я вот тебе одну побасенку расскажу про отца-батюшку-*арея* (иерея) [ед. 8, л. 6]; Я, говорит, *челэк* (человек) странный и ваших порядков не знаю [ед. 9, л. 5].

ИНТОНАЦИЯ

Архивные записи содержат некоторую загадку – обилие в них многоточий. Причем многоточие встречается преимущественно в записях фольклорного материала, отражающего устную речь информантов, и не встречается в авторских комментариях и материалах к автобиографии. Встает естественный вопрос: какую функциональную нагрузку может нести данная пунктуационная примета? Поскольку в использовании многоточия наблюдается определенная последовательность, позволим себе сделать некоторые предположения относительно ро-

[5] О социальном составе носителей московского народного говора и миграционных волнах населения Москвы см. [Высотский 1984].

ли многоточия как сигнала "устности". Пунктуационный знак многоточия употребляется Барановым в следующих случаях:

– для обозначения особой повествовательной (нарративной) интонации, свойственной целому ряду фольклорных жанров (сказки, легенды и т.п.) и характеризующейся восходящим или нисходяще-восходящим направлением движения основного тона. Ср.: *Вот Кокорев нарочито и становился впереди всех... Свечи и шли к нему. И как наберется побольше свечей, он и пошел их ставить... Перед каждой иконой молится, молится, лбом не раз об пол стукнется. А как начнет ставить, голову этак набок держит... И ни одной иконы не обидить* (так!) – *всем поставит* [ед. 2, л.];

– внутри фразы для обозначения восходящего мелодического контура в неконечных синтагмах как сигнал членения высказывания: *Свинья что? У нее поросята бывают... ходит... хрю-хрю... Ну, вроде бы есть какой интерес* [ед. 2, л. 26].

– для обозначения незавершенной интонации в случае самоперебива или обрыва: *Вот вечером приходит баба... Ну, конечно, не деревенская баба, а барыня, мадама* [ед. 8, л. 25];

– в конце открытого перечислительного ряда для обозначения интонационной незавершенности (конечная синтагма обычно в таком случае имеет восходящий или нисходяще-восходящий мелодический контур [РРР-73: 145; Китайгородская, Розанова 1999, 10]): *То-сё, пятое-десятое... Тут кофиёк, винцо, закусочка...* [ед. 8, л. 26 об.];

– для выражения смысловой неопределенности, которая обычно поддерживается лексическими (неопределенные местоимения, модальные слова и т.п.) и интонационными средствами, ср.: *И что ей сделали, какое наказание было – неизвестно... Одни говорили, будто в Сибирь ее сослали, другие – будто повесили... Ну, может, и не повесили, а только сгинула она, запропастилась куда-то...* [ед. 7, л. 7 об.];

– при наличии в высказывании имплицитного смысла. Показателен следующий фрагмент из легенды "Предсказание Николаю II-му и конец царского дома": *А Николай и не знает, что ему делать с платком – держит его в руке и на Матрешку смотрит. А Матрешка говорит: "Принимайте и разумейте"... Вот Николай видит – платок весь в крови, взял да и бросил его, и царица тоже бросила холстину. А Матрешка засмеялась и говорит: "Бросайте, не бросайте, а оба изойдете кровью"* [ед. 7, л. 7 об.]. Первая фраза Матрешки содержит загадку и не совсем понятна собеседникам; имплицитность содержания отмечена в тексте многоточием. Вторая фраза вполне конкретная и определенная, раскрывает смысл матрешкиного предсказания, в конце ее стоит точка.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что с помощью пунктуационного знака многоточия Баранов стремился отразить интонационно-смысловую структуру устной фразы. Фиксируя графическими средствами звучащую речь, Баранов понимал ограниченность своих возможностей и поэтому вырабатывал некоторые нестандартные приемы для передачи интонационно-ритмического своеобразия устного текста.

ГРАММАТИКА

В текстах встречаются различные п р о с т о р е ч н ы е г р а м м а т и ч е с к и е ф о р м ы (формы склонения, формы сравнительной степени и т.п.), нелитературные формы управления, предикативное употребление полных страдательных причастий и др. Ср.: Я этих ваших *правилов* не знаю [ед. 9, л. 5 об.]; сорок тыщ *доходу* имел [ед. 2, л. 25]; нашли в стене железный ящик, а в нем на два мильена *кредиту* [л. 26]; под музыку и чай *слаже* [ед. 8, л. 6]; – Тут вот что главное, говорил он, надо *уважить покупателю*: торгуется (он), ты уступи, отдай в убыток, на другом сдери [ед. 8, л. 6]; Вот как *понимал о нас*, гадина! [ед. 2, л. 26]; а ты, *как нанятой за шесть рублей*, исполняй, что тебе приказывают [ед. 8, л. 5].

Баранов стремится передать с и н т а к с и ч е с к и й с т р о й устной речи. Ср. типичные для нее конструкции с именительным темы и местоименными актуализаторами: *А вот Карташов – так Солодовникову далеко было до него*: этот хуже свиньи был, а тоже из миллионеров [ед. 2, л 25]; А жил – не свинье чета: много хуже... *Свинья что? У нее поросята бывают*... ходит.. хрюхрю.. Ну, вроде бы есть какой интерес [там же].

ЛЕКСИКА

Тексты изобилуют многочисленными п р о с т о р е ч н ы м и л е к с и ч е с к и м и е д и н и ц а м и. Это могут быть собственно просторечные слова типа *харчи, одёжа, далече, околодочный, ослобонить* и мн. др. Интересны слова, которые отличаются от литературных специфическим морфемным составом (префиксы, суффиксы и т.п.): Вот и эта *горняшка* ⟨горничная⟩ тоже не удержала, разболтала и пошло гулять [ед. 9, л. 10]; И была она *юродивка* – будто дурочка, а знала такое, что иному и во веки вечные не узнать [ед. 7, л. 7]. Ну, ее сейчас сцапали, *заарестовали* [л. 7 об.]. Встречаются так называемые потенциальные слова типа *обмошенничать* (ср. обмануть), *прихвостница* (ср. прихвостень): ⟨...⟩ ну эту царевну и ее *прихвостниц*[6], прислугу эту, облили керосином и со всех сторон запалили усадьбу [ед. 9, л. 24].

Особый интерес представляют те случаи, когда употребление того или иного слова (нередко жаргонного) сопровождается м е т а т е к с т о в ы м и к о м м е н т а р и я м и, толкованиями самого автора или рассказчика. Ср. следующие примеры:

Своей родиной Алексашка называет то Москву, то Саратов, а родителями – крестьян, но раз говорил, что отец его был чиновником контрольной палаты, хотя едва ли это так, потому что один из его товарищей, тоже беспризорный, называл его "чужеедом", что говорит о том, что отец его был извозчиком. (В Москве да и в других местах извозчиков в насмешку называют чужеедами) [Из очерка Баранова об одном из информантов – ед. 9, л. 55];

А прочие Губонины – это все шушера: не добытчики были, а *мотыги* – отцовский капитал размотали [ед. 2, л. 107].

---

[6] Подчеркнуто Барановым.

Ср. также толкование Барановым некоторых слов:

Памраки (Ты, говорит, своим мотовилом памраки отшиб) – На жаргоне улицы – память [ед. 9, л. 24].

Дело (Тут собачьего гавканья нет, а начинается с *дела*) – На языке москов[ой] улицы "делом" наз[ывается] уголовщина. Сухое дело – воровство, и мокрое – разбой, грабеж, сопровождаемые убийством или ранениями. Отсюда "деловой" или "деляга" – вор, разбойник, и вообще, что наз[ывается] прест[упный] элемент [ед. 2, л. 9].

В отдельных случаях различие в значениях омонимичных слов осознается и маркируется носителями просторечия у д а р е н и е м. Ср. характерное примечание Баранова:

В московских низах произносится "ро́ман", а не "рома́н", п[отому] ч[то], как мне объяснили, Рома́н – мужское имя, а ро́ман – книга, в которой описывается про любовь или еще про что-нибудь интересное [ед. 2, л.].

Ср. пример, записанный от другого информанта: А "ро́маны" про любовь он не любил и называл их "поганой слякотью" [ед. 9, л. 20].

Многочисленны примеры, отражающие одну из ярких особенностей просторечия – о с в о е н и е и н о я з ы ч н ы х с л о в, сопровождаемое теми или иными типами их трансформации. Это прежде всего случаи деформации фонетического облика слов типа *шинпанское, мармалат, ампираторский, камердин* (камердинер). Нередко формальные преобразования базируются на ложной (народной) этимологии, например, *портманет* (портмоне) или *разделюция* (резолюция). Ср.: И вот вышла *разделюция* (резолюция) попу и мужику в город ехать к архирею на суд [ед. 8, л. 26].

Наиболее интересны случаи, когда собиратель пытается прокомментировать случаи просторечного употребления иноязычных слов.

Шарлота (Орала, орала и говорит: "Чертов *шарлота*" ⟨...⟩) – Испорч[енное] – шарлатан, употребляется в значении бездельника, проходимца, обманщика [ед. 9, л. 24 об.].

Ондримурция (По какому такому случаю эта ондримурция со мной произошла?) – Происхождение ондримурции мне неизвестно, но надо думать, что оно из тех схваченных и изуродованных до неузнаваемости иностранных слов, которыми низы столичного и вообще городского населения любят "украшать" свою речь и которым придают своеобразное значение. Но нередко они не могут объяснить его и употребляют его только потому, что оно в ходу. Рассказчик на вопрос: что значит это слово? – ответил: "А чорт его знает, что оно значит! Люди говорят, и я говорю... Но так надо думать: значит – какое-нибудь заковыристое дело", т.е. выходящее из круга обыкновенных человеческих действий, поступков [ед. 9, л. 9 об.].

Если же собиратель не может сослаться на мнение рассказчика, то он, тем не менее, добросовестно отмечает семантически смещенное употребление слова. Ср. следующий фрагмент:

Видит он, что простым аргументом (?) взять ее нельзя, и пустился он на хитрость. ⟨Далее следует примечание⟩ Слово аргумент подчеркнуто, и после него поставлен знак вопроса в скобках мной. Собиратель [ед. 8, л. 38].

СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОЙ ЭКСПРЕССИИ

Баранова как собирателя меткой, образной народной речи привлекали прежде всего талантливые рассказчики, "говоруны", т.е. люди, одаренные в языковом отношении. Поэтому не удивительно, что записи содержат многочисленные примеры использования разнообразных экспрессивно-стилистических средств и приемов. Это прежде всего просторечная, сниженная, часто грубая, но выразительная лексика и фразеология, образные выражения (сравнения, метафоры, эвфемизмы) и др. Приведем ряд примеров:

И сейчас прибегали три драгуна, схватывали гостя под белые руки и вели на конюшню, а там раскладывали его на лавке и отпускали ему порцию – сто *розгачей* [ед. 9, л. 12].

Поп похвалил мужика и "*отжарил*" молебен за рубль [ед. 8, л. 77].

И разное плели, еще ничего не видя, *бухвостили*. Вот поехали, да все и сгинули. И выходит, значит, так: *на словах, как на органе, а на деле, как на аркане* [ед. 9, л. 4 об. –5].

Как червяк, в навозе копошился, свету божьего не видел [ед. 2, л. 26]

И одна, говорит, дорога Меркулову – в Сибирь-каторгу... Ну, все так и думали: наденут на Меркулова *браслеты*, влепят в спину *бубнового туза* [ед. 2, л. 31].

Занимался он уличной продажей цветов, ягод, яблоков; вырученные от продажи деньги пропивал все до последней копейки, а "*на раздутие кадила*", т.е. для того, чтобы снова начать торговлю, выпрашивал двугривенные и полтинники у содержателей фруктовых магазинов; последние, во избежание скандалов, которые он умел устраивать мастерски, не отказывали ему [ед. 8, л. 2].

Шел юнкер по улице (в городе) и вдруг *приспичило ему отдать долг природе* и до такой степени приспичило, что ежели продержаться еще минуту-другую, то обязательно пришлось бы накласть в штаны [ед. 8, л. 44].

Заметим, что в записях Баранова функционирование грубой, сниженной и обсценной лексики представлено широко, поскольку адекватно отражает речевое поведение данной социальной среды. Баранов замечал, что подобное словоупотребление находится "в прямой зависимости от исконной привычки народа называть вещи их собственными именами" [ед. 8, л. 9]. Ср. также его комментарий к подборке народных песен, "стишков", пословиц, поговорок и прибауток [ед. 9, лл. 49 об. – 54 об.]:

Записывались они в течение многих лет в разных местностях Северного Кавказа, в Ростове-на-Дону и Москве. Песни пелись только подгулявшими парнями, да и то сравнительно редко, а поговорки, пословицы, как и матерная ругань, были в ходу ежедневно. Наибольшей распространенностью они пользовались в Ростове-на-Дону и Москве и чаще употреблялись базарными и уличными торговцами и ремесленниками" [ед. 9, л. 49 об. – 50].

Приведем лишь один пример из этой подборки:

Светит как у минаря в жопе. Говорят про плохое освещение. Москва [ед. 9, л. 53 об.].

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ТЕКСТА

В записях Баранова находят отражение некоторые специфически просторечные черты, касающиеся характера построения текста. Так, на уровне высказывания говорящий нередко прибегает к своим средствам выражения того или иного смысла, для которого литературный язык использует другие конструкции. Ср.:

И народ дивился, откуда у него *такая большая цифра денег взялась* [ед. 9, л. 25];

И ни одной иконы не обидить – всем поставит. И за это *было ему одобрение от народа* [ед. 2, л. 27];

У него все были равны: хоть князь, хоть купец или мужик – *всем одна марка* [ед. 2, л. 29].

Имеют место типичные для просторечия случаи функционально ненагруженной вариантности выражения того или иного смысла в речи одного говорящего. Ср.: *А был очень скупой.* – Словом, жил как человек, только вот одно: *скупость в нем большая была* [ед. 2, л. 25].

Яркими маркерами просторечного текста являются избираемые говорящим приемы передачи чужой речи. Носитель просторечия в соответствии с уровнем языковой компетенции воспроизводит чужую речь (в том числе и речь носителей литературного языка) в просторечных, нелитературных формах, наделяя автора воспроизводимой речи собственными языковыми чертами. При этом неизбежно происходит адаптация чуждых психологических и ментальных сфер к своему миру. Особенно наглядно это проявляется при воспроизведении рассказчиком максимально удаленных субъектно-речевых сфер ("автор" воспроизводимой речи – царь, архиерей, священник, господин и т.п.). Ср. показательные примеры:

А царю не понравилось. " Я, говорит, думал – Кокорев с совестью человек, а он вон на какие игрушки кинулся: Кремль хочет затмить своим паршивым подворьем. Только, говорит, этому не бывать. В Кремле, говорит, цари коронуются, а что такое подворье? Только и всего, что купечество в нем останавливается да пьянствует.." [ед. 2, л. 27];

Проснулся утром архирей, видит – дверь открыта. – Э-э, говорит, кто-то был ночью у меня и слышал, что я делал с мадамой... [ед. 8, л. 26 об.];

Вот он ⟨иерей⟩ и спрашивает работника:

– Скажи, отчего так бывает: ты вот, как захочешь до ветру, сядешь и сразу сделаешь дело. А у меня этак не выходит: сяду, уж я надуваюсь, надуваюсь, глаза на лоб лезут, а все без толку, все попусту [ед. 8, л. 6].

Тут господин веселым голосом крикнул: "Пейте по бокалу краснаго вина, закусывайте мармалатом!.." [ед. 9, л. 13 об.]

Привычный образ жизни данной социальной группы актуализирует те или иные тематические доминанты. Одной из подобных доминант является тема "Выпивка". Ср.: Ну, к чему были ему эти мильёны? *Ведь никакого удовольствия человек не имел... Гляди, и пьян ни разу не был...* [ед. 2, л. 26].

Для ее выражения используется широкий набор образных средств. Ср.: До женитьбы А.А. "начал было баловаться – *стал насчет блондинки (водки) прохаживаться* да и по бильярдам похаживать и уже угодно разсобачился было, да вовремя за ум взялся и оставил эту глупость" [ед. 9, л. 42 об.]; слу-

чалось и *за галстук закладывал...* Не на свои деньги, а на чужбинку [ед. 2, л. 25] и мн. др.

Публикуемый ниже текст представляет собой запись легенды о трех знаменитых московских скупцах – Солодовникове, Карташове и Кокореве, хранящейся в РГАЛИ в фонде Е.З. Баранова [Ф. 1418, оп. 1, ед. 2, лл. 26–28]. Текст написан рукой Е.З. Баранова фиолетовыми чернилами на больших листах в клетку размером А-3. Рукопись датирована 1920 г. Ср. запись в конце легенды: "Записана в 1920 г. от торговца (уличного) яблоками, цветами И.Я. Соловьева".

Отмеченные выше языковые явления в полной мере присутствуют в приводимой записи.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов Е.З. ⟨Автобиографическая справка⟩; ⟨Биография моей жизни⟩ // Русский язык в научном освещении. 2001. № 2.

Высотский С.С. О московском народном говоре // Городское просторечие: проблемы изучения. М., 1984.

Гиляровский В.А. Москва и москвичи. М., 1981.

Иванов Е.П. Меткое московское слово. М., 1989.

Китайгородская М.В. Наблюдения над построением устного просторечного текста // Разновидности городской устной речи. М.: Наука, 1988.

Китайгородская М.В. Чужая речь в коммуникативном аспекте (на материале устных текстов) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., "Наука", 1993.

Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Евгений Баранов – собиратель народной устной речи // Русский язык в научном освещении. 2001. № 2.

Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.

Московские легенды, записанные Евгением Барановым. Составление, вступительная статья и примечания Веры Боковой. М., 1993.

Русская разговорная речь. М., 1973.

Сучков С.В. Баранов Евгений Захарович // Русские писатели. 1800–1917: Библиографический словарь. Т. 1. М., 1989.

Е.З. Баранов

СОЛОДОВНИКОВ, КАРТАШОВ И КОКОРЕВ[7]

Солодовникова сам я не знал, а только слышал про него, да и то немного. Из купцов он был, миллионер, звали Гаврила Гаврилыч и ходил весь бритый...

А тогда теперешней моды не было – усы и бороду брить, только немцы брили, да и то не все. А Солодовников в отличие от прочих купцов брил, а к чему это ему понадобилось – неизвестно.

---

[7] Публикуемый текст приведен в соответствие с современными нормами орфографии и пунктуации за исключением тех случаев, когда Е.З. Баранов графическими средствами отражает просторечные языковые особенности рассказчика.

Раньше торговлю большую имел, а как разбогател, бросил торговать – и без торговли не прожить ему было своих капиталов... А был очень скупой.

Ну, какой бы скупой не был, а все жил человеком: и семья была у него, и с людьми водился, случалось и за галстук закладывал... Не на свои деньги, а на чужбинку. По-настоящему не нализывался, а так – рюмочки три дернет да и бежать: боялся, как бы не споили...

Словом, жил как человек, только вот одно: скупость в нем большая была...

А вот Карташов – так Солодовникову далеко было до него: этот хуже свиньи был, а тоже из миллионеров... Его дома в Черкасском переулке были, в Козьмодемьянский выходили... Тоже занимался торговлей, а как построил дома, стал арендой жить – сорок тыщ доходу имел.

А жил – не свинье чета: много хуже... Свинья что? У нее поросята бывают... ходит... хрю-хрю... Ну, вроде бы есть какой интерес.

А у Карташова что за интерес? Ходил оборванный, грязный, иной нищий куда чище был... И одной копейки ни на что не тратил, а кормился на даровщину: в его доме трактир был, вот он и ходил туда обедать и чай пить...

Хлеб остается – грязные куски, картошка, хозяин и отдавал ему, а он все пожирал... Сколько не даст – хоть целое решето, все смелет...

А сам был всегда такой насупленный, все молчит – и слова ни с кем не скажет...

И нищим не подавал, а увидит – нищий подходит... спрятаться нельзя, сейчас протянет к нему руку...

– Подайте, говорит, Христа ради!

А нищий думает – он нарочно на смех его поднимает и примется ругать его матерно... А Карташов:

– Чего, говорит, ругаешься? Не хочешь подать, скажи: "Бог дает", а ругать грешно.

Ну и жил так – все ходил в трактир жрать объедки... Только раз смотрят – нет Карташова. День нет, два нет и три нет... Думают: не заболел ли, или, может, кто удавил... Мало ли случаев бывает?

Дали знать в полицию... Пришел околодочный... Дверь изнутри заперта, он и давай стучать... Стучал, стучал... не подает голоса...

– Ломай, говорит, дверь!

Вот сломали, вошли в комнату... Смотрят – сидит Карташов на сундуке, к стенке прислонился... Глаза закрыты, вроде как бы спит... А он уж давно окачурился, и вонь от него идет...

Ну, что с ним делать? Подох, надо хоронить... Сволокли на кладбище, закопали...

После вскрыли сундук, а там целый мильен... Кредит (государственные кредитные билеты) в пачки сложены, по тыщи в каждой, а золото да серебро в столбиках... в бумажки завернуто.. А меди – целая кладовая, лопатой выгребали.

Да это еще не все... Потом уж, как дома старые стали, начали их ломать и нашли в стене железный ящик, а в нем на два мильена кредиту... Да уж ни к чему он был – устарел, новые бумажки ходили... Так зря и пропали два мильена...

И ругали же тогда Карташова... Думаю – не раз в гробу повернулся.

– Копил, говорят, копил, да черта и купил!

И верно! Ну, к чему были ему эти мильены? Ведь никакого удовольствия человек не имел... Гляди, и пьян ни разу не был... Да где уж там? Как червяк, в навозе копошился, свету божьего не видел... И для чего жил, сам не знал...

Да мало ли раньше таких чертей жило в Москве?

Вот хоть бы Кокорева взять: тоже чудило был препорядочный... Тоже из миллионеров... Золотые россыпи в Сибири имел, подряды на железных дорогах брал... На мильена четыре играл...

Ну, этот по-свиному не жил, а любил чваниться, об этом только и заботился! И знался все с важными, с графами и князьями... Устроит бал... музыка гремит... шинпанское это, вино разное – пей до отвала!

Ну, кто откажется от даровщины? И пили и жрали вовсю...

После по Москве разговор идет... "Ну и бал у Кокорева: всем балам – бал!" Ему и любо такое прославление.

А приди наш брат, попроси рупь... Он и не знает, как тебя опаскудить...

– Ах ты, говорит, черт вислоухий! Ах, ты бродяга! Ах, ты мошенник! Ах, ты сволочь! Ах, ты так-растак!

И все "ах", "ах"... Уж он пудрит, пудрит... – Да как, говорит, ты осмелился подойти ко мне? На, говорит, тебе две копейки и марш к черту на колени, не то, говорит, я в тебя, подлеца, из ружья выстрелю и отвечать не буду, потому что я на короткой ноге нахожусь с начальством! – Вот как понимал о нас, гадина!

Ну, все дочванился: половину башки обрили и сослали в Сибирь. А это ему подворье так удружило... не подворье, а собственный длинный язык, а с подворья началось...

Это – построил он на Софийской набережной подворье и тут показал свой дурацкий фасон.

– Хочу, говорит, всю крышу позолотить. Кремль, говорит, своими церквами блестит, а кокоревское подворье так заблестит, что и Кремль затмить ⟨так!⟩...

Ляпнул-то он, может, так – ради бахвальства, а тут нашлись люди – присодействовали, донесли царю.

А царю не понравилось.

– Я, говорит, думал – Кокорев с совестью человек, а он вон на какие штуки кинулся: Кремль хочет затмить своим паршивым подворьем. Только, говорит, этому не бывать. В Кремле, говорит, цари коронуются, а что такое подворье? Только и всего, что купечество в нем останавливается да пьянствует.

И приказал сослать Кокорева в Сибирь на поселение.

– Такую, говорит, дурацкую гордыню надо сбивать.

И погнали этого "позолотчика" по владимирской дорожке. И пробыл он в Сибири три года, а потом выхлопотал прощение. Конечно, капитал дело сделал: тут подмазал, там смазал, колесо завертелось, и вышло Кокореву прощение.

И вернулся он в Москву, да уж не тот стал – прежняя спесь сошла, и балов уж не задавал, а все в церковь ходил. Только не моление ему надо было в церкви, а свечи ставить, не свои, а чужие[1]. А эта штука вот какая: народу в церкви набирается полно, и ежели ты стоишь позади, как протискаешься со свечой к иконам? Вот ты и передаешь тому, который впереди тебя стоит... Постучишь по плечу свечей и шепнешь: "Передай дальше"... Тот таким же порядком передает... Вот свеча из рук в руки и идет и дойдет до самого первого, а тот и поставит ее. Вот Кокорев нарочито и становился впереди всех... Свечи и шли к нему. И как наберется побольше свечей, он и пошел их ставить... Перед каждой иконой молится, молится, лбом не раз об пол стукнется. А как начнет ставить, голову этак набок держит... И ни одной иконы не обидить ⟨так!⟩ – всем поставит. И за это было ему одобрение от народа. А попы да церковный староста были недовольны и ругались: "У него, подлеца, рука легкая: не успеет поставить свечку, как она уже вся сгорит"... Тут вот какое дело: им убыток от того, что свеча вся сгорит, им надобно было, чтобы огарок от нее большой оставался. И этих огарков пудов сорок в год набиралось, а пуд в двадцати рублях шел. Понятно, церковь церковью, а свой карман забывать не надо. Вот поэтому-то сторож и тушит свечку, как она мало-мало обгорит... И кокоревское ставление такое было: старик не успеет еще обернуться, а свеча уже сгорела... Вот за это самое и была ругань Кокореву. Ну, да ему-то что? Ругай как хочешь, а он свое дело делал... Вот он и жил так: свечи ставил да с подворья деньги огребал, и жрал чтó хотел в свое удовольствие... Ну, жил, жил и тоже подох... Конечно, надо было и ему когда-нибудь умереть: не бессмертный же, в самом деле!

Записал Евг. Баранов

⟨Приписка сделана другими чернилами⟩

Записана в 1920 г. от торговца (уличного) яблоками, цветами И.Я. Соловьева. В 1925 году я узнал от уличных торговцев, что Соловьев кончил жизнь самоубийством. Пил целую неделю, потом повесился.

Примечание. Кокорев – бывший винный откупщик-миллионер. Имя его "прошумело" в газетах после произнесенной им речи на обеде в гостинице "Славянский базар" в 1877 году накануне войны России с Турцией. В ней высказался за необходимость войны с Турцией, за освобождение болгар, сербов от гнета турок.

Он, конечно, не имел намерения сделать на своем подворье крышу из золота и не был сослан в Сибирь. Все это надо отнести к области народного творчества, как и его балы и то, что в церкви он ставил перед иконами свечи.

О скупости купца-миллионера ходило в Москве много рассказов, которые люди старого поколения помнят до сих пор. Мою первую запись такого рассказа читал в обществе "Старая Москва" ныне покойный профессор Ю.М. Соколов.

Карташова-скрягу рассказчик смешивает со скрягой Рожновым.

[1] ⟨Сноска отсылается к Примечанию в конце текста⟩.

К. Штайнке

ГОВОР И РЕЛИГИЯ В ДИАСПОРЕ

Еще в своем основополагающем труде "Очерки русской диалектологии" (Москва 1949), послужившем учебником нескольким поколениям русских диалектологов, Р.И. Аванесов указал в теоретическом введении на существование "социальных диалектов". Тем самым он наметил детально разработанную наукой намного позже параллель между диалектами и социолектами и даже между соответствующими дисциплинами – диалектологией и социолингвистикой. Несколько лет спустя он подробнее высказался по этому поводу в редактированной им совместно с В.Г. Орловой "Русской диалектологии" (Москва 1965). За это время идеологическая цензура[1] несколько ослабла, и Р.И. Аванесов смог яснее высказать свою точку зрения по этому поводу: "Но, кроме дифференциации территориальной, первостепенное значение имеет дифференциация социально-классовая" (с. 20). Однако в то время социолингвистические вопросы не формулировались и не рассматривались еще столь явно. Из-за идеологических предписаний перспектива изучения некоторых проблем оставалась бесплодной. В частности, представление о вымирании диалектов было, как кажется, задано властвующей идеологией. На самом деле в языках могут постоянно развиваться новые региональные особенности, т.е. в конечном итоге даже новые диалекты. Возьмем, к примеру, английский, якобы являющийся всемирным языком международного общения. В англистике давно привыкли учитывать региональные особенности между английским в Великобритании и США. Постепенно вырабатывается австралийский английский, а индийский английский существует уже давно. Конечно, эти территориальные разновидности не вполне отвечают традиционным представлениям о том, что такое "диалект", но они остаются "территориальными разновидностями" и тем самым в конечном итоге "диалектами".

С развитием социолингвистики и для диалектологов открылись многочисленные новые и интересные проблемы, т.к. употребление и сохранение говора в первую очередь зависят от социальных факторов. При этом, как кажется, важную роль играет момент, до сих пор недостаточно изученный, а именно тесная связь между говором и религией в диаспоре. Понятием "диаспора" в эпоху античности сначала называли группы иудеев, живших в других странах[2]. После изгнания евреев из Израиля вследствие неудавшейся войны с Римом это понятие было расширено. В этой связи интересно то, что евреи, за исключением богослужения, где языком культа оставался древнееврейский, чаще всего ассими-

---

[1] О тяжелых условиях, в которых приходилось раньше работать лингвистам, можно прочесть в работе Ф.Д. Ашнина и В.М. Алпатова "Дело славистов: 30-е годы" (Москва 1994).

[2] О понятии "Диаспора" ср.: *Steinke K.* Russisch in der Diaspora // Sprachwandel in der Slavia; Die slavischen Sprachen an der Schwelle des 21. Jahrhunderts; изд. Л.Н. Зыбатовым, Франкфурт-на-Майне, 2000. S. 753–765.

лировались в языковом отношении. В эпоху античности они зачастую перенимали греческое койне, позже испанский и немецкий.

Но существуют и религиозные группы, сохранившие свой родной язык в диаспоре. Как раз среди славян есть тому несколько интересных примеров, а именно старообрядцы, бежавшие из царской России, и банатские болгары, покинувшие Болгарию во время османского ига. Отношение обеих групп к их говорам, долгое время отличавшимся особенной витальностью – термин из социолингвистики, с недавних пор используемый для описания сложных условий сохранения или смерти языка[3] – подробно рассмотрено в данной статье, которая посвящена социолингвистическому аспекту проблемы.

Старообрядцы с XVIII в. переселялись на юго-восток Европы в Османскую империю или на запад в Польшу и сохраняли на чужбине вместе со своей верой и свой родной говор. Русский литературный язык в то время еще только начинал формироваться и был им поэтому незнаком. Схожей была и ситуация банатских болгар, исповедующих католицизм. И они покинули Болгарию еще до возникновения там новоболгарского литературного языка. Поэтому они могли сохранить соответственно только свой говор.

Для дальнейшего языкового развития обеих групп вплоть до XX в. решающим было то, что контакт с исторической родиной был разорван по религиозным причинам. Это особенно касается старообрядцев, т.к. они могли спасти свою веру только бегством. Поэтому у них не было причин возобновлять контакты с бывшей родиной и заменить свой говор литературным языком враждебного им государства. Напротив, наряду с верой, их говор долгое время оставался дальнейшей, важной частью их идентичности. Для банатских болгар-католиков также не имело смысла ориентироваться на православную Болгарию. Логичнее для них было вступить в контакт с их венгерскими и немецкими единоверцами. Традиционные диалектологические исследования обычно ограничиваются чисто диалектным материалом и особое отношение этих двух меньшинств к своему говору вовсе не рассматривают. Этот их интерес, конечно, вполне законен и ни в коем случае не должен ставиться под вопрос, ведь диалектологические исследования создают основу для социолингвистических анализов, о необходимости которых здесь идет речь. Но решение вопроса, почему именно эти две группы отличаются столь высокой этнолингвистической витальностью и какие последствия это несет для сохранения их говоров, остается задачей социолингвиста.

Будучи преследуемы за веру, обе группы бежали из своего бывшего языкового окружения и поселились в иноязычном, но более терпимом окружении. Однако они не ассимилировались в новом окружении, т.к. они, естественно, хотели сохранить свою веру, из-за которой они покинули родину. Это привело к тому, что их община более или менее сильно самоизолировалась от окружающего их иноверующего и иноязычного населения. Важным признаком закрытости группы был практически не преступаемый запрет экзогамии. Она, можно сказать, является внешним индикатором степени витальности этой группы. При этих обстоятельствах, конечно, сохранился и говор, привезенный со старой родины; он без ограничений функционировал в обе-

[3] Информативный обзор этого круга проблем дает сборник "Ethnolinguistic Vitality", вышедший в 1994 г. в "International Journal of the Sociology of Language".

их группах до Второй мировой войны. Только в 50-х годах XX в. начались постепенные перемены. Важным элементом при ограничении старообрядческих говоров стало в социалистических странах обязательное преподавание русского языка, которое, естественно, касалось и старообрядцев в Болгарии, Румынии и Польше. Их дети изучали литературный русский язык, чем была заложена основа языкового конфликта. Эта разновидность языка значительно отличалась от того, как они говорили дома. Кроме того, изучаемый в школе язык нес более высокий престиж, чем родной говор. Преподавание русского языка в школе, изменение условий жизни (например, урбанизация и т.д.) и растущая "секуляризация", а также распространение смешанных браков стали угрожать дальнейшему существованию их говора, сохранившемуся лишь благодаря религии в течение нескольких столетий.

Определенные параллели с ситуацией старообрядцев просматриваются и у банатских болгар. Они не только долгое время сохраняли свой говор, но даже выработали на его основе "литературный микроязык"[4]. Он был в первую очередь необходим для богослужения. На этот новый славянский литературный язык не только были переведены литургические тексты и Новый завет, но даже издавались журналы. Этот язык до сих пор еще жив, хотя количество носителей языка довольно мало – 9000 человек в Румынии. Проблемой стало то, что после 1989 г. в их школах было введено преподавание болгарского, то есть занятия велись на современном болгарском литературном языке[5]. Кроме того, была введена кириллица вместо принятой у католических болгар в Банате латиницы. И здесь, как и у старообрядцев, просматривается языковой конфликт, который, как кажется, оказывает негативное влияние на дальнейшую витальность этого говора.

Из социолингвистической перспективы изучения языка, намеченной Р.И. Аванесовым в свое время в связи с диалектологией, на сегодняшний день, как видно было на приведенном примере, развилось самостоятельное ответвление в науке с разнообразными интересными вопросами и проблемами.

Л.Н. Булатова

СОФЬЯ ВЛАДИМИРОВНА БРОМЛЕЙ – УЧЕНИЦА РУБЕНА ИВАНОВИЧА АВАНЕСОВА И ПРОДОЛЖАТЕЛЬНИЦА ЕГО ДЕЛА

0.1. Среди коллективных научных трудов, создававшихся под руководством Рубена Ивановича Аванесова, первое место по масштабу и научному значению, бесспорно, принадлежит "Диалектологическому атласу русского языка" (ДАРЯ).

---

[4] Этот термин впервые употребил А.Д. Дуличенко.

[5] Это было вызвано причинами практического характера: можно было использовать имеющиеся школьные учебники, кроме того, эта форма языка была полезной для усиливающегося в последнее время контакта со старой родиной.

Именно в процессе работы над ДАРЯ сформировалась Московская (Аванесовская) диалектологическая школа; были выдвинуты Р.И. Аванесовым и разработаны им вместе с его учениками основополагающие понятия этой школы: диалектный язык как сложная система – суперсистема по отношению к частным диалектным системам (ЧДС), имеющая постоянные (общие для всех ЧДС) и подвижные элементы; понятие *соответственного явления* (или *междиалектного соответствия*) как ряда подвижных элементов диалектного языка, замещающих друг друга в разных ЧДС.

Большую роль и в создании самого ДАРЯ и в развитии идей Аванесовской школы сыграла ученица Р.И. Аванесова – Софья Владимировна Бромлей, чье восьмидесятилетие отмечалось в 2001 г.

1.1.1. Софья Владимировна Бромлей пришла в Диалектологический сектор Института русского языка АН СССР летом 1945 г., когда работа над ДАРЯ была еще в самом начале. Основной задачей в тот период являлась организация сбора материала и выработка основных принципов составления лингвистических карт.

В числе других сотрудников тогда еще небольшого сектора С.В. Бромлей ездила в диалектологические экспедиции, участвовала в создании инструктивных материалов и методических пособий по работе с диалектологической программой (см., например, [Бромлей 1949; Методические указания... 1957]), что было очень важно в условиях массового сбора материала для ДАРЯ.

С.В. Бромлей внесла большой авторский вклад в составление первого регионального атласа [Атлас... 1957] и вместе с другими диалектологами, составлявшими первоначальное ядро авторского коллектива, активно участвовала в разработке теоретических основ ДАРЯ (об этом подробнее см. ниже).

В ходе дальнейшей работы над ДАРЯ роль С.В. Бромлей все время возрастает. В коллективе быстро оценили ее научный потенциал и ее деловые качества (энергию, организованность, четкость в работе, чувство ответственности за общее дело).

В следующем региональном атласе[1] С.В. Бромлей помимо авторской работы (в основном это цикл карт по словоизменению глагола) выполняла функции помощника редактора, а также написала вступительную статью к этому атласу. Над сводным атласом она работала уже в качестве руководителя темы (после выхода на пенсию В.Г. Орловой) и соредактора Р.И. Аванесова, а также редактора морфологического выпуска. Заканчивать работу над атласом и продвигать его в печать, преодолевая немалые препятствия, ей пришлось уже после смерти Рубена Ивановича[2].

1.1.2. Наиболее полно теоретические основы ДАРЯ изложены в коллективной монографии под редакцией Р.И. Аванесова: "Вопросы теории лингвистиче-

---

[1] Атлас русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы (рукопись хранится в Институте русского языка).

[2] Первый выпуск ДАРЯ опубликован в 1986 г.

ской географии" (М., 1962). Одним из авторов этой монографии является С.В. Бромлей[3].

Центральное место в книге занимает типология диалектных различий, разработанная в соответствии с задачей показать на картах ДАРЯ "разнокачественные структурные отношения между вариантами картографируемого явления" (Вопросы теории, 21). Таково разграничение *противопоставленных* и *непротивопоставленных* различий в зависимости от того, имеют ли диалектные факты одних ЧДС эквивалентное соответствие в других ЧДС. А среди противопоставленных различий разграничиваются *простые* и *сложные* (т.е. различия не в отдельных элементах того или иного фрагмента системы, а в отношениях между этими элементами); *однопланові* и *многоплановые* (различия по разным признакам, не сводимые в один ряд); *регулярные* и *нерегулярные* (т.е. ограниченные определенной лексикой) различия. Все эти параметры необходимо учитывать при выборе темы карты и способов противопоставления на ней вариантов картографируемого явления.

Общая характеристика диалектных различий русского языка конкретизируется применительно к его отдельным сторонам.

С.В. Бромлей написала (совместно с Л.Н. Булатовой) раздел, в котором рассматривается специфика морфологических диалектных различий, и некоторые другие разделы.

Дав общий обзор морфологических диалектных различий с содержательной стороны, авторы сосредоточились далее на тех их типах, которые требовали более детальной разработки, чтобы обеспечить адекватный показ этих различий на картах.

Так, например, сравнение простых многоплановых различий в фонетике и морфологии показывает, что в морфологии они занимают бóльшее место, а разные планы морфологических различий более самостоятельны по отношению друг к другу, чем в фонетике. Если в фонетике разные планы многопланового различия связаны с разными признаками одного и того же звука или группы звуков, то разные планы морфологического различия могут быть материально и не связаны (например, различия в окончании и месте ударения той или иной грамматической формы и т.п.). У морфологических различий разные планы могут нередко не совпадать по кругу словоформ, где встречаются эти различия.

Таким образом, вопрос о совместном или раздельном картографировании разных планов многопланового различия в морфологии стоял более сложно, чем в фонетике, и была актуальна более подробная типология многоплановых различий, которую и разработала с присущей ей тщательностью С.В. Бромлей.

1.1.3. Судьба ДАРЯ была очень трудной. Из пяти региональных атласов был опубликован только первый (и то через шесть лет после завершения работы). Долго лежал без движения и сводный атлас (кстати, и сейчас еще до конца не опубликованный). В этих условиях было очень важно привлечь внимание на-

[3] В процессе дальнейшей работы какие-то положения этой монографии уточнялись или разрабатывались полнее. Существенным дополнением стало применение статистического метода обработки материала. Этот метод был разработан Н.Н. Пшеничновой (см., например, [Пшеничнова 1973а и 1973б]) и использован в сводном атласе (см. [Бромлей 1986]).

учной общественности к этому труду, рассказать о составе ДАРЯ и особенностях его построения, разъяснить его значение. Этой задаче посвящены статьи [Бромлей 1977а; 1981; 1983].

В своих статьях о ДАРЯ С.В. Бромлей показывает, какой богатый материал содержат карты и комментарии этого атласа, рассказывает о принципах картографирования диалектных различий, перечисляет аспекты изучения языка, в которых могут быть использованы данные ДАРЯ. Помимо традиционных направлений (группировка говоров, история языка), она называет и синхронные сопоставительные описания диалектных систем, которые позволяют "выявить степень типологического расхождения диалектных систем данного языка, а также охарактеризовать общие свойства его структуры, обнаруживающиеся в особенностях диалектного варьирования" [Бромлей 1981, 3][4].

Говоря о ДАРЯ как об источнике изучения истории языка, С.В. Бромлей подчеркивает, что такие особенности этого атласа, как отражение на его картах структурных отношений картографируемых явлений (выделение разных планов многоплановых различий и сопоставление структурно связанных явлений), облегчает историческую интерпретацию его карт. Выявлению исторической информации способствует и применение при составлении некоторых карт статистического метода: зоны различной интенсивности проявления картографируемого явления позволяют выдвигать гипотезы об очаге возникновения явления и его периферии.

Ссылаясь на показания ДАРЯ, С.В. Бромлей опровергает разделявшееся в то время многими лингвистами мнение об отмирании диалектов. Рассматривая в статьях о ДАРЯ и других работах факты сосуществования в одном говоре разных вариантов того или иного явления, из которых один вариант соответствует норме литературного языка, С.В. Бромлей предостерегает от слишком прямолинейного представления, что такое сосуществование непреложно свидетельствует о вытеснении "диалектного" варианта "литературным" и раскрывает более сложный характер процессов, в результате которых возникает сосуществование этих вариантов.

1.2. Р.И. Аванесов считал, что для лингвогеографического изучения восточнославянских языков недостаточно одних только национальных диалектологических атласов (русского, белорусского, украинского). Необходим еще восточнославянский атлас, охватывающий территорию всех трех языков как единое целое. На картах восточнославянского атласа найдут отражение ареалы, разорванные границами отдельных языков (см. [Аванесов 1964]).

Эту идею Р.И. Аванесова активно поддержала С.В. Бромлей. Она не только пропагандировала и развивала идею восточнославянского атласа (см., например, [Бромлей 1979б; 1984а; 1985а]), но и взялась за ее реализацию. Она убедила дирекцию Института русского языка в необходимости создания восточнославянского атласа, была достигнута договоренность с институтами языкознания БССР и УССР о совместном осуществлении проекта, проведена необходимая предварительная работа.

К сожалению, распад Советского Союза сказался и на судьбе восточнославянского атласа. Но идея лингвогеографического изучения восточнославянских

---

[4] Этой теме специально посвящена интересная и очень насыщенная статья [Бромлей 1979а], к которой еще будет повод вернуться.

языков как единого целого не была оставлена диалектологами Института русского языка. Она воплотилась в коллективной работе "Восточнославянские изоглоссы", которой руководила до своего выхода на пенсию Софья Владимировна Бромлей. В настоящее время опубликованы два выпуска этого издания под редакцией Т.В. Поповой (1995 г. и 1998 г.).

2.0. В процессе работы над ДАРЯ сложились основные научные интересы С.В. Бромлей. Они лежат в сфере фонетики и морфологии русского языка, которые она изучает, прежде всего, как диалектолог и историк языка, но также не упуская из виду и систему литературного языка.

И в фонетических, и в морфологических работах Бромлей опирается на московскую фонологическую теорию, что проявляется, в частности, в ее понимании соотношения между фонетическим и морфологическим уровнями и в трактовке их взаимодействия.

Межуровневое взаимодействие и, прежде всего, грамматикализация фонологических отношений привлекает большое внимание С.В. Бромлей (и в этом она тоже идет по стопам своего учителя[5]). Указанной проблеме посвящены работы [Бромлей 1972; 1977б], но и в ряде других ее работ рассматриваются процессы, связанные с межуровневым взаимодействием, в котором она видит один из "наиболее универсальных и действенных факторов внутреннего развития языка" [Бромлей 1984 б, 209].

Опора на московскую фонологическую теорию в трудах С.В. Бромлей проявляется и в том, что она широко использует заимствованное из этой теории понятие позиции.

Так, она считает, что положение под ударением и без ударения для окончаний является в русском языке не только разной фонетической, но и разной грамматической позицией, так как в одной и той же грамматической форме могут быть представлены разные по фонемному составу окончания в зависимости от ударения (например, *глухой* и *тихий*, *тяни* и *тронь*, *нести* и *класть*, *доской* и *палкуй*). Мысль очень важная для русской морфологии (особенно диалектной).

Понятие позиции С.В. Бромлей использует и в отношении диалектного варьирования, где в роли позиций выступают ЧДС (см. упомянутую выше статью [Бромлей 1979а])[6].

В дальнейшем я остановлюсь в основном на морфологических работах С.В. Бромлей, проблематика которых мне как морфологу ближе. Но нельзя не сказать хотя бы немного и о ее фонетических работах.

2.1. Фонетические работы С.В. Бромлей тоже очень интересны, в них много поучительного с точки зрения самого метода (например, виртуозное использование замен ⟨ф⟩ в южнорусских говорах при изучении формирования пары ⟨х⟩ ~ ⟨х'⟩ [Бромлей 1975а]).

Три основные фонетические работы [Бромлей 1975а; 1985б; 1987] так или иначе затрагивают процесс консонантизации фонетической системы, который с разной интенсивностью и в разных формах происходит на тех или иных территориях русского языка.

---

[5] Здесь уместно вспомнить ставшую классической работу [Аванесов 1947а].

[6] Подробнее об этой статье см. [Булатова 1990].

Наиболее широко эта проблема рассматривается в статье [Бромлей 1985б]. Цель этой работы – раскрыть лингвистическое содержание деления русских говоров на центральные и периферийные[7]. С.В. Бромлей считает, что лингвистическим обоснованием противопоставления говоров центра и периферии является степень вокальности / консонантности их фонетических систем. При всем различии фонетических систем разных периферийных говоров их, по мнению автора, объединяет бóльшая степень вокальности по сравнению с центральными говорами.

2.2. Первой работой С.В. Бромлей в области морфологии была ее кандидатская диссертация, посвященная истории форм сравнительной степени в русском языке (1954 г.). Сравнительной степенью Бромлей продолжала заниматься и позже. Ее статья: [Бромлей 1959] остается наиболее полным описанием этой формы в русских говорах.

Но больше всего С.В. Бромлей занималась глагольным словоизменением. Центральной ее работой в этой области является раздел глагола в монографии: [Бромлей, Булатова 1972а], который составляет бóльшую часть этой книги.

Собрав громадный материал, Софья Владимировна тщательно и подробно описала его в соответствии с разработанной нами методикой.

Мы ставили своей целью описать морфологию русских говоров при помощи единого эталона. Из Аванесовского понимания диалектного языка, которое мы разделяли, логически следовало, что таким эталоном должна быть максимальная (т.е. наиболее дифференцированная) система, по отношению к которой морфология отдельного говора (или группы говоров) представляла бы собой определенный вид свертывания.

Такой подход уже был применен Р.И. Аванесовым к описанию состава фонем в русских говорах и литературном языке (см. [Аванесов 1947б; 1949]), но его применение к морфологическому описанию диалектного языка потребовало разработки специального понятийного аппарата.

Так, чтобы можно было устанавливать строгие структурные соответствия между грамматическими аффиксами в разных говорах, нам понадобились единицы трех уровней.

Высшей единицей является аффикс, выделенный по функциональному признаку (грамматическому значению или комплексу грамматических значений), независимо от его фонемного состава (по терминологии, принятой в нашей книге, это *морфема*). Так, например, любые окончания 3 л. мн. числа представляют одну морфему. Единицы следующего уровня – разновидности морфемы, находящиеся в отношениях дополнительного распределения (алломорфы), например, окончания разных типов спряжения. Алломорфы также являются абстрактными единицами (например, окончания *-ат*, *-ат'*, *-а* представляют в говорах один и тот же алломорф – окончание

---

[7] Центральные и периферийные говоры – одно из членений в группировке говоров, разработанной К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой (см. [Русская диалектология 1964]). Общие признаки указаны там лишь для центральных говоров, а периферийные говоры объединяет только отсутствие черт, характерных для центра.

3 л. мн. числа II спряжения). Третий уровень – конкретное воплощение алломорфов (*варианты*): *диалектные варианты*, если они замещают друг друга в разных ЧДС, и *факультативные варианты*, если они функционируют в одной и той же ЧДС[8].

Для описания дополнительных грамматических средств, которое дано только в разделе глагола[9], С.В. Бромлей разработала аналогичную систему единиц трех уровней[10].

Было введено также понятие *дистрибутивных* классов, т.е. классов, характеризующихся разными алломорфами (или аллоединицами парадигм ударения и чередований). Построение максимальной системы дистрибутивных классов было самой сложной частью разработки эталона описания диалектной морфологии, особенно в разделе глагола.

Опыт изучения диалектной морфологии с применением раскрытых выше понятий оказался очень полезен и для составления новой программы собирания материала по диалектной морфологии, одним из основных авторов которой является С.В. Бромлей. Этот опыт помог сделать данную программу не только более полной, но и лучше структурированной [Диалектные различия... 1998].

Сопоставительное описание морфологии при помощи разработанного в монографии эталона построено таким образом, что из него легко извлечь типологические характеристики ЧДС и охарактеризовать общие свойства языка в целом. Это – задача будущего этапа изучения русской морфологии (и русского языка вообще), которую С.В.Бромлей поставила в уже не раз упоминавшейся статье: [Бромлей 1979а].

Много нового внесла С.В. Бромлей и в трактовку отдельных вопросов глагольного словоизменения. Так, она рассматривает в качестве особого типа спряжения (III) диалектные формы типа *знат*, *умет* (при отсутствии стяжения как живого явления); вводит понятие общего спряжения для глаголов с безударными окончаниями, у которых "нейтрализуются" в разных личных формах признаки I и II спряжений [Бромлей 1973]); предлагает новую классификацию глаголов по соотношению основ их грамматических форм, свободную от тех непоследовательностей, которые она обнаруживает (в той или иной мере) в наиболее известных трудах по грамматике русского литературного языка (см. [Бромлей 1965]). Был введен ею и специальный термин *формообразовательные разряды*, вместо *классов*, поскольку слово *класс* имеет в грамматике более широкое значение (например, виды; переходные и непереходные глаголы – это все разные классы глагола).

С.В. Бромлей – автор раздела глагола во всех учебниках по русской диалектологии, подготовленных в Институте русского языка. Уже в первом из них:

---

[8] Возможно, сами термины были выбраны нами и не совсем удачно, потому что обычно термины *морфема* и *алломорф* употребляются в ином значении, но найти лучше мы не сумели, а сама трехступенчатость грамматических единиц была необходима, потому что диалектные различия есть на всех трех ступенях и без их разграничения мы не получили бы объемного представления о морфологической системе диалектного языка.

[9] Для имен ДАРЯ не давал достаточно материала по ударению и чередованиям.

[10] Работая над этими единицами, С.В. Бромлей определила свое понимание места морфонологии в структуре языка, изложенное ею в статье [Бромлей 1974].

[Русская диалектология 1964] отразилась в основных чертах та картина глагольного словоизменения, которая сложилась у автора в процессе работы над монографией, хотя сама монография была закончена позже.

В статьях, посвященных происхождению тех или иных диалектных форм глагола (например [Бромлей 1975б; 1976; 1977в]), автор стремится раскрыть общие закономерности, которые просматриваются в истории этих форм. Такими закономерностями являются тенденции к аналитизму и стандартизации выражения грамматических значений.

Особенно интересна в этом отношении статья о взаимодействии форм изъявительного и повелительного наклонения в восточнославянских языках: [Бромлей 1977в]. Автор показывает, как "идет пульсация": сближение этих форм как форм 2 л. мн. числа и их отталкивание друг от друга как форм противопоставленных наклонений. Но побеждает в ходе истории этих форм тенденция к сближению, а омонимию наклонений, если она возникает, компенсируют интонация и контекст.

Работая над диалектным материалом, С.В. Бромлей вводит понятия, предлагает принципы описания, которые могут быть использованы и в исследованиях по литературному языку. Таково, например, понятие общего спряжения, упоминавшееся выше. Это же касается и принципов классификации глаголов, изложенных в статье [Бромлей 1965]. К сожалению, эта статья осталась невостребованной специалистами по грамматике литературного языка. В этом проявилась, как я думаю, разобщенность между грамматистами, работающими в области литературного языка и грамматистами-диалектологами, которую С.В. Бромлей всегда стремилась преодолеть.

* * *

Таков в общих чертах диапазон научной деятельности Софьи Владимировны Бромлей. Идя по пути, проложенному Рубеном Ивановичем Аванесовым, она внесла существенный вклад и в решение теоретических проблем диалектологии, и в изучение конкретных вопросов диалектологии и истории русского языка, а также в организацию коллективных трудов диалектологов Института русского языка РАН.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. Об одной фонетико-морфологической особенности северновеликорусских говоров // Доклады и сообщения филологического фак-та МГУ. Вып. 2. М., 1947.

Аванесов Р.И. Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. 1947. № 3.

Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949.

Аванесов Р.И. О состоянии и задачах научных исследований в области диалектологии // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. 1964. № 6.

Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы / Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1957.

Бромлей С.В. Наблюдения над ударенными гласными при собирании материалов по "программе" // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка. Вып. 5. М; Л, 1949.

Бромлей С.В. Формы сравнительной степени в русских говорах в свете данных диалектологического атласа // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. 1. М., 1959.

Бромлей С.В. Принципы классификации глагола в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1965. № 5.

Бромлей С.В. Стяжение в русских говорах и его морфологические следствия // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1970. М., 1972.

Бромлей С.В. Противопоставленность I и II спряжений в русских говорах и в литературном языке // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.

Бромлей С.В. Морфонология и грамматика // ОЛА. Материалы и исследования. 1972. М., 1974.

Бромлей С.В. К истории формирования признака "твердость–мягкость" у заднеязычных фрикативных фонем в русском языке // Русские говоры. М., 1975.

Бромлей С.В. Спряжение глаголов с безударными окончаниями в русских и белорусских языковых системах // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1973. М., 1975.

Бромлей С.В. Форма 2-го лица множественного числа изъявительного наклонения в русских говорах северо-восточный диалектной зоны // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1974. М., 1976.

Бромлей С.В. О диалектологическом атласе русского языка (ДАРЯ) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1977. № 5.

Бромлей С.В. Морфологические следствия взаимодействия говоров на фонетическом уровне // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.

Бромлей С.В. О взаимодействии форм изъявительного и повелительного наклонений в восточнославянских языковых системах // Общеславянский атлас. Материалы и исследования. 1975. М., 1977.

Бромлей С.В. Роль описательной диалектологии в характеристике общих свойств структуры русского языка (К постановке вопроса) // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. 1979. № 2.

Бромлей С.В. Лингвогеографическое изучение восточнославянской языковой области // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тезисы докладов и сообщений (Душанбе, 12–15 ноября 1979 г.). М., 1979.

Бромлей С.В. Русский диалектологический атлас как источник изучения истории языка // Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981.

Бромлей С.В. О морфологическом выпуске Диалектологического атласа русского языка // Русские народные говоры. Лингвогеографические исследования. М., 1983.

Бромлей С.В. О промежуточных объектах картографирования // Тезисы III Всесоюзной конференции по теоретическим вопросам языкознания: "Типы языковых общностей и методы их изучения". М., 1984.

Бромлей С.В. О месте фонетики в межуровневых процессах // Совещание по вопросам диалектологии и истории языка (лингвогеография на современном этапе и проблемы межуровневого взаимодействия в истории языка (Ужгород, 18–20 сентября 1984). Тезисы докладов и сообщений.Т. II. М., 1984.

Бромлей С.В. Восточнославянские языки как объект лингвогеографии // Восточные славяне. Языки. История. Культура. К 85-летию акад. В.И. Борковского. М., 1985.

Бромлей С.В. Различия в степени вокализованности сонорных и их роль в противопоставлении центральных и периферийных говоров // Диалектография русского языка. М., 1985.

Бромлей С.В. Теоретические основы русского лингвистического атласа и его карты // ДАРЯ. Вып. I. М., 1986.

Бромлей С.В. О происхождении [*l*] среднего в русских говорах // Русские диалекты. Лингвогеографический аспект. М., 1987.

Бромлей С.В., Булатова Л.Н. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.

Булатова Л.Н. О связи Московской диалектологической школы с Московской фонологической школой // Язык: система и подсистемы. М., 1990.

Вопросы теории лингвистической географии / Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1962.

Восточнославянские изоглоссы. Вып. I. М., 1995. Вып. II. М., 1998.

Диалектные различия русского языка. Морфология. М., 1998.

Диалектологический атлас русского языка / Под ред. Р.И. Аванесова и С.В. Бромлей.

Вып. I. Вступительные статьи. Справочные материалы. Фонетика. М., 1986.

Вып. II. Морфология. М., 1989.

Вып. III. Синтаксис. Лексика. Комментарии к картам. Справочный аппарат. М., 1996; Лексика. Ч. 1 (карты) 1997; Лексика. Ч. 2. Синтаксис (в печати).

Методические указания к "Программе собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка" / Под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. М., 1957.

Пшеничнова Н.Н. Лингвистическое картографирование на основе анализа материала статистическим методом // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.

Пшеничнова Н.Н. Статистический анализ многочленного междиалектного соответствия // Вопросы языкознания. 1973. № 6.

Русская диалектология / Под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. М., 1964.

IV

История языка. Этимология

В.В. Иванов

О НЕКОТОРЫХ НЕРЕШЕННЫХ ВОПРОСАХ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКИ

Становление современной русской фонетико-фонологической системы в ее диалектном варьировании во многом было определено возникновением и развитием в древнерусском языке ряда фонетических процессов, приведших в конечном счете к перестройке его звуковой системы. Такими процессами явились утрата древних интонационных различий и установление монотонического (динамического, экспираторного) ударения, падение редуцированных [ъ] и [ь], развитие [ô] и аканья. Все эти процессы возникли в исторический, зафиксированный в памятниках письменности период жизни древнерусского языка и, по-видимому, в одну и ту же эпоху. Такое утверждение можно высказать, опираясь на положения Р.И. Аванесова, сформулированные им в середине 50-х годов XX в., хотя он высказывал их, правда, не в столь отчетливой форме, и ранее (см.: [Аванесов 1947]).

В статье 1955 г. "Проблемы образования языка русской (великорусской) народности" Р.И. Аванесов, в частности, писал: "Этот период [XII – первая половина XIII в. – *В.И.*] ознаменовался важным для истории всех славянских языков фонетическим процессом падения редуцированных. Последнее имело место в древнерусском языке в течение XII–первой половины XIII в., сначала на юге, где процесс завершился в середине XII в., и позднее на севере" (26). В этот же период на значительной ее [территории севера и северо-востока Древней Руси. – *В.И.*] части, едва ли не на всей (возможно, кроме Смоленской и Полоцкой земель), этимологическое *о* под восходящим ударением в отличие от *о* под нисходящим ударением развилось в *о* закрытое (*ô*) или дифтонг *уо*, т.е. сохранилось отражение старых интонационных различий, превратившихся в различия самого качества гласного" (27). И, наконец: "К рассматриваемому времени (XII в.–первая половина XIII в.) можно отнести истоки еще одного важного диалектного различия русского языка – аканья ⟨...⟩ аканье развилось, примерно, во второй половине XII–первой половине XIII в." (28).

Высказанное Р.И. Аванесовым мнение о времени падения редуцированных было основано не только на результатах исследований истории этого явления, проведенных ранее другими отечественными лингвистами (см. в частности: [Сидоров 1953]), но и на тех собственных рассуждениях, которые были предложены в работе 1947 г. и которые были связаны с критикой концепции А.А. Шахматова, высказывавшего мнение о раннем, дописьменном времени происхождения аканья.

Как представляется, проблема времени падения редуцированных в древнерусском языке ныне может считаться решенной, что не исключает наличия взглядов, связанных со стремлением отодвинуть это время на более ранний пе-

риод или, наоборот, продлить на длительный срок сохранение редуцированных как особых фонем древнерусского языка.

Отодвинуть утрату редуцированных к самому началу XI в. стремился, например, Г.А. Хабургаев, который в одной из своих работ писал, что процесс падения редуцированных в древнерусском языке осуществился не во второй половине XII – первой половине XIII в., а начался "еще задолго до написания древнейших известных нам памятников письменности и в живой киевской и даже новгородской речи мог завершиться уже к концу XI столетия [Хабургаев 1979, 194]. Никакого серьезного обоснования этой точки зрения и никакого объяснения причин игнорирования ранее высказанного иного мнения Г.А. Хабургаев не выдвигал.

Сплошная выборка из памятников письменности разных жанров и типов письменности второй половины XII–первой половины XIII в., осуществленная в относительно недавнее время в "Древнерусской грамматике XII–XIII вв.", со всей убедительностью показала, что "процесс падения редуцированных получил в них различное отражение: новгородские, смоленские и галицко-волынский памятники свидетельствуют о завершении этого процесса на соответствующих территориях Древней Руси уже в XII в.; в отличие от этих памятников письменность киевского происхождения XII в. отражает развивающийся процесс падения редуцированных, достаточно проявившийся в этот период в отношении утраты "слабых" [ъ] и [ь], но еще не охвативший полностью область прояснения "сильных" редуцированных. Однако, опираясь на данные киевского Пролога XIII в., можно считать, что к середине этого века процесс падения редуцированных завершился и на остальных территориях Древней Руси" [Древнерусская грамматика, 27].

Таким образом, процесс утраты [ъ] и [ь] как особых фонем завершился в древнерусском языке в течение приблизительно столетия, и в течение этого времени он осуществился в диалектах как севера, так и юга Древней Руси. Поэтому едва ли правомерно предполагать, что в древненовгородском диалекте этот процесс закончился к концу XIV в.: "...для древненовгородского диалекта последняя стадия существования редуцированных может быть отнесена к концу XIV в." [Горшкова 1968, 126]. Эта точка зрения была убедительно отвергнута А.А. Зализняком: "...материал берестяных грамот дает основания предполагать, что падение редуцированных в древненовгородском диалекте наметилось уже в XI в. (если не раньше), но в основном протекало в XII и в начале XIII в. практически завершилось... Данные берестяных грамот показывают, что для Новгорода нет оснований принимать существенно более позднюю датировку, чем для юго-запада" [Янин, Зализняк 1986, 124].

Если о времени падения редуцированных судят во многом по данным, извлекаемым из памятников письменности, то время возникновения аканья определяется несколько иначе, так как в памятниках письменности оно получает робкое отражение лишь в XIV в. Исследование памятников XII–XIII вв., осуществленное в уже упоминавшейся "Древнерусской грамматике", показало, что они не дают оснований говорить об отражении в них акающего произношения, если под последним понимать неразличение [а] и [о] в первом предударном слоге после твердых согласных. Однако в то же время эти памятники отражают изменения безударных гласных после мягких согласных (и редко – после твердых не в первом предударном слоге). Подобное обстоятельство дает возможность

говорить о том, что в древнерусских диалектах середины XIII в. все же развивались процессы изменения безударных гласных неверхнего подъема, ведущие к их неразличению. Возможно, что в отдельных таких диалектах развивалось аканье как система безударного вокализма. Однако в целом для этого периода, по-видимому, был характерен *процесс*, а не результат – сложение разных систем безударного вокализма на разных территориях распространения русского языка.

В этом плане заслуживает внимания тот факт, что в Смоленской грамоте 1229 г., не обнаруживающей фактов смешения *а* и *о* в безударных слогах после твердых согласных, отмечаются написания *и* вместо *е* и *я* вместо *и* в слогах заударных [Древнерусская грамматика, 138 и 140].

Иначе говоря, признание аканья поздним по происхождению, возникшим после падения редуцированных (с чем, кажется, согласны многие историки языка), не означает, что это явление оформилось сразу как определенная система (или системы) безударного вокализма, и поэтому становление такой системы (или систем) следует относить ко второй половине XIII в. (но не позже, так как в XIV в. акающее произношение в русских диалектах уже укрепилось и это обусловило его проникновение в письменность).

Еще более сложно обстоит дело с определением времени возникновения в русских диалектах [ô], что связывается со сменой политонического ударения ударением динамическим, экспираторным, т.е. предполагается, что утрата древних акцентно-интонационных отношений привела к тому, что исконное [о] под новым акутом в ряде русских диалектов приобрело закрытый или дифтонгический характер, в результате чего развилась новая фонетическая, а затем и фонологическая единица – [ô] или [уо]. Соответствующее положение Р.И. Аванесова было приведено выше; в более ранней работе он относил появление [ô] к "приблизительно времени падения глухих и окончательной утраты старых акцентно-интонационных отношений" [Аванесов 1947, 130], т.е. к XII–XIII вв. Таким образом, на одну временну́ю плоскость ставятся и падение редуцированных, и аканье, и утрата древних интонаций и политонического ударения, и возникновение [ô].

Много лет позже П.С. Кузнецов, утверждая, что [ô] развилось из старого [о] под новым акутом, т.е. связывая его появление с историей ударения [Борковский, Кузнецов 1965, 141–142], вместе с тем о времени смены ударения у восточных славян писал очень осторожно: "На протяжении исторического развития нашего языка, несомненно, имело место изменение характера нашего ударения... Оно утратило свой музыкальный и политонический... характер и стало динамическим и монотоническим. Но мы до сих пор не располагаем сколько-нибудь точными сведениями о времени этого изменения. Возможно, что оно осуществилось в эпоху более древнюю, чем древнейшие дошедшие до нас памятники, но возможно, что осуществилось оно и в более позднюю эпоху" [Там же, 169–170]. Никакой связи с падением редуцированных во временном плане здесь не устанавливается, хотя П.С. Кузнецов придерживался тех же взглядов на время протекания этого процесса, что и Р.И. Аванесов.

Подробно связь утраты древних акцентно-интонационных отношений, развития [ô] и падения редуцированных во временном плане рассматривал Ф.П. Филин. Обращаясь к этим вопросам, он писал: "Несомненно, противопос-

тавление *ô* : *o* устанавливается в процессе утраты древних интонационных различий, которая протекала, как и падение *ъ* и *ь*, ...неравномерно и не в одно и то же время. Время падения *ъ* и *ь* более или менее установлено: на юге оно завершилось в XII в., а на севере в XIII в. Падение редуцированных и утрата древних интонаций, по общему признанию, связаны между собой. Некоторые лингвисты... считают, что оба процесса... протекали одновременно или почти одновременно" [Филин 1972, 154]. По мнению же Ф.П. Филина, древняя интонационная система у восточных славян сохранялась "примерно до XI в. В XI–XII вв. началось разрушение древней интонации и становление современного экспираторного ударения. Падение интонации, как и падение редуцированных, охватило восточнославянскую территорию не сразу. Вначале новое ударение укрепилось на современных украинских и белорусских землях и в Смоленской области... На северо-западе (северная половина Псковской земли, Новгородская область), на севере и северо-востоке сохранялся старый тип ударения с его интонационными различиями... В XIII–XIV вв. этот рубеж сохраняется, но получает новое содержание. На северо-востоке возникает оппозиция *ô* : *o*" [Там же, 159–160].

Если суммировать все сказанное выше, то можно будет сказать, что падение редуцированных, утрата древних акцентно-интонационных отношений и возникновение [ô] (а также аканья) – все эти процессы проходили на будущей великорусской территории практически в одну, хотя и относительно длительную временную историческую эпоху – во второй половине XII – в XIII вв. Из них только падение редуцированных получило широкое отражение в письменности. В то же время первые акцентуированные дошедшие до нас памятники не дают указания на различия в качестве ударения, что, очевидно, обусловлено утратой таких различий ко времени создания этих памятников.

Что же касается отражения в письменности [ô], то в этом отношении данные памятников и данные диалектологии и лингвистической географии оказываются в определенном смысле противоречащими друг другу.

Во многих современных говорах, как северных и южных, так и средневеликорусских, до сих пор сохраняется [ô] (или дифтонг [у͡о]) или явные указания на его наличие в прошлом (в частности, в некоторых разновидностях диссимилятивного яканья). При этом чем дальше развивается диалектное изучение русского языка, тем больше обнаруживается говоров, сохраняющих [ô]. Конечно, современные условия, в которых наблюдается произношение [ô], отличного от [о], не всегда соответствуют тем условиям, в которых оно могло развиться в истории, как и не всегда противопоставление [ô] и [о] носит фонематический характер, но это может быть связано с позднейшими изменениями и никак не свидетельствует о первоначальных условиях, в которых возникало [ô]. Точно так же едва ли может что-то сказать об этих первоначальных условиях то обстоятельство, что сохранение [ô] в некоторых говорах может совмещаться с сохранением [ê] (или дифтонга [и͡е]) на месте древнерусского [ê] (*ѣ*), но может и не совмещаться (т.е. в говоре может сохраняться [ê] при отсутствии [ô] и, наоборот, сохраняться [ô] при отсутствии [ê]).

Так или иначе, широкое распространение [ô] в современных говорах дало возможность утверждать, что в истории русских диалектов развитие этой фонемы на месте [о] под новым акутом носило едва ли не общевеликорусский характер (ср. слова Р.И. Аванесова, приведенные в начале статьи).

Если развитие [ô] охватило по существу всю великорусскую территорию и если этот гласный имеет достаточно широкое распространение в современных говорах, то естественно возникает вопрос об отражении столь устойчивого в истории русских диалектов явления в письменности. О том, что такого отражения трудно ожидать в силу отсутствия особого графического знака для [ô] (в отличие от обозначения буквой ѣ закрытого [ê]), писали многие, указывая при этом на фонологический (т.е. смыслоразличительный) характер противопоставления [ô] и [о]; ср., например: "Древнерусское правописание не давало возможности проявиться различению двух разных *о* – закрытого и открытого, так как в графике отсутствовали соответствующие средства, хотя эта черта рано – после утраты старых интонационно-долготных отношений – приобрела фонематический характер и могла существовать непосредственно после утраты редуцированных... Однако, приобретая значение фонемы, гласный *ô* (*ÿо*) в некоторых школах писцов в дальнейшем все же стал передаваться в отличие от *о* при помощи особого надстрочного знака, так называемой каморы" [Аванесов 1955, 27].

Действительно, сначала в работах Л.Л. Васильева и Н.Н. Дурново, а затем и в работах других лингвистов, особенно В.В. Колесова и А.А. Зализняка, обнаруживших целый ряд памятников, в которых получило графическое отражение различение [ô] и [о], было опровергнуто представление о невозможности такого отражения. Обобщающие данные по этой проблеме можно найти в книге А.А. Зализняка "От праславянской акцентуации к древнерусской", где автор определил несколько графических систем, которые использовались писцами для различения фонем [ô] и [о] и которые опирались на передачу этого различия через разные "графемы" класса *О* : *о* узкое и *о* широкое, *о* обычное (т.е. *о*, выступающее в графической системе, где нет различения *о* узкого и *о* широкого) и ѡ. [Зализняк 1985, 208]. По Зализняку, существовало четыре таких основных системы: 1) *омеговая*: [ô] передается через ѡ, [о] – через *о* узкое, *о* широкое и *о* единое; 2) *каморная*: [ô] передается через графемы класса *О* с каморой, [о] – через те же графемы без каморы; 3) *узколитерная*: [ô] передается через *о* узкое, [о] – через *о* широкое и ѡ; 4) *широколитерная*: [ô] передается через *о* широкое, [о] – через *о* узкое (графема ѡ выступает в этой системе как обобщенное обозначение обеих фонем).

Кроме этих "чистых" систем были еще комбинированные, совмещающие, так сказать, основные системы: каморную и узколитерную; омеговую, камерную и узколитерную (ее А.А. Зализняк называет кумулятивной). Правда, не совсем ясно, как могли совмещаться разные системы в одной школе письма, если эти школы действительно были. Тем более что А.А. Зализняк оговаривает: "...практически во всех памятниках, различающих [ô] и [о], существуют те или иные графические позиции, в которых выбор графемы класса *О* подчинен каким-то механическим (?) правилам, не связанным с передачей [ô] и [о]. Особенно часто такую позицию образует начало словоформы, например, в ряде памятников с омеговой системой в начале словоформы ставится ѡ безотносительно к тому, какая из двух фонем там выступает ...Важнейшим свойством всех... систем, без знания которого нельзя эффективно использовать материал памятников, является принцип факультативности выражения фонемы [ô]. Он состоит в том, что "знаки для [о]" (т.е. графемы или их комбинации, передающие в данной системе фонему [ô]) мо-

гут в принципе употребляться и там, где фактически произносилось [о], тогда как обратное неверно. Иначе говоря, "знак для [о]" может использоваться также в качестве общего безразличного обозначения для фонемы "типа *о*" (т.е. как [о], так и [ô])" [Там же, 209–210]. Как представляется, все эти рассуждения "подрывают" представления о достаточно стройных основных графических системах и тем более о "совмещенных" системах.

Изученные памятники А.А. Зализняк распределил, согласно графическим системам обозначения [ô], по территориям, к которым они принадлежат. Это определение не всегда точно, но достаточно для того, чтобы увидеть, какие "школы письма" и где существовали. Оказалось, что тексты с омеговой системой относятся к Новгороду, Ближнему западу и Югу; с каморной – к Новгороду, Пскову, Обонежью, Ближнему западу, Дальнему востоку (Вологда) и Москве; с широколитерной – к Новгороду, Ближнему западу и Москве; с каморнолитерной – к Новгороду; с кумулятивной – к Москве. Свидетельствует ли такое распределение о том, что в Новгороде было четыре "школы письма", на Ближнем западе и в Москве – три, а на остальных территориях – по одной. Или оно свидетельствует о чем-то другом? Более того, обращают на себя внимание некоторые оговорки А.А. Зализняка при характеристике изученных памятников. Так, о двух псковских памятниках с каморной системой он замечает: "В обоих памятниках изредка (?) встречается камора над *о* для передачи [ô]; при этом, хотя коэффициент выраженности [ô] крайне низок, ошибочных камор почти (?) нет, т.е. мы имеем дело еще с живой системой различения [ô] и [о]" (215). Почему в памятниках с каморной системой (а названные памятники отнесены именно к тем, которые обнаруживают эту систему – с. 209) только "изредка" камора выступает для обозначения [ô]? Характеризуя Обонежский памятник также с каморной системой, А.А. Зализняк пишет: "Изредка отмечается камора над *о* и ω (для передачи [ô]), а также над ѣ и *у*" (214) – неясно, как понимать постановку каморы над последними буквами. О Вологодском памятнике с такой же системой А.А. Зализняк замечает: "Во всех почерках встречается *о*, передающее фонему [ô], но коэффициент выраженности [ô] здесь очень низок" (230). Все эти замечания и оговорки, без сомнения, осложняют всю проблему отражения [ô] в памятниках письменности.

Однако эта сложность усугубляется еще тем, что памятники письменности, которые так или иначе фиксируют различение [ô] и [о], относятся лишь к периоду с конца XIV и до XVII в. включительно.

Из текстов, исследованных А.А. Зализняком, только один – галицко-волынский – датируется второй половиной XIV в. Однако при этом остается неясным, почему в общем-то незначительное число памятников из всего рукописного материала того времени фиксирует различение в живой речи гласных [ô] и [о], если такое различение представляется развившимся почти на всей великорусской территории. Графическое отражение различения [ô] и [о] в диалектах великорусского языка XIV–XVI вв. отсутствует в таких памятниках этого времени, как I Новгородская, Лаврентьевская, Ипатьевская, Ростово-Суздальская летописи, Судебник 1497 г., Стоглав, Домострой, различные по территориальной отнесенности грамоты. Может быть, наши представления о таком отсутствии связаны с тем, что они не изучались историками языка в этом плане, или с тем, что внимание исследователей прошло мимо данного явления? Такое предположение тем более покажется очевидным, если признать, что в истории русской пись-

менности действительно были школы письма, в которых использовались разные системы графического различения [ô] и [o].

Вместе с тем известно, что есть говоры, которые в их современном состоянии не знают [ô], хотя некоторые памятники с этих территорий дают материал, позволяющий говорить о наличии различения в них [ô] и [o] в прошлом. Таковы, например, новгородские говоры, не знающие этого различения, но данная черта "свойственна многим из вологодских говоров, которые, наряду с олонецкими и поморскими говорами, являются продолжением древнего новгородского диалекта, в связи с чем можно думать, что они были свойственны последнему или хотя бы части его говоров" [Аванесов 1955, 30]. С другой стороны, на территории бывшей Ростово-Суздальской земли современные говоры частично сохраняют "пережитки" [ô] [Филин 1972, 158], но памятники ростовско-суздальского происхождения не дают никаких указаний на его наличие в какой-либо исторический период развития этих говоров. В этом случае "на помощь" приходит фонологическая трактовка – общее представление о фонологической системе говоров. Так, по мнению К.В. Горшковой, диалектный материал убедительно доказывает, что "фонемы [ê] и [ô] функционально, структурно и генетически связаны. Как правило, в говорах имеют место обе фонемы, в настоящее время с разной степенью полноправности, утрата фонем [ê] и [ô] протекает параллельно. ...когда после падения редуцированных окончательно утратились интонационные различия, звук [o:], связанный с интонацией нового акута, в одних говорах преобразовался в самостоятельную фонему [ô]..., противопоставленную [o], в других утратился вместе с утратой древних интонационных различий... Утверждение в системе говора нового противопоставления [ô] – [o] способствовало сохранению более старого противопоставления [ê] – [e] с тем же ДП – верхнесредний – средний подъем. В тех же говорах, где фонологическое противопоставление [ô] – [o] не возникало, очень рано утрачивается фонема [ê]" [Горшкова 1968, 138].

Однако данные диалектологии свидетельствуют о том, что, как уже говорилось, среди современных говоров есть такие, в которых при шестифонемном составе гласных сохраняется [ê] при отсутствии [ô] или [ô] при отсутствии [ê]. Так что параллельность в судьбе [ê] и [ô] можно утверждать только с большими оговорками.

Иначе говоря, отсутствие в современных говорах [ô] или отсутствие его отражения в памятниках (при том, что утверждается его наличие в прошлом) заставляет историков языка привлекать доказательства наличия в истории того или иного диалекта развития [ô] такие "факты", которые по существу являются лишь косвенным и не всегда убедительным обоснованием.

Это хорошо видно в рассуждениях, которыми обосновывается утверждение об отсутствии [ô] в истории смоленско-полоцких говоров. Стало уже общим местом положение, что Смоленская грамота 1229 г. свидетельствует об утрате [ě] (ѣ) уже в начале XIII в., что отражается в беспорядочном смешении букв ѣ и *е* во всех фонетических положениях. Исходя из этого и из "параллельности" развития [ê] и [ô], делается вывод, что отсутствие [ê] означает отсутствие и [ô]. Ср.: "Предположение, что говоры Смоленской и Полоцкой земель... утратили различие между этимологическим [o] под восходящим и нисходящим ударением... выводится из данных современных говоров, а также негативно (?) из данных письменных памятников этих территорий... Однако указанные территории в

языковом отношении отличались от остальных восточнославянских земель... ранним изменением ѣ, которое прежде у всех восточных славян произносилось как *ê* (*е* закрытое), в *е* (*е* открытое). Об этом свидетельствуют как данные современной диалектологии, так и письменные памятники Смоленской и Полоцкой земель (в частности, известная Смоленская грамота 1229 г." [Аванесов 1955, 27–28]).

Эти положения были приняты историками русского языка и стали повторяться в других работах. Ср., например, утверждения К.В. Горшковой о смоленско-полоцком диалекте и части псковских говоров XIII–XIV вв., которые не имели [ô] и [ê] на месте [ě]: "Письменные памятники, отразившие эти говоры (Смоленская грамота 1229 г. в различных списках, первая часть Псковского пролога 1388 г. и др.), знают частую замену буквы ѣ буквой *е* или буквой *ь*, не ограниченную фонетическими или морфологическими условиями, что свидетельствует о ранней (до XIII в.) утрате фонемы [ê]... ...ранняя утрата противопоставления [ê] – [е], проявившаяся орфографически, одновременно показывает на отсутствие противопоставления [ô] – [о] в говорах" [Горшкова 1968, 138].

По-видимому, приведенные выше положения об истории [ô] и [ê], основанные на тех знаниях фактов, которые были в науке в конце 40 – начале 70-х годов, требуют определенной корректировки в силу накопления во второй половине XX в. новых фактов, касающихся как истории языка, так и современного состояния говоров. Во-первых, конечно, необходимо отделить показания Смоленской грамоты 1229 г. от показаний Псковского пролога 1388 г., отдаленных друг от друга более чем на полтора столетия, и поэтому то, что характеризовало псковские говоры XIV в., не обязательно было характерно для них в первой трети XIII в.

Во-вторых, последние разыскания в области истории [ě] в древнерусском языке по данным письменности XII–XIII вв. показало, что представление об утрате к XIII в. этой фонемы в древнем смоленском диалекте, на которую якобы указывает Смоленская грамота 1229 г., недостаточно обосновано, ибо эта грамота все же не дает убедительного материала для утверждения об утрате [ě] в наиболее независимой фонетической позиции – под ударением перед твердым согласным. Сравнение употребления ѣ и *е* этой позиции в грамоте 1229 г., характеризующейся своеобразной орфографией, с употреблением этих букв в той же фонетической позиции в Смоленской грамоте 1239 г., имеющей выдержанную орфографию, обнаружило их принципиальное сходство, и это позволило сделать вывод, что характерной чертой смоленского диалекта XIII в. "было сохранение фонемы [ě] как особой единицы фонетико-фонологической системы в позиции под ударением перед твердой согласной" [Древнерусская грамматика, 53].

Ныне появились новые данные и о современных говорах, в частности, о смоленских, сохраняющих [ô] и [ê]. В относительно недавно опубликованной звучащей хрестоматии "Русские народные говоры. Южнорусское наречие" приведены тексты, записанные в Смоленской области и отражающие наличие в говоре [ô] и [ê] [Хрестоматия 1999, 22–24]. В заключении этой хрестоматии составители, комментируя представленные в ней тексты и отмечая, что они, эти тексты, "позволяют по-новому взглянуть на те сведения о диалектных различиях, которыми располагает современная диалектология", отмечают более широкое распространение известных в науке диалектных явлений: "Наличие семифонемного вокализма или следы его существования в прошлом в виде особых реали-

заций этимологических ѣ и ѡ имеют более широкое распространение, чем это предполагалось ранее... Не свободны от особых реализаций этимологических ѣ и ѡ и западные территории южнорусского наречия (говоры Верхне-Днепровской и Верхне-Деснинской групп, а также говоры Межзональной группы А...)" [Там же, 194]. Так что вопрос об отсутствии, т.е. неразвитии, в древнесмоленском диалекте [ô] или о ранней (вместе с ранней утратой [ĕ]) утрате этой фонемы, как представляется, остается все же открытым.

Возвращаясь к проблеме времени возникновения и развития всех рассматриваемых процессов, можно повторить, что все они синхронны и относятся к одной и той же эпохе, хотя это не означает, что в период, исчисляемый веком (вторая половина XII–первая половина XIII в.) все эти процессы возникли одновременно – здесь возможно говорить об обусловленности одних процессов другими, или о причинно-следственных отношениях в их возникновении и развитии.

Но прежде всего надо заметить, что между рассматриваемыми процессами есть весьма существенные различия: утрата старых акцентно-интонационных отношений и установление монотонического, экспираторного ударения, как и падение редуцированных, охватили все русские диалекты и дали в целом одни и те же результаты; возникновение различения [ô] и [о], охватившего, возможно, также всю великорусскую территорию, в современных говорах присутствует не всегда, многие говоры этого различения не знают, что вызывает вопрос о причинах его утраты (или исконного отсутствия); что касается аканья, то оно первоначально вообще возникло на достаточно узкой территории южновеликорусских говоров, лишь постепенно расширяя пределы своего распространения.

Сложные связи между историей акцентных отношений и историей редуцированных описаны В.В. Колесовым [Колесов 1980]. Анализ обширного материала памятников письменности с опорой на стройную общую концепцию развития фонетико-фонологической системы древнерусского языка позволил выявить взаимозависимость утраты старых акцентных отношений и падения редуцированных. Однако о том, полагает ли В.В. Колесов обусловленность (и, следовательно, последовательность) одного процесса другим (более ранним), установить трудно, так как прямо об этом не говорится.

В этом плане яснее кажутся отношения между утратой старой акцентной системы и развитием [о]: по общему мнению, именно эта утрата повлекла за собой возникновение новой фонемы – большая длительность [о] под новым акутом обусловила при установлении экспираторного ударения напряженность и закрытость ударного [о], а затем и его дифтонгизацию. Поэтому не совсем ясным представляется мнение А.А. Зализняка о связи возникновения различения [ô] и [о] с падением редуцированных: "Одним из результатов процесса падения и "прояснения" редуцированных было возникновение на всей (или почти всей) восточнославянской территории противопоставленнных фонем [о] (*о* открытое) и [ô] (*о* закрытое)" [Зализняк 1985, 173]. "Вся восточнославянская территория" – это и территория современного украинского языка, на которой никогда не развивался [ô], если иметь в виду гласный, восходящий к [о] под новым акутом. Какая связь устанавливается между падением редуцированных и развитием [ô] – остается непроясненным.

Кажется, более ясной представляется связь между сменой акцентной системы и возникновением аканья. Об этом в свое время писал П.С. Кузнецов:

"Большинство ученых сейчас сходится на том, что аканье началось после смены музыкального политонического ударения монотоническим и более сильным динамическим. Именно оно могло вызвать редукцию безударных гласных" [Борковский, Кузнецов 1965, 152–153], т.е. усиление ударного гласного при динамическом ударении вызывает ослабление гласных в безударных слогах. Однако: "Но если и объяснять редукцию безударных гласных сильным динамическим ударением, то для объяснения, почему эта редукция охватила лишь часть наших говоров, требуется предположить в этих говорах более сильное динамическое ударение, чем в других... Но мы не располагаем достаточными сведениями о распределении отношений по интенсивности различных слогов по говорам той эпохи, когда аканье начиналось" [Там же, 153].

Однако из всех версий, существующих по поводу причин возникновения аканья (о них подробно в указанной работе [Борковский, Кузнецов 1965], а также в книге [Филин 1972]), только версия, связанная с редукцией безударных гласных, может быть признана достаточно достоверной, если принимается положение о позднем происхождении акающего произношения. Как представляется, отстаиваемая Р.И. Аванесовым теория позднего происхождения аканья не получила какого-либо убедительного опровержения, хотя она, конечно, не объясняет причин, по которым аканье возникло первоначально только на узкой территории южных говоров. Однако можно попытаться ответить на этот вопрос, опираясь на некоторые факты и истории языка, и современной диалектологии.

Во-первых, обращает на себя внимание то, что аканье, возникнув на территориях Рязанского, Новгород-Северского и Черниговского княжеств XII–XIII вв. [Аванесов 1952, 43], в дальнейшем продвинулось на запад и северо-запад вплоть до границ расселения восточных славян (но не на юг, на территорию будущего украинского языка) и лишь до территории будущих средневеликорусских говоров – на север. Иначе говоря, продвижение аканья на юг и на север натолкнулось на "сопротивление" оканья, которое оно не могло преодолеть. И это при том, что принцип аканья – неразличение безударных гласных – проще принципа оканья, т.е. с точки зрения говорящих, принцип аканья "экономнее". Кроме того, аканье постепенно превращалось в норму "образцового" московского, а затем и литературного произношения, однако, несмотря на это, северновеликорусские говоры сохраняют оканье. Значит, есть какие-то обстоятельства, объясняющие подобное явление.

И этим обстоятельством являются, по-видимому, различия в степени полновесности безударных слогов по отношению к ударенному, обнаруживающиеся в современных говорах. Р.И. Аванесов уже давно описал эти различия: "Существуют говоры, в которых все безударные слоги в отношении полновесности и экспираторной силы произносятся более или менее одинаково, уступая лишь ударенному слогу. Это типичная для многих с-в-р говоров система распределения экспираторной силы... Если степень экспираторной силы ударенного слога обозначить коэффициентом 3, то безударные слоги в таких говорах можно обозначить коэффициентом 2... Многие говоры при сохранении полновесности 1-го предударного слога характеризуются особым ослаблением других безударных слогов. Распределение слогов по их сравнительной полновесности в таких говорах приблизительно следующее: 1 + 1 + 2 + 3 + 1 + 1. Такова система лите-

ратурного языка, многих ср-в-р говоров, а также части Владимирско-Поволжских с-в-р говоров [Аванесов 1949, 58–59].

Если так обстоит дело в современных говорах, то, надо полагать, современное полное оканье сохраняет более старое распределение полновесности и экспираторной силы между слогами. И именно это распределение сыграло роль в том, что такие говоры не восприняли того распределения полновесности и экспираторной силы между слогами, которое было свойственно будущим акающим говорам и окающим владимирско-поволжским, сходным по степени ослабления безударных гласных не 1-го предударного слога.

Что же касается гласных 1-го предударного слога, то в будущих акающих говорах они по полновесности и экспираторной силе, по-видимому, были такими же, что и гласные других безударных слогов (коэффициент 1), что сохранилось в говорах с диссимилятивным аканьем. Возможно, сохранение оканья в 1-м предударном слоге и развитие неразличения [а] и [о] в этой позиции (аканье) также связаны с различиями в распределении полновесности и экспираторной силы между 1-м предударным и ударным слогами (т.е., скажем, в будущих владимирско-поволжских говорах это распределение может быть представлено как 1 + 1 + 2 + 3 + 1 + 1, а в будущих недиссимилятивно акающих – как $1 + 1 + 1^1/_2 + 3 + 1 + 1$. Конечно, такое предположение может носить лишь сугубо предварительный характер, однако решение вопроса, кажется, следует искать именно в данном направлении.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник МГУ. 1947. № 9.

Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949.

Аванесов Р.И. Лингвистическая география и история русского языка // ВЯ. 1952. № 6.

Аванесов Р.И. Проблемы образования языка русской (великорусской) народности // ВЯ. 1955. № 5.

Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965.

Горшкова К.В. Очерки исторической диалектологии Северной Руси. М., 1968.

Дренерусская грамматика XII–XIII вв. М., 1995.

Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к древнерусской. М., 1985.

Колесов В.В. Историческая фонетика русского языка. М., 1980.

Сидоров В.Н. Редуцированные гласные ъ и ь в древнерусском языке XI в. // Труды Ин-та языкознания АН СССР. Т. II. 1953.

Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М., 1972.

Хабургаев Г.А. "Изоглоссная стратиграфия" – основа локализации и хронологизации языковых изменений // Лингвогеография, диалектология и история языка. М., 1979.

Хрестоматия 1999 – Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие. М., 1999.

Янин В.В., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986.

Т.А. Сумникова

ОБ ОКОНЧАНИИ *'-а* В ФОРМАХ РОДИТЕЛЬНОГО–ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ЛИЧНЫХ И ВОЗВРАТНОГО МЕСТОИМЕНИЙ[1]

Вопрос о происхождении флексии *'-а* у личных местоимений ед. ч. и возвратного в РП=ВП является одним из кардинальных для истории русского языка, т.к. формы с этим окончанием отличают русский язык от украинского и белорусского: в русском литературном языке и в большинстве говоров окончание *'-а*, в украинском и белорусском – *-е*.

Формы РП и РП=ВП с окончанием *'-а – менѧ, тобѧ, собѧ* вместо старых форм с окончанием *-е – мене, тебе, себе* появились в памятниках северо-восточной и северо-западной Руси со второй половины XIV в. У местоимений 2 л. ед. ч. и возвр. новое окончание присоединяется к основе с корневым *-о-*.

Эти формы содержит новгородская берестяная грамота № 286. 50–80 XIV в.: (а ме)[н]ѧ послалѣ, а на менѧ; отмечена она М.А. Гадолиной в Договорной грамоте великого московского князя Дмитрия Ивановича с князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем 1389 г. [ГрМ № 11]: а чимъ благословилъ тобѧ отец твои андрѣи, а также в трех московских грамотах конца XIV в., сохранившихся, однако, в списках XV в. – в Договорной грамоте Василия Дмитриевича с князем галицким Юрием Дмитриевичем, не ранее 1390 г. (сп. сер. XV в.) [ГрМ № 14]: без менѧ, а тобѧ... держати, а тобѧ держати въ старѣишиньствѣ, так же менѧ держати в братьствѣ и во чти безо обиды, а менѧ ти жаловати, а чим тобѧ благословилъ wць н(а)шь; в грамоте Олега Ивановича великому князю Дмитрию Ивановичу, 1382 г. (сп. к XV в.) [ГрМ № 10]: за себѧ; в Договорной грамоте великого князя Василия Дмитриевича с великим князем тверским Михаилом Александровичем ок. 1396 г. (сп. сер. XV в.) [ГрМ № 15]: оу собѧ оставити[2].

По наблюдениям М.А. Гадолиной, интенсивное проникновение в язык письменности новой формы РП=ВП с окончанием *-'а* (*-ѧ*) начинается в XV в. "Однако старая форма продолжает употребляться с новой на протяжении всего XV в., а в некоторых жанрах древнерусской письменности даже в XVI в. В начале XV в. формы *мене, тебе, себе* составляют еще существенную часть общего числа употребления форм родительного–винительного падежа в языке светских грамот и являются почти единственными в языке грамот духовных лиц; к концу же века и в грамотах духовных лиц, более архаических по языку, начинают широко употребляться формы родительного–винительного с конечным *-'а* (*-я*), хотя формы *мене, тебе, себе* как архаические и

---

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда. Грант № 00-04-0313а.

[2] Единственный случай с *-ѧ* при основе *себ- – за себѧ* в Грамоте великого князя Олега Ивановича великому князю Дмитрию Ивановичу 1392 г., по-видимому, следует отнести на счет списка конца XV в. Так как в московской деловой письменности именно этого времени наряду с существованием образованных от народно-разговорных основ РП *тоб-*, *соб-* отмечают проникновение задерживавшихся в книжном языке форм с основами *теб-*, *себ-*.

церковнославянские сохраняются в языке этих грамот вплоть до XVI в." [Гадолина 1954, 39–40][3].

Известны три версии замены старого окончания *-е* флексией *-'а* (-ѧ) в формах РП. Одна из них – фонетическая (изменение безударного *-е* в *-'а*). [Шахматов 1952, 159; Дурново 1924, 258] – отвергнута окончательно как несостоятельная. Две другие – морфологические – принимаются в наше время. Согласно одной из них, окончание *-'а* (-ѧ) появилось в результате аналогичного воздействия со стороны именного склонения с основой **-jo* [Соболевский 1907, 182; Unbegaun 1935, 356; Кузнецов 1959, 116]. По другой, новая флексия – результат воздействия со стороны энклитических форм ВП; высказанную И.В. Ягичем догадку [Jagic 1895] приняли и так или иначе разрабатывали: [Vondrák 1906–1908, 11; Meyer 1923; Булаховский 1950; Гадолина 1954; Самійленко 1960, 1970; Schutz 1963; Филин 1975].

В обосновании первой гипотезы П.С. Кузнецов исходил из того, что "новые формы возникают в результате воздействия родственных по значению форм (т.е. форм, имеющих то же синтаксическое значение)". И далее, отвергая влияние энклитик, он продолжал: "Во-первых, для воздействия со стороны старых энклитических форм необходимо предположить, что последние продолжали существовать как живые формы в тех говорах, где происходило образование новой формы. В то же время... памятники XIV–XVII вв. указывают на отмирание этих форм. Правда, кое-где как будто старые формы держатся, но представляется весьма спорным, что эти формы преемственно связаны со старыми энклитическими. Если же предполагать, что все же воздействие со стороны исчезающих энклитических форм осуществлялось, они легче могли воздействовать на винительный падеж, чем на родительный, поскольку сами представляли собой первоначально винительный падеж, а не родительный. Во-вторых, так как у существительных, выражавших лица, родительный и винительный падежи имели в это время одинаковую форму (а рассматриваемые местоимения чаще всего обозначали лица), легче было при этом примкнуть к формам мужского рода, так как у существительных женского рода (как старого склонения на *-а*, так и старого склонения на *-ĭ*) родительный и винительный падежи имели различную форму, тогда как у полных форм личных местоимений единственного числа и у возвратного местоимения родительный и винительный падежи совпадали" [Кузнецов 1959, 116].

Г.А. Хабургаев попытался объединить обе рассматривавшиеся как альтернативные морфологические версии.

Вслед за П.С. Кузнецовым он полагал, что "условием закрепления флексии *-а* в В. ед. ч. личных местоимений могло быть... сохранение в говорах Севера древних *мя, тя, ся*". Однако в отличие от Кузнецова, считавшего, на основании данных М.А. Гадолиной, что в XIV–XVII вв. на Севере не было старых клитик

---

[3] Раннее использование формы ВП с окончанием *='а* (=ѧ) видят в так называемом ярлыке хана Узбека митрополиту Петру 1315 г.: "А кто нашъ ярлыкъ и наше слово преслушаетъ, тотъ есть богу противенъ и гнѣвъ на себя отъ него прииметъ" (см. [Кравченко 1949; Гадолина 1954, 44; Филин 1972, 424; Зализняк 1995]). Однако необходимо напомнить, что указанный ярлык не что иное, как изготовленная в митрополичьих кругах в 40-х годах XVI в. подделка (см. [Каштанов 1996, 82]; там же дана библиография исследований). Что же касается формы РП=ВР с новым, народно-разговорным окончанием *-'а* в ней при ориентированной на старые церковно-книжные образцы основе *себ-*, то она была характерна в это время для обиходного языка церкви. Так что этот текст не может быть использован в исследованиях по языку XIV в.

ВП, утверждал, что новые формы появились "в результате их (т.е. *мя, тя, ся.* – *Т.С.*) контаминации с прежней формой Р. именно в В. ед. ч.: *мене* + *мя* = *меня, тебе* + *тя* = *тебя, себе* + *ся* = *себя* [Хабургаев 1990, 236, п. 3.4.3.3.]

Наши наблюдения над состоянием клитик в XI–XIV вв. отодвигают их исчезновение из народно-разговорного языка к концу XIII в. при существенном сокращении их употребления в книжно-письменном языке в северной зоне восточного славянства. В современных русских народных говорах *мя, тя, ся*, по данным диалектологии – не что иное, как сосуществующие с формами *меня, тебя, себя* их стяженные формы, образующиеся в беглой речи [Атлас В 1957, карта 129; Гадолина 1954, 64]. В предложенной Хабургаевым схеме не учтено еще такое немаловажное для понимания процесса сложения новых форм РП=ВП и времени образования форм *тебе, себе* обстоятельство, что окончание -*'а* (-ѧ) присоединялось прежде всего к основе *тоб-, соб-*. Правда, вопреки очевидному, он рассматривал формы с *о* в корне как искусственные [Хабургаев 1990, 239–240]. Хотя трудно представить длительное сохранение якобы искусственных образований не только в деловой письменности (до XVII в.), но и в современных народных говорах – *табе́, сабе́* (при аканье) [Атлас В 1957, карта 130].

Вернемся к основному постулату – тенденции к обобщению морфологического показателя одного и того же грамматического (синтаксического) значения, – рассмотрев его на фоне показаний памятников восточнославянской письменности XI–XIV вв. и данных современной лингвогеографии.

Оказывается, что результат этой тенденции – окончание -*'а* (-ѧ) в формах РП=ВП личных местоимений – налицо в современных севернорусских и среднерусских говорах, т.е. там, где старые клитики ВП *мѧ, тѧ, сѧ* вышли из употребления в народно-разговорном языке уже в XIII в. и существенно сократили свое присутствие в литературном типе языка. На юге же восточного славянства эта тенденция не проявилась: украинский язык унаследовал старые формы РП=ВП *ме́не, те́бе, се́бе* при отсутствии новых форм с окончанием -*'а*; старые же клитики в XIII–XIV вв. по наблюдениям Самойленко, были свойственны не только книжному литературному языку, но и всем его говорам не только в XIV в., но еще и в XVI–XVII вв. [Самійленко 1978, 145].

Из этих наблюдений следует единственно возможный вывод: необходимым условием для появления новых форм РП=ВП с окончанием -*'а* (-ѧ) (первоначально *менѧ, тобѧ, собѧ*) было отсутствие клитик ВП в языке, а не их сохранение. Ибо только в таком случае новые формы с окончанием выходивших из употребления клитик могли заполнить образовывавшуюся брешь и обобщение морфологического показателя *-а* у одушевленных существительных на **-jo* и личных местоимений РП=ВП получало свое логическое завершение.

ЛИТЕРАТУРА

Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957.

Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950.

Гадолина М.А. К истории некоторых форм личных и возвратного местоимений в русском языке XIII–XVII вв. // Труды Института языкознания [АН СССР]. М., 1954.

ГрМ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. Подготовил к печати Л.В. Черепнин. М.; Л., 1956.

Дурново Н.Н. Очерк истории русского языка. М.; Л., 1924.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995.

Каштанов С.М. Из истории русских средневековых источников (Акты XI–XVI вв.). М., 1996.

Кравченко П.М. История форм личных местоимений по памятникам древнерусской письменности XI–XIV вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1949.

Кузнецов П.С. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.

Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. По материалам лингвистической географии. М., 1970.

Самійленко С.П. Займенник // Історія української мови. Морфологія. Київ. 1978.

Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. Изд. 4. СПб., 1907.

Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972.

Хабургаев Г.А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.

Шахматов А.А. Историческая морфология русского языка. М., 1957.

Ягич И.В. Критические заметки по истории русского языка // Сб. ОРЯС 1889. Т. 46, № 4.

Meyer K.H. Historische Grammatik der russischen Sprache. I. Bonn, 1923.

Schütz J. Über die Eigenart des enklitischen Pronominalsystems in Altrussischen // Opera Slavica. IV. Göttingen, 1963.

Unbegaun B. La langue russe an XVIe siécle (15)0–1550): La flexion des noms. Paris; 1935.

Vondrák V. Vergleichende slavische Grammatik. Bd. II. Göttingen, 1908.

С.И. Иорданиди

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ НЕКОТОРЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТИПОВ В ИСТОРИИ ЯЗЫКА

(от исходной системы)

Определение понятия "исходная система" применительно к исторической морфологии и словообразованию было предложено Р.И. Аванесовым в 70-е годы, в период подготовки проекта фундаментальной академической "Исторической грамматики русского языка" [ИГ 1982]. В своих построениях Р.И. Аванесов исходил из тесной связи фонетико-фонологической и морфологической систем русского языка в их историческом развитии. К этому постулату Рубен Иванович обращался неоднократно. Так, в одной из своих работ он писал: "... "соседние" уровни системы языка, например, фонология, с одной стороны, и флексия и словообразование – с другой, тесно связаны между собой, что до известной степени обусловливает общность периодизации..." [Аванесов 1976, 7]. Точкой отсчета при такой периодизации оказался рубеж X–XI вв.[1]

[1] Отметим, кстати, что на полях рукописи об именных формах множественного числа, написанной автором данной статьи для академической исторической грамматики (раздел "Имена" по ряду обстоятельств так и не была опубликован), Р.И. Аванесов заметил: "Я себе представляю исходную систему как морфологический рай: там все на месте и еще не произошло мешанины. Даже если реально так не совсем, то удобнее представлять дело именно таким образом – как точку отсчета: тогда виднее будут процессы". Этот принцип построения исходной системы использован в работе [Иорданиди, Крысько 2000, 20–72].

Обстоятельное и четкое описание исходной системы представлено во Введении [ИГ 1982, 5–12], написанном совместно Р.И. Аванесовым и В.И. Ивановым. Авторы отмечают: "Она (исходная система. – *С.И.*) реконструируется вне ее диалектной характеристики и вне ее развития во времени (так как условно приурочена к одной временной точке), но с учетом с и с т е м н о г о (разрядка наша. – *С.И.*) варьирования средств выражения. Она реконструируется как совокупность форм словоизменения и способов словообразования, служащих для выражения определенных грамматических значений". Во Введении подчеркивается непосредственная связь суффиксации (как одного из способов словообразования) с морфологией на том основании, что "определенное суффиксальное оформление производного существительного во многих случаях диктовало его морфологическую принадлежность тому или иному роду и типу склонения, т.е. определяло систему флексий, систему форм словоизменения".

Группировка суффиксов по их морфологическим функциям в исходной системе древнерусского языка была осуществлена в капитальном исследовании Ю.С. Азарх [1984, 10–15]. Автор справедливо полагает, что включение суффикса в исходную систему определяется следующими факторами: данными сравнительно-исторических и этимологических исследований славянских языков; фиксациями дериватов с данным суффиксом в древнерусской письменности XI–XII вв.; принадлежностью образований с данным суффиксом к лексическому фонду восточнославянских языков; существованием имен с данным суффиксом в территориально удаленных и не контактировавших в прошлом говорах русского языка.

Думается, что описание эволюции словообразовательных средств, начиная с исходной системы, окажется продуктивным и при исследовании функциональной нагрузки суффиксов на протяжении истории языка. При этом временно́й разрыв между исходной системой и первыми фиксациями соответствующих словообразовательных средств может быть сокращен. Представляется возможным исходную систему в таком описании приурочить к эпохе, непосредственно предшествующей первым письменным фиксациям древнерусского языка, а не к рубежу X–XI вв.

Исходная система, представляющая собой группировку суффиксов по их функциональной нагрузке, являет собой "идеальный конструкт", отталкиваясь от которого, можно показать преобразование семантической структуры дериватов.

Попытаемся продемонстрировать историю некоторых суффиксов, оформляющих отглагольные имена – от исходной системы до современного состояния.

Эволюция словообразовательной семантики отглагольных nomina actionis характеризуется сложностью процессов, обусловленной многоаспектностью связей производной и производящей основ в различных словообразовательных типах в разные периоды истории языка. Так, например, различные свойства производящих глагольных основ (семантика, структура основы, переходность/непереходность, вид глагола) оказывают влияние на изменения в семантических соотношениях имени и глагола в их историческом развитии. Ориентируясь на *критерий глагольности* [Иорданиди 1998, 144–150], можно представить картину преобразований семантической структуры отглагольных nomina actionis. Уже в древнейших памятниках письменности девербативы со значением процессуальности характеризуются сложностью семантической структуры.

Все возможные виды глагольно-именных семантико-словообразовательных отношений в парах глагол:имя действия для древнерусского периода могут быть представлены в следующем виде: 1. $V–N_V$; 2. $V–N_S$; 3. $V–N_{VS}$, где V – глагол, N_V - сущ. со значением процессуального признака, N_S – сущ. со значением предметности, N_{VS} – сущ., совмещающее в себе значения процессуальности и предметности. Углубление семантической и грамматической противопоставленности имени и глагола, наблюдающееся в истории языка, и двойственная семантико-грамматическая природа отглагольных имен действия стимулировали тенденцию к расширению их семантического объема и развитию предметных значений. Иными словами, в кругу отглагольных имен наряду с чисто транспозиционными появились мутационно-транспозиционные и мутационные словообразовательные значения [Улуханов 1996: 168–170].

Но обратимся к конкретному материалу. Суф. *-тв(а)*[2] восходит к прасл. суф. **-tv(a)*. Исконная принадлежность суф. *-tv(a)* праславянской словообразовательной системе констатируется в этимологических и историко-лингвистических работах. Так, А. Мейе [Meillet 1951: 296] отмечает: "Без присоединения на конце *-s*, но с присоединением на конце *-а* мы имеем суффикс *-тва*, дающий известное количество отглагольных имен типа *молитва* от *молити*, *клятва* от *клясти*, *ръватва* 'разорванное место' от *ръвати* и т.д.". По мнению А. Мейе, высказанному им в другой работе [Meillet 1905: 304], суф. *-тва* не был продуктивным уже в праславянском. Основанием для такого утверждения явился тот факт, что в старославянских текстах с данным суффиксом засвидетельствовано небольшое количество слов. Материалы Старославянского словаря [СС 1994] подтверждают наблюдения А. Мейе о единичности образований на *-тва* в старославянских рукописях. В СС отмечено всего восемь слов этого словообразовательного типа: **жрьтва** (94); **клѧтва** (33); **молитва** (>400); **бритва** (2); **желетва** (2); **паства** (2); **ръватва** (2); **съпаства** (2). Другие имена на *-тв(а)*, отраженные в древнерусских текстах, в старославянской письменности не отмечены, хотя соответствующие глаголы представлены значительным числом употреблений: **класти** (>300); **пити** (184); **кити** (>100); **въздати** (>100); **женити** (23) и менее частотными употреблениями – **орати** (4); **селити** (1). В то же время **ръватва**[3] 'ломота, боль' и **спаства** 'спасение, избавление' (см. [СС]) в древнерусских источниках не зафиксированы.

Наблюдения о происхождении суф. *-tv(a)* и о его функционировании в славянских языках содержатся в работе А. Вайана [Vaillant 1974: 382–385]. Исследователь полагает, что "в славянском *-tva* представляет собой субстантивацию в женском роде тематического суффикса **-tvo*, который равным образом дал в мужском роде *-tvй*, в среднем *-tvo* и отсюда *-stvo*, *-ĭstvo*" ("en slave *-tva* est la substantivation en féminine d'un suffixe thèmatique **-tvo*, qui a donné également un masculine *-tvй*, un neutre *-tvo* et de la *-stvo*, *ĭstvo*").

Семантически неоднородными были уже древнейшие образования на *-тв(а)*, принадлежавшие праславянскому словарному фонду, хотя в древнерус-

---

[2] В статье учтены некоторые материалы и наблюдения И.В. Гореловой (Андриановой) из следующих работ: "Отглагольные существительные с суффиксом *-тв(а)* в древнерусском языке" // Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. М., 1974. С. 233–240 и "Суффиксальные типы имен существительных, параллельные именам действия на *-ник/-тик* в древнерусском языке" / Канд. дисс. (рукопись). М., 1975.

[3] Л. Садник и Р. Айцетмюллер в своем старославянском словаре (см. [Sadnik, Aitzetmüller 1955]) приписывают этой лексеме значение 'разорванное место'.

ской письменности они обнаруживают еще тесную семантическую связь с производящими глаголами.

В самых ранних славянских памятниках три деривата с рассматриваемым формантом выступают исключительно с предметным значением 'носитель процессуального признака': ***britva*** 'нож, бритва', ***čuvitva*** 'орган чувств' и **хранитва** 'предохранительная навязь'.

Так, *бритва* (из ***britva*** от (***briti(sę)***) как nomina instrumenti предстает в старославянских и древнерусских текстах: ѣко бр҃ітва изоштрена сътворилъ єсі лесть Пс 51, 4 Син; Супр 426, 7 [СС]; [язык] ꙗко *бритва* изъострена ГБ к. XIV, 43б. В СДРЯ выделен также оттенок значения 'острие': іли разорити законъ во тъ д҃нь. илі прославитисѧ. и ꙗко при *бритвѣ* вещи стоꙗху тогда. (επὶ ξυροῦ). ГБ к. XIV, 140в. По-видимому, отмеченное в словенском языке сущ. **brîtva** со значением 'бритье, действие по глаголу briti(sę)', (см. [Sławski 1974, I: 381]), свидетельствует о том, что, возможно, первоначально этот дериват выступал как nomina actionis.

Зафиксированное в ПА XI в. сущ. **чувитва** 'орган чувств' [Срезн., III: 1544] (Аще бо начнемъ тепло заповѣди Бж҃ыꙗ съдѣвати, то всѧ нашѧ къ томоу *чвитвы* чⷪвьствомъ просвѣтѧщи благодѣть нашѧ... насъ приготоваеть (αἰσθήσει) 251в) реконструировано в ЭССЯ [1974: 4, 137] как прасл. образование **čuvitva /čuvitvo** от **čuviti**, каузатива на *-iti* от ***čuti**. Иная точка зрения представлена в исследовании А. Вайана [Vaillant 1974, 381], который полагает, что образование **čuvitva* "... должно быть, ошибка – вместо **čuvitvo* 'орган чувств'" ("... doit n'être qu'une faut pour *čuvitvo* 'organe des sens'")[4].

Что касается сущ. **хранитва** (ꙗко не достоить сщ҃никомъ... творити рекомыꙗ *хранитвы*, ꙗже соуть съоузы дш҃ьны(х) (φυλαχτήρια) Уст. крм. Іо. Схол. Л. 39 [Срезн.: III, 1400]), то оно, вероятно, может быть отнесено к группе существительных – восточнославянских рефлексов праславянских образований на **-tv(a)*.

Большая часть девербативов с суф. *-тв(а)*, зафиксированных в древнерусской письменности, по данным этимологических исследований и материалам древнерусского и других славянских языков, принадлежит праславянскому словарному фонду. Помимо уже отмеченных, сюда относятся следующие дериваты:

**bitva* (?) от **biti*, ст.-рус. *битва* 'бой, битва, сражение';
**gonitva* от **goniti (sę)*, др.-рус. *гонитва* 'преследование, погоня';
**gostitva* от **gostiti*, др.-рус. *гоститва* 'пиршество, угощение';
**žatva* от **žati*, др.-рус. *жатва* 'жатва, уборка хлебных злаков';
**ženitva* от *ženiti(sę)*, др.-рус. *женитва* 'женитьба, брак';
**žrъtva* от *žrъti*, др.-рус. *жьртва* 'жертвоприношение';
**klętva* от **klęti(sę)*, др.-рус. *клѧтва* 'проклятие';
**kolitva* от **koliti*, др.-рус. *колитва* 'заклание';
**lovitva* от **loviti*, др.-рус. *ловитва* 'охота, ловля';
**modlitva* от **modliti(sę)*, др.-рус. *молитва* 'мольба, просьба, моление';
**mytva* от **myti (sę)*, др.-рус. *мытва* 'мытье'.

Ф. Миклошич [1875, 178] полагает, что к числу старославянских и церковнославянских образований на **-тва** относится несколько имен: **желѣтва,**

[4] Заметим, что в "Словаре из Пандекта Антиоха XI века" [Амфилохий 1880, 163] в качестве заглавного слова в исходной форме представлено чⷪвитво.

кꙑздатва, колитва, оратва, пиритва, питва. Из этого списка, в соответствии с данными ЭССЯ [1983 10, 137], должно быть исключено сущ. **колитва.** Согласно наблюдениям Ж.Ж. Варбот [1969, 129], предположительно старославянизмами являются пары образований **ратва–оратва** и **сѣтва–сѣятва** от глаголов с корнями **or-* 'пахать' и **sę-* 'сеять'. Эти пары представляют собой "хронологически различные образования", вторые члены которых возникли в результате утраты старых корневых инфинитивов **rati* и **sěti*, что обусловило "обновление сохранявших этимологическую прозрачность имен, образованных от корней, путем замены корневой основы основой суффиксальной, на *-a*". Что касается пары *ꙗства* и *ѣства* – синхронно нетождественных лексических единиц, то одно из них – ѣства – должно быть отнесено, вероятно, к группе существительных – восточнославянских рефлексов праславянских образований на *-tva*. Такого же происхождения, по-видимому, сущ. *прѣтва*, *селитва* и уже упомянутое сущ. *хранитва,* отмеченные в церковно-книжных памятниках древнерусского периода.

Мотивированные глаголами имена жен. рода с суф. *-тв(а)* в древнерусских памятниках составляют словообразовательный тип, в котором представлен весь комплекс значений, реализующихся в эволюции глагольно-именных словообразовательных отношений. Конкретно-предметные значения (N_S), как уже говорилось, представлены в лексемах **бритва, хранитва, чувитва.** Более широкий спектр значений представлен в именах **жатва, жьртва, клѧтва, молитва, паства, ѣства** (они относятся к N_{VS}). Наиболее частотное существительное – **клѧтва** – демонстрирует четко выраженную тенденцию к утрате процессуального признака. В современном языке – это только 'слова клятвы, присяга, торжественное обещание'. Сохраняющие тесную связь с глаголом имена **гонитва, мытва, пиритва, питва** и нек. др. обозначают опредмеченное действие (т.е. действие по глаголу – N_V).

Исследователи констатируют регулярную полисемию слов-транспозитов, т.е. возможность выражать ими, кроме общего, и частные словообразовательные значения [РГ 1980, 136]. Иначе говоря, отглагольные имена действия могут выступать не только как транспозиционые, но и как мутационные образования. Существительные с суф. *-тв(а)*, зафиксированные в древнерусской письменности, выступают с мутационным словообразовательным значением в следующих случаях:

Жатва – от глагола **жати** – 'время жатвы' (моравии в *жатву* пищю готѡвить. і довѡлно житницю си наложить. МПр XIV$_2$, 32 об.-33); 'поле, готовое к жатве' (иѡанъ на *жатвѣ*. слыша гл҃щю брату ближнему своѥму съ гнѣвомъ и гл҃щю вѣмь или ты. и ѡставле *жатву* бѣжа. (εἰς τὸ θέρος ... τὸν θερισμόν)) ПНЧ к. XIV, 147б; 'собранный хлеб' (то же лѣ(т) бы(с) поводь велика в Галичи... и многы чл҃вкы снимаху съ древъ. и кола. иже бѣ вода възметала. много же инии потопе. и бы(с) в ни(х) *жатва* дорога. рамѧно на ту зиму. ЛИ ок. 1425, 187); 'лето' (и вселѣтнаѧ времена · д҃· по · г҃· -мъ же м(с)цемъ имоуще чтоуть(с), изгл҃ѣтьсѧ чисмѧ ихъ весна, *жатва*, ѡсень, зима ГА XIV$_1$, 65г).

Жьртва – от глагола **жьрти** 'то, что приносится в жертву' (дарова намъ б҃ъ различьны *жрьтвы* въ отъпоуштениѥ грѣховъ. Изб 1076, 210–210 об.; суньклитъ именемь претериъіи. имѧше дщерь хотѧще ю пострищи в монастыри. *ж(е)ртву* живу въздати б҃у ПрЮр XIV$_2$, 206б; и вздати за бл҃гаѧ житьѧ *жертву* бооугодноу. (θυσίαν) ФСт XIV/XV, 205б).

Клѧтва – от глагола **клѧти** ‘слова клятва’ (Имаши петра иже рабѣ въпрашѧюшти ѡ оучители отъврьже съ клѧтвою незнаѥма ѥго сътвори Изб 1076, 201; Кльноущаѥсѧ *клѧтвами* елиньскаѥми. канони въ запрѣщениѥ вълагаютъ. (ὅρχους) КЕ XII, 67а; и призвавъши х(с)олюбива чловѣка рода моѥго. и заклѧхъ и страшными *клѧтвами*. продати домъ мои и села дати нищимъ. ПрЛ 1282, 11в); ‘присяга’ (аще ли же кто... ли х(с)ѥѭнъ или не х(с)ѥѭнъ. преступить се еже есть писано на харатьи сеи... да будеть клѧтъ ѡ(т) Бѫ и ѡ(т) Перуна. ѩко преступи свою *клѧтву*. ЛЛ 1377, 14); ‘завещание’ (и помолившюсѧ ему. рекъ сице даю цр҃кви сеи сѵ̑еи Бц҃и. ѿ̑ имѣньи моего и ѿ̑ градъ моихъ десѧтую часть. и положи написавъ ***клѧтву*** въ цр҃кви сеи ре(к). аще кто сего посудить да буде(т) проклѧтъ. ЛЛ 1377, 43).

Ловитва – от глагола **ловити** ‘ловушка’ (лаѩ бо льстивыи львъ въ оградѣ своѥи. и лѧчеть намъ сѣти и *ловитвы*. СбТр XII/XIII, 156б); ‘добыча, улов’ (блг(с)нъ Г(с)ь иже не дасть на(с) в *ловитву* зубомъ ихъ ЛЛ 1377, 41 об.); ‘вид игры или состязания’ (аще ѡ(т) нихъ кто играеть или плѧсаниѩ творить... и на відѣние чл҃вкы събираеть. или *ловитвамъ* прележить. таковыѩ ѡ(т)лоучаеть. КР 1284, 154в).

Молитва – от глагола **молити** ‘слово, обращенное к богу; молитва, моление’ (иде же бл҃женни *молитву* творѧше ЖФП XII, 38в; Сицева ти бѣ блаженаго оц҃ѧ нашего Ѳеодосия *молитва* ѥже къ бу̑ о стадѣ своѥмь и о мѣстѣ томь 5бв).

Паства – от глагола **пасти** ‘пастбище’ (и водоноснаго осла на *паству* изодѧ и въводѧ Пр 1383, 5б; телци же тучными ѡ(т) *паствъ* (βουχολίων) ГБ к. XIV, 102б); ‘стадо’ (и вълкы ѡ(т) *паствы* изъгна (τῆς ποίμνης) КЕ XII, 263б; перен. ‘духовное стадо, паства’ – понеже оубодѣ(т) долженъ ѥсмь васъ пасти и оушти. порученую *паству*. СбУв XIV_2, 64 об.).

Селитва – от глагола **селити** – ‘жилище, поселение’ (Бысъ... мнихъ в пустыни же нѣкоеи. сенаридьскыѩ землѧ *селитву* творѧ рекше жи(ли)ще ЖВИ XIV–XV, 20б-в).

Ѣства – от глагола **ѣсти** ‘пища’ (ли любо ратникъ. ли лакомъ на *ѣству*. ли многосонливъ. на тело и на мирьское сверѣпѧсѧ ѩко скотъ ли пакы же похотливъ. наоучаюсѧ на преданиѥ душю свою. ФСт XIV/XV, 100а-б).

Ѩства – от глагола **ѩсти** – ‘пища, еда’ (ѿ̑вьрзисѧ пиѩньства, а не питиѩ, ѿ̑вьрзисѧ обьѧденьѧ, а не ѩствы Сбор. Поуч. Мус.-Пушк. XIV в. [Срезн.]).

Особенности функционирования описываемых образований в письменности древнерусского периода различной жанровой отнесенности позволяют утверждать, что сущ. с суф. *-тв(а)* не были связаны с системой языка повседневного общения, оставаясь в рамках системы церковно-книжных традиций. Данные летописей, характеризующихся структурным разнообразием языка, подтверждают этот вывод.

Тем не менее, подытоживая все изложенное, мы можем констатировать, что суф. *-тв(а)* принадлежал исходной системе древнерусского языка. Об этом свидетельствуют данные этимологии, сравнительно-исторических грамматик, древнерусские и восточнославянские материалы, и уже в этой системе мог выражать разные виды словообразовательных значений. Фактический материал показывает, что на протяжении древнерусского периода у образований на *-тв(а)* наблюдалось ослабление значения процессуальности и развитие конкретнопредметных (в широком смысле) значений.

В старорусской письменности представлены все дериваты на *-тв(а)*, отмеченные в древнерусских текстах (за исключением слов с транспозиционным значением – **въздатва, губитва, мытва, прѣтва** и мутационных образований **хранитва** и **чувитва**). Новообразованием старорусского периода можно считать, по-видимому, сущ. **нятва** 'плен, неволя', мотивированное глаголом **ити, иму** с протетическим *н-*. Однако это сущ. является чистым транспозитом.

Потеря глагольности в кругу nomina actionis в старорусском языке предстает не как жестко детерминированный процесс: факты свидетельствуют о том, что существительные в ряде случаев совмещают значение действия с конкретно-предметными значениями. Так, сущ. **ѣства,** по данным старорусских источников, выступает не только как nomina actionis, но и как мутационное образование. В СлРЯ XI–XVII вв., например, выделяются следующие конкретно-предметные значения: 1. То, что едят, пища (А *ѣства* же их плоха... а ядят брынець, да кичири с масломъ, да травы разныя ядят. Х. Афан. Никит., 19. XV–XVI в.; [хлеб] не подобаеть кь *ѣствѣ* точию работающимъ людемъ. аще же долго в печи будетъ и ѡнъ перепечется Назиратель XVI, 186); 2. Кушанье, блюдо (А на братью, государь, во все лето и во всю осень, блши трехъ *ѣствъ* николи не бывало, шти да четвертымъ звено рыбы да каша. АИ II, 283. 1609 г.).

Несколько значений обнаруживает сущ. **паства**: 1. Пастбище, угодья для пастьбы скота (У нашие деревни Холмовские паственые городь розсѣкли... а выпустили у насъ исъ *пастьы* деветеро коней. АХУ II, 570. 1606 г.); 2. Епархия, монастырь по отношению к епископу, игумену (Они же архиереи во своихъ *пастваxъ* велятъ служить по новымъ Служебникамъ съ великимъ запрещениемъ (Росп. Каз.) Суб. Мат. IV, 181, 1666 г.); 3. Стадо, преимущ. овцы (также образно) (На томъ мѣстѣ во время пречистаго рождества Христова пастырие бяху въ ночь и стражаху *паству* свою. Арс. Сух. Проскинитарий, 173. 1653 г.); 4. Верующие по отношению к своему епископу, священнику (И ты и протчии... священницы... *о пастваx* своих небрежете. Гр. Сиб. Милл. II, 278. 1622 г.).

Сравнительное исследование древнерусской и старорусской письменности дает возможность заключить, что семантическая структура дериватов на *-тв(а)*, засвидетельствованных в источниках XI–XIV и XV–XVII вв., в части случаев совпадает. Вместе с тем обнаруживается тенденция к ослаблению и утрате процессуального признака, в соответствии с тенденцией к снижению глагольности, действующей в истории nomina actionis. Процесс опредмечивания, конкретизации значения протекает как вытеснение на периферийные позиции транспозиционного значения действия. Так, у сущ. **паства** все более актуализируется значение 'верующие по отношению к своему священнику, епископу'. **Паства** со значением 'пастьба, пасение' в письменности старорусского периода фиксируется в единичных случаях. Аналогичная трансформация значений наблюдается в истории слова **клятва.** В древнерусских источниках первичное значение 'проклятие, пожелание зла' представлено значительным массивом примеров в различных по характеру текстах – Изб 1076, СбТр XII/XIII, КР 1284, ГА XIV_1, Ев 1355, МПр XIV_2 и мн. др. Старорусская письменность демонстрирует преимущественное употребление этого существительного в значении 'присяга, обет'. Движение по пути "опредмечивания" отмечается у сущ. **питва,** выступающего в старорусских источниках в значении 'хмельной напиток' и 'пир, торжество с обильными хмельными напитками' (Азъ гроздиа винограда порѣзая и сия в точилехъ угнѣтая и творю *питву* и вино сладко всѣм (Астрол.) П. отреч. II. 403.

XVI в.; И рече Есфирь... да бы пришелъ цѣрь Аманомъ днес⟨ь⟩ на *питву*, еже быхъ створили ему. Кн. Есф., 149. XIV–XV вв.).

Образования на *-тв(а)* в старорусский период фиксируются преимущественно в письменности, ориентированной на книжно-письменный тип языка. В памятниках народно-разговорного типа языка этого периода – бытовых и др. деловых документах – девербативы с суф. *-тв(а)* почти не получили отражения. Непродуктивность этой модели в летописях и деловых документах XV–XVII вв. отмечает Ю.С. Азарх [1984, 192].

В истории существительных с суф. *-тв(а)* прослеживаются особенности, свойственные и другим словообразовательным типам. Прежде всего – и это главное – наблюдается все дальше идущее ослабление связи существительного с мотивирующим глаголом и, как следствие – ослабление процессуального признака у производного слова или его утрата. Что касается чистых мутационных образований (**бритва, хранитва, чувитва**), то их семантическая трансформация осуществилась, вероятно, еще в дописьменный период.

Диалектный язык также демонстрирует развитие предметных значений и значения лица у сущ. на *-тв(а)*: **битва** ‘бойкий ребенок’, арх.; **бритва** ‘рыба, причисляемая к роду сельдей’; **жатва** ‘солома, оставшаяся после жатвы на корню’ и др.

Таким образом, представляется правомерным вывод о том, что изменения в семантической структуре образований на *-тв(а)* связан с общим противопоставлением имени глаголу, отчетливо проявляющимся в процессе исторического развития языка.

Что касается стилистической ориентации описываемой лексики, то церковно-книжная маркированность некоторой ее части, обнаруживающаяся в древне- и старорусский периоды, нейтрализуется на протяжении XVII–XVIII вв. Такие существительные, как **бритва, жатва, женитва,** согласно теории “трех штилей”, тяготеют к “среднему” стилю или нейтральной лексике. В то же время образования **клятва, молитва, паства, яства** относятся к “высокому” стилю, т.е. к книжной лексике (см. СлРЯ XVIII в. и др. словари этого периода.).

О бытовании исследуемых образований в русских говорах можно сказать следующее. Так, в СРНГ отмечены такие имена на *-тв(а)* с мутационным значением, как: **бритва** (‘большой острый широкий нож для очистки кожи’ и ‘рыба, к роду сельдей причисляемая’ [без указ. места]); **е́дства** ‘еда, кушанье’, **питства** ‘то, что пьют’ (Так и спасибо, моя родитель-матушка, за хлеб, за соль и за все *едству, питству* сахарную. каргоп. олон. Ильинский, 1896); **ества** и **яства** ‘яство, еда, кушанье’ волог., арх. яросл., костром., смол., псков., орл., казан., вят., перм., свердл., сиб., тюмен., печер.; **жатва** ‘солома, оставшаяся после жатвы на корню, стерня’ (Старик на это согласился, снял пшеницу, а медведю оставил *жатву*, пск.); **жертва** ‘плоды, животные и т.п., приносимые в церковь для освящения’ вят., 1907); ‘еда’ (А котора птица какую *жертву* ела, она кости оставила. арх., вят.); **жни́тва́** ‘время жатвы’ псков., твер., курск., орл., смол.; ‘место, где жнут или которое уже сжали’ псков., новг., сред. урал.; ‘солома, собираемая в поле после перевозки хлеба’ ворон.; ‘скошенная рожь’ липецк.; **жра́тва** ‘обжора’ (обычно бранно) моск., курск., ворон., смол.; **па́ства** ‘ночное’ (Ездили на *паству*, коней пасли. пск., 1965); ‘выгон, пастбище’ (*Паствы* у нас хорошие, трав много. сарат., 1960); ‘плата пастуху за пастьбу’ дон., 1929; **конопа́ства** ‘ме-

сто, где пасутся лошади' псков., твер. 1855; **молитва** 'текст заговора' забайк. 1925; 'охранительный заговор молодым на свадьбе или скоту от зверей' волог. 1970; 'неприличные стихи, которые читают при игре "в лошадь" костром., 1917.

Распространенность девербативов на *-тв(а)* в русских говорах (даже в более широком репертуаре, чем в литературном языке) следует отнести в какой-то мере к влиянию книжного языка: книжные формы не были чужды и разговорному языку, послужившему источником проникновения словообразовательной модели на *-тв(а)* в диалектный язык. Рассмотренные инновационные образования свидетельствуют об активности словообразовательного типа на *-тв(а)* в русских говорах.

Проведенный в статье диахронический анализ семантической структуры образований на *-тв(а)* показал, что эта структура не остается неизменной и предстает как развивающееся явление во времени и пространстве. Основные этапы этого развития – от исходной системы до современного состояния – демонстрируют расширение позиций мутационного словообразовательного значения.

Функциональная нагрузка суффиксов с первичным мутационным словообразовательным значением также претерпевает определенные изменения на протяжении истории языка сравнительно с исходной системой. Попытаемся показать это на примере одного из произвольно выбранных суффиксов – *-ун*.

Существительные с суффиксом *-ун* (в древнерусском *-унъ*) имеют общее словообразовательное значение "носитель процессуального признака, названного мотивирующим глаголом". В письменности древнерусского периода с этим значением фиксируются только nomina agentis. В последующий период суффикс *-унъ* выступает в словах – названиях животных – производителей действия (*бодун, грызун, пискун, ревун, скакун*), названий орудий действия и частей механизмов.

Вопрос о наличии в древнерусском языке особого суффикса *-тунъ* (*-ун* с предшествующим "расширителем"*-т*) решается по-разному. Этот суффикс (помеченный знаком вопроса) выделяется Ж.Ж. Варбот в единичном образовании *пѣстунъ*, которое, по ее мнению, может быть возведено к глаголу *питѣти*, ср. арханг. *петиться* 'силиться, усиливаться' [Варбот 1969, 90]. Ф. Славский, напротив, полагает, что мотивированное глаголом **pěstiti* 'opiekować się, pięlęgnować' псл. **pěstunъ* 'opiekun, piastun' образовано с помощью суффикса **-unъ* [Sławski 1974, 134]. В специально посвященной этой проблеме статье "Об этимологии праслав. **pěstovati, *pěstunъ*" Ж.Ж. Варбот [1994, 135–139] пересматривает свои ранние построения и в качестве исходных для дальнейших выкладок использует выводы Ф. Славского. Сопоставление структур однокоренных *-a-*, *-i-*, *-ova-* глагольных основ (**pěstati, *pěstiti, *pěstovati*), по мнению Ж.Ж. Варбот, "наводит на мысль о вероятности для всей глагольной группы отыменного происхождения". Таким образом, для праслав. **pěstunъ* автор предполагает двойную – именную и глагольную мотивацию: **pěstъ – *pěstiti – *pěstunъ* (как и **bĕgъ – *bĕgti – *bĕgunъ*; **klikъ – *klikti – *klikunъ* и т.д.), что не лишено оснований.

Древнерусский суффикс *-унъ* относится к числу формантов, унаследованных из праславянской эпохи. Так, по данным М. Фасмера [III, 251], образование *пестун* представлено во всех славянских языках (рус. 'воспитатель', 'медведь,

который ходит со своим детенышем' вятск., арх. 'пестовать, нянчить', укр. *пістун, пістувати,* блр. *пестýн, пестовáць*, др.-рус, ст.-сл. **пѣстоунъ**, словен. *pestûn* 'воспитатель', чеш. *pěstoun*, словц. *pestún*, польск. *piaston* 'служитель, сиделец'). Ф. Славский [Sławski 1974, I, 226–227] приводит следующие материалы по функционированию сущ. *бѣгунъ* в славянских языках: рус. *бегун* 'бегун', 'мельничный жернов'; польск., ст.- польск. *biegun* 'гонец', 'ось на которой вращается дверь'; чешск. *běhoun* 'бегун', 'мальчик на посылках, гонец'; блр. *бягун* 'быстро бегающий, избегающий всякую работу'; словен. *begûn* 'убегающий, дезертир', болг. *бегун* 'бегун' и т.д.

Наиболее ранние примеры nomina agentis с суффиксом *-унъ* представлены в древнерусских письменных памятниках XI–XIV вв. Древнерусский материал (КДРС XI–XIV вв., Сл XI–XVII вв., новгородские берестяные грамоты) демонстрирует всего 3 лексемы на *-унъ*:

Бѣгоунъ (13) –'действующее лицо по глаголу **бѣгати**', 'беглец, убегающий': ꙗко же се бы кто *бѣгоуни* Изб 1073, 240 [Срезн. I, 213]; *Бѣгоуни* нбс҃ныи и рабе зълыи нѥ имаши власти на насъ ПА XI, 67 [Там же]; въ нощи же нозѣ его ꙗко нѣкоѥго бѣгона [вм. бѣгоуна] къ дрѣвоу привлзывающе. (δραπέτην) ЖФСт к. XII, 138; ꙗко нѣции бѣгоуни ранами же и ꙗзвами ничтоже ѡбычаю створити могоуще. (δραπέτην) ГА XIV_1, 163а; из нея ишедъшеи бѣси блуднии на сего нападоша. х(с)въ же доблии воинъ ... мл҃твами к нему вооружив(ъ)сѧ и постомъ. страхомъ б҃иимъ оградивъ плоть свою. *бѣгуны* ꙗ створи. (δραπέτην) ПНЧ к. XIV, 186а; в пустынѧхъ ꙗко же нѣции *бѣгоуни* вселшесѧ. лишаеми ѡскорбл(ѧ)еми ѡзлобляемн. в пустынѧхъ заблужающе ЖВИ XIV–XV, 50б.

Вѣдоунъ (1) – 'прорицатель, колдун' от гл. **вѣдѣти, вѣсти:** в сост. им. личн. – серицѧ сава *ведуно* ГрБ № 378 (XIII_2) (ср. *вѣдоуниꙗ* 'ведунья, колдунья' [Крысько 1998: 185] – створи чревоволшвеникы, и *вѣдоуниꙗ* [в др. сп. вѣдѣніа, видѣніа] оумножи, и глѣми волхвоваше и на птица смотреникѥ. (γνώστας ГА XIV_1, 180в);

Пѣстоунъ (12) – 'воспитатель, опекун' и 'руководитель, наставник, вдохновитель' от гл. **пѣстити**: въпроси модеста *пѣстоуна* ѥго СбУ XII/XIII, 127б; прѣстави к немоу *пестоуна* съ слоугами да ходѧть с нимь ПрЛ 1282, 68в; дѣтиць *пѣстуна* требуꙗ ГБ к. XIV, 205б; *пѣстуны* ѥму и слуги приставивъ оуны възрастомъ и ѡбразомъ красны. (παιδαγωγούς) ЖВИ XIV–XV, 11в; *пѣстоунь* – то же, что *пѣстоунъ:* ꙗко се *пѣстоунь* вземъ дѣтиць преже по малу оучить и. тако и б҃ъ на(с) малыми оучить бѣдами. таче болшими аще не накажаемсѧ ГБ к. XIV, 111в.

Хотя образования с суффиксом *-унъ* в древнерусских текстах представлены всего несколькими лексемами, дальнейшая история языка позволяет сделать заключение о потенциальной продуктивности рассматриваемого форманта.

В старорусский период словообразовательный тип с суф. *-ун* пополняется рядом новых образований. Так, по данным СлРЯ XI–XVII вв. и его Картотеки, в старорусских текстах, помимо уже отмеченных, выступают нижеследующие лексемы.

Болтунъ – 'бесплодное яйцо птицы', 'болтливый человек'. В первом значении: А на яицахъ тѣ птицы [страусы] не сидятъ, а водятъ дѣти такъ: какъ положитъ яицо и отщетъ сажень да на яицо смотритъ прилежно, а на сторону не смотритъ, ни мигнетъ, да толко ей кто не помѣшаетъ, и она выглядитъ цапля; а кто ей помѣшаетъ... и она погрѣшитъ въ томъ яицы: будетъ *болтунъ*. Х. Тр.

Короб., 69. XVII в. ~ 1594 г. Во втором значении: И те третие сказали... толко де мы и слышали у тово Демки: назвал он того ивашка *болтуномъ*, а инои браши у нег⟨о⟩ никоторои не слыхали. Якут. А., карт. 5, № 15. 1664 г.

Кликунъ – ‘тот, кто громко кричит, возмущаясь кем-л., нападая на кого-л. или призывая к нападению; крикун’; ‘тот, кто громко кричит, прося подаяния или будучи больным истерией’; ‘тот, кто объявляет всенародно о чем-л., глашатай’ от глагола **кликати** ‘громко кричать, вопить’. В первом значении: И восташа игумны и священники, и большие всѣ людие, и бояре на Тимошку и на иных *кликунов*, на семи человекъ, и побиша их камением, и всех менших людеи называючи *кликунами* и неповинных. Псков. лет. II, 273. Во втором значении: А московским городцким нищим – *кликуном* безчестия 8 алтын. Суд. Фед. Ив. (пр.), 384. 1589 г. В третьем значении: тако же царь *кликуну* повелел кликати по всему граду, – кто бы сына его наказал жива или мертва, и многи дары сулит и жалование. Сл. о куп. и сыне, 328. XVII в.

Колдунъ – ‘колдун’ от глагола **колдовати** ‘колдовать’: будеши на свадбѣ и в пиру или в бѣсѣдѣ ино с тѣмъ кореniемъ не может тебя никакой *колдун* или еретик никакою порчею испортити. Росп. травам, 220. XVII в.; Огради меня ризою своею от *колдуна*. Заговоры Олон., 486. XVII в.

Крикунъ – ‘тот, кто громко кричит, крикун (как кличка коня, отличающегося громким ржанием)’ от глагола **кричати:** Из Астожья: аргамакъ темносѣр, грива направо, прозвище *Крикун*, семи лѣт. Росп. лошадей,139. 1666 г.

Опекунъ – ‘опекун’ от глагола **опекати** ‘покровительствовать, заступаться, опекать’: Кто слышалъ или кто видѣлъ отъ вѣка, волка о стража овцамъ поставляти и ядовитого аспида дѣткамъ *опекуна* вътворити? Курб. Пис., 464. XVII в. ~ XVI в.; А король де свицкой отдалъ сына своего польскому королю въ *опекуны* до того, какъ возрастетъ. АМГ III. 85. 1660 г.

Ползунъ – ‘тот, кто передвигается ползком’ от глагола **ползти:** Дияконъ младъ с кадилом, а инии со свѣщами, и два нищихъ лежат *ползуны* у ногъ народа, а зрятъ вверхъ на Николы. Подлинник ик., 101. XVII в.

Рыскунъ –‘тот, кто рыщет, бегает в поисках добычи’ от глагола **рыскати** ‘бегать, быстро ходить, носиться, кидаясь туда и сюда’: Звѣрю черному и сѣрому и *рыскуну*. Заговоры Олон., 496. XVII в. и ряд других: **сосунъ** (в составе имени собственного), **форсунъ, хвастунъ, хрипунъ, щелкунъ, щебетунъ** и нек. др. Приведенный материал со всей очевидностью демонстрирует, что с помощью суффикса *-унъ* производятся наименования лиц мужского пола по процессуальному признаку. Девербативам с этим формантом присущ модификационный оттенок полноты проявления, интенсивности признака (см. [Азарх 1984: 83]).

Неличные сущ. с суф. *-ун* появляются, начиная с XV в. Помимо уже отмеченного *болтунъ* ‘бесплодное яйцо’, деловые памятники старорусского периода представляют такие девербативы с неличным значением, как **глездунъ** ‘вид дверного засова’ (по-видимому, от глагола **гле́дать** ‘скользить’, новг., пск., Даль – Куплено:... четыре замка *глездуны*. ДТП III, 1669 г. , 1170; Подъ... церковью трапеза каменная; ... у трапезы колоды и двери деревянныя съ замкомъ, замокъ *глездунъ*. Кн. прих.-расх. Бог. М., 254. 1689 г.); **падунъ** ‘проток между двумя водоемами, приток, ручей’, ‘водопад, порог’ (от глагола **падати** – Да отъ ихъ пожни на озерѣ на Лосте и исток в рѣцѣ в Лостѣ, ис това ж⟨е⟩ озера *падун(ы)* рѣчки малые в ту же рѣку в Лосту. АСВР III. 288, ок. 1462–1480 гг.; И кто изъ

нихъ сверхъ прежняго оброку болши наддастъ, тому тотъ печерской *падунъ* рѣку Щугоръ и рыбные ловли и отдать. ДАИ VIII, 322. 1681 г.; Прошли есмя межу... прямо на Тетеривиной мохъ, на островокъ, на Шали рѣки *падунъ*, отъ *падуна* на Кополматку посереди Гриховны нивы. АЮ, 164. 1505 г.).; **топтунъ** 'вид обуви' АХУ III, 1632 г., 129 (от глагола **топтати**), а также **ходунъ** 'маятник в часах' и нек. др. Таким образом, можно сделать вывод об ослаблении и нейтрализации у сущ. с суф. *-ун* значения действующего лица и вытеснение его предметным значением.

Небольшая группа слов выступает в качестве названий растения: **блискунъ, блѣскунъ** 'мак', μηχων, papaver [Срезн., I: 115]; **колунъ** 'растение' (от глагола **колоти**) – Трава имя ей *колунъ*, цвѣтъ на ней бѣлъ, горковата, ростетъ при водахъ во всякихъ мѣстахъ. ДАИ VI, 361. 1674 г. (ср. *колун* 'колючее растение' новг., черепов. СРНГ); **плакунъ** 'многолетнее плакучее растение' (от глагола **плакати**) – [Попъ и дьяк] крестиянину дали крест телник древо *плакун*, да на кресте том вырезан сором женской да мужской. Геннадий. Посл. Нифонту, 313. XVI в. ~ 1488 г.; **скрипунъ** 'одно из названий лекарственного растения семейства толстянковых (др. названия: живая трава, живучка, заячья капуста, котовник, молодило, узик) (от глагола **скрипати, скрыпати**) – Трава *скрыпунъ*, и котовы яйца ту жъ зовутъ, цветъ багровъ с вишнева, мелко, что семечко, на верху что шапка у дятлевины красные и поболе. Леч. II, гл. 109. XVIII в. XVII–XVIII вв.

Еще больше пополняется список лексем на *-ун* в XVIII в. По данным словарей этого периода, формант *-ун* используется как для образований, в основе которых лежит процессуальный признак, так и для образований с процессуально-оценочным значением: **брезгун** 'тот, кто брезгует', **бормотун** 'тот, кто бормочет, говорит скоро и невнятно', **вѣщунъ** 'предсказатель, прорицатель', **визгун** 'визгливый ребенок (или животное)', **воркун** и **воркотун** 'любитель ворковать (о голубях)' и 'ворчун, брюзга'; **говорун** 'тот, кто любит поговорить', а также **грызун, дергун, драчун, игрун** и мн. др.

Слова с процессуально-оценочным значением занимают основное место в списке лексем на *-ун* в современном русском языке. Сейчас насчитывается более 100 слов с рассматриваемым формантом (кроме уже перечисленных это **брехун, вертун, ворчун, врун, гаркун, гоготун, грызун, драчун, дрызгун, колун 'топор', копун, кряхтун, лгун, лепетун, лопотун, лизун, молчун, моргун, несун, орун, пачкун, певун, пискун, писун, плывун, плясун, полоскун, ревун, скакун, слепун, сморкун, стрекотун, стряпун, таскун, толкун, топтун, трясун, фыркун, хлопотун, хохотун, хрипун, цапун, шалун, шатун, шептун, шипун**) и др. (см. [Зализняк 1977, 506–507].

Свидетельством активности рассматриваемого форманта служат показания диалектного языка, где образования с суф. *-ун* весьма многочисленны. Так, по данным Обратного словника к СРНГ [Reverse Index, 1991], здесь представлены такие отглагольные образования с суф. *-ун* (некоторые из них известны с XVIII в. и более раннего периода), как: **зевун, клевун, ливун, визгун, брызгун, лязгун, мигун, могун, дергун, лягун, кладун, крадун, едун, ездун, лебездун, бродун, глядун, лазун, мазун, егозун, гавкун, пекун, вякун, звякун, калякун, бирун, орун, говорун, озорун, зырун, нырун, летун, брезготун, колготун, горготун, брякотун, глотун, вертун, крехтун, кряхтун, махун, брехун, мяун** и мн. др. Фактический материал, фигурирующий, например, в [Опыт], отражает следующе лексемы: **стригунъ** 'тот, кто стрижет'. Нанять *стригуновъ* для стрижки овецъ. Кур., новг.; 'человек с ко-

ротко остриженною головою'. Тамб.; 'годовой остриженный жеребенокъ'. Кур.; **тягунъ** 'спорщикъ'. Тул.; **торохтунъ** (от глагола **торохнуть** 'сильно ударить') 'сухая рыба, продаваемая связками'. Кур.; **текунъ** 'то, что вытекает или высыпается'. Мак *текунъ*. Песокъ *текунъ*. Псков.; **сѣдунъ** 'лишенный употребления ногъ'. Илья Муромецъ *сѣдуномъ* сидитъ. Сказка про Илью Муромца. Арханг.; **ходунъ** 'человек, неутомимый в ходьбе, легкий на ногу'. Новг., 'дрожжи'. Нижегород.; **харпунъ** 'тот, кто храпит'. Новг.; **хазунъ** (от глагола **хазить** 'гулять без расчета, сорить деньгами', 'щеголять, модничать', 'поступать гордо, нахально') 'надменный, чванливый человек'. Перм.; **шеметунъ** (от глагола **шеметать** 'хлопотать, суетиться большею частию по пустякам') 'хлопотунъ'. Псков.; **шатунъ** 'лошадь, отбежавшая от хозяина и бродящая где-л. по лесам'. Арх., 'медведь, не ложащийся долго осенью в берлогу'. Вят., Камч.; 'бродяга, шатающийся без дела'. Сибир.; 'нечистый дух, дьявол'. Новг.; **шаркунъ** 'шаркающий ногами, модник. Симб.; **питунъ** 'петухъ' Твер.; **цыркунъ** 'сверчокъ' (от **цыркать** 'чирикать, чиркать') Смол.; **ѣктунъ** 'тот, кто часто икает' новг.; **ядунъ** 'обжора'. Смол. и мн. др.

С генетической точки зрения состав имен с суф. *-ун* разнообразен: это имена, унаследованные из прасл. (*bĕgunъ, vĕdunъ, pĕstunъ*), восточнославянские (*лепетун*) и собственно русские образования (*несун*). Что касается функционально-стилистической характеристики данного словообразовательного типа, то для эпохи Древней Руси можно говорить, как кажется, об отсутствии стилистической маркированности рассматриваемых образований (исходя из характера памятников, в которых эти образования зафиксированы). В среднерусский период наблюдается все большая "демократизация" словообразовательного типа на *-ун*. Представляя собой конкретную и конкретно-оценочную лексику, образования с суф. *-ун* выступают в деловой и бытовой письменности, а также в ранних фольклорных записях. В последующий период и в современном языке ряд nomina agentis на *-ун* демонстрирует процессуально-оценочное (пейоративное) значение (**драчун, жрун, храпун, сморкун, таскун, потаскун, лгун**). Как правило, в словарях подобные образования маркируются как разговорные или просторечные (см., например, [Сл РЯ – 1981–1984]: **говорун.** Разг. 'Тот, кто любит поговорить'. *Казимир Эмильевич был* ***говорун,*** *краснобай.* Марков, Сибирь; **драчун**. Разг. 'Тот, кто любит драться, часто дерется. *[Пашка] первый озорник и* ***драчун*** *на дворе; он уже успел дважды очень больно поколотить неловкого Илью.* Горький. Трое). Другие слова с суф. *-ун* представляют собой названия движущихся частей механизмов, географические, ботанические и зооназвания (**шатун** 'деталь кривошинного механизма, передающая силу движения поршня коленчатому валу или кривошипу' [ССРЛЯ], **плывун** 'илистый, песчаный или суглинистый слой подпочвы, обильный водой', **плакун** 'народное название некоторых многолетних трав, употребляемых в народной медицине' [Ожегов, Шведова] и др.). Можно говорить, как кажется, о полном разрушении на протяжении истории языка жанровых ограничений в употреблении слов на *-ун*.

Подводя итоги, еще раз подчеркнем, что слова с суф. *-ун* в современном языке, как и в предшествующий период, неоднородны в семантическом отношении. Здесь выделяется несколько семантических подтипов. Большую часть образований с суф. *-ун* составляют имена, называющие лицо, производящее действие, названное мотивирующим словом (*пестун – пестовать*). Другая (существенно меньшая часть образований) совмещает в себе два значения – лица (или животного) и предмета, производящего действие, названного мотивирующим глаголом

(*шатун* ← *шататься* – 'человек, который любит шататься, ходить без дела, а также тот, кто ведет бродяжнический образ жизини' (устар. и прост.); 'медведь, не погружающийся в зимнюю спячку' и 'часть механизма, преобразующая вращательное движение в возвратно-поступательное'). Третью группу составляют образования – названия растений. В кругу этих образований на первый план выступает признак действия (*колун* – растение, которое колется; *плакун* – растение, которое гнется, пригибаясь к земле, как бы "плачет", ср. *ива плакучая*).

Проанализированный материал по истории функционирования образований на *-ун* демонстрирует, что особенности семантического развития этих имен в истории русского языка заключаются в расширении сферы основного словообразовательного значения: от nomina agentis со значением процессуальности до nomina agentis с процессуально-оценочным значением и nomina instrumenti.

Все изложенное позволяет утверждать, что построенная методом "обратной" ретроспективы (по материалам древнерусской письменности, восточнославянским и современным диалектным данным) исходная система служит удобной точкой отсчета, позволяющей проследить все возможные коллизии, возникающие в эволюции функциональной нагрузки различных словообразовательных типов.

ИСТОЧНИКИ

Тексты

ГА XIV_1 – *Истрин В.М.* Книги временные и образные Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнеславянском переводе, по рукописи имп. Публичной библиотеки XI века. СПб., 1875. XII.

ГБ к. XIV – 16 слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского, ГИМ, Син. 954, 213 л. (по фотокопии).

ГрБ (+ номер грамоты) – Новгородские грамоты на бересте // Зализняк. 1995.

ЖВИ XIV–XV – Житие Варлаама и Иоасафа, РНБ, Соф. 1365. Л. 1в-135г (по фотокопии).

Изб 1073 – Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.) / Под ред. на П. Динеков. Т. 1. София, 1991.

Изб 1076 – Изборник 1076 г. / Изд. подготовили В.С. Голышенко, В.Ф. Дубровина, В.Г. Демьянов, Г.Ф. Нефедов. М., 1965.

КЕ XII – [Ефремовская кормчая] // *Бенешевич В.Н.* Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. 1, вып. 1–3. СПб., 1906–1907.

КР 1284 – Рязанская кормчая, РНБ, F, п. I. 1. 402 л. (по фотокопии).

ЛИ ок. 1425 – Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М., 1962.

ЛЛ 1377 – Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 1962.

МПр XIV_2 – Мерило Праведное по рукописи XIV в. М., 1961. XVI.

Мин 1096 – *Ягич И.* Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь: В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г. СПб., 1886.

ПА XI – Амфилохий. Исследование о Пандекте Антиоха XI века, находящемся в Воскресенской Новоиерусалимской библиотеке. М., 1880.

ПНЧ 1296 – Пандекты Никона Черногорца, ГИМ, Син. 830. (по фотокопии).

ПНЧ к. XIV – Пандекты Никона Черногорца, ГИМ, Чуд. 16 (по фотокопии).

Пр 1383 – Пролог, РГАДА, Тип. 172 (по фотокопии).

ПрЛ 1282 – Лобковский пролог, ГИМ, Хлуд. 187 (по фотокопии).

ПрЮ XIV_2 – Юрьевский пролог, РГАДА, Тип. 153 (по фотокопии).

СбТр XII/XIII – *Popovski J., Thomson F.J., Veder W.R.* The Troickij sbornik (Cod. Moskva, GBL, F. 304 (Troice-Sergieva lavra) N 12): Text in transcription // Полата книгописьная. 1988. № 21–22.

СбУ XII/XIII – Успенский сборник XII –XIII вв. / Издание подготовили О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон. М., 1971.
СбУв XIV_2 – Уваровский сборник, ГИМ, Увар. 589. (по фотокопии).
СбЯ XIII_2 – Сборник Молитв, Ярославский музей-заповедник, № 15481. (по фотокопии).
ФСт XIV/XV – Огласительные поучения Феодора Студита, РГБ, МДА 52 (по фотокопии).

Словари

ГС (Зализняк) – *Зализняк А.А.* Грамматический словарь. М., 1977.
Ожегов, Шведова – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.
Опыт – Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отд. имп. АН. СПб., 1852.
Срезн. – *Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка: Репр. изд. Т. 1–3. М., 1989.
СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–6. М., 1998–2001.
СлРЯ 1981–1984 – Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984. Т. I–IV.
СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–25. М., 1975–2000.
СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–8. Л., 1984–1997.
СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л., 1965. Вып. 1 и след.
СС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986–1987. Т. 1–4.
ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. *О.Н. Трубачева*. Вып. 1–27. М., 1974 –2000.
Revers Index to the Dictionary of Russian Dialects. Preliminary Version. Vol. 1–25. Department of Slavic Linguages and Literatures University of Illinois at Urbana-Champaing, 1991.
Sadnik L., Aitzetmüller R. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955.
Sławski – Słownik prasławianski. T. 1–7. Wrocław etc., 1974–1995.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. О построении русского языка // Вопросы русского языкознания. 1976. Вып. 1. М.

ИГ 1982 – Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.

Азарх Ю.С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984.

Вабот Ж.Ж. Древнерусское именное словообразование. М., 1969.

Вабот Ж.Ж. Об этимологии прасл. **pěstovati*, **pěstunъ* // Slavia 1994. Roč. 63, seš. 2.

Иорданиди С.И. О некоторых аспектах изучения nomina actionis в истории русского языка // Четвертые поливановские чтения. Сборник научных статей по материалам докладов и сообщений. Ч. I. Смоленск, 1998.

Иорданиди С.И., Крысько В.Б. Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В.Б. Крысько. Т. 1. М., 2000.

Крысько В.Б. Поправки к I–IV томам Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.) // Russian Linguistics. 1998. 22.

Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.

РГ 1980 – Русская грамматика. М., 1980.

Meillet A. Études sur l'étimologie et le vocabulaire du vieux slave. Paris, 1905. P. 2. Formation des noms.

Miklosich F. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Wien, 1875. Bd. II.

Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. T. 4: La formation des noms. Paris, 1974.

В.Б. Силина

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ СТАРОСЛАВЯНИЗМОВ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Имя Р.И. Аванесова вошло в лингвистическую науку прежде всего как имя крупнейшего русского диалектолога. Он создал мощную научную школу, важнейшим достижением которой было накопление огромного массива фактических данных о состоянии русского диалектного языка в 20 столетии.

Осмысление и научное обобщение этих данных представлено как в теоретических работах Р.И. Аванесова, так и в созданном под его руководством русском диалектологическом атласе. В то же время он глубоко осознавал важность представления развития русского языка в исторической перспективе как единого целого, органическими частями которого являются народная речь, воплощенная в многообразии диалектных разновидностей, и книжно-письменный язык, обработанный в процессе культурного развития народа и многовекового становления русской нации. Именно поэтому последние десятилетия творческой деятельности Р.И. Аванесова (50–70-е годы XX века) были посвящены осуществлению масштабного проекта создания Словаря древнерусского языка XI–XIV веков. В основу этого капитального научного предприятия были положены разработанные им принципы и методы накопления фактического материала и его лексикографической обработки. Основополагающими явились принципы определения круга источников Словаря и выбора содержащегося в них лексического материала. Р.И. Аванесов обосновал необходимость привлечения в качестве источников большого количества памятников книжно-литературного и делового характера (в том числе и переводных) и вместе с тем максимального количества известных науке памятников, отразивших др.-рус. народно-разговорный язык (берестяные грамоты, записи и приписки, граффити, надписи на предметах и т.п.). Главным же принципом новаторского характера, потребовавшим создания новой картотеки, явился принцип сплошной расписки памятников и учета каждого употребления слова, зафиксированного в источниках Словаря. Коллектив, созданный Р.И. Аванесовым и работавший под его руководством долгие годы, провел огромную работу по созданию словарной картотеки нового типа и составлению и изданию первых шести томов Словаря (тт. I–IV. М., 1988–1991; тт. V, VI. М., 2000–2001). При этом картотека Словаря (далее – КСДР) пополняется новыми данными из источников, открытых и опубликованных в последние годы.

Примечателен и еще один принцип, положенный Р.И. Аванесовым в основу лексикографической обработки древнерусских материалов, представленных в КСДР. Отсутствие жанрового разграничения в словарных материалах (другими словами – наличия каких-либо функциональных зон) и единый принцип разработки словарных статей основываются на положениях Р.И. Аванесова о том, что "древние русские книжные люди были носителями двух систем – книжно-письменной и народно-диалектной. Эти две системы, если угодно, представляли одну сложную систему, которая была едина в одних преобладающих своих звеньях и отличалась в других". Эти отличия были

незначительны в фонологической системе, невелики "в области флексии и более значительны в области лексики, словообразования; синтаксиса" [Аванесов 1973, 9]. Эти положения в известной мере перекликаются с мыслью И.И. Срезневского о том, что "до тех пор, пока в языке народном сохранялись еще древние формы, язык книжный поддерживался с ним в равновесии, составлял с ним одно целое. Друг другу они служили взаимным дополнением" [Срезневский 1849; переизд. 1959, 66].

Концепция складывания древнерусского книжно-литературного языка как самобытного достояния древнерусской культуры, имевшего своими корнями праславянские грамматические формы и лексические пласты, развивавшиеся и преобразовывавшиеся в процессе функционирования древнерусского и шире – общеславянского культурного койне, и в то же время впитавшего мощные потоки византийско-болгарской христианской культуры, получает в начале XXI в. новые импульсы развития. Они связаны в большой мере с накоплением русской лингвистикой к концу XX в. огромного количества лексических материалов, содержащихся в многотомных лексикографических трудах. Наряду с изданием СДР XI–XIV в современной русской исторической и диалектной лексикографии осуществляется ряд таких капитальных проектов, как СлРЯ XI–XVII, СРНГ, ЭССЯ. Новые перспективы открываются и при изучении непрерывно пополняющегося массива древних берестяных грамот (как новгородских, так и найденных в других городах (см. [Зализняк 1995]).

Изучение и интерпретация фактического материала, содержащегося в СДР XI–XIV, а также в опубликованных томах указанных выше изданий, открывают новые возможности для исследований в области происхождения и развития русского литературного языка на всем протяжении его истории.

Одной из существенных проблем в сфере подобных исследований является определение статуса русского литературного языка на разных этапах его развития (в особенности – на древнерусском) по отношению к старославянскому, а затем к церковнославянскому языку. Из множества задач, требующих в данном случае решения, можно выделить задачу определения количества старославянизмов в лексическом составе древнерусского языка. При этом встает проблема идентификации старославянизмов, т.е. выявления принадлежности того или иного языкового элемента к старославянской или церковнославянской языковой стихии в русском литературном языке в противоположность слою собственно русскому, восходящему к праславянской древности.

Традиционно надежным критерием определения старославянизмов в русском литературном языке служит наличие внешних признаков, чуждых русскому языку (неполногласие, начальные *ра-, ла-, из, жд* < **tj, dj* и некот. др.). Однако, очевидно, что из старославянского, а затем из церковнославянского языка, появившегося и укрепившегося на древнерусской почве в качестве языка, выполнявшего прежде всего культовую функцию, а затем и культурно-общественную, в древнерусский язык проникло много слов и отдельных морфем, которые не имели фонетических и морфологических признаков старославянского языка. Об этом задумывался еще И.И. Срезневский: "Говоря: это слово – славянское, а это – русское, рискуешь принять за славянское то, что есть общеславянское, а не церковнославянское" [Срезневский 1871].

В этом случае историки русского языка пытаются опереться на данные русского диалектного языка.

В 1927 г. С.П. Обнорский писал: "Народный язык в известном круге фактов получает значение твердого критерия для определения рамок церковнославянских наслоений в самом нашем литературном языке". Сравнение данных языка литературного и "народного, сохранившего в значительной части свою чистоту и нетронутость со стороны церковнославянского влияния, по методу остатков позволяет заключить о церковнославянском происхождении отдельных фактов литературного языка" [Обнорский 1927, 79].

Действительно, кажется очевидным, что наличие в народных говорах тех или иных языковых явлений (в данном случае речь идет об отдельных лексемах или словообразовательных моделях) может служить подтверждением, хотя и не абсолютным, исконного, возможно, древнего и даже праславянского происхождения данного явления. Следует отметить, что при этом не имеет решающего значения отвлеченный или конкретный характер семантики слова или словообразовательной модели. В последние десятилетия XX в. все чаще подвергалось справедливой критике сложившееся в мировой науке об истории славянских литературных языков представление о том, что праславянские диалекты до приобщения к христианской культуре были замкнутыми структурами с ограниченными жанровыми возможностями, изобиловали названиями конкретных действий и предметов быта и были бедны обозначениями общих понятий и отвлеченных явлений. Критикуя высказывания А. Мейе в этом плане, С.Б. Бернштейн в 70-е годы писал о том, что праславянский язык в течение трех тысячелетий своего существования пережил длительную и сложную эволюцию и осуществлял такие функции, которые народные говоры поздних периодов никогда не выполняли. В эпоху перед принятием христианства славяне достигли сравнительно высокого уровня экономического и общественного развития, когда в усложнявшихся социальных условиях межплеменного общения и феодализации возникали новые языковые наддиалектные образования – культурные койне. Они по многим признакам отличались от языка земледельческого населения и в дальнейшем сыграли важную роль в создании славянских литературных языков [Бернштейн 1972, 37]. Можно думать, что эта роль состояла прежде всего в образовании некоторого фонда лексических и словообразовательных языковых средств для обозначения отвлеченных понятий, далеких от народно-бытовой сферы. В эпоху принятия христианства и создания общеславянского литературного языка, обслуживавшего первоначально культовые цели, а затем многообразные потребности славянской культурной среды, этот фонд мог быть использован не только для называния понятий, относящихся к новой христианской концептосфере, но и для обслуживания деловой, литературной и иных сфер общества. Арсенал этих средств, очевидно, был востребован и активно использовался славянскими первоучителями и их учениками.

Таким образом, наличие слова или словообразовательной модели в диалектном языке (современной или зафиксированной в XIX в.), а также отнесение этих образований к праславянскому языковому фонду, то есть признание этих языковых элементов общеславянскими, подкрепленное данными о наличии континуантов этого элемента в современных славянских языках, существенно уменьшает его шансы считаться простым заимствованием из старославянского языка в любом из славянских языков, в том числе и в русском. Иначе говоря, самобытно диалектный, общеславянский или, напротив, собственно старославян-

ский статус языкового явления может быть принят как один из критериев идентификации старославянизма в том или ином славянском литературном языке.

Подтверждением или опровержением данных относительно этого статуса, полученных путем применения указанного критерия, как представляется, может служить сравнение фактических материалов о функционировании изучаемого языкового элемента в канонических старославянских текстах, с одной стороны, и в древних источниках того или иного славянского языка – с другой. Применительно к истории русского литературного языка перед современными исследователями поставленной проблемы открыты богатейшие возможности. Продолжающееся издание таких фундаментальных исторических словарей, как СДР XI–XIV и СлРЯ XI–XVII вводит в научный оборот огромный фактический материал, зачастую совершенно новый. Исчерпывающие данные, в том числе и количественные, об употреблении слова в древнерусских источниках, полные сведения о его словообразовательной парадигме, возможность суждения о жанровой принадлежности слова, данные о его наличии в источниках, максимально отразивших древнюю народно-разговорную речь, могут позволить внести существенные коррективы в представления о положении тех или иных иных лексических или словообразовательных элементов в русском литературном языке на разных этапах его развития, а именно, о трактовке их как старославянизмов или исконно русских самобытных образований. Качество и количество материалов, содержащихся в СДР XI–XIV и его картотеке, дают возможность установить такие параметры, которые позволяют определить функционирование изучаемого элемента в древнерусском языке как активное, системно значимое или малоактивное, не вносящее существенных мазков в общую языковую картину. Широкая употребительность в различных сферах языка, разветвленность семантики, активная реализация словообразовательных потенций наблюдаемого языкового явления, продолжительность его существования и за пределами древнерусского периода в сравнении с ограниченным употреблением, малоразвитой семантикой и отсутствием словообразовательной парадигмы у старославянского эквивалента, как представляется, могут служить некоторыми доказательствами самобытности и исконно русского происхождения данного явления, то есть, другими словами, также стать критерием идентификации старославянизма по крайней мере в русском литературном языке.

Положения, приведенные выше и предложенные критерии, как кажется, дают основания для того, чтобы по-новому интерпретировать некоторые языковые факты, традиционно рассматриваемые многими историками русского литературного языка как старославянизмы (а впоследствии – церковнославянизмы), усвоенные древнерусским языком и в дальнейшем закрепившиеся в русском литературном языке и даже вошедшие в говоры через его посредство. Одним из таких языковых фактов является бытующая в русском литературном языке и в народных говорах словообразовательная модель отглагольных существительных с суффиксом *-знь*. Эта модель неоднократно толковалась в русской лингвистике как церковнославянская (см., например, [Виноградов 1927, 23; Обнорский 1927, 38]).

Обратимся в первую очередь к данным о происхождении указанной модели, ее функционировании в старославянском языке и распространенности в славянских языках. В старославянском языке словообразовательная модель девербативов на *-знь* представлена 10-ю образованиями: *болѣзнь, боязнь,*

жизнь, казнь, къзнь, кызнь, каꙁнь, покаꙁнь, приꙁнь, неприꙁнь. А.С. Львов определял их как древнейшие образования от непроизводных глагольных основ, большинство из которых обозначают "состояние, привносимое для объекта или субъекта со стороны, проявляющееся помимо его воли" [Львов 1966, 107]. Перечисленные слова имеют разную степень употребительности и распространенности на различных славянских территориях. По данным ЭССЯ, практически во всех славянских языках отмечено слово *казнь*. (Ср. некоторые данные: ст.-болг. *казън* 'наказание', макед. *казна* 'наказание', серб.-хорв. *ка̑зн* 'наказание', ст.-чеш. *kázeň* 'наказание, поучение', ст.-слвц. *kázeň* 'приказание, проповедь, поучение', верхне-луж. *kazń* 'приказание, повеление', ст.-польск. *każń* 'приказание, наказание'), древнерусское *казнь* 'наказание, кара; бедствие, несчастье'. Авторы ЭССЯ считают это праславянское образование производным с суф. *-пъ* от глагола **kazati* 'приказывать, наставлять, принуждать' (точнее – от глагольной основы *kaz-* до тематического расширения *-a-ti*) [ЭССЯ, 9, 173]. Такая этимология дает возможность предположить, что суф. *-zn'ь* возник на праславянской почве путем перераспределения в пользу суффикса основы девербатива **kazпь* и стал использоваться при обозначении особых случаев состояния, вызванного волей высших сил, в частности, состояния творческой активности, способности к деятельности как высшего дара богов человеку. Такая трактовка древнего праславянского словообразовательного значения может быть согласована с архаической картиной мира, отразившейся в языке праславянских племен, которая была мифологизированной, пронизанной языческими представлениями о непосредственном участии высших сил в жизни людей. Специфичность и архаичность семантики, по-видимому, ограничила продуктивность данной модели и обусловила локальный характер распространения ряда ее реализаций на славянских территориях. Общеславянское бытование констатирует ЭССЯ еще только для слова *боꙁнь* 'страх, беспокойство, боязнь' [ЭССЯ, 2, 165]. По данным того же источника лексема *болѣнь* представлена только в южнославянских и восточнославянских языках [ЭССЯ, 2, 189–190].

Интересны разыскания А.С. Львова, который, исследуя употребление в старославянских памятниках слова *неприязнь* со значением 'нечистый дух, бес', пришел к выводу о том, что необычная для образований на *-знь* семантика nomina agentis обусловлена изолированным статусом данной лексемы. Она представляет собой собственно моравизм, являющийся калькой с герм. *Unhold*, и возникла как замена отсутствовавшего у мораван табуистического слова *лжкавыи* [Львов 1966, 201].

Приведенные данные достаточно достоверно свидетельствуют о том, что суффикс *-знь* достался как старославянскому, так и древнерусскому языку в наследство от праславянского периода. Подтверждением подобного статуса словообразовательной модели в русском литературном языке может послужить исследование особенностей употребления отдельных образований по этой модели, наиболее активно функционировавших в древнерусском языке, и сравнение полученных результатов с соответствующими показаниями относительно старославянских эквивалентов, а также выявление данных о бытовании их континуантов в русских говорах. Другими словами, предложенные выше критерии для идентификации старославянизмов могут быть последовательно применены и к словообразовательной модели, и к отдельным образованиям, ее реализую-

щим. Такой подход сможет обеспечить большую достоверность итоговых заключений и выводов.

Обращение к древнерусским материалам, представленным в СДР XI–XIV, говорит о том, что на древнерусской почве бытовали и такие образования с данным суффиксом, которые малоизвестны и неизвестны совсем старославянскому языку. Это связанные отношениями чередования гласных слова *къзнь* и *кузнь*, древние именные образования от праславянского глагола **kujǫ*/**kovati*. Вследствие ограниченного объема статьи остановимся лишь на функционировании в древнерусском языке слова *къзнь*, известного и старославянскому языку (в отличие от собственно древнерусского образования *кузнь*). В старославянском языке (по данным СтСл) слово *къзнь* в значении 'происки, козни, коварные замыслы' отмечено лишь в 5 употреблениях в Супрасльской рукописи и Рыльских листках, то есть в памятниках, не входивших в число первых переведенных с греческого языка канонических богослужебных книг. Производные от этого слова в старославянском языке полностью отсутствуют. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. демонстрирует широкую распространенность слова *къзнь*, представленного как в оригинальных, так и переводных древнерусских памятниках, в 148 употреблениях. Оно имело развитую семантическую структуру, для которой была характерна энантиосемия, то есть сочетание двух рядов значений положительного и отрицательного плана. Очевидно, наиболее архаическим, восходящим к значению этимологически восстанавливаемой производящей глагольной основы **kujǫ*/**kovati*, связанной с эпохой освоения ремесленной обработки железа, следует признать значение 'умение, знание, ремесло'; ср. перевод этим словом греческих слов τέχνη, μηχανῆ в широко известном на Руси переводе Хроники Георгия Амартола: и забрала древѧна кокмуждо звѣри кознью гораздою замышлена (διά μηχανῆς) *л. 130в*, ꙗзыци же дивлѧхусѧ волшьвеною кознью (μαγικῇ τέχνῃ) *л. 156г*. Слово *къзнь* употреблено древнерусским переводчиком данного памятника и тогда, когда речь идет об искусном сооружении: и створивъ мѣдѧну сѣть... развѣси ꙗ по сѣтемъ на козни высокыꙗ (ἐπὶ μηχανημάτων) *л. 91*. В древнерусских переводах с греческого слова *къзнь* выступает и с положительной семантикой как эквивалент выражения "благой замысел:" и ꙗко бл҃га кознь ѥсть. ѥгда се кто на бл҃го творить (Пандекты Никона Черногорца, список перевода 1296 г., л. 31 об.). В древнерусской оригинальной литературе слово *къзнь* встречается и в отрицательном значении 'козни, происки', аналогичном отмеченному в старославянском языке; ср. в сочинениях Кирилла Туровского, писателя XII в. (по списку XIV в.: попер҃мъ дьꙗвола и козни его *л. 73*). И в других древнерусских оригинальных произведениях слово *къзнь* встречается там, где говорится о происках и коварных ухищрениях дьявола; см. в Ярославском сборнике XIII в.: избави мѧ ги от вьсѧкыꙗ козни дьꙗволѧ *л. 201 об.* В дальнейшем рассматриваемая лексема закрепилась в русском литературном языке именно в указанном отрицательном значении, став pluralia tantum. Характерно, что в древнерусском языке слово *къзнь* послужило производящей основой для ряда образований (*къзнивыи, къзньникъ, къзньныи, къзньство, къзньствовати*), но ни одно из них не сохранилось. Представленные материалы с очевидностью служат доказательством самостоятельной жизни слова *къзнь* на древнерусской почве, начавшейся задолго до принятия христианства и прихода в Древнюю Русь старославянского языка. Однако дальнейшая судьба указанной лексемы была обусловлена наличием старославянского эквивалента,

послужившего как бы семантическим регулятором: употребление его в ограниченных по содержанию контекстах (о происках и ухищрениях нечистой силы) вызвало аналогичное употребление и в древнерусских сочинениях на сходную тему, что привело к ограничению сочетаемостных возможностей, а это, в свою очередь, обусловило сужение семантики и развитие отрицательной коннотации.

Другим объектом последовательного использования предложенных в настоящей работе критериев идентификации старославянизмов применительно к словообразовательной модели и ее лексическим репрезентантам является весьма значимое в концептуальном плане слово *жизнь*. Оно встречается и в канонических старославянских памятниках, и в древнерусской богословской и житийно-проповеднической литературе. В исследованиях по истории русского литературного языка это слово традиционно толковалось как старославянизм (см. об этом: [Виноградов 1927; Колесов 1975 и др.]). Однако детальное изучение новых фактов, поступивших в последнее время в научный оборот, позволяет обнаружить некоторые особенности функционирования слова *жизнь* и его производных на древнерусской почве, что дает возможность усомниться в справедливости подобной трактовки. При анализе бытования изучаемых лексем в различных сферах древнерусского языка очень важно убедиться в их наличии в памятниках, максимально отразивших народно-разговорный язык эпохи. В этой связи в первую очередь обращает на себя внимание такой богатый разнообразными материалами источник, как древние берестяные грамоты. Слово *жизнь*, как таковое, в них не отмечено, но корень его встречается в составе двуосновных собственных нехристианских имен Жизнобудъ (2 раза) – № 607/562 (посл. четв. XI в.), № 16 Ст. Русса (1-я пол. XII в.), Жизномир – № 109 (к. XI – 10-е г. XII в.) [Зализняк 1995, 223–229]. Кажется естественным, что для того чтобы стать основой имени собственного, причем языческого, то есть пришедшего из глубин народной жизни, слово *жизнь* должно было быть уже достаточно хорошо известным именно народу, а не только книжникам (речь идет только о конце XI – начале XII в., потому что позднее языческие имена были почти вытеснены христианскими).

Показательно также, что слово *жизнь* фиксируется по данным СДР XI–XIV вв. в древнерусских оригинальных памятниках XII–XIII вв. в значениях, не имеющих аналогов в старославянском.

В погодных записях от 1146 по 1169 г. в Галицкой летописи, дошедшей до нас в составе Ипатьевской летописи начала XV в., встречается 14 употреблений слова *жизнь* в значении ‘достояние, имущество’: кнже нашь [Полочане – Рогволоду] ...въстахомъ на тѧ. без вины. и жизнь твою всю разграбихомъ. и твоеѩ дружины *л. 177* (*1159*). Это значение, по-видимому, выступает и в “Слове о полку Игореве” (XII в.), хотя возможно и толкование ‘существование’: погыбашеть жизнь Даждь Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишась. л. 16–17. В 1307 г. в приписке к вкладываемой в монастырь св. Пантелеймона книге – Апостолу автор, перефразируя текст “Слова о полку Игореве”, воспроизводит и сочетание ‘погибала жизнь’: Сего же лѣта бысть бои на Русьскои земли. Михаилъ съ Юрьемъ о княженье новгородьское. При сихъ князехъ сѣяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша, въ князехъ которы, и вѣци скоротишася человѣкомъ.

Наконец, еще одно употребление слова *жизнь*, зафиксированное в контексте из Ипатьевской летописи под 1259 г.: видивъ же се кнзь Данило ѩко Боу

поспѣвающоу мѣстоу томоу [о г. Холм] нача призывати. приходаѣ Нѣмцѣ и Роусь ...сѣдѣлници и лоучници... и бѣ *жизнь* и наполниша дворы wкре(с)тъ кра(д) [вм. града] поле села *л. 281 об.* Здесь выступает значение процесса, которое можно представить как значение состояния, непрерывной деятельности.

Привлечение этих доныне неизвестных или ранее неиспользованных данных, как кажется, укрепляет сомнения в том, что слово *жизнь* было в древнерусском языке заимствованием из старославянского и продолжило свое существование в русском литературном языке в этом качестве. Однако в силу своей неполноты они все же не являются безусловным подтверждением праславянского статуса данной лексемы и ее самостоятельного бытования на древнерусской почве с древнейших времен. Решение этого вопроса требует дальнейших разысканий, то есть применения других критериев идентификации старославянизмов.

Подобное исследование может быть проведено на материале русских народных говоров. В данном случае может сыграть решающую роль установление самобытно диалектного статуса исследуемой лексемы. Однако при обращении к говорам необходимо учесть значительное изменение фонетического и даже морфологического облика диалектов слов, оканчивавшихся на *-знь*, происшедшее после падения редуцированных. Потеря конечного гласного сделала такой конец слова труднопроизносимым. Действие тенденции к упрощению групп согласных в народном произношении привело к утрате конечного сонорного и к оглушению предшествовавшего ему звонкого: *жизнь* > *жись, болезнь* > *болесь* и т.п. По аналогии со словами типа *кость, пасть, шерсть* и т.п. появляются континуанты с новой морфемой в окончании: *жисть, болесть*. Говорам и русскому просторечью хорошо известен ряд пословиц и поговорок, фиксирующих такие преобразованные формы; ср. у Даля: Отвяжись, худая жись!, Эх, жисть-жистянка, В нашей волости лихие болести, Чужая болесть дасть поесть, а про свою беду и сказать не могу и т.п.

Характерно, что древний облик морфемы *-знь* сохранился в таких диалектных и просторечных производных, как *болезный, боязно, жизнёнок* и *жизнёночек* и т.п.

Другим путем освобождения от труднопроизносимой группы согласных было развитие сонорными слоговости и последующего превращения этих групп в сочетания со вставным гласным. И в говорах, и в русском просторечье встречаются образования, где присутствуют такие сочетания: *журавель, мысель, рубель* и наряду с этим *жизень, казень*. Наконец, русским говорам известен путь и морфологического преобразования: появление морфологического варианта с окончанием жен. р. *-'а*: *жизня, казня, болезня*.

Активность слова *жизнь* и его производных в русских говорах предоставляет некоторые дополнительные аргументы в пользу самобытности слова *жизнь* в русском языке.

В целом предложенные материалы, как представляется, достаточно убедительно свидетельствуют о том, что словообразовательная модель девербативов на *-знь* и такие репрезентанты образований, ее реализующих, как *кознь, жизнь*, а также *кузнь, болезнь* и некоторые другие, принадлежат к общеславянскому лексическому фонду, восходящему к глубокой древности.

Другими словами, они не имеют заимствованного характера, то есть не являются старославянизмами в русском литературном языке.

Этот вывод сделан на основе предложенных в настоящей работе критериев идентификации старославянизмов. В данном случае речь шла об истории русского языка, но кажется очевидным, что они имеют более общий характер и могут быть использованы в исследованиях по истории других славянских языков. Приблизительно их можно сформулировать следующим образом: старославянизмами могут считаться такие языковые элементы, которые, во-первых, по данным письменных источников функционируют в памятниках древнейшего периода, в основном, сходным образом со старославянскими аналогами, во-вторых, не представлены своими континуантами в диалектных системах изучаемого языка, в-третьих, не находят соответствий, как в синхронном, так и в диахронном плане, в системах других славянских языков (вероятно, за пределами болгаро-македонских и моравских областей, то есть территорий, на которых жили и действовали славянские первоучители). Конечно, эти критерии не могут считаться исчерпывающими. Но их можно представить как отправную точку для дальнейших исследований в области многообразных языковых структурных и семантических связей.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. К вопросам периодизации русского языка // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973.

Бернштейн С.Б. К истории славянского суффикса *-tel* *'ь* // Русское и славянское языкознание. М., 1972.

Виноградов В.В. К истории лексики русского литературного языка // Исследования по русской исторической лексикологии. М., 1987.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995.

Колесов В.В. Мир человека в слове древней Руси. Л., 1975.

Львов А.С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966.

Обнорский С.П. Об изучении истории русского литературного языка // Русская речь. № 1. Новая серия. 1927.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв. Т. 1–4). М.: Наука, 1988–1991.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–1999.

Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. Переизд. М., 1959.

Срезневский И.И. Записка, прочитанная на I археологическом съезде в Москве // Труды I археолог. съезда. М., 1871. С. 84–86.

Словарь русских народных говоров. Вып. 1–33. М.; Л.: Наука, 1965–1999.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. Изд. 2-е. М., 1985–1987.

Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1–28. М., 1974–2001.

В работе используются также сокращения, принятые в изданиях: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) в десяти томах (см.: т. I. М., 1988. Источники, с. 28–68, а также: т. VI. Дополнения и уточнения к списку источников Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 2000. С. 9–65). Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный выпуск. М., 2001.

А.М. Молдован

"ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ ЗЛАТЫХ КЛЮЧЕЙ" И РУССКИЙ КНИЖНЫЙ ЯЗЫК XVII в.

Этот текст восходит к французскому рыцарскому роману XV в. о Петре Прованском и неаполитанской принцессе Магелоне. Он был широко распространен в Европе и через немецкое посредство попал в Россию в польском варианте[1]. Русский перевод, сделанный в 1662 г. (дата указана в некоторых списках), получил название "Повесть изрядная и зело преудивительная о Петре, князе французском, и о прекрасной его княгине, о Магилене, кралевне неопалитанской..."[2]. В научной традиции это произведение известно как "Повесть о Петре Златых Ключей" [Соколова 1998, 161–164].

Создание русского перевода представляет собой один из эпизодов процесса освоения Россией европейской литературной традиции. В этот процесс, который на первых порах ограничивался пределами царского двора, были вовлечены переводные тексты разнообразного содержания – "Великое Зерцало", "Римские деяния", "История семи мудрецов", повести о Мелюзине, о Василии Златовласом, о Брунцвике, о Аполлонии Тирском, фацеции и др. В XVIII в. роман о Петре Златых Ключей (далее ПЗК) пользовался в России большой популярностью – сохранилось более 100 списков разных его редакций, три драматических переложения, девять печатных изданий со 2 половины XVIII до конца XIX в. и многочисленные издания лубочных картинок. Из этого следует, что перевод романа соответствовал потребностям и направлению культурного развития российского общества, что делает осмысленным желание увидеть в его языке отражение общих присущих книжному языку XVII века тенденций и особенностей.

В связи с секуляризацией русской культуры в XVII в., усилением интереса к европейским естественно-научным, географическим, философским, историческим и другим знаниям, а также в связи с развитием художественной литературы, в России начинает формироваться новый литературный язык, не без влияния практики юго-западной "простой мовы". В письменных памятниках этого времени отмечается небывалая пестрота смешивающихся языковых элементов – церковнославянизмов, русизмов и иноязычных заимствований. По словам К.С. Аксакова: "Язык церковнославянский становится орудием произвольных вымыслов... поразительно звучат в нем, резко противополагаясь с его характером и формами тривиальные народные и иностранные слова и выражения, на которых лежит печать современности... Этот беспорядок, странное, будто бы разрушающееся состояние указывает на новый порядок, на новую жизнь..." [Аксаков 1875, 275]. В отличие от "простой мовы", в которой для новых предметов и тем усваивались элементы польской речи, в русской книжной практике происходит переработка, переосмысление самих церковнославянских форм [Виноградов 1980, 10–55]. Отсутствие у русских книжников в конце XVII в. озабоченности созданием особого "простого" языка объясняется тем, что его

---

[1] Historia o Magielonie królewnie Neapolitańskiej. О польском переводе, его редакциях и изданиях см. [Кузьмина 1964, 162– 168].

[2] Два старших отрывка этого перевода относятся ко 2 половине XVII в., наиболее полный текст содержится в списке 1702 г., по которому осуществлено его издание [Кузьмина 1964].

функции взял на себя гибридный регистр церковнославянского языка. В результате исторической эволюции этот язык необычайно развил в себе способность реинтерпретации грамматических, лексических, словообразовательных, семантических, синтаксических и фразеологических ресурсов церковнославянского языка, вдобавок он обладал способностью вступать в соединение с элементами некнижного узуса; и потому этот язык оказался подготовлен к восприятию новых для него европейских топиков. Особенность русской культурно-языковой ситуации XVII в. была также в том, что к этому времени русский книжный язык подошел с большим корпусом текстов, написанных на гибридном языке, которые не отвергались новой литературой, а ею перерабатывались, что обеспечивало преемственность книжной культуры.

Мы не располагаем оригинальными источниками ПЗК: и польский оригинал и его русский перевод дошли до нас в копиях, хотя и близких ко времени создания перевода и отражающих тождественную редакцию. Тем не менее есть основания говорить о высокой степени самостоятельности русского перевода и, соответственно, профессионализма переводчика. Вот образец его перевода:

Rozkazał potem król rycerza prosić na obiad, z czego Piotr hrabia bardzo został pocieszony, a najbardziej dla tego, aby królewnę Magielonę tem lepiej oglądać.

=Потом указал краль рыцеря златых ключев звать к столу. И князь Петр был вельми рад, для того, чтоб прилежно высмотрить красоту кралевны Магилены 282.

Переводчик, надо полагать, ориентировался в своей работе на какие-то аналогичные тексты или их фрагменты, и его текстовая память, сформированная опытом перевода таких текстов, должна была быть организована билингвальным образом. При этом те черты его родного языка, которые генетически восходили к польским (или украинским) прототипам, им самим, естественно, воспринимались как свойства русского языка – существенно было не происхождение слова, а его функционирование.

Поскольку перевод осуществлялся с генетически близкородственного языка, можно ожидать, что в механизме пересчета соответствий происходили сбои в сторону искусственного уподобления или, наоборот, расподобления аналогичных языковых средств. Так, если бы переводчик стремился культивировать в русском языке полонизмы, в переводе оставались бы непереведенными элементы польского оригинала, не свойственные русскому языку. Подобные примеры в ПЗК единичны и едва ли выходят за пределы узуса того времени, отмеченного польским влиянием на русский язык: "О злый стал, окрутный стал я ныне" (в оригинале: Iak zły a okrutny stał się dziś), "Я есть она, которую ты взял из дому" (iam iest ona, którąście wzięli z domu), "Взяв свой шелм на главу..." (Wziawszy helm na głowę swą). Впрочем, тезис о том, что русские переводы этого времени с польских оригиналов переполнены полонизмами [Виноградов 1982, 39], материалом ПЗК не подтверждается: полонизмов здесь мало, что хорошо видно при сопоставлении его с украинским переводом романа, где их действительно много[3]. Спорадические полонизмы встречаются, в основном, в лексике: *дапомогли*

[3] Украинская версия романа известна по единственному списку 1660 г., содержащемуся в сборнике переводов шаргородского священника Григория под названием "Библия малая" (ркп. РГБ, Унд. 527). Текст, озаглавленный "Гисторія правдивая о Магеліоне", является довольно точным воспроизведением польского оригинала, с небольшими сокращениями.

(пол. *dopomogli*, укр. *допомогли*), *он* (указат. мест., пол. *on*), *справа* 'дело' (пол. *sprawa*, укр. *справа*), *размолва* (пол. *rozmowa*, укр. *розмова*), *служебник* (пол. *służebnik*), *додаешь* (пол. *dodajesz*, укр. *додаєш*), *уклонность* 'вежливая учтивость, покорность' (пол. *ukłonność*, укр. *уклінність*), *нестаточный* 'неустойчивый шаткий; несолидный, несерьезный' (пол. *niestateczny*), *удатный* 'изящный, благопристойный' (пол. *udatny*, укр. *удатний*), *окрутный* (пол. *okrutny*), *страшливый* (пол. *straszliwy*, укр. *страшливий*), *познала* (пол. *poznała*, укр. *пізнала*), *наговорил* в значении 'уговорил' в соответствии с пол. *namówił* и укр. *намовив*. Большая часть этих слов может быть следствием украинского влияния на русский язык во 2 половине XVII в.

О синтаксисе повести трудно что-либо сказать, поскольку, с одной стороны, польский и русский синтаксис имеют много общего, особенно в нарративном тексте. С другой, – мы слишком мало знаем о том, каким мог бы быть русский синтаксис в подобном литературном тексте, не будь он переводом с польского.

В целом русский переводчик, как правило, не следует польскому оригиналу, и в тех случаях, когда по-русски "так не говорят", он дает не перевод, а аналогичную русскую конструкцию. Ср., напр., формула обращения Петра к родителям: пол. *ojcze łaskawy i matko najmilsza*! передается как "Милостивый государь мой отче и милостивая государыня моя мати!". Польскую пословицу *pańska prósba za rozkaz stoi* он не переводит, а приводит аналогичную русскую пословицу: "Давняя пословица: государское челобитье к слуге своему вместо разбою".

Традиционный взгляд на механизм эволюции литературного языка в XVII в. как "органическое, проникающее сближение ранее противопоставленных и обособленных систем письменного и разговорного языка" [Ларин 1961, 25] предполагал, что лингвистические параметры соответствующих систем могут быть выявлены путем определения генетических характеристик представленных в текстах "церковнославянских" или "русских" элементов. Между тем, отождествляя оппозицию книжной и некнижной форм языка с оппозицией письменного и разговорного языка, нельзя объяснить связь такого "проникающего сближения" с предшествующей и последующей традицией литературного языка. Для того, чтобы обнаружить эту связь, необходимо отвлечься от генетических характеристик и обратиться к функциональным, которые позволяют увидеть в гибридных текстах не нагромождение разнородных элементов, а самостоятельную лингвистическую систему [Матиесен 1984; Живов 1996, 111–118]. Для выяснения особенностей этой системы и действующих в ней механизмов преемственности решающее значение имеют показатели грамматического уровня. И здесь мы располагаем уже некоторыми данными, на которые можно опереться.

Так, в гибридных книжных текстах XVII в. наблюдаются изменения в употреблении флексий им.-вин. падежей мн. числа. В разговорном языке в то время родовые различия здесь уже были утрачены и употреблялось единое для всех родов окончание *-ие*/*-ые*, как в современном русском языке. В стандартном регистре книжного языка норма, основанная на правилах согласования флексий, сохранялась. В гибридном регистре представлены разные типы регламентации согласования форм: от частичного сохранения возможности согласования во всех родах в летописи (при преобладании форм на *-ие*/*-ые* и *-ия*/*-ыя*), распреде-

ления форм на *-ие/-ые* и *-ия/-ыя* в бытовой переписке до единых *-ие/-ые* в вестях-курантах [Живов 2001, 382–386].

Материал ПЗК по этому параметру оказывается ближе всего вестям-курантам, но при этом в нем есть некоторое количество примеров использования флексии *-ия/-ыя*:

	м. им.	м. вин.	ж. им.-вин.	ср.им.-вин.	Всего
-ии/-ыи	–	–	–	–	–
-ия/-ыя	3	–	2	1	6
-ая/-яя	–	–	–	1	1
-ие/-ые	17	7	18	14	56
Всего	20	7	20	15	62

Примечательно, что соотношение форм на *-ие/-ые* и *-ия/-ыя* (9:1) в ПЗК приблизительно такое же, как в более позднем переводе книги Буйе "Книга о способах, творящих водохождение рек свободное" (изд. 1713 г.), где оно составляет 17:1 [Живов 2001, 382–387]. Никаких дистрибутивных правил в выборе того или иного окончания не наблюдается, в трех случаях из шести эти окончания соседствуют в однородных определениях: *всякие богатырския добрые славы* 277[4], *три драгие златыя персни* 278, *великия драгие запаны* 330, что, вполне вероятно, находится в зависимости от орфографических навыков переписчика, а не переводчика.

Продолжая рассмотрение грамматических особенностей ПЗК в функциональном аспекте, обратимся к глагольным формам прошедшего времени. Статистика здесь такая. Формы аориста представлены 23 примерами, имперфект – 3, *л*-формы – 1568. При этом бóльшая часть аористных форм приходится на начало повести, где рассказ о детстве и юности героя напоминает стандартную житийную фабулу.

Светские тексты этого периода представляют значительное разнообразие в использовании простых претеритов. По подсчетам исследователей языка различных памятников этого времени, таких как "Есиповская летопись", оригинальные повести и сатирические произведения, переводные "Фацеции", формы аориста составляют в среднем от 71 до 82% от общего числа этих форм, имперфекта – от 4 до 10%, перфекта (в основном *л*-формы без связки) – от 10 до 18% [Хабургаев, Рюмина 1971, 69]. В других текстах соотношение может быть совсем иным: в сказочной повести об Азове примеров употребления аориста 540, имперфекта – 46, *л*-форм – 311; в исторической повести об Азове аориста 57 примеров, имперфекта – 26, *л*-форм – 60. В поэтической повести об Азове аорист и имперфект почти не используется и *л*-формы доминируют [Ремнева 1988, 116, 130, 131]. В Пискаревском летописце (1 половина XVII в.) употребляются лишь аорист (28%) и *л*-формы (72%) [Жульева 1971]. Аналогичное соотношение наблюдается в последней части Мазуринской летописи, при том, что в большинстве статей этой части простые претериты вообще не употребляются [Живов 1995, 45]. В Уложении 1649 г. употребляются только *л*-формы [Черных 1953, 344]. Таким образом, и здесь язык перевода ПЗК отражает наиболее "прогрессивное" для XVII в. состояние.

[4] Указывается страница издания В.Д. Кузьминой.

Имперфект в ПЗК практически не используется. Три примера его употребления представляют собой аллюзии на церковнославянские выражения. Значение несовершенного вида выражается в ПЗК, во-первых, *л*-формами глаголов несов. вида: *И бежала к рыцареву двору, и доведалась, что он уехал. И скоро бежала в полаты кралевские...* 302. Во-вторых, в этом значении используется составная глагольная конструкция, на которую стоит обратить внимание.

Говоря о развитии литературного языка, мы подразумеваем появление в языке таких элементов, которые в дальнейшем закрепились и дошли до нашего времени. Таким новым явлением в книжном языке XVII в., сохранившимся в современном русском языке, является активизация употребления личных форм глагола *стать* в тех грамматических значениях, в которых ранее использовались только глаголы *иму, хочю* (*хощу*), *начьну, почьну* (позднее *учну*). Эти глаголы в сочетании с инфинитивом другого глагола выражали значение, которое можно определить, как "начать проявлять признаки состояния, названного глаголом в инфинитиве" [СлРЯ XI–XVII вв., 10, 310]. Сочетание презенсных форм этих глаголов с инфинитивом выражало значение будущего времени. Но в претерите в стандартном книжном регистре использовался только глагол *начати*: *оученици же его възлакашѧ. і начѧшѧ въстръгати класы і ѣсти* [Зогр., 15]; в гибридных текстах наряду с *начати* изредка появлялся глагол *почати*: *почахъ... писати* (Остр. ев., запись писца) и др. [Срз. 2, 1323].

В ПЗК конструкция *стану* + Inf. употреблена 84 раза и 4 раза – почну + Inf. Как это соотносится с другими текстами?

Личные формы глагола *стати* до XVII в. в сочетании с инфинитивом отмечаются крайне редко (первая фиксация – в жалованной грамоте Дмитрия Ивановича Троице-Сергиеву монастырю 1389 г. [Срз. 3, 508]). В Уложении 1649 г. в этой конструкции доминирует *учну*, а *стану* употреблено всего 5 раз [Черных 1953, 348]. Но уже Аввакум употребляет в этой конструкции только *стану* [Кокрон 1962, 239–249]. В "Повести о Савве Грудцине" и "Повести о Карпе Сутулове", стилизованных под житийное повествование, употребляется только *начну* + Inf. Напротив, в "Повести о Фроле Скобееве" – только *стану* + Inf. В сказочной повести об Азове *стану* + Inf. употреблено 6 раз, *почну* + Inf. – 11 раз и один раз *зачали* + Inf. В "Повести о Еруслане Лазаревиче" и "Притче о старом муже и молодой девице" – только *учну*. В "Повести о Горе и Злосчастии" *стану* + Inf. – 2 примера, *учну* + Inf. – 2 примера.

Польским текстом столь регулярное использование в ПЗК глагола *стати* с инфинитивом не мотивировано. Польский глагол *stanąć* совпадает с русским *стать* в большинстве своих значений, но он не имеет в польском начинательного значения, которое имеет русское *стать*. Это значение в польском языке, как и в украинском, выражается глаголом *począć* (укр. *почати*). Соответственно, в польском тексте Истории о Магелоне в тех случаях, где в русском переводе употреблено *стать*, преобладают конструкции с глаголом *począć*: *стал по тому месту ездить* (*począł po placu przejeżdżać*) 279, *стал горько плакати от воздыхания серца своего* (*począł narzekać і lamentować*) 303, *стала великим гласом кричать* (*poczęła... wołać*) 306 и т.д. Глагол *почати* употреблен в ПЗК только 4 раза. В других случаях конструкции *стану* + Inf. в польском соответствуют *l*-формы, что свидетельствует о свободе

переводчика в отношении к языку оригинала: *стал ему говорить* (хотя и польском: *go namawiał*) 276, *стал ждати* (*czekał*) 279, *стали все дивитися* (*wszyscy... dźiwowali*) 279, *стала... спрашивать* (*pytała*) 310 и т.п.

Понятно, что использование простых претеритов в текстах XVII в. не подчинялось единому узусу, а целиком определялось ориентацией писавшего на тот или иной фрагмент предшествовующей книжной традиции. При этом "сползание" книжного узуса в сторону живой речи происходило в тех случаях, когда для оформления нового содержания доступные книжные образцы не годились. В этом случае мог использоваться механизм пересчета, при котором для форм своего живого языка пишущий искусственно устанавливал книжные соответствия [Живов 1995, 64–70]. Но если формы имперфекта и аориста в тексте практически отсутствуют, это означает, что для переводчика образцом служили тексты, в которых использование простых претеритов уже было необязательным, и это, в свою очередь, свидетельствует о глубоких изменениях, наступивших в устройстве русского литературного языка.

Какие это могли быть тексты? До тех пор, пока для светской занимательной литературы в русской книжной традиции не было непосредственных образцов, в качестве таковых выступали, очевидно, жития и летопись. Влияние этих образцов заметным образом сказалось, в частности, на переводе "Повести о Бове", сделанном не позже середины XVI в., остаточные элементы этой традиции заметны и в ПЗК (ср.: "Ныне открываю тебе тайная сердца моего" или "А ныне вижу тя в лице пременну и печальну вельми" и т.п.). Но язык ПЗК коренным образом отличается от языка "Бовы"[5]. В употреблении флексий им.-вин. падежей мн. числа ПЗК обнаруживает сходство с вестями-курантами, роднит их и абсолютное преобладание л-форм прошедшего времени, и использование конструкции *стану* + Inf. (наряду с *учну* и *почну*). В использовании вариантов окончаний существительных в дат., тв. и местн. падежах мн. числа (возникавших вследствие экспансии окончаний **а*-склонения в живом языке) в ПЗК также отражен грамматический узус, сближающий этот текст с вестями-курантами [Живов 1993, 106]. По наблюдению В.М. Живова (устное сообщение), при выборе вариантов окончаний инфинитива *-ти* или *-ть*, *-тися* или *-ться*, *-щи* или *-чь* и др. переводчик ПЗК гораздо чаще предпочитает новые варианты (они составляют 90,58% от общего числа примеров), далеко оставляя позади по этому параметру книжные гибридные тексты (от 4% до 20–30%) и совпадая по этому параметру с деловыми и бытовыми текстами. Возможно ли, чтобы переводчик ПЗК ориентировался, как на образец, на язык бытовых текстов, вроде частной переписки? Трудно ответить на этот вопрос отрицательно, обнаруживая в переводе, например, такие образцы речи Магилены: "Доведайся от него, что имя ему, а чаю, он тебе скажет"; "Естьли я тебя и час не увижу, мне тот час годом покажется"; "Естьли б ты от нас отъехал, я бы на свете недолго жива была"; "А государя моего батюшки и государыни моей матушки отменная милость и любовь к тебе"; "Вельми бы я тому рада была, чтоб мне почаще с тобою разговаривать"; "Радошна бы я была, чтоб ты у нас при милости государя моего батюшки пребывал и прочь не отъезжал"; "А знать, что он не убогова, но большаго роду, что не стыдяся смело говорит с нами, королевским величеством" и т.п.

---

[5] Оценка А.И. Соболевским языка "Повести о Петре Златых Ключей" как церковнославянского [Соболевский 1981, 106–107) основана, очевидно, на поверхностном впечатлении от знакомства с начальными страницами перевода.

Опытный переводчик, каким, безусловно, был переводчик ПЗК, не следовал языку оригинала, а использовал русские эквиваленты. Поэтому даже в тех случаях, когда синонимические средства русского языка позволяли использовать элементы, формально тождественные польским, переводчик предпочитает другие, более естественные для той разновидности русского языка, на которую он ориентировался. Например, в предложении *...Między niemi królewna Magielona prawie jakoby różany kwiat kwitnęła* сравнительный оборот вводится союзом jakoby, который можно было бы сохранить в церковнославянском тексте в виде **ꙗко**. Но переводчик предпочитает некнижный союз *что*: *А Магилена меж иными девицами стояла, что прекрасной цвет* 297.

Что должно было указывать переводчику, на какую традицию он должен ориентироваться? До тех пор, пока повествование развивалось по житийной канве, он мог использовать соответствующие образцы церковнославянского языка. Когда житийная канва кончалась и начинался приключенческий сюжет с использованием светского нарратива и соответствующих художественных средств, ему приходилось обращаться к другому опыту. Такой опыт у образованных людей во второй половине XVII в. был уже сравнительно широк. Диапазон текстов, которые обычно (хотя не всегда правомерно) относят к деловой письменности, не исчерпывался канцелярской продукцией. Новым жанром в это время выступают переводные вести-куранты, язык которых на первых порах должен был ориентироваться на летописные сообщения, однако позднее все больше от них эмансипировался. Жанр газетных репортажей, необыкновенно расширявший тематические пределы русской письменности, консолидировал языковые средства, относившиеся к разным письменным формам и уничтожал пропасть между книжными и некнижными текстами.

Перевод романа о Петре Златых Ключей был сделан в русле большой переводческой работы, весьма пестрой по составу участвовавших в ней лиц, что, разумеется, отражалось на лингвистических особенностях переводов. Систематизируя имеющиеся данные о социальном происхождении переводчиков XVII в., А.И. Соболевский объединял их в четыре группы: 1. Переводчики посольского приказа. Среди них были образованные великоруссы (Михаил Юрьев, Иван Гуданский (Руданский) и др.), хотя преобладали иностранцы; 2. Знаменитые монахи, такие как Епифаний Славинецкий, Арсений Грек и Дионисий Грек, работавшие в основном по заказу правительства; 3. Случайные переводчики, в основном приезжие, временно оказывавшиеся в распоряжении московского правительства; 4. Переводчики-любители, работавшие без приказания свыше, из любви к делу [Соболевский 1903, 42–45]. Мы не знаем, кто из них мог сделать этот перевод. Имя переводчика неизвестно, и материал перевода не дает оснований для предположений о его личности. Несомненно только, что он был русский: об этом свидетельствует язык перевода, простой и ясный. Но кем бы он ни был, очевидно, что он владел письменными навыками той социальной группы, которая определяла направление культурных реформ. И популярность, которую приобрел этот текст в следующем XVIII столетии, свидетельствует о том, что обществом это направление было воспринято позитивно.

ЛИТЕРАТУРА

Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. Т. 2. М., 1875.

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 1982.

Живов В.М. Usus scribendi. Простые претериты у летописца-самоучки // Russian Linguistics. 1995, № 19.

Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.

Живов В.М. Формирование норм русского литературного языка нового типа и их предыстория // Reflections on Russia in the Eighteenth Century. Köln; Weimar; Wien, 2001.

Жульева В. Из истории глагольных форм прошедшего времени... // Проблемы обучения иностранным языкам. Т. 8. Владимир, 1973.

Зогр. – Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. Ed. V. Jagić. Berolini, 1879 (Unveränderter Abdruck: Graz, 1954).

Cocron F. La langue russe dans la seconde moitié du XVIIe siècle (morphologie). Paris, 1962.

Кузьмина В.Д. Рыцарский роман на Руси. Бова, Петр Златых Ключей. М., 1964.

Ларин Б.А. Разговорный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961

Матиесен 1984 – The Church Slavonic Language Question: An Overview (IX–XX Centuries) // Aspects of the Slavic Language Question, ed. by R. Picchio and H. Goldblatt (New Haven, CT: Yale Concilium on International and Area Studies, 1984). Vol. I.

Ремнева М.Л. Литературный язык Древней Руси. Некоторые особенности грамматической нормы. М., 1988.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–25–. М., 1975–2000–.

Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб., 1903.

Соболевский А.И. История русского литературного языка / Изд. подгот. А.А. Алексеев. Л., 1981.

Соколова Л.В. Повесть о Петре Златых Ключей // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.), Ч. 3. СПб., 1998.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1–3. СПб., 1893–1912.

Хабургаев Г.А. Рюмина О.Л. Глагольные формы в языке художественной литературы Московской Руси XVII века... // Научн. доклады высш. школы. Филол. науки. 1971. № 4.

Черных П.Я. Язык уложения 1649 года. М., 1953.

Е.М. Верещагин

ДРЕВНЕЙШЕЕ ПОСЛЕДОВАНИЕ ИЛИИ ФЕСВИТЯНИНУ В СЛАВЯНО-РУССКОЙ ГИМНОГРАФИИ

"Во плоти ангел, пророков основание, вторый предтеча пришествия Христова"[1] Илия Фесвитянин (אליה и, с атрибутом, אליהו הנביא; Ἠλίας и, с атрибутом, Ἠλίας ὁ Θεσβίτης) издавна и высоко почитается как в иудаизме, так и в христианстве.

[1] Ὁ ἔνσαρκος ἄγγελος, τῶν προφητῶν ἡ κρηπτίς, ὁ δεύτερος πρόδρομος τῆς παρουσίας Χριστοῦ... Таковы именования пророка в современном (отпустительном) тропаре.

Илия, аскет и подвижник, ангел во плоти, – основал тот вид пророчества, в котором превалируют духовное и этическое начала. Он выступил на общественное служение в момент, когда руками нечестивых Ахава и Иезавели истреблялось единобожие и вводилось идолопоклонство, вступил в открытую борьбу со жрецами и пророками Ваала и Астарты и посрамил их на горе Кармель. Особенно гнала Илию Иезавель; во время его бегства от гнева царицы вороны приносили пророку хлеб и мясо. По слову Илии, горсть муки и малый кувшин масла не оскудевали и питали как его самого, так и бедную вдовицу, давшую ему приют. Этот эпизод аллюзируется в Евангелии: "Поистине говорю вам: много вдов было в Израиле во дни Илии, когда заключено было небо три года и шесть месяцев, так что сделался большой голод по всей земле, и ни к одной из них не был послан Илия, а только ко вдове в Сарепту Сидонскую" (Лк 4:25-26). На пути к Синаю Илия сорок дней оставался вообще без пищи. Из его чудотворений выделяется воскрешение ребенка, которому пророк вдохнул новую душу. Предсказал Ахаву в наказание за грехи засуху, последствием которой стал свирепый голод (см. выше выписку из Евангелия от Луки). Ссылка на этот эпизод имеется в Апостоле: "Признавайтесь друг пред другом в проступках и молитесь друг за друга, чтобы исцелиться: много может усиленная молитва праведного. Илия был человек, подобный нам, и молитвою помолился, чтобы не было дождя: и не было дождя на землю три года и шесть месяцев. И опять помолился: и небо дало дождь, и земля произрастила плод свой" (Иак 5:16-18). Илия удостоился теофании: не в вихре, громе и огне, а в тихом гласе. Помазал вместо себя в пророки Елисея. По легенде, на огненной колеснице вознёсся на небо, оставив Елисею свою чудотворную мантию (милоть). Ср: "Когда они шли и дорогою разговаривали, вдруг явилась колесница огненная и кони огненные, и разлучили их обоих, и понесся Илия в вихре на небо. Елисей же смотрел и воскликнул: отец мой, отец мой, колесница Израиля и конница его! И не видел его более. И схватил он одежды свои и разодрал их на две части. И поднял милоть Илии, упавшую с него..." (4 Цар 2:11-13). Илия оставил после себя целые поколения истинных пророков, готовых на самопожертвование ради духовного обновления народа. В иудаизме Илия считается предвестником Мессии, который должен прийти в мир непосредственно ("за три дня") перед пришествием последнего. См. подробнее [Красный 1991, 83–86].

В христианстве Илия считается предтечей Иисуса Христа. Сам Христос указал на Иоанна Крестителя как на своего Предтечу и назвал его именно Илией: "И если хотите принять, он есть Илия, которому должно придти" (Мф 11:14); "И спросили Его ученики Его: как же книжники говорят, что Илии надлежит придти прежде? Иисус сказал им в ответ: правда, Илия должен придти прежде и устроить все; но говорю вам, что Илия уже пришел, и не узнали его, а поступили с ним, как хотели; так и Сын Человеческий пострадает от них. Тогда ученики поняли, что Он говорил им об Иоанне Крестителе" (Мф 17:10; ср. Мк 9:11-13). Илия является на горе Фавор во время преображения Иисуса Христа: "И вот, явились им Моисей и Илия, с Ним беседующие" (Мф 17:3; ср. Мк 9:4, Лк 9:30). Ссылка на Илию имеется и в эпизоде, когда ученики, по подобию пророка, хотели истребить нечестивых самарян: "...и послал вестников пред лицем Своим; и они пошли и вошли в селение Самарянское; чтобы приготовить для Него; но там не приняли Его, потому что Он имел вид путешествующего в Иерусалим. Видя то, ученики Его, Иаков и Иоанн, сказали: Господи! хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал? Но Он, обратившись к ним, запретил им и сказал: не знаете, какого вы духа; ибо Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать" (Лк 9:54-56). Показательно, что во время борения на кресте Христос, по мнению толпы, призывал именно Илию: "... около девятого часа возопил Иисус громким голосом: *Или, Или! лама савахфани?*[2] то есть: *Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?* Некоторые из стоявших там, слыша это, говорили: Илию зовет Он. И тотчас побежал один из них, взял губку, наполнил уксусом и, наложив на трость, давал Ему пить; а другие говорили: постой, посмотрим,

---

[2] Любопытно, что данная цитата из Псалтыри (21:2; אלי אלי למה עזבתני) приведена в Евангелии не на иврите, а на арамейском (אלי אלי למה שבקתני) , что является еще одним косвенным свидетельством о разговорном языке Иисуса Христа. См. об этом подробнее [Верещагин 2000, 54–55].

придет ли Илия спасти Его" (Мф 27:46-49; ср. Мк 15:34-36). Наконец, ссылка на Илию имеется в знаменитом фрагменте о благочестивом остатке, который вышел из-под пера ап. Павла: "Итак, спрашиваю: неужели Бог отверг народ Свой? Никак. Ибо и я Израильтянин, от семени Авраамова, из колена Вениаминова. Не отверг Бог народа Своего, который Он наперед знал. Или не знаете, что говорит Писание в повествовании об Илии, как он жалуется Богу на Израиля, говоря: Господи! пророков Твоих убили, жертвенники Твои разрушили; остался я один, и моей души ищут. Что же говорит ему Божеский ответ? Я соблюл Себе семь тысяч человек, которые не преклонили колени перед Ваалом. Так и в нынешнее время, по избранию благодати, сохранился остаток" (Рим 11:1-5).

Приведенный обзор, думается, ясно показывает, какова роль пророка Илии, в частности, в христианстве (вобравшем в себя ветхозаветные предикации).

В древнейшей славяно-русской гимнографии (а она в значительной мере представляет собой переводы с греческого) искони представлено (в минеях под 20 июля[3]) богослужебное последование святому. В рамках краткой публикации воспроизводятся песнопения древнейшего славяно-русского богослужебного сборника, переписанного рукой соименника великого пророка, – *Ильиной книги* (сокращенно: *Ил*)[4]. Выдающееся значение источника раскрылось лишь в последнее время.

Производя публикацию, придерживаемся привычных эдиционных правил[5]. Поскольку переводные тексты не всегда прочитываются сами по себе, подключаем, если он отыскан, греческий материал[6]. Источником служит т.н. Римские минеи [Μηναῖα]. Сейчас из публикации, ради экономии места, исключены те богородичны, которые тематически не связанны с пророком; один богородичен, однако, такую связь обнаружил (ср. 09), и он воспроизводится. Полная публикация *Ил* – дело будущего. Последование представляет собой перевод канона Иоанна Мниха плюс три анонимных стихиры. Текст *Ил* сверен с четырьмя древними минеями, также содержащими последование на Ильин день: с одной из соб-

---

[3] По-гречески праздник называется: ἡ ὡς εἰς οὐρανὸν πυρφόρος ἀνάβασις τοῦ ἁγίου ἐνδόξου προφήτου Ἠλιοὺ τοῦ Θεσβίτου, т.е. Еже яко на небеса огненное восхождение святаго славнаго пророка Илии Фесвитянина.

[4] *Ильина книга* (сокращенно *Ил*) – это славяно-русская рукопись из собрания Российского Государственного Архива Древних Актов (РГАДА [Москва], ф. 381 [Син. тип.], № 131; см. ее описания [Сводный каталог 1984, № 76; Каталог 1988, № 16]). Наименование получила по выходной записи. Ил, с точки зрения ее состава, а также особенностей языка и текстов, представляет собой древнейший (из сохранившихся) слав. минейно-триодный сборник (так, она архаичнее знаменитой Путятиной минеи [XI в.]). Об архаичности самой Ил, о ее восхождении к южнослав. протографу и о том, что она была переписана на Руси, свидетельствуют многочисленные данные языка и текста (см. [Верещагин, Крысько 1999; Верещагин 2001, 253–298]).

[5] Следуем эдиционным правилам, принятым в Российско-германском коллективе, осуществляющем издание Декабрьской служебной минеи по древнейшим рукописям (см. [Верещагин, Ротэ]). Ил воспроизводится буква в букву. Пунктуация и диакритика рукописи опущены; анахронистически вносим от себя только опоясывающие запятые (чтобы выделить обращения) и двусторонние кавычки (показывающие границы прямой речи), а также вводящие прямую речь двоеточия. Песнопения пронумерованы. Словоделение и стихометрия (счет стихов) привнесены нами (они отражают интерпретацию текста публикатором). Конец строки в рукописи обозначается одной вертикальной чертой (|), конец страницы – двумя (||), а сторона листа – поднятыми лат. литерами (лицевая ^{r} и оборотная ^{v}). Для песнопений приисканы греч. соответствия (по [Μηναῖα]). Публикация осуществляется на двух языках (по билинеарно-спатическому методу; см. [Верещагин 2001, 15–77]).

[6] Поскольку слав. текст плохо прочитывается без опоры на греческий.

рания ГИМа (под сиглом **Тп**) и тремя из РГАДА (ф. 381) – №№ 120 (118r–120r; под сиглом **И**[юньско-июльская]), 123 (85r–89v; под [условным] сиглом **Ю**[льская]) и 126 (127r–132r; под [условным] сиглом **J**[ульская]).

01 143v 1–7 **кд҃. сѣдало. прр҃ка. | илии · гл҃а · в҃ · пѣ҃ · а҃ · грⷣѣте |**
(1) Ἄδειν προῃρημένοι τῶν Ἡλιοὺ θαυμάτων
Пѣвати оубѣжденι илинъ | чюдесѣ
(2) τὴν πυρίπνοον δύναμιν
огнедъхновенынж силѫ
(3) τῆς πυρομόρφου καὶ σεπτῆς γλώσσης
огнеобразьна чт҃а газъыка |
(4) τῆς τοῦ Πνεύματος τὸ σθένος
дⷯховьноу силоу
(5) ἐπαξίως ἐπικεκλήμεθα.
достоино вы|си да призовемъ · |

02 143v 8–12 (1) Νέμεις τὰ ὑπὲρ φύσιν τοῖς πειθαρχοῦσιν, Λόγε,
Л·кши[7] паче кстьства послⷯша|ѭщимъ х҃е,
(2) τοῖς σεπτοῖς σου προστάγμασι
чьстьнаго ти вел҃|нига
(3) καὶ ὑποτάττεις ὑετοῦ πύλας διὰ Πνεύματος
и покарⷯкши дъжда вра|та двьри дⷯхомь
Ю: **дьржа врата и двьри**
(4) σθενούμενον τὸν λόγον ἀπεργαζόμενος.
оукрѣплⷯѭ|и словомь съдѣваѭ · |

03 143v 13–17. Богородичен опущен.

04 144r 1–6 **пѣ҃ · г҃ · на камени мⷯ вѣры оу|**
(1) Ὡς ἄριστος προφῆτα ὁ ἑστιάτωρ
Ѩко пиритель, прр҃че, изⷯщьнъ
(2) ὁ κόραξι τελῶν σοι τὴν πανδαισίαν
Тво|рⷯи ти врⷯномъ възвеселик|
(3) ὁ μόνος ἐμπιπλῶν πᾶν ζῷον εὐδοκίας
кдинъ насытⷯ вьсⷯко животь|но бл҃говеник
(4) ᾧ πάντες κράζομεν·
кмⷯже вси п҃|кмъ
(5) Σὺ εἶ Θεὸς ἡμῶν
тъı кси б҃ъ нашь
(6) καὶ οὐκ ἔστιν ἅγοις πλήν σου, κύριε.
и нѣсть · |
Концовка по J: **и н҃ѣ правѣдьна паче т.**

---

[7] При рассмотрении под микроскопом на месте точки – скорее ѣ, чем ⷣ. Йотация к видна неотчетливо.

05 144r 7–12 (1) Ὁ κλείσας ὀμβροτόκους νεφέλας ὗειν
ꙁатвори тѫченосьнъı облакъı ѡ|дъѭдити
(2) τροφῆς ἠπορημένῃ τῇ Σαραφθίᾳ
пища не имѣꙗ| сарепфиньı
И **сарфтъı**, Ю **сарефтъı**, J **сарафтъı**
(3) τὰ λείψανα τῆς βρώσεως ἀνενδότως
останъкъı и| брашьно славьно

Текст, судя по греч. оригиналу, испорчен; ср. Тп: **останъкъı брашьнъ неослабьно** (*так же* – И, J).

(4) ψεκάζειν ἔδρασας·
росити сы|твори
(5) διὸ καὶ ἔκραζες·
тъı же въпиꙗше
(6) ὡς οὐκ ἔστιν ἅγοις πλὴν σου, κύριε.
ꙗко | нѣсть сѭта паче тебе, г҃и.|

06 144r 13–17. Богородичен опущен.

07 144v 1–5 **пѣ · а҃ · оуслъıшахъ, г҃и · |**
(1) Ῥιζοτόμος μὲν ὤφθης κακίας σαφῶς, Προφῆτα,
Корасѣчьць[1] **ꙗви сѧ ꙁлобѣ ꙗ|вѣ, прр҃че**
Тп **Корени въсѣкатель** Ю И, J **въıсѣ-**.
(2) ἀρετῆς δὲ φυτοκόμος
добродѣтели же са|дитель
(3) διὸ τιμῶμεν σε.
тѣмь же тѧ вьси| блажимъ.|

08 144v 6–8 (1) Ἐλοιδορεῖτο λογοῖς σε χήρα
Хѫлѧше тѧ словесъı въдовица|
J: **Гулѧше тѧ** (так!)
(2) τροφὸς τὸν θάνατον, Προφῆτα,
питателѧ съмрьти, ѡ прр҃че, |
(3) τοῦ παῖδα τὴν ἔγερσιν ἐπισπεύδουσα.
отрочати въстанию Тъıцаци с.|

09 144v 9–11. Богородичен, тематически связанный с Илией. Греч. текст не отыскан.
(1) **Бц҃ю тѧ чьтѧще прр҃къ**
(2) **въ|плъıщена сн҃а твоего, влд҃це,|**
(3) **мироу проповѣда.|**
В И, Ю, J – другой богородичен.

10 144v 12–16 **пѣ · е҃ · свѣта подател · |**
(1) Νόμος πατρῷὸς σε
ꙁаконъ оч҃ь тѧ
(2) ὡς πρεσβευτὴν παναληθῆ ἐδειξε
ꙗко молителѧ и|стинѣ показа

(3) τερατουργὸν ἐκτρέποντα φύσεις στοιχείων, Ἠλιού,
чюдителѧ прѣ|мѣнѧщѧ рода стүхиѥ, илиѥ,
(4) καί ὅσιον θῦμα φλογίζοντα νάμασιν.
ди|вьно чюдо попалѧщѧ водами. |

Паронимическая замена во время перевода: переводчик принял θῦμα "жертва" за θαῦμα "чудо". В других минеях (в результате справы?) имело место согласование перевода с греч. источником: Тп, Ю, J **и прѣподобъноу жьртвоу попалѧѥ водами.**

11 144ᵛ 17, 145ʳ 1–4 (1) Ὕσχυνας ἄριστα
Посрами, изѧщьне,

Тп, И, Ю, J **добрѣ**

(2) ὡς ἀληθείας λατρευτὴς, Ὅσιε,
ꙗко истинѣ|| слоүжитель сѧ҃ъ

Тп **ꙗко истиньнъıи слоүжитель, пр҃дбне,**

(3) **совѣта истинь|наго**

Греч. соответствия строке нет. Строка пропущена также в Тп, И, Ю.

(4) τῆς ἐναγοῦς προφήτας αἰσχύνης, παμμάκαρ Ἠλιού,
пр҃ркъ и стѫда скверьнна|го потрѣблѧѥ, блажене илиѥ,

Тп ... **до скверьньна стоүда, пр҃ркъ бж҃ие илие ...**

(5) σαφῶς ὑπογράψας Τριάδος τὴν δύναμιν.
ꙗ|бѣ прона|павъ трⷪ҇а сѧ҃ıа силоү.|

Редкий случай полипрефиксации. В Тп и И 2-й приставки нет: **прописавъ.**

12 145ʳ 5–9. Богородичен опущен.

13 145ʳ 9–13 **пѣ · ѕ҃ · бездьна мѫ|**
(1) Ἴνδαλμα θεοσεβείας
Подобиѥ б҃очьстиꙗ
(2) καὶ βίου ἀκραιφνεστάτου
и житиꙗ пр҃вта|го
(3) φυτουργὸς ἁγνείας ἐγένου
садителѧ чистотѣ
(4) Ἀγγέλων τε μίμημα,
онг҃лмъ о|бразьнъ тъı бъıсть,
(5) θεσπέσιε Ἠλιοὺ θεοφόρε.
прѣславьне илиѥ б҃оносе.|

14 145ʳ 14–17 (1) Οἶστρός σε προφητοκτόνου
Гнѣвъ тѧ пр҃ркъ бикниꙗ

Ю: **пр҃рче бъıлиꙗ**

(2) γυναίου ἐκδειματώσας
женьскъ| страшивъ
(3) τὸν δεσμεῖν καὶ λύειν λαχοντα
вѧзати и рѣшати при|имъша

(4) ὄμβρων ἐπίβλυσιν,
тѫча дъждьнꙑıа,
(5) θεσπέσιε Ἡλιοὺ, φυγαδεύει.
прѣслаıвьне илие, прожеиеть.ı
И, J прожетъ, Ю прѣженеть.

15 144r 18, 145v 1–3. Богородичен опущен.

16 145v 4–9 **пѣ · ѕ · о тѣлѣ златѣ наи̑ ·** ı
(1) Τὴν παραδόξως θεόθεν σοι σχεδιασθεῖσαν δύναμιν ἐνδεδυκὼς
Прѣславьноу ѿ ѣа данѫ ти въ силѫı обълкъ сѧ
Тп, И, Ю, J … ѻ ѣа ти особьноуꙋю силою …
(2) τροφῇ μιᾷ τεσσαρακονθήμερον, Ἡλιοὺ θεσπέσιε,
пицıю четвородесѧТьıноу, илие прѣславьне,
Тп, И, J пицею единою четꙑредесѧте дн̑и, илие ѣогла̑не…
(3) τὴν δολιχήν καταλέλυκας ὁδον·
прѣдългаıго шьствова тъı пѫти
(4) διὸ ἐν Χωρὴβ χορεύων ἔψαλλες·
тѣмьжеı въ хоривѣ ликѫıа поıаше:
(5) Εὐλογητὸς ὁ Θεὸς ὁ τῶν πατέρων ἡμῶν.
“**прѣпѣТъı**”-ı
J – другая концовка: **блг̑.**

17 145v 10–14 (1) Θεοφανείας ἠξίωσαι καὶ προφητείας
ѣогавлениıа съподоби сѧ прⷪ̑ствоıва
(2) ὥσπερ ὁ μέγας Μωσῆς
ıакоже велии моиси
(3) προφήτας χρίων διὰ Πνεύματος, Ἡλιοὺ θεσπέσιε, καὶ βασιλεῖς·
прⷪ̑ъı помаıзаıа дⷯомь, илие прѣславьне, иıцр̑ѧ
Тп, И, J ц̑ства покаıзаѧ дⷯмь а не ѣогла̑ ц̑рѧ; Ю: показаıа дⷯмь, илиⷦ ѣгогласе.
(4) καὶ τῆς δόξης ἐν Θαβώρ Χριστοῦ θεατὴς γενόμενος βοᾶς·
славъı въ ѳаворѣ ⷯоу виДиТеıль въıвъ
(5) Εὐλογητὸς ὁ Θεὸς ὁ τῶν πατέρων ἡμῶν.
въпиıа: “прѣпѣтъıи бл̑нъ”.ı
J – другая концовка: **блг̑енъ.**

18 145v 15–18, 146r 1–4. Богородичен опущен.

19 146r 5–11 **пѣ · и̑ · пещь огньна ·** ı
(1) Ἄριστα εὗρεν Ἀχαάβ
Изѧıщьнъ обрѣте ахавъ
Тп, И, Ю, J Дьржавьно…
(2) τὴν τοῦ γένους εὐπρεπῆ πανωλεθρίαν
рода изѧıщьно вьсегѫбительство
Тп, И, Ю, J рода блг̑олѣпно …
(3) Προφήτου ἐλεγμῷ
пр̑каı обличакть
Тп, И, Ю, J прр̑ка обличенъıимъ

(4) μιαιφόνου μύσους ἀντέκτισιν·
оубиистьвьнѣи зависти възмьздик
Гп, И, Ю, J оубиистьвьнъı мнѡие
(5) ὁ Θεσβίτης δὲ ἐκ πυριπνόου φρενός
тезвитѣинимѣ же изъ огнедъхновена ума
(6) τῷ Ζωοδότῃ ὕμνον ἀνεμέλπετο·
жизнодавьцю пѣ пояше:
“блѣте”.|

20 146r 12–17 (1) Ὗει σοι πῦρ ἐξ οὐρανου
Дъждить сѧ огнь съ нбсе
(2) καταφλέγον Ἡλιοὺ ἐπιθεμένος
попалѧща илиинъı безбожьникъı
И, Ю, J: **безбожиа**
(3) πεντήκοντα δισσοὺς
пѧтьıдесѧтьника
(4) ὡς Θεοῦ ἀρίστῳ θεράποντι·
яко слѫжѣ бѫии изѧщьно
(5) τῷ κρατοῦντι γὰρ τῆς ἀειζώου ζωῆς
дрьжащюмѫ бо присноживѫщю жизнь
(6) θεοπρεπῶς τὸν ὕμνον ἀνεκραύγαζες·
болѣпьно пѣ въпиаше:
(7) Τόν Κύριον ὑμνεῖτε τὰ ἔργα...
«блѣте дѣла гѫ га».

21 146r 18, 146v 1–3 (1) Μύστην σε ἔδειξε Χριστὸς
Оученика яви тѧ гь
(2) ὡς ἀγνείας φυτουργὸν ὁ τῆς παρθένου
и чистотѣ сядителѧ дѣистьна
И, J: **дѣвьствена**. Далее две строки [пропущенные в Ил] по И:
ὑπέρθεος βλαστὸς
прѣбѫиа вѣтвь
ἐν Θαβὼρ τῆς θείας σαρκώσεως
въ фаворѣ бѫиа въплощениа
(3) τῆς Θεότητος τὸ ἀκατάληπτον φῶς
бжствьнъıи непостижьнъıи свѣтъ
(4) ἐν τῇ αὐτοῦ σαρκὶ δεικνύς σοι κράζοντι·
на своки плъти явлѧѣть пѧ:
Τὸν κύριον ὑμνεῖτε...
«блѣте дѣла».|
Примечательно, что в 8-й песни – три тропаря, но нет богородична.

22 146v 4–10 **пѣ. ѳ. яже прѣжде слнца дь .**|
(1) Ἄτρεπτον ἀνθρώποις
Нетлачьнъ члвкъ
(2) πορείαν ἐπὶ γῆς πολιτευσάμενος
и шьствик на зе|мли поживъ, славьне,
И, Ю, J: **...положивъ...**
(3) τῇ μηλωτῇ τὸν ροῦν τὸν Ἰορδάνιον

милотию| потокъı иерданьскъıа
(4) ὁ Θεσβίτης περαιωθεὶς
прѣшьдъ,| славьне тєзвито,
Тп **тєзвитѣни, пришьдъ**
(5) διφρηλάτης αἰθέριος
прѣстольнъ є|фиренъ
Тп, Ю **прѣстольнъ є|фиренъ**; И: **пресвѧтиленъ ефирьнъ**, J: **пресвѧтильнъ ефирьнъ**
(6) οὐρανοδρόμον ἤνυσε
и б҃ошьствьно сътвори|
Тп, И, Ю **нб҃отокъ створи же**
(7) ξένην πορείαν διὰ Πνεύματος.
странньнок шьствик д҃хомь.|

23 146ᵛ 11–16 (1) Τῆς θεοσεβείας τῷ ζήλῳ
Бо҃чьстиа си рьвеникмь
Ю **бочьстителѧ си**, J **бл҃гочьстителѧ се рьвьниемь**
(2) ὁ Θεσβίτης πυρπολούμενος
тєзви|тѣнимъ палимъ
(3) ἐν πυριμόρφῳ ἅρματι ἐπαίρεται·
на огнеобразь|нѣ орѫжии възѧтъ бысть
(4) μηλωτὴν δὲ ἐπιβαλών
мило|ть же възложивъ
(5) ὃν λαθεῖν οὐ δεδύνεται Ἐλισαιὲ δισσούμενον
кгоже и єлисе|и сѫгѫбима
Тп, И, Ю, J **кже таити сѧ не възможе єлисѣи соугоубь** (в И без **не**)
(6) καταλιμπάνει θείᾳ χάριτι.
оставлѧкть б҃ик|мь даромь.|

24 146ᵛ 17–18, 147ʳ 1–3. Богородичен опущен.

25 147ʳ 4–13 **сѣ** (**гл҃а**) **и прѣмѫдрости сло|**
(1) **Источьника чюдеси**
(2) **пр҃рькомъ до|бротѫ оубо вьси**
(3) **пѣсньствьно в҃ѣ|рою похвалимъ**
(4) **тєзвитинина и|лиѫ**
(5) **съ плътьıѫ бо кще съı бе-с-ъмрь|тьнъ**
(7) **и мрьтвъımь извѣщакть| въстани҆к**
Ю: **мр҃твъımъ оувѣрѧкть и-мр҃твъıхъ въскр҃ник**
(8) **тѣмь дрьзновеник| имѣıа къ б҃оу**
(9) **даровати цѣльбъı| просящимъ**
Ю: **подаеши цѣльбоу вѣрою просящимъ**
(10) **моли х҃а б҃а прилѣ|жьно**
(11) **грѣховъ оставленик по.|**
Греч. текст пока не отыскан.

26 147ʳ 14–18, 147ᵛ 1–2. 1-я стихира (на “Господи воззвах”).
ст҃и· гл҃а· а҃· нбєсьнъımъ чи|

(1) Ὁ τὸν Θεσβίτην Ἠλίαν
Илиѫ тезвитинина
(2) πυρίνῳ ἅρματι
къ орѫжии оⁱгньнѣ
(3) ἀπὸ τῆς γῆς, οἰκτίρμον, μεταθέμενος, Λόγε,
ѿ земла, цедрыи, прѣлоⁱживъ, спе̑е,
(4) ταῖς τούτου ἱκεσίαις σῶσον ἡμᾶς
егоже молениемъⁱ спи̑ши ны
(5) τοὺς πιστῶς σε δοξάζοντας
вѣрьно тебе славѧщаѧ.ıı
καὶ τὴν αὐτοῦ ἐκτελοῦντας χαρμονικῶς
(6) ⟨и его⟩ [т]ворящаѧ радостьноⁱ
θείαν μνήμην καὶ σεβάσμιον.
(7) ⟨сѫ̑⟩[ѭ] память и спсьноуѭ
Слова в угловых скобках реконструируются на основе греч. текста.

Две остальные стихиры, несомненно, представлены в Ил, но они написаны на последнем – затертом и нечитаемом – листе. Они вполне читаются в источниках И, Ю и J. Ниже мы выписали их по И:

27 2-я стихира (на "Господи воззвах").
(1) Οὐ συσσεισμῷ ἀλλ' ἐν αὔρα λεπτῇ
Въ вихрѣ и въ вѣтрѣ тонцѣмь
(2) τεθέασαι Θεοῦ τὴν παρουσίαν, Ἠλιοὺ θεομάκαρ,
видѣ бо̑жиѧ пришествиѧ, илиѧ преблⷭ̑жне,
(3) φωτίζουσάν σε πάλαι·
просвѣтѧщи тѧ дрѣве
(4) ἅρματι δὲ ἐποχούμενος τέθριππος
на оружии сѣдѧ четвероконечнѣмь
(5) τὸν οὐρανὸν διϊππεύεις ξενοπρεπῶς
нбо приѧждѧеши страшнолѣпно
(6) θαυμαζόμενος, θεόπνευστε.
чюжьдѧкмъ, бо̑дохновене.

28 3-я стихира (на "Господи воззвах").
(1) Τοὺς ἱερεῖς τῆς αἰσχύνης ξίφει κατέσφαξας·
Иерѣиѧ студъныѧ ножемъ закла
Ю: **бестоудьныѧ**
(2) τὸν οὐρανὸν τῇ γλώττῃ ἐπὶ γῆς τοῦ μὴ βρέχειν ἐπέσχες
но нбо ꙗзыкомь не одождити оудержа
Ю, J: ...**ꙗзыкомь на землю не одъжгити...**
(3) ζήλῳ θείῳ πυρπολυθείς·
рвениемь распалимъ
(4) Ἐλισαῖον δὲ ἔπλησας
и елисѣиѧ же исполни
(5) τῆς μηλωτῆς ἐπιδόσει διπλῆς, σοφέ Ἠλιοὺ,
дѣѭникмь мо̑тию сутубою, мудре илие,
(6) ἐνθέου χάριτος.
бо̑жии бл̂тї.

На этом издание драгоценного источника (с избранными лексическими разночтениями) завершается. Архаичность текста видна невооруженным глазом. Теперь имеется возможность приступить к многообещающему исследованию.

ЛИТЕРАТУРА

Верещагин Е.М. Библеистика для всех. М., 2000.

Верещагин Е.М. Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания. М., 2001.

Верещагин Е.М., Крысько В.Б. Наблюдения над языком и текстом архаичного источника – Ильиной книги. Статья первая // ВЯ. 1999, № 2. Статья вторая // ВЯ. 1999, № 3.

Верещагин Е.М., Ротэ Г, издатели. Служебная минея за декабрь в церковнославянском переводе по русским рукописям XII–XIII вв. Наборное издание. Последования дней декабря с 1-го по 8-ой. Подготовили и прокомментировали: Е.М. Верещагин, А.Г. Кравецкий, Д. Кристианс, Л.П. Медведева, Г.Ротэ и Н.Трунтэ. Под редакцией Е.М. Верещагина и Ганса Ротэ // Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, Bd. 98. Opladen, 1996.

Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР. Ч. 1 и 2. М., 1988.

Красный Г. Илия // Еврейская энциклопедия. Т. 8. СПб., б.г. (допечатка: М., 1991).

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984.

Μηναῖα τοῦ ὅλου ἐνιαυτοῦ. Ἐν Ῥώμῃ, 1888–1901.

А.В. Суперанская

ИМЕНА МОНАХОВ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ
(по данным словаря Памвы Берынды)

В конце XVI – начале XVII в. разница между церковнославянским, стремившимся к консерватизму, и живыми народными говорами увеличивалась. Для чтения и понимания церковных книг требовались словари. Составленный по второй половине XVI в. и содержавший около тысячи слов рукописный "Лексис с толкованием словенских мов просто" и первый печатный "Лексис. Сирѣчь речениѧ въкра́тъцѣ събраны и из словенскаго ꙗзы́ка на простый ру́ский диѧлектъ истолкованы" Лаврентия Зизания (первое издание 1596 г.), содержавший 1061 слово, уже не удовлетворяли читающих. Под словенским языком понимался церковнославянский, под простым русским – язык Юго-Западной Руси, еще не вполне украинский, но давно уже не русский. Нужен был более полный словарь, каковым стал труд Памвы Берынды (первое издание – 1627 г., второе, посмертное, – 1653 г.).

Традиционное русское произношение его имени *Памва*. В.В. Нимчук, осуществивший в 1961 г. в Киеве переиздание труда *Памвы* Берынды, настаивает на

форме *Памво*. Сам Берында пишет свое имя *Памво*, через омегу, но склоняет его *Памвы*. В словаре его толкуется имя святого мученика *Пáмвон* и дается иллюстрация, на которой благородный старец сидит на фоне распятия, а к нему тянутся люди со всего мира: из Египта, Ливии и даже Адам и Моисей, "пи́щу сúмъ Бъ подает неконча́емую". Кроме того, упоминается монах *Памвон*, Нитрии житель. Даты поминовения обоих Памвонов разные. Поскольку по нормам русской грамматики имена, оканчивающиеся на *-о* не склоняются, а имя Берынды принято склонять, в данной статье сохраняется традиционное русское написание его имени – *Памва*. В Житии всех святых за 1916 г. написано: *Памвон* – то же, что *Памва*.

Лексикон Памвы Берынды включает около 7 тысяч словарных статей. Он разделен на две части: в первой дается перевод слов общей лексики на росский, т.е. украинский язык начала XVII в., например, *агнецъ – бара́нок, бара́нъ; агни́ца – ове́чка, овца́*; *въпїю – кричу́*. Во второй части толкуется специальная лексика: имена людей, названия местностей, непонятные имена нарицательные, преимущественно заимствованные, и имена монахов и монахинь Киево-Печерской лавры: "Прида́ны жѐ суть Имена́ Преложе́нїа на́ Постры́же́нїи Кало́герства". Толкование имен нарицательных и собственных дается в одинаковой манере. Имена святых и монахов сопровождаются календарными датами их поминовения или прославления. Интересно, что некоторые имена нарицательные, толкуемые Памвой Берындой, впоследствии вошли в церковные календари как имена святых, например, *Фїлософъ* – мудролюбец, *Смара́гдъ* – шмара́къ.

Памва Берында учел труды своих предшественников (Максима Грека, Лаврентия Зизания и других). Ссылки на них включаются в некоторые словарные статьи. В число толкуемых слов у него попадают некоторые лингвистические термины, например, "Дíфѳонгъ – двоегла́сный", "Грамматíка – до́брого писанѧ и мовенѧ нау́ка". В ряде случаев делаются отсылки от одной части словаря к другой. Например, во второй части дается: "*Дíдѵмъ* – зри́ Близне́цъ". Сопровождающая дата – 11 сентября – свидетельствует о том, что это имя святого. В первой части слово *Бли́знецъ* объясняется как близнѧк, дается его греческое соответствие δίδιμος, метафорическое значение: "дводу́шен ку́пно и двоеу́мен" и специальные значения: "зо́дїе мàїево, планета небеснаа", т.е. знак зодиака. Слово *Близнец* в первой и второй частях дано с разным ударением. Слово *дидим* Памва Берында по-гречески пишет через йоту, но имя *Дидим* – через ижицу, как если бы в греческом был ипсилон. Бережное отношение к иностранным словам проявляется у автора даже в том, что он сохраняет иноязычные косвенные падежи. Так, имя *Дїоскори́дъ* он толкует как "снъ Іовишов", но *Дїоско́ръ* – как "Зе́всовъ отро́къ", ср. лат. Juppiter – Jovis. Имя *Дїо́съ* поясняется как "Зе́vсъ, лат.: Юпѣ́тер, Іо́вѣш". Разное написание имени *Зевс*, возможно, свидетельствует о том, что *в* и "ижица" в этой позиции звучали для Памвы одинаково. Поразному написанный компонент *Дионис* в словах *Дїонúсїа* и *Андродvонúсіа*, очевидно, свидетельствуют о том, что не было различия в произношении буквы *і* и "ижицы" после согласных. Эти отступления от этимологического принципа не обесценивают приведенного на с. 244 публикации В.В. Німчука обращения Памвы Берынды к читателям: "Молю́ же *и і ѵ, о ѡ ъ, ѳ т ф, е є ѣ, оѵ ꙋ ѫ*, зна́й разли́чїе".

Труды Памвы Берынды оказали большое влияние на русскую орфографию вообще и на написание имен, в частности. Он придает особое значение толкованию имен, чтобы установить их этимологически правильное написание. Его предшественники, например, Максим Грек, толкуя имена, не меняли обиходного их написания. Они записывали имена так, как они звучали, и орфограммы *Ѳеодор* и *Феодор*, *Дмитрий* и *Димитрей* не имели для них принципиального значения. Памва Берында устанавливает написание имен вопреки их живому русскому произношению, ориентируясь на нормы чужого языка. Тем не менее, сто лет спустя, в приложении к московской печатной Библии XVIII в. обнаруживаются орфограммы, предложенные Памвой Берындой. Таким образом, его деятельность способствовала стабилизации письменных форм церковных имен (в рукописных минеях XIV–XVII вв. орфограммы варьируют в очень широком диапазоне) и отрыву их от живого русского произношения. Если бы нормы написания русских имен были ориентированы на Максима Грека, они были бы более рациональными и простыми.

Ниже приводится фрагмент второй части словаря Памвы Берынды – имена монахов с их толкованиями и датами поминовения. Порядок букв у него греческий. Из этого фрагмента явствует, что монахам редко давались имена хорошо известных святых. В материалах Памвы Берынды нет таких имен, как *Агриппина, Варвара, Марфа, Мария, Глеб, Григорий, Лазарь, Михаил, Симеон, Яков*. Была тенденция давать монахам имена малоизвестные, иной раз совершенно новые, которыми не звались люди предыдущих поколений. Таковы встретившиеся у Памвы Берынды не фиксировавшиеся ранее имена некоторых монахов: *Агафоник, Агафопод, Афинодор, Алоний, Варсонофий, Геронтий, Диодор, Карион, Гаиана, Евникия, Синклитикия, Филонила*.

Чтобы показать, как развивался церковный именослов после Памвы Берынды, проведено сравнение с Церковным календарем за 1960 г. В скобках отмечены данные этого календаря, из чего ясно, что ряд зафиксированных Памвой Берындой имен монахов в дальнейшем не вошел в обиход Русской Православной Церкви, например, *Арсакий, Манассия, Питирун, Варсунофия, Венедикта, Евагрия, Леонида, Прокла*. Наоборот, некоторые из имен киевских монахов затем вошли в церковный обиход.

Такие достаточно популярные в наши дни имена, как *Виталий, Геннадий, Кира* первоначально были монашескими именами. Но большинство имен Киево-Печерских монахов было известно и ранее. Тем не менее, попав в монашеский обиход, такие имена, как *Аффоний, Ахила, Варсонофий, Геласий, Гервасий, Иоиль, Мартирий, Пигасий, Самон, Голендуха, Епихария, Текуса*, в дальнейшем стали восприниматься главным образом как монашеские.

Чтобы показать, на каком фоне развивалось творчество Памвы Берынды, проведено сравнение опубликованных им имен с именами из рукописных миней XIV–XVII вв., собранных автором данной статьи. Имя *Андрей* в некоторых минеях писалось через "ять". Памва Берында пишет его через *е*. Имя *Аристоклей* у Памвы Берынды также пишется через *е*, в минеях – через "ять", современная церковная форма *Аристоклий*, хотя вторая основа имени греч. *клеос* 'слава'. Орфограммы ряда имен в минеях неустойчивы. Не преодолел варьирования и Памва Берында. Приводим небольшую сопоставительную таблицу написания имен у

Памвы Берынды и в минеях XIV–XVII вв. Имена в минеях часто стоят в родительном падеже, иногда – в других косвенных, у Памвы Берынды – в именительном.

Памва Берында 1627	**Рукописные минеи XIV–XVII вв.**
Алѵ́пїй	Алимпий
Дометиан, Домитиан	Доментиан
·Ѳ·аддѣ́й	·Ѳ·адеа, Фадѣя
Іеремей, Іеремѣй, Іеремѣ̀ѧ	Иеремѣе, Иеремию, Еремѣя, Еремия
Іу́да	Июда
Ісідѡ́ръ	Сидора
Ісмаи́ль	Измаила
Іѡ́въ	Иова, Иева
Кодра́тъ, Ꙗодра́нтъ	Кондрата, Коньдрата
Ло́ггінъ	Логин (Календарь 1960 г. Лонгин)
Мартініа́нъ	Мартимиана, Мартимияна
Мартѵ́рїй	Мартуриа, Мартурья (1960 г. – Мартирий)
Мат·ѳ·е́й (монах), Мат·ѳ·і́й (имя)	Матьфѣя, Мат·ѳ·иа
Мѡѵсі́й, Мѡѵсей	Мосеа, Мосѣа, Моисѣя, Моисея
Ону́фрїй	Онофрия, Анѫ·ѳ·риа
Па·ѳ·ну́тїй	Пафнотиа
Спѵ́рідѡнъ	Спиридона
Сѵмеѡнъ	Семеона, Симеона, Сумеона, Симона
Та́рахъ	Таръха, Тарха
Оуале́нтъ	Уалента, Оулента
Харала́мпїй, Харала́мбїй	Харлампия, Харлампья, Харламфия
Ага́·ѳ·їа	Агафье, Ага·ѳ·ые, Агафии
Акѵлі́на, Ахѵлі́на	Акилины, Акоулины
Глѵке́рїа	Гликерию, Глоукырья
Кікілі́а	Киликию, Киликые[1]
Маме́лх·ѳ·а	Мамелхи, Мамелхы
Хрісті́на	Хръстины, Крестины

В словаре Памвы Берынды отсутствует имя *Кукша*, хотя, согласно И. Бухареву (1916, 431), он был одним из иноков Киево-Печерской лавры. Он проповедовал среди вятичей в XII в. и был убит ими. Вместе с ним погиб его ученик Никон. Кукша причислен к лику святых, Никон – нет. Имя *Кукша* появляется в церковных книгах только в конце XVIII – начале XIX в. Среди святых Русской Православной церкви числится *Никон Сухий*, живший в то же время, что и Кукша, и бывший монахом Киево-Печерской лавры. Его житие очень туманно. Кукша был убит в Мещовском уезде, где в то время жили черемисы (современные марийцы). В марийском языке *кукшо* ‘сухой’. Кукша изображался в виде высохшего плешивого старца.

[1] Имя *Кикилия* (*Цецилия*), как представлено в Календаре 1960 г., долгое время смешивалось с именем *Киликия* – по названию области в Малой Азии. У Памвы Берынды имя *Кикилиа* дано без толкования, а слово *Киликиа* – “точачая, або отвиваючаа” – без даты, т.е. не как имя.

Возникает предположение: не являются ли Никон и Кукша одним лицом. Тогда *Кукша* – перевод на марийский язык добавочного имени Никона – *Сухий*.

Ниже печатается фрагмент "Лексикона славенороссского" Памвы Берынды – имена монахов и монахинь.

Принятые сокращения

я	– январь	ил	– июль
ф	– февраль	ав	– август
мр	– март	с	– сентябрь
ап	– апрель	ок	– октябрь
м	– май	н	– ноябрь
ин	– июнь	д	– декабрь

б/д – без даты
б/у – без авторского ударения

Отсутствие ъ в некоторых словах означает, что их конечные элементы писались над строкой и его не содержали.

Слова (то же) в скобках означают, что в Православном церковном календаре на 1960 год (Издание Московской патриархии) те же имена приходятся на те же даты. Слова (то же и др.) означают, что, помимо дат, указанных Памвой Берындой, данное имя соотносится также еще и с другими датами.

ЛИТЕРАТУРА

Бухарев И. Жития всех святых, празднуемых Православною Греко-Российскою церковию. Изд. 6. М., 1916.

Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVIII вв. Л., 1975.

Німчук В.В. Лексикон словенороський Памви Беринди. Київ, 1961.

Сахаров И. Сказания русского народа. Т. II. СПб., 1849.

Срезневский И.И. Древний русский календарь по месячным минеям XI–XIII века. Христианские древности и археология. Кн. 7. СПб., 1863.

Имена монахов

Авдѣй, и́ли Аѵдíй: ра́бъ Гн̑ь, а́бо свѣ́док Гн̑ь, ша́фаръ до́му кро́лѧ Аха́ва... и Авдíа пророкъ ты́жъ Авдíй 19 н (Авдий 19 н)

Ави́въ 15 н (Авив 15 н и др.)

Ага҃ѳо́нікъ: благопобѣ́дный 22 ав (Агафоник 22 ав)

Ага҃ѳопо́дъ: благоно́жный, до́брыхъ но́гъ 5 ап (Агафопод 5 ап)

А҃ѳана́сїй: безсъмрътенъ, т.е. бесме́ртный 24 ок, 4 я и др. (Афанасий эти и другие даты)

А҃ѳіноду́ръ: Мѣне́рвин дар, 7 д (Афинодор 7 д)

Ака́кїй: незлоби́вый, про́стый... 15 с, 29 н и др. (Акакий эти и другие даты)

Акіндѵ́нъ: безбѣ́дник, нѐ сы́й въ беда́хъ, т.е. не бу́дучїй въ жадном небезпеченствѣ, мч, 2 н, 20 ап (Акиндин 18 ап, 22 ав, 2 н)

Ало́нїй: звитѧжо́ный, пойма́ный. б/д (нет)

Алѵ́пїй: беспеча́лный, безскръбный... 26 н (Алипий 26 н и др.)

Амбро́сїй: несмерте́лный, 7 д (Амвросий 7 д)

Аммѡо́нїй зъ грец: пѣсо́чный, зъ ев: лю́дъ фолгу́ючїй мнѣ. 9 с (нет)

Амона҃ѳе́й б/д (нет)

Амфілóхїй: ѡт двóю рожденъ. около потаéный… 27 мр (Амфилохий 23 мр и др.)
Анастáсїй: въскрéсен. 5 д (Анастасий 5 д и др.)
Анатóлїй: всходний. муч. 23 ап, 3 ил (то же и др.)
Андрéй: мужествѐнъ, смѣ́лый,.. або зъ евр: сѝла. много дат (то же)
Андріан: мужественный… 4 с (Адриан, другие даты)
Андрóнікъ: мужепобѣдѝтелный. много дат (Андроник, даты не совпадают)
Анýвей: Бóгъ егѵ́петскїй. б/д (Анувий 5 ин)
Анýрїй: высóкий, áбо нѐзмóклый. б/д (нет)
Апóллѡсъ и Апóллѡ 8 д, 29 и 30 мр (Аполлос 8 д, 30 мр и др.)
Арістáрхъ: изрядчый началник, або наилѣпшїй княз, ел.: 27 с; 14, 26 ап (Аристарх 27 с, 15 ап, 4 я)
Арістоклéй. муч. пресвѵтер 23 ин (Аристоклий 20 ин)
Аркáдій довлѣ́ючій. 26 я, 6, 7 мр (26 я, 6 мр и др.)
Арсáкїй: слѣ́нца твéрдость, áбо освѣ́чене блевотѝны 11 ок (нет)
Арсéнїй: тврѣдоýмен, или мужествен 28 ок (то же и др.)
Асáфъ: зромажáючїй, збирáючїй, кончачїй б/д (Иоасаф – много дат)
Аттíкъ, аттíческїй грéцкїй 20 ав (3 н)
Аф҃оóнїй: незáзростный, гóйный, достáтнїй, ѡквѝтый 29 я (Аффоний 2 н)
Афродíсїй дѡ́ рóскоши склонный 21 ин (нет)
Ахíла, Ахíлій: препод. 15 м (Ахиллий 15 м; Ахила 4 я, 28 ав)
Боголѣ́пъ: ел. Ѳеопрéпiй 22 ав (Феопрепий 22 ав)
Борíсъ: ѡт ел. Ворѝсъ: вѣ́тръ съ Полночи. Князь Рѡ́ссїи. 2, 20 м, 24 ил (Борис 2 м, 24 ил)
Варсонóфїй, Варсýф҃їй 4 ок (и др.)
Варохѵ́хъ благословéнный б/д (Варух 28 с)
Веніамíнъ, сы́нъ днíй, áбо добродѣ́телей, áбо правѝцы, áбо гóрести, … зъ евр.: Мініамíнъ б/д (Вениамин – много дат)
Виссаріѡ́нъ, Висаріѡ́нъ: пóлный, горѝстый, áбо негрѣ́шен въ всем 29 н (Виссарион 6 ин)
Вітáлїй: лат. живóтный, 29 ап (22 и 28 ап, 25 я)
Влáсїй: 11 ф (то же)
Вýколъ: волопáсъ. 6 ф (то же)
Гавріѝлъ: мýжъ Б҃ъ áбо Божїй, áбо мóцность Божаа, áбо мóцный мой Б҃ъ б/д (много дат)
Галактѝѡнъ: млéка пóлнъ, áбо молóчный 5 н (то же и др.)
Гедеѡ́нъ: скрушáючїй, з сир.: и ев.: ѡтрѣ́занʌ неправности, б/д (нет)
Гелáсїй: смѣ́ятелный, áбо смѣ́шный, 27 ф (23 д)
Генáдїй: бýдущїй, áбо рождествéнъ, áбо дóбль, 16 ок (Геннадий – другие даты)
Герáсимъ: чéстный, áбо стáрческїй, достóйно почтен, 4 мр (то же)
Гервáсїй 14 ок (то же)
Гéрманъ: крѣпкоýмен 12 м (то же) [лат. Германýсъ нѣ́мец, рóдный]
Геронтїй: старѝкъ, 1 ап (то же и др.)
Геѡ́ргїй: земледѣ́лецъ 3 н (то же и др.)
Гóрдїй: 3 я (то же)
Давíдъ, Даѵ́ідъ [дóбль рукóю, áбо крóтость] възлюблéнный, 26 д (26 я и др.)
Дáлматъ: словáкъ 3 ав (то же)
Данїѝлъ: сýдъ Божїй, 17 д (то же и др.)
Дíй: слáвенъ, 9 ил (то же)

Диодѡ́ръ: Зе́всѡвъ да́ръ 11 с (Диодор 11 с и др.)
Діоми́дъ: ди́вен съвѣ́тник, а́бо сла́вно съвѣща́тел. 16 ав (то же и др.)
Діонѵ́сїй: сла́венъ, или двоеостровнїй, або божеско поруѵ́шеный 3 ок (Дионисий 3 ок и др.)
Дїоскори́дъ, сн҃ъ Іовишов 11 м (нет)
Дометіан, Домитіан: зъ лат. дома́шник, 10 я (то же)
Дѡро҂е́й: да́ръ Божїй, илѝ Богомъ дарова́нъ 5 ил (Дорофей 5 ин и др.)
Еа́нїй, имѧ от ста́рца скѵтска б/д (нет)
Елла́дїй: гречин. 27 м (28 м и др.)
Епіфа́нїй: ѡбъѧвле́нъ, илѝ сла́вный, за́цный 12 м (то же)
Ера́змъ: лю́бый. 24 ф (то же и др.)
Евагрїй: до́бръ ловъ б/д (Евагрий 5 ф)
Ефре́мъ: оурожа́йный, плодовит, плодоно́сенъ [до́бръ служи́тел, или ра́достный] 28 я (то же и др.)
Зѡтїкъ: животен, жизнен, 13 с (Зотик – 13 с и др.)
Зороваве́ль: ѡтдале́ный от зесромочен҃ѧ б/д (нет)
Зѡ́сімъ, 4 ап, 27 с, 4 я (Зосима 4 я, 4 ап, 28 с и др.)
҂Ѳадде́й: зрѝ келевей, 21 ап (21 ав)
Ігна́тїй: че́сть. 20 д (то же и др.)
Іеремей, Іеремѣ́й, Іеремѣ́ѧ: высокость, Па́нская, або вывышша́ючій па́на, 1 м [у Сахарова Іереміи] (Иеремия 1 м и др.)
Іларїѡ́нъ: ти́хостенъ, ти́хоми́ренъ, сла́докъ, но́ровом 21 ок (Иларион 21 ок. и др.)
Іу́да: хвалене, або вызнане б/д (Иуда 19, 30 ин)
Іса́кїй: ра́вно вра́чъ, 27 ап (21 ап, 21 с, 20 н)
Ісідѡ́ръ: желѣ́зо или ра́вен да́ры 4 ф (Исидор 4 ф и др.)
Ісмаи́лъ: выслухане Божее б/д (Исмаил 17 ин)
Іѡакі́мъ: госпо́дне повстане б/д (Иоаким 9 с)
Іѡа́ннъ, ев.: Гв҃и послушлив, ла́скавый, а́бо дару́ючїй; [благода́ть Гн҃ѧ] апостол брат Іа́кѡвль; Крстль б/д (Иоанн – много дат)
Іѡ́въ: тве́рдъ, любѧ́й Бога, або болѣ́ючїй, або вздыха́ючїй, те́рпѧчїй не́пріазни. 6 м (Иов 6 м и др.)
Іѡи́ль: яко҃ мо́лнїа кра́сенъ, а́бо любо́вь Божа҃ѧ, или нача́ток, или нача́ло Божїе… 20 ок (19 ок)
Іѡси́фъ: помножене, а́бо преложо́ный. 3 н (то же и др.)
Капітѡ́н, си́рѣч кнѧ́зь, Варѧжским ѧзы́ком. 7 мр (то же)
Каріѡ́нъ: орѣхъ, ел.: 5 д (то же)
Кодра́тъ, Кодра́нтъ: квадра́нтъ, лат.: дѣла́тель, а́бо мѣ́дница, а́бо четвероуго́ленъ, чты́ри пѣ́нѧзѣ, лѧдзкая, полгро́ша полское 21 с, 10 мр, 7 м (Кодрат (Квадрат) 4 я, 10 мр, 21 ап, 21 с)
Корни́лій, лат.: ро́гатъ, ро́гъ, 13 с (то же и др.)
Лавре́нтїй: многолю́денъ: зъ лат.: бо́бковый. [лат.: бо̀ лаврус, да́фин, ел.: бо́бковое дерево] 10 ав (то же и др.)
Ле́въ: ца́ръ, ѡ́бразнѣ, лют. 30 ф(!) (18 и 20 ф)
Леѡ́нтїй, львѣ́й, ел. 18 ф (Леонтий 18 ин и др.)
Ло́ггінъ: смышлѧ́ѧ глубо́ко а́бо долгїй. 16 ок (Лонгин 16 ок и др.)
Лука̀: ев. [въскр҃ша́ай] само́му зъ ме́ртвых встаньѐ, лат.: ѡт свѣтлости… разу́мен, 18 ок (то же и др.)
Маврі́кїй: черна́вый б/д (Маврикий 22 ф, 10 ил)

Мака́рїй: блаже́нъ. 6 с (то же и др.)
Малахі́а, Малахі́й: ангелъ, посел мой, 3 я (Малахия 3 я)
Ма́мантъ, лат.: пе́рсь або цицка. 2 с (то же и др.)
Манассі́а: забы́тый, забы́тье б/д (нет)
Мардарїй: ка́мен сїа́телен. 3 д (13 д и др.)
Маркелъ, Марке́лін, 18 д, 1 ав, 29 д (Маркеллин 18 д, Маркелл 1 ав, 29 д)
Маркіа́нъ: помысли́тел, имѧ нота́ріа, то́ естъ пи́сара, 25 и 30 ок (то же и др.)
Мартініа́нъ: свышше свѣдителствован, або цѣл 22 ок (то же и др.)
Марты́рїй: исповѣ́дникъ, или свѣдителстве́никъ, 25 ок (то же и др.)
Матѳе́й: да́ный, даро́ваный: 16 н; в мужских именах – Матѳі́й 9 ав (Матфей 16 н, Матфий 9 ав)
Мина̂: помина́тел, або мѣ́сячен 11 н (то же и др.)
Митрофан: матеромвлѐн, 4 ин (то же и др.)
Міхе́а оубо́гїй, або поко́рный, по́длы, або ударѧ́ючїй 17 д (Михей – др. даты, Мисаил 17 д)
Мѡvсі́й, Мѡvсе́й: притѧ́гненый, або принѧ́тый, или вы́слухай зъ воды́ 4 с, 28 ин (4 с, 28, 26 ил и др.)
Наѳанаи́лъ: дар Божїй, б/д (Нафанаил 22 ап)
Не́стѡръ: 27 ок (то же и др.)
Ника́ндръ: побѣ́дный муж. 4 н (то же и др.)
Ника́нѡръ, ел.: зви́тѧжца, или побѣ́да муже́й... 28 ил (то же и др.)
Ники́та: побѣди́тель. 15 ап (3, 30 ап)
Никодѝмъ: ев.: сі́горъ: невинный кръвѐ. ел.: зви́тѧзство лю́ду. 31 ок (то же)
Нико́ла, Нико́лай: ел., зви́тѧзство поспо́лства, побѣда люде́й, побѣ́да лю́дскаѧ. 6 д, 9 м (Николай 6 д, 9 м; Никола 28 с, 14 ок)
Ні́кѡнъ: побѣ́дникъ. 7 н (то же и др.)
Ону́фрїй: 12 ин (то же и др.)
Паѳну́тїй: 1 м (то же и др.)
Паї́сей: б/д (Паисий – много дат)
Памвѡнъ, Нитрии́ жи́тел, 18 ил (монах), б/у; имя Па́мвѡнъ 5 ин (Памвон 5 ин; Памва 18 ил, 28 ав)
Парме́нъ, Парме́на: чека́ючїй 28 ил (Пармен 4 я, 28 ил)
Патерму́ѳі́й: ѡтче мо́й Божественный б/д (4 ил, 17 с)
Пахѡ́мїй: толст пле́чима. 15 м (то же)
Питиру́нъ: Пагко́смій. 29 н (Питирим 29 я, 28 ил, 19 ав)
Піѡръ б/д (Пиор 28 ав)
Пѵга́сїй: крини́чный, жерело́вый, 2 н (то же)
Пла́тѡнъ: простре́тъ, а́бо широкъ, 18 н (то же)
Пота́пїй, коестра́нъ б/д (Патапий 8 д)
Про́въ, Про́бусъ: предводи́тель. лат.: искусенъ, 12 ок (то же)
Проклъ: сла́венъ 20 н (то же и др.)
Прокопіи́: пресѣ́чен, преспѣ́ателен 27 ф (то же и др.)
Прота́сій, предчинный 14 ок (то же)
Про́хоръ, ел.: пръвостра́нникъ, ...пе́рвый въ та́нци, або нà крылосѣ, 10 ф (то же и др.)
Рафаи́лъ: [дух Божий], лѣка́рство Божее, б/д (нет)
Ри́ксъ, кро́ль. Б/д (6 ил)
Рѡмы́лъ, Рѡмул: крол римскій, 6 с, 15 мр (Ромил 6 с)

Рувúнъ, Рувúмъ: вúдѧчий сына, видѣнїа сы́нъ, б/д (нет)
Рѡмáнъ: крѣпокъ, крѣпкый, 1 ок, 18 н (то же и др.)
Савíнъ: крѣпкїй, 16 мр (то же и др.)
Самѡ́нъ: яростный. 15 н (то же)
Селéѵкъ, Селéѵкій: взрýшеный, або потóвченый, або хвѣючїйсѧ ел. б/д (Селевк 13 с, Селевкий 16 ф)
Сéргїй, ел.: сѣть, або сѣтиско, или слáвенъ. 25 с (то же и др.)
Сíмѡнъ: слýхаючїй, áбо послушный. 10 м (Симон 10 м и др.)
Сісѡ́й: смѣрéнъ. 6 ил (Сисой 6 ил и др.)
Софонíа: таемница пáнскаа, або стóрож наш пáнъ, або вѣтръ полнóчный панскїй, або крóток или посѣщéнїе Гн҃е, или разумѣвáай съкровéннаа, б/д (Софония 3 д)
Сѡфрóнїй: цѣломýдрный... 11 мр (то же и др.)
Спѵрíдѡнъ: молнїенóсецъ, 12 д, печ. 31 ок (Спиридон 12 д, 31 ок и др.)
Сѵмеѡнъ: слýхаючїй, áбо выслухане. 3 ф (Симеон 3 ф и др.)
Тарáссїй: зтурбóваный, взрушóный, престрашóный. 25 ф (то же)
Тáрахъ: смущéнїе, 12 ок. [атáрахъ: спокóйный, тúхїй] (Тарах 12 ок)
Трофíмъ, питáтел, 19 с (то же и др.)
Оуалéнтъ, 16 ф (Уалент, Валент 16 ф, 9 мр)
Филагрїй: 9 ф, б/у (то же)
Філаретъ: 1 д, б/у (то же)
Філýменъ: любúмъ. 29 н (то же)
Харалáмпїй, Харалáмбїй: рáдостїю свѣтѧщъ, або радостосїáтеленъ. 10 ф (Харалампий 10 ф)

Имена монахинь

Агáѳѳїа: благáа 5 ф (Агафия 5 ф, 28 д)
Акѵлíна, Ахѵлíна: óрлица, зà благорѣчїе, Аггелíна глаголéтъсѧ. 7 ап, 13 ин (Акилина 7 ап, 13 ин)
Анѳѳýса: цветýщаа, препод. 12, 17 ап, 3, 27 ил, 22, 27 ав (Анфуса 12 ап, 22 ав, Анфиса 27 ил, 27 ав, 8 д)
Варсунóѳѳїа: б/д (нет)
Василíса, Василíсса: царица 25 н, 11 ф (Василисса – др. даты)
Вáсса: обращéнїе 21 ав (то же)
Венедíкта: благословéннаа б/д (нет)
Вѣ́ра: имѧ мученицы, 7 с (17 с)
Гаїáнїа, 30 с (Гаианиа 30 с)
Глѵкéрїа: слáдостнаа, 22 ок (Гликерия 13 м, 22 ок)
Говдéла, 29 с (нет)
Голендуха 12 ил (Голиндуха 3, 12 ил)
Дарúа: взыскáючаа. 19 мр (Дария 19 мр)
Домнíка: госпожà. 8 я (то же и 12 ок)
Дѡроѳѳéа. б/д (Дорофея 6 ф)
Елéна: 23 м (21, 26 м и др.)
Епіхарíа: всѣм лю́баа. 27 с (Епихария 27 с)
Ѳѵáгрїа: щасли́вое поймане б/д (нет)
Ѳѵнікíа: благопобѣднаа. 28 ок (Евникия 28 ок)
Ѳѵпраксѣа, Ѳѵпраксїа: щасли́ваа 25 ил (Евпраксия 12 я, 25 ил)
Зинѡ́їда. 11 ок – в женских именах Зинаїда 7 ин (Зинаида 11 ок)
Кікілíа. 22 н (то же)

Ки́ра: пани б/д (Кира 28 ф)
Леони́да. б/д (нет)
Любы́: милость 17 с (Любовь 17 с)
Ма́вра, 3 м (то же)
Мамелхва: 5 ок (Мамелхва 5 ок)
Про́кла: 27 ок (нет)
Соломони́а. 1 ав (то же)
Сѵгклитікі́а, сенато́рка, 5 я (Синклитикия 5 я, 24 ок)
Таїси́а: 8 ок (Таисия 10 м, 8 ок)
Теку́са: ро́ждшаа. 8 м (18 м, 6 н)
Фаи́на: 18 м (то же)
Філони́ла: 11 ок (Филонилла 11 ок)
Харітони́а, благодатнаа б/д (нет)
Христи́на, 18 м, 24 ил (то же и др.)

Ж.Ж. Варбот

К ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ РУССКИХ ДИАЛЕКТИЗМОВ

(волог. *ва́ско*, ср.-урал. *вы́спеться*, прииртыш. *забери́ть*, карел. *перепи́на*, яросл. *бизо́й*)

волог. *ва́ско*

Волог. *ва́ско* ‘хорошо’ зафиксировано в готовящемся к печати “Словаре говоров Русского Севера” (т. 2; под ред. чл.-корр. А.К. Матвеева, Екатеринбург)[1] в контексте *Чтобы скотина васко жила, хорошо, значит*. Этот контекст и подсказывает возможное этимологическое толкование – образование на базе гнезда глагола *вести*.

Глагол *вести(сь)* (преимущественно в приставочных образованиях) и родственные *водить, водиться* широко употребляются для обозначения содержания и разведения домашних животных: *завести, заводить, развести, разводить, водить(ся)* (последний в возвратной форме обозначает и обитание, наличие диких животных). К этому этимологическому гнезду принадлежит и глагол *ва́дить*. В его семантике преобладает элемент приучения, привыкания, откуда далее – потакания, баловства: ср. *ва́диться* ‘привыкать постоянно, часто делать что-либо; приучаться к чему-либо’ (курск.), ‘привыкать к какому-либо баловству’ (курск., влад., волог.) (СРНГ 4, 12), *пова́дить* ‘приучить к чему-либо’ (ряз.) (СРНГ 27, 215), *пова́диться* ‘привыкнуть к чему-л.’ (арх., ряз.) (Там

[1] Приношу глубокую благодарность редколлегии Словаря, предоставившей мне возможность ознакомиться с его рукописью.

же), производные *поважáть* ‘приучать к чему-либо’ (арх., олон., волог. и др.),‘потворствовать, потакать, баловать’ (олон., волог., ср.-урал., перм. и др.) (СРНГ 27, 214). Особенно существенна семантика производных наречий: пск. *вáдно* ‘привольно’ (Пск Сл. 3, 16), *вáдно* ‘повадно’ и *вáдко* ‘повадливо, баловливо’ (влад.) (СРНГ 4, 12), *повáднó* ‘удобно, хорошо’ (арх., волог.) (СРНГ 27, 214).

На фоне приведенных образований гнезда *вести*, особенно наречий со значением хорошего, удобного состояния, производных от *вадить*, наречие *васко* ‘хорошо’ представляется восходящим к тому же *вадить* как результат адвербиализации прилагательного **вадьский*.

ср.-урал. *вы́спеться*

Этот глагол в среднеуральских говорах имеет значение ‘посмеяться’, ср. контекст: Вот уж выспемся над им (СлСрУрД 96). Семантика не позволяет генетически сблизить его с омонимичным *вы́спеть* ‘выстояться, стать готовым; успеть вовремя’ (СлСрУр I, 105). Но семантика же подсказывает и возможную первичную мотивацию. В русском языке известно обозначение насмешки, шутки, болтовни производными от слов со значениями ‘сорить, пачкать; сор, труха’. Ср. диал. *тру́сить* ‘говорить лишнее, болтать языком’ (СлСрУр VI, 111) при *трус* ‘сенная и соломенная труха’ (Даль VI, 437), литер. *трунúть* – от *трун* ‘тряпье, ветошь, сор’ (Варбот 1976, 71–75). Эта модель позволяет предполагать для глагола *вы́спеться* происхождение от др.-рус. *высутися*, с 3 л. мн. наст. вр. *выспутся* (СлДрЯз II, 257), с обобщением презентной формы корня для основы инфинитива и ее сближением с глаголом *спеть*. В литературном языке то же развитие значения обозначено употреблением сочетаний *сыпать остротами, шутками, ругательствами*.

прииртыш. *забершúть*

В Среднем Прииртышье записан глагол *забершúть* ‘потерять; положить куда-то вещь и забыть’ (СрПрииртД 52). Происхождение этого слова представляется результатом фонетических и морфологических преобразований двуприставочного глагола, производного от др.-рус.-ц.-слав. *врѣщи, вьрху* ‘молотить’: *об-вершить* > **обершить* > **бершить* > *забершить*. Развитие значения ‘потерять’ определяется ситуацией обмолота, с непременными пылью и перемещением массы колосьев, зерна и мякины. В близком направлении из того же источника развилось значение моск., яросл. *завершить* ‘истратить, промотать’ (СРНГ 9, 306), а также производного имени *завороха* ‘волнения, беспорядки, война, смятение, путаница’ (влад., вят., перм. и др.), ‘важное и хлопотливое дело, касающееся всей деревни, общины’ (арх., перм.), ‘пурга, метель’ (самар., перм., южн., зап.) (СРНГ 9, 340).

Семантически близкие к *забершúть* или синонимичные с ним глаголы с сонорным *-л-* в корне: *бельшúть* курск. ‘губить’, калуж. ‘тратить деньги на пустяки’, моск. *бельшúться* ‘уходить, пропадать, исчезать’ (СРНГ 2, 238), *забельшúться* ‘затеряться, пропасть’ (СРНГ 9, 251) и широко распространенное в южнорусских диалектах *забельшúть* ‘засунуть, забросить; истратить, промотать

что-либо; испортить что-либо, погубить кого-либо' (Там же) представляются следствием мены сонорных, характерной для просторечия и периферийных говоров (Бромлей 1975, 22–23), или результатом народноэтимологического сближения с корнем *бел-*.

карел. *перепи́на*

Генетические связи карельского диалектизма *перепи́на* 'первая вспашка под рожь' (СлКарел 4, 460) вполне прозрачны: это образование из гнезда глагола *пять, пнуть*, производное от *перепинать*. Правда, для карельских говоров словари не отмечают этот глагол, упоминается лишь курск. *перепина́ть* 'перегородить' (СРНГ 26, 186). Но есть карел. *перепну́ть* 'пнув ногой, переместить что-либо из одного места в другое' (СлКарел 4, 462), ср. еще брян. *пнуть* 'напирать, теснить' (СРНГ 27, 178). Возможен, следовательно, и итератив *перепинать* с тем же значением.

В этом глаголе и представляет интерес развитие значения 'пахать' на базе 'переместить с одного места на другое'. Тождественная семантическая модель обнаруживается в перм. *вали́ть* 'взрыхлять землю, вспахивать' (СлПерм 1, 75), ворон. *перева́ливать* 'пахать снова, второй раз' (СРНГ 26, 40), *метать* и *взметывать* пар 'пахать с осени, на зиму паровое поле; запахивать назем' (Даль I, 198). Примечателен контекст, иллюстрирующий перм. *валить*: *Соха нисколько не валила, только сарапала, худая соха была* (СлПерм 1, 75). Он свидетельствует о том, что модель 'пахать' < 'сдвигать с места, перебрасывать' связана с определенной техникой обработки земли и, вероятно, появилась в период перехода от сохи к плугу.

яросл. *бизо́й*

Прилагательное *бизо́й* с акцентным вариантом *би́зый* зафиксировано с наиболее развернутой семантикой в ярославских говорах: это 'человек с плохим зрением, подслеповатый; близорукий; косоглазый; слепой' (ЯрСл Аа-Бобинка 58–59). Есть, однако, и указания об употреблении обоих вариантов также в костромских говорах (Даль I, 86; СРНГ 2, 290). Первое этимологическое истолкование было (со знаком вопроса) предложено В. Далем: из *близый* (Даль I, 86); вопрос понятен: неясна причина фонетического изменения. Фасмер ограничился определением "темное слово" (Фасмер I, 164).

Частичным синонимом к *бизо́й/би́зый* является в ярославских говорах прилагательное *бизо́рный*: 'неприметный, невзрачный; постыдный, унизительный; б л и з о р у к и й' (ЯрСл Аа-Бобинка 58–59). Ср. и подмоск. *бизо́рный* 'плохой, дающий мало тепла (о дровах)' (СлПодмоск 32). Опираясь на эти структуры, А.Ф. Журавлев реконструировал для обоих прилагательных исходную форму **bezzorъnъjь*, отметив, однако, неясность фонетических преобразований в *бизо́й* (Журавлев 1999, 19–20). Но и для *бизорный* эта реконструкция фонетически сомнительна (**без-* > *биз-* в северных говорах?). Наличие же для *бизорный* варианта *обизо́рный* во многих говорах (СРНГ 22, 62), в том числе и в ярославских – *обизо́рный* 'узкий, маленький; причиняющий обиду кому-либо' (ЯрСл О-Пито, 10), делает вполне надежной реконструкцию **obizorъnъjь*, с префиксом **obi-* и последующими переразложением и утратой начального *о-* в *бизорный* (ЭССЯ 27, 97).

Принятие реконструкции **obizorьnъjь* для *бизóрный* не облегчает, разумеется, сближение с ним рассматриваемого *бизóй*, однако при частичной синонимии *бизóй* и *бизóрный* (см. выше) исходная структура (с префиксом **obi-*) и мотивация последнего (от 'смотреть', при фиксации значения 'близорукий') с последующими преобразованиями позволяют предполагать и для *бизóй* образование по тем же моделям, но на базе другого корня, а именно – праслав. **zьjati*, **zějo* > рус. *зиять* и далее *зеять, зинуть*. При исходной семантике 'открывать/быть открытым', в русских говорах эти глаголы широко употребляются в значении 'глазеть, смотреть': см. *озéить, озéть, озéять* 'глазеть' (СРНГ 23, 88 и 93) и под. И их производные с формой корня *зои-* также обнаруживают соответствующую семантику: см. нижегор. *озóйливо* 'пристально' (СРНГ 23, 97). Поэтому представляется возможной структура существительного ***obizojь* со значением 'близорукий' (ср. *обизорный*), которое было далее преобразовано в *бизой* (ср. *бизорный*) и, утратив связь с *о(б)зиять*, подверглось переосмыслению как прилагательное с соответствующим структурным преобразованием (ср. аналогичное изменение др.-рус. *вожатаи* > рус. *вожатый*).

ЛИТЕРАТУРА

Бромлей С.В. Различия в степени вокализованности сонорных и их роль в противопоставлении центральных и периферийных говоров // Диалектография русского языка / Отв. ред. Р.И. Аванесов и А.И. Горшков, М., 1985.

Варбот Ж.Ж. Трунить // Русская речь. 1976. № 6.

Даль В. Словарь живого великорусского языка. Изд. 2-ое. М., 1955 (=СПб.-М., 1860–1882). Т. I–IV.

Журавлев А.Ф. Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры. М., 1999.

ПскСл – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1-. Л., 1967-.

СлДрЯз – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Гл. ред. чл.-корр. АН СССР Р.И. Аванесов. Т. I-. М., 1988-.

СлКарел – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Гл. ред. А.С. Герд. Вып. 1-. СПб., 1994-.

СлПерм – Словарь пермских говоров / Сост. Г.В. Бажутина, А.Н. Борисова и др. Вып. 1-. Пермь, 2000-.

СлПодмоск – *Иванова А.Ф.* Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.

СлПрииртД – Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. Дополнения / Отв. Ред. Б.И. Осипов. Вып. I-. Омск, 1998-.

СлСрУр – Словарь русских говоров Среднего Урала / Гл. ред. П.А. Вовчок (т. I), Н.П. Костина (т. II), А.К. Матвеев (т. III–VII). Свердловск, 1964–1988. Т. I–VII.

СлСрУрД – Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / Под ред. чл.-корр. РАН А.К. Матвеева. Екатеринбург, 1996.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–23), Ф.П. Сороколетов (вып. 24-). Л. (=СПб.), 1966-.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Т. 1–4. М., 1964–1973.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1-. М., 1974-.

ЯрСл – Ярославский областной словарь / Отв. ред. Г.Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991.

V

Фонетика. Транскрипция. Орфография. Орфоэпия

В.К. Журавлев

ОТ ФОНЕМЫ К СИЛЛАБЕМЕ

Рубен Иванович Аванесов, создатель так называемой Московской фонологической Школы, выдвинул гипотезу об **"эпохе силлабем"** в истории древнерусского языка, когда в качестве "различителей значения" выступали не отдельные фонемы, а "слоги в целом" [Аванесов 1949]. Перед нами, пришедшими в университет в 1947 г., встала задача выяснить: как и почему могли образоваться и "силлабемы"; как язык силлабемного строя мог заново трансформироваться в язык строя фонемного? То было время строжайшего запрета сравнительно-исторического языкознания, резкой смены господства "учения" Н.Я. Марра "учением" И.В. Сталина... Подвижники науки В.К. Чичачов, П.С. Кузнецов, М.Н. Петерсон и С.Б. Бернштейн несли нам основы компаративистики в курсах старославянского языка, истории русского и сербского языков, сравнительной грамматики славянских и индоевропейских языков... Но там и здесь как бы отдельно рассматривались явления истории вокализма и консонантизма...

А между тем орфография современного русского языка сохраняет своего рода "силлабемный", слоговой характер. Буквы *я, ю, ё* и др. обозначают качество предшествующего согласного: *мат – мят, ток – тёк, суда́ – судя́ – сюда́* и т.п. На письме противопоставление согласных твердых и мягких выражается различием гласных букв. А тут еще разгорелся спор о статусе звука, обозначаемого буквой [*ы*]. Ленинградская фонологическая школа, твердо стоящая на фундаменте "инструментальной фонетики", основанной в России Л.В. Щербой, настаивает на самостоятельном фонологическом статусе [*ы*]. И в самом деле, отношения [*ы* : *и*] вполне аналогичны отношениям звуков, обозначаемых буквами [*у* : *ю*], [*а* : *я*], [*о* : *ё*]: *мыло ~ мило, ты́на ~ ти́на, ды́ма ~ Ди́ма, сыр ~ си́р* и т.п.

Между прочим, основоположник современного сербского литературного языка Вук Караджич реформировал русскую "гражданку" для нужд сербского языка и отверг буквы *ы, я, ю*. Противопоставления твердых и мягких согласных выражаются самими согласными: (*н ~ нь*; *л* : *ль*)...

В 60-е годы многие фонологи испытали мощнейшее увлечение данными инструментальной фонетики при решении чисто фонологических проблем. Именно на данных инструментальной фонетики была построена концепция дифференциальных признаков Якобсона – Халле. Тогда же наука получила доказательство бессилия инструментальной (*машинной*) фонетики при решении сугубо фонологических (*человеческих*!) споров. Разгорелся спор между румынскими академиками Е. Петровичем и А. Россети. Предки румын, получив от славян христианскую цивилизацию и кириллическую письменность, заимствовали славянское слово *чернеало*. Россети утверждал, что *еа* – дифтонг. *Петрович* доказывал, что *еа* обозначают мягкость предшествующего согласного. По совету самого Р. Якобсона, обратились в лучшую лабораторию инструментальной фонетики (при Americen Bell C°). И машина "ответила": оба правы! После палатализованного согласного [Н^{ь}] гласный *а* получает своеобразный дифтонгоидный характер... (своего рода [$^{i\text{-}c}$äа]).

Приходится лишь удивляться дару научного прозрения Ф.Ф. Фортунатова и А.А. Шахматова, учивших о последовательном *сближении тембра смежных звуков* в истории праславянского языка: "соседние тавтосиллабические звуки становились или палатализованными или лабиовеляризованными" [Шахматов 1901]. Казалось, достаточно было "переписать" это положение в терминах фонологии, чтобы прийти к выводу о "*слоговом сингармонизме*" в праславянском. В конце 30-х годов XX столетия Р.О. Якобсон реконструировал "мягкостную корреляцию целостных слогов в древнерусском языке" [Jakobson 1929]. Справедливости ради следует отметить, что весьма схожее положение еще раньше как бы мимоходом высказал И.А. Бодуэн де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ 1976, 69].

Это означало выход за рамки традиционного сравнительно-исторического языкознания, не допускающего реконструировать то, чего нет в родственных языках: ни слогового сингармонизма, ни мягкостной корреляции слогов не отмечалось в живых славянских языках...

Фактически встает проблема языков особого типа, где минимальными фонологическими единицами выступают не отдельные согласные и гласные фонемы, а тесное сочетание гласного с согласным или даже слог в целом (*силлабема*). Для верификации реконструируемого явления пришлось выйти за рамки родственных языков, обратиться к фактам языков неродственных, т.е. к данным типологии. Дальнейшие исследования позволили обнаружить явление *сближения тембра* смежных звуков, *палатальную гармонию*, *слоговой сингармонизм* во многих тюркских, финно-угорских, тунгусо-манчьжурских, монгольских и других языках... вплоть до японского. Р.О. Якобсон показал, что это явление – характернейшая черта языков, входящих в т.н. *Евразейский языковой союз* [Jakobson 1931].

Пионерская работа Якобсона содержала несколько новых идей, которые не могли быть безоговорочно приняты традиционной компаративистикой. И не случайно с критикой гипотезы слогового сингармонизма выступил крупнейший авторитет славянского языкознания Николай Ван Вейк [Wyk 1941], которому удалось ранее свести многие казавшиеся разрозненными явления и процессы истории праславянского языка к двум основным тенденциям: тенденции к *палатализации* и тенденции к *открытому слогу*. Как видно, Ван Вейк фактически оперирует теми же понятиями: структура слога и палатализация, т.е. сближение тембра смежных звуков. Сомнениям подвергался не сам типологический подход, а некоторая неточность терминов "*слоговой* сингармонизм", "мягкостная *корреляция слогов*", "тезис фонологической *неразложимости* праславянского *слога*".

Идея о фонологически неразложимом слоге казалась опровергнутой в сравнительно-историческом славянском языкознании. И вот, в 1947 г. Р.И. Аванесов заявляет о целой "*эпохе силлабем*" в древнерусском языке... (см. выше).

А между тем, идея фонологически неразложимых единиц, состоящих из сочетания согласного с гласным, давно "стучалась в двери" типологического языкознания. Так, еще в 1912 г. Л.В. Щерба допустил возможность такой фонологической системы, где все слоги открытые и состоят из тесного сочетания согласного с гласным. В таком языке фонемами будут *sa, ka, ta*... К подобному состоянию, по мнению Щербы, приближается древнеяпонский язык... [Щерба 1912, 8]. Идеи Щербы развивал в теоретическом плане Д.В. Бубрих, предложивший термин "*силлабема*" [Бубрих 1930].

Теорию *силлабем* на материале китайского и японского языков разрабатывал Е.Д. Поливанов. По его мнению, в японском "языковом мышлении" отдельный звук осознается не сам по себе, а как один из элементов определенного "*слогопредставления*" [Поливанов 1930]. Попытки вычленить фонемы по европейскому образцу для японца, как отметил С. Мартин, весьма затруднительны [Martin 1929]. По его мнению, сегменты, содержащие *w* и *y*, при анализе по "*непосредственно составляющим*" могут быть расчленены двояко: элементы *w* и *y* могут быть приписаны с равным правом либо к согласному, либо – к гласному: CwV ≥ Cw + V//C + wV... Ср. выше "машинное" распознавание румынского *чернеало*. Таким образом, здесь фиксируется состояние, реконструируемое А.А. Шахматовым для праславянского (1898 и 1901) (см. выше).

Н.Ф. Яковлев реконструировал для языков абхазо-черкесской группы такое состояние фонологической системы, когда в качестве нерасчлененной фонологической единицы выступал единый "*слогозвук*" с единым вокалическим элементом при большом количестве консонантных элементов [Яковлев 1943]. Позже голландский лингвист Э. Койперш подтвердил справедливость реконструкции Яковлева, показав, что даже современный кабардинский язык имеет лишь один гласный *а*, фонологически трактуемый как признак "открытости" предшествующих согласных фонем: (*Та* : *Т*), (*Ка* : *К*). Сегменты *Та, Ка* являются неразложимыми фонологическими единицами [Kuipers 1960].

А. и Е. Драгуновы доказали, что в китайском и дунганском языках понятию фонема соответствует "*слогофонема*" [Драгуновы 1937; 1955], т.е. "*силлабема*" в понимании Е.Д. Поливанова и Р.И. Аванесова. Вслед за ними М.В. Гордина показала, что и во вьетнамском языке в качестве основной фонологической единицы выступает *слог*. При этом звуки *w* и *y* являются скорее признаком слога в целом, нежели консонантной или вокальной его части [Гордина 1959]. Схожее состояние фонологической системы трактует А. Скаличкова в корейском языке, где, по ее мнению, сочетание согласной с последующей гласной выступает в качестве целостной *неразложимой минимальной фонологической единицы* [Skaličkova 1985].

Языковой тип "силлабемного" строя обнаруживается далеко за пределами Евразейского языкового союза: у аборигенов Америки (в Перу) [Pottier 1960; Bender 1961] и Австралии [Trombetti 1928]. А.Тромбетти отметил, что в языке австралийского племени аранта минимальной фонологической единицей выступает *слог в целом*, а гласные и согласные вычленяются лишь с фонетической точки зрения.

И первый, кто обратил внимание на типологическую близость фонологической системы аранта с реконструируемой системой праславянского языка, был П. Скок. Его вместе с Р.О. Якобсоном и следует считать инициаторами типологической верификации сравнительно-исторической реконструкции праславянского языка [Skok 1928/29].

Проблема *слогового сингармонизма* детально обсуждалась на Первом Послевоенном IV Международном съезде славистов (Москва, 1958). Э. Петрович, значительно уточнив концепцию Р. Якобсона, применил ее для решения спорных вопросов истории румынского языка, рассматривая явления *слогового сингармонизма* как следствие славяно-румынской *интерференции* [Петрович 1958]. Э. Петрович строго разграничил понятия *слогового сингармонизма* и *группового сингармонизма*, где палатальная гармония не охватывает целый

слог, т.е. за рамками *силлабемы* существуют отдельные фонемы... Далее, он настаивал на строгом разграничении понятий *палатальные* и *палатализованные*. Это положение горячо поддержал выступивший на дискуссии Р.О. Якобсон: "О. Брок и А.Н. Томсон впервые ввели в международный научный обиход четкое принципиальное различие между палатальными и палатализованными согласными. Это различие необходимо помнить, когда речь идет о т.н. мягких согласных как фонологической категории... Поэтому был совершенно прав Н. Ван Вейк, подчеркнувший, что между группами (*t* + *i*) и (*t* + *j* + *i*) следует видеть кардинальное различие" [Якобсон 1962, 309].

Среди огромного вклада Р.И. Аванесова в науку о русском языке его гипотеза о древнерусских *силлабемах* занимает весьма малое место. А между тем, именно теория *силлабем* далеко выходит за рамки русистики и славистики, имеет, как показано в кратчайшем обзоре, огромное *общелингвистическое значение*. Ни в программах и учебниках по истории русского, церковнославянского и славянских языков, ни в курсе сравнительной грамматики славянских языков нет упоминания о *силлабемах*, далеко не всегда разрозненные факты "истории звуков" подводятся под две тенденции Н. Ван Вейка...

А между тем, теоретическое осмысление идеи *силлабем* могло бы вскрыть *взаимосвязь* и хронологическую иерархию между *"тенденцией" к палатализации* и *"законом" открытых слогов* Ван Вейка, взаимосвязь с тенденцией *падения редуцированных*, а также с гипотезой *о слоговом сингармонизме* Р. Якобсона и далее – с фундаментальным положением Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова и И. Ягича *о последовательном сближении тембра смежных звуков* в праславянском.

Прежде всего необходимо осмыслить аргументы Н. Ван Вейка против положения Р.О. Якобсона о *слоговом сингармонизме* в праславянском. По наблюдениям Ван Вейка праславянские слоги типа *ja, ju, ča, ša* и т.п. противоречат тенденции "мягкостного" единства слога. Здесь после "мягкого" согласного выступал не передний, а задний гласный. Однако еще О. Брок, А.И. Томсон, Ф.Ф. Фортунатов выступали против сбивчивого употребления термина "мягкие". Одно дело – "смягчение" согласного, стоящего перед гласным переднего ряда (диезным): (*C* + *'V* – *C'V*.), ср. совр. русск. *та ~ m'e*... и совершенно другое – согласные, образованные в процессе *йотации* *s + j → š. Шипящие – позиция неразличения гласных переднего и заднего ряда. Ср. совр. русский (*жыр*) = (*жир*), (*чур*) = (*чюр*), (*щука*) = (*щюка*)...

Второе существенное возражение Ван Вейка против идеи о слоговом сингармонизме заключается в констатации фактов тембрового сближения смежных звуков, находящихся в двух соседних слогах, что противоречит тенденции внутрислогового сингармонизма. Действительно, явление прогрессивной ассимиляции, т.н. III палатализации задненебных, "перешагивает" через границу слога. Это – т.н. Бодуэновская палатализация, трактуемая Бодуэном как "межслоговая ассимиляция". Это позднейшее явление истории праславянского языка. Палатализирующее воздействие оказывают гласные позднейшего происхождения: ę (= ѧ) – носовой гласный переднего ряда, слоговой сонорный переднего ряда (р'$_о$ < *ĭr) и другие: **ли-цѣ**, **овь-ца**, **мрь-ца-ти** (р'$_о$), **кънѧ-зь**. Препятствием действию "переходного" смягчения была более ранняя лабиовеляризация внутри слога: **ли-цѣ**, но **ли-къ**, (**къ°** < °*кй*), **кънѧ-зь**, но **кънѧ-гы-ни** (*гы* < °*гй*), т.е. слоги с прежним долгим или кратким лабиальным гласным... Вероятно, процесс III палата-

лизации задненебных и есть свидетельство конца эпохи силлабем, проявление тенденции распространения сингармонизма на целое слово, как в финноугорских языках. Ср.: венг. *kobatbah* (в пальто) и *Bécsbén* (в Вене). Можно полагать, что и в угрофинских языках сингармонизму целого слога предшествовала "эпоха" силлабем.

С методической точки зрения целесообразно проследить вероятность спонтанного развития слогового сингармонизма, не отвергая возможности интерференции. Пробным камнем в решении проблемы спонтанной трансформации языка *фонемного* в язык типа силлабемного со вторичным превращением в язык фонемного типа может послужить праславянский материал, на котором зародились теория слогового сингармонизма и эпоха силлабем [Журавлев 1961; 1963].

Первые проявления начал *слогового сингармонизма* можно усматривать в тенденции *сближения тембра смежных* звуков путем переразложения дифференциальных признаков на стыке фонем путем делабиализации гласных *ŏ и *ŭ, сопровождавшейся лабиовеляризацией предшествующего согласного. (Ср. выше замеченную исследователями "w-problem". Знаком ° (градус) можно обозначить признак бемольности. В результате переразложения он становится общим для целой группы: C + °V → °(CV)). Зарождается *групповой сингармонизм* как первый этап сингармонизма *слогового*.

Сближение тембра смежных звуков при гласном переднего ряда (диезном, обозначим знаком ' – минута) сопровождалось смягчением предшествующих согласных, что проявлялось как первая палатализация задненебных. Это и есть то, что назвал Ван Вейк тенденцией к палатализации. Признак диезности гласного ('V) передавался предшествующему согласному и становился общим для сингармонирующей группы: C + 'V → '(CV).

Явление *группового сингармонизма*, постепенно развиваясь, охватывает сначала два смежных звука, гласный с предшествующим согласным, позже распространяется на целые комплексы звуков, состоящих из нескольких согласных, на целые слоги, как бы стремясь к слоговому сингармонизму: C + C + C + 'V → C + C + '(CV) → C + '(CCV) → '(CCCV). При этом группы согласных, входя в сложную *группофонему* с общим дифференциальным признаком диезности либо бемольности, либо упрощались, либо падали, если не соответствовали структуре постепенно установившихся типов *силлабем*. Это отразилось в истории праславянского языка как "*упрощение групп* согласных": *-*dt*- → [т : вед – ~ вести; -*bv*- > *b*: вязати ~ об(в)язати = русск. *обязать* и т.п. Это же привело к тенденции образования открытого слога, падению согласных, закрывавших слог, монофтонгизации дифтонгов, образованию слоговых сонорных *r̥, l̥, n̥, m̥*; носовых гласных, появлению протетических согласных и т.п. Силлабемы длительное время сосуществовали с отдельными фонемами (согласными), еще не включившимися в сингармонизирующую силлабему. Конечные согласные не могли опираться на последующую гласную, были утрачены: **sūnŭs* → °(Сы) – °(нъ) – s. Все слоги стали открытыми, генерализовалась система силлабем. Однако в структуре силлабем накапливались тенденции, противоречившие принципу слоговой гармонии: появились шипящие, ставшие позицией неразличения гласных переднего и непереднего ряда. Монофтонгизация дифтонгов *eu и *au привела к тому, что рядом с прежним диезным (смягченным) согласным встала бемольная гласная: *C + *eu̯* → '(CE) + U → C' + U. Рядом с бемольным согласным встала диезная гласная: C + *ai̯* → °(ca) + i → C° + i_2 → C + ě.

Последовательная монофтонгизация дифтонгов становится началом формирования автономных систем консонантизма и вокализма, началом "возвращения" к типу языков "фонемного строя". Это могло произойти лишь в результате освобождения согласной от обязательного сопровождения гласной, предсказывающей признак диезности, начинался процесс образования *закрытого слога*. Выбор пал на т.н. "редуцированные" ъ и ь, характеризовавшиеся лишь признаком вокальности и диезности (+D ~ –D). Признак вокальности подлежал элиминации хотя бы в некоторых позициях, а признак диезности мог быть сохранен предшествующим согласным: '(Сь) : (Съ) → С' : С. На месте оппозиции силлабем встанет оппозиция согласных фонем.

Падение редуцированных отражает конец эпохи силлабем, конец праславянской эпохи и начало истории отдельных славянских языков [Журавлев 1965]. Любопытно, что *изоглосса* падения редуцированных совпадает с *изохроной* становления фонемного типа языка славянских народов. Она постепенно движется с юго-западного угла славянской изоглоссной области (ок. X в.), где славяне контактировали с языками фонемного типа (греки и др.) – на северо-восток (XI, XII, XIII, XIV вв.), где славяне контактировали с языками угро-финской группы, где слоговой сингармонизм уже распространился на целое слово. Этому, вероятно, споспешествовал агглютинативный характер языка.

Можно предположить два типа перехода от языка силлабемного типа к фонемному: либо признак диезности группофонемы расширяется до пределов целого слова, либо сужается до одной согласной. Вероятно, венгерский и другие финно-угорские языки шли по первому пути, а славянские языки – по второму.

$$'(CV) + (CV) \begin{cases} \nearrow C' + 'V + C + V\ (2)\ \text{(славянский путь)} \\ \searrow '(C + 'V + C + 'V)(1)\ \text{(венгерский путь)} \end{cases}$$

Во втором случае возникает корреляция "твердых и мягких согласных фонем и гласных звуков (и : ы).

"Эпоха силлабем" с характерной системой открытых слогов завершается процессом образования слогов *закрытых* в связи с "падением" редуцированных. "Падает", т.е. теряет слоговость (признак вокальности), редуцированный на конце слова: (CV) + '(СЬ) → CVC'. Воссоздается структура звуковых комплексов различной тональности, т.е. сочетания, противоречащие принципу сингармонизма. Падал любой первый от конца слова редуцированный: '(CV) + (СЬ) → С''VC: дьнь → ден' (день), сънъ → сон. Если же встречаются два соседних слога, либо цепочка слогов с редуцированными, то, считая от конца слова, нечетные падают, а четные становятся гласными полного образования: сънъ ~ сына → сон ~ сна, сънъмъ → сномь; дьнь ~ дьньсь → день ~ днес (*днесь*) [Журавлев 1990].

Для "сильных еров" констатируется два типа отношений в славянских языках.

1) ь : ъ → 'V : V

2) ь × ъ → V.

В первом случае оппозиция сохраняется и трансфонологизируется в (е : о) = русский, белорусский, украинский, македонский и словенский яз. В болгарском выступает оппозиция (е : ъ).

Во втором случае оппозиция не сохраняется, сильные еры конвергировали: (ь × ъ) > е в польском, чешском и лужицком языках. Конвергировали и прежние слабые редуцированные в нуле звука: (ь × ъ) > ø.

Если же проследить судьбу оппозиций прежних группофонем с редуцированными гласными, то опять-таки можно констатировать два типа:

Тип А. 1) Оппозиция прежних силлабем полностью сохраняется и в вокализме и в консонантизме: '(сь) : (съ) = е : о/с' : с (русский язык):

дьнь : дънъ = (*д'ен'*) : (*дон*);

2) Оппозиция сохраняется в вокализме, но не сохраняется в консонантизме: е : о/с (македонский яз.): *ден, сон, зол;*

3) Оппозиция сохраняется в консонантизме, но не сохраняется в вокализме: е/с' : с (польский яз.):

pies, len, orzeł, dzeń.

Сюда же относится случай совпадения слабых редуцированных в нуле звука: ø/с' : с (русский, чешск.).

Тип В. Оппозиция не сохраняется ни в вокализме, ни в консонантизме: а/с (сербскохорватский язык): *дȁн, сȁн, лȁн* (лён). Полное несохранение оппозиции с прежними слабыми редуцированными отмечается в болгарском языке: ø/с: *ден, път, пън* (=день, путь, пень).

Типология рефлексов редуцированных выявляет переходные ступени от языка силлабемного типа – к фонемному. И не случайно, именно с юго-запада, с праболгарской и прасербской изоглоссной области шла изохрона падения редуцированных, трансформации языка силлабемного типа в язык типа фонемного [Журавлев 1978].

Заключая все сказанное, следует вспомнить:

Когда мы входили в тесные ворота лингвистики, над входом в двери диалектологии красовался лозунг Р.А. Аванесова: "Говор надо описывать изнутри", а где-то высоко в горах едва виднелся загадочный замок "Силлабема". И нам предстояло через поля диалектологии пройти и добраться до Силлабемы.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. Из истории русского вокализма. Звуки *у* и *і* // Вестник МГУ. 1947. № 1.

Шахматов А.А. К истории звуков русского языка // Известия II Отд. АН. Т. IV. Пп. 4. СПБ., 1901.

Jakobson R. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves // TCLP. 2. Prague 1929.

Бодуэн де Куртенэ И.А. О древнепольском языке до XIV столетия. Лейпциг, 1870, ur ew Dzieła wybrane, III, Warszawa, 1976.

Jakobson R. Über die phonologischen Sprachbunde // TCLP. IV. Pracha, 1931.

Wijk N. van. Zum urslavischen sogenanten Synharmonismus der Silben. Linguistica Slovaca. Bratislava. 1941. III.

Ван Вей К.Н. К истории фонологической системы в общеславянском языке позднего периода // Slavia. 1949l50. 19.

Щерба Л.В. "Русские гласные в качественном и количественном отношении, СПб., 1912.

Бубрих Р.В. Несколько слов о потоке речи // Бюллетень Ленинградского общества исследователей культуры финноугорских народностей. V. Л., 1930.

Поливанов Е.О. Грамматика японского разговорного языка. М., 1930 (В соавторстве с Ивановым А.И.).

Martin S. [Рец.] Wenck G. Japanishe Phonetik. Wiesbaden, 1954/57 // Language 35. 2. 1929.

Яковлев Н.Ф. Грамматика адычского языка. М.; Л., 1941.

Яковлев Н.Ф. Грамматика кабардино-черкесского языка. М.; Л., 1943.

Kuipers A. Phoneme and morpheme in Kabardin. S-Graven hage, 1960.

Драгуновы А. и *Е.* Дунганский язык // Записки Инст. Востоковедения. VI, М.; Л., 1937.

Драгуновы А. и *Е.* Структура слога в китайском национальном языке. Сов. востоковедение. I. 1955.

Гордина М.В. К вопросу о фонеме во вьетнамском языке // ВЯ. № 6. 1959.

Skaličkova A. A contribution to the problem of the syll able. Zeitschrift für Phonetic und allgemaine Sprachwissenschaft № 2–3. 1958.

Pottier M. Fait de structure dans une langue indigène d' Amerique. BSL, LV, 1960.

Bender Samuel JT. The verbal piece in Jebero. Word. 17, 1961.

Trombetti A. Elementi di glottologia. Bologna, 1928.

Skok P. O slovenskoj palatalizacyi sa romanističkog gledišta // ЈФ. VIII. Београд, 1928/29.

Петрович Э. Явление сингармонизма в исторической фонетике румынского языка – следствие славянорумынской интерференции. Romanoslavica II, Bucureşti, 1958.

Якобсон Р.О. Выступление на дискуссии // Материалы дискуссии. IV Международный съезд славистов. Т. II. М. 1962.

Журавлев В.К. Формирование группового сингармонизма в праславянском языке // ВЯ. 1961. № 4.

Журавлев В.К. Развитие группового сингармонизма в праславянском языке. Минск, 1963 (Доклад на V Международном съезде славистов, София, 1963 г.)

Журавлев В.К. Генезис группового сингармонизма в праславянском языке. Автореф. дис. ... доктр. филос. наук. М., 1965.

Журавлев В.К. Гавлика закон (правило) // ЛЕГ. М. 1990.

Журавлев В.К. К типологии рефлексов редуцированных в славянских языках // Slavica, Lisse, 1978.

М. Флайер

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ФОНЕТИЧЕСКОГО ВАРЬИРОВАНИЯ И ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В своем предисловии к "Русской литературной и диалектной фонетике" (1974) Р.И. Аванесов подробно излагает три идеи, которые служат ему основополагающими принципами в подходе к изучению русской фонологии и ее описанию: 1) русский язык есть исторически сложившееся структурное единство, несмотря на существование в нем диалектных разновидностей; 2) анализ языковой системы во времени и пространстве предусматривает взаимосвязь синхронного и диахронного изучения языка; 3) исследователь должен изучать различные элементы системы языка в их взаимодействии. Последнее и является предметом данного краткого исследования.

> "Особое внимание... уделяется проблеме взаимодействия между элементами фонологии с одной стороны, и морфологии и словообразования – с другой, давлению фонологической системы на отдельные ее слабые элементы, вопросу о том, как позиционные чередования, утрачивая свою позиционную обусловленность, грамматикализуются и используются в словоизменении и словообразовании. С этим связано стремление изучать фонетические явления в их реальном бытовании, в необходимых случаях даже исчерпывая весь лексико-морфологический состав, так как только в этом случае можно решить, что относится к собственно фонологической системе, а что лексикализовано или морфологизовано и выходит за ее пределы в область фонемного состава слов, словообразования и словоизменения" [Аванесов 1974, 4].

Таблица 1. Качество разновидностей сильных (ударных) гласных фонем русского языка

Фонема	#__C'	#_	C°__C'	C°__	C'__C'	C'__
и	[ɨ̂]	[и]	[ы˙]	[ы]	[ɨ̂]	[и]
е	[ê]	[е]	[э˙]	[э]	[ê]	[е]
а	[а˙]	[а]	[а˙]	[а]	[ä]	[˙а]
о	[о˙]	[о]	[о˙]	[о]	[ö]	[˙о]
у	[у˙]	[у]	[у˙]	[у]	[ÿ]	[˙у]

Мы видим, что Аванесов использует именно этот третий принцип в описании системы вокализма русского языка (табл. 1), в котором он различает шесть основных позиций для сильных гласных фонем как диакритических знаков, тем самым утверждая, что система сильных гласных фонем русского языка содержит пять гласных: *и, е, а, о, у*. Все другие разновидности, включая хорошо различающиеся на слух аллофоны гласного *и* [и] и [ы], обусловлены качеством окружающих его согласных. Это идет вразрез с концепцией Петербургско-Ленинградской школы, согласно которой *и* и *ы* являются отдельными фонемами (напр., [Щерба 1957, 177–79; Матусевич 1976, 83–88; Бондарко 1977, 91–92]; ср. [Аванесов и Сидоров 1945, 46–51]).

Но Аванесов не ограничивается лишь определением фонетических условий, детерминирующих качество разновидностей гласных фонем. Он сделал очень важные наблюдения, касающиеся некоторых факторов морфологической и лексической обусловленности качества аллофонов. Тем самым он подчеркнул важность границ (стыка) морфем и словоформ и градацию силы их воздействия на определение фонетической реализации. В безударных слогах, например, Аванесов справедливо отметил нейтрализацию гласных неверхнего подъёма *е, о, а* и соотнес полученные разновидности с позицией относительно ударного слога. В заударных слогах, например, является или задний [ъ] или передний [ь], причем закономерность варьирования редуцированных [ъ] или [ь] выдерживается вполне последовательно: [ъ] после твердых согласных и [ь] после мягких. Так, {рабо́т+а} → [рʌбо́тъ] и {рабо́т+е} → [рʌбо́т'ь}.

Вместе с тем Аванесов отмечал целый ряд случаев слабой разграниченности [ъ] и [ь] и связывал ее со специфическими грамматическими окончаниями. Так, существительное ср.р. ед.ч. предл. пад. {по́л'+е} содержит закономерное [ь], но форма им.-вин. пад. ед.ч. {по́л'+о} уже обнаруживает колебание в произношении: закономерное [по́л'ь] наряду с неправомерным [по́л'ъ], первое являющееся более новым произносительным вариантом и последнее, более старым, то есть, по утверждению Аванесова, происходит постепенное отмирание старомосковской нормы произношения [Аванесов 1949, 118–19; 1954, 46]. В различных изданиях книги "Русское литературное произношение" Аванесов приводит перечень грамматических окончаний, которые либо произносятся по старомосковской норме, либо допускают колебания в произношении, либо имеют закономерное переднее редуцированное [ь]. Эти важные закономерности, выявленные Аванесовым, ранее более редко отмечавшиеся в литературе [Кошутић 1919, 29–39], легли в основу дальнейших исследований взаимосвязи морфологи-

Таблица 2. Разновидности флексий с заударными гласными после мягких согласных

Тип 1 только [ъ] (старомосковское)	*Тип 2* [ъ] ~ [ь]	*Тип 3* только [ь]
{ку́пл'+а}$_{\text{сущ. 1/им.сд.жсн.}}$	{учи́тел'+ом}$_{\text{сущ. 2/тв.сд.муж.}}$	{сосе́д'+ей}$_{\text{сущ. 2-род.-вин.мн.}}$
{учи́тел'+а}$_{\text{сущ. 2/род.-вин.сд.муж.}}$	{бра́тй+ов}$_{\text{сущ. 2/род.мн.}}$	{крест'йа́н+е}$_{\text{сущ. 2/им.мн.}}$
{пе́рй+а}$_{\text{сущ. 2/им.-вин.мн.}}$	{мо́р'+о}$_{\text{сущ. 2/им.-вин.сд.сред.}}$	{учи́тел'+е}$_{\text{сущ. 2/пред.сд.муж.}}$
{бу́р'+ам}$_{\text{сущ. 1/дат.мн.}}$	{с'и́н'+ово}$_{\text{прил./род.сд.муж.-сред.}}$	{мо́р'+е}$_{\text{сущ. 2/пред.сд.сред.}}$
{зна́й+а}$_{\text{глаг./деепр.несов.}}$		{коро́в+е}$_{\text{сущ. 1/дат.-пред.сд.жсн.}}$
{ста́р+айа}$_{\text{прил./им.сд.жсн.}}$		
{пт'и́чй+а}$_{\text{прил.притяж./им.сд.жсн}}$		

ческой и фонологической систем русского языка. Целью данной работы является подробное рассмотрение некоторых из них и приложение некоторых постулатов Аванесова к конкретному материалу.

В заударных слогах в окончаниях, когда гласные неверхнего подъема следуют после мягких согласных, качество основной гласной фонемы является крайне важным для того, чтобы определить, произносится ли гласный только как старомосковское [ъ] (тип 1), колеблется ли произношение между [ъ] и [ь] (тип 2) или только как закономерное [ь] (тип 3). Окончания первого типа обычно содержат *а*, второго – *о* и третьего – *е*. Аванесов связывал окончания первого типа на *а* и *о* с соответствующими твердыми основами (1949, 118), но не дал объяснения различного поведения окончаний на *а* и на *о*.

Как следует из таблицы 2, с одной стороны, отражается градация по звучности (степени подъема) от *а* через *о* до *е*, с другой, исходное различие по тональности (ряду), *е* будучи избыточно высокой тональности (переднего ряда), *о* и *а* – избыточно низкой тональности (заднего ряда). Таким образом, мы можем постулировать правило высокой тональности (назовем его Правило Т) и предположить, что если заударные гласные неверхнего подъема в окончаниях следуют за мягкими согласными, они реализуются как редуцированный гласный, но при этом они склонны подвергаться действию Правила Т по шкале вероятности $e \geq o \geq a$, то есть *е* более вероятно чем *о*, а *о* более вероятно чем *а* по звучности (степени подъема) (см. примечания 1, 2, 3, 4).

Несколько исключений из Правила Т свидетельствуют о других факторах, способствующих нарушению иерархии гласных по степени подъема. Например, прилагательные им. и вин. падежей ед.ч. ср.р. на {ойо} или {о} (старое, птичье) принадлежат Типу 1, возможно по аналогии с теми же прилагательными женского рода (старая, птичья) на {айа} или {а} в пределах норм старомосковского произношения. Так, {ста́р+ойо} и {ста́р+айа} → [ста́ръйъ], {пт'и́чй+о} и

{пт'и́чй+а} → [пт'и́ч'йъ]. Суффикс сравнительной степени {ейо} (напр. добрее), по всей вероятности, принадлежит Типу 2 ({добр-е́йо} → [дʌбр'е́йъ], хотя Аванесов и отмечал еще в 1954 г. (стр. 70), что форма с передним редуцированным становится более распространенной (напр. [дʌбр'е́йь], Тип 3), что, по-видимому, является указанием на то, что сама малоразличимая конечная гласная суффикса была переосмыслена как *е*.

Нет сомнения, что окончание твор. пад. мн.ч. {ам'и} допускает колебания, так как *а* не только следует за палатализованной согласной, но и за ней следует слог, начинающийся с мягкой согласной – позиция, которая способствует продвижению гласной к переднему ряду. Тип 3 также включает окончание твор. пад. существительного первого склонения, в которых гласная *о* находится между двумя патализованными согласными в закрытом слоге {ой}, так {ку́хн'+оі} → [ку́хн'ьі]. Глагольные личные окончания на *о* (напр., дремлешь, дремлет) также включаются в Тип 3 (напр., {дре́мл'+от} → [др'е́мл'ьт] в противоположность существительным (Тип 2) и прилагательным (Тип 1 для прямых падежей и Тип 2 для косвенных падежей). Весьма вероятно, что произношение безударных окончаний на *и* глаголов второго сопряжения ({иш}, {ит}, {им}, {ите}) повлияло на произношение окончаний всей этой категории (напр., {хо́д'+ит} → [хо́д'ьт]; см. [Пауфошима 1980]). Подобное же взаимодействие на уровне парадигмы в безударном личном окончании 3-го лица мн.ч. служит подтверждением этому. Сравни, например, старомосковское произношение безударного окончания 3-го лица мн.ч. 1-го сопряжения {ут} в глаголах 2-го спряжения, например, {хо́д'+ут}, {но́с'+ут} вместо нормы современного языка {хо́д'+ат} {но́с'+ат}.

Результаты анализа подобных исключений можно экстраполировать на построение другого иерархического ряда – по признаку высокого тона. Этот ряд препятствует действию Правила Т, хотя для большей убедительности подобного вывода требуется большее количество примеров.

Как следует из построения ряда гласных по признаку высокого тона, следующие фонетические условия будут способствовать передвижке вперед артикуляции заударного гласного после мягкого согласного, причем последовательность выстроена в порядке убывания _C'# ≥ C°# ≥ _C'V ≥ _C°V ≥ _#. Таким образом, переднее образование будет более вероятным перед мягкой согласной в закрытом слоге (напр., {ой} сущ. 1-го склонения ж.р. ед.ч. твор. пад.: [ку́хн'ьй]; затем перед твердой согласной в закрытом слоге (напр., {от} – окончание 3-го лица ед.ч.: [др'емл'ьт], {ом} сущ. средн. рода ед.ч. твор. пад.: [по́л'ъм] ~ {по́л'ьм]; затем в открытом слоге перед мягкой согласной ({ами} сущ. множ. ч. твор. пад.: [бу́р'ъм'и] ~ [бу́р'ьм'и]); затем в открытом слоге перед твердым согласным (напр., {ому} – прилагательное мужск. и ср.р. ед.ч. дат. п.: [с'и́н'ъму] ~ [с'и́н'ьму]) и затем на конце слова (напр., {о} – притяжательное прилагательное ср. р. ед.ч. им.-вин. пад.: [пт'и́ч'йъ]; {о} сущ. 2-го склонения ср.р. ед.ч. им.-вин. падежа: [по́л'ъ] ~ [по́л'ь]).

Ступенчатый характер основного фонемного ряда *е* ≥ *о* ≥ *а* и тот факт, что благодаря ему на стыке отдельных морфем частично или полностью не работает фонологическая закономерность – передвижка артикуляции вперед – несколько противоречит представлению о слабой фонеме как о самостоятельном, полноценном элементе фонологической системы. Едва ли представляется возможным установить четкое взаимодействие между сильными фонемами *е, о, а* и грамматическими категориями, если ограничиться рассмотрением только сла-

бой фонемы, такой как *а* в позиции нейтрализации, т.е. где гласные не различаются [Аванесов 1956, 125]. Необходимо, как несамостоятельную единицу, соотнести ее с исходной, сильной фонемой, напр., *а/а* в отличие от *а/е*.

Аванесов выявил подобный блокирующий эффект для стыков морфем, при которых не происходит редукции гласных или не реализуются правила сочетания согласных в русском языке. Например, заударные *е* после твердых шипящих и аффрикаты *ц* подвергаются редукции первой степени, а не второй в окончании предл. п. ед.ч. {е} (напр., {ло́ж+е} → [ло́жы], а не *[ло́жъ] и суффикс сравнительной степени {е} (напр., {су́ш-е} → [су́шы], а не *[су́шъ] [Аванесов 1954, 48]. Подобным же образом потери смычки в *ч* ([ч'] → [ш'] в положении после щелевых *с, з, ш* или *ж* может не произойти, если она находится на стыке морфем (напр. {без‡ча́й+а} → [б'иᶜш'ч'а́йъ], но {муж-чи́н+а} → [муш':и́нъ], {шчу́к+а} → [ш':у́къ] [Аванесов 1954, 98–99]). Вышеуказанная фонологическая закономерность может также не распространяться на отдельные лексемы, в частности на лексические единицы иностранного происхождения, в которых зачастую не действует правило редукции, напр., {оте́л'+∅} → [оты́л'], {деду́кций+а} → [дэду́кцыйъ] [Аванесов 1954, 133]).

До сих пор речь шла о частичном или полном ограничении действия фонологической закономерности на фонологическом, морфологическом или лексическом уровне. Другой вид феномена взаимодействия разных языковых уровней, выделяемый Аванесовым, охватывает некоторые слова иноязычного происхождения, в которых особенности отдельных фонем объясняются принадлежностью к специфическому классу лексем и благодаря этому нарушают продуктивную фонематическую систему. Такие исключения исчезают со временем, так как они испытывают давление фонологической системы на отдельные ее слабые элементы. Например, небольшая группа заимствований содержит характерные палатилизованные *ш'* и *ж'* (напр., {брош'у́ра+а}, {параш'у́т+∅}, {ж'ури́}) – фонемы, которые не встречаются в сильной позиции в русском языке.

Предупреждение Аванесова, что следует избегать устаревшего мягкого произношения [ш'] в первых двух словах, но сохранять "предпочтительное" [ж'] в третьем слове [Аванесов 1954, 62–63] ясно свидетельствует о том, что в таких случаях системное преобладает над внесистемным и что со временем такие исключения исчезнут. С подобных же позиций можно рассматривать старомосковское произношение [ж':] вместо закономерного [ж:] в случаях с *зж* или *жж*, содержащихся в лексических морфемах, например {йе́зж+у}, {жужжа́-т']. Здесь также на смену старому произношению приходит новое, что свидетельствует об утрате подобными морфемами фонологических особенностей в пользу преобладающего частотного варианта [Аванесов 1954, 99–100; Flier 1980; 1982; 1995]. В отличие от случаев типа {брош'у́р+а}, в которых противопоставлены системное и внесистемное [*ш'*] в той же сильной позиции (ср. {шу́р+а} Шура) лексемы с [ж':] сохраняются на протяжении длительного времени, так как они находятся в отношении дополнительного распределения с теми же сочетаниями на стыке морфем, которые всегда произносятся [ж:].

Эти несколько примеров, взятых из работ Р.И. Аванесова по русской фонетике и диалектологии, в которых содержатся очень тонкие и точные наблюдения над взаимодействием фонетики, морфологии и лексики в истории русского языка, могут послужить основой для дальнейшего изучения пробле-

мы. Новые исследования, проливающие свет на современные тенденции развития русского разговорного языка (см. [Земская 1973; Касаткин 1999], являются дополнительным вкладом в замечательное научное наследие, оставленное Аванесовым.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949.

Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. 2-е изд. М., 1954.

Аванесов Р.И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. 3-е изд. М., 1958.

Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. 4-е изд., перераб. М., 1968.

Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. 5-е изд, перераб. М., 1972.

Аванесов Р.И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. 6-е изд., перераб. М., 1984.

Аванесов Р.И. и *Сидоров В.Н.* Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945.

Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.

Земская Е.А. Русская разговорная речь. М., 1973.

Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.

Кошутић Рад. Граматика руског језика. 1. Гласови. Пг., 1919.

Матусевич М.И. Современный русский язык. Фонетика. М., 1976.

Пауфошима Р.Ф. Активные процессы в современном русском литературном языке (ассимилятивные изменения безударных гласных) // Изв. АН СССР. Т. 39. 1980. № 1.

Флайер М. Долгие диезные шипящие согласные в русском языке // Проблемы фонетики, 2 / Ред. Л.Л. Касаткин и др. М., 1980/1995.

Щерба Л.В. 1957. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

Flier, Michael S. The Russian sharped geminate palatals in fuctional perspective // Russian Linguistics 6, пор. 2, 277-91. 1982.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. За основу взята таблица Р.И. Аванесова, 1956 (98, 100). Схему нужно читать слева направо так, чтобы более простые фонетические условия выступали бы как немаркированные "во всех других случаях" для предшествующего маркированного фонетического окружения. Аванесов сам определил немаркированные фонетические условия как "не перед мягкой согласной". Он также указывает на то, что аллофоны [э] и [э·] встречаются только после твердых шипящих в исконно русских словах; иначе только в иностранных заимствованиях.

2. Я не рассматриваю в данной работе позиции после *ш, ж, ч*, которые не имеют прямого отношения к обсуждаемой проблеме. По тем же причинам я избегал детального морфологического анализа основ, кроме тех случаев, когда это представлялось релевантным. Значки для обозначения стыка морфем включают ǂ (для предлога), = (для приставки), + (для окончания), – (для суффикса). Одна стрелочка означает "фонетически реализуется как". В квадратных скобках [ ] дается фонетическая реализация; в фигурных скобках – морфологическая форма, состоящая из фонем и стыков.

3. В работе Аванесова 1954 г. он заменил [ə] на [ь].

4. Предполагается, что правило Т следует фонологическому правилу, согласно которому происходит палатализация парных согласных перед гласной *е*, даже через определенные стыки, напр. {наǂкоро́в+е} → [нəклро́в'ь], но {в=е́т+ом} → [вʲэ́тъм]. Нарушение этого правила, конечно, известно в заимствованиях; ср. {те́н'+∅} → [т'е́н'] и {те́н'ис+∅} → [тʲэ́н'ис].

Е.А.Брызгунова

ОБОБЩАЮЩИЕ И КЛАССИФИЦИРУЮЩИЕ ЕДИНИЦЫ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ И ИХ СОПОСТАВЛЕНИЕ

Вначале необходимо определить ряд понятий, многие из которых относятся к числу дискуссионных.

Понятия "звучащая речь" и "устная речь" можно считать синонимами. В первом случае предполагается обязательное изучение интонационно-звуковых и лексико-грамматических структур в их многомерных взаимосвязях. Во втором случае в центре внимания традиционно оказываются лексико-грамматические структуры.

Звучащую речь можно определить как единый артикуляционно-акустический процесс порождения говорящим и восприятия слушающим предложений (высказываний) или последовательности предложений, имеющих взаимодействующие лексико-грамматические и интонационно-звуковые структуры, которые выражают смысловое и эмоционально-стилистическое содержание. Жест и мимика в той или иной мере сопровождают речь говорящего всегда. В условиях видимой речи информативные возможности жеста и мимики возрастают. Такое понимание звучащей речи предполагает целостный, интегральный подход к объекту исследования и только с учетом этого единства возможен анализ его составляющих.

К числу дискуссионных относится вопрос о коммуникативной цели предложения (высказывания), последовательности предложений. Еще А.М. Пешковский в книге "Русский синтаксис в научном освещении" отметил, что человек говорит для того, чтобы что-либо сообщить или спросить, или выразить побуждение к действию и т.д. По мнению автора статьи, это одно из лучших определений коммуникативной цели говорящего, которое можно разрабатывать дальше, опираясь на "говорит для того, чтобы..." Рассмотрим составляющие коммуникативной цели говорящего. С точки зрения физиологической (работы Е.Н. Винарской), это приведение нервной системы в состояние готовности что-либо сказать, например, спросить в железнодорожной кассе о наличии и стоимости билета до нужного пункта. Далее, с точки зрения психолингвистики, необходимо выделить этап внутренней речи, когда происходит выбор и выстраивание лексико-грамматических и интонационных структур. Степень свернутости артикуляций, неполнота слогов в слове может быть разной. Переходим к лингвистическому аспекту. Процесс внутренней речи закончен, ставится точка и написанное предложение в этот момент становится фрагментом текста, который обладает потенциальными возможностями осмысления, выражаемыми при устном чтении средствами интонации, а при чтении "про себя" – более свернутым, скрытым интонированием. Такова судьба написанного предложения. В устной речи мы наблюдаем переход внутренней речи во внешнюю, и тогда существенно отметить, что реализация коммуникативной цели говорящего представляет собой единство коммуникативного типа предложения (повествовательность, вопросительность, волеизъявление во всех разновидностях) и акту-

ального членения, включающего эмоционально-стилистические оттенки, разнообразие которых выражается с помощью интонационной синонимии. Таким образом, если выражен коммуникативный тип предложения, то выражено и актуальное членение, и наоборот: если выражено актуальное членение, то одновременно выражен и коммуникативный тип предложения. Такое решение вопроса представлено в работах автора статьи и отражено во многих интонационных транскрипциях разговорной речи, теле- и радиопередач, художественного чтения, отрывков из кинофильмов.

Несколько слов о соотношении коммуникативной цели говорящего и его эмоциональном состоянии: нейтральном или окрашенном. В звучащей речи эмоциональное состояние говорящего может быть выражено в разной степени. Это зависит от разных причин: от характера говорящего (закрытость/открытость, сдержанность/несдержанность), от предписаний культуры (не выражать или выражать тот или иной тип эмоции в зависимости от конкретной ситуации, обычно эти ситуации типизированы). Эмоции, невыраженные в речи, могут присутствовать в эмоциональном состоянии говорящего, например, у космонавтов. И, если это необходимо, такие эмоции выявляются с помощью специальных инструментальных методов.

Далее при анализе звучащей речи встает вопрос о различении таких понятий, как единица и средство. Неразличение этих понятий становится помехой при изучении интонации. Единицу можно определить как некоторую языковую сущность, обладающую протяженностью и способностью линейно сочетаться с другими одноуровневыми сущностями. Средством является какое-либо свойство единицы, ее структурный элемент.

Единицами являются фонема, фонетическое слово, интонационная конструкция; средствами – словесное ударение, центр ИК, место членения на ИК (синтагматическое членение), пауза. Так, интонационный центр – обязательный структурный элемент ИК, способность же центра располагаться в начале, в середине, в конце конструкции используется как различительное средство. Словесное ударение организует фонетическое слово и в его пределах используется как различительное средство.

Обобщающие и классифицирующие единицы звучащей речи объединены общей функцией и общими признаками структуры. Это фонемный ряд, фонетическое слово, интонационный ряд ИК, вариативный ряд предложений, система звуковых смыслоразличительных средств.

Понятие и структура фонемного ряда были разработаны Р.И. Аванесовым. Фонемный ряд, как известно, объединяет фонему и ее позиционные видоизменения в составе фонетических слов и их сочетаний.

Состав фонемного ряда выделен при нейтральном эмоциональном состоянии говорящих. Между тем регулярными и перечислимыми по своим основным признакам являются те артикуляционно-акустические компоненты фонемы и ее оппозиционных изменений, которые обусловлены эмоциональным состоянием говорящего, например: продвинутость гласных вперед или назад по сравнению с нейтральным произношением, огубленность гласных и согласных, увеличение длительности гласных и др. Это суперсегментные признаки. В эмоциональной речи отмечается сближение сегментной и суперсегментной фонологии Такие признаки, как твердость/мягкость, глухость/звонкость, тоже имеют суперсегментную природу. Однако их соединение, например, с заднеязычной, пе-

реднеязычной или губной смычной создает уникальную структуру – фонему, имеющую свою разветвленную систему реализаций.

Переходим к рассмотрению следующей обобщающей и классифицирующей единицы – фонетическому слову. С точки зрения целостного, интегрального подхода к изучению звучащей речи уместно вспомнить общеизвестный тезис о том, что ограниченное количество фонем создает практически неограниченное количество знаков, которое в русском языке с помощью словесного ударения приобретает звуковую форму лексемы. Звуковая форма лексемы, т.е. фонетическое слово имеет сложную структуру (проблематика слога, качество ударения, позиционная фонетика, ритмическая структура, возможность включения в состав фонетического слова предлогов и союзов и др.). Эта сложность проблематики, безусловно, укрепила статус фонетического слова как обобщающей и классифицирующей единицы. Но в рамках этой единицы появляется новое качество – семантическая структура слова. Система интонационных средств имеет многомерные связи как с фонетической, так и с семантической структурой слова. Так, своеобразие звучания интонации в значительной степени связано с такими особенностями фонетического слова, как центрированное ударение, степени контрастности ударных и безударных слогов, которые соотносятся с разными степенями контрастности центров интонационных конструкций, предцентровых и постцентровых частей. Складывается и постепенно укрепляется впечатление, что спорность вопросов по поводу побочного ударения в значительной степени связана с неразличением качества побочного и основного ударения: выраженное побочное ударение становится интонационным средством, микросредством выражения актуального членения предложения. Еще один шаг, еще одно усилие и слово членится на две синтагмы, например:

Здра²во/мы³слящим / его не назов¹ешь.;
– А какой язык ты изучешь? – И³таль/я⁴нский (из кинофильма);
– А где² ты об этом узнал? – В и³нтер/не⁴те! (из разг. речи) и др.

Более существенные связи с семантической структурой слова будут показаны ниже.

Переходим к следующей обобщающей и классифицирующей единице – интонационному ряду ИК.

Как уже неоднократно говорилось в публикациях автора данной статьи, каждый тип ИК представлен в потоке речи многочисленным рядом реализаций, нейтральных и эмоциональных. Все реализации могут различаться по степени выраженности акустических компонентов (выше–ниже, сильнее–слабее, быстрее–медленнее и т.п.). Эмоциональные реализации отличаются от нейтральных какой-либо особенностью в движении тона или тембровой окраске, возникающей в результате артикуляционных изменений звуков, но таких, которые не выходят за пределы фонемы. Интонационный ряд ИК устроен по принципу синонимического: нейтральная реализация может заменить эмоциональную с потерей эмоционального или эмоционально-стилистического оттенка. Эмоциональные реализации ИК обладают более узким кругом употребления, поэтому замена нейтральной на эмоциональную не всегда уместна и может быть даже местами курьезной по отношению к ситуации, контексту. В ряде случаев эмоциональная реализация может соотноситься с двумя нейтральными, как это бывает и в составе фонемного ряда.

Остановимся на вопросе о сходстве и различии фонемного ряда и интонационного ряда ИК. Эти два ряда сопоставимы только лишь как обобщающие и классифицирующие единицы анализа: некоторый ряд звуковых реализаций возглавляется структурно-функциональной доминантой. Но по своему содержанию и структуре есть существенные различия. В составе фонемного ряда отмечаются строгие позиционные зависимости реализации фонем, предсказуемые по своим основным сущностям. В составе интонационного ряда выбор того или иного типа ИК зависит от лексико-грамматического сотава предложения, от эмоционального состояния говорящего.

Остановимся на вопросе об интонационной синонимии. Синонимическим является такое употребление интонационных средств, которые участвуют в выражении общего значения. Средствами интонационной синонимии являются: нейтральные и эмоциональные реализации одного и того же ряда ИК, синтагматическое членение, степень выраженности акустических компонентов. Интонационная синонимия может градуировать смыловые оттенки. Эту функцию чаще всего выполняют нейтральные реализации разных типов ИК, место центра ИК, синтагматическое членение. Так, при разном художественном чтении (в разных художественных чтениях) отрывка из стихотворения А.С. Пушкина интонационная синонимия инициирована смысловым объемом слова "жизнь" (в качестве эксперимента можно сравнить слова "жизнь" и "продавщица"):

Если жизнь тебя обма³нет, / не печа²лься, / не серди²сь!
Если жизнь тебя обма²нет, / не печа²лься, / не серди²сь!
Если жи²знь / тебя обма³нет, / не печа²лься, / не серди²сь!
Если жи²знь / тебя обма²нет, / не печа²лься, / не серди²сь!

Интонационная синонимия может противопоставлять нейтральное и эмоционально-стилистическое содержание, сравним:

Этот докуме³нт / я не подпи¹сывал (нейтральное сообщение); и: Этот докуме⁴нт / я не подпи¹сывал (официальный отказ).

Интонационная синонимия может противопоставлять нейтральные и собственно эмоциональные оттенки. Эту функцию выполняют не только эмоциональные реализации ИК, но и нейтральные, чаще всего – в диалогических репликах-реакциях, например: – *Сможешь перевести? – Смогу⁴!*

Проблематика интонационной синонимии в изложенной концепции рассматривалась в диссертационных исследованиях Т.Э. Корепановой, М.С. Смирновой, Л.И. Судаковой, В.Я Труфановой и др.

Переходим к рассмотрению следующей обобщающей и классифицирующей единицы анализа – вариативного ряда предложений (высказываний). Вариативный ряд объединяет предложения с инвариантным значением. Предложения, входящие в состав ряда, могут различаться оттенками значений (созначениями), средствами выражения, ситуативно-стилистическим употреблением. Инвариантное значение может относиться к семантической структуре предложения или к коммуникативной цели говорящего. В зависимости от природы инварианта обобщается разный языковой материал. Так, иллюстрацией вариативного ряда, объединенного лексико-синтаксической семантикой, могут быть: "Психологическое состояние субъекта", "Выражение причинно-следственных отношений" и.т.п. Как правило, такие вариативные ряды разрабатываются на материале письменной речи, на материале таких предложений, при формировании значения которых, в том числе и коммуникативной цели говорящего, основную роль играют лексико-грамматические средства.

При анализе ряда, инвариантное значение которого относится к коммуникативной цели говорящего, усиливается необходимость учета многомерности всех средств. Покажем это на примере вариативного ряда утверждения, выраженного словом "да" и его вариантами:

да; конечно, разумеется, несомненно; обязательно, а как же! ; очень, ещё как! ; ещё бы! я думаю! а ты думал! ; почему бы и нет? а почему бы и нет? ; а то нет!

Каждый из названных вариантов включает значение слова "да" плюс какое-либо другое созначение. Таким образом, значение слова "да" является архисемой в составе ряда. Члены ряда представляют собой слова-высказывания, значения которых конкретизируются в процессе взаимодействия синтаксиса-лексики-интонационно-звукового состава предложения (высказывания) и его смысловых связей с предшествующей репликой, в которой важно учитывать семный состав слова, связанного с утверждением. В этой области важно также учитывать знание ситуации первым говорящим (в реплике – стимуле) и вторым говорящим (в реплике – реакции). Все варианты утверждения "да" употребляются в ситуации, когда второй говорящий знает ситуацию лучше и это отражается в употреблениях вариантов слова "да". Напротив, для первого говорящего многие компоненты ситуации являются неизвестными и неожиданными, поэтому в первых репликах частотны вопросы, удивление (неужели, разве, а разве и др.) выражение новизны информации (а ты знаешь, он ведь...). Кратко перечислим варианты и их употребление. Значение "да" может усиливаться вариантами: конечно, разумеется, несомненно.

"Обязательно" употребляется по отношению к будущему времени в предшествующей реплике. Синонимом является: *А ка³к же!*, этот вариант не зависит от времени. Сравним:

– А разве он прие³дет? *– А разве он прие³дет? (приехал?)*
– Обяза²тельно! У него защита! *– А ка²к же! У него ведь защита!*

– А ка²к же! Имеет интонационную оппозицию: *А ка⁴к же? (а как же тогда, если не так? И др.).*

Второй член этой оппозиции употребляется при других смысловых связях с предшествующей репликой, входит в синонимическую группу вопросов, в которых намерение спрашивающего узнать новую информацию сочетается с его прежними представлениями, убеждение в правильности которых широко варьируется, например:

– А это слово произносится не так.

– А ка⁴к? = А ка⁴к же? = А ка⁴к же тогда?= А ка⁴к же как же тогда, если не так? и др. Кроме вопроса *А как же?* Наряду с ИК-4; возможно употребление ИК-2 (ИК-4 – усиливает размышление, ИК-2 – настойчивость).

Очень! Ещё ка²·к! (в интонационной транскрипции знак: обозначает увеличение длительности на гласном центра ИК-2). Для употребления *Очень!* необходимо, чтобы в предшествующей реплике был глагол, прилагательное, качественное наречие, семантика которых допускает выражение высокой степени признака, интенсивности, например:

– Ему понравился фильм? *– Хорошо танцует?*
– Очень! *– Очень!*

Система звуковых смыслоразличительных средств

Средства	Примеры оппозиции словоформ и предложений, различаемых звуковыми средствами
1. Фонемы: состав и последовательность	Дам–там, дам–дом, дело–тело, ветер–вечер, живот–живет; живем–живьем, сел–съел; кот–ток, потоп–топот, нитка–ткани и др.
2. Словесное ударение	У́же–уже́, запла́чу–заплачу́, а́дреса–адреса́, голоса–голоса́, города–города́ и др.
3. Интонационные конструкции	У него **е^{1}сть** права. – У него **е^{3}сть** права?; **Вы^{2}ключить** свет! – **Вы^{3}ключить** свет?; **Како^{2}й** сегодня день? – **Како^{5}й** сегодня день!; **Маши^{1}на** у него. – **Маши^{6}на** у него!; А **ка^{4}к** же? – А **ка^{2}к** же! и др.
4. Место центра ИК	И **о^{1}н** уехал (тоже) – И он **уе^{1}хал** (в результате); **Кака^{6}я** у них квартира?(переспрос) – Какая у них **кварти^{6}ра!** (оценка); Вот **где^{2}** его телефон? – **Во^{2}т** где его телефон! И др.
5. Членение предложения на ИК (синтагматическое членение)	В **а^{3}вгусте** / он уходит в **о^{1}тпуск.** – В а^{3}вгусте он уходит в отпуск?; Оппонент **ду^{1}мал:** / докладчик не **согласи^{1}тся** со мной. – **Оппоне^{3}нт**, думал докладчик, / не **согласи^{1}тся** со мной.; **Вдру^{3}г** / он **уше^{1}л.** – **Вдру^{3}г** он ушел? и др.
6. Пауза внутри ИК	– Мне нужен **Пе^{1}тя.** – **Како^{2}й** Петя? – **Ивано^{2}в**... какой! (**Ивано^{2}в,** / **како^{2}й** же еще!) Ср.: **Ивано^{2}в** какой! **Пе^{2}рвым** пришел ! и др.

Как только в ситуацию вносится компонент неизвестного, неожиданного, становится возможным синонимическое употребление *"Ещё ка^{2}к!"*, например,

– Неужели ему понравился этот фильм?
– Ещё как! = Очень!

Выделяется сфера употребления только "Ещё как!" В таких случаях в предшествующей реплике должно быть слово, в семантической структуре которого содержится сема "умение", например:

– А она шье^{3}т? (танцует, поет, готовит и т.д.*)*
– Ещё как! = да ещё как! (т.е.умеет и при этом – очень хорошо).

По отношению к имени существительному, которое не содержит оценочную сему, но потенциально может выражать оценочные отношения, употребляется *"Ещё какой!", "Ещё какая!", "Ещё^{2}бы! Я ду^{1}маю!* (здесь употребляется ИК-1 с высоким началом основного тона и удлинением главсного центра), "А ты ду^{2}мал!". Эти варианты являются синонимами, после каждого из них обычно следует обоснование, которое можно выразить словесно: "дело в том, что"... При употреблении названных вариантов "да" максимально активизируется роль смысловых связей между репликами, сравним:

– А ты зна^{3}ешь, / он ведь поступил! – *А ты зна^{3}ешь, / он ведь не поступил!*

– Ещ^{2}ё бы! С таки^{2}ми-то / зна^{2}ниями! – *Ещ^{2}ё бы! С таки^{2}ми-то / зна^{2}ниями!*

Аналогично: *Я думаю! С такими-то / знаниями! = А ты думал! С такими-то / знаниями!* В зависимости от наличия/отсутствия частицы **не** в предшествующей реплике "знания" будут иметь положительное или отрицательное оценочное значение. Подобные примеры можно было бы разнообразить. Для анализа подобран материал, в котором наиболее наглядно проявляется взаимосвязь разных средств. Вариант "почему бы и нет?" употребляется в ситуации размышления, поиска решения. Вариант "а то нет!" используется в разговорной речи при убеждении сомневающегшося собеседника, например:

– Неужели он мог на такое пойти?
– А то нет! Пошел, да ещё как!

Итак, в составе вариативных рядов предложений, диалогических единств оказываются максимально востребованы взаимосвязи разных средств.

К числу обобщающих и классифицирующих единиц относится система звуковых смыслоразличительных средств, каждое из которых выделено на единой фонологической основе и имеет свои закономерности функционирования. Обобщение этой системы представлено в таблице (см. стр. 257).

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы // *Реформатский А.А.* Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

Зиндер Л.Р. Условность и мотивированность языкового знака // Фонетика. Фонология. Грамматика. (К семидесятилетию А.А. Реформатского) М., 1971.

Брызгунова Е.Л. Общее и специфическое в сегментной и суперсегментной фонологии // Фортунатовский сборник. М., 2000.

Современный русский язык / Под ред. Белошапковой В.А. М.: Азбуковник, 1997; 1999.

Соколов А.Н. Внутренняя речь. М., 1968.

С.Н. Борунова

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОБОЧНОГО УДАРЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

> Я вообще теперь не знаю, что такое ударение,.. потому что последние разъяснения в этой области показали, что ударение не связано ни с напряжением звука, ни с его удлинением – ни с чем, а все-таки оно есть. ...экспериментаторы нам потом скажут, что это такое...
>
> *В.Н. Сидоров.* О Московской фонологической школе

Вопрос о нормативном побочном ударении (далее ПУ) обычно связывается с определенным кругом лексических единиц, в который входят сложные и сложносокращенные слова, а также префиксальные образования с некоторыми приставками русского и иноязычного происхождения (например, *бòлеутоля́ющий, прирòдопо́льзование, спѐцодéжда, мѐжáтомный, кòнтрнаступлéние*). Оп-

ределение наличия ПУ в многосложном первом компоненте не вызывает трудностей (опустим иногда возникающий вопрос о месте ПУ), поскольку ПУ обладает способностью так же ритмически организовывать первый компонент сложения, как обычное словесное ударение организует простое слово. Это положение Р.И. Аванесова [1956, 113–114] до недавнего времени не подвергалось сомнению лингвистов, его принимают А.А. Реформатский, М.В. Панов, И.М. Логинова и др.

Однако в интерпретации некоторых категорий односложных слов (это предлоги, союзы, местоимения, частицы – *сквозь, но, чтоб, мой, он, вот* и т. п.) и односложных первых компонентов сложений (*сель-, сов-, хоз-, тех-, проф-* и т.п.) с точки зрения наличия–отсутствия ПУ единства нет, хотя во всех словарях, касающихся проблемы ПУ, нередуцированные гласные в первых компонентах сложных слов сопровождаются ударением.

Р.И. Аванесов [1955; 1974] и А.А. Реформатский [1937; 1967] последовательно трактуют отсутствие редукции гласных в односложном первом компоненте как наличие в слове ПУ, но в отношении односложных служебных слов и местоимений их высказывания противоречивы. Р.И. Аванесов, например, характеризует союзы *то-то* и *но* то как безударные [1955, 574], то как имеющие ударение [1959, 705], то оценивает их по-разному: союз *то-то* как ударный, а *но* как безударный [1974, 105]. В то же время он отмечает, что односложный предлог *сквозь* обычно имеет ПУ (*сквóзь облака́*) [1989, 664]. А.А. Реформатский признает наличие двух ударений (главного и побочного) в словах типа *прòфбилéт, глàввинó* [1967, 291–292, 225] и вместе с тем считает простым отклонением от нормальной схемы редукции безударных гласных произношение [о] не только в заимствованном слове *поэ́т*, но и в односложных местоимениях *он, мой* и союзе *но*.

В монографии [Русский язык и советское общество. Морфология... 1968] единицы *гор-, гос-, парт-, пром-, проф-, рев-, сель-, сов-, хоз-* признаются аналитическими прилагательными и дополнительным фонетическим основанием для придания им морфологического статуса отдельного слова считается "...наличие у частей *проф-* и под. самостоятельного ударения..." [1968, 120]. Однако в статье [Гловинская, Кузьмина, Ильина, Панов 1971, 30] указывается, что "...в сочетании *профбилет* первое слово *проф-* обычно безударно, но сохраняет нередуцированное [о]". Как безударные нередуцированные характеризуются гласные и в некоторых односложных словах из сочетаний *вóт óн; вóт он; но óн; то ты́; то я́*. "Как видно из примеров, – пишут авторы, – ударность при этом может и отсутствовать, а редукции безударных гласных у этих слов все же нет" [1971, 30].

Следует отметить, что разные авторы (и их число можно увеличить), как правило, не обосновывая своих позиций, высказываются по рассматриваемым вопросам вскользь и нередко противореча в разных работах друг другу и самим себе [Аванесов 1955; 1959; 1974; Реформатский 1950; 1967; Панов 1968; 1971] (об этом см. [Борунова 1995; 1997]).

При этом остается незамеченным известное положение Л.В. Щербы об особом качестве ударных гласных (отсутствии их редукции) как единственном коррелята ударности в русском языке, сформулированное им в статье "Об ударении". При рассмотрении фразы *Тут брат взял нож* Л.В. Щерба приходит к выводу, что она состоит из четырех ударных слогов, "так как в ней нет ни одного безударного (проклитического или энклитического) слова. Следовательно, в

этой фразе не может быть и речи об ударенном слоге как наиболее сильном, высоком или долгом, и приходится признать, что в русском языке "ударение" – чисто качественное явление" [1974, 176]. Таким образом, согласно Л.В. Щербе, ударность гласных в односложных словах можно установить, не прибегая к экспериментальному исследованию.

Близок к подобному пониманию проблемы и С.С. Высотский. Рассматривая вопрос об абсолютной и относительной энклизе на примере словосочетания *вот он*, С.С. Высотский связывает отсутствие редукции в местоимении с отсутствием энклизы и наличием ударения [вóт ὸн], "поскольку при акающем вокализме в одном фонетическом слове, обладающем всегда лишь одним ударенным слогом, не может встретиться более одного звука [о]" [1977][1]. Это положение дает ключ к решению вопроса об ударности и безударности односложных слов в русском языке, а значит, и односложных компонентов сложений.

В 1993 г. М.Л. Каленчук и Р.Ф. Касаткина (см. также [Каленчук и Касаткина 1996]) предложили свое понимание проблемы ПУ, при котором они отказываются, на наш взгляд, необоснованно, от некоторых утвердившихся [Аванесов 1956] или перспективных [Высотский 1977] научных положений. Поэтому следует рассмотреть их точку зрения подробнее. Они отвергают возможность выявления ПУ на словесном уровне, поскольку встречаются случаи вариативного произношения слов (например, *фὸтокáрточка* и *фотокáрточка*), и соотносят его с чисто фразовой просодией, где произношение слова регулируется ритмической организацией фразы и где реализуется одно конкретное произнесение. Но, как известно (это известно и авторам новой концепции, см. [Каленчук и Касаткина 1996, 41]), именно произнесение изолированного слова с интонацией законченного высказывания (или слова в конце фразы под фразовым ударением с нисходящим тоном) воспринимается носителями языка как эталон ритмической структуры слова, с которым соотносятся произнесения, модифицированные во фразе [Златоустова 1962, 5]. Так что именно на словесном уровне и можно выявить нормативное вариативное или безвариантное произношение конкретного слова (в том числе наличие или отсутствие в нем ПУ).

Однако, по мнению М.Л. Каленчук и Р.Ф. Касаткиной, на словесном уровне более корректным было бы говорить об отсутствии редукции гласных. Причины такого утверждения остаются для читателя загадкой, хотя авторы и пытаются привести некоторые аргументы в его пользу, но эти аргументы не кажутся убедительными.

---

[1] По мнению С.С. Высотского, в различных видах произнесения данного словосочетания "могут встретиться не только полярно противоположные формы – без энклизы и с абсолютной энклизой – [вóт ὸн] и [вóтън], но и промежуточные ступени относительных энклиз, сохраняющих существенный признак гласного [о] – его лабиализованность, хотя бы и в предельно слабом виде – от [оъ] до [ъо]. ...Словоформы со следами произношения [о] не представляют полного примыкания энклитики, т.е. подлинной энклизы – одного фонетического слова – здесь не образуется" [1977, 27–28]. Таким образом, С.С. Высотский не только подводит исследователей к решению вопроса об ударности и безударности односложных слов в русском языке, но и предельно ясно формулирует понятия фонетического слова, абсолютной и относительной энклизы, которые до сих пор крайне противоречиво используются в научной литературе. К сожалению, его идеи восприняты в преображенном виде лингвистами, пишущими о клитиках. В частности, они называют относительными энклитиками случаи произношения нередуцированного [о] в словосочетаниях типа *вот он*, в которых, по С.С. Высотскому, энклизы нет [ср.: Касаткин и др. 1991, 76; 1995]).

Считая ПУ на словесном уровне "фантомом", "погоня за которым бессмысленна", не признавая его "лексической приметой", Каленчук и Касаткина тем не менее обращаются к тем же самым сложным и сложносокращенным словам и "отдельным приставочным структурам", которые определяют, как и другие лингвисты, на словарном, а не на текстовом уровне, но, в отличие от других исследователей, предлагают выделить эти образования в отдельную подсистему, подобную по вокализму подсистеме заимствованных слов (ср. [боле]*ро́*, *а*[ве]*ню́*). Сближает эти две подсистемы возможное, по мнению авторов, произношение безударного нередуцированного гласного в первых компонентах слов типа *профбилет*, *союзпечать*, *телепередача*, *электростанция*, *лезозаготовки* независимо от количества содержащихся в них слогов[2]. При этом в "словах сложной структуры" признается возможность наличия двух редукционных контуров. Таким образом, ПУ нет, но "соотношение гласных в каждом из этих контуров подчиняется законам, действующим в словах элементарной структуры" [1993, 102], то есть утверждается, что любой нередуцированный гласный способен так же организовывать ритмическую структуру слова, как и обычное ударение. Более того, в статье предполагается, что в приставках и первых основах некоторых сложных слов якобы можно произнести без ударения и качественной редукции больше одного гласного: [п'эр'э]*воспита́ть*, *п*[рото]*истори́ческий*, [з'мл'э]*прохо́дцы*, *с*[тал'э]*бето́н*. Нам возможность такого произношения представляется сомнительной (это неудобопроизносимо), в отличие от заимствованных слов [бол'е]*ро́*, [парв'е]*ню́*.

Авторы новой концепции ПУ отождествляют (на наш взгляд, разную) "природу" (а точнее, функцию) отсутствия редукции гласных в первых компонентах сложных слов и простых заимствованиях: *ч*[а]*долю́бие* и *ч*[а]*йханаа́*, *п*[а]*росбо̀рник* и *п*[а]*рвеню́*, *б*[о]*ртмеха́ник* и *б*[о]*лерò*, *с*['э]*льма́г* и *с*['э]*квéстр*. Они не принимают во внимание не только разную ритмическую структуру сопоставляемых слов, но и игнорируют наличие семантической функции у русского ударения вообще и у ПУ, в частности, на что неоднократно обращали внимание лингвисты [Реформатский[3] 1937, 83; Зиндер 1979, 265; Светозарова 1982, 128 и др.]. Они не замечают того, что в словах *ч*[а]*долю́бие* и *п*[а]*росбо́рник* "отсутствие редукции" организует произношение отрезков *чадо-*, *паро-*, имеющих лексическое значение, а в словах *п*[а]*рвеню́* и *б*[о]*ро́*, не членяющихся на морфемы, на произношение последующего гласного никакого влияния не оказывает. М.Л. Каленчук и Р.Ф. Касаткина не учитывают также и восприятия носителей акающего вокализма, которые безошибочно чувствуют функциональное

---

[2] Ср. идею, высказанную в коллективной работе [Гловинская, Кузьмина, Ильина, Панов 1971, 30]. Что касается М.В. Панова, то его отношение к отсутствию редукции гласных в неодносложных аналитических прилагательных выражено достаточно четко в статье того же года: "Все они носители ударения (редукции гласных нет)... У некоторых заимствованных по происхождению аналитов нередуцированность гласного была показателем пришлости (*кино-*, *псевдо-*). Была; а теперь она показатель отдельнословности. У некоторых аналитов дополнительное ударение было свидетельством, что они – часть сложного слова (*лесо-* и пр.). Было когда-то; а сейчас это дополнительное ударение столь же дополнительно, ничуть не больше, как всякое ударение на недлинном прилагательном при существительном..." [Панов 1971, 252].

[3] А.А. Реформаторский еще в статье 1937 г. "Упорядочение русского правописания" отмечал в словах *прòфбиле́т* и *глàвэне́рго* не только два ударения, но и два лексических значения [1937, 83].

различие между отсутствием редукции гласных в первых компонентах сложных слов, с одной стороны, и в простых заимствованиях – с другой.

По нашим представлениям, оснований для выделения сложений в особую подсистему нет (она не была бы аналогична по вокализму заимствованным словам), поскольку произношение сложных слов укладывается в общую систему вокализма в русском языке, в котором ударение имеет относительный характер, то есть ударный слог выделяется в связи с особенностями безударных слогов [Кузнецов 1970, 13; Логинова 1970, 5–6; Бондарко, Вербицкая, Щербакова 1973, 153; Зиндер 1979, 266; Светозарова 1982, 128 и др.]. Физиологи, психологи и лингвисты подчеркивают важную роль ритмической структуры слова при восприятии речи: "...распознавая осмысленное сообщение, человек использует дополнительный признак, не разрушаемый частотными искажениями и шумами, – ритмику чередования ударных слогов с безударными" [Чистович, Кожевников, Алякринский, Бондарко и др. 1965].

М.Л. Каленчук и Р.Ф. Касаткина с наличием ПУ связывают бóльшую выделенность нередуцированного звука и в подтверждение тождественности природы нередуцированных гласных в парах слов типа [бо]*лерó* и [бор]*машúна*, [в'э]*льбóт* и [в'э]*тпýнкт* указывают, в частности, на то, что нередуцированные гласные в них не различаются между собой по физическим (акустическим) характеристикам (длительности, интенсивности, тембру) [1993, 101]. Но как можно при сопоставлении звуков из разных слов определить ударность или безударность нередуцированных гласных? Спорную идею Н.И. Жинкина [1954] о существовании порога ударности для гласного вне слова не разделяют ни лингвисты, ни психологи (ср.: [Кузнецов 1970; Чистович, Кожевников и др. 1965; Бондарко, Вербицкая, Щербакова 1973]). Всякий раз вопрос об ударении решается внутри каждого отдельного слова. Остается непонятным, почему, получив одинаковые физические характеристики нередуцированных гласных звуков для слов с разным морфологическим составом, с разным количеством слогов и разными согласными после гласных, авторы толкуют результаты как отсутствие редукции гласных, почему у них не возникает сомнение, можно ли вообще различить ПУ и отсутствие редукции с помощью физических параметров звуков. Вопрос о физических коррелятах ударности недостаточно ясен в науке даже в отношении гласных – носителей основного ударения в слове. Тем не менее М.Л. Каленчук и Р.Ф. Касаткина пишут: "Нам представляется некорректной сама постановка вопроса об особой акустической природе второстепенного ударения по сравнению с главным. Полагаем, что побочное ударение, как и вообще ударение в русском языке – это выделенность физическими средствами одного слога на фоне других, безударных слогов. Эти физические средства – длительность, интенсивность, тон." [1993, 105]. Однако, анализируя графики слов и словоформ *Горпед, техредом* и словосочетаний *те дома, мой сад* и др. [1996, 35, 36, 38, 40], произнесенных вариативно – без ПУ и с ПУ, они никак не комментируют в этих вариантах главное ударение. Отмечая увеличение интенсивности, длительности, изменение тона гласных под ПУ по сравнению с нередуцированными (в их понимании), авторы не указывают никаких акустических характеристик гласных под основным ударением. Должны ли как-то соотноситься физические параметры гласных под побочным и главным ударением и как выражается главноударность в приведенных ими примерах, на эти вопросы ответа мы не получаем.

Заметим, что другие исследователи считают давно устаревшей точку зрения, согласно которой ударный гласный – самый сильный в слове [Бондарко, Вербицкая, Щербакова 1973], и сожалеют о том, что это положение продолжает кочевать из одного пособия в другое [Николаева 1977].

Исследователи указывают также, что словесные звукосочетания, в отличие от простых физических звуков, воспринимаются человеком неадекватно их акустическим характеристикам, например, увеличение длительности звуков воспринимается как увеличение интенсивности и пр. [Жинкин 1954; Селезнева 1960, 387–389; Златоустова 1962; Кодзасов 1969 и др.]. Кстати, и Т.М. Николаева, которую М.Л. Каленчук и Р.Ф. Касаткина берут себе в союзники, признает, что возможно "несовпадение данных экспериментального анализа и осознанного восприятия звуковых единиц человеком" [1993, 22], поэтому "чисто фонетические показатели (поиск и нахождение максимумов) для определения ударения недостаточны" [Николаева 1993, 26].

Относительно участия тона в формировании русского ударения высказал свою точку зрения Л.Р. Зиндер при критическом анализе положения А.И. Томсона о сочетании двух типов ударения в русском языке – динамического и музыкального. Он проанализировал пример А.И. Томсона (слово *завтра?*, произнесенное с вопросительной интонацией) и показал, что тон не является составляющей ударности, "потому что повышение тона на втором слоге (указанного слова. – *С.Б.*) никак не может быть истолковано как словесное ударение, оно является лишь частью вопросительной мелодии, начинающейся с первого слога" [Зиндер 1979, 263]. Физические характеристики гласных (интенсивность, длительность, частота основного тона) взаимосвязаны, и, в частности, с изменением ЧОТ (а это зависит даже от положения слова во фразе) меняются и параметры интенсивности и длительности гласных [Златоустова 1962, 68, 150; Зиндер 1979, 257–281]. Это подтверждает и наш материал (см. рис. 1–7), в котором представлены одни и те же слова при изолированном произнесении и во фразе, полученный от одного и того же информанта. Так что опираться безоговорочно на физические параметры гласных при установлении наличия-отсутствия ПУ в слове вряд ли возможно [Борунова 1995; 1997].

Связывая ПУ не со словесной, а с фразовой просодией, авторы новой концепции видят преимущество такой интерпретации в возможности перенести решение вопроса о факультативности ПУ с лексического уровня на уровень фразы, где эта факультативность, по их мнению, оказывается мнимой. На наш взгляд, проблема наличия-отсутствия ПУ в односложном первом компоненте при главном ударении на втором слоге слова остается и во фразе. Это подтверждается примерами с формами слова *главред*, приведенными самими авторами: *1. Очень скоро его назначили гла̀вре́дом. 2. Главре́дом он был неважным, но хорошо ориентировался в обстановке* [Каленчук, Касаткина 1993, 104; 1996, 30]. Довольно сомнительно, чтобы в этих примерах как-то убедительно распределились физические характеристики гласного [а] в слове *главредом* в зависимости от приписанной ему роли: ударность в слове в составе ремы (1) и безударность в составе темы (2), поскольку в случае (2) наблюдается инверсия и, следовательно, на первом слове должен быть фразовый акцент. Определить наличие или отсутствие ПУ в односложном первом компоненте слова *главредом*, по нашему мнению, и во фразе достаточно трудно. Важным для нас фонетическим признаком ПУ являются тембральные разли-

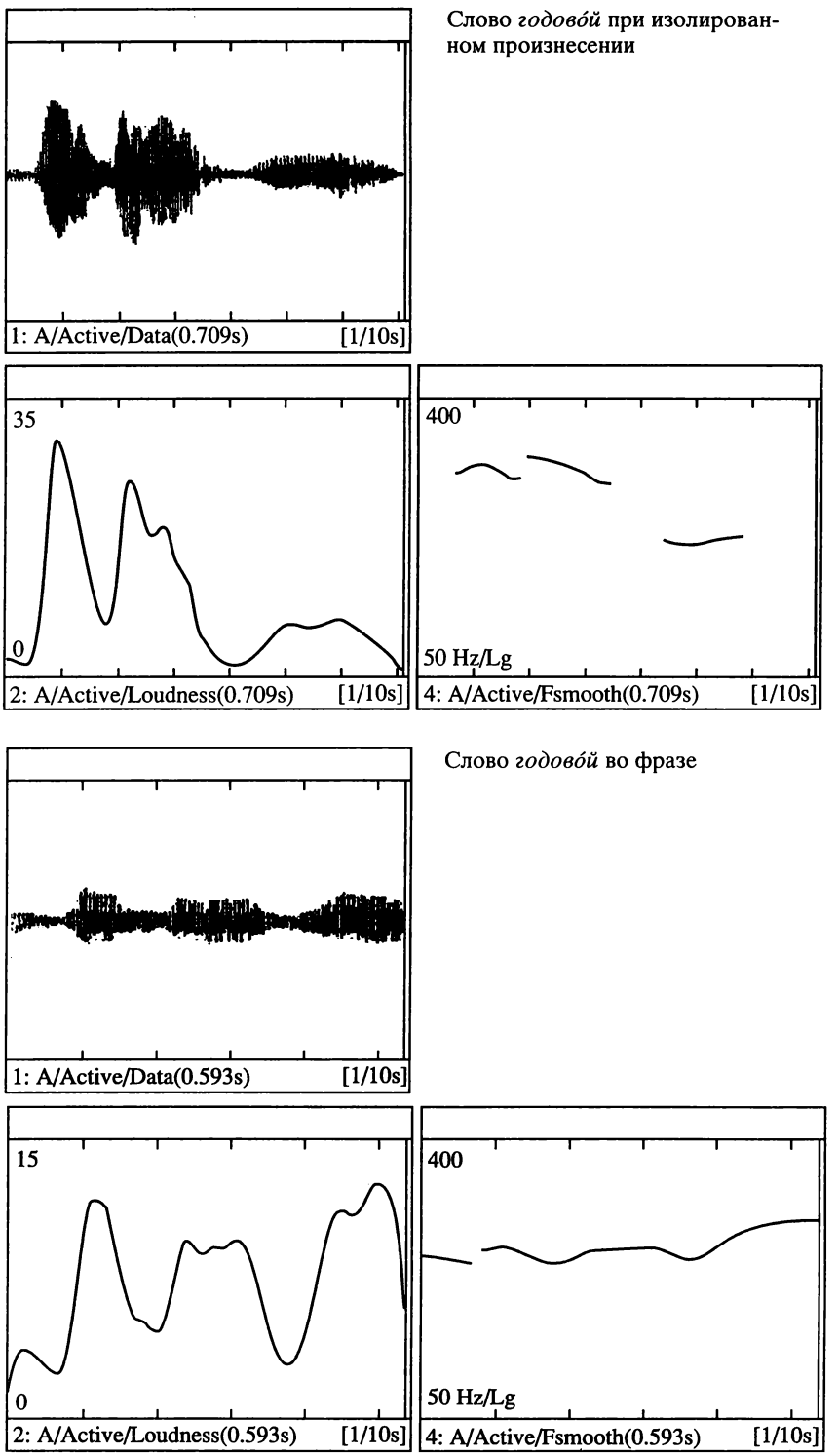
чия ударных и безударных гласных, но сопоставление с безударным гласным в данном случае невозможно, а произнесение гласного полного образования без качественной редукции свойственно гласному [а] как под ударением, так и в первом предударном слоге (в котором он оказывается при отсутствии ПУ). При наличии предлога, составляющего слог, можно было бы судить об ударности-безударности [а] по поведению гласного в предлоге, ср.: *пошли* [за] *глàвре́дом* или [зъ] *главре́дом*. В рассматриваемых же примерах можно ориентироваться только на косвенный показатель "отдельнословности" компонента *гла*[ф] – оглушение конечного согласного, что, по А.А. Реформатскому [1967, 292], дает возможность теоретически считать его носителем ударения, как любое другое полнозначное односложное слово.

Так что, анализируя концепцию Каленчук и Касаткиной, мы не увидели доказательств основных ее положений: они просто продекларированы (рассмотрение ПУ под фразовым акцентом в их работе возражений не вызывает). Вопрос же о физических коррелятах ПУ и вообще ударения в русском языке остается открытым.

Нам представляется, что ударные и безударные нередуцированные гласные выполняют в языке разные функции. Именно ПУ (а не простое отсутствие редукции гласных) организует ритмическую структуру первого компонента слова. Тембральные особенности нередуцированных гласных под ПУ при акающем вокализме воспринимаются носителями языка как естественное явление, незаметное для слушающего и легко воспроизводимое говорящим без специальной подготовки в отличие от нередуцированных гласных в простых заимствованиях, произношение которых ассоциируется с другой фонетической системой (ср. [Со]*кра́т* и *стòкра́т*). ПУ и ударность вообще в русском языке связаны с наличием семантики у слова или его части, носителем ПУ является особая морфема, обычно стоящая в начале сложения.

В статье наше внимание было обращено на ПУ, обусловленное морфологически. Чисто фонетическое ритмическое ударение, способствующее исключительно удобству произнесения протяженных ритмических структур, – задача другой работы.

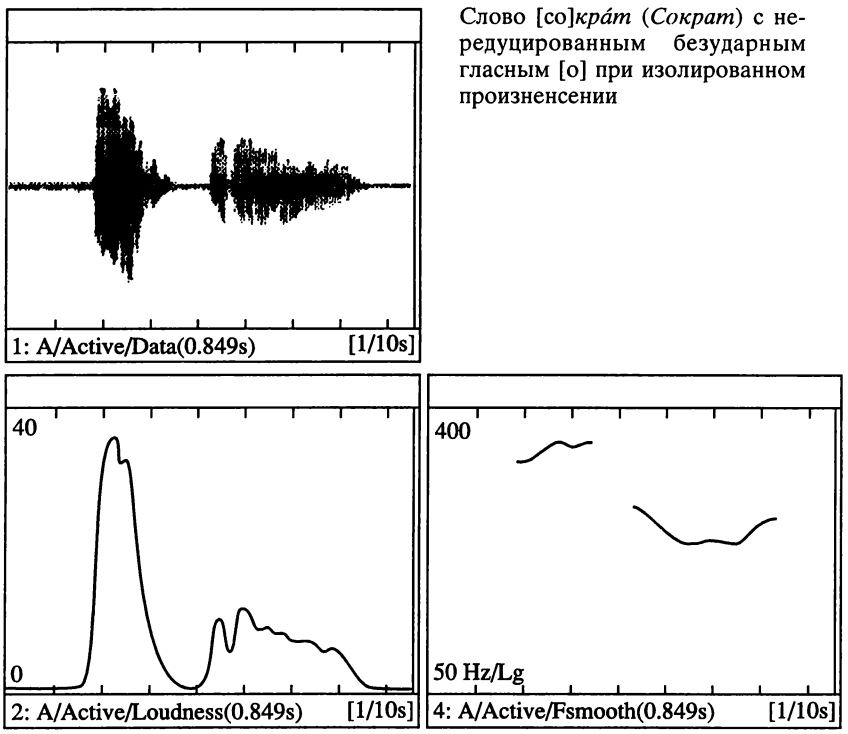
На рисунках представлены попарно сопоставляемые слова в двух позициях: при изолированном произнесении и извлеченные из фразы типа "Повтори слово *годовой* снова". Среди них простые исконно русские слова с обычной редукцией гласных, заимствованные с нередуцированными гласными, сложные и сложносокращенные слова с ПУ. Акустические характеристики слов отражены осциллограммой, графиком интенсивности и интонограммой. Соотношение длительностей гласных можно определить по приведенным рисункам.

Слово *годовóй* при изолированном произнесении

Слово *годовóй* во фразе

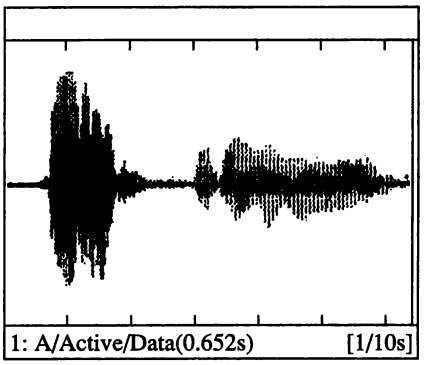
Рис. 1

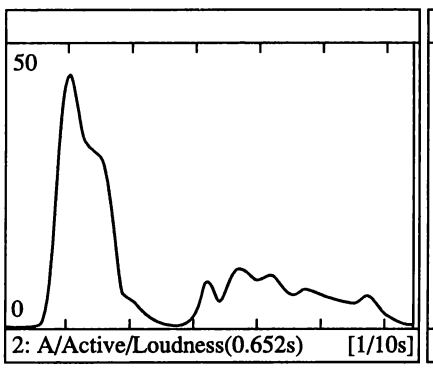
Слово [со]*крáт* (*Сократ*) с нередуцированным безударным гласным [о] при изолированном произнесении

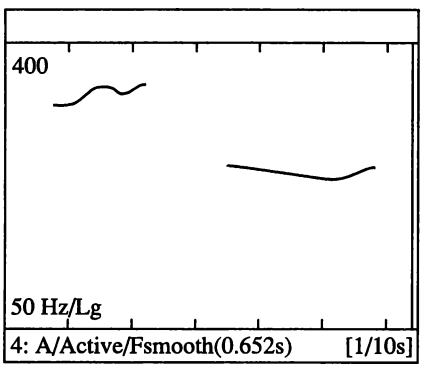
Слово [со]*крáт* (*Сократ*) с нередуцированным безударным гласным [о] во фразе

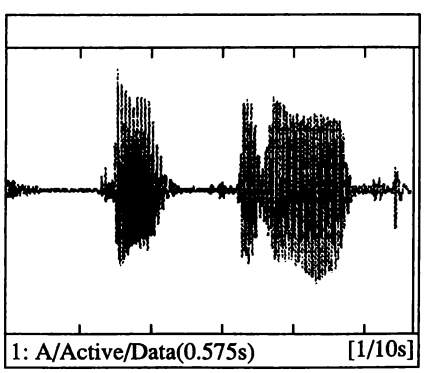
Рис. 2

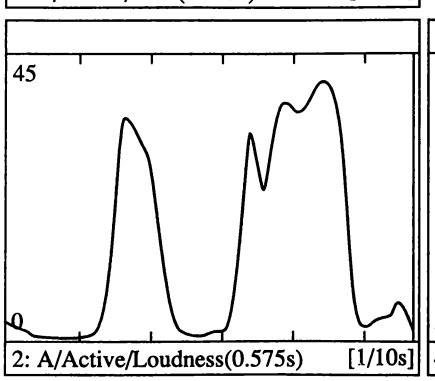
Слово *стóкрáт* с побочным ударением при изолированном произнесении

Слово *стóкрáт* с побочным ударением во фразе

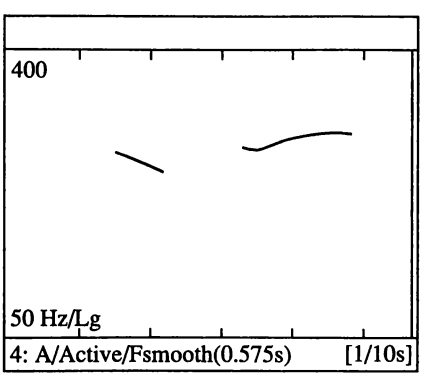
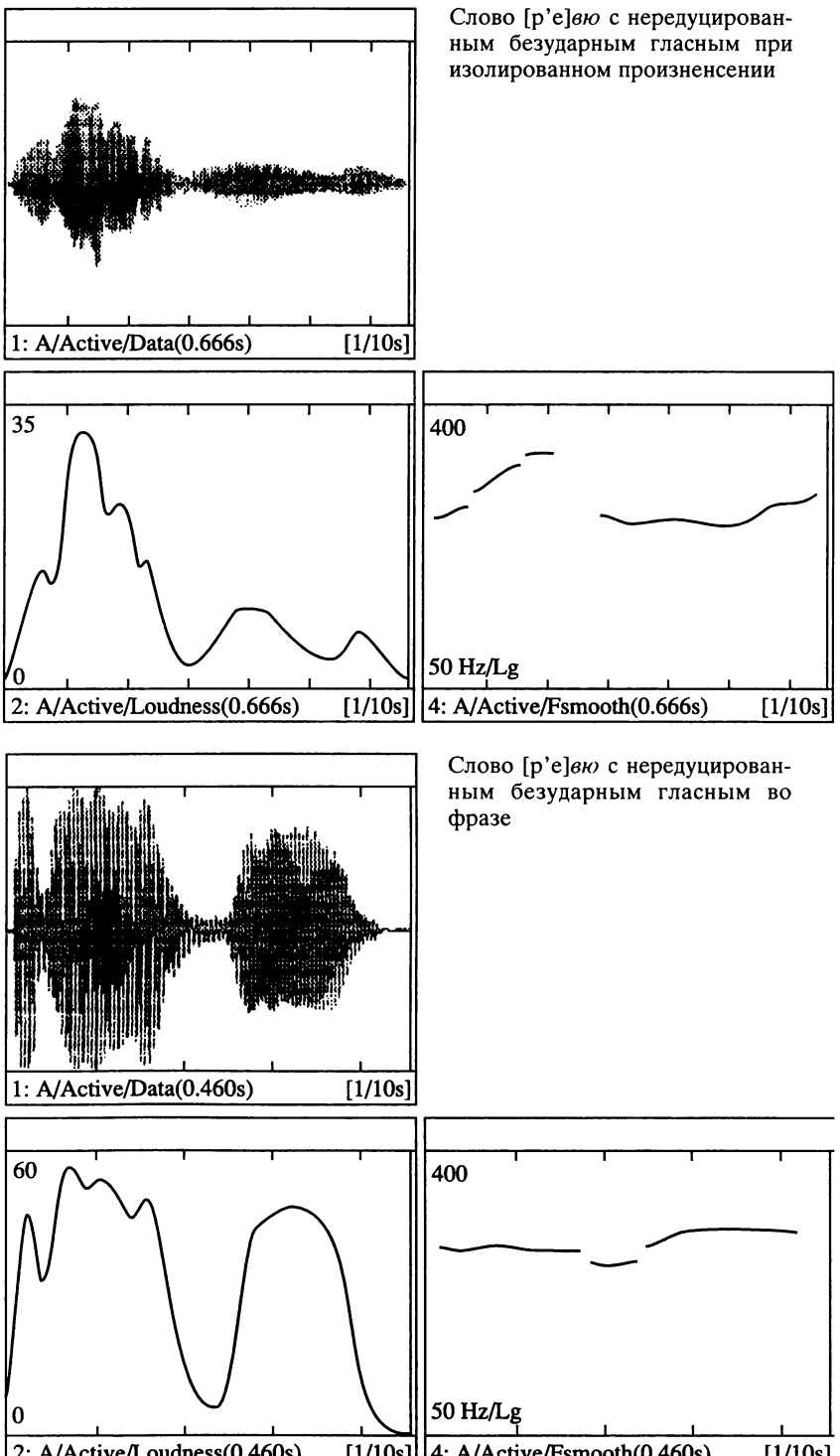

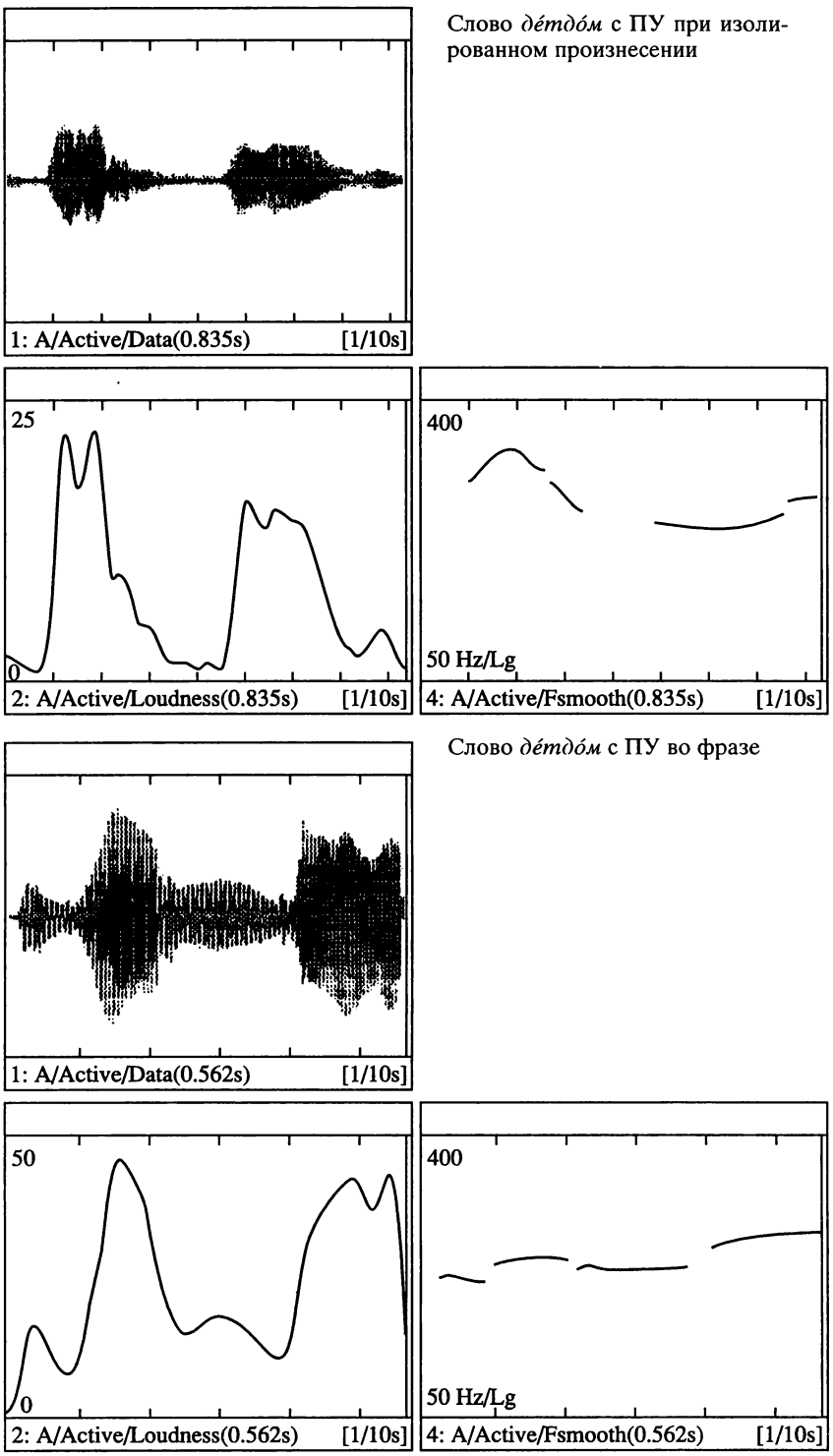
Рис. 3

Слово [р'е]*вю* с нередуцированным безударным гласным при изолированном произнесении

Слово [р'е]*вю* с нередуцированным безударным гласным во фразе

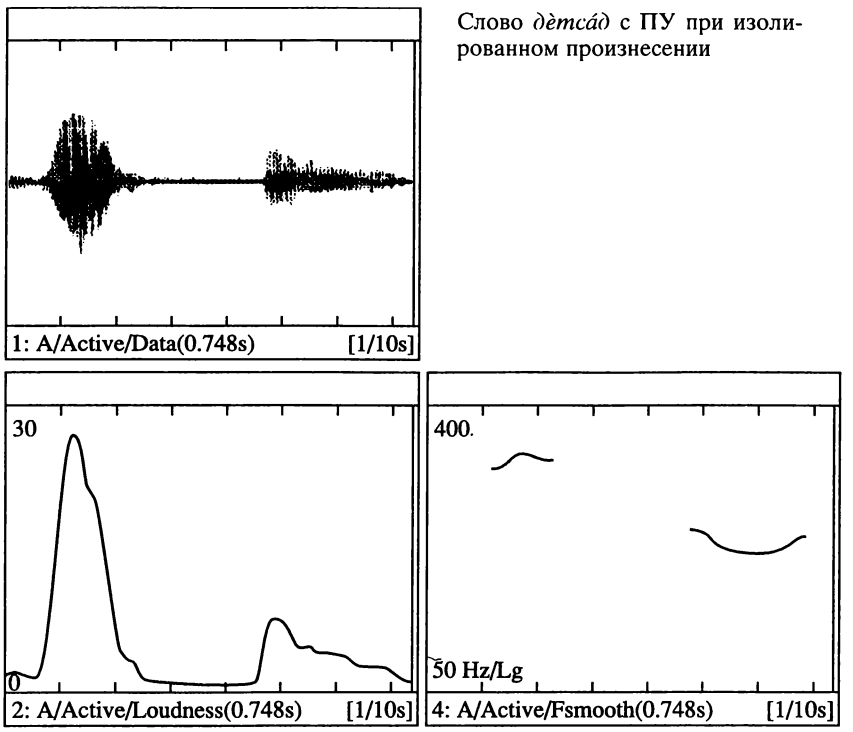
Рис. 4

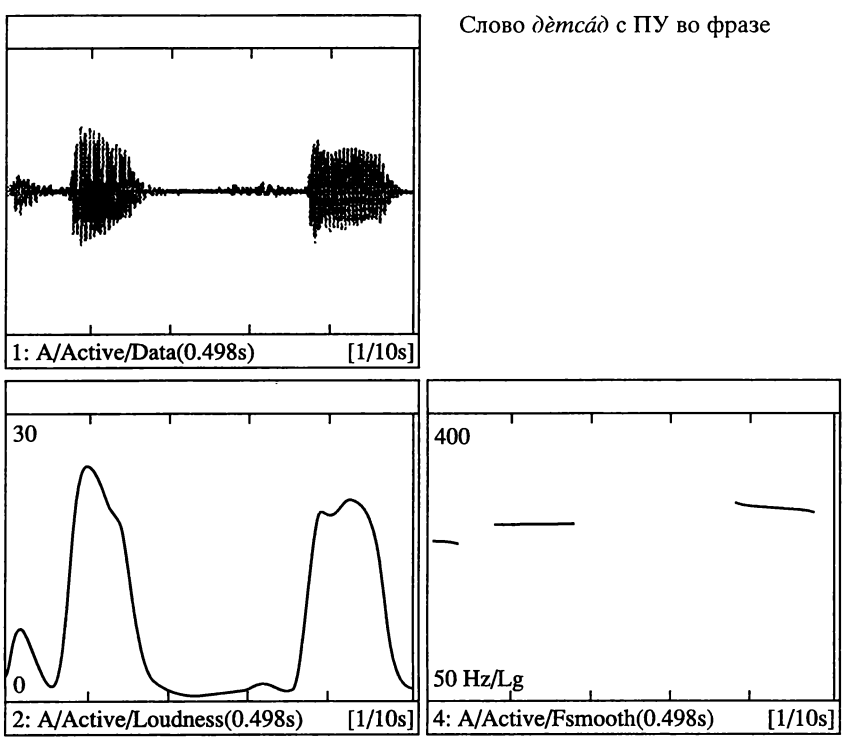
Слово *дётдóм* с ПУ при изолированном произнесении

Слово *дётдóм* с ПУ во фразе

Рис. 5

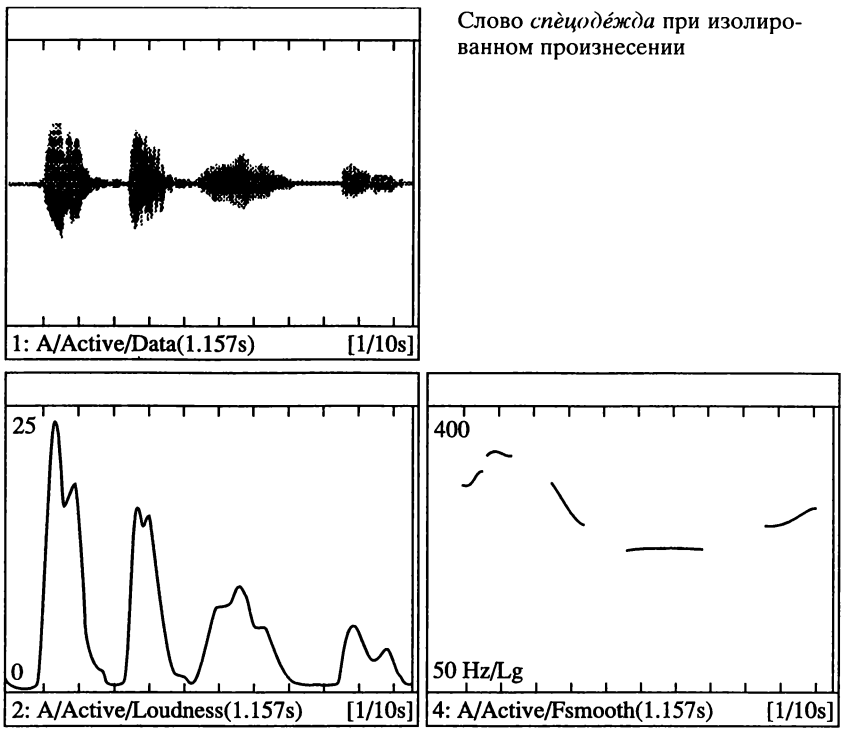

Слово *dèmcád* с ПУ при изолированном произнесении

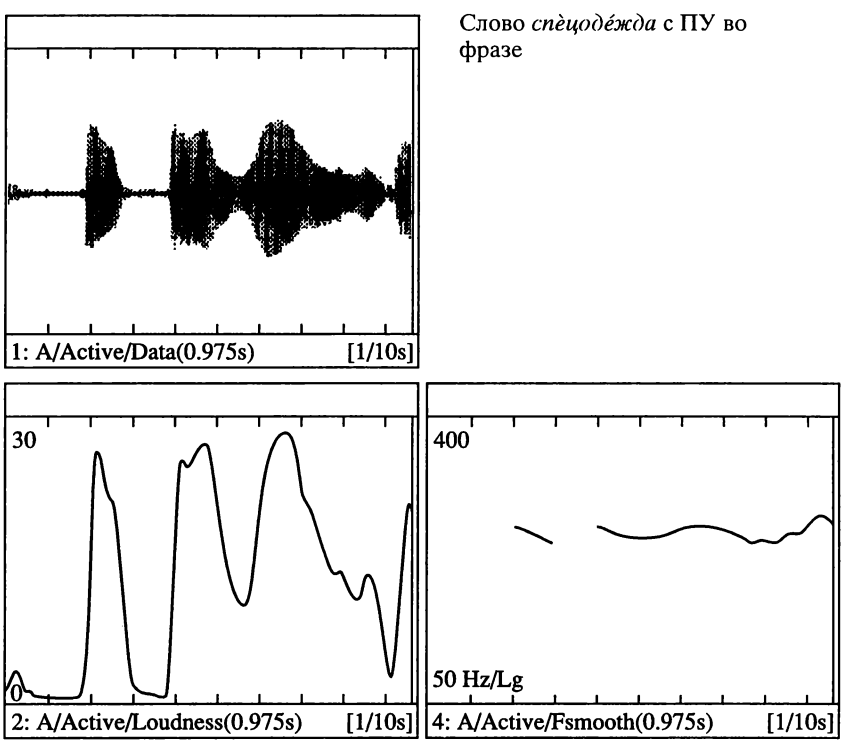

Слово *dèmcád* с ПУ во фразе

Рис. 6

Слово *спѐцодéжда* при изолированном произнесении

Слово *спѐцодéжда* с ПУ во фразе

Рис. 7

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов 1955 – Русское литературное ударение и произношение. Опыт словаря-справочника / Под ред. Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова. М., 1955.

Аванесов Р.И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

Аванесов 1959 – Русское литературное произношение и ударение. Опыт словаря-справочника / Под ред. Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова. М., 1959.

Аванесов Р.И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Щербакова Л.П. Об определении места ударения в слове // Изв. АН СССР, 1973. Т. 32. Вып. 2.

Борунова С.Н. Реализация побочного ударения в разных типах речи // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. М., 1991.

Борунова С.Н. Фонетические признаки побочного ударения в связи с общими проблемами ударения // Русистика сегодня. 1995. № 4.

Борунова С.Н. Проблемы побочного (дополнительного) ударения в современном русском языке: Дис. канд. ... филол. наук. М., 1997.

Высотский С.С. Звук речи в контексте // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.

Гловинская М.Я., Ильина Н.Е., Кузьмина С.М., Панов М.В. О грамматических факторах развития фонетической системы современного русского языка // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971.

Жинкин Н.И. Восприятие ударения в словах русского языка // Изв. АПН РСФСР. М., 1954. Вып. 54.

Зиндер Л.Р. Общая фонетика. М., 1979.

Златоустова Л.В. Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань, 1962.

Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф. Побочное ударение и ритмическая структура русского слова на словесном и фразовом уровне // Вопросы языкознания. 1993. № 4.

Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф. Просодия слова и побочное ударение // Просодический строй русской речи. М., 1996.

Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А. Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред. Леканта П.А. М., 1991; 1995.

Кодзасов С.В., Отряшенков Ю.М. Экспериментальные исследования ударения // Исследования по речевой информации. М.: Изд. МГУ, 1968.

Кузнецов П.С. К вопросу о фонологии ударения // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

Логинова И.М. К вопросу о специфике словесного и слогового ударения // Исследования по русскому языкознанию. Труды УДН. Т. 49. Вып. 7. М., 1970.

Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.

Николаева Т.М. Просодическая схема слова и ударение. Ударение как факт фонологизации // Вопросы языкознания. 1993. № 2.

Панов М.В. Русская фонетика. М., 1967.

Панов М.В. Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971.

Реформатский А.А. Упорядочение русского правописания // Русский язык в школе. 1937. № 6.

Реформатский А.А. Введение в языковедение. М., 1950.

Реформатский А.А. Введение в языковедение. М., 1967.

Русский язык... 1968 – Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968.

Светозарова Н.Д. Интонационная система русского языка. Л., 1982.

Селезнева И.С. Восприятие словесного ударения // Экспериментальная фонетика и психология речи. Уч. зап. МГПИИЯ. Т. 28. М., 1960.

Сидоров В.Н. О Московской фонологической школе // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971.

Чистович Л.А., Кожевников В.А., Алякринский В.В., Бондарко Л.В. Речь. Артикуляция и восприятие / Под общей редакцией В.А. Кожевникова и Л.А. Чистович. М.; Л., 1965.

Щерба Л.В. Об ударении // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

С.В. Князев, С.К. Пожарицкая

ЕЩЕ РАЗ О МЕХАНИЗМЕ ФОРМИРОВАНИЯ УМЕРЕННОГО ЯКАНЬЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Возникновение умеренного яканья традиционно принято объяснять наслоением недиссимилятивного аканья-яканья на окающую модель владимирско-поволжского типа. Эта гипотеза, предложенная Е. Будде [Будде 1896], получила дальнейшее развитие и обоснование в работах В.Н. Сидорова [Сидоров 1951; 1966].

Как полагал Е. Будде, а вслед за ним и В.Н. Сидоров, современные диалекты с умеренным яканьем (по крайней мере, та их часть, которая расположена на границе с окающими владимирско-поволжскими говорами) были изначально севернорусскими[1] говорами с произношением [о] перед твердыми согласными и [е] перед мягкими на месте как *е и *ь, так и *ѣ (т.е. *н*['о]*сý*, *в*['о]*лá* и в *л*['о]*сý*, *р*['о]*кá* при *н*['е]*сú*, *р*['е]*кú*). Под влиянием акающей модели, в которой безударное [о] отсутствует, в этих диалектах любое [о] заменилось на [а], в том числе и после мягких согласных, а [е] заменилось на [и] перед мягкими: т.е. *н*['а]*сý*, *в*['а]*лá* и в *л*['а]*сý*, *р*['а]*кá* при *н*['и]*сú*, *р*['и]*кú*. "В результате образовался говор, представляющий собой по существу акающий слепок, отлитый по окающей модели" [Сидоров 1966, 105].

Гипотеза В.Н. Сидорова была признана Р.И. Аванесовым, который писал: "Несомненна доказанная В.Н. Сидоровым генетическая связь ёканья с умеренным яканьем" [Аванесов 1974, 166]. Однако Р.И. Аванесов не распространял ее на говоры Тульской группы южнорусского наречия, считая, что в их истории существенную роль сыграло влияние говоров Москвы и Подмосковья: "В процессе этого влияния в тульских говорах появилось умеренное яканье, заменившее собою диссимилятивное, а также некоторые другие черты, по которым они отличаются от курско-орловских и рязанских, сближаясь со средневеликорусскими говорами центра" [Аванесов 1974, 229].

Сам В.Н. Сидоров в своих построениях также имел в виду только те среднерусские говоры, в истории образования которых севернорусская основа прослеживается также и в целом ряде других черт. Однако впоследствии предложенный В.Н. Сидоровым способ интерпретации умеренного яканья стал универсальным. Так, Н.Б. Париковой удалось обнаружить следы "первичного умеренного яканья" – переходной, по мнению В.Н. Сидорова, модели от ёканья к яканью – в виде отдельных случаев произношения предударного [а] между мягкими согласными в соответствии с этимологическим *а (типа [гл'ад'áт']) в тульских говорах, и она сочла возможным распространить гипотезу В.Н. Сидорова и на эти, южнорусские по своей основе, говоры [Парикова 1961] .

Карта № 3 ДАРЯ подтверждает, что примеры с предударным [а] на месте *а перед мягкими встречаются на всей территории умеренного яканья, в том числе, и на тульской, и на рязанской территории; но достаточно ли этого для того, чтобы видеть здесь отражение системы вокализма с различением предударных гласных?

---

[1] В современной лингвогеографии их принято относить не к севернорусскому наречию, а к среднерусским говорам [Захарова, Орлова 1970].

Гипотеза В.Н. Сидорова основана на презумпции, которую, как нам кажется, нет оснований считать неоспоримой: сторонники ее исходят из того, что обусловленность качества гласного твердостью или мягкостью последующего согласного – это исключительное свойство только окающих моделей вокализма. Однако коартикуляционные явления, выражающиеся в наличии [и]-образных фаз у гласного в соседстве с мягкими согласными, свойственны и акающим говорам тоже; по существу, это свойство всех диалектов русского языка с сильно выраженной палатализацией согласных; и ничто не мешает предположить, что формирование некоторых типов акающего вокализма могло основываться на том же принципе, если такое их объяснение оказывается более простым и непротиворечивым. Это избавляет от необходимости искать "прямых предшественников" умеренного яканья только среди окающих моделей вокализма. Приписывать влияние мягкости согласного на предшествующий гласный исключительно говорам севернорусского наречия нет оснований; хотя, разумеется, оно имеет разное – и "качественно", и "количественно" – проявление в разных говорах русского языка.

Одним из аргументов, используемых В.Н. Сидоровым для доказательства "окающей" основы умеренного яканья, является сходство реакции предударного гласного на последующее сочетание твердого согласного с мягким. Анализируя произношение гласных перед сочетанием твердого согласного с мягким, в том числе, и в ударном слоге, В.Н. Сидоров склоняется к фонетической интерпретации общерусского чередования [о] // [е] в ударном слоге ([с'о́стры] // [с'е́стр'инск'ий]) и диалектного – в предударном: [с'остра́] // [с'естр'е́] в окающих говорах и [с'астра́] // [с'истр'е́] в умеренно-якающих. Но при этом окончательный его вывод – о том, что наличие этого чередования в исследованных им говорах свидетельствует о северной основе умеренного яканья – представляется неожиданным, поскольку те самые факты, которые приводит В.Н. Сидоров, говорят о том, что это явление общерусское, а не локальное. Думается, что одинаковую реакцию предударного гласного на мягкость последнего согласного в консонантной группе следующего слога, которая наблюдается и в окающих, и в умеренно-якающих говорах, следует интерпретировать как общий принцип устройства их фонетической системы, а не как свидетельство того, что одни говоры (окающие) послужили основой для формирования других (умеренно-якающих).

Гипотеза образования умеренного яканья как "слепка" окающей модели должна быть обоснована с двух позиций: во-первых, с позиции чисто лингвистической (реальности необходимых для этого звуковых замен; и во-вторых, с позиции лингвогеографической (реальности предположения о том, что по крайней мере бо́льшая часть современной территории умеренного яканья в момент его формирования была окающей, и при этом исходная модель ёканья, включающая [о] на месте *ě, была достаточно регулярной.

Однако и с чисто лингвистической, и с лингвогеографической точки зрения в гипотезе В.Н. Сидорова (если принять ее за универсальную модель возникновения умеренного яканья) имеются слабые места.

1. Модель предударного вокализма, которая должна была образоваться в результате простого "наслоения" аканья на оканье путем замены [о] на [а], еще не давала модели умеренного яканья. Этому противоречило устройство вокализма между мягкими согласными: [е] на месте ***е** и ***ě** и [а] на месте ***а**. Дальней-

шее преобразование возникшего типа вокализма, который В.Н. Сидоров назвал "первичным умеренным яканьем", в умеренное яканье стандартного типа получало объяснение через аналогию: "В результате замещения предударного [е] (из старых *е и *ě) гласною [и] эта последняя в положении между мягкими согласными получила огромное численное преобладание над относительно редкой здесь гласной ['а]. Это, по всей вероятности, и послужило причиной постепенного вытеснения редкого звука ['а] наиболее частым и привычным в данном положении звуком [и]. Иными словами, система современного умеренного яканья образовалась в результате обобщения гласной [и] между мягкими согласными, поскольку в говорах с первичным умеренным яканьем гласная ['а] произносилась в предударном слоге между мягкими согласными только в соответствии с этимологическим ['а], во всех же прочих случаях произносилось [и]" [Сидоров 1966, 108]. Появление [и] перед мягкими В.Н. Сидоров объясняет общерусским процессом повышения подъема переднего гласного, которое в акающих говорах привело к иканью и появлению [и] вместо [е] в определенных позициях в диссимилятивных моделях вокализма.

Таким образом, трансформация системы предударного вокализма между мягкими согласными должна была пройти две стадии: замену [е] на [и] и обобщение этого [и]. В обоснование такой возможности В.Н. Сидорову удалось обнаружить описания нескольких говоров, которые можно было интерпретировать как переходные от ёканья к умеренному яканью – они локализовались в северо-восточном углу Рязанской области. Но такой путь преобразования одной системы вокализма в другую вовсе не должен был быть единственным и всеобщим – такого мнения придерживаются те, кто работал над составлением ДАРЯ: "Современные процессы перехода от вокализма с различением гласных к вокализму с неразличением этих же гласных не ведут к формированию умеренного яканья... От вокализма с различением влад.-поволж. типа обычно наблюдается переход к ёканью и иканью" [Образование 1970, 342].

Таким образом, с лингвистической точки зрения гипотеза В.Н. Сидорова может быть правдоподобной только для некоторых, но ни в коем случае не для всех умеренно-якающих говоров.

2. Лингвогеографический аспект проблемы также не позволяет принять гипотезу В.Н. Сидорова как способ объяснения, пригодный для всех говоров той территории, на которой засвидетельствовано умеренное яканье. Говоры с произношением безударного ['о] на месте *ě встречаются достаточно редко, умеренное же яканье является одним из самых распространенных типов предударного вокализма после мягких согласных, охватывающим не только Московскую и Рязанскую, но и области, географически не связанные с владимирско-поволжскими говорами: Тульскую, Тамбовскую, Воронежскую, Пензенскую, Саратовскую. Оно включено в массив других типов яканья, среди которых преобладают модели, где также проявляется принцип зависимости качества гласного от твердости/мягкости последующего согласного (типы суджанский, ассимилятивно-диссимилятивный, умеренно-диссимилятивный, диссимилятивно-умеренный, ассимилятивно-умеренный). Впрочем, даже и в восточной части территории распространения умеренного яканья "говоры с различением гласных влад.-поволж. типа нигде (кроме небольшого пространства около Касимова) непосредственно не граничат с умеренным яканьем" [Образование 1970, 342].

Е.С. Скобликова, посвятившая специальное исследование рефлексам предударного *ě в говорах с ёканьем [Скобликова 1962], установила, что ни в одном говоре [о] на месте *ě не бывает регулярным – оно весьма четко связано с определенным кругом слов, то есть в значительной степени лексикализовано. Так, ни в одном говоре не засвидетельствовано [о] в лексемах *лес, хлеб, сено, дело, место, река, стена, смех* (словах с подвижным ударением); Р.О. Якобсон в описании говора Дмитровского уезда Московской губернии добавляет к этому списку слова *беда, девать, девóчка, песок, пенá, следок, езда, прилетает, смелó, распевать, цена, цепами* [Якобсон 1971, 585]; напротив, [о], по свидетельству Е.С. Скобликовой, весьма регулярно в лексемах *двенадцать, слепой, немой, седой* и на месте корневого или суффиксального *ě в глагольных формах перед суффиксом *-ва-* (словах с неподвижным или относительно неподвижным ударением). Из этого, по мнению автора, следует, что "бóльшая часть владимирско-поволжских говоров характеризуется особой судьбой *ě в 1-м предударном слоге перед твердыми согласными – отличной от судьбы этимологических *е и *ь в этом положении" [Скобликова 1962, 120].

Карты "Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы" и ДАРЯ убедительно свидетельствуют о том, что исходная, по предположению В.Н. Сидорова, модель северного вокализма не имеет достаточно четкого ареала и потому вообще едва ли существовала "в чистом виде"; более реалистичным нам представляется мнение П.С. Кузнецова [Кузнецов 1948] о "вторичности" ее по сравнению с моделью, где *е и *ě различаются перед твердыми согласными.

Карта № 3 ДАРЯ показывает, что умеренное яканье свойственно как среднерусским, так и южнорусским говорам. При этом его ареал "разорван" на западную и восточную части весьма обширной территорией ассимилятивно-диссимилятивного яканья, характерного для Рязанской группы южнорусского наречия. Северная граница умеренного яканья действительно проходит вблизи границы владимирско-поволжского окающего массива, отделяясь от него местами иканьем (в районе Клина–Москвы–Коломны и восточнее), местами – ёканьем (значительно реже).

Традиционно исходным типом аканья-яканья считается диссимилятивное аканье-яканье архаического типа, из которого выводятся все остальные модели безударного вокализма акающих говоров [Шахматов 1915; Горшкова, Хабургаев 1997]. О воздействии такого типа вокализма (в его задонском варианте) на говоры владимирско-поволжского типа пишет и В.Н. Сидоров [Сидоров 1969, 14–15], что позволяет объяснить наличие [е], а не [и] в положении между мягкими согласными в безударных слогах некоторых говоров с "первичным" умеренным яканьем.

Однако предположение о диссимилятивном (или ассимилятивно-диссимилятивном) характере акающего вокализма, под влиянием которого формируется умеренное яканье, не представляется нам достаточно убедительным, поскольку [а] перед мягким согласным возможно в любом типе диссимилятивного яканья, если за ним следует гласный верхнего подъема ([р'ак'и́], [т'ан'и́], [н'ас'и́], [с'ам'ју́], [д'ар'у́га]), и еще в некоторых типах, если за ним следуют другие гласные, кроме [а] ([п'ат'о́рка], [т'ап'е́р'], [в р'ак'е́]), и нет серьезных оснований думать, что в окающих системах [а] (в случаях типа [п'ат'и́]) должно было заменяться на [и] под влиянием говоров, где [а] тоже было возможно в той же пози-

ции (и даже в гораздо большем числе случаев) не только на месте ***а**, но и на месте ***е**, ***ь**, ***ĕ**. Более вероятным представлялось бы "обобщение" [а], которое имелось и в "первичной" северной системе, и в воздействовавшей на нее южной. "Вытеснение" гласного нижнего подъема [а] гласным верхнего подъема [и] могло происходить только под влиянием иканья.

Другой взгляд на механизм формирования аканья-яканья изложен в работе [Князев 2000]. Согласно этой гипотезе все современные типы безударного вокализма акающих говоров сформировались (более или менее одновременно) не из диссимилятивного аканья-яканья архаического типа, а из недиссимилятивного вокализма с предударными [ъ], ['ь] в результате формирования просодического ядра слова (ударный + первый предударный гласный) и действия компенсаторных правил внутри просодического ядра: перед кратким ударным гласным предударные [ъ], ['ь] изменяются в [а], ['а], а перед долгим гласный типа [ъ] сохраняется в неизменном виде, а ['ь] либо сохраняется, либо изменяется в ['е], ['и]. При этом долгота-краткость ударного гласного зависит, в первую очередь, от его подъема: так, в среднем, при прочих равных условиях, в современном русском литературном языке собственная длительность гласных верхнего подъема ([и], [ы], [у]) составляет около 75%, а длительность гласных среднего подъема ([е], [о]) – около 90% от длительности гласного нижнего подъема [а] [Кузнецов, Отт 1989, 68]. Таким образом формируются модели, в которых ударные гласные одной и той же ступени подъема ведут себя с точки зрения типа предшествующего гласного одинаково (донская, архаическая, жиздринская).

В других типах якающего вокализма (дмитриевском, суджанском, щигровском и мосальском) гласные одного подъема ведут себя в этом отношении по-разному. Во всех этих моделях в предударном слоге произносится ['и] перед ударным гласным, находящимся в положении после мягкого согласного, а ['а] – в позиции перед ударным гласным того же подъема, но перед твердым согласным:

	предударный ['и]	предударный ['а]
дмитриевский	перед гласным из ***ĕ**	перед гласным из ***ô**
мосальский	перед [е]	перед [о]
суджанский	перед [е], ['о]	перед [о]
щигровский	перед [е], ['о]	перед [о]

Различия в реализации гласных фонем неверхнего подъема в положении перед ударными гласными одного и того же подъема, присущие дмитриевскому, суджанскому, щигровскому и мосальскому типам диссимилятивного яканья, могут быть объяснены тем, что собственная длительность ударных гласных в положении после мягких согласных больше длительности гласных в позиции после твердых[2] вследствие наличия у них [и]-образного переходного участка: "Гласные заметно длительнее после мягких, чем после твердых. Объяснение этого явления очевидно: гласные после мягких согласных начинаются среднеязычными "переходными звуками" типа *i-e*, которые являются,

[2] По данным Л.В. Щербы, длительность ударного гласного в положении после мягкого согласного составляет около 115% от его длительности после твердого (для позиции перед глухим смычным согласным).

по-видимому, существенным моментом для акустического восприятия мягкости согласного перед гласными. Для правильности этого восприятия среднеязычный элемент должен быть, по-видимому, настолько длителен, что при нормальной длительности всего гласного[3] он затруднял бы правильное восприятие качества самого гласного, результатом чего и является его удлинение" [Щерба 1912, 135].

Связь длительности (и, соответственно, качества) предударного гласного при диссимилятивном вокализме с длительностью ударного очевидна. Длительность же ударного гласного, в свою очередь, определяется 1) степенью открытости самого гласного и 2) его положением после твердого или после мягкого согласного. Говоры с диссимилятивным вокализмом подразделяются на а) те, которые обобщили зависимость длительности гласного только от его подъема (донской, архаический, жиздринский типы); б) те, которые обобщили зависимость длительности гласного как от его подъема, так и от положения после твердого или после мягкого согласного (дмитриевский, суджанский, щигровский и мосальский типы). Можно предположить, что и **умеренное яканье является разновидностью диссимилятивного яканья** применительно к тем говорам, которые обобщили зависимость длительности гласного только от его положения после твердого или после мягкого согласного.

В дальнейшем же в этих говорах зависимость качества предударного гласного от длительности ударного была переосмыслена как зависимость от твердости-мягкости согласного ударного слога, о чем свидетельствуют факты произношения гласных перед сочетаниями согласных, последний из которых является мягким, а первый – твердым.

Можно предложить и другую (чисто фонетическую) гипотезу о механизме возникновения умеренного яканья, согласно которой оно является просто результатом развития в говоре с сильным аканьем-яканьем тенденции к зависимости качества предударного гласного от твердости/мягкости последующего согласного, а не наложением аканья на какую-то определенную модель окающего вокализма после мягких согласных. В этом случае механизм изменения [С'аС'] → [С'иС'] выглядит совершенно прозрачным: в положении между двумя мягкими согласными гласный [а] имеет начальный и конечный [и]-образные переходные участки (['^{и}а^{и}']), что при сокращении длительности его стационарной части может приводить к изменению в ['и'] (через ступень ['е'])[4].

Основное достоинство изложенной здесь гипотезы возникновения умеренного яканья из недиссимилятивного состоит, на наш взгляд, в том, что она позволяет предложить чисто фонетическое (без привлечения понятия аналогии) объяснение возникновения различных типов яканья, притом, единое для всех этих типов[5].

---

[3] То есть, длительности, равной длительности того же звука в положении после твердого согласного.

[4] О возможности происхождения умеренного яканья вне связи с влиянием владимиро-поволжской модели безударного вокализма см. также [Дурново 1918, 83], [van Wijk 1934–1935], [Калнынь 1952].

[5] Иная гипотеза возникновения умеренного яканья (из диссимилятивного яканья архаического типа путем межслоговой вокальной ассимиляции по ряду) предложена Д.М. Савиновым [Савинов 2000, 16–18]; ее анализ см. в работе [Князев 2001].

ЛИТЕРАТУРА

Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957.

Будде Е. К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии. Казань, 1896.

Брок О. Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916.

Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. М., 1997.

Дурново Н.Н. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Часть 1. Южновеликорусское наречие. Вып. 2. М., 1918.

Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

Калнынь Л.Э. Коломенские говоры в их истории и современном состоянии. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1952.

Князев С.В. К вопросу о механизме возникновения аканья в русском языке // ВЯ. 2000, № 1.

Князев С.В. К истории формирования некоторых типов аканья и яканья в русском языке // Вопросы русского языкознания. Вып. IX. Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах. М., 2001.

Кузнецов В.Б., Отт В.А. Автоматический синтез речи. Алгоритмы преобразования "буква-звук" и управление длительностью речевых сегментов. Таллинн, 1989.

Кузнецов П.С. О гласных первого предударного слога в некоторых владимирских говорах // Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка АН СССР. Вып. 4. М., 1948.

Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (по материалам лингвистической географии). М., 1970.

Парикова Н.Б. Умеренное яканье в тульских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Вып. II. М., 1961.

Савинов Д.М. Вокализм первого предударного слога некоторых тульских говоров (Белевский и Веневский районы). Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. М., 2000.

Сидоров В.Н. О происхождении умеренного яканья в среднерусских говорах // Известия ОЛЯ АН СССР. Вып. 2. М., 1951.

Сидоров В.Н. Умеренное яканье в среднерусских говорах и севернорусское ёканье // Сидоров В.Н. Из истории звуков русского языка. М., 1966.

Сидоров В.Н. Два пути образования умеренного яканья из ёканья // Сидоров В.Н. Из русской исторической фонетики. М., 1969.

Скобликова Е.С. О судьбе этимологического *ě в первом предударном слоге перед твердым согласным в говорах владимирско-поволжской группы // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Вып. III. М., 1962.

Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии: Издание ОРЯС Имп. АН / Под ред. И.В. Ягича. Пг.: Тип. Имп. АН, 1915.

Щерба Л.В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912.

Якобсон Р.О. Фонетика одного северно-великорусского говора с намечающейся переходностью // Roman Jakobson. Selected Writings. I. Phonological Studies. Mouton. The Hague-Paris. 1971.

Van Wijk N. Zur Entwicklungsgeschichte des Akanje und Jakanje // Slavia. 1934–1935. XIII. N 4: 640–654.

Н.И. Данилина

ИЗМЕНЧИВОСТЬ ГЛАСНЫХ ВЕРХНЕГО ПОДЪЕМА В РУССКИХ ГОВОРАХ

В русской диалектологической традиции гласные верхнего подъема считаются наиболее устойчивым участком вокалических систем, не подверженным ни современным позиционным, ни историческим изменениям. В то же время факты произношения звуков неверхнего подъема на месте этимологических верхних отмечаются диалектологами-русистами начиная с XIX в. [Колосов 1878] и др. К настоящему времени в науке накоплен обширный материал, позволяющий говорить о представленности расширения гласных верхнего подъема в говорах с разными структурными и лингвогеографическими характеристиками. Однако до сих пор исследователями фиксировались преимущественно отдельные примеры данного явления, попадавшие в описания говоров, как правило, случайно, т.к. специальные вопросы отсутствуют и в Программе МДК, и в Программе ДАРЯ. Вследствие этого место фактов расширения гласных верхнего подъема в каждом конкретном говоре оставалось неизученным, не получили они также ни типологической, ни лингвогеографической оценки. Нельзя сказать, что обозначенное явление в русистике совершенно не исследовано. Существует ряд гипотез относительно его генезиса и условий [Аванесов 1972, 81], [Будде 1896, 227–234], [Виноградов 1919, 226, 231–235], [Новопокровская 1955, 138], [Смолякова, 1977, 123–144], [Соболевский 1884, 148], [Шахматов 1893, 249]. Однако внимание ученых до сих пор было обращено либо к письменным памятникам, либо к говорам одного из двух регионов – олонецкого или мещерского, что имплицитно заключает в себе нуждающийся в проверке тезис о случайном происхождении примеров расширения в других говорах. Отсутствие более или менее полного материала по говорам разных территорий не позволяет достаточно аргументированно сопоставить или противопоставить между собой факты расширения в них верхних гласных. Остаются неясными и истинные масштабы исследуемого явления, т.к. примеры сохранения **i* и их количественное соотношение с примерами его расширения не приводятся. Описанная ситуация обусловливает, с одной стороны, актуальность проблемы изменений гласных верхнего подъема для современной диалектологии, с другой стороны, необходимость принципиально нового подхода к указанному явлению, а именно: выявление места расширения в системе каждого конкретного говора (его статистической картины, фонетической, фонологической и морфонологической значимости), создание на этой основе типологической классификации, выдвижение гипотез лингвогеографического и генетического плана.

Нами были проанализированы фонетические системы 10 говоров разных территорий и место в них расширения гласных верхнего подъема: с. Мегра и с. Коштуги (К) Вытегорского р-на Вологодской обл. (Онежская группа говоров[1]; принцип вокализма – различение гласных неверхнего подъема в безудар-

[1] Здесь и далее единицы диалектного членения русского языка указаны по книге [Захарова, Орлова 1970].

ных слогах); с. Нигино (Н) Никольского р-на Вологодской обл. (Вологодская группа говоров; принцип вокализма – различение гласных неверхнего подъема в безударных слогах); дд. Гультяевского с/с (Г) Пустошкинского р-на Псковской обл. (пограничье Псковской группы среднерусских говоров и Западной группы говоров южнорусского наречия; принцип вокализма – диссимилятивное яканье); дд. Задне-Пилевского с/с (П) Клепиковского р-на Рязанской обл. (пограничье восточных среднерусских акающих говоров отдела Б и Восточной группы говоров южнорусского наречья; принцип вокализма – ассимилятивно-диссимилятивное яканье); д. Белый Колодезь (Б) Колпянского р-на Орловской обл. (Курско-Орловская группа говоров; принцип вокализма – умеренное яканье), дд. Жиляевского с/с Орловского р-на Орловской обл., д. Муравлево Курского р-на Курской обл. (Курско-Орловская группа говоров, принцип вокализма – диссимилятивное яканье); д. Александровка (А) Космачевского с/с Сосновского р-на и с. Б. Двойня Тамбовского р-на Тамбовской обл. (Восточная группа говоров южнорусского наречия; принцип вокализма – ассимилятивно-диссимилятивное яканье). Материалом исследования послужили магнитофонные записи обиходно-бытовой речи 135 диалектоносителей, сделанные автором и участниками диалектологических экспедиций Саратовского государственного университета в 1978, 1987–1994 гг. (общая продолжительность звучания 92 ч.). Объем проанализированного материала составил около 96 000 примеров.

Установлено, что в изученных диалектных системах процессы вида **i* > *не-[i]*, **ɨ* > *не-[ɨ]*, **и* > *не-[и]* представлены весьма широко и разнообразно. Все они могут быть обозначены термином **расширение**, понимаемым как любое понижение гласного по подъему, независимо от фонетического качества рефлекса и от причин изменения. Расширение в этом смысле и стало предметом нашего исследования. В то же время оказалось целесообразным выделить **собственно расширение**, или расширение в узком смысле, определяемое как фонетическое явление понижения гласного по подъему, не сопровождаемое централизацией артикуляционного уклада (синхронный аспект), и изменения в фонемном составе морфов и лексем, являющиеся следствием таких фонетических процессов (диахронический аспект).

Как показал анализ, изменения гласных верхнего подъема в русских говорах представляют собой не различные формы реализации одного явления, а несколько независимых друг от друга процессов. Факторами, существенными для их типологической характеристики, позволяющими выявить их связь с лингвогеографической и структурной спецификой говоров, оказываются формы проявления отдельных составляющих процесса фонетического изменения: качество рефлекса (звук полного образования или редуцированный), особенности распределения рефлекса (наличие или отсутствие морфологизации, лексикализации), фонетичность или нефонетичность условий изменения, регулярность или спорадичность протекания процесса, характер вероятных причин изменения. Классификация по перечисленным основаниям является принципиально открытой и позволяет характеризовать не только уже засвидетельствованные процессы, но и такие, которые могут быть обнаружены в будущем.

В соответствии с фонетическим качеством рефлекса процессы изменения верхних гласных делятся на процессы редукции и процессы собственно расширения. Процессы редукции не имеют четкой территориальной локализации и свойственны всем исследованным говорам, акающим в большей степени, чем

окающим. По условиям и причинам они могут быть как фонетическими (редукция в наиболее слабых позициях в слове и фразе), так и нефонетическими (редукция в наиболее частотных лексемах). При этом говорам западной диалектной зоны и П. свойственна преимущественно редукция в звуках [ъ, ь], говорам восточной диалектной зоны – редукция до нуля звука. Наиболее широко представлена редукция в заударных слогах, позиции максимума и минимума редукции для разных говоров и разных фонем (в том числе верхнего и неверхнего подъема) могут совпадать, что свидетельствует о физической, общеязыковой природе редукции этимологических верхних, которая по доле от общего числа реализаций фонемы может приближаться к редукции неверхних гласных.

Примеры (здесь и в дальнейшем списки примеров не исчерпывающи): *pómn'ɜ, mɜtʃ'álk'ɜ* (Г), *l'ɜbl'ú, zap'ɜsáli* (К), *fk'ɜnú, w ʃkólɜ* (Б), *sɜnók, pɜnók, pɜskál'ɜ, tʃ'ɜɣún* (П), *vɨrɜpk'i, zarobátvɜl'* (Н), *ub'íl', pómn'* (А).

Редукция гласных верхнего подъема может подвергаться лексикализации и морфологизации. Изменение и свободное варьирование фонемного состава характерно в акающих говорах для суффикса *-ыва-*, флексии прилагательных *-ую*, итеративных глаголов с корневым **ɨ* (последнее наблюдается также в К). В Г. этот список включает также суффикс *-ну-*, наречие **замуж** и формы глагола **быть** с предударным **ɨ*. Примеры: *zámɜʃ, vɜrɜvájut, slɜxál'i, rɨbnɜju, áxnɜl, k'ínɜl'i, zamázvɜim, bɜlá, bɜló, bɜl'í* (Г), *zakrɜvál'i* (К), *nazválsɜ, sɜspál'i* (Б), *stúknɜl, srɜvál'i* (П), *bɜlá, zámɜʃ, zmɜváiss'i, zɜdɜxáims'ɜ* (А), ср. *mánnaju* (Г).

Процессы собственно расширения верхних гласных в русских говорах отличаются бóльшим типологическим разнообразием, чем процессы редукции.

К морфонологическим проявлениям расширения относится лексически и морфологически ограниченное свободное варьирование фонем верхнего и неверхнего подъема (синхронный аспект) и изменение фонемного состава ряда морфем – появление на месте этимологических верхних гласных фонем неверхнего подъема (диахронический аспект). В целом круг морфем, демонстрирующих расширение этимологических гласных верхнего подъема заметно одинаков по говорам. При этом разные возможности проявления расширения по-разному сочетаются в конкретных говорах.

Расширение в суффиксах *-ик-* и *-и(л)-* (фонетически преимущественно заударная позиция) свойственно почти всем исследованным говорам (кроме Н), независимо от их лингвогеографического положения и особенностей фонологической системы. В окающих говорах оно проявляется только на фонетическом уровне, т.е. в повышенной по сравнению с другими морфемами доле звуков неверхнего подъема (до 29%) при сохранении принадлежности гласного фонеме */i/*. Примеры: *kpon'id'él'n'oku, ʃkól'n'ek'i*, ср.: *jęz'd'el'i, prázn'ɜk'i* (К). В акающих говорах повышенная доля звуков типа *не-[i]* (до 14% в П, до 40% в Г, не считая редукции) отражает принадлежность гласного фонеме неверхнего подъема (при условии различения фонем верхнего и неверхнего подъема в заударных слогах), т.к. */i/* реализуется преимущественно в *[i]* (71% в Г, 78% в П), доля же *[i]* в реализации фонемы неверхнего подъема существенно ниже (65% в Г, 58% в П). Примеры: *jéz'd'el'i, práz'n'ekɜm, v'én'ek* (Г), *akón'tʃ'ɪl* (Б), *ʒbántʃ'tek, pamóʃn'ęk'i, bróś'el'i* (П), *strójel* (А). Показательно наличие расширения в названных морфемах не только в заударной позиции: *pogovor'éla, kut'él* (К), *plɜtn'akám* (П), *plɜtn'aká* (А), *sal'él'i, xad'íl'i, l'ɜs'n'ɪkóm* (Г). Но и: *krán'ik, pav'ér'il'i* (Г), *ut'orál'n'ikɜ* (К), *dóʒd'ik* (П), *uɣódn'ik* (А). Расширение во флексии

-(л)и свойственно только К: *robótal'e, spuskál'ı*. Отсутствие морфологизированного заударного расширения **i* характеризует исследованные нами говоры восточной диалектной зоны (кроме П) и курско-орловские, наличие – говоры западной диалектной зоны и П. Наличие заударного расширения **i* в одних и тех же морфемах в говорах как генетически близких, так и генетически различных позволяет предполагать активную роль грамматического фактора в морфологизации данного расширения.

Расширение **i* в 1-ом предударном слоге как морфонологическое явление широко представлено в исследованных нами говорах западной диалектной зоны, несколько слабее – в курско-орловских, слабо – в говорах восточной диалектной зоны, причем во всех говорах (за исключением Б) проявляется в изменении фонемного состава морфем. Круг морфем с /e/ на месте **i* максимально широк в К и включает итеративы с корнями *-стил, -пих-*, с корневым **i* перед *р*, слова *пирог, диван* и отрицание **ни*.

Расширение в **ни* и в корне *-пих-* имеет нефонетическое происхождение, ср. наличие его в Н, где в большинстве перечисленных морфем расширение отсутствует, и, напротив, отсутствие в Г, знающем расширение в других названных морфемах и генетически более близком онежским говорам. Примеры: *n'ektó ne'ǰól, n'egdí n'ep'at'ón‡ka, zap'exáyt, potp'éx'ival'i* (К), *sp'exál'i, zap'óxзvat', n'ekák, n'ekodá* (Н). Нефонетично и расширение в корне *-лив-*, свойственное Г и Н: *пзl'eвál'i* (Г), *sl'oвál'i, пзl'evájet* (Н). Реализация с *не-<i>* слова *диван* – результат гиперкоррекции и представлена только в К: *na d'eván'e*.

Отчетливо выделяется группа морфем, расширение **i* в которых представлено только в говорах западной диалектной зоны, генетически восходящих к древненовгородскому и древнепсковскому (Г, К): итеративы с **i* перед *р*, корень *-стил-* (расширение в этих морфемах свойственно также исследованным нами курско-орловским говорам), слово *пирог*. В Г. с диссимилятивным яканьем доля звуков типа *не-[i]* в названных морфемах значительно выше, чем в других морфемах с предударным **i* и совпадает с долей звуков типа *не-[i]* в реализации фонемы неверхнего подъема. Примеры: *sob'ærát', ut'orál'n'ikз, um'urázt, odd'eráetsз, zap'erájut, nas't'eránз, ops'éri̯vae, p'erók, p'eroʒók, rozos't'eláyt* (К), *s't'orál'i, ub'erǽl'i, rзzb'erájut, zзs't'elát, p'e̯róx, p'зróx* (Г), *s't'erájt'e, wзd'ærát', adb'erál'i, rзs't'e̯lájut, rзstᵘзlál'i, sзb'erál'is'e, s't'erá*ǰ (Б). Поскольку фонетическая позиция **i* в 1-ом предударном слоге перед **Р** практически исчерпывается названными морфемами, а для **i* перед **Л** включает также суффикс *-и(л)-* (см. выше), морфемы с **i* перед **Р, Л** под ударением и в заударных слогах единичны и в их реализации также высока доля звуков типа *не-[i]* (*práv'el'nз, kvart'érз*-К, *kvart'érз*-Б), есть основания предполагать фонетически комбинаторную природу рассматриваемого расширения, присоединяясь тем самым к гипотезе [Виноградов 1919, 231–235]. В пользу того, что в разных изученных нами говорах данные расширения сходны не только типологически, но и генетически, свидетельствуют, с одной стороны, данные письменных памятников, с другой стороны – наличие сплошного ареала как в русской языковой области, так и за ее пределами: в западнославянских говорах и литературных языках [Klemensiewiecz 1955, 69–70], [Stanislav 1958, 445–448], с меньшей регулярностью – в белорусских [Вайтовіч 1966, 243] и украинских [Жилко 1955], [Залеський 1973, 17–24]. Время протекания отмеченных процессов всеми исследователями характеризуется как XIII–XVI вв. В русских говорах результаты фонетического в своей основе расширения были в

дальнейшем модифицированы действием грамматических факторов, а в якающих говорах также коренной перестройкой принципа предударного вокализма.

Другой тип расширения, свойственный исследованным говорам западной диалектной зоны, а также мещерскому П, – фонетическое по условиям нелексикализованное позиционное (в безударном слоге) или комбинаторное (в слоге, следующем за слогом с широким гласным) спорадическое расширение репрезентантов <*i*>, <*u*> в безударных слогах на современном этапе развития данных говоров.

Среди говоров с наличием подобного расширения выделяется Г, где оно наблюдается в бóльшем, чем в других говорах, числе позиций и имеет бóльшую относительную частоту (для */i/* до 5% в ударном, до 12,5% в предударном, до 14,5% в заударных слогах, для */u/* до5% в ударном, до 7% в предударном, до 4% в заударных слогах, не считая случаев редукции, также весьма многочисленных). Примеры: *ló∫k'ɪ, bábu∫k'ɪn, atp'isál'es, bɨvájot, uxátuᵀ*, z'emój, k'idálɜ, s'uᵀdɨ, kɜbel'ítsɜ, sɨᵀnóf, mokú, mek'í, ɣul'át', dl'ɐ́nnɨi, z'aml'í, majúᵀ, sal'él'i, tak'éi, maɨᵀl'i, sɨᵀnɜm, vadúᵀ, twɜraɣǫ́*. Высокая частота расширения в Г составляет, видимо, его индивидуальную особенность и не связана непосредственно со строением фонологической системы.

Расширение */i/* в заударных слогах считается в диалектологической традиции характерной чертой мещерских говоров. Наше исследование показывает, что на современном этапе развития говора П данное расширение свойственно ему в меньшей мере, чем можно было бы ожидать на основании описаний мещерских говоров начала и середины века [Аванесов 1949, 135–236], [Будде 1896, 227–234], [Мораховская 1951], и в меньшей мере, чем говору Г, однако представлено несколько шире, чем в других говорах восточной диалектной зоны и говорах курско-орловских (для */i/* до 5% в заударных слогах после мягких согласных, для */u/* до 6% под ударением после твердых, до 3% в заударных слогах после мягких, в остальных позициях – менее 2%). Примеры: *prasúᵀk, zakruť él'i, t∫'ɪnít', z'emój, aɣǫrtsɨ, mǫkójuᵀ, uv'idál'a, n'ébal, atpús't'ot', sɜb'irál'ec, uɣón'ɐm, xaz'áɪn, sám'ɐ, p'ét∫'kuᵀ*.

Показательным представляется тот факт, что заударное расширение фиксируется в говорах, периферийных по лингвогеографическому положению, сохраняющих в заударных слогах противопоставление фонем верхнего и неверхнего подъема и репрезентацию последних звуками типа *[a]*. И в П, и в Г названное расширение организовано по принципу ассимиляции: после слога с *а* его относительная частота выше, чем после слогов *с и, у*, при том, что само появление расширенных репрезентантов */i/* в данной позиции факультативно. Типологически подобное расширение (после слога с широким гласным) представлено также в украинских говорах [Жилко 1955, 159], [Залеський 1973, 16–23].

В изученных нами говорах западной диалектной зоны, а также Б спорадическое фонетическое расширение представлено почти во всех фонетических позициях, хотя и небольшим количеством примеров (в основном – менее 2%, в отдельных позициях – 4–5%): *od'én, rɜspǫst'ilɜ, tr'onátsɜt', z'emój, bárᵛe∫n'i, ∫kól'n'ek'ɪ, vóz'em, pot'oxón'ku* (К), *v'ená, k'e∫k'í, rabótɜl'ɪ, vás'ɪnɜ, ∫kóluᵀ* (Б). В говорах восточной диалектной зоны А, Н примеры расширения отмечены лишь в некоторых

* Знакᵀ означает понижение гласного по подъему.

позициях и частота их нигде не превышает 1%: *tkál'e, gon'él'ɜ* (Н), *vi̯ral, ɪrdi̯, póm'eru, du^{r}bl'inni̯i* (А).

Как процесс спорадического расширения, локализованного структурно и территориально, следует рассматривать "гиперизмы" яканья, т.е. произношение *[a]* на месте */i/* в безударных слогах в якающих говорах: *asp'ar'in* (П), *v'ani̯, z'æmój, k'ar'ilɜwkɜ* (Г). Свойственно подобное явление и якающим белорусским говорам [Вайтовіч 1966, 243].

Таким образом, процессы изменения гласных верхнего подъема не являются в русских говорах типологически однородными. Они, как правило (за исключением "гиперизмов" яканья и, отчасти, редукции), не обусловлены структурой тех фонологических систем, в которых наблюдаются. Изменение того или иного типа бывает распространено в говорах тем шире, чем более универсальной представляется его возможная причина. Так, изменения, вызванные действием грамматических факторов, гиперкоррекции, редукции имеют место во всех исследованных говорах независимо от их лингвогеографического положения и в разных говорах являются сходными, вероятно, только типологически, но не генетически, т.к. не дают сплошного ареала, а время их протекания может быть весьма различно по говорам. К этой же группе явлений примыкают, видимо, и фонетически позиционные (в частности, заударные) расширения в некоторых русских и украинских говорах, не обладающие абсолютной регулярностью и не имеющие сплошного ареала.

Установление причин процессов, фонетических по условиям и территориально ограниченных, напротив, представляется затруднительным; в то же время наличие у них четкого ареала и указаний на время осуществления (одинаковое для говоров этого ареала) позволяет предполагать не только типологическое, но и генетическое их сходство в разных исследованных говорах. Таково, по нашему мнению, расширение **i* перед **Р, Л**.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. Очерки диалектологии Рязанской Мещеры. 1. Описание одного говора по течению реки Пры. // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л., 1949. Т. 1.

Аванесов Р.И. Русский вокализм первого предударного слога // ОЛА. Материалы и исследования. 1970. М., 1972.

Будде Е.Ф. К истории великорусских говоров: Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском у. Рязанской губ. Казань, 1896.

Виноградов В.В. Исследования в области фонетики севернорусского наречия // ИОРЯС. 1919. Т. XXIV. В. 1–2.

Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

Колосов М.А. Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка. Варшава, 1878.

Мораховская О.Н. Говоры Мещерского края: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1951.

Новопокровская В.Н. Диалектные особенности рязанских говоров XVII в.: Дис. ... канд. филол. наук. Рязань, 1955.

Программа ДАРЯ – Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. М.; Л., 1947.

Программа МДК – Программа Московской диалектологической комиссии: Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка. I. Южновеликорусские говоры; II. Северновеликорусские и средневеликорусские говоры. М., 1909, 1911.

Смолякова Л.П. Формирование фонетической системы русских говоров Волго-Камья: С учетом иноязычных влияний. М., 1977.

Соболевский А.И. Очерки по истории русского языка. Ч. 1. Киев, 1884.
Шахматов А.А. Исследования в области русской фонетики. Варшава, 1893.
Вайтовіч Н.Т. Ненаціскны вакалізм народных гаворак Беларусі: Дис. ... докт. филол. наук. Мінск, 1966.
Жилко Ф.Т. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955.
Залеський А.М. Вокалізм південно-західних говорів української мови. Київ, 1973.
Klemensiewicz Z. a dr. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955.
Stanislav J. Dejiny slovenskeho jazyka. T. 1: Uvod a hlaskoslovie. Bratislava, 1958.

Ю.С. Степанов

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЕ СЛОВО "ON LINE" В СВЯЗИ С ИДЕЯМИ Р.И. АВАНЕСОВА

0. Вводные замечания

1. Нижеследующий опыт представляет собой часть моей неопубликованной книги, написанной где-то около 1970 г. "Древнегреческий язык для русских (или: для русских филологов)". Представленная в тогдашний Издательский совет филологического факультета МГУ, она быстро вылетела оттуда с раздраженным ответом: книга такого характера никогда не будет допущена к издательству в МГУ. Существо данного опыта оценил только Рубен Иванович, уже по другой моей книге [Степанов 1975], он рекомендовал ее Е. Куриловичу, который в свою очередь устроил ее перевод на польский язык в Польше (но издание было прекращено в связи с общим кризисом в этой стране в 1970-е годы). Рубен Иванович в это время уже широко развернул работу над "Словарем древнерусского языка (XI–XIV вв.) в десяти томах", где, как известно, органически представлены древнегреческие лексические источники.

Возвращаясь теперь к работе над названной выше книгой, я считаю своим долгом почтить память Рубена Ивановича Аванесова и заново обратиться к его непреходящим идеям. Из них главной здесь будет для нас его идея "О трех типах научно-лингвистической транскрипции". Эта работа берется здесь по книге [Аванесов 1956] (далее стр. по этому изд.).

Но прежде несколько разъяснений о наших собственных терминах.

Выражение "on line" букв. "на линии", "в текущем режиме", пришедшее из компьютерной практики, означает текущий процесс, который развертывается перед нами на дисплее компьютера. Мы можем наблюдать его в форме последовательности букв, возникающих перед нашими глазами одна за другой по некоторой программе, можем возвращаться вспять, заменять буквы, обсуждать их и т.д.

Применительно к древнегреческому слову этот термин означает, что мы рассматриваем слова аттического диалекта классической поры, исключая именно "исключения" – употребляющиеся в этом диалекте заимствования из других диалектов, слова явно архаические, особые формы поэтического языка и т.п.

Применительно к русскому языку в системе Р.И. Аванесова термин "on line" ближе всего подходит к понятию "фонетическая транскрипция" и отчасти к понятию "словофонематическая транскрипция" – записи слова "с максимальным

учетом всех его физиолого-акустических свойств и притом вне отношения к структуре языка, ...без постановки вопроса о том, какие кратчайшие звуковые единицы являются разновидностью одной и той же единицы и какие являются самостоятельными, другими единицами..." и т.д. [Аванесов 1956, 215].

Выражение "off line" "вне линии", связанное с первым, означает программу, по которой развертывается названный линейный процесс, его код, но не только его код, а все что мы можем знать (если и не знаем в данный момент) об устройстве данной программы, об устройстве программ вообще, о нас самих как о пользователях программами и т.д. и т.п. – в конечном счете о нас как о людях определенной культуры определенного времени. Из этих двух частей – "on line" и "off line", главным образом из первой, складывается настоящий очерк.

Приведем один русский пример (на основе материала Р.И. Аванесова). Положим, перед нами два русских выражения, в обычной орфографии различающихся различными пробелами между словами: 1) *подруг увели*, 2) *под руку вели*. В фонетической транскрипции "on line", их запись одна и та же [пʌдрукув'иᶜлй]. Но если мы знаем, что в речи людей, владеющих литературной нормой (а также в правильной московской речи) второе выражение может иметь вариант *по́д-руку* вели, с ударением на предлоге, а первое выражение может иметь вариант с [х] *подрух увели́*, то мы можем эти выражения различить и в научной записи, но только ее уже нельзя будет назвать "линейной"; она будет включать в себя сведения из системы языка, из того, что находится уже "off line". Назовем эту промежуточную систему анализа "катализом".

I. СИСТЕМА Р.И. АВАНЕСОВА "О ТРЕХ ТИПАХ..." В ЕГО СОБСТВЕННОМ ИЗЛОЖЕНИИ (Аванесов 1956, 216–217)

«В соответствии с тремя "этажами" фонетической системы при научном изучении русского языка целесообразно применение трех типов транскрипции: 1) фонетической, 2) словофонематической, 3) морфофонематической.

Фонетическая транскрипция стремится обозначить на письме кратчайшие звуковые единицы языка во всем богатстве их реально произносимых физиолого-акустических свойств. Буква как элемент фонетической транскрипции является знаком реально произносимого звука со всеми его доступными анализу и фиксации свойствами.

Словофонематическая транскрипция передает на письме звуковую оболочку конкретного языкового факта, "случая" (слова или слова в определенной его форме), частично "раздевая" входящие в ее состав кратчайшие звуковые единицы – освобождая их от всего "внешнего", позиционного, обусловленного в данном конкретном языковом факте фонетическим положением и сохраняя "внутреннее", все самостоятельное и функционально значимое. Буква как элемент словофонематической транскрипции является знаком фонемы – сильной (в позиции максимальной дифференциации) или слабой (в позициях меньшей дифференциации).

Наконец, морфофонематическая транскрипция полностью "раздевает" кратчайшие звуковые единицы языка, полностью освобождает их от всего "внешнего" – позиционного, фонетически обусловленного не только в данном

"случае" как явлении конкретном и целостном (в слове или в той или иной грамматической форме слова), но также и в каждой его морфеме, "обнажает" кратчайшие звуковые единицы, указывая лишь на те их стороны, которые существенны, самостоятельны, функционально значимы в сильной позиции (в позиции максимальной дифференциации). При морфофонематической транскрипции буква является знаком фонемного ряда: все члены каждого фонемного ряда обозначаются одной буквой, соответствующей сильной фонеме данного ряда". (Конечно, за исключением тех случаев, когда отсутствует чередование слабой фонемы с сильной).

Фонетическая транскрипция эмпирична в полной мере: она ни в какой мере не связана со структурой языка и лишь "фотографирует". Словофонематическая транскрипция уже углубляется в известной мере в "сущность вещей", она исходит из конкретного языкового факта (слова, той или иной грамматической формы слова) и, абстрагируясь от позиционного, обусловленного в нем и функционально не существенного, выделяет самостоятельное и функционально значимое (фонемы разных "рангов").

[...] Морфофонематическая транскрипция представляет собой письмо при помощи знаков, соответствующих только тем элементам звучащей речи, которые в наибольшей степени самостоятельны, независимы, не обусловлены позицией и используются с различительной функцией, игнорируя все другие ее стороны, позиционно обусловленные и функционально не существенные. Именно поэтому и оказывается, что многие слова при помощи морфофонематической транскрипции и обычного русского орфографического письма пишутся одинаково. А если учесть специфические особенности русской графики, такие случаи окажутся доминирующими в русском правописании. Ср. [т'ан$\breve{у}$] и *тяну*, [п'ат'$\acute{и}$] и *пяти*.

Фонетическая транскрипция не требует особых пояснений, которых требуют транскрипции словофонематическая и морфофонематическая».

II. СИСТЕМА Р.И. АВАНЕСОВА МОЖЕТ БЫТЬ РАЗВИТА В ОТНОШЕНИИ ПОНЯТИЯ "ПОЗИЦИЯ". КАТАЛИЗ

Фонема (как и всякий элемент языка, называемый "единицей") находится в системе отношений двух планов – в отношениях ко всем фонемам как единицам кода (в парадигматике), в отношениях к фонемам, соседствующим с данной в речевой цепи, в слове (в синтагматике). Сейчас нас будут интересовать только отношения различия, контраста. Они могут быть разной силы – сильные и слабые.

Разумеется, они входят и в систему Р.И. Аванесова, но им уделено там разное внимание, доминирует понятие "фонема". "Звуковые единицы, выступающие в слабой позиции, обладают ослабленной способностью различать звуковые оболочки слов и форм или, что то же, ...фонематическая роль звуковых единиц... в сильной и слабых позициях различна: она максимальна в сильной позиции и меньшая в слабых. ...Необходимо разграничение двух понятий для обозначения степени фонематичности кратчайших звуковых единиц, которые можно назвать с и л ь н о й ф о н е м о й и с л а б о й ф о н е м о й. Сильная фонема выступает в позициях максимальной дифференциации, в которых различается наибольшее количество звуковых единиц, а слабая фонема – в позициях меньшей дифференциации, в которых различается меньшее количество звуковых единиц" (с. 29).

Из сказанного видно, что "слабой" может быть как фонема, так и ее позиция. Однако Р.И. Аванесова интересуют главным образом дискретные единицы, фонемы; понятия "слабая позиция" он специально не вводит. Имплицитно оно, конечно, присутствует (ибо без него не обойтись), присутствует, например, в системе нотации каждой из трех транскрипций (см. выше), но более всего – в транскрипции фонетической, где по существу каждый знак является знаком слабой позиции. Слабой позицией мы назовем позицию, тесно связанную с соседними позициями, напротив, – сильной – позицию, максимально освобожденную от связей с соседними позициями. Теоретически рассуждая, "освободить позицию" в этом смысле – это то же самое, что "провести разграничительную линию, произвести раздел линейного континуума", раздел изображения (или просто записи) "on line".

Это методическое требование можно выразить в более разговорной форме: надо максимально "растянуть" позиции линейной записи, "распустить" их скрепы.

Этот вопрос занимал многих лингвистов-теоретиков 1940–1970-х годов. Один блестящий вариант решения, под названием "катализ", на материале литовского языка, предложил глава Копенгагенской лингвистической школы Л. Ельмслев; другой вариант, применительно именно к древнегреческому слову, дал Е. Курилович, – см. о них [Степанов 1975, 73–79]. Так что концепция Р.И. Аванесова "О трех типах..." находится в общем русле мировой лингвистики тех лет.

Простейшим русским примером может служить катализ слова [д'ецк'и̯], в орфографической записи *детский*, но эта запись является уже частично катализованной: фонетическое единое [ц] представлено в сложении двух позиций [т] + [с]. Главным вопросом катализа вообще является следующий: как разделить ("растянуть") единое фонетическое слово, распределив его компоненты по позициям.

Результат такого растяжения – позиции и их последовательность – есть абстрактное теоретическое понятие, конструкт.

В этом исследовательском процессе можно наметить два варианта, два пути: 1) по Р.И. Аванесову, 2) наш собственный, хотя и близкий к аванесовскому.

В системе Аванесова доминирует понятие морфемы (и, разумеется, понятие фонемы как составной части морфемы). В нашей системе доминирует понятие слога; это положение было сформулировано в работе "О зависимости понятия фонемы от понятия слога при синхронном описании и исторической реконструкции" [Степанов 1974].

В обеих системах главным объектом катализа является некая черта отрезка линейной последовательности – слова и словосочетания, которая у Р.И. Аванесова называется "общий признак сочетания", у нас – "длинный компонент".

У Р.И. Аванесова к этому вопросу относятся, в том числе, следующие положения (с. 224–230 его книги):

"Некоторую аналогию таким типичным сочетаниям фонем представляют разного рода "связанные" сочетания слов (фразеологические обороты, идиомы), общим признаком которых является их функционирование в качестве одной лексико-синтаксической единицы (одного члена предложения).

Одни из сочетаний фонем встречаются как в начале слова (перед гласным), так и в середине слова (между гласными) и в конце слова (после гласного). Таковы, например, сочетания [ск], [ст]: I. [скот], [тʌскá], [пуск]; [стол], [пустó҆ i̯], [мост]. Другие, как правило, не встречаются на конце слова, употребляясь в двух других положениях. Таковы, например, сочетания [кн], [гн], [пл], [бл], [кл]; [гл]: I. [кнут], [ʌкнó], [гнут], [мʌгнáт], [плот], [ти'ᵉплó], [блʌхá], [вóблъ], [клоп], [с'в'҆óклъ], [глуп], [мʌглá]. Третьи, как правило, не встречаются в начале слова, употребляясь в двух других положениях. Таковы, например, сочетания [нд], [нт], [рб], [рп], [мб]: I. [бáндъ], [бант], [бá·н'т'ик], [ʌрбá], [карп], [кʌрп'ê'т'], [клýмбъ], [тромп]. Употребляемость тех или иных сочетаний в указанных положениях определяется структурой слога русского языка и законами слогоделения.

Некоторые из приведенного типа сочетаний имеют наряду с различиями в образовании входящих в их состав согласных ту или иную свою общую характеристику, общие признаки, относящиеся к сочетанию в целом. Общими признаками сочетаний согласных в русском языке могут служить: 1) твердость-мягкость, 2) глухость-звонкость, 3) одновременно как твердость-мягкость, так и глухость-звонкость.

Так, например, сочетание [сн] в словах I. [сноп], [снóвъ] обладает твердостью, которая характеризует сочетание в целом и которую трудно было бы отнести к его компонентам в отдельности. Точно так же сочетание [с'н'] в словах I. [с'н'ек], [с'н'҆óс] обладает мягкостью, которая является признаком всего сочетания, а не одного из его компонентов.

[кт] в слове I. [дóктър] обладает общей глухостью, а сочетание [гд] в слове I. [кʌгдá] – общей звонкостью, причем эти признаки трудно отнести к их компонентам в отдельности. Сочетание [жд] I. [рʌждá҆т'] характеризуется общей звонкостью.

Сочетание [ст] в словах I. [стол], [стʌлкнýл] обладает общей для его компонентов твердостью и глухостью, сочетание [с'т'] в словах I. [с'т'иᵉнá], [с'т'иᵉни́] в целом обладает мягкостью и глухостью, сочетание [зд] в словах [здá҆н'и̯ъ], [здал] – твердостью и звонкостью, сочетание [з'д'] в словах [з'д'ês'] и [з'д'élъл] – мягкстью и звонкостью. Таким образом, в этих сочетаниях общим признаком каждого из них в целом является одновременно как твердость или мягкость, так и глухость или звонкость.

Так как морфонематическая транскрипция исходит из морфемы, а не из слова в целом или его определенной грамматической формы, как это имеет место при словофонематической транскрипции, то для первой, в отличие от последней, не безразлично, находится ли то или иное сочетание, имеющее определенный общий признак, внутри одной морфемы или на стыке морфем.

В тех случаях, когда сочетание находится на стыке морфем при морфофонематической транскрипции, имеется возможность установить индивидуальные признаки каждого из компонентов сочетания. В отличие от этого в тех случаях, когда сочетание находится внутри одной морфемы, общие признаки сочетания оказываются неотносимыми к отдельным его компонентам, а характеризуют сочетание в целом. Так, например, сочетание [с'т'] в слове I. [с'т'их] (прош. вр. глагола) находится на стыке морфем: первый его компонент относится к приставке, а второй – к корню. Поэтому оно легко членится (ср. *стих* – у*тих*, *затих*, *притих* и т.д.). Учитывая, что первый компонент является глухим и твердым перед [у] (ср. I. [сум'él]), где различается как глухость-звонкость, так и

твердость-мягкость, можно считать, что приставка состоит из твердой глухой фонемы, которая стоит во главе фонемного ряда, ряда позиционных чередований сильной фонемы [с] со слабыми фонемами [с'], [з], [з'] (I. [сум'ёл], [с'т'йснул], [здал], [з'д'ёлъл]). А так как при морфофонематической транскрипции одной буквой (а именно буквой сильной фонемы) передается весь фонемный ряд, то слово I. [с'т'их] может быть транскрибировано только так: III. [ст'их] (ср. в словофонематической транскрипции: II. [с$_{з}$т'их]). Иначе обстоит дело с морфофонематической транскрипцией слова I. [с'т'их] (стихотворная строка). Здесь сочетание [с'т'] находится внутри одной морфемы. Поэтому общие свойства сочетания нельзя приурочить к отдельным его компонентам: они являются характеристикой сочетания в целом.

Наличие у сочетания общих признаков обозначаем заключением сочетания в фигурные скобки. Над сочетанием цифрами указываются, каковы общие признаки сочетания: цифрой 1 обозначается твердость-мягкость; цифрой 2 – глухость-звонкость; цифрой 3 – твердость-мягкость и глухость-звонкость. Приведенный пример – I. [с'т'их] (стихотворная строка) транскрибируется следующим обюразом: {с'^{з}т'}их.

Общую твердость-мягкость имеют, например, сочетания [сн], [с'н'], [зн], [з'н'], [св], [с'в'], [зв], [з'в'], [сл], [с'л'], [зл], [з'л']. Дадим несколько слов с этими сочетаниями во всех трех транскрипциях с необходимыми разъяснениями:

I. [сноп], [сна], [с'н''ал], [с'н''ос], [зно̯j], [клз'н''а] (деепричастие);

II. [с$_{1}$ноп], [с$_{1}$на], [с$_{1}$н'ал], [с1н'ос], [з$_{1}$но̯j], [каз$_{1}$н'а];

III. [{с^{1}н}оп], [сна], (ср. I. [сун:ъ̯j]), [{с'^{1}н'}ал], [сн'ос] (ср. I. [сум'ёл]); |{з^{1}н}оj], [ка{з'^{1}н'}а́].

В нашей системе также катализ можно сделать в зримой, графической форме, опираясь на систему транскрипции. Но здесь доминирует понятие слога и слогоделения. В каждой из трех транскрипций с помощью внешних знаков (если брать их по Р.И. Аванесову) членение на позиции будет иное.

I. В фонетической транскрипции, вообще говоря (как и в двух остальных транскрипциях), разделы можно провести после каждого графического знака, но наиболее естественным (и также и теоретически значимым) будут разделы, совпадающие с границей слога: слоги суть естественное деление фонетического речевого потока. Для русского языка из всего многообразия возможных в нем слогов наибольшее значение для нашей задачи имеют:

1) слоги, ограниченные паузой "слева", т.е. начальные;

2) слоги, ограниченные паузой "справа", т.е. конечные;

3) слоги, в которых на всей длине (или ее большой части) проходит "длинным компонентом" палатальность, проявляющаяся как "мягкость" в согласном компоненте слога и как "переднеязычность, диезность" в гласном компоненте слога, примеры (двойная косая черта здесь знак противопоставления: "мягкого" – "твердому", "диезного" – "бемольному" и т.п.): мял // мал, мил // мыл, мёл // мол, пять / пат, мель // мёл и т.п.;

4) слоги, на всем протяжении (или большой части) которых проходит "длинным компонентом" звонкость: вду-ме // фту-не (*втуне, держать втуне*), где // ктем (*к тем*), збить // спить, взбить // фспину (*в спину*) и т.п.).

II и III словофонематическая и морфофонематическая транскрипции (если брать их по Р.И. Аванесову), вообще говоря, сами

по себе не играют большой роли для катализа. Тем более, что применительно к древним языкам, в частности к древнегреческому, их фонемный состав чаще всего не полностью ясен и является предметом гипотез, зачастую еще более сложных, чем непосредственно данные факты.

Непосредственно данным фактом является в этой области письменная форма слова, а исходным фактом для катализа – слогоделение. Последнее составляет предмет не прекращающихся изысканий и дискуссий.

Специфические трудности возникают в этой области тогда, когда "показания морфемы" (морфема предполагается известной из лексико-грамматического описания данного языка) приходят в противоречие с показаниями слогоделения.

Такие случаи можно, конечно, обнаружить и в русском языке. Так, например: *грязный* располагает, казалось бы, к членению на *гряз-н-ый*; однако имеется *грязь, грязи* с морфемой /гр'аз'/ (грязь) и, следовательно, морфема здесь должна нотироваться именно как /гр'аз'/ с исчезновением "беглого компонента" / ' / на стыке с морфемой /н/. Но ввиду наличия *бли-ж-н-ий* при близь и *ни-ж-н-ий* при *низ* – двух взаимно контрастных случаев, возможно, лучшим решением будет приписать / ' / морфеме /н/ "слева" и считать, что этот элемент / ' / – "плавающий", он "бродит": нейтрализуется ("выпадает") после предшествующей морфемы в одном случае (*грязный*) и присоединяется к предшествующей морфеме "справа" в другом случае (*нижний*), превращая фонетически /з/ в /ж/. По-видимому, наилучшим решением из всех будет выделить отдельную морфемную позицию на стыке других морфем – корневой и аффиксальной – / ' / и далее, при более детальном описании особо характеризовать ее статус и фонетическую форму. Итак, для данных трех примеров морфемное членение на позиции будет:

гр'аз – ' – н – ый (грязный при грязь)

близ – ' – н – ый (ближний при близь)

н'из – ' – н – ый (нижний при низ)

Конечно, размышления на этой линии применительно к русскому языку ставят еще очень много вопросов. Но мы не будем пытаться здесь развивать эту тему, оставив из нее только несколько методических приемов, вытекающих из названных концепций и использовав их для анализа древнегреческого слова.

III. ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЕ СЛОВО В СИСТЕМЕ КАТАЛИЗА "ON LINE"

Древнегреческое слово дает в распоряжение наблюдателя-лингвиста много своеобразных национальных ("идиоэтнических") черт. Назовем главные из них в связи с данной темой:

1) фонетическое содержание (компоненты, признаки) в каждой из позиций в некоторой части свое, отличное от такового других позиций. Это положение известно и в русской фонетике, где система корней и флексий фонетически (фонологически) до некоторой степени различны [Аванесов 1956].

2) Корневая (центральная) зона слова хранит наиболее древние (непродуктивные, "старые") фонетические отношения, тогда как периферийные зоны ("левая" и "правая" по отношению к корню) отношения более "молодые" (и, в частности, полностью живые и продуктивные для аттического диалекта классической поры);

3) размещение и передвижение ударений является одной из самых ярких характерологических черт древнегреческого. Не столь ярко и сильно, но все же в существенной степени, это же важно и для русского слова наших дней (ср. из приведенных выше примеров *подруг увели // по́д руку вели*, и передвижения ударения "по закону Шахматова"; *под го́ру // по́д гору*; *в избу́ // в и́збу* и др.).

Но в данном очерке по соображениям ограниченности его объема весь этот пункт (3) опускается; мы надеемся вернуться к нему в отдельном цикле статей (см. первую из них [Степанов 1997]).

После этого древнегреческое слово в системе катализа и анализа "on line" предстает в следующем виде (см. таблицу).

АНАЛИЗ (КАТАЛИЗ) ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО СЛОВА "ON LINE"

–3	–2	–1	0. корневая зона	+1	+2	+3
Слияние и красис	Растяжение, или "заменительное удлинение"	Удлинение	Аблаут	Удлинение	Растяжение, или "заменительное удлинение"	Слияние
ε + ε → ει ε + α → η ο + ο → ου ε + ο → ου и т.д.	ε → ει ο → ου *ᾰ̆ → ᾱ	ε → η ο → ω α → η ῐ̆ → ῑ ῠ̆ → ῡ	ε // ο η // ω ø // α и др.	ε → η ο → ω и т.д. как в колонке –1	ε → ει ο → ου α → ᾱ и т.д. как в колонке –2	ε + ε → ει ε + α → η ο + ο → ου ε + ο → ου и т.д. как в колонке –3
Преверб в стяжении с глаголом:	Слоговое приращение в глаголах:	Временно́е приращение в глаголах:	Корень и неактуальная (историческая) основа	Актуальная основа в глаголе: напр., сигматический аорист, будущ. и др.:	Актуальная основа в склонении имен:	Флексия:
προ-ἔβαλου → → προὔβαλου (аор. 2 от βάλλω	*ἔ-εχον → → εἶχον (имперф. от ἔχω)	ὑβρὶζω → → ὕβριζν (имперф.)		ἐ-τίμη-σ-α, τιμή-σ-ω (аор. и буд. от τιμάω)	*χαρίεντς → → χαρίεις; *γίγαντς → → γίγας	*λύεσο → → *λύεο → λύου (императ. 2 ед. медия от λύω)

Комментарий к таблице

Для нашего катализа мы сразу разбиваем древнегреческое слово классического аттического диалекта – точнее, конечно, древнегреческое слово как обобщенную линейную единицу, – на 7 позиций: одну центральную, корневую, обозначив ее цифрой "0", и по три справа и слева от нее, обозначив их соответственно как "–1", "–2" и "–3", позиции "влево" от корня, по направлению к началу слова, и как "+1", "+2" и "+3" по направлению "вправо" от корня, к концу слова. (При углублении катализа нам может потребоваться еще по одной позиции справа и слева). Основанием для разбиения на позиции является все то же – реальное, непосредственно наблюдаемое различение древнегреческих звуков (классической поры).

Фонетическое содержание каждой позиции характеризуется по двум параметрам (по вертикали сверху вниз): сначала фонетическое наименование в традиционной грамматической терминологии; затем примеры фонетических соотношений (синхронных "преобразований"); затем называется морфонологическая характеристика и грамматическая функция; в конце (внизу) – примеры.

Вопрос о корневой зоне ("0") (о корневой морфеме) мы сейчас (для данного очерка) оставляем в стороне, предварительно лишь сказав, что типичным явлением будет здесь аблаут, т.е. чередования типа e//o (λέγω–λόγος) и так называемый "нуль" с гласными типп Ø//a (θν = ή = σκω – ἔ = θαν = ον). Конечно, поскольку мы с самого начала исключили критерий значения, т.е., например, вопрос о том, почему мы можем рассматривать λέγω и λόγος как слова одного и того же корня, то и вопрос о фонологических типах чередований остается дискуссионным; именно поэтому здесь, в кратком варианте, мы его и опускаем.

Остальные позиции определяются вполне алгоритмически: разные фонологические явления разносятся по разным позициям.

В позиции, ближайшие к корню, т.е. –1 и +1, попадут те фонетические явления, которые называются в традиционных учебниках "удлинения", т.е. удлинения гласных без изменения тембра: ε → η, ο → ω, ῐ → ῑ, ῠ → ῡ. Вопрос об α в этой связи требует некоторых дополнительных определений, но в принципе не отменяет алгоритмического подхода, требуется только дополнительное определение "областей определения"; в каком из греческих диалектов (для аттического особо) и в позиции после какого предшествующего звука (для ε, ι, ρ особо). (Возможно, впрочем, что и после этого потребуются некоторые дополнительные формулировки, так как есть основания полагать, что долгое /a/ в греческом классической поры отличается от краткого /a/ более существенным изменением тембра, чем в случаях с /e/ и /o/, т.е. не может быть сведено к уравнению *a* = *aa*).

В позиции, отстоящие от корня на одну далее, т.е. –2 и +2, будут отнесены те фонетические явления, которые в учебниках называются "заместительные (компенсаторные) удлинения" (у М.Н. Славятинской) или "растяжения" (у С.И. Соболевского): ε → ει, ο → ου, α → αα; атт. εἶχον < *ἐ-σ-εχον (ср. ἔσχον – Aor.2), но дорич. ἦχον – это разные историч. "слои" в разных диалектах на территории. Это обычный принцип "пространство – время" (по Р.И. Аванесову).

В позиции, самые дальние от корня, т.е. –3 и +3, попадут те фонетические явления, которые называются "красис", или слияние гласных: α + α = ᾱ, α + ε = ᾱ, ε + α = η, ε + ε = ει, ο + α = ω, ο + ε = ου, ο + ο = ου и т.д. Полный перечень случаев красиса мы сейчас опускаем, заметив, однако, что некоторые из них тождественны результатам, имеющим место при "растяжениях", а некоторые отличаются от них. То есть в целом эти два множества случаев – "красис" и "растяжение" – различны.

Все явления, которые мы в совокупности рассматриваем здесь, принадлежат греческому языку классической поры, – о н и я в л е н и я с и н х р о н и и. Но обычно не обращается достаточно внимания на то, что и с т о р и ч е с к и й п а р а м е т р в с т р о е н в н и х. Наиболее четко эта черта обозначена в книге М. Лежёна "Трактат по греческой фонетике" (изд. 2, 1955, 200): "Многие греческие диалекты придали исконным кратким гласным ε, о более закрытое произношение, чем у исконных долгих η, ω. Долгие вторичного происхождения, возникающие или из этих ε и о или из слияния ε + ε, о + + о, оказывались в норме более закрытыми, чем исконные долгие. Первоначально в архаических алфавитах обозначавшиеся теми же знаками, что ε и о, позже они стали записываться как ει, ου, когда редукция дифтонгов ει, ου к ē и ō сильной закрытости предоставила для этого возможность удобной нотации. Таким образом, многие греческие диалекты в историческую эпоху имеют по два е (одно старое и открытое: η, другое новое и закрытое: ei) и по два ō (одно старое и открытое: ω, другое новое и закрытое: ου)" [Lejeune 1955: 202]. Продолжая эту линию наблюдений, мы должны будем сказать, что "слияния", красис, представляют собой явления полностью живые для греков классической поры, возникающие на стыках слов. В то время как "удлинения" и "растяжения" включены в устоявшуюся структуру слова и вполне живыми более уже не являются. Именно эти различия и дают нам основание расположить указанные явления – уже по их роли и месту в слове – в данной последовательности: как –1, +1; –2, +2... и т.д. Одновременно мы тем самым характеризуем каждую данную позицию уже не только по ее фонетическому явлению, но и по ее общей роли в структуре слова.

И это опять-таки такой общий принцип, который ввел в своих работах и Р.И. Аванесов, различая в фонологической системе современного русского языка корреляции старые и новые [Аванесов 1956: 6, 135, 175 и др.], называя их в других работах еще и "старые" и "молодые".

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. Фонетика современного русского литературного языка. М.: Изд. МГУ, 1956.

Степанов Ю.С. О зависимости понятия фонемы от понятия слога при синхронном описании и исторической реконструкции // ВЯ. 1974. № 5.

Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М.: Наука, 1975; репринт: М., Эдиториал УРСС 2001.

Степанов Ю.С. Непарадигматические передвижения ударения в индоевропейском (I. Вокруг законов Ваккернагеля и Лескина) // ВЯ. 1997. № 4.

Lejeune M. Traité de pjonétique grecque. 2-e é d. revue et corrigée. P.: Klincksieck, 1955.

А.А. Кретов

ЧЕТВЕРТАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ

> Автор не претендует на то, что в своем изложении он исчерпал вопрос о научно-лингвистических транскрипциях в связи с проблемами теории фонем. Он не считает также, что его решения рассматриваемых проблем окончательны. Однако можно надеяться, что высказанные выше положения могут содействовать дальнейшему исследованию проблемы.
>
> *Р.И. Аванесов.* Фонетика современного русского языка
>
> Так как неверное обозначение морфологической делимости слов, обусловленное рабским отношением к буквам, может весьма вредно отзываться на языковом мышлении и на грамматическом образовании пользующихся словарем, то я и считал свою задачу задачею первостепенной важности и отнесся к ней весьма серьезно.
>
> *И.А. Бодуэн де Куртенэ.* Об отношении русского письма к русскому языку

В своей классической книге "Фонетика современного русского языка" (М. Изд-во МГУ, 1956) Р.И. Аванесов писал: «В соответствии с тремя "этажами" фонетической системы при научном изучении русского языка целесообразно применение трех типов транскрипции: 1) фонетической, 2) словофонематической, 3) морфофонематической» [Аванесов 1956, 216].

Целью данной статьи является, во-первых, показать, что из принципов, сформулированных Р.И. Аванесовым, с необходимостью следует потребность в четвертой транскрипции – этимологической, и, во-вторых, – предложить конкретный вариант такой транскрипции.

Различение трех транскрипций явилось следствием теоретического положения Р.И. Аванесова, согласно которому "фонетическая система, основанная на позиционных чередованиях, как параллельных, так и пересекающихся, заключает в себе три плана и три аспекта" [Аванесов 1956, 215].

"Первый из них является аспектом собственно фонетическим (не фонологическим!): кратчайшие звуковые единицы в нем рассматриваются с максимальным учетом всех их физиолого-акустических свойств и притом вне отношения к структуре языка, ⟨...⟩ т.е. без постановки вопроса о тождестве и нетождестве.

Два других аспекта – аспекты фонологические... Однако, объединяясь в указанном отношении, эти два аспекта заключают в себе принципиально существенные различия.

Второй аспект основан на рассмотрении кратчайших звуковых единиц в качестве элементов звуковой оболочки словоформы, т.е. данного конкретного слова в его данной форме (т.е. на рассмотрении их в качестве фонем). ... При этом аспекте в одну единицу (фонему) объединяются все позиционные разли-

чия, наблюдаемые в данном конкретном языковом "случае" (слове, той или иной его грамматической форме).

Третий аспект заключается в рассмотрении кратчайших звуковых единиц в качестве элементов морфемы; назовем его поэтому морфофонематическим. При этом аспекте анализа в одну единицу объединяются все позиционные различия, наблюдаемые в одной и той же равной себе морфеме. Такой единицей является фонемный ряд [Там же].

"Морфофонематический анализ, – продолжает Р.И. Аванесов, – позволяет установить фонематическую систему языка как сложное целое, в состав которого входят фонемы разных "рангов", находящихся в сложных отношениях друг к другу и укладывающихся в определенные закономерные фонемные ряды. Вместе с тем этот анализ позволяет установить тождество морфемы с точки зрения ее звукового строения, т.е. подводит исследователя к одному из исходных элементов грамматического строя и лексики и помогает понять связи между различными сторонами структуры языка" [Аванесов 1956, 216].

Особое внимание Р.И. Аванесов уделял морфофонематической транскрипции, в особенности, – в ее отношении к орфографическому письму.

Анализируя эти отношения, Р.И. Аванесов, указывал на своеобразную "недостаточность" (фонологическую неопределенность) морфофонематической транскрипции из-за "большого количества написаний по слабым "непроясним" фонемам", которые " не могут быть отнесены к одному единственному фонемному ряду" [Аванесов 1956, 234]. Особое значение имеет следующее замечание Р.И. Аванесова: "Орфография в этих случаях обычно пользуется *этимологическим* письмом (курсив мой. – *А.К.*)" [Там же]. Тем самым Р.И. Аванесов не только признал важность этимологической транскрипции для решения проблем правописания, но и (правда, в неявной форме) указал на потребность в такой транскрипции.

Еще ярче и очевиднее потребность в этимологической транскрипции проявляется в морфемике – при морфемном членении словоформ и решении вопроса об отождествлении морфов в морфемы и тем самым – о *морфемарии* конкретного языка. (Этот термин предложен в 1960-ые годы В.В. Раскиным и Б.Ю. Городецким).

Первым, кто из практики членения слов на минимальные значимые части сделал такой теоретический вывод, был И.А. Бодуэн де Куртенэ: "Конечно, все подобного рода попытки изображать на письме разделение и сцепление живых морфологических частей произносительно-слухового слова являются более или менее топорными и далеко не удовлетворительными. Известные простейшие, дальше не разложимые произносительно-слуховые элементы ("кинемы", "акусмы") морфем частью морфологизованы, частью семасиологизованы. А определить все это можно только тогда, когда, не стесняясь вовсе написанием, все равно обычным ли написанием данной письменности, или хотя бы даже тем или другим транскрипционным "научным" написанием, мы опишем аналитически все морфологические и семасиологические ассоциации, свойственные отдельным произносительно-слуховым элементам разбираемых морфем, или же придумаем особый строго аналитический способ письменной передачи всех произносительно-слуховых элементов" [Бодуэн 1963-2, 231]. Способом избежать "топорных и неудовлетворительных" изображений на письме "разделения и сцепления живых морфологических частей" и является этимологическая транскрипция.

Предлагаемая нами этимологическая транскрипция возникла не на голом месте. Ее идеология стара, как сама лингвистика, историю которой принято отсчитывать от "Восьмикнижия" Панини. Именно в этом лингвистическом труде впервые реализовано различение поверхностного (произносительного и орфографического) уровня языка и глубинного (этимологического) уровня. В грамматике Панини все морфемы представлены в идеализированном, глубинном (этимологическом) облике, из которого – в результате применения к их комбинациям правил выведения – внутреннего и внешнего сандхи – получаются наблюдаемые на поверхностном уровне словоформы.

Последующее развитие лингвистики показало, что правила сандхи – не что иное, как законы исторической фонетики, а последовательность их применения – это и есть последовательность их протекания – мерило "лингвистического времени" или, по определению В.К. Журавлева, – "лингвистическая секунда".

В XX в. потребность в различении "глубинных и поверхностных структур" вновь возникла в американской лингвистике. При этом американских ученых удивило то обстоятельство, что сформулированные ими строго синхронические "правила выведения" обычно оказывались подозрительно похожи на "фонетические законы", открытые и сформулированные в диахронической лингвистике.

Это обстоятельство заметили и по достоинству оценили именно этимологи: Т.А. Гамкрелидзе и Г.А. Климов, подчеркнувшие неслучайность данного явления.

Ближайшие прототипы предлагаемой этимологической транскрипции содержатся в работах Бодуэна де Куртенэ, С.И. Бернштейна, П.С. Кузнецова, Т.В. Булыгиной, Г.П. Мельникова и его ученицы Т.А. Ляхнович, а также в "Словаре морфем русского языка" А.И. Кузнецовой и Т.Ф. Ефремовой и, конечно же, "Этимологическом словаре славянских языков" под ред. академика О.Н. Трубачева.

Обратимся к характеристике, которую Р.И. Аванесов дает морфофонематической транскрипции: "Наконец, морфофонематическая транскрипция полностью "раздевает" кратчайшие звуковые единицы языка, полностью освобождает их от всего "внешнего" – позиционного, фонетически обусловленного не только в данном "случае" как явлении конкретном и целостном (в слове или в той или иной грамматической форме слова), но также и в каждой его морфеме, "обнажает" кратчайшие звуковые единицы, указывая лишь на те их стороны, которые существенны, самостоятельны, функционально значимы в сильной позиции – в позиции максимальной дифференциации). При морфофонематической транскрипции буква является знаком фонемного ряда: все члены каждого фонемного ряда обозначаются одной буквой, соответствующей сильной фонеме данного ряда" [Аванесов 1956, 216]. Парадоксальным образом, данная характеристика в большей мере применима к предлагаемой этимологической транскрипции, чем к морфофонематической транскрипции самого Р.И. Аванесова.

Едва ли не главным препятствием для последовательной реализации принципов МФШ является (не столько в теории, сколько на практике) отождествление сильной позиции гласных с ударной позицией, а в конечном итоге – и гласных фонем языка с гласными, различаемыми в ударной позиции. Это положение взято в готовом виде у ленинградских фонологов (у которых оно естественно следует из позитивистского феноменологизма их концепции), и никак не вытекает из постулатов МФШ.

Если сильную позицию понимать как позицию различения фонем (соответственно, слабую – как позицию нейтрализации), а фонему – как ряд позиционно обусловленных звуков, включая и ноль звука ("Мы говорим в таком случае о варианте нуль соответствующей фонемы" – [Кузнецов 1970, 478]), то все становится на свои места: для гласных корня в словах *посОл – послАть* и *посОл – посолИть* позиция под ударением – *посОл* будет слабой позицией (позицией нейтрализации), а безударная позиция *по-с[ø]л-Ать – по-с[а]л-Ить* – сильной позицией (позицией различения).

Своеобразие предлагаемой транскрипции определяется следующими аспектами.

1) Пространством поиска сильных позиций фонем в морфеме является **вся система языка**, а не парадигма одного слова или словообразовательное гнездо одной корневой морфемы. Поэтому у нас (в отличие о Р.И. Аванесова) нет затруднений в определении качества гласного в приставке *по-* слова *по-жар*: достаточно привлечь слово *пО-иск* с ударным гласным приставки.

2) Буква, используемая для представления фонемного ряда в целом, может отличаться от того, что традиционно принято считать сильной позицией фонемы. Сильный (точнее – основной) вариант фонемы при предлагаемом подходе – не обязательно тот, который реализуется под ударением (для гласных) позиция и не обязательно тот, который реализуется в позиции перед любым гласным (для согласных). Это – этимологически (деривационно, эпидигматически) основной вариант – тот вариант, из которого закономерным образом выводятся все остальные варианты. С этой точки зрения особенно ярко выглядит искусственность представления формы *нести* как [н'ост'и] из-за того, что под ударением мы имеем *нёс* [н'ос]. В данном случае под ударением мы имеем позиционно обусловленный (а значит, – не сильный, хотя и ударный) вариант фонемы [Е], который и объясняет (обусловливает) мягкость предшествующего согласного, также оказывающейся позиционно обусловленной, что приводит нас к этимологической транскрипции {нес=ø=л_ъ} . Реализация фонем {ъ} и {л} в виде нулей звука также позиционно обусловлена, поэтому также может быть "вынесена за скобки" в этимологической транскрипции, как Р.И. Аванесов и предлагал поступать в морфофонологической транскрипции.

3) Изменения, вызванные воздействием иносистемных факторов (например, морфологической системы) также должны выноситься за скобки, так как они не имеют отношения к фонологическому уровню. Например, форма *называть* транскрибируется как {на=зъв=А=ti_#}, поскольку именно из [Ъ] закономерным образом выводятся и форма *назвать* и форма *назову*. Сам же вариант [ы] является закономерным производным вариантом фонемы [Ъ], реализуемой на поверхностном уровне фонемным рядом [О,ø, Ы]. Вариант [ы] обусловлен морфологической позицией (перед имперфектирующим суффиксом =А=) и не нарушает тождества морфемы, находясь с вариантами [О||ø] в отношениях дополнительного распределения. В свою очередь, варианты [О] и [ø] являются показателями презентной и перфектной основ соответственно. То же можно сказать и о варьировании согласных на флективном стыке, когда оно обусловлено морфологической системой. Например, *ухо – в ухе – в уши* [Ух_и] – флективный стык является не фонетической (как принято думать), а морфологической позицией. В данном случае вариант [х||х'] маркирует единственное число, а вариант [ш] маркирует множественное число. Оба – без особой оглядки на фонетические закономерности. Соответственно, нет необходимости различать варианты

суффикса =ИК в словах *умники-умницы*, поскольку и это чередование происходит на флективном стыке и обслуживает интересы морфологической системы, подкрепляя оппозицией [к||ц] оппозицию мужского||женского рода, тем самым делая ее различимой и в формах множественного числа, где посредством флексий этого сделать невозможно (разве только в Р-В. п.: *УМНИКов*, но *УМНИЦ*).

4) Кириллица в ее дореволюционном (не урезанном) варианте используется для обозначения фонем, т.е. единиц, являющихся частью морфемы.

5) Латинские буквы используются для обозначения протез и эпентез единиц, не являющихся морфемами и не входящих в состав последних:

j – для интервокального йота, используемого для устранения зияния, например, *работать* {орб=От=а=ті_#} – *работает* {орб=От=аj=е_ть}, при этом эпентеза присоединяется к предшествующей морфеме по чисто практическому соображению – чтобы при последующей автоматической сортировке суффикс =е= не оказался в другой части списка.

v – для в-протетического в начале корня: *вотчина* {vОт=ьк=ин_а}.

s – для с-мобиле – факультативного элемента морфемы, наличие-отсутствие которого не нарушает тождества морфемы. например, *пичка – spичка* {*тъп=ик=ьк_а*} – {*sтъп=ик=ьк_а*}; *подспудный – пядь* {подъ spОнд=ьн_ый} – {пЕнд_ь}, *кора – скорняк* {кор_А} – {skор=ьн=йАк_ъ}.

В случае, если обозначения таких единиц совпадают с манифестациями фонем, они даются в круглых скобках, например, *забрать* {за-бьр(А)=∅=ті_#} – *заберу* {за-бьр=∅=О_м}, но *забирать* {за-бьр=А=ті_#} – *забираю* {забьр=Аj=о_м} или *переть* {пьр(Е)=∅=ті_#} – *нёр* {пЬр=∅=л_ъ} при *велеть* {вЕл=∅=ті_#} – *велел* {вЕл=∅=л_ъ}.

6) указанием и графическим различением 4 типов морфемных стыков: [ ] (пробел) – для межсловного стыка, [-] – для префиксального стыка, [=] – для суффиксального стыка и [_] – для флективного стыка; знак [+] используется для обозначения морфемного стыка, тип которого неважен или неясен. Хочется обратить особое внимание на ту роль. которую отводил стыку морфем Р.И. Аванесов: "Поскольку морфофонематическая транскрипция исходит из морфемы, а не из слова в целом или его определенной грамматической формы, как это имеет место при словофонематической транскрипции, то для первой, в отличие от последней, не безразлично, находится ли то или иное сочетание, имеющее определенный общий признак, внутри одной морфемы или на стыке морфем" [Аванесов 1956, 225].

7) В позиции окончания употребляются следующие символы: [#] – для обозначения значимого (в русском языке) отсутствия словоизменительной парадигмы; [ъ] – для обозначения беглого гласного [о] в слабой позиции, а также [∅] – для обозначения нулевого окончания. Различие и, соответственно, оппозиция окончаний [ъ] || [∅] наблюдается в словоформах типа *времён* {верт=мЕн_ъ} – *время* {вЕрт=мен_∅}.

8) Для указания на аббревиацию используется [|] – вертикальная черта как знак усечения слова например, *райзо* {райlзlоl_#} – *РАЙlонный Зlемельный Оlтдел*;

9) Проводится последовательное различение исконной и интернациональной систем аффиксации и отражение в транскрипции перехода от исконной к интернациональной символом [/], а от интернациональной к исконной – символом [\];

10) Редупликация (полная или частичная) обозначается символом [.] (точкой) между редуплицируемыми морфемами или морфемой и ее частью; например, хихикать {хи.хИ=к=а=ть_#}, *глагольность* {гол.гОл=ьн=ост_ь}, *колокол* {к`Ол.кол_ъ}, *кукушка* {ку.кУ=х=ьк_а}; *мамочка* {мА.м=ък=ьк_а}, одежда {об-д>.д=й_а}

11) Буквы [ъ] и [ь] имеют исконное значение гласных Ъ – беглого [о], а Ь – беглого [е], буква > [ять] обозначает небеглый [е], не чередующийся с [о] под ударением после мягких (и шипящих – фонологически также мягких) согласных перед твердыми согласными, но чередующийся с [а] в позиции после заднеязычных согласных и [й].

12) В транскрипции не употребляются буквы Я, Ю, Ё, а буква Э используется только в иностранных словах в функции [е]-не смягчающего предшествующий согласный.

13) Знак ['] используется только в заимствованиях и звукоподражаниях, а также в тех редких случаях, когда причины мягкости согласного неочевидны. В остальных случаях он избыточен, так как тембр слога (в особенности – на стыке морфем) определяется законом слогового сингармонизма: мягкий согласный обусловливает выбор гласного переднего ряда (*пир – пиРОвать*, но *ночь – ночЧЕвать*), а передний гласный – мягкость предшествующего согласного (*люБОвник*, но *люБИтель*). И в том, и в другом случае мягкость (диезность, палатальность) оказывается позиционно обусловленной и, следовательно, нефонологичной и не нуждающейся в специальном обозначении.

Приведем пример этимологической транскрипции того же отрывка из "Дубровского" А.С. Пушкина, что и у Р.И. Аванесова, с тем чтобы обеспечить ее сопоставимость с морфофонологической и другими транскрипциями Р.И. Аванесова.

На другой день весть о пожаре разнеслась
на дроуг_Ой дЬн_ь в>д=т_ь о по-г>р_е орз-нес=∅=л_А сьн

по всему околотку. Все толковали о нём
по вьс_емУ об-кОл=т=ък_у вьс_Е тълк=ов(А)=∅=л_и о (н)Ем_ъ

с различными догадками и предположениями.
съ орз-лИк=ьн_ыми до-гАд=ък_ами и пердъ-по-лог=и=Ен=ій_ами

Иные уверяли, что люди Дубровского
ин_Ыйе оу-в<р=и=А=л_и кь_то лЕУд_и дънб=р=Ов=ьск_ого

напившись пьяны на похоронах, зажгли
на-пИ=∅=въсй_и# сьн пи=jА=н_ы на по-хорн_Ахъ за-гьг=∅=л_И

дом из неосторожности, другие обвиняли
дОм_ъ изъ не о-стОрг=ьн=ост_и дроуг_Ыйе объ-вин=и=А=л_и

приказных, подгулявших на новоселии,
при-кАз=ьн_ыхъ подъ-гоул=и=А=въсй_ихъ на нов_о сЕд=л=ій_и

многие уверяли, что он сам сгорел
мън=Ог_ыйе у-в<р=и=А=л_и кь_то он_ъ с=Ам_ъ съ-гор=>=л_ъ

с земским судом и со всеми дворовыми.
съ зЕм=ьск_ымъ сън+д_Ом и съ вьс_Еми двор=Ов_ыми

Некоторые догадывались об истине и утверждали,
Не къ=то=р_ыйе до-гАд=ыва=л_и сьн объ Ист=ин_е и оу-твьрд=и=А=л_и
что виновником сего ужасного бедствия
кь_то вин=Ов=ьн=ик_ом с_егО оу-г>с=ьн_ого б>д=ьск=тв=ій_а
был сам Дубровский, движимый злобой
бы=∅=л_ъ с=Ам_ъ дънб=р=Ов=ьск_ой двИг=и=о=м_ый зъл=Об_ой
и отчаянием.
и отъ-к>й(а)=∅=ній_емъ

Эра новых информационных технологий, символизируемая компьютером, предъявляет новые требования к орфографии, которые последняя не может игнорировать без серьезного ущерба для общества. В Германии это уже осознали, проведя реформу орфографии, отвечающую запросам новых информационных технологий. Не избежать этого и другим странам. Чем скорее это будет сделано в России, тем лучше для ее развития.

Главная проблема компьютерной обработки текста – переход от формы к содержанию. При прочих равных орфография может облегчить или осложнить этот процесс. Целесообразно принять такие орфографические решения, которые бы максимально облегчали данный процесс. По возможности надо устранить все незакономерные, случайные написания, существующие лишь в силу традиции. Например,

прокосчик {про-кос=ьск=ик_ъ} то же, что *косилка*: то, чем делают прокос. Лучше бы писать **прокосщик*. Тем самым можно бы было отличить *прокос=ский/ный инструмент, устройство от *прокосчик* "маленький прокосец" (ср. *молодец* > *молодчик*). ср. *попугай* > **попугаец* > *попугайчик* и *попугайщик* 'тот, кто имеет отношение к попугаям (например, разводит, продает, изучает, ловит)';

пронянчить {про-н'а.н=ьк=и=ті_#}: лучше – для сохранения исторической памяти и внутренней формы слова и структуры языка – писать *няньчить (ср. нянька – нянек).

прорезчик {про-р>з=ьск=ик_ъ} лучше бы писать **прорезщик*, чтобы не путать с деминутивом "прорезчик" от "**прорезец*" < (*прорез*). ср. *заливщик – заливчик, рубщик – рубчик, прорывщик – прорывчик < прорывец* ("*3 пожни въ писнос<, одна за.. камою против пызднякора, а другая подъ пызднякорскою курьею, а третья пожня въ прорывц*>. Строг. п. кн., 190. 1624 г. [СЛРЯ XI-XVII вв. 20, 209]") и т.д.

протараторенный {про-тор.тОр=и=ен=ьн_ый} надо бы писать *торотор.

пулемётчик {пул'_о мет=ьск=ик_ъ} лучше бы писать **пулемётщик*.

Количество примеров можно множить, но в этом нет необходимости, поскольку все они объединены единым принципом – предпочтение закономерного написания незакономерному, указывающего на внутреннюю форму – затемняющему ее, формализуемого – неформализуемому.

Таким образом, этимологическая транскрипция, закономерным образом вытекающая из идей Р.И. Аванесова и Московской фонологической школы, не только открывает новые теоретические горизонты, но и является научной базой для принятия важных практических решений в связи со вступлением общества в эпоху новых информационных технологий.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. Фонетика современного русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1956.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию, ТТ. 1–2. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Кузнецов П.С. Об основных положениях фонологии // А.А. Реформатский Из истории отечественной фонологии: Очерк. Хрестоматия. М.: Наука, 1970,.

В.В Лопатин

МОРФЕМНАЯ СТРУКТУРА СЛОВА И ОРФОГРАФИЯ

Русское письмо обычно называют морфологическим, или фономорфологическим. Но не только потому, что выбор гласных и согласных букв определяется тем, какой они передают звук в сильной позиции в пределах морфемы. Русская орфография вполне оправдывает название фономорфологической еще и по другой причине. Целый ряд правил русского письма отражает явления морфемного шва, стыка морфем, а также сочетаемости морфем определенного типа между собой и служебных морфем с теми или иными основами. Под этим углом зрения могут быть специально рассмотрены орфографические факты и проблемы, относящиеся к разным участкам и разделам правил русского правописания.

1. Как известно, одна из характерных черт русского кириллического письма, доставшегося нам от далеких предков и усовершенствованного за последние три столетия, – это способность передавать гласными буквами мягкость предшествующего (в пределах слитно пишущегося слова) парного согласного. Этому служат буквы **я, ю, ё** и (в большинстве случаев) **е, и**. Однако теми же буквами передаются и сочетания йота с гласным. Надежным сигналом такого "звукового содержания" указанных гласных букв в позиции после согласных внутри слова служат разделительные знаки **ъ** и **ь**, четко распределенные – главным образом, по разным позициям на морфемных стыках. Нас здесь интересуют позиции разделительного **ъ** – именно эта функция осталась у буквы **ъ** единственной после орфографической реформы 1918 г. Нынешняя Орфографическая комиссия РАН предложила более строго и последовательно (по сравнению с действующими правилами 1956 г.) определить морфологические позиции этой буквы.

Действующие правила ограничивают употребление разделительного **ъ** позициями после приставок – как русских первообразных (*отъехать, съёжиться, безъядерный, предъюбилейный*) и непервообразных (*сверхъестественный, сверхъяркий, межъязыковой*), так и иноязычных (*контръярус, постъядерный, субъединица, суперъяхта, трансъевропейский*)[1] – и после некоторых первых компонентов сложных слов без соединительных гласных (*трёхъярусный, двухъёмкостный, панъевропейский*)[2]. В проекте новой редакции правил русской орфографии предусмотрено распространение употребления разделительного **ъ** на любые сложные слова без соединительных гласных (например, на

слово *гитлеръюгенд*) и на сложносокращенные слова. Предлагается писать: *инъяз, Минъюст, Инъюрколлегия, военъюрист, госъязык, детъясли, партъячейка, гидрометъявления, продъярмарка, хозъединица, спецъеда, спецъёмкость*. Правило становится максимально обобщенным: разделительный ъ употребляется как сигнал йотированности следующего за ним гласного после любых оканчивающихся на согласный начальных частей слов – компонентов префиксального и корневого характера.

Большинство тех, кто ознакомился с предложенным новым правилом, поддержало его. Но есть и критики, выдвигающие в качестве основного контраргумента тот факт, что так наз. слоговые аббревиатуры, или сложносокращенные слова, якобы являются со структурной точки зрения совершенно особым типом слов, состоящих из "обломков" или "обрывков" слов, который потому и не должен подчиняться общим правилам. На это нельзя не возразить: сложносокращенные слова, в отличие от инициальных аббревиатур (действительно особых по структуре, ср. хотя бы проблему их морфемного статуса, так наз. "абброкорней"), не представляют собой чего-то особого и с точки зрения критериев цельнооформленности вполне могут быть поставлены в один ряд со сложными словами без соединительных гласных или со словами, содержащими непервообразные приставки. В качестве только одного из признаков сближения сложных и сложносокращенных слов можно привести нередкие случаи структурной вариативности в сложениях с первыми сокращенными компонентами, содержащих соединительную гласную и не содержащих ее: ср., например, *инвалюта, инъяз* и *инофирма, иномарка*; *Центрархив, центрфорвард* и *Центробанк, центроплан, центросфера*; варианты *травмпункт* и *травмопункт* и т.п. Хорошо известна характерная для современного этапа развития русской аббревиации повторяемость первых компонентов сложносокращенных слов (таких, как *гос-, парт-, хоз-, спец-* и многие другие) в больших, открытых рядах образований, позволяющая трактовать их, по одной распространенной теории, как разновидность префиксоидов, а по другой, – как особые "аналитические прилагательные", и это тоже сближает их с первыми компонентами сложений и с непервообразными приставками.

Такова собственно лингвистическая сторона вопроса. Практическая же, орфографическая, общественно-оценочная сторона, не менее важная в вопросах правописания, состоит в том, что многие, в том числе вполне грамотные люди, испытывают явные неудобства, дискомфорт при написании таких слов, как *иняз* (именно такое написание диктуется правилами 1956 г.). Не случайно в "Словаре новых слов русского языка (середина 1950-х – середина 1980-х годов)" (1995), изданном Институтом лингвистических исследований РАН и основанном на большой картотеке словоупотреблений в современной печати, слово *иняз* дано в трех вариантах написания: *инъяз* (заглавное слово словарной статьи), *иняз* и *ин-яз*. А наши коллеги из Омского университета недавно сообщили, что в городе существует некая коммерческая фирма под названием " Академия Ин.яз Омск", причем точка после первой части слова повторяется в рекламных объявлениях и плакатах. Во всем этом видны разные попытки отразить на письме структуру слова *иняз*, показать тем или иным способом разделения слова йотированность гласного в начале второй части.

Интересна с этой точки зрения и орфографическая история физического термина *гиперъядро*, обозначающего атомное ядро, содержащее тяжелую

элементарную частицу – гиперон. Основа производящего слова *гиперон* в нем усечена, но так, что она совпала (и формально, и семантически) с приставкой *гипер-*, хотя в самом производном сложном (или сложносокращенном?) слове *гиперъядро* это явно первый корень, а не приставка. Отсюда и орфографические колебания: в 13-м, исправленном и дополненном, издании "Орфографического словаря русского языка" (1974) дано написание *гиперъядро*; в последующих стереотипных изданиях словаря буква **ъ** (в соответствии с действующим правилом написания сложносокращенных слов) при сохранении слитного написания исчезла; однако еще в 1971 г. в БСЭ (т. 6) дано написание *гипер-ядро*, на котором, кажется, теперь остановились специалисты-физики, писать же его надо, при любой структурно-словообразовательной трактовке, все же с буквой **ъ** (это написание дано в новом академическом "Русском орфографическом словаре", 1999). Встречаются в печати и такие написания, как *партъячейка, продъярмарка* или окказионализм *спец-яйцо*, но пока все это – не более чем придумки недоумевающих корректоров либо просто их недосмотры, противоречащие действующим правилам правописания сложносокращенных слов...

2. Сложная орфографическая ситуация возникает на почве сочетаний основ прилагательных, содержащих суффикс *-ян-* (также *-янн-*), с последующим другим суффиксом. Существуют словообразовательные соотношения типа *ледяной – леденеть* и *леденить, костяной – костенеть* и *окостенить, кровяной – кровенеть* и *кровенить, травяной – травенеть, деревянный – деревенеть, стеклянный – стекленеть*. Во всех этих словообразовательных парах на месте буквы **я** суффикса прилагательного пишется в производных глаголах буква **е**. В прошлом, судя по словарям (от Даля до Ушакова), в написании таких глаголов наблюдались колебания: *деревенеть* и *деревянеть, стекленеть* и *стеклянеть, кровянить* и *кровенить, травянеть* и *травенеть*. Победило написание с буквой **е**. Языковое обоснование этому факту можно найти в том, что, наряду с глагольным суффиксальным морфом *-е-*, в русской глагольной суффиксальной системе занимает определенное место (правда, очень незначительное) суффиксальный морф *-ене-*, бесспорно выделяющийся в глаголе *столбенеть* (мотивирующее для современного литературного языка – только слово *столб*), с меньшей степенью членимости (при ослабленной мотивации) – в глаголе *стервенеть* и с еще меньшей – в глаголах *коченеть* и *цепенеть*, причем эти глаголы, как и "полномотивированные" *деревенеть, леденеть* и т.п., тоже обозначают переход в другое состояние. Это позволяет выделять во всех глаголах на *-енеть*, независимо от того, имеется ли соотносительное прилагательное на *-яной* или *-янный*, особый суффиксальный морф *-ене(ть)*, а в глаголах на *-ени(ть)* (включая сюда не только *деревенить, кровенить, леденить* и т.п., но и *коченить*, и *цепенить*) – суффикс *-и(ть)* с каузативным значением при мотивации их глаголами на *-ене(ть)*. Предлагается унифицировать орфографические отношения в образованиях этого типа, приняв написания с буквой **е** перед **н** двух малоупотребительных глаголов – *воденеть* (ср. *вода, водяной*) и *торфенеть* (ср. *торф, торфяной*). Однако не подлежат унификации глаголы *багряне́ть* и *багряни́ть* – мотивирующим для них однозначно является прилагательное *багряный* (ср. особенно акцентный вариант *багря́нить*).

Совсем другая картина складывается при анализе орфографических отношений в словообразовательных парах *кровяной – кровянистый, водяной – во-*

дянистый, травяной – трвянистый, деревянный – деревянистый, аналогично *маслянистый, торфянистый, смолянистый, стеклянистый*. Хотя исторически в некоторых из таких прилагательных на *-истый* тоже наблюдаются орфографические колебания (ср. хотя бы у Даля: *деревянистый* и *деревенистый*), унификация их написания пошла в другом направлении. В современной орфографии сохранение буквы **я**, наследуемой от мотивирующего прилагательного с суффиксом *-ян-* (или *-янн-*), носит здесь регулярный характер. На этом фоне единственное в словах данного структурного типа написание с буквой **е** – *леденистый* – выглядит анахронизмом и вполне может быть заменено написанием *ледянистый*. Место этого слова – в одном ряду с *маслянистый, водянистый* или *травянистый*, а вовсе не с *каменистый* или *студенистый* (последние мотивированы только существительными).

3. В связи с возможными словообразовательными отношениями типа *деревянный – деревенеть, деревенить, деревянистый* возникает еще одна, гораздо более общая, орфографическая проблема – сохранение или несохранение удвоенной согласной конца производящей основы при суффиксации. Собственно, здесь не одна проблема, а две. Первая – судьба удвоенной согласной **нн** в суффиксальных образованиях от русских прилагательных и причастий с суффиксом *-енн-, -янн-* или *-нн-*. Другая проблема – судьба удвоенной согласной конца корня слов иноязычного происхождения, оказавшейся перед суффиксом.

Двойная **нн** конца основы прилагательных и причастий сохраняется перед суффиксом наречий *-о* и перед суффиксами существительных *-ость, -ик, -ищ(а)*, например: *нечаянно, неслыханно* (от *нечаянный, неслыханный*), *уверенно, уверенность (уверенный), воспитанность, воспитанник, воспитанница (воспитанный), направленность (направленный), пленник (пленный), коренник (коренной), ветренник, ветренница, ветренность*, то же в глаголе *ветренничать* (все – от слова *ветренный*, которое в проекте новой редакции орфографических правил предложено писать с двумя **н**, устранив исключение). Однако перед суффиксами *-ец, -к(а), -ств(о), -е(ть), -и(ть), -ист(ый)* двойная **нн** не сохраняется и пишется одна буква **н**: *приверженец* (ср. *приверженный*), *оборванец* и *оборванка (оборванный), посланец (посланный), манка (манная крупа), сгущёнка (сгущённое молоко), постоянство (постоянный), совершенство (совершенный); ветренеть, беременеть* (ср. *ветренный, беременная*), *оказёнить, осовременить, остепениться* (ср. *казённый, современный, степенный*); *деревяни́стый, оловя́нистый, стекляни́стый*.

Двойная согласная конца корня слов иноязычного происхождения сохраняется регулярно перед разными суффиксами: *группа – группка, групповой, группировать; программа – программка, программный, программист; балл – пятибалльный, компромисс – компромиссный, норманны – норманнский* и т.д. Особое частное правило о несохранении удвоенной согласной касается только двух групп образований. Во-первых, это уменьшительные и фамильярные формы личных имен с суффиксом *-к(а)* типа *Алла – Алка, Анна – Анка, Римма – Римка, Жанна – Жанка, Кирилл – Кирилка, Филипп – Филипка* (также *Филипок*, род. п. *Филипка́*, и *Филипчик*, но ср. *Аллочка, Жанночка, Кириллушка* и т.п. с сохранением двойной согласной перед суффиксами *-очк-, -ушк-*). Во-вторых, это любые образования с суффиксом *-к(а)* от слов с двойной **нн**, например: *финка* (ср. *финн*), *пятитонка, трехтонка (тонна), колонка (колонна), антенка*

(антенна)[3] . Это дополнительное правило вводится в свод орфографических правил впервые и отвечает существующей практике письма. Правило о написании имен типа *Алка* введено уже в справочники по правописанию Д.Э. Розенталем и его соавторами.

При сокращении слов, содержащих двойную согласную, в составе сложносокращенных слов сохраняется только одна согласная, например: *грамзапись (граммофонная запись), корпункт (корреспондентский пункт), теракт (террористический акт), членкор (член-корреспондент), групком, групорг.* Зато в первом компоненте сложных слов, пишущихся через дефис, двойные согласные сохраняются: *масс-культура, пресс-форма, пресс-центр, экспресс-анализ, ватт-секунда.* Граница корневых морфем, обозначенная дефисом, – единственная в цельнооформленных словах русского языка, допускающая сочетание трех одинаковых согласных: *пресс-секретарь, пресс-служба, килограмм-метр.*

4. Удвоенные согласные появляются в русских словах также при дублировании соседних согласных, принадлежащих разным морфемам: приставке и корню, корню (производящей основе) и суффиксу, корню и постфиксу, например: *беззаконный, раззвонить, поддержать, старинный, сторонний, звонница, матросский, гулливый, спасся.*

Существенный запрет задается правилом, которое в общем виде формулируется так: "Не допускается на стыке корня и суффикса удвоенная согласная **ч**. Сочетание двух согласных звуков **ч**, первый из которых оказывается на месте конечных согласных **к, ц** или **ч** основы производящего слова, передается сочетанием букв **тч**, например: *кабатчик* (от *кабак*), *потатчик (потакать), картотетчик (картотека), передатчик (передача), добытчик (добыча), черепитчатый (черепица), крупитчатый (крупица), туретчина (турецкий), Донетчина (Донецк, Донецкая область)*".

Последний пример вводит нас в проблему морфонологического и орфографического распределения алломорфов продуктивного словообразовательного суффикса *-щин(а)/-чин(а)*, впервые отражаемую в новой редакции орфографических правил. Распределение это – такое же, как у алломорфов суффикса *-щик/-чик: -чин(а)* пишется после согласных **т, д, с, ж**, *-щин(а)* – в остальных случаях: ср. *Брестчина (Брест, Брестская область), Новгородчина (Новгород, Новгородская область)*, аналогично *Вологодчина, Одесчина, Воронежчина*, но: *Смоленщина, Брянщина, Рязанщина, Тамбовщина, Орловщина.*

В этой связи авторам новой редакции правил пришлось услышать от некоторых ее критиков такое возражение: в правила вводится чуждая русскому языку, украинская (ср. особенно примеры *Донетчина* и *Одесчина*, по-украински пишущиеся, кстати, иначе: *Донеччина, Одещина*) словообразовательная модель. С этим трудно согласиться: данный словообразовательный тип, хотя и укрепился в русском литературном языке в советскую эпоху под влиянием украинского языка, тем не менее вполне усвоен русским языком, приобрел в нем продуктивность (ср. хотя бы новообразования, зафиксированные в постсоветскую эпоху: *Нижегородчина, Самарщина*). По происхождению же модель эта – не только украинская и белорусская, но и южно- и западнорусская: такие образования, как *Смоленщина, Орловщина, Псковщина*, зафиксированы в диалектологических записях и этнографических материалах уже в конце XIX – начале XX в. Но и такие слова, как *Донетчина, Виннитчина* или *Одесчина*, мы должны писать по

законам своей орфографии, а не чужой – подобно тому, как пишем по-русски, например, названия иностранных государств и областей.

В целом раздел правил "Группы согласных на стыке значимых частей слова" в новой редакции орфографических правил стал более полным. В нем впервые нашлось место, например, прилагательным на *-сский*, образованным от слов с основой на **ск** (*этруски – этрусский, Дамаск – дамасский, Сан-Франциско – сан-францисский,* но*: баски – баскский*), соотношениям типа *фашистский* (основа на *ист* + суффикс *-ск-*), но *фашиствующий* (основа на *ист* + суффикс *-ствова-* при сохранении только одного **ст**), вариантам сравнительной степени прилагательного *хлёсткий*: *хле́ще* (с усечением основы и чередованием **ст – щ**) и *хлёстче* (без усечения основы при чередовании **к – ч**) и ряду других фактов.

5. Действующее до сих пор правило 1956 г. о правописании сложных прилагательных со второй (последней) частью, способной употребляться в качестве самостоятельного слова, основано на семантическом принципе – на противопоставлении написаний прилагательных с равноправным (дефисные написания) и неравноправным, подчинительным (слитные написания) отношением основ. В практике письма это правило, при всей своей кажущейся простоте, никогда последовательно не соблюдалось, что и фиксировалось в академическом "Орфографическом словаре русского языка", причем при переизданиях этого словаря количество написаний, противоречащих действующему правилу, увеличивалось. Так, уже в первом издании словаря (1956 – одного года с утвержденными тогда же правилами) находим написания: *глухонемой, буровзрывной, пароводяной*, а с другой стороны, *буржуазно-демократический, военно-исторический, парашютно-десантный, жилищно-кооперативный, жилищно-строительный, научно-исследовательский, научно-фантастический, научно-атеистический, уголовно-процессуальный, врачебно-консультационный, врачебно-контрольный, народно-демократический, народно-поэтический, народно-революционный, стрелково-спортивный, экспериментально-психологический, экспериментально-физиологический* и другие подобные, явно противоречащие сформулированному тогда же правилу. В 13-м издании словаря (1974) к ним присоединились такие слова, как *нефтегазовый, газопаровой, водовоздушный, государственно-монополистический, ракетно-технический, гражданско-правовой, молочно-животноводческий, химико-технологический, ядерно-энергетический.* Не подчиняется правилу 1956 г. и написание многих других сложных прилагательных – таких, как, например, *христианско-демократический, авторско-правовой, лечебно-физкультурный* (давно известные, но не включавшиеся до недавнего времени в академический орфографический словарь) или новые слова *валютно-обменный, партийно-номенклатурный.* При наличии десятков слов, не подчиняющихся сформулированному правилу, нельзя не признать, что правило это не действует.

Правило, предлагаемое ныне взамен устаревшему, основано не на семантико-синтаксическом принципе (характер отношения основ, составляющих сложное слово), а на формально-грамматическом, исходящем из структуры первой основы сложного прилагательного: при наличии в ней одного из суффиксов относительных прилагательных – суффикса *-н-*, *-ск-* (или других суффиксальных морфов, кончающихся на *н, ск*), *-ов-, -ян-, -чат-, -ист-*, а также элементов *-ик-*

, *-лог-*, *-граф-* (соотносительных с прилагательными на *-ский, -ический*) следует писать сложные прилагательные через дефис, а при отсутствии этих морфем – слитно. Таким образом, слитное написание устанавливается для прилагательных, первая часть которых не содержит суффикса (*глухонемой, добросердечный, свежеокрашенный, звукобуквенный, приходорасходный, вегетососудистый,* но *приходно-расходный, вегетативно-сосудистый*), а также является суффиксальной основой качественного прилагательного (*низкотемпературный, круглогодичный, светлохвойный, свободномолекулярный, холодноштамповочный*) либо основой прилагательного на *-ний* (слова с первыми частями *ранне, поздне, древне, верхне, нижне, ближне, дальне, передне, средне, задне, внешне, внутренне*)[4].

В основу этого правила взяты принципы, сформулированные Б.З. Букчиной и Л.П. Калакуцкой в их словаре-справочнике "Слитно или раздельно?" (изд. 1-е, 1972; изд. 8-е, 1998) и опирающиеся на те тенденции, которые были выявлены ими в современной практике письма.

Переход к новому правилу, основанному на морфемном составе компонентов сложного прилагательного, приведет к изменению написаний еще ряда прилагательных. Например, более или менее устойчиво писавшиеся до сих пор слитно прилагательные *геолого-разведочный, естественно-научный, народнохозяйственный, первобытно-общинный, церковно-славянский, северно-великорусский* должны теперь писаться через дефис. В виде исключения в проекте сохранено несколько традиционных написаний по старому правилу: *железнодорожный, сельскохозяйственный, каменноугольный, хлопчатобумажный, царскосельский*; то же касается относящихся к химической терминологии прилагательных со второй частью *кислый* (*солянокислый, марганцовокислый* и т.п.).

Сейчас трудно сказать, сложнее предложенное новое правило старого правила 1956 г. или легче. Но одно можно утверждать с уверенностью – оно последовательнее в своей практической реализации.

Новому правилу предлагается подчинить написание сложных прилагательных, образованных от двусловных (раздельно пишущихся) географических названий. Ср., с одной стороны, *великоустюгский, новогвинейский, новозеландский, латиноамериканский* (в первой части этих сложных прилагательных нет суффикса), *ближневосточный, дальневосточный, среднеазиатский, нижнетагильский* (с первой частью – основой прилагательных на *-ний*), а с другой, *южно-американский, западно-европейский, северно-причерноморский, восточно-средиземноморский, центрально-африканский, нагорно-карабахский, горно-алтайский, набережно-челнинский, сергиево-посадский* и т.п. (в первой части – суффикс *-н-* или *-ов-*). Влияние фактора суффикса в первой части таких сложных прилагательных давно обнаруживалось в написании составных географических наименований. Входящие в их состав сложные прилагательные при наличии в первой части суффикса *-н-, -ов-, -ск-* писались через дефис и с двумя прописными буквами, например: *Западно-Сибирская низменность, Восточно-Китайское море, Южно-Африканская Республика, Горно-Алтайская автономная область, Нагорно-Карабахская автономная область* (два последних названия теперь отошли в прошлое), *Гаврилово-Посадский район* (от *Гаврилов Посад*, город), *Камско-Устьинский район* (от *Камское Устье*, поселок), но: *Малоазиатское нагорье, Великолукский район, Старооскольский район, Краснопресненский район*, а также *Верхнерейнская низменность, Нижнеломовский*

район (от *Нижний Ломов*, город), *Верхнесалдинский район* (от *Верхняя Салда*, город) и т.п. (все примеры взяты из географических и административно-территориальных справочников советского периода)[5]; в то же время не в составе географических наименований все такие прилагательные полагалось писать слитно. Теперь прилагательные с суффиксом в первой части предлагается писать единообразно – через дефис вне зависимости от того, употреблены они в составном наименовании или как нарицательные обозначения: ср. *Западно-Сибирская низменность, Западно-Сибирский металлургический комбинат* и *западно-сибирская природа, растительность* и т.п. Соответственно надо писать и широко распространившиеся в последние годы названия регионов, например: *Ближневосточный регион*, но *Азиатско-Тихоокеанский регион, Центрально-Черноземный регион*.

Все приведенные примеры (а их можно было бы увеличить) показывают прямую, непосредственную связь многих правил русской орфографии с закономерностями сочетания значимых частей слова (морфем между собой и с основами определенных структурных типов) в самом языке. Целью наших заметок было показать многообразные аспекты этой большой проблемы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Приставки *пост-* и *супер-* в тексте правил 1956 г. не упомянуты. Особое место занимают слова иноязычного происхождения с разделительным **ъ** после начальных элементов *аб-, ад-, диз-, ин-, кон-* и др., которые являются приставками только в языке-источнике, а в русском – в качестве приставок не выделяются. Написание таких слов (*абъюрация, адъективный, адъютант, инъекция, конъюнктура, объект* и др.) устанавливается в словарном порядке, полный список их приводится в новой редакции правил.

[2] Разделительный **ъ** закреплен и в написании слова *фельдъегерь*, где первый компонент сложения носит связанный характер (ср. *фельдпочта, фельдсвязь*), а второй вычленяется лишь остаточно.

[3] Кроме этих двух групп, имеются еще три слова, характеризующиеся несохранением удвоенной согласной перед суффиксом: *кристальный, финский* и *оперетка*.

[4] Семантический критерий остается определяющим лишь в двух группах сложных прилагательных – обозначающих оттенки признака (преимущественно цвета и вкуса) или сочетание таких признаков, а также отношения стран, языков, народов. Прилагательные этих двух групп пишутся через дефис независимо от структуры первой основы: *бледно-жёлтый, светло-голубой, густо-синий, чёрно-белый, бело-сине-красный, кисло-сладкий; англо-русский, франко-итальянский, урало-сибирский* и т.п.

[5] Единственное исключение из этой довольно стройной картины представляли собой (и представляют до сих пор) географические наименования с первой частью *центрально*: *Центрально-Африканская Республика, Центрально-Андийское нагорье* и т.п. Во всех официальных справочниках сложные прилагательные в них предлагается писать слитно и, естественно, с одной прописной буквой. Эта рекомендация была вызвана в свое время, по-видимому, семантической близостью основ прилагательных *центральный* и *средний*.

Л.А.Глинкина

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ В АСПЕКТЕ ФОНЕМНОЙ ТЕОРИИ РУССКОГО ПИСЬМА

Идеальная орфография должна в максимальной степени соответствовать современной фонологической системе языка, строению слова во всех его элементах, в частности, флексии, отражать связь между словоформами одного слова (лексемами) и группами слов с общими морфологическими элементами... Наша русская орфография в высокой степени соответствует этому идеалу, являясь одной из лучших в мире.

Р.И. Аванесов. Заметки по теории русской орфографии

Московская фонологическая школа признает ведущим *фонематический принцип* русской орфографии, которому подчиняется 85–90% единиц общего состава словаря. Р.И. Аванесов дает следующее определение универсального правила: "Сущность его заключается в том, что буква служит знаком не звука как такового, а фонемного ряда: сильная фонема и все позиционно чередующиеся с нею слабые фонемы передаются на письме одной буквой, соответствующей сильной фонеме... Его можно сформулировать и иначе: каждая морфема – корень, приставка, суффикс, флексия пишется одинаково в соответствии с тем, как произносится каждая данная минимальная звуковая единица в сильной позиции – позиции максимального фонеморазличения" [Аванесов 1978, 225]. Главный принцип национальной русской орфографии позволяет упорядочить наше правописание и максимально облегчить его понимание при чтении. Р.И. Аванесов различает с точки зрения читающего а б с о л ю т н о и относительно фонематические написания. С точки зрения п и ш у щ е г о последние требуют выбора между буквами: *с*$^{о}/_{а}$*бака*, *к*$^{а}/_{о}$*лач*, *космона*$^{а}/_{ф}$*т*. Поскольку в современном фонемном ряду для обозначаемого звука нет сильной позиции, подобные написания оказываются нефонематическими и относятся к морфологическим. Нормативность при этом обеспечивается лишь "единым зрительно-графическим образом морфемы". Это достаточно устойчивый пласт слов с так называемыми "непроверяемыми", "беспроверочными" трудными орфограммами. Их фонемный состав принимается обществом как традиционно устойчивый и не мотивированный современными языковыми закономерностями.

В научной и научно-методической литературе принцип их написания обозначается разными терминами. Он определяется как *исторический* [Щерба 1957], *этимологический*, или *словопроизводственный* [Матусевич 1959], *историко-этимологический* [Поливанов 1963], *фонемный* с выделением *парадигмофонемы* [Панов 1967] или *гиперфонемы* [Кузнецов 1959; Сидоров 1971], *фонемно-традиционный* [Иванова 1977]. Несмотря на терминологический разнобой, явно просматривается общая тенденция обращаться при анализе "непроверяемых" орфограмм к историко-этимологическому комментированию и традиции.

Этот прием неизменно получает в лингводидактике высокую оценку как эффективный, однако в практике обучения используется нечасто прежде всего из-за недостаточной методической обеспеченности [Пронина 1964; Приступа 1973; Горская 1980; Ольгович 1984; Осипов и Иванова 1991; Левушкина 1999; Львова 2000 и др.].

Меньше четверти века тому назад Р.И. Аванесов писал: "...следует констатировать, что нефонематических написаний в русской орфографии много, гораздо больше, чем принято думать. Это – огромное количество "непроверяемых" безударных гласных, это немалое количество непроверяемых согласных в тавтоморфемных сочетаниях, это и многие грамматические элементы" [Аванесов 1978, 227]. Среди множества разнообразных словарей, созданных в XX в., тщетно искать словарь-справочник "непроверяемых" слов. Не назван этот тип словаря и среди перспективных, но пока "неродившихся" русских словарей [Девкин 2001]. Проблема в целом оказалась за пределами научных интересов специалистов, хотя поставлена была еще в конце XIX в. замечательным русским педагогом и ученым-методистом Вл.П. Шереметевским [Григорьева 1998, 61]. Такая ситуация побудила нас выявить максимально полный индекс слов, составляющих в орфографическом словаре пресловутые 5–10% лексем с трудными орфограммами, типология которых как бы пунктиром была обозначена Р.И. Аванесовым в статье "Заметки по теории русской орфографии" [1978]. В итоге из "Орфографического словаря русского языка", включающего 100000 слов [32 изд., 1996], было отобрано ~6000 единиц с признаком "непроверяемость". Естественно, что это относительный, условный показатель, ориентированный на "усредненного" пользователя.

Инвентаризация материала стала основой для его осмысления в аспекте принципов орфографии, а также для систематизации и адаптации к процессу обучения грамотному письму. Изданный в 2001 г. "Словарь-справочник: этимологические тайны русской орфографии" (Автор-составитель Л.А. Глинкина) включает 1595 заголовочных и ~3500 однокоренных с ними слов активного употребления, которые допускают историко-этимологическое объяснение трудной, якобы "беспроверочной" орфограммы. Вместе с тем выделено ~1100 слов, которые действительно не проверяются и требуют только запоминания их традиционного написания. Наиболее значимые для этого издания теоретические и практические вопросы касаются прежде всего принципов отбора материала и его интерпретации в контексте современной теории орфографии. С жанром его представления связан поиск единообразных моделей описания.

Выборка единиц для лексикографической обработки диктовалась адресным назначением учебной книги – служить надежным справочником при углубленном изучении трудных случаев русской орфографии, не включенных в систематизированные учебные циклы [Рождественский 1960; Разумовская 1996 и др.]. Помимо активной употребительности и частотности допускаемых ошибок, при отборе лексем учитывалась возможность найти с помощью историко-этимологических словарей р о д с т в е н н ы е слова (или слово) с сильной позицией в "тревожном" фонемном ряду, т.е. обнаружить связи, которые не лежат на поверхности обыденного современного языкового сознания. Основное назначение этого приема – полностью или частично восстановить корневое гнездо и определить среди некогда родственных слов "опорное", в котором исходная орфограмма находится в сильной позиции (для гласных – под ударением, для согласс-

ных – перед гласной, сонорной или *В*). Цель поиска – отыскать "о р ф о г р а ф и ч е с к и й г е н", объединяющий сравниваемые слова, показать возможность проверки избранной орфограммы убедительным традиционным способом и тем самым доказать ее историческое соответствие абсолютно преобладающему и по существу универсальному фонемному, или фонематическому принципу орфографии.

Понятие непроверяемости орфограммы в известной мере относительно и индивидуально. Оно зависит от начитанности, знания иностранных языков, врожденного языкового чутья и в целом – от интеллектуального развития человека. Следовательно, и реальный объем необходимого справочника избранного содержания варьируется для каждого в зависимости от внелингвистических обстоятельств, или социокультурных факторов. Л.А. Булаховский едва ли не первым заметил индивидуальное восприятие деэтимологизации в связи с динамическими процессами в словообразовании [Булаховский 1949].

В списке и с т и н н о б е с п р о в е р о ч н ы х слов, данном в "Словаре-справочнике: этимологические тайны русской орфографии" в качестве приложения, оказались:

1) слова, этимология которых не подтверждает современное правописание, а подчас и разрушает его. Например, слово БУ**Т**ЕРБРОД – образовано от немецкого *Butter* – 'масло' и *Brot* – 'хлеб'; П**И**ОНЕР – заимствовано из французского языка: *pionner* – 'первопроходец', но восходит к латинскому *pes* – родительный падеж *pedis* – 'нога'; буквально 'пеший';

2) слова, которые не получили убедительной орфографической поддержки в родственных славянских и неславянских западноевропейских языках: МИНДАЛИНЫ, ПАПУАС, ПАННО и др.

3) слова, которым "мешает" народная этимология, разговорные параллели и аналогия, например, АЛК**О**ГОЛЬ и разговорное АЛК**А**Ш;

4) слова, в которых, вопреки этимологии, стихийно закрепилось на письме исторически сложившееся живое произношение: З**А**БОТА, Д**Е**СНА, К**АРА**ВАЙ, К**АРА**ЧКИ, К**А**САТКА, М**И**ЗИНЕЦ, П**А**РОМ, СВАДЬБА;

5) слова, в которых одна из нескольких сомнительных орфограмм остается непроверяемой, например, **КАБИНЕТ**, ср. КАБ**И**НА, МАРМ**Е**ЛАД – при возможности проверить безударную букву *е* (ср. португ. *marmelo* 'айва'), безударная *а* остается все-таки непроверяемой. Таких слов достаточно много. Они оказываются в двух реестрах: среди толкуемых в словаре и среди предлагаемых для механического запоминания – в приложении.

Полагаем, что в дальнейшем при расширении лексической базы за счет анализа самого большого орфографического словаря, включающего 160000 слов, и данных новейшего "Толкового словаря иноязычных слов" Л.П. Крысина [1998], выявленные основные тенденции группировки материала сохранят свою значимость.

Преобладающую часть лексического состава с доказанным фонематическим правописанием составляют з а и м с т в о в а н н ы е с л о в а. В их историко-этимологической обработке стало основным методическим приемом обращение к истокам в языке-первоисточнике или языке-посреднике. Такой прием находит поддержку в замечании Р.И. Аванесова: "Так как случаев с неоднозначной звуковой базой для написания особенно много среди слов ино-

языч ного происхождения, то определенное значение для их усвоения имеет знакомство с иностранными языками" [Аванесов, 1978, 227]. Опорный опознавательный признак орфограммы (ударность гласной) может неожиданно оказаться в параллельном заимствовании через разные языки-посредники: Ср. **ПАШТЕТ** – заимствовано через польский из немецкого языка: *Pastete*; **ПАСТЕЛЬ** – заимствовано из французского языка. Оба слова восходят к латинскому *pasta* 'каша, тесто; паста'. Аналогично **САЛОН** и **ЗАЛ**, **САЛЮТ** и **ЗАЛП** и др. Связать кажущиеся неродственными слова помогают тонкие семантические ниточки, заложенные в архисеме корневого гнезда. Ср. два слова из тематически далеких сфер жизни: **МИКСТУРА** и МИКСЕР – от латинского причастия *mixtus* 'смешанный, соединенный'. В том и другом случае как бы хранится историческая память о древнем латинском глаголе *misceo* 'смешиваю'. Иногда при установлении общего древнего корня в языке-первоисточнике приходится констатировать, что сравниваемые слова восходят к разным значениям многозначного слова. **ТРАКТАТ** от латинского *tracto-tractare* в значении 'касаться, изучать', а **ТРАКТИР** – от того же латинского корня в значении 'заниматься, управлять'.

Утилитарные цели словаря-справочника позволили уйти от глубоких параллелей и разысканий, а также от прослеживания реальных путей деривации и от восстановления широких этимологических гнезд типа: а*гония – агент – агентура – актер – актив – акция – акт* и др. восходящих к латинскому глаголу *ago* 'веду, гоню, понуждаю, делаю, бьюсь, сражаюсь'.

Поиск внутренней формы заимствованных слов помогает заглянуть в их далекое прошлое и осознать, какое образное представление лежало в основе первономинации и со временем стерлось, вследствие чего слово-образ превратилось в слово-ярлык, ср. родство слов ТЕКСТИЛЬ и ТЕКСТ – от латин. *texo* 'тку'; БРОШЮРА и БРОШЬ – от латин. *brocca,* 'иголка, булавка, шпилька'; и др.

Сближение далеких, но этимологически родственных слов в одних случаях не вызывает психологического противодействия или удивления. Обычно это касается слов одного и того же тематического поля. Ср. ФАЛЬЦЕТ и ФАЛЬШЬ, ФЛАКОН и ФЛЯШКА, ПАКЕТ и ПАЧКА и т.д.

В других же случаях, когда семантические связи сближаемых слов не столь очевидны и утрачена их внутренняя форма, парадоксальные минигнезда требуют особенно тщательных лингвистических доказательств былого реального родства лексем. Таковы, например, сближаемые в рамках этимологических гнезд слова:

КАНАЛЬЯ	
КАНИКУЛЫ	от латин. *canus*
КАНАРЕЙКА	'собака'
КАНАРСКИЕ острова	

Этимологические словари [Фасмер II, 177, 180; Черных I, 373, 374; Шанский, т. XI, с. 42, 44] помогают осознать элементы семантического родства, благодаря еле уловимой в каждом из этих слов семе *собака*: пейоративное КАНАЛЬЯ – 'подлец, негодяй' восходит к итальянскому *canaglia* 'сброд, чернь', суффиксальному производному от *cane* 'собака'. КАНИКУЛЫ – жаркие "собачьи дни" – по латинскому названию (*canicula* 'собачка') самой яркой звезды – Сириуса –

"*Песьей звезды*", рано восходящей в середине июля. КАНАРСКИЕ (*собачьи* острова) – родина певчих птиц – канареек.

САБОТАЖ
САБОТИРОВАТЬ
САБО

от итал. *sabot* 'обувь, башмак на деревянной подошве'.

Связь злостного преднамеренного срыва работы (САБОТАЖ) с названием обуви (САБО) связана с рождением образной номинации: САБОТИРОВАТЬ буквально: 'стучать деревянными башмаками в знак протеста'.

БАРКАРОЛА – метонимический перенос с названия человека: *barcarola* 'гондольер', образовано от *barca* 'лодка, челнок, ладья'.

К этому ряду примыкают нарицательные имена с трудной орфограммой, соотносимые с собственными именами преимущественно греческих и римских богов, героев и исторических личностей: МАВЗОЛЕЙ – МАВСОЛ, ГЕРМАФРОДИТ – ГЕРМЕС и АФРОДИТА и др.

При этом традиционные рамки словарной статьи орфографического словаря-справочника с этимологическим комментарием значительно расширяются за счет историко-культурных справок энциклопедического характера.

Найти опорное, проверочное слово для заимствования значительно труднее, чем для славянского слова, так как этимологические словари (а они служат главным источником историко-лингвистической информации) далеко не всегда предлагают единственную достоверную этимологию. В этом случае в словаре-справочнике по орфографии принимается вариант, подтверждающий гипотезу о сохранении при заимствовании фонематического написания морфем с учетом возможности восстановить достаточно логичные семантические связи между членами гнезда.

В интерпретации материала серьезные затруднения представляют фонетические, морфонологические и словообразовательные наслоения в сравниваемых объектах. Без углубления в их причинно-следственные характеристики и хронологию в словарной статье акцентируется внимание на поиске опознаваемой сильной позиции звуко-буквы и на отождествлении морфемы при графическом наложении с учетом семантического развития. Хотя отсылка к греческим, латинским, немецким, испанским, французским параллелям при идентификации уже доказательна сама по себе (в этих языках нет редукции гласных), для русского читателя психологически убедительна только сильная – для гласных – ударная позиция.

В теоретическом и методологическом плане для этой работы особый интерес представляет теория альтернации и альтернантов И.А. Бодуэна де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ 1963]. Она позволяет конкретизировать методику историко-этимологического комментария, нацеливая на выделение "микроскопических" явлений. Для осмысления фонематической природы традиционных написаний принципиальную значимость имеют следующие позиции ученого:

1. Морфолого-семасиологический подход к языковому материалу. И.А.Бодуэн де Куртенэ писал: "этимологически родственны в разных языках не фонемы, независимо от морфем, а лишь морфемы как простейшие семасиологические частицы слова" [Там же, 275]. В абсолютном большинстве лексем, зафиксированных в словаре-справочнике, наблюдались струк-

турные и семантические изменения. При современном морфемном и словообразовательном анализе многие слова, особенно заимствованные, оказались неделимыми на морфемы или имеющими так называемые связанные корни: АКРО|БАТ, АКРО|ПОЛЬ, ГЛАДИА|ТОР, КОВ|АРНЫЙ, КОН|СПЕКТ, СИМ|ПАТИЯ и др. Явления опрощения и переразложения нередко были производными от фонетических процессов на морфемных швах: ОБОНЯНИЕ – упрощение группы – БВ, ср. БЛАГОВОНИЕ, КОЛИЧЕСТВО – палатализация К > Ч, ср. СКОЛЬКО.

2. Признание взаимосвязи этимологически родственных морфем и входящих в их состав фонем: "...этимологическое родство морфем состоит в этимологическом родстве отдельных фонем и их сочетаний" [Там же, 275] и далее: "...изначальная причина появления всех без исключения альтернантов имеет всегда только антропофоническую природу" [Там же, 309]. Расширение круга родственных слов позволило определить этимологическое родство морфем и установить исходную фонему там, где она была затемнена временем: **БИН**|ОКЛЬ – ср. **БИ**С, **БИ**ЛИНГВ, **БИ**ПЛАН – от латин. ***bi(ni)*** 'по два, пара' и **ОКУ**ЛИСТ, МОН**ОКЛЬ** – от латин. ***oculus*** 'глаз'. Орфография оказалась генетической, "биографичной" для абсолютного большинства единиц словника. Исключения достаточно редки, например: **МОЛЬБЕРТ** (немец. *Malbrett* 'доска для рисования' – от *malen* 'рисовать', ср. русск. просторечное МАЛЕВАТЬ + *Brett* 'доска'); БУТЕРБРОД (немец. *Butter* 'масло' + *Brot* 'хлеб').

3. Многоаспектная "классификация альтернаций и альтернантов с точки зрения причинности" и различение их как "собственноязычных" и иноязычных.

По генетическому признаку в обширном материале орфографического словаря-справочника якобы "беспроверочных" слов выделяются лексемы:

1) праславянского, восточнославянского, собственно русского происхождения;

2) заимствования из старославянского языка;

3) заимствования из западноевропейских языков и производные от них с русскими суффиксами; среди них исключительно продуктивна в XX в. группа новообразований на основе нескольких десятков греко-латинских корней типа: АВТО-, АЭРО-, БИО-, БИБЛИО-, ВИДЕО-, ДИСКО-, -ДРОМ и др.;

4) заимствования из тюркских языков и производные от них с русскими аффиксами.

4. Определение традиционных корреляций среди внутриязыковых и иноязычных альтернаций: они "...существуют в силу повторения и подражания". Особенно показательно соотношение исконно русского полногласия и старославянского неполногласия: ВОП**РЕ**КИ, БЕСП**РЕ**КОСЛОВНО – БЕЗУП**РЕ**ЧНО – П**ЕРЕ**ЧИТЬ, ПОП**ЕРЕ**К и др.

5. Социальный характер любых сопоставлений (альтернаций), корреляций. Осознание звуковых и буквенных (орфографических) соответствий напрямую связано с "образами памяти", которые не только традиционны и "коллективно-индивидуальны", но в каждом конкретном случае зависят от "степени развития психофонетической

связи" и определяются общекультурным уровнем индивидуума, а в частности – знанием не только родного, но и других языков. Названные параметры актуальны и сегодня, т.к. отражают интегрированный метод исторического языкознания, в частности исторической лексикографии, с их обращенностью к "1. генетическому сравнению; 2. внутренней реконструкции; 3. структурной типологии" [Трубачев, 20].

Дополнительная историко-культурная и филологическая информация о словах, на современный взгляд, с "нефонематическими" орфограммами позволяет доказательно перевести в разряд фонематических и б е з с о м н е н и й принять их нормативную передачу на письме, подтвердив тем самым предположение Р.И. Аванесова о значительно более широких границах фонематического принципа орфографии, чем принято думать [Аванесов 1978].

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. Заметки по теории русской орфографии //Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Опыт теории фонетических альтернаций. Перевод с нем. (1895) // Избр. труды по общему языкознанию. М.: 1968.

Булаховский Л.А. Деэтимологизация в русском языке // Труды Института русского языка. Ч. I. М., 1949.

Гвоздев А.Н. Избранные работы по орфографии и фонетике. М.: Просвещение, 1963.

Горская Н.А. Из опыта работы над словами с непроверяемыми орфограммами // РЯШ, 1985. № 4.

Григорьева Т.М. Труды Вл.П. Шереметевского в орфографическом движении XIX века // Фонетика-орфоэпия-письмо в теории и практике: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Т.М. Григорьева. Красноярск, 1998.

Девкин В.Д. О неродившихся немецких и русских словарях //Вопросы языкознания. 2001. № 1.

Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М.: Русск. яз., 1993.

Иванова В.Ф. Принципы русской орфографии. Л.: Изд. ЛГУ, 1977.

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Русск. яз., 1998.

Кузьмина С.М. Теория русской орфографии. М.: Просвещение, 1981.

Левушкина О.Н. Краткий этимологический словарик для начальных классов. Ульяновск: Ульяновский пединститут, 1999.

Львова С.И. Орфография. Этимология на службе орфографии / Пособие для учителя. М.: Русское слово, 2000.

Матусевич М.И. Фонетика. М., 1976.

Ольгович С.И. Этимология и орфография / Учеб. пособие. Ч. I. Томск.: Изд-во Томск. ун-та, 1984.

Орфографический словарь русского языка. Около 100000 слов / РАН. Ин-т русск. яз. Редкол.: В.В. Лопатин (отв. ред.), Б.З. Букчина, Л.П. Калакуцкая и др. – 32-е изд., стереотип. М.: Русск.яз., 1996.

Осипов Б.И. История русского письма. (Графика. Орфография. Пунктуация). Омск, 1990.

Осипов Б.И. Учителю об истории русского письма / Учебное пособие. Омск, 2000.

Панов М.В. О культурно-историческом подходе к орфографии // Исследование по славянской филологии. М., 1974.

Панов М.В. Фонетика // Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. 3-е изд. М.: Азбуковник, 1997.

Поливанов Е.Д. О трех принципах построения орфографии // *Поливанов Е.Д.* Избранные работы. Статьи по общему языкознанию. М., 1963.

Приступа Г.Н. Основы методики орфографии в средней школе. Рязань, 1973.

Пронина И.В. Изучение трудных слов с применением этимологического анализа. М.: Просвещение, 1964.

Разумовская М.М. Методика обучения орфографии в школе: Кн. для учителя. 2-е изд., доп. М.: Просвещение, 1996.

Рождественский Н.С. Свойства русского правописания как основа методики его преподавания. М.: Изд. АПН РСФСР, 1960.

Сидоров В.Н. О московской фонологической школе // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971.

Словарь-справочник: Этимологические тайны русской орфографии / Автор-составитель Л.А. Глинкина. Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 2001.

Трубачев О.Н. Синхрония, диахрония und keine Ende... (маргиналии по русскому историческому словообразованию) // Исследование по историческому словообразованию. М.: Ин-т русск. яз. РАН, 1994.

Щерба Л.В. Основные принципы орфографии и их социальное значение // *Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

Щерба Л.В. Теория русского письма // Там же.

С.М. Кузьмина

САМОЕ БЕЗДЕЙСТВУЮЩЕЕ ИЗ ДЕЙСТВУЮЩИХ ПРАВИЛ РУССКОГО ПРАВОПИСАНИЯ

1. В научном творчестве Р.И. Аванесова, как и других основоположников Московской фонологической школы – А.А. Реформатского, В.Н. Сидорова большое внимание уделяется теории русского письма. Статья Р.И. Аванесова и В.Н. Сидорова "Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка" [Аванесов, Сидоров 1930], которую А.А. Реформатский назвал этапной для консолидации воззрений Московской фонологической школы, была важным шагом в развитии теории русского письма. Появление ее было откликом на эклектичный и беспринципный, по словам А.А. Реформатского, проект реформы русской орфографии, вошедший в историю кодификации русского письма как проект Главнауки. Основной дефект этого проекта авторы видят в "отсутствии принципиальной точки зрения на письменный язык и его соотношение с языком устным, в связи с чем должен быть разрешен вопрос о принципах рациональной орфографии" (Там же, 149). Авторы обосновывают фонологический принцип русской орфографии, впервые сформулированный, хотя и в других терминах, Бодуэном де Куртенэ. Они прямо заявляют: "При фонологическом письме соответствие между буквой и звуком отсутствует", поскольку на письме не передаются позиционные изменения звуков (Там же, 21). Разработкой главного принципа русской орфографии была подведена теоретическая база для решения вопросов усовершенствования орфографии, определены теоретические ориентиры кодификаторской деятельности в области передачи буквами звукового состава слов.

2. Проблемы слитного-дефисного написания до поры до времени оставались в тени, скрытые за более актуальными вопросами русского письма. Однако по-

степенно они выдвигаются на первый план. В настоящей статье рассматривается ставший на рубеже XX–XXI вв. острым, больным, крайне трудным (как для пишущих, так и для кодификаторов) вопрос слитного-дефисного написания сложных прилагательных.

Из действующих правил русского правописания правило слитного-дефисного написания сложных прилагательных можно назвать самым бездействующим. Его бездействие проявляется, с одной стороны, в расхождении между рекомендациями правил и орфографической практикой (то есть в несоблюдении правил), а с другой, – в разноречивости рекомендаций разных словарей и пособий. Семантико-синтаксический принцип, положенный в основу этого раздела русской орфографии в первом общеобязательном своде "Правил русской орфографии и пунктуации" (1956 г.), с самого начала стал испытывать разрушающее действие тенденции, которую обнаружили, регулярно наблюдая за орфографической практикой, и описали Б.З. Букчина и Л.П. Калакуцкая [Букчина, Калакуцкая 1974]. Они установили, что вопреки правилу, требующему слитного написания сложных прилагательных с подчинительными отношениями компонентов[1], многие из таких прилагательных, имеющих в первой части суффикс, устойчиво пишутся через дефис, например *народно-поэтический* (при: *народная поэзия*), *парашютно-десантный* (при: *парашютный десант*), *сравнительно-исторический* (при: *сравнительная история*), *уголовно-процессуальный* (при: *уголовный процесс*), *бетонно-растворный, авторско-правовой, государственно-монополистический* и многие другие. В то же время некоторые сложные прилагательные с сочинительными отношениями компонентов, не имеющие суффикса в первой части, вопреки правилу пишутся слитно, например, *буровзрывной, рельсоблочный, торфоперегнойный, нефтегазовый.*

Б.З. Букчина и Л.П. Калакуцкая усмотрели в проявлении этой тенденции действие нового – формально-грамматического принципа, определяющего слитное-дефисное написание сложных прилагательных. В соответствии с этим принципом они сформулировали новое правило и в словаре "Слитно или раздельно. Опыт словаря-справочника" (1-е издание 1972 г., последнее 1998 г.) дали новое написание ряда сложных прилагательных. Впрочем, формально-грамматический принцип был проведен в словаре не вполне последовательно; так, слова *цельнооформленный, холодноштамповочный, холодно-прессованный, холоднопрокатный, ложноклассический* и некоторые другие даются в соответствии с прежними правилами в слитном написании, несмотря на наличие суффикса.

Между тем академический "Орфографический словарь русского языка" (ОС) продолжал ориентироваться на действующие правила, хотя тоже не вполне последовательно. Поскольку многие слова на практике уже "уклонились" от следования правилу, то очевидно, что на его соблюдении настаивать было бессмысленно. Поэтому авторы ОС пошли на частичное сближение этого словаря с рекомендациями словаря-справочника "Слитно или раздельно" и тем самым взяли курс на постепенное внесение изменений в написание сложных прилагательных, то есть фиксировали фактически уже сложившиеся, хотя и противоре-

[1] Точнее говорить не об отношении компонентов внутри сложного слова, а об отношении слов в словосочетании, соотносимом с данным сложным прилагательным. Именно это мы и будем иметь в виду, говоря об отношении компонентов сложных прилагательных.

чащие правилу написания, например: *древесно-стружечный, минно-заградительный, первобытно-общинный, условно-рефлекторный* и т.д.

3. Сложилась трудная для пишущих и для кодификаторов ситуация (подробнее о ней см. [Кузьмина 1998]). Преодоление этих противоречий остается важной задачей. А поскольку движение вспять уже невозможно – нет смысла настаивать на соблюдении нынешнего бездействующего правила – его следует изменить и подвести под него написание некоторого числа сложных прилагательных, по-разному пишущихся в разных словарях.

Именно такая задача стояла перед авторами проекта новой редакции свода правил русского правописания, подготовленного в ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН. Одной из главных целей проекта и было снятие противоречий между правилами и орфографической практикой, исправление в первую очередь регулярно нарушаемых правил (подробнее о проекте новой редакции свода правил русского правописания см. [Кузьмина 1995; Кузьмина, Лопатин 1996]). Направление изменения правила слитного-дефисного написания сложных прилагательных подсказывается указанной тенденцией, она и была учтена при формулировании нового правила.

4. Б.З. Букчина и Л.П. Калакуцкая констатировали указанную тенденцию, но не объяснили причины ее действия. Попытаемся найти ответ на такие вопросы: почему наличие суффикса благоприятствует дефисному написанию сложных прилагательных с подчинительными отношениями компонентов; почему отсутствие суффикса при сочинительном отношении компонентов не с такой же последовательностью обусловливает слитное написание; почему при написании некоторых разрядов сложных прилагательных отмеченная тенденция не действует (правила практически не нарушаются), например, при написании сложных прилагательных, обозначающих цвет и оттенки цветов, а также оттенки других качеств.

5. Сложные прилагательные, соотносительные с сочетанием прилагательное + прилагательное, М.В. Панов считает "псевдосложными прилагательными" и приравнивает их к образованиям типа *сады-огороды, девушка-резвушка, сходят постреляют, рви не жалей*: "образования типа *сине-красный, выпукло-вогнутый, беспроцентно-выигрышный, вульгарно-крикливый* и т.п. являются сочетаниями слов, а не словом". Гласную о, соединяющую эти прилагательные, он рассматривает не как соединительную гласную, а как особое окончание прилагательного [Панов 1964, 153].

М.В. Панов приводит следующие доказательства того, что такие сложные прилагательные – не слово, а сочетание слов: 1) фонетическое: "наличие двух ударений, даже в тех случаях, когда первый компонент односложен, а у второго ударение на первом слоге (*зло́-на́глый взгляд*)"; 2) сочетаемость: первый компонент может сочетаться с частицами, а это характерно для слова, а не для части слова (А *сине-то красной ленты не оказалось*); 3) "полная мотивированность значения таких сочетаний значениями составляющих его компонентов. По значению *сине-красный* = *синий* + *красный*, *вульгарно-крикливый* = *вульгарный* + *крикливый* и т.п. Это характерно именно для сочетания слов", 4) "Предельная свобода сочетания прилагательных в таких двухкомпонентных образованиях... Абсолютно же открытые ряды образуют только сочетания слов, а не частей слов" [Панов 1964, 153].

Если даже не принимать столь смелую трактовку такого рода сложных прилагательных, все же нельзя не согласиться, что приводимые М.В. Пановым до-

воды убедительны, и следует признать, что сложные прилагательные, образованные от двух и более прилагательных (или прилагательного и причастия, или двух причастий), образуют особый разряд сложных "сверхслов". В этот разряд входит очень много сложных прилагательных, находящих применение в самых разных языковых сферах – в речи научной, публицистической, художественной. Заметим, что эта многочисленная группа слов, постоянно пополняемая за счет терминов и индивидуальных образований (окказионализмов), по действующим правилам устойчиво пишется через дефис.

6. По свидетельству "Русской грамматики" 1980 г., среди сложных прилагательных с сочинительным отношением основ, то есть соотносительных с сочинительными словосочетаниями, преобладают прилагательные с суффиксом в первой части, например, *торгово-промышленный, советско-монгольский, плодово-ягодный, сушильно-очистительный, счетно-решающий, поисково-спасательный* [Русская грамматика 1980, I, 318]. Суффикс прилагательного в первой части сложного слова служит формально выраженным показателем соединения двух прилагательных в одно слово. Можно предположить, что интуитивное понимание того, что такие сложные прилагательные близки к сочетанию слов и занимают особое положение среди других сложных прилагательных, и привело к стихийному появлению дефисных написаний сложных прилагательных с подчинительным отношением основ, но имеющих в первой части основу прилагательного, особенно когда ее "прилагательность" подкреплена суффиксом.

Возможно, важную роль в таком влиянии играет и то, что большинство сложных прилагательных, соотносительных с подчинительными словосочетаниями согласовательного типа (A + N), имеют двойную соотнесенность – не только с подчинительной конструкцией, но и с сочетанием двух прилагательных, например, *государственно-монополистический (государственная монополия и государственный монополистический), народно-языковой (народный язык* и *народный языковой), книжно-письменный (книжная письменность и книжный письменный), лодочно-прокатный.* Это также способствует появлению дефисных написаний.

7. Наше предположение подтверждается и тем, что устойчиво пишутся через дефис следующие группы сложных прилагательных: 1) прилагательные, обозначающие сочетания и оттенки цветов (*бело-голубой, красно-полосатый*), а также других качеств (*зло-недоверчивый, крикливо-вздорный* и т.п.); 2) прилагательные, обозначающие отношения сторон (*англо-русский, волжско-камский*), 3) прилагательные с основами на *-ик-, -лог-, -граф-*, соотносительными с прилагательными на *-ский, -ический*, например: *медико-биологический, химико-технологический, биолого-почвенный, патолого-анатомический, географо-гидрологический, этнографо-археологический.* Во всех этих трех группах прилагательных первая (точнее, предшествующая) основа – основа прилагательного с суффиксом или без суффикса. Все они отвечают одному и тому же условию: при соединении в одно слово двух или более основ прилагательных (или прилагательного и причастия или двух причастий) части сложного прилагательного пишутся через дефис, например: *сине-зеленый (синий* и *зеленый), выпукло-вогнутый (выпуклый* и *вогнутый), русско-немецкий, садово-парковый, электронно-вычислительный, электронно-лучевой, ядерно-энергетический, колюще-режущий, рабоче-крестьянский.*

8. Тенденция к дефисному написанию, описанная Б.З. Букчиной и Л.П. Калакуцкой, как это видно из многочисленных примеров, была обнаружена ими

на материале сложных прилагательных, компоненты которых связаны подчинительной связью согласования (А + N). Именно при таком типе подчинительной связи и может осуществиться влияние первой основы прилагательного; при другом типе подчинительной связи – управлении – в сложных прилагательных преобладают первые части без суффикса (см. [Русская грамматика 1980, I, 319]) с основой существительного: *автомобилестроительный, бумагорезальный, водоотталкивающий, газонепроницаемый, головокружительный, законопослушный, звукопроводящий, зуболечебный, кукурузоуборочный, рабовладельческий, работоспособный, светочувствительный.*

Сложные прилагательные с подчинительными отношениями примыкания, имеющие в предшествующей части основу прилагательного/наречия, также испытывают тенденцию к дефисному написанию. Многие из них допускают двоякое соотнесение: с одной стороны, с сочетанием наречие + прилагательное, с другой, – с сочетанием двух прилагательных, например: *назидательно-публицистические функции* (М. Панов), *неподвижно-сонное лицо* (Ю. Казаков), *неожиданно-серьезные открытия* (З. Паперный), *радостно-трудное, трагически-трудное пространство* (М. Панов), *дряхло-осыпающимися Герценом и Огаревым* (Вл. Новиков). Они пишутся, как показывает орфографическая практика, как раздельно, так и через дефис. Это вариативное написание должно быть узаконено правилами. До сих пор вариативность допускалась только для случаев слитного-раздельного написания типа *высоколетящий* и *высоко летящий.*

9. Итак, на слитное-дефисное написание сложных прилагательных оказывает влияние количественное соотношение разноструктурных прилагательных. Среди пишущихся (в соответствии с действующим правилом) через дефис сложных прилагательных преобладают прилагательные с сочинительными отношениями компонентов и с основой прилагательного в первой части, как правило, имеющей суффикс, и этот многочисленный и постоянно пополняющийся разряд слов втягивает в сферу дефисных написаний и прилагательные с подчинительными отношениями компонентов, имеющие в первой части основу прилагательного.

10. Почему же отсутствие суффикса при сочинительных отношениях компонентов сложного прилагательного не преодолевает или неохотно преодолевает (даже при поощрении Орфографического словаря) дефисное написание в таких случаях, как *мясо-молочный, звуко-буквенный, вопросо-ответный, приливо-отливный, фарфоро-фаянсовый, родо-видовой* и др.? Это можно объяснить силой фактора "сочинительные отношения". Играет роль и соотнесенность с парными номинациями типа *мясо-молоко, буквы-звуки, вопрос-ответ, прилив-отлив, фарфор-фаянс, род-вид.*

Сопротивление последовательному проведению формально-грамматического принципа объясняется противодействием семантико-синтаксического принципа. Поэтому говорить о смене принципов, о том, что семантико-синтаксический принцип больше не работает, что слитное-дефисное написание сложных прилагательных определяется новым, формально-грамматическим принципом, по нашему мнению, преждевременно. Правильнее говорить о сосуществовании, о продолжающемся взаимодействии, борьбе этих принципов. Именно это взаимодействие является причиной трудности кодификаторской деятельности, мешает сформулировать новое правило просто, не вводя новых критериев выбора слитного-дефисного написания сложных прилагательных.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка // А.А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. М., 1970.

Букчина Б.З. Калакуцкая Л.П. Сложные слова. М., 1974.

Кузьмина С.М. О новой редакции "Правил русской орфографии и пунктуации" // Русская словесность. 1995. № 2.

Кузьмина С.М., Лопатин В.В. К лингвистическому обоснованию "Свода правил русского правописания" // Русистика сегодня. 1996. № 1.

Кузьмина С.М. К проблеме кодификации слитных-дефисных написаний сложных прилагательных. // Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е.А. Земской. М., 1998.

Панов М.В. О слитных и раздельных написаниях // Вопросы русской орфографии. М., 1964.

Русская грамматика. Т. I. М., 1980.

Л.П. Крысин

ЗАМЕТКИ ОБ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВАХ

СКЛОНЯЕТСЯ ЛИ СЛОВО *ИНТЕРНЕТ?*

Человеку, который постоянно имеет дело с компьютером, этот вопрос может показаться странным: разумеется, склоняется! *Пользоваться Интернетом, подсоединиться к Интернету, двадцать лет назад и речи об Интернете не было* – все это высказывания, вполне обычные в нынешнем компьютеризованном мире. Но совсем недавно слово *Интернет* не только не склоняли, но и писали и печатали "иностранными" буквами, то есть латиницей, сохраняя то написание, которое свойственно этому слову в языке – источнике его распространения, то есть в английском. Потом стали изображать это слово почему-то только прописными буквами: ИНТЕРНЕТ. И продолжали употреблять как неизменяемое: *адрес в* ИНТЕРНЕТ (сейчас мы скажем и напишем: в *Интернете*), *пользоваться ИНТЕРНЕТ* (вместо теперешнего: *пользоваться Интернетом*) и т.д.

Internet и для англоязычного мира слово новое. Оно возникло от сложения первой части прилагательного *international* 'интернациональный, международный' и существительного *net* в одном из основных его значений – 'сеть' и обозначает международную электронную сеть, с помощью которой пользователи компьютеров могут связываться друг с другом и обмениваться разного рода информацией – в виде текстов, фотографий, рисунков, чертежей и т.п. "Толковый словарь русского языка конца XX века" (СПб., 1998) указывает даже дату рождения Интернета – 2 января 1969 г., "когда в одном из подразделений Министерства обороны США началась работа над проектом связи компьютеров, в результате которой была создана сеть ARPANET (Advanced Research Projects Agency Net), построенная на принципах, которые легли позднее в основу Интернета".

Все же сам термин *Internet* и его русский эквивалент *Интернет* появились

значительно позже (не ранее середины 80-х годов), а в широкое употребление эти слова вошли, по-видимому, с начала 90-х годов XX в. Во всяком случае, регулярно переиздаваемый и дополняемый новым материалом словарь "Brewer's Twentieth Century Phrase & Fable" в издании 1991 г. еще не содержит этого термина. Нет его и в "Новом большом англо-русском словаре", соответствующий (1-й) том которого вышел в 1993 г.

В наши дни употребительность слова *Интернет* очень высока. Оно давно вышло за пределы профессионального употребления специалистами-компьютерщиками, оно мелькает в печати, звучит в радио- и телеэфире. Появляются у него и производные – один из верных признаков освоения иноязычного слова русским языком: прилагательное *интернетовский* (*интернетовские специалисты*, *интернетовский центр*), разговорно-жаргонный глагол *интернетить* (*Я сегодня всю ночь интернетил* – то есть, войдя в Интернет, пользовался этой системой информации); образуются сложные слова с первой частью *Интернет-*: *Интернет-центр*, *Интернет-казино*, *Интернет-кафе* и т.п.

Написание слова *Интернет* с прописной буквы свидетельствует, что это – имя собственное. На раннем этапе его освоения русским языком и вторая часть слова писалась с прописной буквы: *ИнтерНет*, но этот экзотический вариант написания не прижился.

У слова *Интернет* есть две произносительные особенности, отличающие его от произношения сходных по фонетической структуре исконно русских слов: согласные [т] в первой части слова и [н] во второй произносятся твердо: [интэрнэ́т]. Первая из этих особенностей свойственна всем словам, которые начинаются с морфемы *интер-*, звук [т] в которой всегда произносится твердо: *интервидение*, *интернационал*, *Интерпол* и под. Вторая произносительная особенность специфична для слова *Интернет* и его производных, хотя, разумеется, в других иноязычных словах в сходной фонетической позиции (но в иных корневых или аффиксальных морфемах) [н] перед ударным гласным переднего ряда может произноситься твердо – как, например, в словах *пенсне*, *фонема*, *сонет* (в последнем слове допустимы два варианта – с твердым и с мягким [н]) и т.п.

По мере того, как международная компьютерная сеть все шире распространяется в разных странах мира, в том числе и в России, и само слово *Интернет* укрепляет свои позиции в языках. В русском языке оно употребляется как обычное склоняемое существительное мужского рода с основой на твердый согласный. Оно имеет все падежные формы единственного числа: *Интернета*, *Интернету*, *Интернетом*, *об Интернете*, а теоретически возможные формы множественного числа (**Интернеты*, **Интернетов* и т.д.) не употребляются по семантическим причинам: ведь это – собственное имя, и обозначает оно уникальную информационную систему, о чем свидетельствует прописная начальная буква в этом слове.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ СЛОВО *ИМЕЙЛ*?

С появлением международной компьютерной сети "Интернет" стало возможным обмениваться посланиями не по обычной почте, а с помощью почты электронной. Сначала в лексиконе "компьютерщиков", а затем и в речи других людей замелькал английский неологизм *e-mail*, возникший из сложения первой буквы прилагательного *electronic* 'электронный' со словом *mail* 'почта'. Первое время это новое слово в русском языке употреблялось в "застывшем" виде – в

латинском написании и не склоняясь: *Обмениваться информацией с помощью* ***e-mail*** (ср.: *с помощью почты*); *А с вашего компьютера можно посылать информацию* ***e-mail*** (ср.: *посылать информацию почтой*)? Однако довольно скоро пользователи компьютеров ощутили необходимость в грамматической адаптации этого термина и стали говорить: *Я пошлю это* [***имэ́йлъм***]; *Она вчера получила письмо от NN* ***по*** [***имэ́йлу***]; *А ты на свой компьютер можешь* [***имэ́йлы***] *принимать?* и т.п.

Как поступать, если подобные высказывания оказывается необходимым изобразить на письме? Сохранять ли английский термин в его исконном написании, то есть писать: *e-mail'ом, по e-mail'у, e-mail'ы?* Такое решение было бы в известной мере искусственным: термин уже склоняется, то есть освоен морфологической системой русского языка, а облик его – иностранный. Между тем, в нормальных условиях иноязычное слово, заимствуясь другим языком, прежде всего оформляется графическими средствами этого языка, а уж затем, в течение более или менее длительного времени адаптируется к фонетической и грамматической системам заимствующего языка.

В нашем случае вполне разумно передать слово *e-mail* графическими средствами русского языка. При этом, в соответствии с преобладающей тенденцией последних десятилетий к транскрипции, а не транслитерации слов, заимствуемых русским языком (сравните с XIX в., когда, например, английское "Ivangoe" – название знаменитого романа Вальтера Скотта – передавалось как *Ивангое* вместо более позднего *Айвенго*), – английское *e-mail* должно иметь по-русски орфографический облик *имейл*, а произноситься с твердым [*м*]: [*имэ́йл*] и тем самым быть близким по произношению к тому, как звучит этот термин у англофонов.

ЙОГУ́РТ ИЛИ *ЙО́ГУРТ?*

"Орфоэпический словарь русского языка" (6-е издание, М., 1997) рекомендует произносить это слово с ударением на втором слоге: *йогу́рт*. Та же рекомендация – в "Словаре ударений русского языка" Ф.Л. Агеенко и М.В. Зарва (М., 1993), в "Словаре трудностей русского произношения" М.Л. Каленчук и Р.Ф. Касаткиной (М., 1998).

Достаточно ли обоснованны эти рекомендации?

Большинство наших современников произносит это слово с ударением на первом слоге: *йо́гурт*. Это веское, но, по-видимому, недостаточное возражение против акцентной нормы, устанавливаемой цитированными словарями. В свое время известный русист Абрам Борисович Шапиро говорил: даже если девяносто процентов носителей русского языка будут произносить *доку́мент*, это едва ли станет официально признаваемой нормой. И дело здесь не только в нарушении, так сказать, верности этимологическому источнику (ср. лат. *documentum*, в котором ударение на третьем, а не на втором слоге), но и в том, что форма *доку́мент* является ярким признаком ненормативной речи, просторечия (сравните другие столь же характерные признаки просторечия: *по́ртфель, про́цент, выборá* и т.п.).

Со словом *йогурт* иная история.

Этимологически, по своему источнику, это тюркизм. Более точно – заимствование из турецкого языка. В турецком это слово имеет ударение на втором

слоге: *yoğúrt*. Но дело в том, что в русский язык слово попало не прямо из турецкого, а через посредство английского (по-видимому, американского его варианта). А в английском оно укоренилось с ударением на первом слоге: *yóghurt*. Такое же ударение – на первом слоге – и в немецком: *lóghurt*, также, естественно, восходящем к турецкому прототипу (см.: Duden Fremdwörterbuch. Mannheim; Wien; Zürich, 1982. S. 373).

С Запада пришла и сама эта реалия – кисломолочный продукт с фруктовыми и ягодными добавками. Она вошла в наш быт сравнительно недавно – вероятно, с середины 80-х годов XX в. Ее официальное торговое, а затем и обиходно-разговорное название утвердилось именно в англизированной акцентной форме: *йóгурт*. А почему не во французской, где в слове *yoghourt* (также заимствованном из турецкого через болгарский) ударение падает на второй слог? Есть свидетельства – например, писателей В.В. Набокова, Н.И. Ильиной – того, что слово *йогýрт* (именно с таким ударением) употреблялось в русском языке и значительно раньше, в 20–30-е годы. "Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык" под ред. Т.М. Капельзона (М., 1933) фиксирует это слово в форме *югýрт* и, указывая язык-источник ("тур."), дает ему такое определение: "болгарское [выделено мной. – *Л.К.*] кислое молоко, содержащее, по исследованиям Мечникова, большое количество молочнокислых бактерий; примен. как диетическое средство" (это, по всей вероятности, одна из первых словарных фиксаций слова *йогурт – югурт*). Болгарский "Речник на чуждите думи в българския език" (София, 1982) дает два варианта этого слова: литературное *югýрт* и диалектное *йогýрт* (как видим, в обоих вариантах сохраняется верность ударению в языке-источнике – турецком).

По всей вероятности, есть основания констатировать двукратное заимствование слова *йогурт*. В первой половине XX в. в форме *йогýрт – югýрт* оно "европейского" происхождения (пришло из турецкого через посредство болгарского или французского) и в русском языке употреблялось как экзотизм, то есть обозначение реалии, не известной на территории России (где имеется большое разнообразие названий других кисломолочных продуктов: *простокваша, ряженка, кефир, ацидофилин,* диалектное *варенец*, в русской речи жителей Кавказа еще *мацони*). В конце XX в. это уже полноправное заимствование (из американского варианта английского языка), обозначающее продукт, который и производят, и потребляют жители России. При повторном заимствовании слово утверждается с ударением на первом слоге: *йóгурт*.

Из всего сказанного можно, как представляется, сделать вывод о необходимости более гибкой орфоэпической рекомендации, касающейся произношения слова *йогурт*. Основным следует признать более распространенный в современной речевой практике акцентный вариант с ударением на первом слоге: *йóгурт*, а вариант *йогýрт*, по всей видимости, должен сохраниться в статусе допустимого (а с точки зрения распространенности – несколько устарелого).

ПЛАНЁРНАЯ ИЛИ *ПЛÁНЕРНАЯ?*

Мне позвонил мой одноклассник, купивший квартиру вблизи станции метро "Планерная".

– Как надо говорить – станция "Плáнерная" или станция "Планёрная"? – спросил он.

– Конечно, "Планёрная", потому что *планёр* – слов французское, и ударение в нем – на последнем слоге. В прилагательном место ударения сохраняется.

Приятеля мой ответ вполне удовлетворил, а я задумался: так-то оно так, только отчего же все говорят *пла́нер* и станцию называют *Пла́нерной*, а не *Планёрной*? Современный "Орфоэпический словарь" допускает произношение *пла́нер* наряду с нормативным *планёр*. Но почему распространилась эта этимологически неправильная произносительная форма?

Вот какое объяснение кажется вполне правдоподобным.

Модель существительного: основа + суффикс *-ёр* используется для образования названий лица по роду его деятельности: *билетёр, боксёр, бракёр, контролёр, лифтёр, киоскёр, вахтёр, шахтёр, клакёр* и под. (есть среди подобных существительных и такие, которые целиком заимствованы из французского и не членятся на морфемы: *антрепренёр, шофёр, куафёр, актёр, гравёр, бретёр, жонглёр, монтёр, волонтёр* и нек. др.). А для названий предметов – разного рода приспособлений, механизмов, машин – эта модель почти не используется: среди этих названий распространены такие, которые в финальной части имеют безударный комплекс *-ер* (этимологически это суффикс, но он выделяется далеко не во всех заимствованиях): *адаптер, катер, контроллер, танкер, дрифтер, буфер, бампер, картер, зуммер, тумблер, миксер, глиссер, грейдер, плоттер, принтер, сканер* и под. У некоторых слов местом ударения различаются личное и предметное значения: напр., в "Грамматическом словаре" А.А. Зализняка *маркёр* дается в значении 'ведущий счет в бильярде', а *ма́ркер* (правда, с пометой "проф.") – в значении 'приспособление' (в "Орфоэпическом словаре" форма *маркёр* дана для обоих значений и, тем самым, не учтена достаточно широко употребительная в технической среде форма с ударением на первом слоге, обозначающая приспособление).

Распределение существительных по этим двум моделям не абсолютное – и в той, и в другой группе есть исключения: ср. *кондитер, маклер, тренер, снайпер, спринтер, стайер, фермер* – в группе имен лица, *балансёр, трамблёр, трассёр* – в группе имен приспособлений. Но речь идет о **тенденции**, а она состоит в распределении двух названных групп существительных по двум разным моделям.

Изменение *планёр* → *пла́нер* соответствует этой тенденции.

ГЕКСОГЕН ИЛИ *ГЕКСАГЕН?*

В сентябре 1999 г. в связи с трагическими событиями в Буйнакске, Москве, Волгодонске – взрывами многоэтажных жилых домов, в результате чего погибли десятки людей, – в активное употребление вошел химический термин *гексоген*: он мелькал на страницах газет, в радио- и телеэфире. Этот термин обозначает взрывчатое вещество, используемое при производстве взрывных работ, для изготовления взрывных приспособлений.

Написание *гексОген* остановило мое внимание: почему "о", а не "а" во втором слоге? В "Орфографическом словаре" *гексоген*, это же написание и в "Русском орфографическом словаре" под ред. В.В. Лопатина (М., 1999). И в "Политехническом словаре", и в "Большом энциклопедическом" – так же.

Между тем, в русском языке давно утвердилась греческая по происхождению морфема *гекса-* (от греч. *hex* 'шесть', в сложных словах *hexa…* 'шести…'), вычленяемая в таких терминах, как *гексахлоран* и *гексахорд*. Эта морфема вхо-

дит в ряд аналогичных морфем, соответствующих именам других числительных древнегреческого языка: *тетра-* 'четырёх...' (ср. *тетралогия*, *тетрациклин*, *тетраэдр*, *тетрагональный*), *пента-* 'пяти...' (ср. *пентагон*, *пентаграмма*, *пентаметр*, *пентатлон*, *пентахорд*), *окта-* 'восьми...' (ср. *октаэдр*, *октаподы*), *гепта-* 'семи...' (ср. *гептахорд*, *гептатоника*), Все эти морфемы, как видим, пишутся с буквой *-а* в финальной части. Откуда же *гексОген*?

"Словарная" история этого термина, по-видимому, такова.

Первоначально он был зафиксирован в "Политехническом словаре", и авторы этого словаря ошибочно интерпретировали гласный во втором слоге термина как соединительный (как в русских сложных словах типа *пароход*). Составители "Орфографического словаря" просто перенесли термин из "Политехнического словаря", сохранив его написание, так как излишне доверились специалистам в области взрывчатых веществ. А когда журналистам понадобилось использовать на страницах газет этот до тех пор совершенно не знакомый им химический термин, они сверились с "Орфографическим словарем" как непререкаемым авторитетом по части написания всех слов, употребляющихся в русском языке, и безо всяких колебаний стали писать и печатать *гексоген*.

В очередном издании "Орфографического словаря" это ошибочное написание предстоит исправить и рекомендовать единственно правильный орфографический облик этого термина: *гексаген*.

О ЗНАЧЕНИИ СЛОВА *МИЛЛЕНИУМ*

В самом конце 1999 г. в печати замелькало дотоле неизвестное русскому читателю слово *миллениум*. Одни писали о *конце старого и наступлении нового миллениума*, другие, споря с первыми, указывали, что *миллениум* наступит только через год, в 2001 году. Но и те, и другие употребляли это слово как точный синоним русского *тысячелетие*.

Действительно, латинское по происхождению слово *миллениум* (лат. *mīlle* 'тысяча') значит 'тысячелетие'. Таково и значение английского *millennium*, которое, скорее всего, явилось непосредственным прототипом этого неологизма в русском языке. Однако возникает вопрос: зачем нам иноязычное слово, если оно в точности повторяет смысл уже существующего (*тысячелетие*)? Ведь обычно из другого языка заимствуется либо название новой вещи, нового понятия (*транзистор, шорты, инвестиция* и т.п.), либо такое слово, которое может заменить собой целое словосочетание (*сейф* – вместо *несгораемый шкаф, снайпер* – вместо *меткий стрелок, стайер* – вместо *бегун на длинные дистанции, саммит* – вместо *встреча в верхах* и т.п.), либо, наконец, слово, которое обозначает разновидность какого-либо предмета или явления (сравните смысловые различия близких, но все же не вполне синонимичных слов типа *водитель – шофёр, уют – комфорт, дело – бизнес, страх – паника* и под.).

В случае с *миллениумом* картина иная: налицо подмена одного, исконного слова (*тысячелетие*) иноязычным словом – его смысловым дублетом. И если носители русского языка (главным образом, журналисты) будут продолжать осмысливать слово *миллениум* именно как 'тысячелетие', то перспектив укорениться в русском языке у этого иноязычного неологизма немного: язык не любит слов- "близнецов" и обычно избавляется от одного из двух наименований, которые не различаются ни по значению, ни по стилистической окраске, ни по

сфере употребления (в языке XIX в., например, существовали слова *аманта* и *возлюбленная, истрата* и *растрата, летописатель* и *летописец*; левые члены этих дублетных пар были вытеснены из языка и сейчас не употребляются).

Но кажется, что есть необходимость в том, чтобы выразить несколько иной, чем 'тысячелетие', хотя и близкий ему смысл: 'рубеж, граница между сменяющими друг друга тысячелетиями'. Вот для обозначения этого смысла слово *миллениум* вполне пригодилось бы, потому что по-русски одним словом этот смысл не выразить. Произойдет ли "специализация" значения слова *миллениум*, то есть обозначение им г р а н и ц ы между тысячелетиями, а не просто тысячи лет, покажет время.

О.Б. Сиротинина

НЕПОЛНЫЙ СТИЛЬ ПРОИЗНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Научный вклад Р.И. Аванесова в развитие русистики трудно переоценить. С его именем связаны заметные вехи в развитии не только диалектологии, орфоэпии, но и в фонетике, и в морфологии. В его учении о произносительных стилях фактически заложены основы многих современных взглядов на функционально-стилевую дифференциацию литературного языка. В своей статье мы остановимся только на двух частных вопросах, связанных с ролью неполного стиля произношения в современной русской речи.

В ставшем классическим и многократно переиздававшемся учебном пособии "Русское литературное произношение" Р.И. Аванесов отделяет стили произношения, тесно связанные со стилями языка в целом (высокий, нейтральный, разговорный) от произносительных различий, обусловленных темпом речи (отчетливая и беглая речь), близкими к полному и неполному стилям произношения, предложенным Л.В. Щербой. Кроме того, Р.И. Аванесов выделяет строгую и свободную разновидности нейтрального стиля. Эта достаточно сложная и вместе с тем стройная картина произносительных норм и возможностей литературного языка хорошо отражала их реальное соотношение в середине XX в.: высокий стиль в поэтической и публичной речи, нейтральный как основной, пригодный во всех случаях, и разговорный – в речи непринужденной, обиходно-бытовой, с которой больше всего связана беглая (неполный стиль) речь.

Однако к концу XX в. ситуация в литературном языке несколько изменилась. С одной стороны, очень ослабил свои позиции высокий стиль (и не только в произношении). В.В. Колесов говорит даже об его утрате [Колесов 1999]. С другой стороны, усилил свои позиции разговорный стиль (тоже не только в произношении). С третьей стороны, резко изменилось соотношение устной и письменной формы литературного языка. До 90-х годов XX в. письменная форма была основной, несмотря на уже существенную роль в жизни общества радио и телевидения. В первой же половине XX в. устная литературная речь не только

чаще всего подменялась озвученной письменной, но и не могла служить эталоном правильной речи просто по причине еще малой распространенности радио и телевидения за пределами Москвы и Ленинграда (например, в Саратове телевидение появилось только в конце 1957 г.), тем более в сельской местности.

Некоторые составляющие системы литературного произношения, описанной Р.И. Аванесовым, стали меняться еще в период господства письменной речи. Так, например, Р.И. Аванесов подметил, что в озвученной письменной речи типично воспроизведение письменной формы имен и отчеств, т.е. более или менее точное произнесение всех написанных (напечатанных) букв [Аванесов, 1984]. "Воспроизведение написанного" на образцовом для населения радио и телевидении породило широкое распространение такого произношения в любой публичной и просто официальной речи. В результате стяженное произношение с редукцией части звуков в именах и отчествах сначала стало восприниматься как сугубо разговорное, непригодное для официальной речи, а не как характерное для основного, т.е. нейтрального стиля произношения. Как показывают вопросы и письма, поступающие в радиопередачу "Служба языка" в Саратове, до сих пор стяженное произношение вызывает возражение многих радио- и телезрителей. Если они слышат такое произношение, то воспринимают его как неправильное: "*Разве можно говорить Марь Иванна, Виктр Степаныч?*"

Таким образом, длительный период озвучивания письменной речи, заменявшей собой образцовую устную речь, привел к нарушению прежней орфоэпической системы, вытеснению старых норм произношения имен и отчеств из нейтрального стиля. В сознании многих и сейчас, несмотря на широкое распространение технических средств передачи устной речи, ее нормы оказались искаженными. На практике и сейчас соблюдается четкое произнесение имен и отчеств в любой официальной речи, в публичной речи и при желании подчеркнуть свое уважение к человеку (характерно, что почти не встречается, несмотря на протяженность звучания стяженное произношение имени и отчества В.В. Путина даже в разговорной речи: или только фамилия, именование по должности – *президент, наш президент* или четкое произнесение имени и отчества).

Другие изменения произносительной системы возникают с конца XX в., когда широко распространилось в публичной речи, в том числе в средствах массовой информации, использование разговорных (и даже просто нелитературных) элементов в рамках риторической категории разговорности (ради большей доступности речи, устранения преград между говорящим и адресатом) и прежде всего – как реакция на советский офиоз, противопоставление ему. Этот уход от официального-официозного привел не только к фактической утрате высокого стиля (его стыдятся) и к усилению разговорной струи как одного из средств выразительности речи, но и к смещению границ нейтрального и разговорного в сторону разговорного. И проявилось это не только в использовании в средствах массовой информации (в информационных передачах в том числе) разговорных, даже жаргонных и просторечных словечек и форм, но и к моде на неполный стиль произношения.

Из сферы разговорного стиля неполный стиль перешел в сферу нейтрального стиля и стал очень широко использоваться в электронных средствах массовой информации. Не просто беглая речь, а буквально скороговорка без какого бы то ни было стремления к четкости произнесения обычна не только на телевидении (где есть еще и зрительный канал передачи информации: картинка

или письменный текст), но и на радио (где восприятие информации идет только через слуховой канал).

Такое сверхбеглое говорение с забвением заботы о четкости из-за разговорной редукции приводит не только к нарушению прежней стилистической произносительной системы с противопоставлением высокого, нейтрального и разговорного; четкой и беглой речи (полного и неполного стиля); строгой и свободной разновидности нейтрального стиля, но и к явному ухудшению воспринимаемости речи через электронные средства массовой информации. Особенно плохо воспринимаются неизвестные широким слоям телезрителей и радиослушателей фамилии иностранных деятелей, названия стран, городов и даже фамилии российских журналистов (в процессе работы со студентами и аспирантами неоднократно приходится сталкиваться с тем, что при расшифровке магнитофонных записей информационных теле- и радиопередач неправильно воспринимаются фамилии наших журналистов: *Бенедиктов* вместо Венедиктов, *Гуртман* вместо Гунтман – "Эхо Москвы" и т.д.)

Удивительно, но неполный стиль произношения используется даже в рекламе при назывании новых лекарств, номеров телефона для связи и т.д., что вызывает недовольство радиослушателей, требование повторить нужные для того или иного радиослушателя сведения четче, так как даже неоднократное прослушивание одной и той же рекламы не позволяет воспринять сказанное. И только в ответ на такие требования осуществляется четкое произнесение, но в дальнейшем опять звучит все та же модная скороговорка.

Казалось бы, в современных условиях широко распространившихся возможностей приема радио-и телепередач проблема закрепления произносительных норм в широких слоях населения должна быть снята, поскольку можно **слышать** правильное произношение, а письменная форма перестала на него влиять, так как, ко всему прочему, читать стали гораздо меньше. Но произошло обратное. Старые нормы оказались расшатанными, а новые не сложились.

В прошлом старые нормы поддерживались сценическим и дикторским произношением. Теперь старые нормы уже не слышны ни со сцены, ни в электронных средствах массовой информации (дикторов фактически уже нет, а ведущие старые нормы за редким исключением не соблюдают). Новые нормы в условиях современной свободы для отступлений от норм сложиться просто не могут. Мы слышим и разговорную скороговорку, и подчеркнуто замедленную "менторскую" речь Е.А. Киселева, нередко в одной и той же передаче разные участники (ведущий и специальные корреспонденты) используют разные ударения одного и того же слова, а иногда, особенно в фамилиях, с разным ударением произносится даже одним и тем же журналистом то *Шо́йгу*, то *Шойгу́*, то *Ско́рина*, то *Скори́на*, то *Скорина́*, то *Бала́шиха*, то *Балаши́ха* (почему-то гораздо реже), то *бла́га*, то *блага́*, то *наме́рений*, то *намере́ний*, то *хода́тайствуют*, то *ходата́йствуют* и даже то *решены́*, то *ре́шены*. Если при этом учесть, что даже у самых известных журналистов наблюдаются нередкие отступления от норм (например, у Е.А. Киселева *блага́*, у В.В. Познера *правы́* и т.д.), то станет ясно, что в таком состоянии, в каком электронные средства массовой информации находятся сейчас, они являются проводником моды на нелитературное, на иностранное, на "изгнание" отчеств из наименования людей, но не могут служить проводником и распространителем нормативной речи. Они расшатывают, а не укрепляют норму.

Способствует не укреплению, а расшатыванию нормы и тот факт, что в информативном пространстве электронных средств массовой информации говорят не только журналисты, а многие "престижные" гости соблюдают нормы произношения (и не только произношения) в еще меньшей степени, чем журналисты. Так, если по крайней мере ведущие программ говорят только *обеспЕчение* (спецкорры – уже не всегда), то гости – фактически никогда, только – *обеспечЕние*.

Все сказанное свидетельствует о том, что сложившаяся к XX в. и действовавшая почти на всем его протяжении стройная система литературного произношения, описанная Р.И. Аванесовым, оказалась расшатанной. Нельзя сказать, что она уже не существует. Она сохранилась (с некоторыми отступлениями, о которых ниже) в речи носителей элитарного типа речевой культуры. Но этот тип речевой культуры уже не является господствующим даже на сцене и в средствах массовой информации. Большинство образованного населения (и ни актеры, ни журналисты, ни даже учителя здесь не исключение) являются носителями среднелитературного типа речевой культуры, не знающего высокого стиля, расширившего сферу использования разговорного стиля, и фактически превратившего его в нейтральный.

В среднелитературном типе речевой культуры произносительная система стала внутренне противоречивой. С одной стороны, в ней сформировались новые нормы нейтрального стиля (с тяготением к высокому) – произношение имен и отчеств без стяжения в противоположность стяженным как норме только нового разговорного. С другой стороны, неполный стиль произношения, проникнув в публичную речь, перестал связываться только с обиходной речью, быть достоянием разговорного стиля. Размытым оказалось противопоставление строгой и свободной разновидностей нейтрального стиля произношения (у Е.А. Киселева сочетаются в одной и той же передаче подчеркнуто замедленная отчетливая речь и нелитературные *ни фига, на фиг*, неправильные ударения).

Разграничение типов речевой культуры [Гольдин, Сиротинина 1993; 1997] в какой-то степени может быть соотнесено с предлагаемым Г.П. Нещименко разграничением носителей и пользователей литературного языка [Нещименко 2001] : носители литературного языка = носители элитарного типа, а пользователи = носители среднелитературного типа речевой культуры. Однако среди пользователей литературного языка есть и носители разговорных типов речевой культуры, у которых противопоставление нейтрального и разговорного снято целиком, в том числе и в произношении имен и отчеств.

Что касается отступлений от старых норм в элитарном типе речевой культуры, то это возможность у его носителей новых норм произношения твердых согласных перед мягкими, возможность нестяженного произношения имен и отчеств в публичной речи, особенно при подчеркивании уважительного отношения к человеку, отдельные акцентологические нарушения и отступления от кодифицированных норм произношения твердых или мягких согласных перед *е* в заимствованных по происхождению словах (*т[э]нор, фон[е]ма* и т.д.)

Преобладание в современном обществе неэлитарных типов речевой культуры (пользователей литературного языка) привело к изменению роли в русской речи неполного стиля произношения, расширению сферы его употребления.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. М., 1984.

Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики: Проблемы культуры речи. Саратов, 1993.

Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Речевая культура // Энциклопедия "Русский язык". М., 1997.

Колесов В.В. "Жизнь происходит от слова..." СПб., 1999.

Нещименко Г.П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: проблемы. Тенденции развития // Вопросы языкознания. 2001. № 1.

Н.А. Кожевникова

О ДВУХ ТИПАХ ЗВУКОВЫХ ПОВТОРОВ

Все слова русского языка входят в паронимические гнезда, которые группируются вокруг двух-, трех- или четырехконсонантных созвучий [Григорьев, Кожевникова, Петрова 1992].

Паронимический фонд языка – основа не только паронимии, или парономасии, как определенного художественного приема, но и звуковой организации стиха вообще, а отчасти и прозы. Наиболее распространены и значимы для русской поэзии XVIII–XIX вв. гнезда с созвучиями: *с-н, т-н/т-м-н, с-т-н; к-р/к-р-с/к-р-т/к-р-с-т; п-р/п-р-т/п-р-с/п-р-с-т; в-л-н, к-л-н, п-л-н, к-л-т, п-л-т, с-л-т, к-л-п, с-в-т, с-т-р, в-р-н, в-р-т, к-р-в, п-л-ч* и некоторые другие и созвучия с соответствующими звонкими согласными. Эти гнезда – источник контактных и дистантных звуковых повторов. Они представлены в текстах русских поэтов повторяющимися парами слов, количество которых все увеличивается.

О. Брик отметил несколько пар слов, которые устойчиво сопутствуют друг другу: *плач–печаль, темный–туман, ветер–трава, клонить–колени.* Кроме того, в строке, в соседних строках, в строфе объединяются слова *печаль–плечи*; *темный, туман*, редко *тмин, мутный, роза, заря, риза*; *гора, гореть, город, гордый, грудь*; *тень, тайна, стена, тесный*; *слово, слава, соловей, веселье, власть, вселенная, волосы*; *блеск, ласка, скала, склонить, сакля*; *тусклый, стекло, тоска, жестокий*; *стройный, струна, страна, старина*; *смерть, смотреть, стремить*; *кровь, коварство, покров, сверкать, ковер, кровать*; *душный, воздушный, душистый*; *волна, волненье, вольный, ленивый*; *зима, земля, змея*; *сон, синий, сиянье, осина, сани*; *свет, святой* и т.п.

Часть больших паронимических гнезд отражается в тексте, образуя пары или цепочки, которые могут проходить через весь текст. Слова из этих рядов включаются в разные комбинации и используются в разных позициях. Близкозвучные слова могут быть связаны синтаксически, эти же слова находятся в строке или соседних строках, но синтаксически друг с другом не связаны. Слова *смерть–стремление, стремить* объединены уже у Тредьяковского: *смерть* люту *устремите.* Объединяются они и позже: *Бессмертье...* тихий, светлый брег; Наш путь – к нему стремленье (Жуковский); Так *смертный* надменный,

земным недовольный, Из темного мира, из сени недольной *Стремится* всей бурей ума своего Допрашивать небо о тайнах его (Бенедиктов); Жизнь была *стремленьем. Смерть* была причиной Не свершенных в мире Бесконечных благ (Блок); Вглядись в туманный призрак. Это *Смерть*. Она сидит близ чума, *устремила* Незрячий взор в полуночную твердь (Бунин).

В стихах преобладает синтаксически не связанное употребление этой пары: Несытая алчба имения и власти, К какой ты крайности род *смертных* привела? Которой ты в сердцах не возбуждала страсти? И коего на нас не *устремила* зла? (Ломоносов); Здесь – дыба, а по *смерти* – ад. Насильственно реки *стремленье*; И никакой не *смертен* вред. *Стремится* ль злость с остервененьем (Державин); Ее глаза туда уж *устремились*, А отражать ее *бессмертный* вид (Бенедиктов); Но *стремясь*, греша, страдая, плача, Дух наш вольный был всегда храним. Жизнь была решенная задача, *Смерть* пришла – как радость встречи с Ним (Бальмонт); И никто никогда не узнает О безумной, *предсмертной* борьбе И о том, где теперь отдыхает Тот корабль, что *стремился* к тебе (Гумилев); Как бешено, в избытке слабых сил, В *стремительности* радостно-звериной, Он красоту от *смерти* уносил! (Бунин); Им природа снова возвратила То, что *смерть* с собою унесла: Гордый дух, высокое *стремленье*, Волю непреклонную к борьбе (Заболоцкий).

Другая пара: *смерть–смотреть* входит в ряд синтаксически связанных сочетаний: И *Смерть* к нам *смотрит* чрез забор (Державин); *Смерть смотрит* ли на молодость... (Крылов); С его чела вам *смотрит смерть* в глаза (Бенедиктов); Но из мглы *смотрела*, вам кивая, – *Смерть*! (Брюсов); Все земное *Смерть*, как страж, обходит в тишине. Улицей бредет она пустынной, *Смотрит* в окна, где чернеет тьма (Бунин); В лесу казенной землемершею Стояла *смерть* среди погоста, *Смотря* в лицо мое умершее, Чтоб вырыть яму мне по росту (Пастернак); В прежние старые годы *смотрели* на *смерть* христиански (Мей); *смертный* (*бессмертный, смертник*) – *смотреть*: *Смотри, о смертный*! (Державин); *Смертный* кинулся *смотреть* (Бенедиктов); С каким униженьем, и с болью, и в страхе, Тобою – *бессмертные*, *смотрят* шуты (Бальмонт); *Смертник* и палач *смотрели* друг на друга (Осоргин).

Паронимы не связаны синтаксически: И *смотрятся* в зерцало вод; Все новы чувства получают, И движется всех *смертных* род (Державин); ... И, с *смертию* дружа, дружишь ты нас и с жизнью! / Природу возлюбив, Природу *рассмотрев*... (Карамзин); Спит он... *смерть* сковала длани – Будешь с берега уныло Ты *смотреть* – в пустой дали... (Жуковский); А он потухшими глазами *смотрит* в стену – Он побледнел бы от *смертельного* испуга (Полонский); Я у ног твоих, *смотри* с *смертною* тоскою (Ап. Григорьев); На Макарийских островах, Куда не *смотрят* наши страны, Куда не входят *смерть* и страх И не доходят великаны (Бальмонт); Но напрасны *бессмертные* силы – И царице свободы не жаль... Торжествуя победу могилы, Белый – *смотрит* в морозную даль; *Смотрится* призрак очами великими Из-за людской суеты. *Смертью* твоею натешу лишь взоры я; Когда ты *смотришь* в угол темный И *смерти* ждешь из темноты (Блок); Что я: влюблен или просто *смертельно* устал? Так хорошо, что мой взор, наконец, отблистал! Тихо *смотрю*, как степная колышется зыбь, Тихо внимаю, как плачет болотная выпь; Как *смерть*, бледны его товарищи, У всех одна и та же дума. Так *смотрят* трупы на пожарище, Невыразимо и угрюмо (Гумилев); Будто в себя, / в меня *смотрясь*, / ждали / *смер-*

тельной любви поединок (Маяковский); Мне гораздо приятнее *Смотреть* на звезды, Чем подписывать *Смертный* приговор (Хлебников); Но ярости пугаясь вод, Я не дерзал *смотреть* обратно, Казалось *смерть* в пучине ждет (Кузмин); Взглянула, и, скованы *смертною* болью, Глаза ее больше *смотреть* не могли (Ахматова); Над новой *смертью* сердце скрепит! Как синий лед мой день... *Смотри*! (Волошин). Пара *смерть–смотреть* повторяется в нескольких стихотворениях Заболоцкого: "Лодейников", "Начало зимы" (Уже до середины *Смертельно* почерневшая вода Чешуйками подергивалась льда; Огромные внимательные птицы *Смотрели* с елки прямо на меня), "Вчера, о смерти размышляя", "Урал", "Портрет" (*Смотрела* Струйская на нас – Предвосхищенье *смертных* мук).

Повторяются и другие пары перекликающихся слов с этим же созвучием: *смерть–стремглав*: Скользим мы бездны на краю, В которую *стремглав* свалимся; Приемлем с жизнью *смерть* свою (Державин); И *смертный* пред Богом *смирись* – Стрелою *стремглав* полетел я туда (Жуковский);

смерть–стремя: То *смирный* стоит под стрелами врагов – Но примешь ты *смерть* от коня своего. Через строфу: Теперь отдыхай! Уж не ступит нога В твое позлащенное *стремя* (Пушкин); *Смерть*, как приедем, подержит мне *стремя* (Лермонтов);

смерть–смерить: Моей любви никто не может *смерить*, Мою любовь свободе не учи! Явись, о *смерть*, тебе лишь можно вверить Моих богатств злаченые ключи! (Кузмин);

смотреть–стремить: *Смотри*, как все пред ним смиренно спину клонят; *Смотри*, как ликторы народ несчастный гонят! Льстецов, сенаторов, прелестниц длинный ряд Умильно вслед за ним *стремит* усердный взгляд (Пушкин); Владения жизни природа громит, *Стремясь* расширить владенья могилы. *Смотрите*, как лавы струи потекли Из челюстей ярых дрожащей земли (Бенедиктов); Все трубы в небеса *стремят* посильный дым. И *засмотрелся* я на них сегодня (Мей); *Смотри*: недрогнувший пилот К слепому солнцу над трибуной *Стремит* свой винтовой полет (Блок); Ты стояла на дальнем утесе, Ты *смотрела*, звала и ждала, Ты в последнем веселом матросе Огневое *стремленье* зажгла (Гумилев).

Рассмотренные слова входят в сквозные звуковые ряды. В "Утреннем размышлении о Божием величестве" Ломоносова соотносятся слова в начале второй и третьей строфы: Когда бы *смертный* толь высоко – Там огненны валы *стремятся* – и вторая и последняя строки седьмой строфы, заканчивающие стихотворение: Про*стри* премудрости лучи – Хвалить Тебя, *Бессмертный* Царь. В "Оде, выбранной из Иова" ряд с теми же согласными последовательно проходит по началам строк и, в частности, объединяет начало шестой строфы: *Стремнинами* путей ты разных Прошел ли моря глубину? конец седьмой: И *смертным* гнев свой возвещать; начало двенадцатой, тринадцатой, четырнадцатой строф: Когда ко брани *устремится*, То море как котел кипит; Обширного громаду света Когда *устроить* я хотел; Сие, о *смертный*, рассуждая; конец: Тебя хранить, *Бессмертный* Царь; ср. *Стремиться* дале не велел – в середине четвертой строфы, И *смотрит* в реки и моря – в восьмой.

В оде Державина "На смерть князя Мещерского" ряд образуют слова *смерть, стремглав, стремленье, смертный*, в оде "На возвращение графа Зубова из Пер-

сии" – слова *стремнины, смертных, смиренно, смотрит, стремяся, смотри*. В стихотворении Тютчева "Фонтан" соотносятся слова *смотри, смертной, стремит*, связывающие начало и конец второй строфы: *Смотри*, как облаком живым Фонтан сияющий клубится – О *смертной* мысли водомет! О водомет неистощимый! Какой закон непостижимый Тебя *стремит*, тебя мятет.

Пара *золотой–залить* связывает как дистантный повтор XVI и XVII строфы первой главы "Евгения Онегина" Пушкина: Меж сыром лимбургским живым И ананасом *золотым*. // Еще бокалов жажда просит *Залить* горячий жир котлет. В стихотворении Блока "Целый день передо мною..." слова *золотая–залитая* входят в ряд однородных членов и одновременно образуют рифму: Целый день передо мною, Молодая, *золотая*, Ярким солнцем *залитая*, Шла Ты яркою стезею. В стихотворении Блока "Экклесиаст" эти слова рифмуются, но характеризуют разные предметы речи: Идешь ты к дому на горах, Полдневным солнцем *залитая*, Идешь – повязка *золотая* В смолистых тонет волосах. В стихотворении "Вот он – ряд гробовых ступеней..." слова *залитой–золотой* образуют дистантный повтор, связывающий конец первой строфы и две последние строки второй строфы: Спи ты, нежная спутница дней, *Залитых* небывалым лучом – *Золотистые* пряди на лбу. *Золотой* образок на груди. В стихотворении Заболоцкого "Голубиная книга" слова *золотой–залитой* использованы как дистантный повтор: Сияет книга в *золотом* уборе – дрожащим светом *залиты* поля.

Эта пара в синтаксически связанном виде повторяется в поэзии XIX–XX вв.: Рощи сень роскошно *залита* И пурпуром и златом (Вяземский), Лакей весь *золотом залитый* (Майков), *Залитый* в серебро и *злато*, Сидит Нерон в кругу друзей (Надсон), *Залито* поле, как *золотом*, щедрым посевом патронов; *золотом вся залита* (Брюсов), ...*залито* легким, родным, *золотым*/ травы небывалым отливом (Корнилов), *Залита золотом* солнца Звезда геройского золота (Луконин).

Пара *залитой–золотой* повторяется и в прозе: – Посмотри-ка, так и *залит* в *золото*, словно жар (Загоскин), *залитый золотом* швейцар (Тургенев), Запад горит и пышет, словно *залитый* растопленным *золотом* (Засодимский), Были сказочные лунные ночи ⟨...⟩, *залитые* сияньем *золота* и дрожащим блеском серебра (Куприн), *залитый* уже зеленовато-*золотистым* солнцем океан Парижа; Какое многолюдство, какое грузное великолепие *залитого* сверху донизу *золотом* иконостаса... (Бунин). Огороды *залиты золотом* (Осоргин). Повторяется и пара *золотой–зеленый*: *Золотятся зеленью* деревья (Случевский), *Золотые, зеленые,* как солнце сквозь лист березовый (Мережковский).

Прилагательные *золотой* и *залитой* сочетаются со словом *зала*: *залитая* огнями *зала* (Эртель); в *золотых* зеркальных *залах* зажигались огни (Ремизов); в *залах золоченых* (Булгаков); большая *зала*, вся *золоченая* (Бунин). Набоков объединяет три слова: проходя по *золотистой, залитой* весенним солнцем, *зале*; ср.: *Зала-то*! *Зала-то*! *Золотом залита* (Кирсанов), где в паронимические отношения включается частица *-то*.

Помимо многочисленных сочетаний обоих типов, содержащих слова с созвучием *т-м* (*тьма, туман* и т.п.), и в поэзии, и в прозе XIX–XX вв. распространено созвучие *д-м*/*м-д*, в частности, пара *медный – медленный, медь – медленный*: Когда городская выходит на стогны луна, И *медленно* ей озаря-

ется город дремучий, И ночь нарастает, унынья и *меди* полна...; Душа не узнает прозрачные дубравы, Дохнет на зеркало и *медлит* передать Лепешку *медную* с туманной переправы (Мандельштам); И море *медное* отлил среди двора. "Не *медли*!" – звал он рок... (Вяч. Иванов); И *медленно* начинал раскачиваться тяжелый железный язык. Он поддавался с важной и плавной *медлительностью*, подходил все ближе к блестящему краю колокола, почти касался его, и легкий гул уже пробегал по *медному* туловищу (Л. Андреев); Тюремный колокол вдруг запел *медленным медным* голосом; капала с неба *медная, мерная* капель; Колокольня отмеривала *медленные медные* ленты – часы (Замятин); Вдали на городской колокольне звякнул четыре раза *медный* звук, приостановился и загудел *медленно* еще шесть раз (Тэффи); Первый, второй, третий – и весь воздух наполнился *медленно-мерными медными* гулами (Мережковский); Гекзаметра *медлительного медь* (Набоков). Вторая устойчивая пара *медь – мед*.

Слово *древний* (*древле*) входит в несколько повторяющихся пар: *древо – древний*: О! Прекрасные *древа*, здесь произращенны: Вы, качаясь буйно в царских *древле* сих местах Кажете приятно зелень на своих листах (Тредьяковский); *древнее древо* (А. Белый, Вяч. Иванов, Гумилев); *древний – дворец*: Я видел *древний* Рим; в развалине печальной И храмы и *дворцы*, поросшие травой (Майков); *древний дворец* (Блок); *дверь – древний*: Заскрипели *двери* ржавы Оружейниц *древних* лет (Державин); Это скорей какие-то *древние* сени с *дверью* прямо, с *дверью* влево (Полонский); У *дверей* твоей святыни, И на стогнах *древних* янки (Вяч. Иванов); *древние двери* (А. Белый).

Слова, расположенные контактно в строке или соседних строках и находящиеся в разных позициях, принадлежат к самым разным паронимическим гнездам. Разное употребление повторяющихся пар прослеживается на протяжении двух столетий. Существование синтаксически связанных пар не препятствует независимому контактному употреблению соответствующих слов: *река – рука*: Рыбы из морей, станицами к *рекам* Плывут, чтоб их ловить тогда почти *рукою* (Тредьяковский); *Руками, реки*, восплещите (Ломоносов); Но моя *река* – да с твоей *рекой*, Но моя *рука* – да с твоей *рукой* Не сойдутся, радость моя, доколь Не догонит заря – зари (М. Цветаева); *зверь – взор*: *зверской взор* (Ломоносов); *Зверок* устал, – *взор* старичка-ребенка (Бунин); *взор – зарево*: От *взоров* пламенны светилы Край *заревом* покрыли весь (Державин); *Взор* покраснел, как *зарево* заката (Лермонтов); *слава – славяне*: И *слава* возрастет моя, не увядая, Доколь *славянов* род вселенна будет чтить (Державин); *Славяне* – вам светлая *слава* (Бальмонт); *слава – соловей*: Розу в лучшие дни года *Прославляет соловей* (Державин); *Славная* вещь – под окном В клетке держать *соловья* (Фет); *жестокий – тоска*: *жестокая тоска* (Сумароков, Некрасов, Ахматова); *Тосковали* на нежной ладони Молодой, но *жестокой* руки (Сологуб); И в *жестокости* мы кротки, И расстались мы с *тоской* (Бальмонт); *пиит, поэт – петь*: Когда небесный возгорится в *пиите* огнь, Он будет *петь* (Державин); О жизни там, живым живая Любовь торжественно *поет*. Я, как *поэт*, ей жадно внемлю (Полонский); *струна – струя*: А там вдали мелькает *струнка*, Из-за лесов *струится* дым (Ф. Глинка); Так ласкательно шепчут *струи*, Словно робкие *струны* воркуют гитар (Фет); *ночь – очи:* Какая *ночь* не озарится От солнечных твоих *очей* (Карамзин); *очей* моих *ночь* (А.К. Толстой); *труп – трепет*: Последний вздох в груди *затрепетал*; Уста,

охолодев, раскрылись. И хладный *труп*, и саван гробовой (Жуковский); Иль сердца *труп* давно остылый *Затрепетал* в твоей груди (К. Павлова); *терем – тюрьма:* Но окно *тюрьмы* высоко, Дверь тяжелая с замком, Черноокая далеко В пышном *тереме* своем (Лермонтов); в *терему-тюрьме* родился (Городецкий); *седой – сети*: *Седой* паук, отшельник новый, Прядет *сетей* своих основы (Лермонтов); *седые сети* и корветы (Пастернак); *пена – пьяный*: все *пенятся* стаканы; Еще ж не полно пить, Хотя уже все *пьяны* (Тредьяковский); Весеньтесь *пьяно, пенно* воды (Северянин); *зеленый – злой*: Но в океане первозданной мглы Нет голосов и нет травы *зеленой*, А только кубы, ромбы да углы, Да *злые*, нескончаемые звоны (Гумилев); *зеленые, злые* глаза (Блок); вода *зеленая*, тяжелая, *злая* (Пильняк); *луг – ляг*: Под вечер выйдь в *луга* поемные, На скошенную *ляг* траву (Кузмин); зеленью *ляг, луг* (Маяковский); *змея – земля*: А я, как *змей*, ползу по склонам, Я опрокинут на *земле* (Бальмонт); Ползет *подземный змей* (Цветаева); *площадь – плещет*: И кони над *площадью* смотрят сердито, И *плещутся* волны (Г. Иванов); Воркуют голуби на рынке И *плещут* сизыми крылами – Как будто *площадь* утром рано – Торговли скиния святая (Мандельштам); *площади плещут* (Маяковский); И на *площади*, как воды, Глухо *плещутся* торцы (Мандельштам); *гроб – горб*: Чтоб дочь за глазетовым *гробом*, *Горбатая*, с зонтиком шла (Анненский); Деревня древняя все та же. *Горбится гробами* ларей (М. Герасимов); Ползет Москва, Бронированным *гробом* его *горбата* (Кирсанов); Дай Бог в *гробу* не *горбиться* (Л. Губанов); *ластиться – лист*: Молодая трава *ластилась* под их ногами, молодая *листва* шумела кругом (Тургенев); *Лист* к *листу ластится* (Ремизов); *Лист ластится* к *листу* и застит взгляд (Бальмонт); *коварство – кровь*: С тобою возросли и зависть и *коварство*; Твое исчадие *кровавая* война (Ломоносов); Когда *коварного* свирепством Годунова Кипела пролита невинных *кровь* багрова (Ломоносов); Блеснул *кровавый* меч в неукротимой длани *Коварством*, дерзостью венчанного царя (Пушкин); Я – Гамлет. Холодеет *кровь*, Когда плетет *коварство* сети (Блок); Но славен добрый царь *коварством* ли и *кровью*? (Дмитриев). Наряду с устойчивым сочетанием *клонить колени* используется контактный повтор образующих его слов: *Поклонились* низко, цловали У султана руку и *колено* (Майков).

В некоторых случаях на смену контактным повторам приходят паронимические сочетания. Например, пара *тепло – толпа* и однокоренные слова употребляются как дистантные повторы: *...теплых* дней Румяный светлый хоровод *Толпится* весело за ней (Тютчев); Думы, как тени, проходят *толпой*; Так иногда вдруг *тепло* и светло (Полонский); Звезда *затеплилась* стыдливо, *Столпились* тени у холма (Брюсов), затем в паронимическом сочетании *теплая толпа* (Г. Оболдуев).

Разные позиции занимают одни и те же пары слов и у одного поэта: И роют уж *могилу*. Заутра день взойдет во *мгле – могильная мгла* (Жуковский); Но *тишина* постыдного забвенья Не все, не все у славы отняла: И черные дела *опустошенья*, И доблести возвышенной дела – *из тишины опустошенья* (Языков); ...на полях Кой-где белеет снег *блистая*, И *листьев* нет еще в лесах – Росой дрожащей *лист блистал* (Огарев); Зреет *рожь* над жаркой нивой... Над *безбрежной* жатвой хлеба – *Безбрежная*, как море, Волнуется и наливает *рожь* (Фет); Я не *думал*, что месяц так мал И что тучи так *дымно*-далеки – ...в кольца *дыма* Черной *думы* врезан *дым* (Анненский).

Позиции соотнесенных слов могут меняться и внутри одного произведения: Тонку тросточку сломил, *Стрелкой* легкой *завострил* – Тот уж когти распустил, Клев кровавый *завострил*... Но как раз *стрела* запела (Пушкин); Все *пепел, дым* и *пыль* и прах – Все *пепел*, призрак, тень и *дым*, Исчезнет все, как вихорь *пыльный* (А.К. Толстой).

Эти два типа использования паронимов сосуществуют в русской поэзии на протяжении XVIII–XX вв. В то же время далеко не всем контактным повторам соответствуют паронимические сочетания. В XX в. на первый план выходят собственно паронимические сочетания. Часть таких сочетаний имеет опору в контактных и дистантных повторах, которые предваряют появление некоторых паронимических сочетаний. В то же время в паронимические отношения включается нетрадиционный лексический материал, не имеющий опоры в контактных звуковых повторах, просторечие: *болтали болду* (А. Белый); кота *мурлыкающее мурло* (Нарбут); диалектизмы: Сумрачны были похороны, и красное не красным, *сумрачным смурило* (Ремизов), аббревиатуры: *царапают* лапки *Церабкоопа* (Асеев); *чеканит Чека* гильотину (Нарбут), иноязычные слова: *Февраль* к Апрелю льнет *фривольно*, Как *фаворитка* к королю; *аморальный амариллис*, (Северянин), слова других языков: Rittersрruch-Richterspruch (Хомяков); Rayon de rayonne (Г. Иванов), Эта merry Mary так насмеялась над моим простодушием (Вельтман) и межъязыковая паронимия: пятнадцать лет истинно благополучного замужества пошли ей впрок: она сделалась Adansonia *baobab* между *бабами* (Герцен). Паронимические отношения распространяются на окказиональные слова: Наша публика не только *обеллинилась*, но и *взбеленилась* (В. Одоевский); ...у меня до сих в каком-то определенном уединенном *ундинном* месте сердца – жар и муть (Цветаева); *брусника-грустника* под синей осиной (Д. Семеновский).

Часть сочетаний с новообразованиями преобразует уже известные: слова *строй–струна* и их производные входят, с одной стороны, в обычные сочетания, типа *строй струн*, с другой, – одно из них становится основой окказионального слова: *струнят* и строят инструменты (А. Белый). Паре *гусли–глас*: *гусль доброгласная* (С. Полоцкий); Тебе поют *гусли*, кимвалы, Тебе славят трубы *громкогласны* (Тредиаковский); Тимпана звучный гром Как с *гуслями согласен* (Державин), в XX в. соответствует *гусельчатый голосочек* (А. Белый), на основе пары *кружить–кружево* возникает пара, в которую входит глагольная метафора: Твоих городов карусель, Под строфы Эмиля Верхарна *Кружа, кружевеет* Брюссель (Северянин).

Таким образом, звуковой строй русской поэзии характеризует взаимодействие и смена звуковых повторов разных типов.

ЛИТЕРАТУРА

Григорьев В.П., Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю паронимов русского языка. М., 1992.

Брик О.М. Звуковые повторы. Поэтика. П., 1919.

С.А.Крылов

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ К РАБОТЕ Р.И. АВАНЕСОВА "РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ И ДИАЛЕКТНАЯ ФОНЕТИКА"*

Ромб означает повтор ключевого термина в роли носителя параметра при подчиненных параметрах. Тильда означает повтор ключевого термина в роли определяемого при подчиненных атрибутах. Антонимы вводятся символом "Х"; тильда в составе однокорневого антонима обозначает повтор корня. Синонимы иногда вводятся знаком //. В указателе использован ряд сокращений. Неочевидные сокращения раскрываются так:

асс.	ассимилятивн(ый)	*оэ.*	орфоэпическ(ий)
безуд.	безударн(ый)	*позиц.*	позиционн(ый)
гр.	грамматическ(ий)	*посл.*	последний
ист.	историческ(ий)	*предуд.*	предударн(ый)
дисс.	диссимилятивн(ый)	*разг.*	разговорный
зауд.	заударн(ый)	*со.*	словообразовательн(ый)
зв.	звуков(ой)	*сравн.*	сравнительный
лингв.	лингвистическ(ий)	*ср.-ист.*	сравнительно-историческ(ий)
макс.	максимальн(ый)	*фл.*	фонологическ(ий)
мл.	морфологическ(ий)	*фм.*	фонемн(ый)
мм.	морфемн(ый)	*фмт.*	фонематическ(ий)
мфл.	морфонологическ(ий)	*фт.*	фонетическ(ий)
мфм.	морфофонемн(ый)	*фц.*	функциональн(ый)
мфмт.	морфофонематическ(ий)	*яз.*	языков(ой)
ор.	орфографический	[м]	[метод]

а́канье 126**, 140, **143–149,** 167, 217, **221–232;** ~ *асс.* **144;** ~ *дисс.* Х не~ **146–149, 163–164, 224–225;** ~ непо́лное 228
аку́т 104
алфави́т 5, 186
ана́лиз [м] 123; ~ *мфмт.* **46;** ~ *сравн.* 234; ~ структурно-*ист.* 226; ~ структурный 235
анало́гия 130–131, 161, 256, 280; ~ *гр.* 166, 213, 218; ~ *мл.* 219, 264
анома́лия 166–167, 261–262, 264
антропони́мика 274–275
артикуля́ция 181–183, 233, 251; ~ йотовая **182,** 196; ◆ приспособле́ние 199
архаи́змы 87
ассимилятивность 156, 159–160
ассимиля́ция 176, 194, 196, 247, 251; ~ регрессивная 191–192
ассона́нс 275
а́тласы *13*, **17,** 141–142, 166, 169, *230*
а́ффикс 89
аффиксация 89, 94
аффрика́ты 172–174
бифоне́мность 179
бу́ква 43–44, 46–50, 56–57, 66–70, 186
бу́квы ◆ сочета́ние 193
взрыв 172–173
вид 92
внепа́рность 209

* М.: Просвещение, 1974. 287 с.

** Жирным выделены наиболее важные вхождения данного понятия.

вокали́зм 100, 102, **128,** 140, **143–169,** 224–225, 238, 244, 259; ~ *безуд.* **48,** 53–54, 225, 276; ~ *зауд.* 201; ~ *предуд.* **145, 149–150,** 154–156, **164–166,** 228; ~ уда́рный **141, 161,** 226
вопро́с ко́свенный 106
вре́мя 89, 91–93, 280
выра́внивание 224, **249**
генерализа́ция [м] **123**
геогра́фия *лингв.* 8, 141, 217, 221, 223, 225–226, 228, 231, 233, 237, 284
гиперфоне́ма 7
глаго́л 90–93, 95–96
гла́сные 143–169, 217–232, 238–259; ◆ измене́ние 102; ◆ реду́кция 102, 107, 126, 223; ◆ подъём ве́рхний, ве́рхне-средний, не́верхний, ни́жний, сре́дний 33, 48, 52–53, 69, 125, 140, 143–169, 217, 225–226, 229; ◆ ряд$_1$. 23; ◆ ~ пере́дний **180–188, 243–245;**◆ чередова́ние 29; ~ закры́тые Х откры́тые **128–131;** ~ лабиализ. Х не~ 33, 48, 52, 57, 154, 254, 281; ~ носовы́е 252; ~ по́лного образова́ния Х редуци́р. 242, 255; ◆ произноше́ние 274
гла́сный ◆ гро́мкость **81;** ◆ дли́тельность **79–83;** ◆ кра́ткость 82;◆ ме́сто //положе́ние **126–127,** 129; ◆ удлине́ние 208; ~ бе́глый 261; ~ *безуд.* 48, 101–102; ~ уда́рный 81, 156
го́воры 123; ◆ изуче́ние исче́рпывающее **123;** ~ а́кающие Х о́кающие **125–127,** 140, 150, 166, 223–224, 229; ~ ёкающие 277; ~ ме́стные 185; ~ мещанские **155, 159;** ~ цо́кающие 229
го́лос 23, 183
гра́вис 104
грамма́тика 3, **17–19,** 36–38, 102; ~ *ист.* 259, 284; ~ *ср.-ист.* **263**
грамматикализа́ция *4*, 167, *169*
грани́цы *мм.* 194
графе́ма 43
гра́фика 65–66, 76–78
гру́ппофоне́ма 259
двуфоне́мность 211
двуязы́чие 122
дѐепричáстие 68
детализа́ция [м] **123**
дефи́с 116, 195
дзе́канье 222
диале́кт 119–124
диалектоло́гия 3–5, 8, 13, 16, 129, 166, 217
диале́кты ◆ осо́бенности 138; ◆ отли́чия *фт.* 228; ◆ при́знаки о́бщие Х отличи́т. (//различи́т.) 119–120, 138; ◆ разли́чия *фт.* 137; ◆ соотве́тственность **123**
диахрони́я 122, *169*
диссимиляти́вность 156, 158, 168
диссимиля́ция 194; ~ регресс. *191*
дифто́нг 130, *222*
дифференциа́ция *макс.* Х ме́ньшая **32–33, 46**
ду́жка све́рху 192
едини́ца звукова́я кратча́йшая 6, 103
едини́цы 22–25; ~ зна́чимые Х не~ 33; ~ сегм. Х супер~ (//просод.) **25,** 101
е́канье 140, **150, 159**
ёканье 166–167, **281**
займствования 193; ~ зап.-европ. 133; ~ книж. 132; ~ но́вые Х ста́рые 132
закономе́рности *фт.* 196, 220
зако́ны *фт.* 253
за́пись малогра́мотная 185; ~ *ог.* **65;** ~ пе́сенная 186; ~ *фт.* 185
затво́р 177
звук ◆ долгота́ **82–83, 170–171,** 211; ◆ ка́чества госпо́дствующие (//обусло́вливающие //самостоя́т.) Х зави́симые (//подчинённые //обусло́вленные //несамостоя́т.) 250, 258; ◆ образова́ние ◆ спо́соб 23; ◆ при́знаки акуст. *39*; ◆ сво́йства акуст., физиол. *37, 45*; ~ нача́льный 23
зву́ки$_1$. ◆ заме́на *мл.* 280–282; ~ ре́чи 23, 170
зву́ки$_2$. ◆ идентифика́ция 76; ◆ ~ *мл.* 203 ◆ объедине́ние *фц.* 242; ◆ отождествле́ние 248–249; ◆ ~ *мл.* 249; ◆ распределе́ние 196; ◆ соотве́тствия *мфл.* 268; ◆ соотноси́тельность 196, 247–248; ◆ то́ждество *мл.* 240, *244*, 247; ~ *фц.* **40,** 124, 246; эквивале́нтность 41, 269; ~ *мл.* 240, 244, 246
зву́ки$_3$ ◆ сочета́ние **58–59,** 71, 210; ◆ внутри*мм.* 71; ◆◆ при́знаки о́бщие **61, 63**
зву́косочета́ние 172
значе́ние 66; ~ *лекс.* 107; ~ специализи́р. 265
идио́ма 58
измене́ния ка́ч. 126; ~ *фт.* 239, 257
изогло́сса 230
и́канье 140, 150, 155, **159**
имена́ же́нские 209; ~ ли́чные 275; ~ со́бств. 72, 262
инфинити́в 98, 279
исключе́ния 72, 195, 252, 262
йот *180–188, 200–205*
ка́рта диалектол. **13,** *230*, 276, 281
катего́рии фонѐмообразу́ющие **249, 254–255, 257–258,** 263, 270
катего́рия 160, 186, 238, 241–242, 270, 274; ~ *гр.* 96; ~ корреляти́вная 269; ~ *мл.* 172, 207, 216; ~ *со.* 172; ~ соотноси́т. 273; ~ *фл.* **82–83,** 271
коллекти́в яз. *121*
коми́ссия диалектол. Моск. **10, 13, 16**
консонанти́зм 27, 75, 140, 160, 206, 244, 259, 269

конструкция вопр. **106**
контекст 66
корень 95, 97, 112–113, 170–171, **178**, 195, 252–253, 257; ◆ конец 265
корреляция 75, 206
корреспонденция *мл.* 242, 244, 249–250
культура$_1$. материальная 140
культура$_2$. речи 5
лабиализация 23, 144, 281
лексика 20, 86, 88, 101–102, 140, 184; ~ общеупотр. 88; ~ *спец.* 266
лексикализация *4, 167, 169*
лексикография 8, 15
лексикология 8, 17–18, 36–38, 100
лигатура 192
лингвистика прикл. 5
лицо 91
местоимения 105–107; ~ вопр. Х отн. *106*
метатеза 271
метод *ср.-ист.* 232; ~ *сравн.* 221
младограмматики *20*, 120
модель$_1$. *гр.* 196; ~ *со.* 25, 216, 260, 262, 274; ~ флексийная 216; ~ *фт.-мл.* 282; ~ *фт.* 130
модель$_2$. *фт.* 8
монофонемность 179
морфема 18, 35–37; ◆ безударность **31;** ◆ варианты **36, 38;** ◆ написание **71;** ◆ пределы 174, 191, 207, 246; ◆ репрезентация *фм.* 215; ◆ состав **39**, 215–216, 260; ◆ ~ *фм.* 216, 260; ◆ тождество **33–35, 37;** ◆ элементы **34–35, 38, 41, 46;** ~ корневая 31, **36–37,** 56, 61, 63, 102, 171, 251
морфемы ◆ тождество 137
морфологизация *4*, 278
морфология$_1$. 4, **21,** 140, 184, *242*, 284
морфология$_2$. *ист.* 283
морфонема 7
нагрузка *фц.* 77, 203, 214
названия геогр. 194; ~ городов 275; ~ лиц 98; ~ нариц. Х собств. 117; ~ рек 274; ~ сокращ. 117
наклонение повелит. 91, 195, 280
написание 44, 187; ~ vs. произношение **43, 67;** ~ двойное **171;** ~ закономерное Х не~ **44;** ~ *мл.* **74;** ~ *ог.* **64;** ~ произвольное //случайное //условное **44, 67;** ~ *фт. 73*; ~ этим. **68–69**
наречие$_I$ [adverb] 87
наречие$_{II}$ [диалект] 119
науки естеств. 20; ~ соц. 20
нейтрализация 5, 124, *149–150, 165, 194, 196*–197, 201–203, *269*
неразличение 48–50, 124, 133, 168, 185, 190, 201, 251
новообразование 233
норма 14–15, 172; ~ произносит. (//произношения) 69; ~ ~ младшая Х старшая 203–204; ~ яз. 88
нуль звука **63**
обобщение [м] **123**
оборот фразеол. 58, 274
образования книжные 115
обращение 107
обусловленность взаимная 250; ~ *позиц.* 137, *254*; ~ *фт.* 137, *278*
общение междиал. 141; ~ яз. 121
объяснение *ист.* 167
ограничение *мл. 278*
однофонемность 211
оканье 125, 143–145, 230; ~ *асс.* **144**
окончание 89, 96, 213–214, 270, 280–281; ~ личное 91, 129; ~ падежное 128–129, 168, 219
омонимия 22, *32*
описание синхронич. //синхронное 141, 169; ~ *фл.* 5, 169
оппозиция 6
орфография 4–5, 8, 16, **43,** 57, **66–67, 76–77,** 216; ◆ принцип *мл.* **57, 71–75;** ◆ ~ *фт.* **73;** ◆ ~ этимол. *67–69*
орфоэпия 14–16
основа 89–100; ◆ исход 208; ~ непроизводная 208, 211, 262, 268, 274; ~ ударная 200, 203
отчество 209, 211
ошибки 88, 185; ~ *ог.* 4–5
падеж вин. 84, 89–90, 96, 212; ~ дат. 84, 211; ~ им. 212, 263; ~ косв. 210–211, 263; ~ местный 84; ~ предл. 90, 102; ~ род. 84, 89; ~ тв. 131, 210, 217
падение редуцированных 30, 222–224, 242, 246, 249, 254–255, 257, 270
памятники письм. 187, 228, 232, *255, 265*
пара коррелятивная 214
парадигма 25, 101, 166–167, 169, 208–210, 215
параллелизм 162–165
переразложение *мл.* 252
письмо 43–45, 65–68; ~ зв. 21, 23, **43–45;** ~ *ог.* **43, 47, 57, 65–66;** ~ этим. **67**
подравнение 227; ~ *мл.* 278, *280, 282–283*
подсистема 55
подход *ист.* 139
позиции взаимно исключающие 245
позиция 23–24; ~ непроверяемая **43;** ~ *предуд.* **155;** ~ сильная Х слабая **30,** 32, 39, 46, 50, 57, 62, 195, 201; ~ *фт.* 130
полифонема 139
полногласие *90*
положение сильное Х слабое 49, **125–127,** 129–135, 138, 224; ~ сильное абсолютно **127, 138–139;** ~ *фт.* **23–24,** 81, 83, 127, 240, 278

по̀лудиале́кт 155
пра́вильность 88
правописа́ние 14, 67, 70–72, 78
предло́г 103–105, 187, 252, 254–255, 257; ~ сло́жный 104
предложе́ние прида́точное 106
пре́фикс 108
префикса́ция 100
при́знак 58, 60–61, 66–67, 192; ◆ роль различи́т. 194; ~ конститути́вный 26–27, 230; ~ *позиц.* **60,** 191; ~ суще́ств. 194; ~ *фмт.* 50
при́знаки ~ дифференц. 189; ~ *зв.* 58; ~ необусло́вленные позицио́нно 192; ~ различи́т. 189; ~ самост. 50, 192
прилага́тельное 93, 99; ◆ фо́рма кра́ткая X по́лная 94; ~ кра́ткое 87, 93–94; ~ сло́жное 114–115
прилага́тельные ка̀ч.-отн. 212, 214; ~ ка́ч. 97; ~ отн. 99; ~ притяж. 212–213, 216
приме́та *гр.* 278
приста́вка 59, 68, 73–74, 92, 170, 187, 252–253; ◆ коне́ц 254; ◆ написа́ние **68, 73–75;** ◆ происхожд. иноя̀з. 117–118; ~ *безуд.* **68;** ~ греч. 193; ~ лат. 193
причáстие 93, 97
произноше́ние 3, 69, 96, 171–172, 194, 211–212, 215; ◆ но́рма мла́дшая X ста́ршая 198, 201; ◆ ~ моск. 203; ◆ стиль **207–211, 215–216;** ◆ ~ высо́кий 207, 209, 212–213, 215–216; ◆ ~ нейтр. 207, 212; ◆ ~ по́лный 39, 48; ◆ ~ *разг.* 155, **207–212, 215–216;** ◆ тип алле́гровый 197; ◆ ~ *разг.* 197; ~ беглое 211, 215; ~ индив. 198–199; ~ кни́ж. 106; ~ ленингр. ста́рое 172; ~ лит. 3, 69, 96, 155, 200; ~ обы́чное 204; ~ *оэ.* 174; ~ отчётл. **48,** 205; ~ *разг. 208,* 212, 215; ~ стара́т. 213, 215; ~ утри́р. 183; ~ чека́нное 215; ~ шепеля́вое 173
прокли́тика 66, 103, 105
просторе́чие 87, 155, 190, 194–195
противоре́чие 238
проце́ссы 233; ~ зв. 257; ~ *мл.* 238, 249–250, 258, 283; ~ *фт.* 137, 172, 191, 215, 229, **238–240,** 242, 249, 258, 283
психофоне́тика 10
различе́ние 24, 124, 164
различи́тели 102, 253
разли́чия диал. **124;** ~ зв. кратча́йшие **22**
реа́льность яз. 122–123
реконстру́кция вну́тр. 261
рефле́кс 264
речь 69, 81, 171, 194, 198, 207; ◆ бр̀ганы 197; ~ ◆ стиль 116; ~ алле́гровая 198, 200, 207; ~ бе́глая **69;** ~ диал. 4–5, 16; ~ жива́я 100, 171, 194–195; ~ лит. 171, 194; ~ небре́жная 198–200; ~ отчётл. **69;** ~ персона́жей 185; ~ пи́сьм. 5; ~ *разг.* 207–208, 211–213; ~ у́стная 5, 71, 197, 199; ~ чека́нная **69;** ~ эмоц. 81; ~ эмфати́ч. 81
ри́фма 275
род 87, 92–94, 212, 263–264, 268, 273
ряд$_2$. *фм.* **6–7, 33–35, 46–47, 52–57,** 59, 71, 201
самостоя́тельность 250
свя́зка 107
силлабе́ма 247, 258–259
сингармони́зм 247, 259
си́нтаксис 21
си́нтез [м] 123
синхрони́я 122, 139
систе́ма ◆ перестро́йка 238, 241–242, 283; ◆ ~ *фц.* 238, 241, 242, 250; ~ вокали́ч. 259; ~ *гр.* 124; ~ диал. 3, 5, **44;** ~ ~ ча́стная 142, 161; ~ зв. **30, 67, 239–241,** 244; ~ консона́нтная 259; ~ *мл.* 283; ~ фоне́м 242; ~ *фмт.* 196, 260, 262; ~ *фм.* **78;** ~ *фт.* **17–20, 30, 37–38, 43–45,** 124, **138–139,** 161, 193, 197, **238–240,** 242, **249–251, 256–257,** 278, 283–284; ~ *фл.* 4, **165–167,** 169, 200, 260; ~ ча́стная X о́бщая **44,** 142; ~ яз. 138, 140, 241, 258
сказу́емое 107
склоне́ние 70, 129, 167, 209, 213, 217, 262
ско́бки квадра́тные, лине́йные, угловы́е **48;** ~ фигу́рные **59, 63**
слова́$_1$. ◆ кла́ссы *гр.* 262; *безуд.* **103–107;** ~ диал. 263; ~ займств. 156, 187, 190–191, 193, 196; ~ изменя́емые 57, 85; ~ иностр. 195; ~ иноя̀з. 198, 256; ~ иско́н. 191; ~ кни́ж. 109, *199*; ~ лит. *199*; ~ местоим. 106; ~ незаи́мств. 252; ~ неизм. 46–47, 57, 85–86; ~ нейтр. стилисти́чески **87,** 109; ~ о̀бщераспростр. 193; ~ о̀бщеупотр. 196; ~ освóенные 196; ~ по̀слеуд. **103;** ~ *предуд.* **103;** ~ просторе́чн. 263; ~ самостоя́т. **105–107,** 252, 254; ~ слабоударя́емые **103–107**; ~ служ. 103, 107
слова́$_2$. ◆ гру́ппа *со.* **100;** ◆ дифференциа́ция *гр., лекс.* **86–87;** ◆ ~ смысловáя **88;** ◆ ~ стилист. *86–87*; ◆ отли́чия зв. **22;** ◆ различе́ние **100;** ◆ связь *со.* **97**
слова́$_3$. ◆ стык **257;** ~ вво́дные 107
слова́рь$_1$. 15–16; ~ двуяз. 16; ~ иностр. слов 195; ~ одноя̀з. 16; ~ *ог.* 193; ~ толко́вый 15
слова́рь$_2$. *спец.* 113
сло́во$_0$. *фт.* 79
сло́во$_1$. 19, 25, 47, 52, 96–97; ◆ аспе́кт *мфл.* 272; ◆ ~ семант. 272; ◆ ~ *со.* 272; ◆ вариáнт **86;** ◆ ~ диал. **86;** ◆ ~ жарг. **86;** ◆ ~ *ог.* 193; ◆ ~ пра́вильный X не~ **86;** ◆ ~ произноси́т. 175; ◆ ~ просторе́чн. **86;** ◆ грани́цы$_1$. 80; ◆ значе́ние 98; ◆ колори́т нар.-поэти́ч. **87;** ◆ коне́ц 29, 32, 36, 39, 43, 51, 58,

62, 66, 69, 127, 189, 198, 200, 215; ◆ моде́ль$_4$. флекси́йная 216; ◆ ~ *фт.* 130; ◆ написа́ние *ог.* **64**; ◆ нача́ло **35, 39,** 48, 52, 58, 127, 185, 198, 251; ◆ ~ абсолю́тное 52, **127,** 250–251; ◆ оболо́чка зв. **22**; ◆ окра́ска кни́жно-архаи́ч. **87**; ◆ ~ стилист. 198–199, 274; ◆ ~ эмоц.-экспресс. 191; ◆ оформле́ние зв. **22**; ◆ происхожде́ние 53; ◆ ~ за́п.-европ. 134; ◆ ~ иноязы́ч. 53, 55, 72, 109, 116, 134, 171, 199; ◆ ~ кни́ж. 133–134, 172, 252; ◆ ~ нар.-поэт. **87**; ◆ ~ церк.-слав. 133–134; ◆ середи́на **58**; ◆ соста́в 215; ◆ ~ *мм.* 215; ◆ ~ *фм.* 4, 78, 216; ◆ ~ *фл.* 171, 179; ◆ строе́ние *мл.* 216; ◆ структу́ра *фмл.* **74**; ◆ тип *со.* 216; ◆ употребле́ние 107; ◆ усвое́ние 196; ◆ фо́рма 25, 57, 102; ◆ ~ *гр.* **45–47,** 166; ◆ ~ сло̀воизмене́ния 35; ◆ ~ сло̀вообразова́ния 35; ◆ фу́нкция синт. 106; ◆ члене́ние **22–23,** 194; ◆ члени́мость 211; ◆ ~ *мл.* **252–253**; ~ *безуд.* **103–107**; ~ мотиви́рующее 264–265; ~ напи́санное 23; ~ непроизво́дное 99, 264, 273–274; ~ относи́т. 106; ~ произво́дное 262, 273; ~ самостоя́т. 100; ~ сло́жное **107–118**; ~ сло̀жносокращённое 108, 117, 195

сло̀воизмене́ние 4, 34–35, 38

сло̀вообразова́ние 4, 34–35, 38, 100–102, 215

словофо́рма 6, **25, 31–39**; ◆ оболо́чка зв. **24–25**; ◆ оформле́ние зв. **36**; ◆ соста́в **39**; ◆ ~ *фл.* 200; ◆ то́ждество **33, 35**; ◆ эле́мент **5, 41, 38**

слог 58, 95, 97, 206, 247; ◆ гармониза́ция **247**; ◆ изохро́нность 208; ~ *безуд.* **29, 48, 80–83,** 103, 125, 140, 161, 224; ~ второ́й 87; ~ закры́тый 201, 222; ~ *зауд.* 23, 48, 53, 102, 208–211; ~~ второ́й 215; ~~ непосре́дственно **210–211,** 213, 215; ~ коне́чный 48, 60, 130–131, 201, 208, 211; ~ мя́гкий **247, 253**; ~ нача́льный 83; ~ неконе́чный 23; ~ откры́тый 48, 52, 69, 130–131; ~ посл. 280; ~ предпосл. 280; ~ *предуд.* 29–30, 36, 53, 152–155, 162–163, 166–168, 217–219, 277, 281; ~~ пе́рвый 29–30, 36, 41, 52–53, 102, 125, 144, 146, 155–156, 161, 163, 224; ~ твёрдый **247, 253**; ~ уда́ренный **29**; ~ уда́рный **80–82,** 156, 161

слогоделе́ние 58

сложе́ние 111–117, 251–252, 254

смысл 66

смы̀слоразличе́ние 18, 256

согла́сные 170–216, 233–237; ◆ вибра́нтность **271**◆ дѐлабиализа́ция **256**; ◆ зво́нкость vs. глу́хость **36, 49**; ◆ латера́льность **271**; ◆ мя́гкость vs. твёрдость 8, 23, 48–49, **241–242,** 246, 250–251, 270; ◆ оглуше́ние 233; ◆ озвонче́ние 187; ◆ ослабле́ние 172–173; ◆ отверде́ние 173, 208; ◆ палатализа́ция **26–27,** 174, 182–183; палата́льность 182; ◆ по̀лумя́гкость *позиц.* 264, 270; ◆ смягче́ние 177, **243–245,** 253; ◆ ~ неорга́нич. 186; ◆ чередова́ние 29, 176, 264; ~ вели́ярн. **233**; ~ взрывн. 44, 63, 187, 233, 236; ~ глухи́е vs. зво́нкие 32, 51–52, 56, 63, 180–188, 233; ~ горта́н. **233,** 236; ~ губ. 190, 208; ~ двойны́е **170–171**; ~ дент. 50; ~ за̀дненёб. **180–188,** 276, 278, 282; ~ за̀дненяз. 75, **233, 261–264**; ~ зуб. 50, 56, 63, 197, 199; ~ лаб. 50, **189–196**; ~ латер. *271*; ~ мя́гкие vs. твёрдые 23–24, 48, 51–53, 67, 126, 128–129, 143–169, 171–172, 179, 208, 210, 213–214, 217–219, 229, 241–242, 246, 261, 263, 269–271, 276–282; ~ нёбно-зуб. 50; ~ нос. 50, **189–199**; ~ палатализ. **27**; ~ перѐднеяз. **197–199**; ~ по̀лумя́г. 244–245, 253, 264; ~ свист. 56, 173, 177; ~ смы́чно-проход. 50; ~ смы́ч. 50, 197–199; ~ смягчён. Х не~ 256, 266; ~ сonóр. 200; ~ срѐдненёб. **180–184;** ~ фаринг. **233,** 236; ~ фрикат. 50, 56, 176–177, 180–185, 188, 236; ~ шип. 50, 128, **170–179,** 208, 213–214, 216, 219, **261–264,** 273, 280–282

согла́сный ◆ ме́сто образова́ния 23, 187, 191, 196; ~ долгий **170–179**; ~ непроизноси́мый 178

сона́нты 186

сочета́емость 77

сочета́ние 57–62, 66–67, 76, 103–106, 210; ~ свя́занное 58

сою́з 103, 105

спосо́бность различи́т. **30,** 34, **39, 41–42**

спряже́ние 70, 91, 129, 200, 203–204, 276, 280–282

сре́дства вспом. **89;** ~ *гр.* 101; ~ *фл.* 66, 81, 100

станда́рт лит. 119

сте́пень *сравн.* 94–95, 97

стиль высо́к. 207, 209, 212; ~ нейтр. 204, 212; ~ *разг.* 212

структурали́зм 20

стык 74, 161, 178, 207, 252–253, **255–257**; ~ морфе́м 49, 59–60, 66–67, 71–73, 170–172, 174, 195, 207, 215; ~ *мл.* **74, 253,** 256

стяже́ние 254

су́ффикс 75, 93, 95, 97–100, 112, 168, 178, 195, 241, 250, 264, 268–270; ◆ акти́вность 268, 272; ~ агенти́вный 178; ~ притяжат. 256; ~ уменьш. 129, 218–219, **272**

суффикса́ция 100

существи́тельное 89–90

существи́тельные отглаг. 209; ~ произво́дные Х не~ 262, 270; ~ уменьш.-ласк. //уменьш. **98–99, 260–275**

схе́мы 24, 26–29, 131–135, 143–144, 148, 152–153, 155–156, 173
тембр 82
те́рмины техни́ч. 193
терминоло́гия 113, 275
тип звуковой 21
тон 82–84; ◆ высота́ 80
топони́мика 274–275
то́чка зре́ния геогр. 228; ~~ *ист.* 128, 168, 278; ~~ практи́ч. **76**; ~~ психол. 241; ~~ синхро́нная 167–169, *261*, 278; ~~ физиол. *240*; ~~ физиол.-акуст. 170; ~~ *фл.* 170, 194; ~~ *фц.* *240*–241; ~~ этим. **69**
тради́ция 67
транскри́пция 5, **43–70**; ~ *мфмт.* **46–47, 52–57, 59, 61–63, 65–68, 70, 72;** ~ слòво*фмт.* **46–52, 57, 59, 62;** ~ *фмт.* **70, 72;** ~ *фт.* **46–47, 52, 62**
ударе́ние 22–23, **25, 79–118,** 125–128, 255, 281; ◆ ме́сто **84–87,** 103, 209; ◆ перено́с 92, 94; ◆ разноме́стность **84–88;** ~ восходя́щее 84, 128, 130, 139, 217; ~ квантитати́вное (//коли́ч.) **80;** ~ монотони́ч. Х политони́ч. **84;** ~ муз. **80,** 82; ~ на оконча́нии **89–91, 100;** ~~ осно́ве **89–100,** 201; ~~ приста́вке **68;** ~~ фле́ксии **90,** 201; наконе́чное 280; ~ нисходя́щее 84, 128; ~ норм. **106–107;** ~ осн. Х побо́чное (//сла́бое) **104–118,** 195; ~ подви́жное Х не~ **88–89,** 100; ~~ *со.* **97, 100;** ~~ формообр. **88, 96,** 101; ~~ посто-я́нное **95;** ~ пра́вильное Х не~ **91;** ~ разноме́стное **84,** 100; ~ ро́вное **84;** ~ свобо́дное Х свя́занное (//фикси́рованное) **84–85;** ~ слове́сное 25, 79, 108; ~ та́ктовое 82, 105; ~ тони́ч. **80;** ~ фра́зовое 25, 82, 105–106; ~ экспиратóрное (//выдыха́т.) **80**
уда́рность 101, 207
уменьши́тельность 260, 266–267
у́ровень$_1$. *фм.* 258
у́ровень$_2$. *мфмт.* 202, 205; ~ слòво*фмт.* 202; ~ *фт.* 205, 211; ~ *фл.* 165
усло́вия комбинато́рные 34; ~ *позиц.* **24, 34, 57, 249;** ~ *фт.* **23–24,** 200, 216, 246, 278
фами́лии 75–78, 194, 211, 275
фле́ксия 43, 62, 70, 89–90, 102, 161, 167, 204, 208–210, 215–216, 240, 242–243, 255, 257; ◆ коне́ц **43–44;** ◆ отсу́тствие **89;** ◆ систе́ма ~ий 250; ~ осно́вы 246
фоне́ма 22–25, 32; ◆ вариа́нт 6, 32, **40–42,** 47, 63–64, 124–126, 140, 197, 200, 205, 246, 264; ◆ ~ нулево́й **63–64, 200,** 202; ◆ ~ *позиц.* 264; ◆ вариа́ция 5, 8, **127,** 240, 243, 245, 253; ◆ вид осн. 6, **40–41,** 240; ◆ еди́нство *фц.* 34, **41,** *240*; ◆ замести́тель **33, 53–54, 67;** ◆ пози́ция 133; ◆ полноце́нность Х не~ 130, 132; ◆ разнови́дности 24, 240, 246, 254, 257; ◆ расщепле́ние 152, 270; ◆ реализа́ция 163, 197; ◆ роль различи́т. //смы̀слоразличи́т. 19; ◆ ~ *фмт.* **31;** ◆ сторона́ *фц.* 133; ◆ употребле́ние 133; ◆ фу́нкция различи́т. **24, 32, 47;** ◆ эквивале́нт **32–33;** ~ внепа́рная **208, 211–212,** 214, 216; ~ полноце́нная Х не~ **131–133, 135;** ~ па́рная Х не~ 263, 265, 270; ~ си́льная Х сла́бая **6–8, 30–37, 40–43, 46–54, 51–56,** 67, 124, 165, 191, 201; ~ слогова́я 101
фонемати́чность 41
фонеморазличе́ние *макс.* 6, 139
фоне́мы$_1$. ◆ тео́рия 69
фоне́мы$_2$. ◆ совпаде́ние 134, 185; ◆ пучо́к 165
фоне́мы$_3$. ◆ сочета́ние **76, 170–174,** 204, 246; ◆◆ компоне́нт 58–59; ◆◆ упроще́ние 177
фоне́тика$_1$. 3, 6, **17–22,** 102; ~ *ист.* 4, 129, **238–239, 258,** 283; ~ традиц. **20, 39;** ~ эксперим. *234*
фоне́тика$_2$. 184, 284
фоноло́гия 4, 16, **20–22, 39, 78,** 241; ~ *ист.* **138;** ~ *сравн.* 138
фо́рма *гр.* 88–89, 94, 278
формообразова́ние 88, 101
фо́рмы ◆ унифика́ция 249
фра́за 79, 83–84, 106–107
фразеологи́змы 272
хроноло́гия 254; ~ отн. 187, **255,** 273, 278
це́канье 222
це́нность 238
церко̀внославяни́змы 132
ци́фра 48–50, 60–64
ча́сти ре́чи 89
части́ца возвратная **92**
части́цы 103, 105
чередова́ние 25-35, 37, 130, 137–138, 176, 262, 264; ◆ идентúчность *мл.* 201; ◆ обусло́вленность *позиц.* 4, 33, 137, 167; ◆ семасиологиза́ция 31, **34,** *39*; ◆ устране́ние 274; ~ живо́е **25;** ◆ фу́нкция различи́т. **31;** ~ комбина́торное **25;** ~ *мл.* 179, 242, 246, 250, 278; ~ *мфл.* 260, 273–274; ~ несемасиологизо́ванное 39; ~ не*фт.* 137, 167; ~ паралле́льное Х не~ **28, 30–31, 34, 38;** ~ пересека́ющееся **28, 30, 34, 38;** ~ *позиц.* 4, **25–31, 38,** 59, 193–194; ~ регулярное 130; ~ *фт.* 130, 246, 248, 250–251, 278
числи́тельное 103–104, 106–107, 115
число́ 89, 99–100, 209
члени́мость *мл.* 179, 252
чле́ны предложе́ния 58, 106
шепеля́вость *222*
шко́ла казанская 10–11; ~ *фл.* Моск. **5–7,** 17, *38–42*

шов *мм.* **61,** 195, **205;** ~~ агглютини́рующий 195
шум 233
эволю́ция *фт.* 257
энкли́тика 66, **103,** 106
этимоло́гия 68
язы́к 120–121; ◆ дифференциа́ция соц. 123; ◆ изуче́ние диахро́нное Х синхро́нное 4; ◆ иссле́дование макро- Х микроскопи́ч. **123;** ◆ исто́рия 3–4, 8, 13, 68, 263; ◆ носи́тель 140; ◆ разви́тие 237; ◆ разнови́дности 120; ◆ соста́в *лекс.* 124, 139, 196; ◆ ~~ слова́рный 38, 196; ◆ ~ фоне́м **33,** 124, **138–140,** 142; ◆ состоя́ние 3; ◆ строй *гр.* 18, 138, 215, 228; ◆ структу́ра *фт.* 124, 138; ~ и школа 184–185; ~ де́тский 272; ~ диал. **3,** 138; ~ живо́й 10, 190; ~ индиви́да 120–121; ~ индивидуальный 121; ~ книж. 256; ~ литерату́рный 120–121; ~ лит. 3–5, 86–87, 94–96, 119–122, 138, 159, 171, 193, 199–201, 249; ~ нау́ки 109; ~ нац. **120–122,** 230; ~ о́бщий 109, 120, 122, 178; ~ племенной 121; ~ *разг.* 93, 190; ~ родно́й 88; ~ *спец.* 109; ~ те́хники 109; ~ шко́льников 185
язы́к-исто́чник 193–194
языки́ ◆ еди́нство культ.-*ист.* 138; ~ бесписьм. **70;** ~ ро́дств. 221
языкове́дение *сравн.* 13
а́канье 126, 140, **150–160,** 168–169, **217–220, 224,** 228; ~ *асс.-дисс.* 218, 228–229; ~ *асс.*-уме́ренное **159–160;** ~ *асс.* **159;** ~ *дисс.*-уме́ренное **158;** ~ *дисс.* **151–156, 163–164,** 217–218, **224, 227–231,** 281; ~ си́льное **150–151;** ~ уме́ренно-*дисс.* **158,** 228–229; ~ уме́ренное **150–151,** 166
ять 14, *131*, *139*

VI

Грамматика

Т.В. Попова

О МОРФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ СЛОВОФОРМ Тв. ед. СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ЖЕНСКОГО РОДА СТАРЫХ *ĭ-ОСНОВ В НЕКОТОРЫХ СОВРЕМЕННЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В своей статье 1978 г. "О фонологическом статусе долгих согласных в белорусском языке" (ВЯ, 1978, № 1) Р.И. Аванесов специально останавливается на вопросе о структуре словоформ Тв.ед. существительных женского рода старых *ĭ-основ типа *ноччю* (от *ночь*), *далонню* (от *далонь*), *шыр'ю* (от *шыр*), *скацерцю* (от *скацерць*) и др. в современном белорусском литературном языке. Именно в этих словоформах (и не только в белорусском, но и в других славянских литературных языках, в частности, русском, украинском и сербско-хорватском) на стыке корня (основы) и флексии фиксируются различные сочетания согласных, фонологическая и морфонологическая интерпретация которых в науке неоднозначна.

Рассматривая в белорусском литературном языке данные сочетания согласных, представляющие собой либо долгие (удвоенные) мягкие переднеязычные и шипящие согласные (как, например, [л'л'] в *соллю*, [н'н'] в *далонню*, [чч] в *ноччу*), либо сочетания твердых губных и [р] с йотом (как, например, [рй] в *шыр'ю*, [фй] в *верф'ю*, [ўй] в *любоў'ю*), либо сочетания некоторых других твердых и мягких согласных (как, например, [рц'] в *скацерцю*), Р.И. Аванесов подчеркивал, что такое разнообразие сочетаний согласных в одной и той же морфологической позиции в рамках одного определенного класса слов дано нам лишь на уровне наблюдения, т.е. на фонетическом уровне, в то время как на глубинном фонологическом уровне здесь представлено во всех без исключения случаях сочетание той или иной согласной фонемы с йотом, а именно – /C'/ + /j/. Так, он писал: "⟨...⟩ на фонетическом уровне членение таково: ⟨...⟩ [далóн'-н'у]⟨...⟩, [нóч-чу]⟨...⟩ и рядом [вéрф-jу], [шы́р-jу]. Что же касается более глубокого уровня фонемного, точнее морфо-фонематического ⟨...⟩, то во всех этих и подобных случаях надо констатировать одну флексию – /ju/⟨...⟩: /nóč-ju/, /dalón'-ju/, /vérf-ju/, /šír-ju/. Фонема /j/ на стыке корня и начинающейся с нее флексии выступает в своем основном виде (т.е. как /j/) после губных и /r/, а после переднеязычных (кроме /r/) она позиционно замаскирована и выступает в облике согласного корня, т.е. повторяет ее. Это значит, что согласные [c'], [s'], [l'], [n'] и др. ⟨...⟩ являются вариантами фонемы /j/ ⟨...⟩. Перед нами целая сеть аллофонов, качество которых зависит от качества предшествующей согласной" (см. [Аванесов 1978, 82]). В случаях же *косць – кóсцю, скáцерць – скáцерцю* и под., т.е. после сочетания согласных, "/j/ выступает в своем нулевом варианте" [Аванесов 1978, 83].

Итак, основываясь на конкретных фактах современного белорусского литературного языка, Р.И. Аванесов затрагивает два вопроса, а именно – а) вопрос о фонологическом статусе долгих (или двойных) согласных, которые фиксиру-

ются лишь в определенных морфологических позициях, и б) вопрос о морфологическом членении словоформ Тв.ед. существительных женского рода *ĭ-основ, в которых он выделяет корень (основу) и флексию /ju/(/йу/).

Аналогичным образом, применяя концепцию Р.И. Аванесова и углубляя ее, трактует подобные факты в современном украинском литературном языке и А.Н. Залесский в статье "Подовжені приголосні у фонологічній і морфологічній системах української мови" (Мовознавство 1980, № 6). Обращаясь к вопросу о фонологическом статусе долгих согласных, А.Н. Залесский подерживает, что в украинском литературном языке (так же, как и в белорусском) мягкие долгие (удвоенные) согласные употребляются лишь в определенных морфологических категориях, а именно: в существительных среднего рода со значением собирательности (*коріння* [корíн'н'а], *суччя* [сýч'ч'а]), в префиксальных существительных (*похмілля* [похмілля [похмíл'л'а], *роздоріжжя* [роздоріж'ж'а]), в словоформах Тв. ед. существительных женского рода старых *ĭ-основ (*маззю* [мáз'з'у], *подорожжю* [пóдорож'ж'у]). Эти удвоенные согласные в синхронном плане следует, по его мнению, квалифицировать только как бифонемные сочетания типа /жй/, /шй/, /чй/, /з'й/, /л'й/ и под. (см. [Залеський 1980, 60–61]). Решая вопрос о конкретной фонетической реализации фонемы /j/ в украинском литературном языке, А.Н. Залесский наряду с данными словоформами приводит и другие однозначные словоформы с иными основами, например: *дуб'я* [дýбйа], *сніп'я* [снíпйа], *рам'я* [рáмйа], *пір'я* [пíрйа], *листя* [лúс'т'а], *терня* [тéрн'а]; *Поволжя* [повóлж'а], *осердя* [осéрд'а]; *кров'ю* [крóўйу], *глиб'ю* [глúбйу], *матір'ю* [мáтірйу], *твердю* [твéрд'у], *мастю* [мáс'т'у//мáс'ц'у], *харчю* [хáрч'у] и др. На основании сопоставления однозначных словоформ с разными корнями (основами) А.Н. Залесский делает вывод, что фонема /j/ в современном украинском литературном языке может быть реализована на звуковом (фонетическом) уровне чрезвычайно разнообразно: 1) при наличии долгих (удвоенных) согласных в словоформах типа *коріння, суччя, маззю, міццю, подорожжю* и под. – в согласных звуках [т', д', с', з', л', н', ц', ч', ж', ш']; 2) в словоформах с основами на губные и [р] типа *рам'я, пір'я, приозір'я, кров'ю* – в согласном [й]; 3) в словоформах с основами на сочетания переднеязычных согласных типа *терня, листя, підгорля, твердю, мислю* – в нуле звука; 4) в словоформах с основами на сочетание 'любой согласный + шипящий согласный' типа *Поволжя, жовчю* – в мягкости этого шипящего (см. [Залеський 1980, 60–61]). Следовательно, все мягкие долгие (удвоенные) согласные, фиксируемые в указанных словоформах на стыке корня и суффикса, основы и флексии, должны рассматриваться в синхронном плане, с точки зрения А.Н. Залесского, полностью разделяющего позицию Р.И. Аванесова, как звуки, реализующие сочетание определенной согласной фонемы с фонемой /j/ [Залеський 1980, 62].

Однако представляется вполне допустимой и иная фонологическая интерпретация долгих (удвоенных) согласных в том случае, если при их анализе применить строго синхронный подход и обратиться к реально существующим синтагматическим возможностям современного украинского литературного языка, а не ограничиваться одними лишь рамками рассмотренных выше грамматических категорий и позицией стыка морфем.

Синхронный анализ с и н т а г м а т и ч е с к и х возможностей звуковых единиц с о в р е м е н н о г о украинского литературного языка показывает,

что наряду с фонетическими сочетаниями [т'т'], как, например, в *суттю, життя*, [с'с'] в *віссю*, [н'н'] в *тінню*, [л'л'] в *сіллю*, [ж'ж] в *подорожжю*, [ч'ч'] в *обличчя* и др. (в которых второй согласный, как было показано выше, интерпретировался в качестве "замаскированного" аллофона фонемы /j/), возможны также и фонетические сочетания тех же самых согласных, но не с "замаскированным", а с реальным звуком [й], например: [н'й] в *Нью-Йорк, Ньяса, синьйор;* [с'й] в *Сьерра*, [л'й] в *мантилья, ескадрилья, льянос, Льэж* (см. [Погрібний 1984]) и т.д. Отсюда следует, что, например, в *тінню* мы имеем сочетание двух одинаковых фонем /н'н'/, а в *Нью-Йорк* – сочетание фонем /н'й/; в *віссю* – сочетание одинаковых фонем /с'с'/, а в *Сьерра* – сочетание фонем /с'й/; в *сіллю* – сочетание одинаковых фонем /л'л'/, а в *ескадрилья* – сочетание фонем /л'й/. Поэтому при такой синхронной фонологической интерпретации существующих фактов, фактически, отпадает необходимость говорить о "позиционно замаскированной и переодетой" фонеме /j/ и о наличии "целой сети ее аллофонов": оказывается, фонема /j/ может выступать только в одном своем "варианте", реализованном согласным звуком [й], поскольку в современном украинском литературном языке существуют реальные сочетания различных согласных с [й]: [н'й] в *синьйор*, [л'й] в *мантилья*, [с'й] в *Сьерра*, [бй] в *зуб'я*, [мй] в *рам'я* [рй] в *пір'я* и др. (Кстати, ср. также замечание Р.И. Аванесова относительно сочетаний мягких переднеязычных с [j] в современном белорусском литературном языке: "Удвоение согласных на месте 'согласная + /j/', видимо, процесс неактуальный: в новых заимствованиях, во всяком случае литературного языка, сочетание с /j/ сохраняется: *атэлье, модэльер, сеньёр, мильён*" [Аванесов, 1978, 85]. При этом следует специально подчеркнуть, что сфера употребления мягких переднеязычных с [й] в украинском литературном языке (так же, как и в белорусском) является очень ограниченной, но, однако, сочетания указанных согласных с [й] законами синтагматики ни в коем случае не запрещены: эти сочетания реально существуют в языке и поэтому нет необходимости искать реализацию фонемы /j/ в этой позиции в других звуках.

Переходя к вопросу о морфологической и морфонологической интерпретации словоформы Тв. ед. существительных женского рода **ĭ*-основ, напомним, что проф. Р.И. Аванесов в данной словоформе в белорусском литературном языке выделял лишь одну флексию – /ju/ (/йу/), и не только в *шыр'ю, верф'ю*, но и в *далонню, ноччу, мышшу, косцю, радасцю*. Чаще всего и в других славянских языках принято выделять в данной словоформе флексию /ju/ – в русском языке (ср. *солью, ночью*), в украинском (ср. *кров'ю, сіллю, ніччю* [Залесский 1980, 61]), в сербско-хорватском (ср. *стварју, слузју, мишљу, жеђу* [Славянская морфонология 1987, 183, 198]). Имеются, однако, отдельные опыты, считающие флексией Тв. ед. данных существительных флексию /у/. Так, например, И.Г. Матвияс [Матвіяс 1971, 161] для украинского языка выделяет именно флексию /у/, а не /йу/ и подробно описывает поведение конечного сегмента различного типа основ в словоформах Тв. ед. в существительных женского рода **ĭ*-основ перед окончанием /у/. Для белорусского языка Н.И. Гурский, М.Г. Булахов и М.Ц. Марченко [Беларуская мова 1955, 156, 157] также считают, что флексией Тв. ед. указанных существительных является флексия /у/, перед которой разные основы ведут себя по-разному. Т.П. Ломтев [Ломтев 1951, 64] выделяет в словоформах Тв. ед. данных существительных в белорусском литературном языке две флексии: /jу/ (/йу/) – в основах на губные и [р] и /у/ – в основах на другие со-

гласные. И все же наиболее распространенным и традиционным в славистике является признание флексией Тв. ед. существительных женского рода *ĭ-основ окончания /ju/ (/йу/).

Мы попытаемся показать, что если рассматривать структуру данных словоформ в нескольких славянских языках в сопоставительном плане и придерживаться строго синхронного подхода, то более целесообразным представляется выделение флексии /у/. Дело в том, что, как известно, именно строго синхронный подход к языковым фактам, при котором игнорируется этимологическая аргументация, а, напротив, выявляются новые связи и отношения между различными морфологическими элементами в рамках словоформы, и позволяет отойти от традиционной точки зрения и внести определенные коррективы в морфемную сегментацию рассматриваемых словоформ Тв. ед.

В качестве иллюстрации сказанного обратимся к анализу рядов словоформ И. ед. и Тв. ед. существительных женского рода *ĭ-основ в современном украинском языке.

В результате установления структурного параллелизма данных однозначных словоформ и проведения их синхронной морфемной сегментации, можно выделить нулевую флексию /∅/ в словоформах И. ед. и флексию /у/ (а не /йу/) в словоформах Тв. ед. Ср.: /кров/-/∅/ – /кров-й/-/у/, /твар/-/∅/ – /твар-й/-/у/, /сут'/-/∅/ – /сут'-т'/-/у/, /ніч/-/∅/ – /ніч-ч/-/у/, /поросл'/-/∅/ – /поросл'-∅/-/у/, /жовч/-/∅/ – /жовч/-/∅/-/у/ и др. Что касается корневой морфемы (или субстантивной основы), то оказывается, что она в наших примерах (т.е. в парах словоформ И. ед. – Тв. ед.) выступает либо в одном по звучанию "варианте" (ср. /поросл'-//поросл'∅-/, /жовч-//жовч∅-/), либо в двух вариантах (ср. /кров-//кровй-/, /твар-//тварй-/, /сут'-//сут'т'-/, /ніч-//нічч-); при этом целесообразно считать, что при наличии двух вариантов одной субстантивной основы второй вариант содержит м о р ф о н о л о г и ч е с к и й сегмент, расширяющий основу в словоформе Тв. ед. по типу наращения – либо за счет фонемы /й/ (в основах на губные и [р]), либо – в основах на переднеязычные и шипящие – за счет однозначной согласной фонемы, повторяющей согласную фонему в исходе первого варианта основы.

Такое структурное перераспределение морфемных границ в словоформах Тв. ед. существительных женского рода *ĭ-основ, выделяющее флексию /у/ (а не /йу/), может быть применено к однозначным словоформам не только в украинском языке, но и в русском, белорусском и сербско-хорватском языках. В этом случае применение однотипного морфемного членения однозначных словоформ и установление в них фиксированного набора морфологических и морфонологических элементов является основанием для получения выводов сопоставительного характера относительно синхронной морфонологической характеристики субстантивных основ данного класса слов.

Единый метод морфологического анализа словоизменительных парадигм существительных женского рода *ĭ-основ в русском, украинском, белорусском и сербско-хорватском языках в сопоставительном аспекте дал следующие результаты в раскрытии характерных особенностей морфонологической структуры рассматриваемых солвоформ Тв. ед.

1) В современном р у с с к о м литературном языке противопоставление словоформы Тв. ед. другим словоформам той же парадигмы характеризуется чередованием с наращением; сегмент, расширяющий основу в словоформе Тв.

ед., реализован фонемой /й/ вне зависимости от структуры исхода основы, ср.: *соль – солью, ночь – ночью, скатерть – скатертью.*

2) В современных у к р а и н с к о м и б е л о р у с с к о м литературных языках отмечается три возможности морфонологического преобразования основы в словоформах Тв. ед.: а) в основах на мягкие переднеязычные и шипящие согласные в словоформе Тв. ед. основа расширяется на морфонологический сегмент, реализованный удвоением согласной фонемы, завершающей основу в И. ед., например, укр. *суть – суттю, сіль – сіллю, ніч – ніччю;* бел. *столь – столлю, сенажаць – сенажаццю, ноч – ноччу*; б) в основах на губные и [р] в словоформе Тв. ед. основа расширяется сегментом, реализованным фонемой /й/, например: укр. *кров – кров'ю, Есфір – Есфір'ю*; бел. *глыб – глыб'ю, Сібір – Сібір'ю;* в) в основах на две (и более) согласные субстантивная основа во всех словоформах парадигмы (в том числе и в словоформе Тв. ед.) представлена лишь одним "вариантом", и поэтому морфонологическое чередование в этих основах отсутствует, т.е. парадигмы данных существительных являются морфонологически немаркированными, например: укр. *скатерть – скатертю, жовч – жовчю;* бел. *косць – косцю, колькасць – колькасцю, жоўць – жоўцю, смерць – смерцю.*

3) В современном с е р б с к о - х о р в а т с к о м литературном языке представлено пять возможностей преобразования субстантивной основы в словоформе Тв. ед.: а) в основах на [л, н] в словоформе Тв. ед. находим соответствующие мягкие фонемы /л', н'/, т.е. парадигмы этих существительных характеризуются морфонологическим чередованием твердых и мягких фонем, например: *со – сољу, јесен – јесењу*; б) в основах на [т, д] в словоформах Тв. ед. представлены фонемы /ћ, ђ/, т.е. в этих парадигмах фиксируется чередование типа ⟨Т ~ Č⟩, например: *памет – памећу, глад – глађу*; в) в основах на губные в словоформе Тв. ед. субстантивная основа расширяется на морфонологический сегмент, реализованный фонемой /л'/, например: *озим – озимљу, зоб – зобљу, кап – капљу;* г) в основах на шипящие и согласные [р, з] в словоформе Тв. ед. основа наращивается (расширяется) сегментом, реализованным фонемой /й/, например: *ствар – стварју, реч – речју, лаж – лажју, слуз – слузју*; д) в основах на согласные [л', ћ, ђ] субстантивная основа во всех словоформах парадигмы представлена лишь одним "вариантом", т.е. парадигмы данных существительных являются морфонологически немаркированными, например: *обитељ – обитељу, жеђ–жеђу, ноћ–ноћу.*

Таким образом, применение в синхронном плане для разных славянских языков, во-первых, единой фонологической интерпретации долгих (удвоенных) согласных и, во-вторых, одинакового морфологического членения однозначных словоформ, основанного на их синхронной разложимости и выделяющего флексию Тв. ед. /у/ в генетически одном и том же классе существительных (женский род, старые **ĭ*-основы), показывает, насколько различным было развитие изначально одинакового формального облика этих существительных, что было обусловлено различной по языкам судьбой отдельных серий согласных фонем в сочетании с **j*. Такой метод фонологического, морфологического и морфонологического анализа был нами применен в заключительном (сопоставительном) разделе коллективной монографии "Славянская морфонология. Субстантивное словоизменение" (М., 1987, с. 237).

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. О фонологическом статусе долгих согласных в белорусском языке // ВЯ. 1978. № 1.

[Беларуская мова 1955] – *Гурскі Н.І., Булахаў М.Г., Марчанка М.Ц.* Беларуская мова. Ч. 1. Мінск, 1955.

Залеський А.М. Подовжені приголосні у фонологічній і морфологічній системах української мови // Мовознавство. 1980. № 6.

Ломтев Т.П. Белорусский язык. М., 1951.

Матвіяс І.Г. Форми іменників Ш відміни в української мові // Праці XII респ. дїал. наради. Київ, 1971.

Погрібний М. Орфоепічний словник. Київ, 1984.

Славянская морфонология 1987 – Славянская морфонология. Субстантивное словоизменение/ Отв. ред. Т.В. Попова. М., 1987.

Л.А. Араева, А.Г. Антипов

"ФОНОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ" РУССКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

1. ФОНОЛОГИЯ И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Слова Р.И. Аванесова о своем прообразе видения языка[1], включенные в заглавие нашей статьи, определяют, вероятно, не только когнитивный стиль ученого, но и научный прототип многих "новейших" разделов русской лингвистики. Фонологическая концепция Московской лингвистической школы, оказавшая в отечественном языкознании влияние на утверждение принципов системного функционализма, сыграла особую роль в разработке критериев лингвистического анализа/синтеза единиц различных сфер языковой переходности, в пределах которых тезис о самоорганизации языковых категорий обретает целостный, системно-мотивированный смысл. Особую значимость теория системной фонетики приобрела в процессе выделения словообразовательной науки, кардинальные категории и разделы которой осмысливались в неразрывной связи со следующими положениями Московской фонологической школы: 1) представлением о межуровневом функционировании звуковой формы знака; 2) доказательством ведущей семиотической роли парадигматических отношений как структурно-функциональной формы деривации системы "глубинных" и "поверхностных" единиц; 3) признанием психологической реальности системных ("эталонных") свойств экспонентного уровня иерархической структуры означающего. И хотя следование этим принципам современного системного (и "структурного", и "функцио-

[1] "...фонология не только область языкознания, но и способ лингвистического мышления, элемент лингвистического мировоззрения. Поэтому, чем бы ни занимался автор: историей языка, диалектологией, лингвистической географией, лексикологией и лексикографией, не говоря о грамматике и орфографии, – он всегда оставался фонологом или, вернее, ему всегда помогала фонологическая подготовка и, если можно так сказать, фонологическое мышление" [Аванесов 1974, 8].

нального") языкознания не сформулировало в трудах московских фонологов задачи создания универсальной модели языковой способности индивида (как это пыталась сделать динамическая фонология американской лингвистики), логика системного анализа звуковой формы представила закономерности иерархической структуры означающего в соответствии с семиотическими функциями и тенденциями организации экспонентного уровня. Именно исследование экспонентного уровня как "глубинного", "эталонного" свойства порождения звуковой формы позволяет сегодня соотносить синтезирующую фонологию Московской лингвистической школы и с моделью генеративной грамматики, и с другими более поздними направлениями функционализма (в частности, с когнитивной лингвистикой), "деривационное" освещение которых было бы немыслимо без "стихийного" обозначения в трудах отечественных фонологов ведущих понятий функционального языкознания.

2. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА

Равновесие концептуальных сфер структурной и функциональной лингвистики – это парадигмальное свойство научной доктрины – всегда отличало русскую филологию, разные направления которой, как правило, связаны с доказательством общего положения о том, что "язык представляет собой сложное целое, части которого органически связаны друг с другом, зависят друг от друга и обусловливают друг друга" [Аванесов 1974, 20].

Принципы систематизации "самой глубокой и загадочной сферы языка" (В. фон Гумбольдт) изначально определялись дериватологией в свете тех достижений, которые были накоплены отечественным языкознанием в области идентификационных процедур моделирования системно-структурных свойств языковых знаков. Несомненная связь между фонемой МФШ и единицами словообразовательной системы, обозначенными в теории словообразования исходя из моделирующего характера реализации деривационных процессов, означает прежде всего актуальность таких признаков в строении языковых ("эталонных") сущностей, которые, с одной стороны, осознаются как иерархически заданные (направленные онтологией системы в целом), а с другой – определяются во внутреннем лексиконе как парадигматически значимые (создаваемые уровневой логикой функционирования элементов). При этом обобщение функциональных возможностей в некую систему, или эталон (образец) функционирования, свидетельствует о метаязыковой способности системы, не только обозначающей, но и направляющей сам процесс семиозиса и действие других факторов смыслообразования. Именно построение парадигматической логики "стихий слова", разработанное в теории МФШ, определило функциональный путь дериватологических исследований, согласно которому порождение единицы не столько лимитировано рамками системы, сколько формирует системные границы (со всеми вытекающими отсюда последствиями классификации любого лингвистического объекта как системно-функциональной формы языкового сознания). Словообразование представляет поэтому функциональную систему знаковой деятельности, отражающей в экспонентной структуре единиц межуровневого синтеза иерархию "взаимопроникновения" внешней и внутренней формы, максимально приближенных в формально-семантических свойствах

структурных "образов" производных слов. Динамический характер функциональной системы словообразования заключается, следовательно, в репрезентации системных (парадигматических и синтагматических) качеств языковых единиц как процессов образования иерархической структуры языка в целом.

Такое понимание системы словообразования стало возможным во многом благодаря рассмотрению проблемы языковой вариативности в свете диалектической теории "различие – тождество", согласно которой каждое тождество в силу функционирования в определенной системе содержит элементы различия, поэтому языковая система, репрезентируя тождество вариантов, "провоцирующих" распад тождества, появления нового качества в границах определенной микросистемы, мотивирует критерии и пределы варьирования единиц определенного уровня [Аванесов 1974, 35–38]. Отсюда: "Все языковые единицы, начиная с фонемы, построены по принципу энергетического притяжения элементов микрополя. Варьирование маргинальных элементов, не нарушающее тождество микросистемы, является условием ее функционирования и развития одновременно" [Араева 1994, 42]. Данные положения, доказанные в фонологической модели вариаций и вариантов фонем, явились перспективной основой изучения вариативности единиц словообразования как феномена, снижающего непредсказуемый (произвольный) характер фразеологии синтагматических закономерностей в самом способе системного функционирования парадигматической деривации вторичных знаков. Так, рассмотрение дериватов на фоне системных формально-семантических связей исходных и производных единиц в рамках словообразовательных типов [Антипов 2001; Булгакова 1994; Евдокимова 1997; Евсеева 2000; Катышев 2001] выявляет сложный генетический комплекс, обусловливающий логику развития семиотических признаков производных единиц и компонентов их словообразовательной формы (классов мотивирующих и формантов) по моделям функциональной асимметрии (синонимии и полисемии словообразовательных структур), организующим процесс категоризации знаний о мире в иконической структуре знака.

3. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КАК ИКОНИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ

Еще одно несомненное свидетельство "фонологичности" научной картины мира Р.И. Аванесова – его идея о существовании единой общей системы языка [Аванесов 1949, 66]. Практически общепризнанная в русской диалектологии, она характеризуется не меньшей актуальностью в тех областях науки, в которых отечественная лингвистика, как правило, называет своими предшественниками зарубежных ученых. Представляется, однако, что концепция языка-эталона, "максимальной системы", во многом опередила свое время, обретая сегодня эвристическую ценность в свете развития теории языковой категоризации (когнитивной лингвистики), многие положения которой соотнесены с эталонным (или в когнитивных терминах – прототипическим) изучением тождеств-различий функциональной системы. Так, синергетическая динамика, с особой силой проявляющаяся в структуре производного слова как наиболее адекватном ("эталонном") образе иерархической системы, как полифункциональном средстве репрезентации системных связей языковых единиц и правил их порождения, задает тенденции снижения степени символичности (семиотической немо-

тивированности, непредсказуемости), т.е. "рост мотивированности", представляющий иконические/индексальные признаки основных лексико-грамматических тенденций порождения структуры знаков. Как убеждают исследования по семантическому словообразованию, лексической, структурной, акцентной и альтернационной мотивации производных знаков (см. работы Ю.С. Азарх, Л.А. Араевой, О.И. Блиновой, Н.Д. Голева, Л.Г. Зубковой, Е.С. Кубряковой, З.И. Резановой, З.А. Харитончик, М.Н. Янценецкой и их учеников), особенности функционирования иерархической структуры дериватов, опосредованные дискретным, эксплицитным характером словообразовательных средств категоризации мира, свидетельствуют о принципах устройства системы знаков в целом. Логика организации языковых категорий деривационного уровня, во-первых, обеспечивает взаимосвязь всех уровней языковой системы и, во-вторых, устанавливает в зонах "переходности" системы систем изоморфизм уровней, тенденции которого отражают категориальную логику знаков языка – их парадигмальное функционирование в объективной реальности "мировидения", субъективной реальности "человековедения" и творимой реальности "языкознания". Такое синкретичное осознание категоризующей роли языка доказывает на материале функциональной системы словообразования особую значимость детерминантных отношений содержания, внутренней и внешней формы знаков, изучение которых предопределяет, по нашему мнению, и осознание тех когнитивных функций, которые выполняют единицы экспонентного уровня системы/текста, что позволяет проводить системное описание экспонентного уровня когнитивных процессов в иерархии структур от слова к тексту, эпизоды которой типологически маркируют когнитивные процессы, эксплицируя не только асимметрию системы систем, но и ее симметрию, представляя иконическую структуру языкового знака как базисный принцип его онтологии. При этом именно симметрия формы и содержания, выражающаяся в способах языковой категоризации мира, отражает интенциональность языковой формы, т.е. ее релевантность в организации ментальной способности индивида.

Иконический характер функционирования словообразования связан с оформлением всех релевантных для деривационной системы категорий двустороннего синтеза единиц языка, а через них – и глубинных оснований процесса именования, ментальных категорий (прототипов) действительной и творимой реальности. Поэтому в качестве эталонной формы иконической категоризации выступает центральная сфера порождения словообразовательной формы – уровень ономасиологической структуры дериватов, определяющий деривационную "память" и категоризующие (лексико-семантические) функции единиц словообразовательной системы. "Лексико-семантический подход к фактам словообразования помогает понять те закономерности выбора производящей основы и словообразовательной морфемы, которые определяются ономасиологической природой обозначаемого" [Азарх 2000, 165]. Так, деривационный формант как прототип функциональных свойств определенного класса словообразовательных структур "высвечивает" в границах словообразовательного типа систему вариаций / вариантов форманта, отражая следующие эталонные тенденции ономасиологического развития своей знаковой способности:

1. Актуализация наращений форманта в структуре дериватов не влечет за собой какого-либо семантического сдвига. Вариации форманта выполняют структурные функции в лексиконе. В то же время увеличение звуковой формы

суффикса приводит к большей экспрессивности деривата в целом, способствуя адекватному восприятию мотивационного контура лексемы. Ср.: *мураш-ник – мураш-ей/ник* 'муравейник', *олеш-ник – ольш-ат/ник* 'ольховый лес' (с/р[2]);

2. Морфонологическое изменение суффиксальной структуры сопровождается вполне определенными семантическими изменениями, свидетельствующими о семантических функциях звуковой формы морфемы, варианты которой выступают в качестве значимого средства языковой категоризации мира – отождествления референции и классификации соответствующих концептов:

в пределах одной ономасиологической категории (или субкатегории); ср.: *налив-ник* 'блин или оладья, намазанные сверху сметаной' – *налив-ай/ник* 'пирог из черной муки, политый сверху жидкой начинкой, – наливой' – *налив-аш/ник* 'ватрушка из пресного или кислого теста с жидкой начинкой – наливой';

в границах частично противопоставленных ономасиологических категорий; ср.: *коров-ник* '1) тот, кто продает коров, 2) тот, кто скупает коров, 3) белый гриб, 4) подосиновик' – *коров-ят/ник* '1) тот, кто продает коров, 2) шкура коровы' (с/р); *мош-ник* '1) тот, кто добывает и продает мох, 2) тетерев-глухарь, 3) птица из породы самых больших глухарей, 4) тетерев' – *мш-ар/ник* '1) утепленный мхом хлев, 2) болото' (с/р);

в составе полностью противопоставленных ономасиологических категорий; ср.: *мош-ник* в значениях лица и натурфактов – *мш-ан/ник* '1) теплый хлев для скота, 2) хлев для овец, 3) кладовая для хранения овощей, зимовки пчел, 4) нежилая комната с утепленными мхом стенами, используемая как кладовая для хранения пищи' (с/р).

Функционирование неоднозначных звуковых форм форманта определяет и перспективы развития основного содержания "эталонного" аффикса, и особенности реализации деривационного потенциала производящей единицы. В результате алломорфное варьирование суффикса либо конкретизирует семантику и прагматику "эталонного" варианта, либо приводит к актуализации в языке вполне самостоятельных звуковых форм – новых формантов, выделение которых соответствует формированию новых деривационных моделей и семантических структур словообразовательных типов. И если в первом случае главным фактором нестабильности формы выступает нечеткое множество значений, с которыми ассоциируется тот или иной формантный вариант, категоризуемый системой деривационных функций основного варианта как прототипической формы, то во втором – значительные концептуальные расхождения, семантические сдвиги и "новизна" ассоциаций приводят к выражению семантических расстояний (в первую очередь – между однокоренными дериватами второй и третьей ступеней производности), детерминирующих категориальность значений основного варианта и частно-категориальный характер значений его морфонологических вариантов. Так, лексико-словообразовательная дистрибуция аффиксов *-ин(а)*, *-ат/ин(а)*, *-ов/ин(а)* в сфере отсубстантивного словообразования показывает, что форманты *-ов/ин(а)* и *-ат/ин(а)* функционируют в пределах общих лексико-словообразовательных значений мутационного типа отсубстантивов с суф. *-ин(а)*, что предопределяет их классификацию как вариаций форман-

[2] Для обозначения диалектных зон приняты следующие сокращения: с/р, ср/р, ю/р, урал, ср/об, з/сиб, в/сиб – северно-, средне-, южнорусские, уральские, среднеобские, западно-, восточносибирские говоры соответственно.

та *-ин(а)*. Основные семантические модели дериватов: ‘мясо животного’ (ср.: *вол-ов/ин(а), лос-ят/ин(а), коров-ин(а)*), ‘шкура животного’ (ср.: *вол-ов/ин(а), лос-ят/ин(а)* ‘1) мясо, 2) шкура вола, лося’), ‘нора животного’ (ср.: *крот-ов/ин(а), сурч-ин(а)* ‘нора крота, сурка’) – подтверждают это решение примерами словообразовательных вариантов слов (дублетов). Ср.: *заячина, зайчатина, кабанина, кабанятина, коровина, коровятина* (с/р); *конина, конятина, конюшина, петушина, петушатина* (ср/р); *собачина, собачатина* (ю/р); *лосина, лосятина, медвежина, медвежатина* (ср/об), *гусина, гусятина, коровина, коровятина* (з/сиб); *свинина, свинятина, медведина, медвежатина* (в/сиб); *оленина, оленятина* (урал) и др. Однако в ряде случаев морфонологическая модификация аффикса может “вносить” семантические коррективы в лексическое значение дериватов. Например, противопоставление лексических значений в парах вроде *конятина, конюшина* (ср/р), где первое слово означает ‘высший сорт конины’, а второе – ‘мясо дохлой лошади’, подтверждает наличие тех коннотаций, дополнительных смыслов, которые привносятся в лексическое значение слова наращениями формантов. Так, в русских говорах субстантивы, имеющие в своем составе наращение ⟨-уш-⟩, как правило, характеризуются большей экспрессивностью, по сравнению с существительными, “лишенными” этого наращения; при этом прагматические сдвиги фиксируются разными словообразовательными структурами. Ср.: *конник* ‘конюшня’, *конюшник* ‘ветхая, плохо утепленная постройка для лошадей’, *конина* ‘мясо лошади’, *конюшина* ‘мясо дохлой лошади’; *овечница* ‘та, кто ухаживает за овцами’, *овчушница* ‘некудышная хозяйка’ и др. Таким образом, морфонологическая вариантность семантически и прагматически обусловлена, поэтому словообразовательные форманты могут обогащать ассоциативное поле лексемы, конкретизируя в пределах типа общее деривационное значение за счет функциональной специализации изменений своей морфонологической структуры.

Другой пример. Отсубстантивы на *-ик* и *-ник* формируют разные словообразовательные типы мутационной семантики: ядро словообразовательного типа с формантом *-ик* составляют частные словообразовательные значения подобия, объединяющие мотивированные слова по семантическим моделям, в основе которых лежит опосредованный (метафорический) способ номинации, тогда как центральную сферу словообразовательного типа отсубстантивов на *-ник* составляют производные прямого (метонимического) способа номинации. Метафорические значения формируют периферию типа с формантом *-ник*, к которой относятся прежде всего наименования лиц и натурфактов в характеризующем аспекте номинации. Ср.: *вол-овик* ‘сильный человек’ (с/р), *змей-евик* ‘червяк’ (в/сиб), *комар-ики* ‘летающие муравьи’ (ю/р), *корабл-ик* ‘жук-плавунец’ (ср/р), *гвозд-ик* ‘небольшая стерлядь, молодь’ (з/сиб), *крест-овик* ‘еловая ветка’ (с/р), *волос-атик* ‘трава с длинным, тонким стеблем’ (с/р), *гранат-ик* ‘трава, напоминающая своим цветом гранат’ (ср/об), *гроб-ик* ‘раковина малюска’ (б/п); *кошк-арник* ‘взлохмаченный человек’ (в/сиб), *денеж-ник* ‘растение, напоминающее формой своих плодов монеты’ (ср/р), *свекол-ошник* ‘растение, напоминающее формой своих листьев свеклу’ (в/сиб), *каранда-ш-ник* ‘тонкоствольный лес’ (ср/об), *морков-ник* ‘низкий суковатый лес’ (в/сиб) и др. Значимость выделения собственных семантических сфер для *-ик* и *-ник* связана и с тем, что варианты каждого из формантов связаны с явлением семантической дифференциации, обозначающей сферы функционирования каждого из словообразователь-

ных типов. Производные с вариантом форманта *-атник* образуются от основ, сохраняющих свои прямые значения, тогда как для *-атик* характерно образование дериватов от основ, которые выступают в своих переносных значениях. Ср.: *волос-атик*$_1$, волос-ятник 'человек с длинными волосами' (ср/р) и *волос-атик*$_2$ 'трава с длинным тонким стеблем' (с/р).

Нередко тот или иной круг полисемии производного слова развивается симметрично формальным (морфонологическим) сдвигам в структуре словообразовательных формантов. Например, дериваты *пчель-ник* и *пчел-ят/ник* в большинстве русских говоров имеют тождественное значение 'пасека'. В то же время семантические структуры этих лексем расходятся, формируя следующие ЛСВ, частично пересекающиеся в разных номинативных сферах: *пчель-ник* '1) пасека, 2) базар, 3) сборище мошенников' – *пчел-ят/ник* '1) пасека, 2) домик для пчел'. Если семантический объем лексемы *пчель-ник* образуется на основе трудно осознаваемых метафорических переносов (ЛСВ$_{2,3}$ являются, по сути дела, квазимотивированными в современных говорах), то смысловая структура слова *пчел-ят/ник* мотивационно прозрачна: метонимический перенос актуализован благодаря семантически четкому формантному варианту *-ат/ник*. Наращение ⟨-ат-⟩ регулярно "провоцирует" в производных лексемах, обозначающих лица и артефакты, метонимические сдвиги, характерные для таксономической сферы наименований натурфактов, связанных с номинациями животных.

Например, квазимотивированной диалектной лексеме *петуш-ник* 'шиповник' в говорах противопоставлена лексема *петуш-ат/ник,* морфонологическая структура которой содержит суффиксальное наращение <-ат->, указывающее на семантические сдвиги в сторону прояснения мотивационного облика лексемы. Слово *петуш-ат/ник* имеет лексико-семантические варианты, функционирующие как среди номинаций растений ('щавель'), так и номинаций лиц ('скупщик молодых петухов', 'любитель петушиного мяса', 'любитель петушиных боев'). Подобная специализация формантных вариантов опровергает утверждение о том, что морфонологические процессы только затемняют расчлененность словообразовательной формы дериватов.

Производная лексема, структура которой содержит наращение суффикса, как правило, семантически богаче, ее семантическая структура развивается по моделям регулярной полисемии, в которых особая роль принадлежит суффиксальной семантике. Это положение подтверждается многочисленными примерами смысловой дифференциации алломорфов суффиксов в составе однокоренных синонимов. Например, дериваты *дров-ник* и *дров-я/ник* в ряде говоров функционально тождественны, совпадая в значении 'сарай для дров'. Однако некоторые частные диалектные системы отрицают дублетность этих производных. Так, в новгородских говорах суффиксальным отрезкам *-ник* и *-я/ник* соответствует разное денотативное содержание – конкретизированное значение суффикса на лексико-словообразовательном уровне или тема словопроизводства. Ср.: *дров-ник* 'сарай для дров' и *дров-я/ник* 'лес на дрова'.

Подобные примеры позволяют определить "функциональное назначение" изменений иерархической структуры дериватов в общем контексте проблем изучения словообразовательного значения как особой формы языковой категоризации, пограничной между грамматическими и лексическими принципами формирования картины мира. При этом ведущее направление концептуального описания содержания функциональной системы единиц словообразования свя-

зано с переходным (от грамматических к лексическим значениям) уровнем семантики, мотивирующим ономасиологическую структуру знака, членораздельный характер которой репрезентирует категориальность функционирующей звуковой формы компонентов дериватем, противопоставляемых в языковом сознании благодаря непосредственному соотношению с разными когнитивными структурами одной или нескольких языковых категорий, в первую очередь – категорий ономасиологических. Именно таксономии процессов номинативной деривации организуют функционирование звуковых форм значащих единиц языка, начиная с морфемы, вплоть до полного перераспределения семантических функций тех компонентов иерархической структуры знака, которые свидетельствуют о глубинных семантических расхождениях и изменениях категориального статуса единиц лексикона и их моделей.

Таким образом, отечественная фонология задает особую тональность функциональным исследованиям единиц словообразовательного уровня, создавая в модели семиотической способности звуковой формы, ее "смыслоразличительной" (Л.В. Щерба), "различительной" (Р.И. Аванесов) или "собственно сигнификативной" (Л.Г. Зубкова) роли, измерение "симметрии, гармонии между содержанием и формой" (И.А. Бодуэн де Куртенэ) производных знаков. Поэтому кардинальный принцип освещения феномена звуковой формы – "двусторонний" анализ системной мотивированности фонологии грамматикой и семантикой (как это следует из основных положений синтезирующей фонологии Московской лингвистической школы – в первую очередь из иерархического определения фонемы) – 1) подчиняет функциональное словообразование категориям языковой личности и языкового мышления; 2) приводит к оценке дериватов в качестве значимых единиц внутреннего лексикона, характеризующегося через типичные для него черты "взаимовлияния" звуков и значений; 3) определяет логику смысла звуковой формы производных слов в аспекте иконической категоризации – центрального способа представления структуры и функций единиц словообразовательного синтеза как когнитивной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М.: Учпедгиз, 1949.

Аванесов Р.И. Русская литературная и диалектная фонетика. М.: Просвещение, 1974.

Азарх Ю.С. Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. М.: Наука, 2000.

Араева Л.А. Словообразовательный тип как семантическая микросистема. Суффиксальные субстантивы (на материале русских говоров). Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994.

Антипов А.Г. Алломорфное варьирование суффикса в словообразовательном типе (на материале русских говоров). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001.

Булгакова О.А. Полисемия суффиксальных субстантивов (на материале кемеровских говоров): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1994.

Евдокимова Е.А. Отглагольные суффиксальные субстантивы в среднеобских говорах (опыт системно-функционального описания): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 1997.

Евсеева Е.В. Словообразовательный тип как экспонент когнитивных процессов (на материале отсубстантивов с -НИЦа): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2000.

Катышев П.А. Мотивационная многомерность словообразовательной формы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001.

Е.С. Скобликова

О КАТЕГОРИАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ ТРАДИЦИОННОЙ ТИПОЛОГИИ ВТОРОСТЕПЕННЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Р.И. Аванесов был одним из первых "защитников" классификации второстепенных членов предложения на семантической основе. Он не только отстаивал плодотворность этой классификации в учебной практике, но и – может быть, главное – обратился к теоретическому обоснованию ее категориально-грамматического характера, о чем красноречиво свидетельствует название его статьи "Второстепенные члены предложения как грамматические категории" (РЯШ, 1936, № 4). Статус грамматических категорий по отношению к разновидностям второстепенных членов утверждался Р.И. Аванесовым на фоне обвинений в аграмматизме соответствующей типологии.

Несмотря на неоднократные последующие выступления в "защиту" учения о второстепенных членах предложения (И.А. Фигуровский, В.М. Никитин, В.И. Фурашов и другие) и, что не менее существенно, несмотря на новые благоприятные условия для обогащения этого учения, безоговорочное утверждение аграмматизма типологии второстепенных членов, предельно обедненная их характеристика в школьных учебниках и в большинстве вузовских учебных курсов сохраняются до сих пор. В современных академических описательных грамматиках – "Грамматике современного русского литературного языка" (М., 1970); "Русской грамматике" (М., 1980), а также в "Краткой русской грамматике" (М., 1989 и последующие издания) игнорируется и само понятие второстепенного члена предложения[1].

Несомненно, что в традиционной типологии есть слабые места: не все второстепенные члены "укладываются" в ее рамки; в состав дополнений, кроме выразителей объекта, включаются выразители "косвенного субъекта", которые являются обязательными компонентами ряда моделей (структурных схем) предложений типа: ***У него жар***; ***Ему*** *плохо* и др.; наблюдается семантическая синкретичность ряда членов предложения и т.д.

Вместе с тем *основные типы* традиционно выделяемых второстепенных членов обладают не только семантической, но и грамматической спецификой. И не замечать ее при современном уровне функционально-семантического, когнитивного направлений, предполагающих подход от "типового значения" к средствам выражения, казалось бы, уже невозможно: ведь сама семантическая

[1] "Присловно" употребляемые второстепенные члены рассматриваются здесь лишь как компоненты узко понимаемого словосочетания, которому приписывается статус единицы, существующей якобы до предложения (эксплицитно этот тезис формулируется в проспекте Грамматики-70 – "Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка". М., 1966: словосочетание – "это существующая до предложения некоммуникативная синтаксическая единица". С. 134.). Типология же словосочетаний выстраивается на формальной основе в соответствии с разновидностями связей согласования, управления и примыкания, в то время как "детерминирующие" члены предложения характеризуются на основаниях семантических.

классификация второстепенных членов явилась опытом применения этого подхода.

Ставя вопрос о категориально-грамматической сущности семантической классификации второстепенных членов, Рубен Иванович рассматривал свою статью лишь как попытку найти пути его разрешения (с. 54) и призывал начать "его детальную научную разработку" (с. 60). Сам он сосредоточивал внимание на том, что "морфологизованные" и "неморфологизованные" формы выражения второстепенных членов обнаруживают единство своей *синтаксической* роли в предложении. В его статье это подтверждается примерами их употребления в одной синтаксической позиции, что наиболее наглядно проявляется в возможности использования морфологически различающихся средств в сочинительных рядах однородных членов типа: *Он пишет **чисто и без ошибок**; Я привык к его **прямому и без нажима** почерку* и под. (с. 58).

Мы постараемся обосновать положение о том, что грамматическая специфика разных второстепенных членов значительно шире, чем это принято считать, проявляет себя и на уровне их **морфологического оформления**: она затрагивает не только частеречную специализацию, но и специализацию падежных и предложно-падежных форм существительных – их состав, системные связи, закономерности их выбора и функционирования.

И по семантическим, и по грамматическим характеристикам резко противопоставлены друг другу, с одной стороны, **собственно обстоятельственные** члены предложения (обстоятельства места, времени, причины, условия, уступки, цели), с другой стороны, – **дополнения**, выразители **объектных** отношений.

Каждый из типов обстоятельств характеризуется не только своеобразием общей совокупности предложно-падежных и падежных средств, но – что более важно – и своеобразием **парадигматических соотношений** между этими средствами. При этом именно система форм субстантивов составляет грамматический центр в составе каждого из обстоятельственных членов предложений (обстоятельства цели характеризуются, кроме того, широким употреблением форм инфинитива). В употреблении **наречий**, которые долгое время считались "эталонным" выразителем обстоятельственных значений, **проявления системности имеют лексико-семантический характер** и прослеживаются только в составе обстоятельств места и времени. Для выражения причины и цели наречия используются лишь эпизодически, а при передаче значений условия и уступки не употребляются совсем.

Особенная разветвленность и четкость семантических и грамматических парадигматических **противопоставлений** наблюдается в системах обстоятельств места и времени.

Для выражения пространственных отношений в русском языке характерны, с одной стороны, трехчленные дифференцирующие парадигмы форм, отражающие противопоставленность категориальных значений ***где–куда–откуда***: *в столе – в стол – из стола; на столе – на стол – со стола; под столом – под стол – из-под стола* и под.; с другой стороны – многочленные парадигмы форм, выражающих соотношение с пространственным ориентиром в каждой из трех подсистем, типа: *в / на столе – около стола – перед / за столом – над / под столом; аналогично: в / на стол – к столу – под стол; из / со стола – от стола – из-за стола, из-под стола.*

Примечание. Важно заметить, что возможность постановки к соответствующим формам "вопросов косвенных падежей": *в чем, на чем, под чем, во что* и т.д. – отнюдь не противоречит пространственной семантике этих форм. Как и общие вопросы типа *где, куда,* они обращены к выявлению пространственных отношений, только имеют более конкретный характер, так как уже предполагают определенное соотношение с пространственным ориентиром: "внутри", "на поверхности", "внизу", "внутрь" и под. Характерно, что сам состав этих вопросов отражает типичную предложно-падежную парадигматику обстоятельств места. Поэтому при возможности "двойных" вопросов типа *где* и *в чем* нет оснований усматривать гибрид обстоятельства и дополнения, как это часто делается.

Центральная грамматическая роль предложно-падежных форм существительных получила отражение и в **системной организации пространственных наречий.** Бóльшая часть этих наречий, во-первых, полностью или частично отражает противопоставленность значений *"где", "куда", "откуда"* в своей словообразовательной структуре. См., например: *вдали, вдалеке – вдаль – издали, издалека; внизу – вниз – снизу; слева – налево; впереди – вперед.* На семантическом уровне сугубо антропоцентрический способ ориентации на **наблюдателя** обеспечивает максимальную близость многих таких наречий к предложно-падежным формам личных субстантивов **за счет их корнеслова.** Ср., например: *впереди* и *предо мной; позади* и *за мной; слева* и *слева от меня.*

Система обстоятельств времени (основную подсистему которой составляют обстоятельства "датировки", то есть обстоятельства, отвечающие на вопрос *когда*) организуется трехчленным противопоставлением, которое манифестируется значениями предлогов ***во время – до / перед – после.*** Ср., например: *в субботу – до субботы – после субботы; во время экзаменов – до экзаменов / перед экзаменами – после экзаменов*[2].

Среди обстоятельств с общим значением **обусловленности** каждый тип характеризуется своим набором предложно-падежных форм. При этом парадигматические отношения между разными формами в составе этих обстоятельств обнаруживают **тенденцию к синонимии** (и часто – заметные проявления лексической связанности в употреблении тех или иных форм). См. ниже перечень предлогов, употребляющихся при выражении значений: **причины**: *от, с, из, из-за, по* (*от холода, со страху, от страха, из вежливости, из-за холодов, по неопытности*), *по причине, вследствие, ввиду, в результате, в связи с, в силу, благодаря*; **цели**: *для, ради, во славу, во имя; на, в, к, под* (купил *на ужин / к ужину / в дорогу / под капусту*); **условия**: *при* (*при благоприятных обстоятельствах); в случае* (*в случае провала); без* (*без соблюдения правил безопасности нельзя...*); **уступки**; *несмотря на, невзирая на, независимо от, вопреки, против* (*против ожидания*).

Разный уровень семантико-грамматической дифференцированности в парадигме отдельных типов обстоятельств отражает особенности их категориальной семантики. Во многом он зависит от **степени конкретности** выражае-

---

[2] Подробнее об особенностях семантической и грамматической организации этой системы см. в наших работах: Согласование и управление в русском языке. М., 1971. С. 106–134; Взаимодействие грамматических и лексических средств в системе обстоятельств датировки // Предложение и слово: Доклады и сообщения междунар. науч. конф. памяти проф. В.С. Юрченко. Саратов, 1999. С. 76–78.

мых отношений. Именно поэтому наибольшей разветвленностью и дифференцированностью характеризуется система предложно-падежных форм пространственной семантики. "Второе место" занимает парадигматика темпоральная (по принципам своей организации во многом изоморфная морфологической системе глагольных времен, но более конкретная по сравнению с ней). Значительно более абстрактные обстоятельства обусловленности достаточно четко дифференцированы на уровне разных типов: грамматические средства выражения причины, цели, условия и уступки практически не совпадают. Но в составе каждого из типов употребляется более или менее широкий набор средств, не дифференцированных или слабо дифференцированных в семантическом отношении[3].

Одним из свойств собственно обстоятельственных членов предложения является высокий уровень их **автосемантичности.** Она обеспечивается, с одной стороны, тем, что определенная грамматическая форма воспринимается носителем языка а) на фоне других форм в составе "своей" парадигмы грамматических средств (ср. *в столе – на столе – под столом; на рассвете – перед рассветом, благодаря дождям – из-за дождей*); б) на фоне грамматических средств других парадигм (*во время проверки, из-за проверки, в случае проверки, несмотря на проверку, для проверки*). С другой стороны, при одинаковом грамматическом оформлении разные типы обстоятельств отчетливо дифференцируются на лексической основе. Ср: *в столе – в апреле, от города – от гнева, из-за дерева – из-за непогоды.*

В последнем случае причина в том, что категориальное значение разных типов обстоятельств диктует употребление определенных лексических групп существительных. Так, в составе обстоятельств **места** используются лексемы с конкретно-предметным значением – **способные обозначать пространственный ориентир.** В состав обстоятельств времени входят либо прямые номинации временны́х понятий (*в мае, в понедельник, на следующий день* и т.д.), либо лексемы "предикатной", событийной семантики (*в войну, при проверке, после проверки* и под.). При выражении семантики обусловленности используется лексика событийного плана[4].

В отличие от обстоятельств, дополнения принципиально **синсемантичны**. Если общее значение определенной грамматической формы обстоятельства оказывается ясным на основе ее **парадигматических** связей в совокупности с ее собственным лексическим наполнением (см. выше), то абстрактное грамматическое значение объекта (как, впрочем и значение субъекта!) конкретизируется только **на синтагматическом уровне**. Даже в тех случаях, когда речь идет о сугубо "специализированных" формах выражения объекта, реальный характер объектных отношений передается только в соединении с определенным главным словом. Ср., например, словоформу винительного беспредложного *сестру* в сочетании с глаголами *встретил, увидел, сфотографировал, ударил, искупал, рассердил, спросил* и т.д.

---

[3] Показательно, что, когда (на метафорической основе) предложно-падежные формы из пространственной парадигмы используются для выражения других обстоятельственных значений, происходит полная или частичная нейтрализация различий в употреблении предлогов и падежей. Ср.: *в мае* (предл. пад.) – *в понедельник* (вин. пад.); *на заре – в сумерки; купил на завтрак / к завтраку / в дорогу* и под.

[4] Не исключаются метонимические обозначения типа *при Петре, из-за меня* и под.

Синтагматической заданностью характеризуется и **выбор формы дополнений.** Именно при выражении объектных отношений наблюдается (во многом фразеологизированная) зависимость такого выбора, во-первых, от конкретного лексического наполнения **главного** слова (ср., например: хотел *чего*, стремился *к чему*, мечтал *о чем*, надеялся *на что*; ругал *кого*, выговаривал *кому*, ругался *на кого* и под.); во-вторых – от грамматической природы господствующего компонента (решил *задачу* – решение *задачи*, любит *музыку* – любовь *к музыке*).

В выборе форм существительных при выражении **обстоятельственных значений обнаруживаются резкие отличия от дополнений.** Здесь этот выбор определяется, как правило, местом формы в соответствующей парадигме. Небезынтересно подчеркнуть, что это относится в том числе и к большинству случаев "сильного" управления при приставочных глаголах движения и пространственного перемещения объектов. Так, форма *в книгу* избирается исходя из значения "внутрь" одинаково в случаях "сильного" управления (вложил *в книгу*) и "слабого" (положил *в книгу*)[5].

Определенная "автономность" грамматического оформления обстоятельств обнаруживается в том, что проявления фразеологичности в выборе формы существительного связаны здесь, как правило, **с лексическим наполнением самого обстоятельства, а не главного слова, как при оформлении дополнений.** См., например: *в деревне*, но *на хуторе; из деревни*, но *с хутора; от досады* и *с досады* при невозможности предложно-падежной формы "*с возмущения*" и т.д.

Ярко выраженное различие роли парадигматических и синтагматических факторов, имеющее место как на уровне семантики, так и на уровне грамматического оформления обстоятельств и дополнений, – одно из важнейших проявлений категориальной специфики этих разных типов второстепенных членов предложения.

Иными грамматическими особенностями характеризуется своеобразие второстепенных членов **признаковой семантики** – определений, "обстоятельств" образа действия и степени. Именно в этой сфере используются "специализированные" ("подчиненные", по терминологии В.А. Богородицкого) части речи: прилагательные, с одной стороны, наречия – с другой. Однако и в составе этих членов предложения (особенно в составе определений) достаточно широко функционируют формы существительных. Обусловлено это тем, что многие признаки устанавливаются через соотнесенность **с предметом** – как в узком, так и в широком грамматическом смысле понятия "предмет". В массе случаев наблюдается при этом возможность параллельного грамматического представления одних и тех же реальных признаков: костюм *отца – отцов* (*отцовский*); стена *из камня – каменная*; стол *для работы – рабочий*; дорога *в лесу – лесная*; дни *весны – весенние* и т.д. Параллелизм этот естественно объясняется семантической и словообразовательной природой относительных прилагательных, тоже выражающих признак предмета по соотношению с другим предметом. При

---

[5] Само понятие "сильного" управления оказывается в подобных случаях весьма условным, поскольку в акте коммуникации может реализоваться не то направление семантической конкретизации, которое валентно "предсказывается" словообразовательной приставкой. Ср., например, использование при глаголе *вышел* не только форм типа *из леса, из дома*, но и *на поляну, в коридор, на террасу*. Употребление любой из этих форм находится в рамках общей "локальной" парадигмы предложно-падежных средств.

выражении идентичных признаков формы существительного передают эти признаки грамматически дифференцированно, а прилагательные – только на основе своего лексического значения. При этом иногда конкретное признаковое значение может проясняться у прилагательного только в сочетании с определенным существительным. Ср., например: *молочный кисель* (из молока, на молоке) и *молочный кувшин* (для молока); *осенние дни* (дни осени) и *осеннее пальто* (для осени).

Несмотря на идеальную приспособленность для выражения атрибутивных признаков, прилагательные ограничены в своих возможностях словообразовательным потенциалом языка, и ряд семантических типов признаков наиболее свободно передается формами существительных. Например, в ряду сочетаний *ручка двери, ножка стола, створки шкафа, крыша сарая* только первое допускает синонимический вариант с прилагательным – *дверная ручка.* Общеизвестно, что лично-притяжательные значения гораздо чаще выражаются в современном русском языке родительным падежом существительных, а не прилагательным.

При семантической разнонаправленности характеристик падежные и предложно-падежные формы существительных **не образуют** в составе определений и обстоятельств образа действия **единой парадигматической системы** (как это наблюдается при выражении собственно обстоятельственных значений)[6]. Вместе с тем в рамках выражения отдельных **разновидностей** признаковой семантики прослеживается специализация форм[7]. В некоторых случаях в составе сложившихся частных парадигм наблюдаются синонимические и антонимические соотношения форм. Ср., например: работал *с увлечением / увлеченно – без увлечения; дом с балконом – без балкона; шла с зонтиком / под зонтиком – без зонтика / в пальто – без пальто* и под.

Категориальная семантика всех основных разновидностей членов предложения обусловливает своеобразие их синтагматических связей в плане их присловного или детерминантного употребления. Обязательность "присловной" позиции наблюдается у выразителей объектных и признаковых значений, т.е. у дополнений, определений, приложений, обстоятельств образа действия и степени. Собственно обстоятельственная семантика места, времени, причины, условия, уступки обусловливает **тенденцию к детерминантному употреблению** (в терминологии Н.Ю. Шведовой), когда со стороны места, времени, причины и т.д. характеризуется вся ситуация, выраженная в предложении.

В плане соотношения парадигматических и синтагматических особенностей в функционировании разных второстепенных членов предложения интересен

---

[6] В любых случаях употребления атрибутивная семантика реализуется только в рамках словосочетания. Однако уровень синсемантичности или автосемантичности у разных словоформ существительных различен. Если одни формы (при определенном лексическом наполнении!) даже вне контекста однозначно указывают на характер **возможных** отношений (ср. выше: *из камня, для работы, в пальто, без пальто* и под.), то форма родительного беспредложного; например, вне сочетания с определенным существительным остается лишенной какого бы то ни было определенного значения (ср. реализацию общего значения *чье*? в сочетаниях *дом сестры, выступление сестры* и объектной семантики в сочетаниях типа *увольнение сестры, встреча сестры* и т.д.).

[7] О такой дифференциации в составе определений см.: *Скобликова Е.С.* Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. М., 1979. С. 172–176; Самара, 1997. С. 213–218.

затрагиваемый Р.И. Аванесовым вопрос о структуре рядов однородных членов. При жесткой синтагматической заданности, дополнения используются в составе таких рядов в **одинаковых формах**. Обстоятельства могут употребляться в **разных формах**, но таких, которые являются **компонентами одной парадигмы.** См.: *Жил **в Москве** и **под Москвой*** (пример Р.И. Аванесова – указ. статья. С. 60); *Встретились **на конференции** и **после конференции**; **Из робости** перед ней и **от смущения** он ничего не сказал.* В рядах однородных определений и обстоятельств образа действия встречаются не только **разные формы**, но даже и такие, которые входят в состав различных частных парадигм. См., например: *Устроился за столом **без клеенки, но чистом и гладком, в паутине мелких полосок*** (Астафьев); *А между тем пришелец двигался к вожаку **неторопливо, с достоинством, трубя громко, с перерывами*** (Астафьев – об олене).

В целом категориальное своеобразие основных типов второстепенных членов предложения получает отражение в достаточно многообразных грамматических особенностях. Среди этих особенностей и разная совокупность средств выражения, в том числе – употребление специализированных словоформ существительных; и парадигматические либо синтагматические условия выбора отдельных форм; и присловное либо детерминантное (в тенденции) их использование; и разная степень формального единообразия при включении в ряды однородных членов.

VII

Лексикография

И.С. Улуханов

Р.И. АВАНЕСОВ КАК ИНИЦИАТОР И РЕДАКТОР "СЛОВАРЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА (XI–XIV вв.)"

17 января 1957 г. на годичном собрании Отделения литературы и языка АН СССР состоялся доклад доктора филологических наук (тогда еще не чл.-корр. АН СССР) Р.И. Аванесова на тему "О типах словарей древних восточнославянских языков и схеме построения словаря древнерусского языка". На годичных собраниях Отделения всегда обсуждались и обсуждаются единицы из сотен тем, входящих в планы институтов Отделения. Вынесение на обсуждение этого собрания планов развития восточнославянской исторической лексикографии свидетельствовало о том, что этой сфере славянского языкознания придавалось исключительно важное значение и признавалось необходимым немедленно начать работы в этой области.

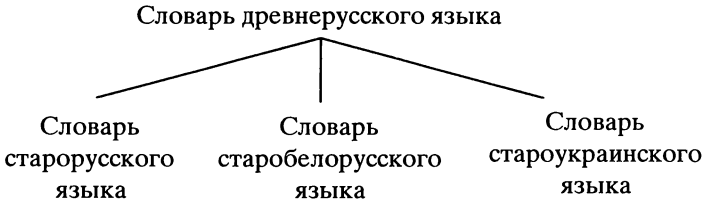
Подготовительная работа над проектом словаря древнерусского языка под руководством Р.И.Аванесова велась в Институте языкознания АН СССР с 1956 г. (Институт русского языка АН СССР, как известно, был воссоздан в 1958 г.), и Р.И. Аванесов мог доложить Отделению первые результаты этой работы. В дискуссии по докладу выступили С.Б. Бернштейн, В.И. Борковский, В.В. Виноградов, Б.В. Горнунг, А.П. Евгеньева, П.С. Кузнецов, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Ф.П. Филин, А.Б. Шапиро. В заключительном слове Р.И. Аванесов отметил, что "большинство выступавших сошлись во мнении о необходимости членить словари по эпохам, причем предложенный план членения не вызвал существенных возражений. Не вызвали принципиальных возражений и соображения о принципах построения словаря древнерусского языка" [5, с. 287]. Эти принципы, опубликованные впоследствии в более подробном виде в [16], легли в основу работы над словарем и определили специфику словаря и его место в мировой исторической лексикографии.

В 1963 г. закончилось составление картотеки Словаря. Она насчитывает около 2 млн карточек-цитат, из них около 400 тысяч – не входящие пока в Словарь имена собственные и производные от них. "Картотеку составили ⟨...⟩: И.В. Андрианова, Г.И. Белозерцев, В.Н. Виноградова, Л.В. Вялкина, Н.П. Зверковская, Н.И. Лебедева, В.В. Лопатин, Г.Н. Лукина, Н.Г. Михайловская, Н.В. Подольская, О.И. Смирнова, Т.А. Сумникова, А.И. Толкачев, И.С. Улуханов, В.С. Филиппов, Н.В. Чурмаева, Д.Н. Шмелев, Л.Н. Эзериня. В составлении картотеки в разные периоды участвовали также В.Г. Барановская, Н.Б. Бахилина, Т.Г. Винокур, З.М. Плискевич, Е.Н. Прокопович, Н.Н. Шмелева" [17, т. 1, с. 5].

К сожалению, Р.И. Аванесов не дожил до выхода первого тома Словаря (в 1988 г.). В 1988–1991 гг. под его редакцией вышли четыре тома Словаря, а затем издательство "Русский язык" по финансовым соображениям остановило публикацию, которую удалось возобновить лишь в 2000 г. в издательстве "Азбуковник" (при поддержке Российского гуманитарного научного фонда). Авто-

ры и редакторы Словаря продолжают издание, следуя во всем основным принципам, выработанным Р.И. Аванесовым (о некоторых дополнениях и изменениях, внесенных в Словарь, начиная с VI т., см. ниже).

Предложенная Р.И. Аванесовым система словарей восточнославянских языков древних периодов истории выглядит следующим образом:

Эта, казалось бы, естественная и убедительная схема, в которой "словари членятся по эпохам", нуждалась в обосновании. Указывая на необходимость одного словаря для периода XI–XIV вв., Р.И. Аванесов писал: "При выделении эпохи или исторического периода, письменные памятники которых служат источниками "Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)", необходимо учитывать в равной мере данные как истории русского языка, так и истории украинского и белорусского языков, так как древнерусский язык был языком всех восточнославянских народов последующих эпох и общей основой современных восточнославянских языков" [16, с. 11].

Можно утверждать, что логичная и практически целесообразная схема Р.И. Аванесова воплощается в жизнь (хотя и не во всех деталях). Издающийся "Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)" отражает лексику древнерусского языка, а продолжением его являются исторические словари каждого из восточнославянских языков: "Словник староукраїнськоі мови XIV–XV ст." [18], "Словник української мови XVI – першої половини XVII ст." [19], "Гістарычны слоўнік беларускай мовы" (4), а «для русского языка в качестве такого продолжения может рассматриваться "Словарь русского языка XI–XVII вв.", включающий в большей степени материал XV–XVII вв., нежели материал XI–XIV в.» [1, с. 278].

Р.И. Аванесов убедительно обосновал хронологические рамки Словаря древнерусского языка. Если вопрос о "нижней" грани решался просто – это XI век, то значительно сложнее было хронологически разделить Словарь древнерусского языка и словари старорусского, староукраинского и старобелорусского языков. По мнению Р.И. Аванесова, было бы естественным ограничить словарь рамками XI–XIII вв., т.е. периодом до выделения северо-восточного и юго-западного центров, вокруг которых стали развиваться великорусская и украинская народности. Однако диалектные зоны XIII–XIV вв. не совпадали с будущим языковым членением восточных славян. Древнерусский язык в его местных разновидностях в это время еще продолжал существовать. "Учитывая все это, а также условность всякой хронологической грани и то обстоятельство, что древнейшие дошедшие до нас списки такого важнейшего памятника Киевской Руси, как летописи, относятся ко времени не ранее конца XIII в., а главным образом к XIV в. и началу XV в., представляется целесообразным в качестве рубежа принять конец XIV в. и начало XV в." [16, с. 14].

"Нижняя" граница Словаря XI–XIV в., по мнению Р.И. Аванесова, не является одновременно "верхней" границей словарей староукраинского, старобело-

русского и старорусского языков. Как известно, уже со второй половины XII в. и особенно отчетливо в XIV в. отмечаются "южно-русские" (украинские) черты, а с XIII в. – и некоторые особенности, которые впоследствии стали чертами белорусского языка. Хронологическими рамками Словаря староукраинского языка [18] являются XIV–XV вв. Нижняя граница Исторического словаря белорусского языка – конец XIV в. [4, с. 7]. В число источников Словаря древнерусского языка XI–XIV вв. "вошли южно-русские (34) и западно-русские [8] грамоты XIV в., включенные также в Словарь староукраинского языка XIV–XV вв. и Исторический словарь белорусского языка" [1, т. 1, с. 9].

Сложнейшие проблемы стояли перед редактором и составителями Словаря при определении его источников и характера их разработки. Было принято два небесспорных и "непопулярных" решения: 1) используются памятники, сохранившиеся только в списках XI–XIV и единичные – в списках начала XV в., т.е. не используются памятники XI–XIV вв., сохранившиеся в более поздних списках; 2) "церковно-каноническая литература (Евангелие, Апостол, Псалтырь, книги Ветхого завета) остается за пределами круга источников" [16, с. 16]. Помимо чисто практических соображений (возможность сокращения сроков работы над словарем) имелись и содержательные обоснования этих решений. Использование только списков охватываемого Словарем периода гарантировало от введения в него тех слов, которые могли быть внесены в поздние списки их писцами. В пользу отказа от введения в картотеку и Словарь церковно-канонической литературы выдвигались такие аргументы: 1) "Тщательное изучение лексических особенностей этих произведений, выявление лексических различий в них (например, в тексте Евангелия), представляющее само по себе исключительный интерес, возможно только при специальном обследовании лексики соответствующих источников во всем богатстве огромного количества дошедших до нас списков в особых монографических исследованиях и в особом словаре церковнославянского языка" [16, с. 16]; 2) «Следует иметь в виду вкрапления церковнославянских "кусков" (обычно цитат из Евангелия, книг Ветхого завета и других произведений) в языке произведений древнерусской литературы» [16, с. 18]. Язык неканонических церковно-книжных произведений, количественно преобладающих среди источников Словаря, как известно, близок к каноническим: высшим авторитетом для древнего книжника было Священное Писание. Сопоставление всего словника "Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)" со словниками Остромирова и Мстиславова евангелий, осуществленное Л.Н. Эзериней, показало, что почти весь словарный состав этих памятников представлен в "Словаре древнерусского языка" (XI–XIV вв.): из 2816 слов "Остромирова евангелия" в этом словаре отсутствует 114, а из 3254 слов Мстиславова евангелия – 131, т.е. не более 4%.

Важнейшая особенность "Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)" состоит в том, что он является первым древнерусским тезаурусом. "Необходимость строить этот словарь по типу thesaurus'a" [5, с. 285] была обоснована Р.И. Аванесовым еще в докладе 1957 г. Этот принцип последовательно претворен в жизнь: в картотеке Словаря представлено каждое употребление каждого слова во всех источниках Словаря. Составители Словаря учитывают весь этот материал, приводя в словарной статье цитаты из каждого источника, в котором имеется то или иное слово, а для малочастотных слов – все цитаты. В начале словарной статьи указывается количество употреблений данного слова, имеющееся в картотеке.

Тезаурусность словаря и жанровое разнообразие его источников – весьма редкое сочетание в исторической лексикографии: чаще исторические словари обладают каким-либо одним из этих свойств: ср., напр., тезаурус – "Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.", включающий лишь материал светской деловой письменности, или "Словарь русского языка XI–XVII вв.", который включает памятники самых разнообразных жанров, но не может быть тезаурусом в силу огромного количества источников XV–XVII вв.

Р.И. Аванесов детально разработал структуру словарной статьи и рассмотрел особенности каждой из ее частей.

Заглавное слово отражает в рамках орфографических норм тот фонемный состав, который имелся или мог иметься у слова в XI в. При этом слово в его заглавной форме во многих случаях реконструировалось автором словарной статьи – как в случае отсутствия заглавной формы в тексте, так и в случае отсутствия слова в памятниках XI в. и фиксации, отражающей позднейшие фонетические процессы (прежде всего падение редуцированных). Словарная статья, таким образом, строится на основе принципа диахронического тождества слов и морфем, т.е. она была посвящена диахронически тождественной единице, разновременные фонетические и фонологические варианты которой даются в одной словарной статье. При этом отсылочные слова даются только в тех случаях, когда эта вариантность создавалась началом слова (*гдѣ* см. *къде*), нерегулярными фонетическими процессами (*женчоугъ* см. *жемчоугъ*) и некоторыми другими явлениями [см. 17, т. 1, с. 16].

После заглавной формы существительного и глагола даются опорные формы, которые должны помочь пользующимся словарем включить слово в определенную парадигму. В конце 50-х – начале 60-х годов составителями словаря обсуждался вопрос о возможности приведения в грамматической части статьи всех встреченных грамматических форм. Это был бы весьма ценный материал по исторической грамматике. Однако от его приведения пришлось отказаться ввиду его громоздкости. "Было бы целесообразным, – писал Р.И. Аванесов, – истории всех изменяемых слов в дальнейшем посвятить специальный грамматический словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)". Пока работа над таким словарем не ведется.

Много внимания Р.И. Аванесов уделил принципам толкования слов. Он предложил, как кажется, наиболее рациональный для исторических словарей способ толкования – сочетание перевода на современный язык с развернутыми толкованиями, не исключающими и элементов энциклопедичности. Подробно рассмотрены способы толкования производных слов.

Таким образом, Р.И. Аванесовым были разработаны основополагающие принципы Словаря, которые полностью сохраняли и сохраняют свое значение. Начиная с VI тома Словаря, вышедшего после длительного вынужденного перерыва, новая редколлегия, опираясь на эти принципы, приняла решение внести в Словарь некоторые дополнения и незначительные изменения, что вполне естественно, поскольку за длительный период работы над словарем существенно изменился уровень источниковедческих знаний. Были уточнены датировки многих источников Словаря; состав источников пополнился главным образом за счет новых публикаций берестяных грамот, записей и надписей (с VII т. и за счет "Жития Андрея Юродивого" [14]), расширился круг источников, цитируемых непосредственно по рукописям, установлены греческие оригиналы большинст-

ва переводных источников Словаря, что дало возможность расширить состав приводимых греческих параллелей.

Словарь и его картотека дают историкам русского языка уникальный материал и позволяют решать такие задачи, постановка которых ранее была невозможна. Это связано прежде всего с тем, что словарь и картотека созданы методом "сплошной расписки" всех источников. "Максимализм" Р.И. Аванесова себя оправдал. В Словаре представлено немало слов, впервые фиксируемых лексикографически: свыше 31% всей лексики Словаря (т.е. более 10000) отсутствует в "Материалах" И.И. Срезневского и в "Словаре русского языка XI–XVII в." [подробнее см. 1, с. 280].

В руках исследователя сейчас находится огромное количество контекстов, позволяющих изучать историю древнерусского языка XI–XIV вв. с самых различных точек зрения. Назовем лишь некоторые возможности использования этого материала, частично реализованные в ряде работ.

Фиксация в картотеке и учет при составлении Словаря каждого употребления каждого слова дают возможность с максимальной для современного состояния исторической лексикографии достоверностью определить функционально-стилистический статус слова, т.е. его место в системе разновидностей языка Древней Руси. При сплошной расписке большое значение приобретает не только наличие, но и отсутствие цитат из памятников тех или иных жанров, ибо это означает отсутствие слова в этих памятниках. Последнее, естественно, не очевидно при выборочной расписке. Так, если слово встречается в светских памятниках и контекстах, близких к живой речи Древней Руси (грамотах, записях, летописном рассказе) и ни разу не встречается в многочисленных церковно-книжных произведениях (или представлено в них единичными употреблениями при многочисленных цитатах из светских памятников), то можно предположить, что оно свойственно языку повседневного общения (живой речи), но не книжной разновидности языка. Предварительное изучение материала Словаря показало, что, например, в последнем из вышедших томов – шестом – таких слов оказалось 504 из 3443 слов, т.е. 14,5%. Это достаточно большое количество (ср. 4% таких слов на буквы А и Б словаря, см. 22, с. 152), объясняемое, по-видимому, наличием в VI томе слов с начальным *о*, которому соответствует ст.-слав. ѡ, и с приставкой *пере-*. Среди этих "разговорных" слов преобладают названия лиц, предметов и явлений, связанных с повседневным бытом, например, *овкачь* 'вид сосуда', *оврь* 'мелкая скандинавская монета', *овьсъ, овьчина, овьчоухъ* 'овечий пастух', *огнищанинъ* 'состоятельный человек, представитель высших слоев феодального общества', *огорода* 'ограда, перегородка', *огородити, огородъ, огородьникъ, огорѣти, огъноути* 'обернуть, покрыть', *одрина* '1. хлев, сарай; 2. жилье, изба', *озимица* 'озимь, озимый хлеб', *олѣкъ* 'часть борти с медом, оставляемым для пчел', *олѧдь* 'судно, лодка', *оноуча* 'онуча, обвертка на ногу', *опашьнь* 'род верхней одежды с рукавами', *опьрати* 'постирать', *орьниць* 'вид ткани', *паробъкъ* 'молодой слуга, прислужник', *писарь, подвориѥ, пожьнѧ, позаоутръкати*; деловые термины: *одьрнь* 'в полную собственность, навечно', *окоупъ* 'выкуп', *осмьникъ* 'сборщик пошлины', *отарица* 'имущество, собственность', *печатьникъ* 'должностное лицо в Древней Руси, хранитель княжеской печати', *плоугъ, поборъ* 'подать', *поводъ*[1] 'часть конской сбруи' и мн. др. Зафиксированные уменьшительные существительные чаще всего относятся к разговорным словам: *овкачикъ* 'уменьш. к *овкачь*', *оленьць* 'олененок', *ороудьице,*

пожьнька ‘уменьш. к *пожьнѧ*’ и др. Слова с начальным *о*, которому в старославянском соответствует *е* (ѥ), и слова с *пере-* также, естественно, представлены главным образом в памятниках, отражающих разговорную речь. Только в этих памятниках отмечены в Словаре некоторые заимствования из греческого, связанные с бытом, чаще церковным: *одигитриꙗ* (ὁδηγήτρια) – Одигитрия (путеводительница) – название одной из икон Богородицы, *оксапсалмъ* (ἑξάψαλμα) “Шестопсалмие, богослужебное объединение шести псалмов, читаемых в начале утрени”, *оловиръ* (ὀλόβηρος) “драгоценная ткань” и др. Имеется довольно много слов (55), представленных в VI т. Словаря только цитатами из берестяных грамот, например, *оголовь* ‘оголовье’, *окладъ* ‘оклад, жалованье’ (?), *оковьць* ‘окованный ларчик’ (?), *окупитисѧ* ‘окупиться, оправдать понесенные расходы’, *оленина* ‘оленья шкура’, *омешь* ‘лемех’, *опознати, ополошити* ‘припугнуть’, *опьрсьникъ* ‘одежда, покрывающая грудь’, *орогъ* ‘лощина’, *оромица* ‘пахота, пахотное поле’, *осетрина, осинити* ‘выкрасить в синий цвет’, *осмина* ‘мера сыпучих тел, равная одной восьмой части кади’, *остать* ‘остаток’, *отатьбити* ‘обвинить в воровстве’, *отъсоуливати* ‘обещать в ответ’, *плисина* ‘плес, участок реки’, *поводъ*^{2} ‘обвинение’, *погородьѥ* ‘подать, взимавшаяся с городов’, *позъвъ* ‘вызов (в суд)’ и др.; многие из этих слов (по данным [18]) представлены также в более поздних светских памятниках; некоторые (напр. *оромица*) зафиксированы только в “Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)”. Всего из ~32 000 слов Словаря “разговорных” слов может быть 4000–5000. С той же степенью достоверности могут быть выявлены “нейтральные” (т.е. представленные в разных жанрах) слова и “книжные”, (т.е. представленные только в книжных жанрах) слова. Каждая из этих групп слов может быть изучена с самых различных точек зрения – генетической, семантической, словообразовательной, словоизменительной, синтаксической, стилистической и т.д.

Обилие цитат, которыми представлены многие слова, позволяют вскрыть реальную картину функционирования слова и прежде всего – причины эволюции его различных свойств. Нередко выявляется типизированная сочетаемость слова, которая вызывает изменение в его семантике: типичное становится единственно возможным, стандартизация употребления в тексте ведет к изменениям в системе. В частности, именно так происходит, как правило, семантическое преобразование славянизмов [см. 21].

Весьма ценными являются статистические данные об употребительности каждого слова. Возникает возможность составления частотного словаря лексики XI–XIV в. Определение наиболее частотных слов может способствовать выявлению наиболее актуальных понятий, относящихся к “картине мира” человека Древней Руси. Возможность получить данные о количестве употреблений слова в каждом из памятников способствует изучению языка памятников; язык многих из них, особенно неизданных, совершенно не изучен. Картотека дает, например, точные данные о соотношении славянизмов и русизмов во всех использованных памятниках [2, 22].

Данные о частотности слов в памятниках разных жанров позволяют во многих случаях определить причины выхода из языка или сохранения в нем тех или иных слов. Так, изучение по материалам картотеки различной судьбы славянизмов в русском языке выявило довольно очевидную закономерность, которая не могла быть, однако, сформулирована без статистических данных картотеки: чем чаще употребляется славянизм в церковно-книжных памятниках, тем

"дальше" он проникает за их пределы: в светские памятники и разговорную речь, и тем больше шансов у него закрепиться в русском языке [22].

Те же данные дают возможность с большей доказательностью делать выводы о различных словообразовательных процессах, о степени продуктивности тех или иных формантов, о границах между узуальной и окказиональной лексикой XI–XIV вв., о центре и периферии в лексическом составе словообразовательных типов и т.д.

Новый и обильный материал дают картотека и Словарь и для грамматики. Наличие в картотеке всех зафиксированных форм слова и его сочетаемости позволяет выявить новые грамматические факты и закономерности; ср., например [6, 8–12].

Невозможно указать все перспективы, которые открывает перед исследователями русского языка "Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)" и его картотека, возникшие по инициативе и под руководством Р.И. Аванесова. Лучшим памятником этому выдающемуся ученому было бы успешное завершение издания Словаря и перевод картотеки на электронные носители информации с тем, чтобы сохранить ее для будущих поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андрианова И.В., Вялкина Л.В., Лукина Г.Н., Сумникова Т.А., Улуханов И.С., Чурмаева Н.В.* О Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.) // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Ч. I, М., 1991.

2. *Г.И. Белозерцев.* Соотношения книжно-славянских и народно-разговорных элементов в древнерусском литературном языке XI–XVII вв. (на материале образований с приставками *из-* и *вы-*). Дис. канд. филол. наук. М., 1966.

3. *Вялкина Л.В., Лукина Г.Н.* Опыт применения некоторых методов математической статистики к изучению лексики древнерусских текстов // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964.

4. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 1-. Мінск, 1982-.

5. Годичное собрание Отделения литературы и языка АН СССР // Известия Академии Наук СССР, Отделение литературы и языка, 1957. Вып. 3.

6. Древнерусская грамматика (середина XII – вторая половина XIII века). М., 1995.

7. *Зверковская Н.П.* Суффиксальное словообразование русских прилагательных XI–XVII вв. М., 1986.

8. Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964.

9. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. I–II. М., 2000–2001.

10. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.

11. *Крысько В.Б.* Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.

12. *Крысько В.Б.* Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность. М., 1997.

13. *Лукина Г.Н.* Предметно-бытовая лексика древнерусского языка XI–XIV. М., 1980.

14. *Молдован А.М.* "Житие Андрея Юродивого" в славянской письменности. М., 2000.

15. *Михайловская Н.Г.* Системные связи в лексике древнерусского книжно-письменного языка XI–XIV вв. (Нормативный аспект). М., 1980.

16. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Введение, инструкция, список источников, пробные статьи. М., 1966.

17. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–. М., 1988–.

18. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.

19. Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Т. 1 – 2. Київ, 1977–1978.

20. Словник української мови XVI – першої половини XVII ст. Вип. 1-. Львів, 1994-.

21. *Улуханов И.С.* Причины семантического преобразования славянизмов // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка, 1966, № 2.

22. *Улуханов И.С.* Славянизмы в древнерусском языке XI–XVII вв. (Глаголы с неполногласными приставками). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1966.

23. *Улуханов И.С.* О некоторых перспективах изучения истории русского языка // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Ч. I. М., 1991.

24. *Чурмаева Н.В.* История наречий в русском языке. М., 1989.

О.Д.Кузнецова, Ф.П.Сороколетов

К ТИПОЛОГИИ РУССКИХ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЕЙ

Русская диалектная лексикография, успешно развивавшаяся во 2-й половине XX в. в России, теоретически основывалась на идеях Р.И. Аванесова о системности лексики русского языка: "Русский язык как целое образует не простую сумму выделяемых с той или иной точки зрения своих разновидностей, четко разграниченных между собой, представляющих внешние по отношению друг к другу объекты, а систему взаимно проникающих разновидностей" [Вопросы теории 1962, 7] и ее историзме: "Многообразие диалектных различий – это живая история, проецированная в пространство, это как бы пространственная проекция пережитых исторических процессов" [Аванесов 1974, 122]. Диахронический подход к описываемому лексическому материалу для ряда словарей становился необходимой задачей, в то же время большое количество разнообразных лексических, морфологических и фонетических диалектных фактов, представленных под историческим углом зрения, давало обширную пищу историкам русского языка и этимологам.

Типология диалектных словарей русского языка впервые была изложена в статье Р.И. Аванесова "К теории диалектных словарей", опубликованной в 1958 г. в Румынии [Аванесов 1958, 53–57]. В ней было впервые предложено теоретическое осмысление типологии русских диалектных словарей (хотя и не без влияния лексикографических идей Л.В. Щербы).

В классификации диалектных словарей Р.И. Аванесова прямой лексикологический словарь, в котором слова объясняются путем указания их лексических значений (*кочет* 'петух'), противополагается словарю обратному идеологическому, который исходит из значений или идей (определенному значению или идее соответствуют диалектное слово или слова: 'самец курицы, петух' – *петух пеун, петель, кочет*), словарь однодиалектный – многодиалектному, полный – дифференциальному.

Важным в типологии словарей Р.И. Аванесова для того периода (50-е годы XX в.), когда только вырабатывались основные принципы, концепции будущих диалектных словарей русского языка, следует считать идею о возможности со-

здания на русском диалектном материале различных типов диалектных словарей, что позже подтвердилось на практике. Автором типологии было правильно предугадано создание словарей не чистого типа, а с чертами и особенностями различных типов, что значительно увеличивало многообразие видов диалектных словарей. "Противоположения диалектных словарей – диалектный словарь прямой ("лексикологический") или обратный ("идеологический"), однодиалектный или многодиалектный, полный или дифференциальный – перекрещиваются и потому в разных своих комбинациях дают большое количество типов диалектных словарей" [Там же, 57].

Обращение к практике составления диалектных словарей и у нас и за рубежом свидетельствует о многообразии типов словарей, различии целей и задач, решаемых в них, многоплановости лексикографической обработки материала. Значительно чаще встречаются диалектные словари с особенностями и элементами не одного, а двух и более типов.

В диалектной лексикографии (под влиянием лексикографии литературного русского языка) постепенно утверждалась идея о системе словарей. В систему словарей, описывающих лексику диалекта в полном объеме и с разных сторон, должны войти следующие словари: толковый, синонимический, тематический или идеографический, фразеологический, словообразовательный, словарь сочетаемости слов.

Исследователь, ставящий перед собой цель – представить лексику диалекта полностью и показать системные отношения в ней, должен опираться на системный принцип охвата материала. Поэтому такой словарь должен быть построен на одном материале, едином по своей принадлежности к одному диалекту, к одному хронологическому срезу, т.е. он должен отражать единую лексико-семантическую структуру. Таковы [Деулинский словарь], первые выпуски [Брянского словаря], [Псковский областной словарь], правда, с некоторыми чертами исторического словаря и др.

В послевоенные годы работа над диалектными словарями русского языка шла главным образом в двух направлениях: а) создавались диалектные словари на основе специально собранных современных материалов, б) составлялись сводные словари, обобщающие все имеющиеся диалектные материалы (печатные и рукописные).

В практике современной диалектной лексикографии отразились теоретические искания и споры относительно состава диалектных словарей, принципов отбора лексики, организации и структуры словарных статей, способов и методов семантической характеристики слов.

Дальнейшее развитие и углубление получил дифференциальный принцип отбора слов, утвержденный всем ходом развития предшествующих периодов русской диалектной лексикографии.

Наиболее полное воплощение этот принцип получил в издаваемом Словаре русских народных говоров (СРНГ). Уже сами материалы словаря, собранные на протяжении 150 лет, их различный характер диктовали применение дифференциального принципа в отборе лексики. СРНГ, охватывающий всю совокупность русских диалектов, эту сложнейшую макросистему, состоящую из большого числа весьма своеобразных диалектных систем, особенности которых характеризуются разной степенью развития, должен был по своей концепции решать задачу диахронического описания лексических фактов. Таким образом, второй

основополагающей основой этого словаря является его исторический характер, обусловленный самим объектом описания и источниками, собранными на протяжении 150 лет.

Историзм в словаре относится к особенностям, затрагивающим очень существенные стороны издания, отражающие важные в системном отношении свойства языка, например, связанные с определением границ слова, разграничением полисемии и омонимии и с многими другими сторонами словаря.

Реализация диахронического подхода к материалу предполагает не только представление иллюстративного материала по временным периодам, но также соответствующий взгляд на лексические факты, более глубокое проникновение исторического отношения к языковым явлениям и их интерпретации.

Историзм в таком словаре, как СРНГ, проявляется прежде всего в широте описываемого материала, допускающей совмещение в одной семантической структуре очень старых значений и значений, появившихся в наше время, рожденных современной жизнью, демонстрирующих направление мотивации и определяющих семантическое развитие слова.

Одной из важнейших сторон Словаря являются семантические структуры, представляющие совокупность лексических значений, фразеологических выражений, терминологических сочетаний и т.п. в определенном порядке. Организация, порядок (очередность) значений в них – это основное звено, где наиболее ярко и полно может воплотиться исторический подход.

При формировании семантических структур важным является установление исходного значения, определение порядка значений, положение каждого значения в семантической структуре, т.е. направление семантической мотивации – определение очередности значений с учетом регулярной полисемии; последнее позволит выявить историческую выводимость значений, их динамику при условии, что мы имеем дело с однонаправленной мотивацией.

Однако в лексикографической практике, в особенности, в диалектной, нередко встречаемся с разнонаправленной мотивацией, проявляющейся в наличии не одного семантического центра, а двух, трех и более. Таковы "смещения и перемещения смысловой ориентации слова из одной предметно-понятийной сферы в другую" [Сорокин, 1977, 18], или резкий поворот в мотивации – неожиданное номинативное применение слова, функциональный сдвиг в значении, вызванный не внутренним, органическим развитием самой семантической структуры, а другой причиной.

Объяснение этому находим в характере диалектной лексической макросистемы, наличии в ней огромного количества лексики, обслуживающей различные народные промыслы, разнообразную хозяйственную деятельность, этнографические особенности диалектов.

Значения подобного рода выглядят немотивированными, их связь с предыдущими не прослеживается. Только обращение к терминологии народных промыслов, этнографическим источникам помогает осмыслить, увидеть связь с предыдущими значениями, понять народную мотивацию таких значений. См., например, статью *Пр'яха* в СРНГ (Вып. 33), где связь пятого значения с остальными – 'рабочий на судне, выбирающий снасть из воды' понимается только при знакомстве с речными промыслами на судах, с реальным действием рабочего, напоминающим действие пряхи.

Историзм в СРНГ можно видеть также в принятии таких способов и приемов показа материала, которые могли бы достаточно четко демонстрировать развитие языка. Последовательное проведение таких приемов необходимо, например, при разработке формальных и словообразовательных вариантов (в этом случае оно отражает внутреннюю динамику их развития): более поздние формальные варианты слова показываются и в заголовке, и в тексте статьи после вариантов более ранних:

Стерп'еж и *стерпёж*, м.

Словарь содержит семантические структуры тысяч слов, говорящих о накоплении конкретных слов, а их порядок, расположение в словарных статьях прочерчивает семантическое развитие, направление мотивации, ее повороты, переходы наименования из одной практической сферы в другую.

Таким образом, исторический взгляд на языковые факты, принятый в словаре, предполагает особый подход к разработке важных сторон словаря: последний касается показа омонимов, определения границы слов, понимания полисемии, порядка (очередности) значений в каждой семантической структуре. Историзм диктует свои правила и приемы показа материала при введении формальных и словообразовательных вариантов, их толкования и некоторых других более частных вопросов при описании языковых фактов, что в совокупности обеспечивает диахроническое отношение к лексическому материалу. Это действительно глубинный исторический подход к показу всех важных сторон словаря, а также частных вопросов, деталей в приемах и способах описания лексической семантики. Думается, что только последовательное и корректное воплощение исторического взгляда в словаре (в соответствии с его концепцией), основанное на знании закономерностей семантического развития, истории материальной культуры и этнографии, обеспечит высокое качество лексикографического издания.

ЛИТЕРАТУРА

Вопросы теории 1962 – Вопросы теории лингвистической географии / Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1962.

Аванесов Р.И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

Аванесов Р.И. К теории диалектных словарей // Cercetări de lingvistică. 1958. An.3. Supliment.

Деулинский словарь – Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл.) / Под ред. И.А.Оссовецкого. М., 1969.

Брянский словарь – Словарь брянских говоров. / Ред. В.И. Чагишева. Вып. 1; Л., 1976; Ред. В.А.Козырев. Вып. 2–5. Л., СПб., 1980–1988.

Псковский областной словарь с историческими данными / Редкол. Б.А. Ларин и др. Вып 1–5. Л., 1967–1983.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин. Вып.1–23. М.; Л., 1965–1987; Гл. ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 24–34. СПб., 1989–2000.

Сорокин Ю.С. Что такое исторический словарь? // Проблемы исторической лексикологии. Л., 1977.

А. Ф. Журавлев

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ФАНТОМЫ. 5. СРНГ, *О–П*

...из букв вечно выходит какое-нибудь слово,
которое иной раз черт знает что и значит.

"Мертвые души"

Настоящая серия заметок о сомнительных, с точки зрения автора, заголовочных формах (как правило, гапаксах) в сводном диалектном словаре русского языка является продолжением предыдущих публикаций на ту же тему, где оговорен характер наблюдений и предлагаемых прочтений (см. Журавлев 1995; 1998; 2000; 2001).

Опáсесать, о п á с е ш у , о п á с е ш и ш ь ⟨...⟩. Очесать (лен). Свердл., 1965 (СРНГ[1], вып. 23: 240).

Реальное *опáчесать* (там же: 245 – арханг., волог., перм.) (производное от *пáчес(а)*, *пáчесь*), подтверждаемое и словарем говоров Среднего Урала: *опáчесать* 'очес(ыв)ать лен' (Среднеуральский словарь, т. III: 59), *опачесáть* 'вычесывать, вычесать лен второй раз', *опáчесить* то же (Среднеуральский словарь, Дополнения: 370). Беглое рукописное *ч* воспринято как *с*. Предполагать реализацию фонемы ⟨ч⟩ звуком [с] оснований, пожалуй, нет: "Звук *с* из *ч* вообще получиться не может" (Аванесов 1949: 134), для этого нужны определенные морфонологические условия, ср. *кумасный, молосный*, *нáросный*, *унистожить* и под., где [сн], [ст] из *[ч'ьн], *[ч'ьт]. Прокомментировать подозрительное *опасесать* обещано А.Б. Страховым (Страхов 2000, 159). Вновь усомнюсь в четкости используемых составителями алгоритмов выведения незафиксированных парадигматических глагольных форм из инфинитива.

Ореха́ть, á ю, á е ш ь ⟨...⟩. Болтать вздор, пустяки; пустословить. Прииссыккул. Киргиз. ССР, 1970; **Орехло́** ⟨...⟩. Пустомеля. Прииссыккул. Киргиз. ССР, 1970 (вып. 23: 336, 337).

Похоже, что рукописное *б* (менее вероятно – прописное *Б*) прочитано как *о*; *брехать, брехло*. В таком случае опять не будет лишним сомнение в точности восстановленных при заголовке статьи финитных глагольных форм (*(брех)аю, (брех)аешь*?).

Оречáть ⟨...⟩. Отвечать. *Ен Христос оречает*. Смол., 1914 (вып. 23: 337).

Хотя выделение корня *реч-(/рек-)* в глаголе со значением словесной реакции принципиально допустимо, отважусь предположить иное устройство данной вокабулы. В ней можно видеть фонетическое (не лексикализованное) искажение глагольной формы *отвечает* – **фечает* (*([о])фечает*), где [ф] из [тв] (ср. не аналогичные, но достаточно близкие случаи оглушения [в] с одновременной утратой глухого смычного перед ним – [ф] из [кв]: *фитанцыя*, *фатера*), а гласный префикса в речи синкопирован. Таким образом, зафиксированное собирателем *ф* могло быть воспринято как *ор* при том, что *о-* в этом чтении навязано значением глагола.

---

[1] Далее ссылки на тот или иной выпуск СРНГ при заголовочных формах в настоящих заметках даются без приведения этой аббревиатуры.

Остóзи, *мн.* “Место, где лежит хлеб”. Сиб., Корнилов, 1905–1921 (вып. 24: 71).

Скорее всего, неверно прочитана запись *остож* (или, с меньшей вероятностью, *остожь*): *ж* (или *жь*) воспринято как *зи*, а форме единственного числа приписано значение множественного. Ср. сиб. *остóжь* “‘загородка’”, севернорусск., уральск., сибир. *остóжье* ‘ровное, расчищенное место, на котором ставят стог (стога) или большую копну (копны) сена, клади хлеба’ и др. (там же: 68; Среднеуральский словарь, Дополнения: 377; Новосибирский словарь: 361; Иркутский словарь, вып. 2: 100).

Ошýться [?], *несов.* Ломаться, церемониться. Тихв. Новг., Даль [с вопросом] (вып. 24: 98).

“Орфографический” вариант рассмотренного ранее (Журавлев 2001, 276) *ошýться*, за которым, видимо, стоит правильное *озмоваться*, *(не) озмуйся*.

Отжáн, а, *м.* То же, что отжин ⟨...⟩. Лысьвен. Перм., 1981; **Отжáнки**, *мн.* То же, что отжин ⟨...⟩. *Сегодня на отжанки ходили.* Лысьвен. Перм., 1981 (вып. 24: 180, 181).

Эти формы с *-жан-* (на месте *(-)жа-*, *(-)жин-*) чрезвычайно редки; в СРНГ бесприставочных образований на *жан-* нет вовсе, если не принимать во внимание глагола *жанýть* ‘жать, стискивать’, ‘“утеснить”’, ‘прижимать, “утеснять”’ (СРНГ, вып. 9: 71) – другого корня, во-первых, и с *-н-*, принадлежащим суффиксу *-ну-*, во-вторых. Ср. более естественную форму с *-жа-*: *отжáтки* ‘окончание жатвы и праздник, связанный с ним’ (Среднеуральский словарь, Дополнения: 381). Поэтому в данном случае, мне кажется, не следует исключать ошибочного чтения записей “стандартных” и широко распространенных форм *отжúн* и *отжúнки* ‘окончание жатвы’, ‘празднество по поводу окончания жатвы’ (СРНГ, вып. 24: 185, 186).

Отрамшак, ⟨...⟩ [удар.?]. Грубый, недобрый человек. *Не отрамшак – не противник, не расстройщик, не грубиян.* Глазов. Вят., Архив РГО (вып. 24: 289).

Может быть, не *отрам-*, а *страм-* (с эпентетическим *-т-* в *срам-*)? Суффикс – тот же, что в *лоншак* (ср. *лонись*).

Отрогúть, ú ш ь ⟨...⟩. Отвязать, ослабить корабельную снасть. Арх., Белм. ⟨так!⟩ и Сев. океан, 1848 (вып. 24: 296).

Ошибочно прочитанное *отрочить*, ср. севернорусск. *óтрóчúть* ‘ослабить или отвязать (корабельную снасть)’, иркут. ‘отцепить что-либо от чего-либо’ (там же: 302; Иркутский словарь, вып. 2: 110).

Отфýткивать ⟨...⟩. Отбрасывать при веянии. *Веяли лопаткой с короткой ручкой и углублением. Садишься на маленку* ⟨‘кадка’ или ‘короб’⟩ *и отфукиваешь.* Медвежьегор. КАССР, 1970 (вып. 24: 350).

Видимо, в заголовке статьи опечатка: ср. иллюстрацию, где форма *отфукиваешь* гораздо более правдоподобна (к *фýкать* ‘дуть’).

Ошноковенно [?], ⟨...⟩. Обыкновенно. Арх., 1886–1887 (вып. 25: 94).

Составительский знак вопроса оправдан. Можно предположить чтение *ш* на месте трехлинейного рукописного *т*, что предполагает также смешение приставок *об-* (**об-вык-*) и *от-* или вычленение этого *от-* в “переосмысленной” контаминированной форме **однаковенно*.

Ошь, и, *ж.* Ость, шелуха. *Шелуха, когда молотят, отлетает. Это ошь и есть.* Пинеж. Арх., 1973 (вып. 25: 100).

Не *ость* ли все же?

Пазя́т, а, *м.* Паз в столбе изгороди. Сузун. Новосиб., 1964 (вып. 25: 151).

В словаре говоров Новосибирской области (Новосибирский словарь: 371) это слово ожидаемым образом отсутствует. Субстантивный "суффикс" *-(')ám* в соединении с корнем *паз-* более чем проблематичен. Не имеем ли мы здесь просто-напросто глагольную форму 3 лица множественного числа настоящего времени к *пази́ть* 'делать паз', неверно трактованную синтаксически (вроде **пазят в колоде*, **пазят до зарубки*)? К сожалению, нет возможности поверить эту догадку контекстом.

Па́исный ⟨...⟩. Полезный. *Молоко паисно*. Любыт. Новг., 1968 (вып. 25: 151).

Контекст для выявления значения предикативного прилагательного недостаточно диагностичен, поэтому возникают сомнения в точности установленной семантики: услышать из уст деревенского жителя глубокомысленное назидание о полезности молока, конечно, можно, но будет ли оно естественным и искренним? В "Новгородском словаре" регистрируется прилагательное *па́ёсный* 'вкусный' (Щи... *паесные*; Пиво... *паесное*), 'высокого качества, питательный' (...*сено не паёсное*...) (Новгородский словарь, вып. 7: 87). Слово, по всей видимости, праславянского возраста: **ра-ě(d)s-ьпъjь*, от **ě(d)sa* (ЭССЯ, вып. 6: 44), ср. русск. *я́са* 'перемена кушанья', сербохорв. стар. редк. *jes* муж. р. 'яд, отрава, желчь', далее к индоевроп. **ed-s-ā*, ср. нем. *Aas* 'падаль' (< 'пища') < индоевроп. **ēd-s-от*. Отнесение *паесный, паисный* к корню **ěd-* неоспоримо, ср. весьма доказательный контекст: *Паёсное сено значит съедобное, без объедей* (Новгородский словарь, там же).

Пакма́, ы́, *ж*. Рука. Вят., 1848 // Кисть руки [?]. Даль [без указ. места, с примеч. "в Слов. Акад. полагаю ошибочно п а к ш а́"] (вып. 25: 158).

В далевском суждении неясна его отнесенность – к *пакма́* или *пакша́*; если речь идет об ошибочности второй формы, то такое предположение с безусловностью отклоняется многочисленностью ее свидетельствований (СРНГ, вып. 25: 162 – новгор., арханг., вятск., краснояр., сюда же производные арханг. *пакши́ща*, *-ще* 'ручища, лапа', вост.-прибайкал. *пакша́тый* 'с большими руками', 'неуклюжий, неловкий (о человеке)'; Новгородский словарь, вып. 7: 90). Вероятно, неверна форма *пакма*. Рукописное *ш* легко смешивается с *м*. Однако трудность заключается в том, что так могла быть воспринята и форма *пакля* (начальный, снизу идущий штрих рукописной строчной буквы *я* мог быть идентифицирован как принадлежащий предыдущей букве, "результировав" *м*, а оставшаяся часть читается как *а*); ср. арханг., вятск., пермск., свердл., курган., казан., тюмен., краснояр., забайкал., тульск., курск. и др. *па́кля́* 'рука, кисть руки', 'парализованная, высохшая, изуродованная и т. д. рука', 'костлявая рука', 'левша' и др. (СРНГ, вып. 25: 158).

Панка́, и́, *ж*. Картинка. Забайкал., 1980 (вып. 25: 196).

Словечко взято из фальсифицированного, притом крайне неталантливо, забайкальского лексикона Л.Е. Элиасова (Элиасов 1980: 286; справедливую критику словаря см. в: Аникин 1997: 16–26). Составители СРНГ сами, очевидно, не питают полного доверия к материалам Элиасова; это сказывается, скажем, в том, что они при воспроизведении элиасовских "данных" ограничиваются очень неопределенной географической пометой "Забайкал.", тогда как у автора все текстуальные примеры (почти неукоснительно по три на каждую словарную позицию) снабжены названиями населенных пунктов, приурочение которых к тому или иному району Читинской области и Бурятии не составляет ни малейшего труда (огромный список пунктов, с расшифровкой их административной

принадлежности, дан в непомерно пространном авторском предисловии). Составителям СРНГ, когда они черпают лексический материал из словаря Элиасова, нужно рекомендовать удерживаться от цитирования насквозь лживых, кабинетной выделки иллюстраций. Но с чрезвычайной осторожностью нужно относиться и к самой трактуемой лексике: здесь, как показано А.Е. Аникиным, многое вызывает подозрения в неподлинности или ошибочности. *Панка́* – одна из элиасовских подделок, дурная реставрация формы единственного числа из сибир. *панки́* 'лубочные картинки' (СРНГ, вып. 25: 197), извлеченного из "Дополнения к 'Опыту областного великорусского словаря'" (1858): реален сингулятив *пано́к*, уменьшит. от *пан*. Ср. образования с подобной же "этиологией": тверск. *богатыри́* 'лубочные картины' (СРНГ, вып. 3: 46), псков., брянск. *боги́*, забайкал. *бога́* (единств. ч. *бог*) 'иконы; изображения Христа и святых' (Псковский словарь, вып. 2: 61; Брянский словарь, вып. 1: 62; Словарь семейских 1999: 44).

Панкру́жство ⟨...⟩. Банкротство. *У торговца товарами в нашем селе – полное панкружство*. Теренг. Ульян., 1971 (вып. 25: 196).

Неверно прочитанное *панкрутство*: рукописное трехлинейное *т* спутано с *ж*. Ср. диал. *панкру́т* 'банкрот', но особенно теренг. ульян. (!) *панкру́т* 'банкротство' (1969) (там же). Смешение аллографов указанных графем встречается неоднократно: *недостижки* вместо *недостатки*, обратный случай – *закуртеветь* вместо *закуржеветь* (Журавлев 1995, 190; Журавлев 2001, 270).

Паужик [?], а, *м*. То же, что паужин (в 1-м знач.) ⟨'третий прием пищи между обедом и ужином, полдник (обычно в летнее время)'⟩. Новг., 1857 (вып. 25: 276).

Почти нет колебаний в том, что это реальное *паужин*. Буква *н* спутана с *к*.

Паун [?], а, *м*. [удар.?]. Овод. *На второй день также налетело паунов, и он ударил и убил двенадцать паунов*. Белозер. Новг., Соколовы (вып. 25: 283).

Подлинность заголовочной формы очень недостоверна: мы имеем дело с единственной фиксацией. Чтение *паук*, ср. *пау́к* томск. 'овод', пермск. 'слепень' (там же: 282), более вероятно, чем альтернативное широко распространенное *па́у́т* 'жалящее крылатое насекомое (овод, слепень, большая муха, мошка и т. п.)' (там же: 283): с *п* легче смешать букву *к*, чем *т*.

Пашо́с, а, *м*. [?]. Окученный картофель. Павин. Костром., Ганцовская, 1977 (вып. 25: 309).

Суффикс *-о́с* вызывает сомнения. Чтение *пашек* (ср. приамур. *па́шек* 'разработанный участок земли, используемый под картофель и другие культуры': *Пашек-то? Это разработанная земля, картошку сажаем*; там же: 303; Приамурский словарь: 197) принципиально возможно, но неудовлетворительно по акцентологическим причинам. Не слишком велика и вероятность того, что это слово *паша*, в котором неверно прочитана буква, передающая флексию (рукописное *а* → *ос*): наша заголовочная форма зафиксирована на северо-востоке (костромское), в то время как слово *па́ша́* известно на юго-западе восточнославянской территории (русские говоры Прибалтики, Смоленщина, Брянщина, Белоруссия, Украина), а кроме того, по крайней мере в русских диалектах, имеет отличную семантику – 'луг, пастбище', 'трава; подножный корм для скота', 'сено', 'пашня' (там же).

Пащь, и, ж. Ловушка на песца. Индигирка, 1918–1931 (вып. 25: 309).

Сильных препятствий для образования заголовочной формы, в общем, нет. Но все же в качестве более предпочтительного напрашивается чтение *пасць* (с фиксацией в диалектной записи ассибилированного произношения [т']), ср.

пасть – распространенное по всей Сибири название захлопывающихся ловушек на зверя, как крупного, вроде медведя, так и мелкого (там же: 269).

Пекували́тки, мн. Фольк. [Знач.?]. *Она села на лопату, подобрала ручки-ножки, Иван пекувалитки в печь* [сунул] *и заслонкой закрыл*. Лодейноп. Олон., Онучков ⟨sic!⟩, 1928 (вып. 25: 319).

Несуразность вокабулы столь же очевидна, сколь неочевиден ее источник. Подсказкой может оказаться отсутствие глагола в иллюстративной фразе с "*пекувалитками*": есть вероятность, что он и скрыт в этом нелепом слове; во всяком случае сегмент *-ал-* материально тождествен подходящей к данному случаю глагольной флексии. За собирателя севернорусского фольклора Н.Е. Ончукова обидно: его фамилия в СРНГ перевирается постоянно.

Пемо́нща ⟨...⟩. Поперечина, скрепляющая бревна плота. *Пемонща треснула пополам, и плот стал разваливаться*. Забайкал., 1980 (вып. 25: 337).

Вновь извлечение из словаря Л.Е. Элиасова и вновь слово, вызывающее крайнее недоверие. Обращение к лексикографическому источнику (Элиасов 1980: 290) ясности не вносит: там иллюстрации, как в с е г д а у данного автора (если это только не песенный текст), имеют не осознававшийся составителем, лишенным острого стилистического чутья, характер сугубо кабинетного изобретения, далекого от точных записей реальной, живой диалектной речи ("На скорую руку он приделал к пемонще руль, теперь плыли как на пароходе"). Элиасов выдумывал контексты и снабжал ими описываемую лексику – по нескольку иллюстраций, приписанных разным местностям, на каждое слово, даже если оно явно представляет собою единичное, чисто речевое (не словарное), так называемое "потенциальное" образование. В случае "*пемо́нща*" можно предположить, что составитель неправильно разобрал собственную диалектную запись, но размножил неверное чтение несколькими искусственными контекстами. Восстановление подлинного слова здесь чрезвычайно затруднительно. Финальная часть рассматриваемой вокабулы может отражать суффикс *-ица* (замечу, что на весь СРНГ только два существительных имеют согласную перед конечным *-ща*: *общща* 'коллективная собственность' и *некща* 'нехристь', от *кстить*; оба слова из Даля, без локализаций), но предшествующий сегмент, не находящий соответствий в известном "морфемиконе", дает исключительно широкие возможности графической идентификации – в силу малого разнообразия штрихов, образующих рукописные начертания большинства букв русского алфавита (ср. *п, н, и, л, м, т, ш, с, ж, к, г, ч, е, а, ы*...). Вовсе не настаивая на точности догадки, рискну, хотя бы для демонстрации упомянутых возможностей, предложить конъектуру **пеленица*; ср. южнорусск. *пелена́*, *пелени́ца* 'обрешетина кровли', 'доска, жердь, удерживающая солому в нижней части ската крыши', 'нижняя продольная слега на крыше, к которой прикрепляются веревки или соломенные жгуты, стягивающие, удерживающие солому' и др. (СРНГ, вып. 25: 327, 328; Орловский словарь, ⟨вып. 9⟩: 38–41). Обращение к южнорусскому материалу здесь более чем оправданно: генетически говор семейских Забайкалья – южнорусский, хотя их материальная культура включает севернорусские элементы (высокая срубная изба, сарафан).

Пенева ⟨...⟩ [удар.?]. [Знач.?]. "Термины при молотьбе: ...ворох, пенева, мякина, омеш, озарод". Меднов. Калин., Отв. на вопр. ДАРЯ, 1940 (вып. 25: 338).

По всей вероятности, *пелева*, ср. *пе́лева, пе́лёва, пелёва, пелёва, пелева́* 'мякина' – в том числе, конечно, калин., твер. (там же: 321). Рукописное *л* прочитано как *н*.

Пеплён ⟨...⟩. Вывих у лошади. Слов. карт. ИРЯз [без указ. места] (вып. 25: 350).

Несомненное *исплёк* ‘повреждение верхней части передней ноги у лошади’ (см. СРНГ, вып. 12: 222, 228 – с отсылкой к статье *искрёк*, форма в заголовке которой ошибочно, с этимологической точки зрения, выбрана основной для вариантного ряда, образуемого, кроме нее, формами *исплёк, исплёка, исплёт, исплéчка*), ср. *исплечúть* ‘повредить хомутом грудь, плечи лошади’, *исплечúться* ‘вывихнуть или повредить тяжелой работой переднюю ногу в плече, лопатке (о лошади)’, ‘вывихнуть руку или ногу’, ‘искривиться, покоробиться’, *исплéчье* ‘растяжение сухожилий’ и др. Сочетание *ис* прочитано как *пе*, а буква *к* спутана с *н*.

Первакá, *нареч.* Впервые, в первый раз. *Мне не первака быть на суде.* Слов. карт. ИРЯЗ [без указ. места]. Иссык-Кульск., 1947–1948. – Ср. П е р в а ч ó к (вып. 25: 351).

Неверного чтения нет; речь идет о форме словарного представления, в определенном смысле искажающей языковую реальность. Маловероятно, что это слово в значении ‘первый раз’, точнее – в форме родительного падежа с адвербиальной семантикой, употребляется самостоятельно, без отрицания *не*. Лучшим (сравнит. ст.), хотя и не лучшим (превосх. ст.), решением было бы дать его в сочетании с негативирующей частицей (*не первакá*) в словарной статье *Первáк* – за ромбиком, помечающим устойчивые сочетания, подобно тому, как подано выражение с *первачка* ‘поначалу’ в статье *Первачóк*, на которую ссылается составитель данной статьи.

Перетóчек ⟨...⟩ Пальчик [?]. ⟨...⟩ (вып. 26: 292).

Опечатка: *перстóчек*.

Перешишье [?] ⟨...⟩ [удар.?]. Кратковременный штиль. Арх., Рейнеке и др., 1844 (вып. 26: 278).

Может ли быть неуверенность в том, что это *перетúшье*? См. *пéретúшь, перетúшье* (там же: 24 – новгор., арханг., сибир.), также *перетихáть, перетúхнуть* (там же; Новгородский словарь, вып. 7: 126).

Добавления к статьям 1–3 (СРНГ, А–М)

Бýрмень, я, *м.* Майский жук. Черепов. Новг., 1910 (вып. 3: 294); **Буршень**, я, *м.* [удар.?]. Майский жук. Черепов. Новг., Герасимов, 1853 (вып. 3: 301).

Зная о частом смешении рукописных начертаний букв *м* и *ш* (особенно строчных), в одной из этих заголовочных форм можно заподозрить фантомное чтение. Однако выбор “жертвы” затруднен: в первом слове возможно выделение суффикса *-мень* при звукоизобразительном корне *бур-*, передающем жужжание, ср. *буркать, бурчать* и проч.; устройство второго сильно напоминает название насекомого *шершень*, имеющего довольно глубокие индоевропейские связи (см.: Фасмер, т. IV: 432), которое и могло послужить образцом для его образования. Аргументами в пользу выбора второй формы как неошибочной могут служить арханг. *буршéть* ‘долго и надоедливо говорить что-л., ворчать, брюзжать, ныть’ (Архангельский словарь, вып. 2: 184), уральск. *бушéнь* ‘крупная оса, шершень’ (СРНГ, вып. 3: 332; Среднеуральский словарь, т. I: 64), впрочем, ср. арханг. *бýчень* ‘шмель’, ‘оса’, ‘слепень’ (СРНГ, вып. 3: 329; Архангельский словарь, вып. 2: 194).

Гуш, á, *м.* Часть цепа [какая?]. Кашир. Моск., Верхнехавск. Ворон., 1959 (вып. 7: 250).

К сожалению, в статье нет текстуальных иллюстраций, которые подтвердили бы лексикализованность варианта с глухим шипящим, ср. *гуж* ‘ремень, соединяющий бьющую часть цепа (било) с рукоятью’ (там же: 204). В таком случае остается сомнение, точно ли передан фонемный состав слова.

Забегник ⟨...⟩ Длинная веревка у верхних “ушей” невода. Тобол. (вып. 9: 249).

Ранее (см. Журавлев 1995: 190) мне показалось подозрительным нарушение морфонологических норм (“правильную” морфонологию показывают амурск. *забе́жник* ‘веревка, за которую тянут невод’ – Приамурский словарь: 88; сибир. *побе́жник* ‘веревка, привязанная к основной тетиве невода’ – СРНГ, вып. 27: 191). Однако морфонологическое нарушение действительно имеет место: аналогичное явление обнаруживают донск. *побе́гный* ‘каждодневный, будничный (об одежде)’, свердл. *побе́гная доска* ‘приспособление для процеживания сусла’ (СРНГ, вып. 27: 189), ср. еще ленингр. *ка́легный* – относительное прилагательное от *ка́лега* ‘брюква’ (СРНГ, вып. 12: 348). Искать в заголовочной форме ошибочное чтение, таким образом, излишне.

Касла́ться ⟨...⟩ Кочевать, перекочевывать. Березов. Тобол., 1852. Тамб. (вып. 13: 116).

Возражения вызывает не слово (оно хорошо известно), а его локализация “тамб.”, фантастическая для заимствования из хантыйского языка. По-видимому, при типографских работах над словарем В. И. Даля, который взял слово из “Опыта областного великорусского словаря” 1852 года и сам вряд ли мог ошибиться, так была прочитана географическая помета *тоб.*: в наборе оказалось *тмб.* Из словаря Даля помета *тмб.* в “развернутом” варианте “тамб.” перекочевала в этимологический словарь М. Фасмера и СРНГ. А.Е. Аникин (Аникин 1997: 283) справедливо характеризует “тамбовский” ареал глагола *каслаться* у Фасмера и в СРНГ (Даль не упомянут) как недоразумение.

Клеека ⟨...⟩ [удар.?]. Пеньковый канат. Волж., 1939 (вып. 13: 273).

Верно ли воспроизведено? Членение слова на морфемы вызывает затруднения, поэтому требуются сопоставления с иными формами, например, *клёвка* (3) чердын. перм. ‘небольшая веревка, которая привязывается к буксирному канату для поворота баржи в какую-либо сторону’ (ср. также более далекое семантически (2) волж. ‘снаряд для задержки, закрепы наскоро снасти, каната, чтобы не вырвало, не вытащило’) (там же: 271; Даль) или новг. *кне́йка* (от *кне́я*) ‘веревка, к которой пришивается невод’ (там же: 343). Неясно.

Мети́ть, и́ т ⟨...⟩. Мерещиться, казаться. *В этом дому метит; кикимора, бают, посажена.* Перм., 1856; **1. Ме́титься**, и т с я ⟨...⟩. Мерещиться, казаться. Перм., 1856. Смол. (вып. 18: 138).

Хотя эти слова и поддаются осмыслению как семантические ответвления от ‘метаться’ (ср. *мельтешить* ‘рябить в глазах’, диал. *метлесить* и под. ‘вертеться, летать около’ → ‘казаться, представляться в воображении’ и под.), все же более вероятным представляется неправильное чтение форм *мстить*, *мсти́ться* ‘казаться, мерещиться, чудиться’ (там же: 328): рукописное *с* прочитано как *е*. Невозвратная и возвратная формы, по крайней мере в пермских фиксациях, явно связаны между собою, но акцентуированы в СРНГ почему-то различным образом; вариант *ме́титься* при *мети́ть* (даже если отвлечься от ошибочного “гласного” прочтения согласной) выглядит неоправданным.

Наперекрос, м. [удар.?]. Новолуние. Север., Барсов (вып. 20: 71).

Полипрефиксальное оформление слова толкает к мысли о том, что мы имеем дело не с существительным, а с наречием (ср. окрестные вокабулы *напереду, напережаб, наперекос, наперелом, напересечку* и проч.), то есть более правильным толкованием было бы ‘в полной фазе (о луне)’. Отсюда несложно усмотреть в качестве словообразовательной базы заголовочной формы существительное *перекрой*: арханг., беломор., мурман., южносиб. *перекро́й* ‘изменение фазы Луны; начало ущерба после полнолуния’, далее предложные формы с адвербиальной семантикой смолен., перм., южносиб., иркут., амур. *на перекро́е, на перекро́ю, на перекро́й месяца* (СРНГ, вып. 26: 133–134). Заголовочный вариант скорее всего представляет собою результат ошибочно прочитанного *с* на месте *е*. Т.В. Горячева предполагает в “Причитаниях Северного края” Е.В. Барсова, откуда извлечено слово, опечатку, хотя не исключает его действительности и допускает возможность вывести этот астрономический термин из гнезда **kresati* (Горячева 1993, 42–43).

ЛИТЕРАТУРА

Р.И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. Часть первая. М., 1949.

А.Е. Аникин. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997.

Архангельский словарь – Архангельский областной словарь. Вып. 1 –. М., 1980 –.

Брянский словарь – Словарь брянских говоров. Вып. 1 –. Л., 1976 –.

Т.В. Горячева. К семантике и этимологии славянских метеорологических и астрономических терминов // Этимология 1988–1990. М., 1993.

Даль$_2$ – *В.И. Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955 (перепечатка 2-го изд. СПб.; М., 1880–1882).

А.Ф. Журавлев. Лексикографические фантомы. 1. СРНГ, *А–З* // Dialectologia slavica. Сборник к 85-летию Самуила Борисовича Бернштейна. [Исследования по славянской диалектологии. 4.] М., 1995; 2. СРНГ, *И–К* // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. Т. I. М., 1998; 3. СРНГ, *Л–М* // Слово во времени и пространстве (К 60-летию профессора В.М. Мокиенко). СПб., 2000; 4. СРНГ, *Н–О* // Исследования по славянской диалектологии. 7. Славянская диалектная лексика и лингвогеография. М., 2001.

Иркутский словарь – Иркутский областной словарь. Вып. 2. Л – Рясь. Иркутск, 1974.

Новгородский словарь – Новгородский областной словарь. Вып. 1–13. Новгород, 1992–2000.

Новосибирский словарь – Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.

Орловский словарь – Словарь орловских говоров. ⟨Вып. 9⟩. Орел, 1998.

Приамурский словарь – Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983.

Псковский словарь – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1 –. Л., 1967 –.

Среднеуральский словарь – Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. I–VII. Свердловск, 1964–1988.

Среднеуральский словарь, Дополнения – Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения. Екатеринбург, 1996.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1, 2. М.; Л., 1965–1966; вып. 3 –. Л. (СПб.), 1968 –.

А.Б. Страхов. Письменная фиксация и этимология (мелкие наблюдения) // Этимология 1997–1999. М., 2000.

М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1964–1973.

Л.Е. Элиасов. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1 –. М., 1974 –.

Словарь семейских 1999 – Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Под ред. Т.Б. Юмсуновой. Новосибирск, 1999.

Л.В. Куркина

ДИАЛЕКТНЫЙ СЛОВАРЬ ИНДИВИДУУМА КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ЛЕКСИЧЕСКИХ АРХАИЗМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Опубликованные в последние годы диалектные словари, представляющие лексику разных регионов русской территории, вводят в практику научных исследований большой материал, во многих отношениях расширяющий наши представления о словообразовательных, морфонологических и семантических связях слов. Каждый из выходящих в свет словарей требует детального изучения, выявления особенностей, существенных для решения задач историко-этимологического характера. Предметом нашего рассмотрения станут два небольших словарика, которые в отличие от традиционных диалектных словарей представляют лексику, функционирующую в речи индивидуума. В 2000 г. издательством Тюменского университета выпущен составленный В.Д. Лютиковой словарь диалектной личности[1] (далее – Л). Этот очень небольшой по объему словарик (3407 единиц) дает в определенном смысле языковой портрет жительницы с. Кодского Шатровского района Курганской области В.М. Петуховой, 1920 г. рождения. Это не первый опыт исследования словарного состава языковой личности, отражающей нормы местного говора на той же территории. В начале 70-х годов был опубликован подготовленный В.П. Тимофеевым "Диалектный словарь личности" (2792 словарных единиц), который вобрал в себя лексику, употребляемую уроженкой д. Усольцевой Шатровского района Курганской области[2] (далее – Т). Сбор лексического материала производился во второй половине XX в., когда радио и телевидение стало неотъемлемой частью жизни всех слоев населения. В этих условиях очень важен выбор незаурядных в языковом отношении информантов, сумевших сохранить во всем богатстве лексику русского языка. Информанты предстают хранителями языковых традиций, народной культуры. Язык информантов, сформировавшийся в условиях устного местного общения, отражает особенности местного говора и всего идиолекта в целом. Устойчивость лексики, относящейся к разным сферам крестьянской жизни, придает особое значение словарям, взаимно дополняющим друг друга. Диалектные словари личности существенно обогащают материалы опубликованных и публикуемых словарей, представляющих лексику Урала и прилегающих областей[3].

Самую ценную часть словарей составляет архаичная лексика, утраченная в литературном языке, но продолжающая функционировать в диалектах. Многие слова слабо засвидетельствованы или утрачены на остальной русской территории. Значение диалектных данных определяется тем, что они позволяют выявить древние словообразовательные модели и определить сферу их действия. Немаловажная роль отводится архаичным явлениям при реконструкции исходной семантики и всех направлений семантической эволюции слова. Каждый факт языка требует рассмотрения и оценки в историко-этимологическом плане.

В древней части рассматриваемых словарей немало лексических архаизмов, широко распространенных на русской территории, известных другим диа-

лектам. В основном эта лексика изучена с этимологической точки зрения, определено место лексических диалектизмов в составе того или иного этимологического гнезда. Тем не менее заслуживает внимания сам факт бытования лексических архаизмов в идиолекте.

К реликтовым явлениям, зафиксированным и охарактеризованным в этимологической литературе, могут быть отнесены следующие факты: *берёжая* 'жеребая' (Л, ср. также СРНГ 2, 247) с соответствиями в укр. *бере́жа*, словен. *bréja* 'беременная (о животном)', чеш. *březí* то же и т. д. < **berdja*, восходящее к и.-е. **bher-* 'носить во чреве, рожать' (Фасмер I, 154; ЭССЯ 1, 188); широко представленное на русской территории диал. *ды́гать* 'трусить, бояться, увиливать' (Т, ср. СРНГ 8, 280–281), сближаемое с польск. *dygać* 'кланяться приседая' и далее с нем. *tauchen*, англ. *duck* 'нырять' (ЭССЯ 5, 198–199); ограниченное преимущественно вост.-слав. ареалом диал. *глыза* 'застывший помет животного' (Л, Т, ср. СРНГ 6, 222–223), соотносимое в литературе со слав. **gluza*, **gluda*, **glyba* (ЭССЯ 6, 160–161); *го́ить* 'делать чистым (белить, мыть, стирать)', *гоиться* 'приводить себя в порядок' (Л, Т, ср. СРНГ 6, 279–280), связанное чередованием корневого вокализма со слав. **žiti* (ЭССЯ 6, 195–196); *зе́нки* 'глаза' (Л, ср. СРНГ 11, 263), ср. укр. *зі́нка* 'веко', связанные родством с гл. *зиять* (Фасмер II, 94); *ла́дка* 'посуда, из которой едят кошки, собаки' (Л, ср. СРНГ 16, 288–290) < **laty*, *-ъve*, ср. цслав. **латы**, род. п. **-тъвє**, словен. *látva* 'миска' и т.д. (ЭССЯ 14, 52); *плю́ща* 'совок' (Л, ср. СРНГ 27, 142] (< **pьlica*), родственное русск. *полоть крупу* (< *pelti*, *peljǫ*), цслав. **исполъ** 'черпак' (Фасмер III, 283, 317); *спо́лститься* 'перепутаться, сцепиться, скрутиться' (Л), производное от *полсти́ть* 'валять войлок', далее к *полсть* 'войлок, сукно' (Фасмер III, 318); *пя́тра* 'настил из досок под крышей хозяйственной постройки' (Л, ср. СРНГ 33, 234–236) < **pętro*, ср. др.-русск. *пятро* 'крыша', чеш. *patro* 'этаж; ярус; сеновал', польск. *piętro* 'этаж' и т.д. (Фасмер III, 425); *стегно́* 'бедро' с широким кругом славянских соответствий, ср. укр. *стегно́*, ст.-слав. **стєгно**, с.-хорв. *stègno* и т.д. (Фасмер III, 751); *узга́* 'место, где сходятся губы' (Л), ср. также диал. *узг*, *узго́л*, *у́згок* 'угол; край', 'грань; ребро' (Даль[2] IV, 478), польск. *wązg* 'пола', из сложения слав. **ǫz-* < и.-е. **ang'* + суф. *-g-* (Фасмер IV, 153: дополнение О.Н. Трубачева); не выходящее за пределы русского ареала диал. *хре́деть* 'недомогать, прихварывать' (Л), 'утрачивать силы, здоровье, становиться немощным' (Т) < **xręděti* (ЭССЯ 8, 93–94); *я́тной* 'отчетливый, хорошо видимый и слышимый', *я́тно* 'заметно', 'отчетливо' (Л. Т) с ближайшими соответствиями только в русских диалектах, производное от гл. **ęti*, ср. др.-русск. **ѧти**, **имѫ** 'взять', диал. *ять* 'стать' и т.д. (Фасмер IV, 568; ЭССЯ 6, 73–74). Гл. *промититься* 'допустить промах в работе' [Л] расширяет географию диалектизма, характеризующего, по данным СРНГ, северодвинские и пермские говоры (СРНГ 32, 187), и таким образом дает еще одно свидетельство гл. **митить(ся)*, утраченного на русской территории, слабо засвидетельствованного в славянских языках: ср. с.-хорв. диал. *ми́тити* 'месить (тесто)', 'пройти мимо, миновать', *ми́тити се* 'разойтись, разминуться'. Это древнее образование связано с цслав. **митѣ** 'попеременно', укр. *мить* 'миг, мгновение' и т.п. (ЭССЯ 19, 59–61). Диал. *пови́нка* 'физический или духовный недостаток' [Т], производное от *вина*, даст еще одно свидетельство лексемы, в основном характерной для уральских и сибирских говоров (ср. СРНГ 27, 245).

В составе словаря образования с архаичными преф. *па-*, *паз-*, *су-* : *на́дера* 'сильный ветер со снегом и пылью', 'снегопад, буран, ветер' (Л, Т, ср. СРНГ 25,

128) : *драть, деру, паздира́ть* ‘ударять’, ‘идти быстрым шагом’ (Л, Т, ср. СРНГ 25, 144–145) : *драть, удирать, па́сынок* ‘подпорка для столба’ (Л, ср. СРНГ 25, 270–271), *на́трусить* ‘накрапывать (о дожде)’ (Л, ср. еще урал. в СРНГ 25, 276), *па́ужна* ‘обед’ (Л, Т, ср. СРНГ 25, 279) : *у́жна* ‘ужин’ (Фасмер III, 218), *сумёт* ‘сугроб’ (Л, Т), *су́прядка* ‘помочь в прядении с последующим угощением’ (Т), *суты́лой* ‘сутулый, немного сгорбленный’ (Л) и т. д., с преф. *ко- козоно́к* ‘косточка на сгибе пальцев’ (Л, ср. СРНГ 14, 72–73) < **ko-zvonъkъ*, связанное чередованием гласных с *звено* (ЭССЯ 12, 26). Как производное с экспрессивным преф. *ша-/ше-* могут быть охарактеризованы диал. *шапе́риться* ‘долго собираться’ (Т), *ша́перя* ‘капризный, привередливый человек’ (Л, ср. еще Даль² IV, 629) с соответствиями в др.-русск. *шеперати* ‘поносить, болтать, сплетничать’, с.-хорв. *шепу́рити се* ‘надуваться, дуться’, словен. *šopíriti* ‘топорщить (волосы, перья)’ *перо* (Фасмер IV, 428). С гл. *затеять* < **za-tějati*, передающим идею медленного, слабо выраженного процесса, связано не отмеченное в СРНГ диал. *поте́ять* ‘надоедливо повторять одно и то же’ (Л).

Диалектные образования дают материал, позволяющий точнее определить сферу действия архаичных суффиксальных моделей. Так, диал. *челизна́* ‘не сжатая, не вспаханная или не пробороненная полоса’ (Т) дает новое подтверждение праславянского лексического диалектизма **čelizna*, производного с суф. *-izna* от **čelo*, восстанавливаемого в ЭССЯ с опорой на в.-луж. *čolizna* ‘бровь’ (ЭССЯ 4, 39). Как старое производное с суф. *-mę* может быть определено диал. *чи́сменка* ‘мера пряжи, равная трем нитям на мотовиле’ (Л; Т), этимологически тождественное ст.-слав. **чисмѧ** ‘число’, ст.-серб. *čisme* в том же значении (ЭССЯ 4, 118–119).

Во многих случаях диалектизмы несут в себе признаки архаичной семантики. Так, *игла́* отмечено в значении, близком к исходному, – ‘жердь с заостренным концом для скрепления сена при перевозке’ (Л, ср. СРНГ 12, 61) < **jьgъla* (ЭССЯ 8, 213–214). Старое значение сохраняет *ста́я* ‘постройка для зимнего содержания домашних животных’, *ста́йка* ‘загородка в конюшне, загоне’ (Л, Т), ср. др.-русск. **стаꙗ** ‘хлев’, укр. *ста́я* ‘пастушеский шалаш, загон’, к *стать, стоять* (Фасмер III, 751). Напрямую мотивированы исходной семантикой глагола производное на *-(а)ва держа́ва* ‘ведение домашнего хозяйства’:*держать* (Л, ср. СРНГ 8, 18–19), диал. *прибо́р* ‘порядок, чистота’, *прибо́рной* ‘хозяйственный, запасливый’ (Л, Т, ср. СРНГ 31, 118–120) : *прибрать* и т. д. В словарях находим образования с продвинутой семантикой. Так, диал. *поволо́жка* в значении ‘поблажка’ (Л) явилось результатом семантического преобразования в направлении ‘добавление в пищу масла’, ‘то, чем маслят, сдабривает пищу’ (пск., твер.), ср. также *поволо́жний* ‘масляный; сдобный’ (арх.) (СРНГ 27, 256), производное от диал. *во́ло́га* ‘влага, вода, жидкость’, ‘приправа к еде’, ‘жир, масло’, *во́лгнуть, во́лглый* (Фасмер I, 340).

Некоторые из диалектизмов в рассматриваемых словарях требуют особых пояснений.

Виро́к ‘катушка ниток’ (Л) дает еще одно свидетельство лексемы, известной лишь в территориально близких среднеуральских и пермских говорах (Сл. Сред. Урала I, 81; Перм. сл. 104; СРНГ 4, 293). Более широко отмечено это слово в белорусских говорах: ср. *вірок* ‘палочка, на которую наматывают нитки’, *вірак* ‘небольшая палочка с насечками, на которую наматывают нитки’ (ЭСБМ 2, 155, 157). В “Этимологическом словаре белорусского языка” лексический диа-

лектизм объясняется как производное с суф. *-r-* от гл. **viti* (по типу **pirъ ~ *piti*), и такое объяснение не лишено оснований. В этом же словаре приводимое в связи с белорусским диалектизмом польск. диал. *wijurek* 'орудие, с помощью которого пряжа сматывается в клубок', а также русск. диал. *вьюро́к* в значении 'небольшое деревянное орудие, служащее для наматывания ниток на вьюшку и расправления закрутин' (тамб.), 'палочка для наматывания ниток, чтобы не резало руки' (влад., твер.), 'катушка (ниток)' (перм., свердл., том.) (СРНГ 6, 69) позволяют несколько с иной стороны подойти к пониманию самого процесса становления формы *вирок*. Вполне допустимо предположение о развитии *вирок* из первонач. *вьюрок*. К такому пониманию исходной формы как будто бы склоняется и Даль (Даль[2] I, 329).

Зака́вержать 'затвердеть' (Т) имеет затемненную внутреннюю форму, раскрытие которой возможно только в окружении близких образований. При сопоставлении с диал. *зака́вержать, зака́вержеть* со значением 'затвердеть, загрубеть' (заурал., перм.) *зако́вержать* 'замерзнуть, закоченеть', 'окаменеть, окостенеть' (том., челяб.) (СРНГ 10, 111, 138) поддается вычленению в структуре слова архаичный преф. *ко-/ка-* и корневая часть *верж-*, которая в составе др.-русск. *вьрзати* 'вязать', русск. диал. *верзти́, ве́рзить* 'делать что-л. долго и бестолково', 'говорить вздор' (СРНГ 4, 146), а также *каверза* и др. В славянских языках у родственных образований преобладает семантика плетения, вязания: ср. болг. *вържа, вързвам* 'вязать', укр. *воро́за* 'бечевка', русск. *повересло́* 'завязка' и т. д. (Фасмер I, 298; БЕР I, 188). Для восстановления исходной ступени в семантической эволюции далеко отстоящих друг от друга слов весьма существенны показания балтийских языков: ср. лит. *veržė́ti* 'жать, давить, сжимать', *veržti* 'стягивать; натягивать'. При рассмотрении русских диалектизмов в широком семантическом контексте открываются перспективы восстановления исходного признака, которым мотивированы преобразования семантики в самых разных направлениях. Сравнительный анализ показывает, что приведенные выше диалектизмы с преф. *ка-* в большей степени, чем другие однокоренные образования, несут в себе признаки исходной семантики. Основным компонентом действия, лежащего в основе плетения, вязания, было стягивание, сжимание, отсюда названия узлов, утолщения в нитках (ср. болг. диал. *въръзль, въръзулец* 'узел, тюк'). Непосредственно этим признаком мотивировано становление значения 'затвердеть, окаменеть; замерзнуть'.

Ощерёлок Слово, не отмеченное диалектными словарями, в том числе и в СРНГ, употребляется только в сочетании с предлогом – *за ощерёлок* в значении 'задняя, переходящая в спину часть шеи у человека и животных': ср. *Взял его за ошшерёлок и трясёт, а тот орёт* (Л). В структуре этого слова легко выделяется корневая морфема *щер-*, осложненная префиксом *о-* и суф. *-ёл-ок*. Через этимологические связи раскрывается несколько затемненная внутренняя форма, выявляется исходный семантический признак, положенный в основу народного анатомического термина. Не вызывает сомнения принадлежность рассматриваемого диалектизма к разветвленному гнезду с корнем **sker-* 'резать'. Лексема интересна тем, что расширяет состав продолжений этого корня на славянской территории. Исходный признак 'резать' реализуется широко в самых разных конкретных значениях. В ряду продолжений этой корневой морфемы русск. *щери́ться, ощери́ться* 'сильно рассердиться', *щера́* 'каменная плита',

щерби́на и т.п. (Фасмер IV, 503, 504). В несколько трансформированном виде он присутствует в обозначении выступающей части тела, собственно *ощерёлок* – это ‘выступающая кость позвоночника на сгибе шеи’. Сходным признаком мотивировано русск. *холка* ‘у лошади и других животных: часть шеи, смежная с хребтом’, диал. ‘выдавшаяся кость в суставе в теле человека и животного’ (см. ниже), соотносительное с *холить* < **ksol-* ‘скрести’ (ЭССЯ 8, 66). Исходный признак реализуется как неровность, приподнятость, выступ в семантике диал. (новг.) *щёромкий* ‘шероховатый’, а также микротоп. *Щеро́к*, место в поле у д. Менюша, вероятно, сложившегося на базе апеллатива со значением ‘чем-то выделяющееся место посреди поля’. Это могла быть неровность или какая-то особенность структуры земли (преобладание гравия, мелкого песка и т.п.), малопригодной для посева. Близко к последнему новг. *щаре́бы* ‘отходы при обработке льна при чесании’ (Новгор. сл. 12, 112, 116). Отмеченный в небольшом регионе на русской территории народный анатомический термин с *щер-* расширяет круг продолжений древней основы.

Хахаря́шка ‘сухой комок грязи’ (*Хахаряшки у тебя на штанах*) (Л) записано только в речи информанта. Как и в предыдущем случае, слово не отмечено другими словарями. Между тем лексический диалектизм интересен некоторыми особенностями структуры и семантики. Допустимо выделение в составе слова префикса *ха-* и корня *хар-* < **skor-* / **sker-* ‘резать’ с экспрессивным изменением *sk* > *x* (ЭССЯ 8, 73–74, 81, 20). Напрямую мотивированы исходной семантикой диал. *ха́рить* ‘чистить (посуду)’, *оха́ра* ‘шерсть от второй стрижки овец, менее качественная и ценная, чем от первой стрижки’ (Юмсунова 330), отсюда обозначение обрезков, отрепья, всего того, что неупорядочено, непрочно, растрепано и т.п.: ср. сложение *харабо́ры* ‘обитые, растрепанные края изношенной одежды’ (Ярослав. сл. *У–Яцорка* 30), *хорхо́ры* ‘нечистые отрепья’, *харахары* ‘старая оборванная ветхая одежда’ (ЭССЯ 8, 73), *хара́тье* ‘домашние вещи, имущество, пожитки’, *ха́ри* мн. ‘волосы’ (Новгор. сл. 12, 8), а также, возможно, микротоп. *Ха́рина*, место на дороге между д. Заречье и д. Земницы (Новгор. сл. 8, 8). В русских диалектах в круг образований с корнем *хар-* входят *хорови́на*, *хора́ви́на*, *харави́на* ‘сырая кожа, невыделанная кожа’, ‘тощая скотина’, ‘плохое, гнилое дерево’, ‘болезненный человек, кляча’ и т.п., *хорохориться* ‘храбриться, задорно горячиться’, образование с редупликацией корня, карел. *хара-пузить* ‘буянить, безобразничать’. В диал. *хахаря́шка* ‘сухой комок грязи’ реализуется одна из возможностей семантического развития в рамках разветвленного гнезда с корнем **sker-*.

Хаха́лка ‘верхняя часть какого-л. растения’ (*Вон сколя хахалок торчит, год не пололи*), ‘остатки чего-л.’ (Л). В территориально близких уральских говорах находим несомненно родственные образования с близким кругом значений: *хаха́лка* ‘часть чего-н. съестного: рыбы, мяса и пр.’, ‘головешка’, *хаха́лы* ‘комья грязи’ (Сл. Сред. Урала VI, 146), образованные путем сложения экспрессивного преф. *ха-* и *хал-* с гласным в ступени удлинения по отношению к исходной основе *хол-*: ср. русск. диал. *хо́лить* ‘заботиться о ком-л.’, ‘стричь’, ‘стегать, драть’, далее *хо́лка*, отмеченное в значении ‘бедро’ (Л), а также в значениях ‘часть шеи’, ‘ягодица’, ‘щиколотка’, ‘верхний плавник у рыбы’ и т. д. (ЭССЯ 8, 66). Истоки основы в гнезде и.-е. **ksol-* ‘скрести’, ср. др.-инд. *kṣālā́yati* ‘мыть, чистить’, лит. *skaláuti* ‘мыть, полоскать’ с гласным в ступени удлинения (ЭССЯ 8,

www.ruslang.ru

61). К отражениям исходной основы с тем же корневым вокализмом следует отнести и диал. *халуга* 'поляна в лесу, на которой косят сено' (Ярослав. сл. *У–Ящорка* 30). На славянской территории находим образование той же структуры, но с корневым вокализмом *-о-* : ср. укр. *хáхольки*, *хáхульки* 'закоулки', с.-хорв. стар. и диал. *hȁhoļak* 'скромные сбережения' и т. д. (ЭССЯ 8, 10–11). В этом окружении лексический диалектизм, отмеченный в речи одного носителя русского говора на территории Курганской области, представляет особый интерес, поскольку отражает древнее сложение и, что не менее важно, корень с удлинением гласного.

Хро́быской, хро́быский 'стремительный, резкий', 'наглый, бессовестный' [Л; Т] неотделимы от отмеченного Далем диал. *хро́бос(т)кий* 'шумный, звучный, громкий', 'резкий, бойкий, прыткий', 'быстрый, стремительный', 'храбрый, смелый', производного от *хро́бость* 'шум, стук, хруст, шорох, треск; грохот' (Даль[3] IV, 1235), ср. словообразовательный вариант на *-отъ* в укр. *хро́бот* 'хрустение, трещание', польск. *chrobot* 'скрежет, треск, хруст' и т.д. (ЭССЯ 8, 99). Для всей этой группы производных с основой *хроб-* принимается родство со слав. гл. **xrobati* (русск. диал. *хро́бать* 'жадно есть', словен. *hróbati* 'грызть с хрустом, хрустеть' и т.д.), несомненно, связанного с **skrobati*, **skrebti* с экспрессивным изменением *sk* > *x* (ЭССЯ 8, 99).

Мы остановились лишь на некоторых явлениях, интересных с нашей точки зрения. Но даже этот небольшой приведенный нами материал показывает, как много важного, ценного и поучительного хранит в лексике народная память. Любой диалектный словарь и даже словарь индивидуума может стать важным источником информации о славянской лексике и народной культуре. Диалектная лексика дополняет и расширяет базу данных диалектологических исследований, прочно связанных с именем Р.И. Аванесова, сформулировавшего основные принципы этой области науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Лютикова В.Д.* Словарь диалектной личности. Тюмень: Изд-во Тюменск. гос. ун-та 2000.

[2] *Тимофеев В.П.* Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971.

[3] Словарь говоров Соликамского района Пермской области / Сост. О.П. Беляева. Под ред. Е.А. Голушковой. Пермь, 1973; Словарь говора деревни Акчим Пермской области. Вып. I–II–. Пермь, 1984–1990–; Словарь пермских говоров. Вып. 1 (А–Н). Пермь, 2000; Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. I–VII. Свердловск, 1964–1988; Дополнения / Под ред. чл.-корр. РАН А.К. Матвеева. Екатеринбург, 1996.

ЛИТЕРАТУРА

БЕР – Български етимологичен речник. Т. I–V–. София, 1971–1996–.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. Изд. 2-е. М., 1955.

Новгор. сл. – Новгородской областной словарь. Вып. 1–13. Новгород, 1992–2000.

Перм. сл. – Словарь пермских говоров. Вып. 1 (А–Н). Пермь, 2000.

Сл. Сред. Урала – Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. I–VII. Свердловск, 1964–1988.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и дополнения О.Н. Трубачева. Т. I–IV. М., 1964–1973.

ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–8–. Мінск, 1978–1993–.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. акад. О.Н. Трубачева. Вып. 1–28–. М., 1974–2001–.

Юмсунова – Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Авторский коллектив: Т.Б. Юмсунова, А.П. Майоров, Н.А. Дарбанова, М.Б. Матанцева, И.Ж. Степанова, Е.И. Тынтуева, О.М. Козина / Под ред.Т.Б. Юмсуновой. Новосибирск, 1999.

Н.А. Еськова

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

(Подача прилагательных *знакомый, солёный, целый*)

В этих заметках предлагаются уточнения к лексикографической подаче этих трех слов, возникшие в процессе работы над "Орфоэпическим словарем русского языка" и над "Кратким словарем трудностей русского языка".

1. *ЗНАКОМЫЙ КОМУ* И *ЗНАКОМЫЙ С КЕМ, ЗНАКОМЫЙ С ЧЕМ*

Прилагательное *знакомый* имеет в современном языке три значения, различающиеся некоторыми грамматическими признаками.

1. *Знакомый кому* или без дополнения. Известный, встречавшийся, изведанный прежде. *Знакомые (мне) места. Ба! знакомые всё лица!* (Грибоедов). *Мне знакома эта мелодия. Ему знакомы и лишения, и почести.* Употребление кратких форм без дополнения, по-видимому, исключается.

В этом значении возможно употребление сравнительной степени (*более знакомый, знакомее*).

2. *Знакомый с кем.* Состоящий в знакомстве. *Знакомый со всеми соседями. Он давно с ней знаком. Они давно знакомы.*

Отсутствие предложной конструкции в сказуемом возможно только при форме множественного числа (когда речь идет о взаимности знакомства).

Употребление полной формы без зависимых слов ведет к нейтрализации значений 1 и 2: *Встретил на улице знакомого продавца* может означать и 'такого, с которым я состою в знакомстве' и 'известно, встречавшегося'. Как выяснится ниже, эти два значения раньше не были так четко разграничены, как теперь.

Существительные *знакомый, -ого, знакомая, -ой, знакомые, -ых* (даваемые в некоторых словарях как отдельные слова) соотносятся со значением 2.

3. *Знакомый с чем.* Познавший, изведавший что-н. *Он знаком с этой проблемой не из книг. Человек, с детства знакомый с трудностями и лишениями.* В этом значении употребление без зависимых слов невозможно.

В значениях 2 и 3 прилагательное не имеет сравнительной степени, своеобразной заменой которой может служить сочетание с *лучше*: *Он лучше знаком с новейшей литературой.*

Есть еще один признак, объединяющий значения 2 и 3 и противопоставляющий их значению 1.

В значении 1 прилагательное определяет "объект" – то, что известно, испытано (*мне знакомы эти люди*; *мне знакомы проблемы, трудности*). В значениях 2 и 3 определяемым является "субъект" – тот, кто состоит в знакомстве (*он знаком с ней*), тот кто познал, испытал что-л. (*он знаком с проблемой, с трудностями*). Эти конструкции противопоставляются как "пассивные" (1) и "активные" (2 и 3).

В словарях в ряде случаев "объектное" и "субъектное" значения смешиваются.

Одно такое неразличение объясняется некритическим использованием примеров из авторов XIX в., представляющих употребление, уже не соответствующее современным нормам.

В словаре Ушакова значение 2 (в этом словаре оно 3-е) дается так:

3. *без доп.* и *с кем-чем* или *кому-чему* (при краткой форме *кому* устар.). Состоящий с кем-н. в знакомстве (в 1 знач.). *Там работают всё люди мне знакомые. Я с ним знаком с детства. Коротко, хорошо знаком. Вот сам Фома Фомич – знаком он вам?* Грбдв. *Я с нею не знаком.* Грбдв.

В "Большом" и "Малом" академических словарях это значение иллюстрируется другим классическим примером из хорошо известного текста: – *Ты ей знаком? – Я им сосед.* Здесь отсутствует даже оговорка об устарелости конструкции с дательным падежом.

Между тем в современном употреблении *знакомый кому* не может означать "знакомства"; *люди мне знакомые* – люди мне известные, ранее мне встречавшиеся. Современной норме соответствует употребление формы дательного падежа только при *знакомый* в значении 1.

В двух академических словарях – в "Малом" и в "Большом толковом словаре" (1998) внесена путаница в определение значения 3 (даваемого в них как 2): "*с чем или кому-чему*. Испытавший, изведавший что-л., имеющий познания в чём-л." В числе примеров БТС: *Человек, з. с превратностями судьбы, с лишениями. Кто-л. знаком с подробностями судебного процесса. Кому-л. знакомы волнения, поиски, успех.* Последний пример иллюстрирует значение 1! В приведенном определении смешаны "субъектное" и "объектное" значения.

"Краткий словарь трудностей русского языка", как всякий нетолковый словарь, располагающий ограниченными средствами для дифференцированной подачи разных значений слова (и поэтому вынужденный условно представлять их как разные слова с индексами), ограничился раздельной подачей значений 2 и 3 (*знакомый с кем, с чем*, с индексом [1]) и значения 1 (*знакомый кому*, с индексом [2]).

2. *СОЛЁНЫЙ СУП* И *СОЛЁНЫЕ ГРИБЫ*

В толковых словарях прилагательное *солёный* представлено супплетивной парадигмой: полные формы имеют основу *солён-*, краткие – *солон-* (*солон, солона, солоно, солоны*); эту же основу имеет обычно не приводимая словарями форма сравнительной степени *солонее*; от этой основы образованы производные слова (*солоноватый, солонка, солонина, солонец, солончак*).

Соотносительные полные и краткие формы имеются не во всех значениях прилагательного *солёный*. Вот как разграничены значения в словаре Ушакова.

1. *только полн. формы.* Содержащий в себе соль. *Соленые озера. С. источник.* **2.** Содержащий в себе соль и обладающий свойственным ей специфическим острым вкусом. *Соленая морская вода. С. суп. Кровь на вкус соленая.* **3.** *только полн. формы.* Приготовленный впрок с солью, лежавший в растворе с большим содержанием соли. *Соленые грибы. Соленые огурцы.* **4.** *перен., только полн. формы.* Выразительный до резкости, грубости. *С. анекдот. Он* (Л. Толстой) *произнес это сокрушенно, употребив в конце фразы соленое мужицкое слово.* М. Горький. **5.** *перен., только кратк. формы, кому.* В сочетании с глаг. прийтись, достаться и т.п. употр. в том же знач., что солоно прийтись (см. солоно; простореч.). *Петербург ему солон достался: в наводненье жену потерял.* Некрасов.

Подача других толковых словарей (кроме словаря Ожегова начиная с 21-го изд. и словаря Ожегова–Шведовой, о чем ниже) не содержит принципиальных отличий.

В словарях оказалось не обнаруженным важное отличие одного из значений прилагательного *солёный* от остальных его значений, дающее основание выделить два прилагательных-омонима с разными парадигмами.

В словаре Ушакова специально подчеркивается, что краткие формы образованы от другой основы и приводится на своем алфавитном месте несупплетивная парадигма с полной формой *со́ло́ный* (с двояким ударением; с пометой обл.) и теми же краткими формами. (Ср. у Даля: "*Солёный*, или *со́лоный* и *соло́ный*... в чем есть соль, много соли, что на вкус отзывается солью").

Супплетивная парадигма возникла в результате вытеснения "законной" полной формы от основы *солон-* прилагательным *солёный*, по происхождению – адъективированным причастием, входящим в ряд таких образований, как *белёный, варёный, кипячёный, копчёный, мочёный, печёный, плетёный, сушёный, топлёный, тушёный* и мн. др. (По Ушакову это значение 3).

В составе супплетивной парадигмы слово-узурпатор *солёный* претерпело семантическое изменение, приобретя и переносное значение (*солёные шутки*).

Есть все основания давать в современных словарях в качестве самостоятельных единиц два прилагательных-омонима *солёный*. Одно представлено супплетивной парадигмой с краткими формами и сравнительной степенью; оно имеет и такие значения, в которых выступают только полные или только краткие формы. Другое слово обладает "типовым" значением, свойственным большой группе некачественных прилагательных, образовавшихся в результате адъективации причастий от глаголов несовершенного вида.

Вот как реализовано это лексикографическое решение в 5-м издании "Орфоэпического словаря русского языка" (1989).

солёный[1], -ая, -ое, *кратк. ф.* со́лон, солона́, со́лоно, солоны́ *и* со́лоны, *сравн. ст.* солоне́е. □ *Содержащий соль и имеющий соответственный вкус, а также перен.* Солёный суп; солёные анекдоты

солёный[2], -ая, -ое □ *Приготовленный в растворе соли.* Солёный огурец; солёные грибы

Трудно признать удачным "новшество", появившееся впервые в 21-м издании словаря Ожегова; здесь выделена отдельная статья с заглавным словом *солон*:

СО́ЛОН, -а́, -о; -е́е (разг.). Содержащий много соли. *Морская вода солона. Во рту солоно* (в знач. сказ.: соленый вкус). ◇ **Солоно придется** *кому* – будут неприятности, крепко достанется кому-н.

При *солёный* указаны "несупплетивные" краткие формы (-ён, -ёна); в одном из последующих изданий добавлено: "(в знач. *кратк. ф.* употр. также со́лон, солоны́ и со́лоны; солоне́е)". Разграничение значений в основном повторяет данное в словаре Ушакова, т.е. остается без изменений включение в одну лексему значений, фигурирующих в сочетаниях *солёный суп* и *солёные грибы*.

3. *ЦЕЛОЕ СТЕКЛО* И *ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ*

В ряде грамматических описаний *целый* фигурирует среди так называемых определительных местоимений, но ни один толковый словарь не выделяет у этого прилагательного местоименных значений. Между тем ряд употреблений этого прилагательного, распределенных в словарях между разными его значениями, поддаются объединению по признаку их несомненной "местоименности".

Местоименные значения прилагательного *целый* можно свести к двум.

1. Близко к *весь*. *Целый день шел дождь. Целую ночь не спал.*

2. Трудно поддается формулированию. Здесь *целый* предваряет различные количественные указания (на объем, размер, промежуток времени, протяженность пространства); эти указания выражены существительным или сочетанием с числительным.

Именно к этому местоименному значению можно отнести ряд примеров из словаря Ушакова (У) и "большого" академического словаря (Б).

Пример, иллюстрирующий в У значение 1 ('такой, от к-рого не убавлено...'). *Целый штоф осушил я до дна.* Некрасов.

Примеры, иллюстрирующие в У значение 3 ('большой, значительный...'). *Его крошечное личико совершенно исчезло под целой громадой седых, железного цвета волос.* Тургенев. *Тени убитых являются, целая рать – не сочтешь!* Некрасов. *Наломал и принес целый ворох сухого бурьяна.* Шолохов.

Ряд примеров, иллюстрирующих в Б значение 1 ('не разделенный, не раздробленный на части...'); они распределены между оттенками значения, помещаемыми после знака ||. (При цитатах указаны только авторы; некоторые примеры сокращены.)

|| Наполненный до краев, предела и т.п.; полный. *Грибов набрали целую корзинку.* Л. Толстой. *Все выпили, Курымушка тоже первый раз хватил, и прямо целый стакан.* Пришвин.

|| В полном составе, без изъятия. *Теперь она лишь одна потерпит несчастье, а без этого погибло целое семейство.* Лесков. *Сюда сбежалась целая деревня, спасаясь от авиации.* Катаев.

|| Указывает на величину, значительность чего-нибудь [рубрики а), б), в) опущены]. *У тети целых шесть канареек.* Боборыкин. *Ямщик просил очень много – целых сто рублей.* Гайдар. *"Да их тут целая ватага"! кричала Ганька...* Гоголь. *– Ружье-то готово, что ль? – кричал старик, точно целая толпа народа была в избе.* Л. Толстой. *...если хотите, я расскажу: это целая история.* Лермонтов.

К неместоименным значениям слова *целый* относятся следующие два.

1. Такой, от которого ничего не убавлено, непочатый. *Целая буханка* (не такая, от которой отрезан кусок). *Целая пачка чего-н.* (такая, из которой ничего не вынуто, не отсыпано).

2. Неповрежденный, без изъянов. *Целый стакан* (без трещины). *Целое ведро* (без дыры). *Целая корзина* (не сломанная).

Любопытно сопоставить употребление *целый* в неместоименном и в местоименном значениях в сочетании с одними и теми же существительными.

Дайте целую буханку, от этой отломан кусок. Неужели он съест за день целую буханку?

Неужели не найдется целой тарелки, без трещины? Мгновенно была съедена целая тарелка спелой земляники.

В таких парах обнаруживаются просодические различия между двумя *целый*: местоименные слова слабоударяемы.

В значении 'непочатый' (*целая буханка, целая пачка*) нет кратких форм (так и отмечается в словарях). Сложнее обстоит дело со значением 'неповрежденный'. В У и Б в этом значении признается наличие кратких форм. Пример У: *Стакан упал, но остался цел.* Пример Б: *Алпатыч приехал... с предложениями и советами переехать в Москву в воздвиженский дом, который остался цел и требовал только небольших починок.* Л. Толстой.

Но эти примеры могут быть отнесены к значению, которое имеется только у кратких форм *цел, цела, цело, целы*; его можно в самом общем виде определить как 'не перестал существовать'. К этому значению могут быть отнесены и многие примеры, даваемые в Б при значении 'неповрежденный' после знака || (*...где и по сию пору цел его памятник.* Лесков. *Вчера поздно вечером я пошла посмотреть в саду, цел ли наш театр.* Чехов. *Цела ли еще эта яблоня?* Пришвин). Вообще наличие кратких форм у прилагательного со значением 'неповрежденный' проблематично.

В орфоэпическом словаре выделена в качестве отдельной словарной статьи система кратких форм (без полных) и даны отдельно с индексами [1] и [2] *целый* в неместоименных и в местоименном значениях. По значению прилагательное *целый* ни в одном значении не допускает образования сравнительной степени; существующее выражение *целее будет* представляет собой фразеологизм; это сочетание приведено за соответствующим знаком в статье *цел.*

Далее приводится подача "Краткого словаря трудностей" (повторяющего орфоэпический словарь с добавлением некоторых дополнительных пояснений).

цел, цела́, це́ло, це́лы (*полн. ф. нет*) ◇ целе́е бу́дет (*лучше сохранится*) ▭ *Сохранился, не пропал, не исчез* | Чтобы волки были сыты и овцы це́лы. Почти все вещи пропали, но чемодан, к счастью, цел. *Ср.* це́лый[1]

! *неправ.* целы́

це́лый[1], -ая, -ое, *кратк. ф.* (*малоупотр.*) цел, цела́, це́ло, це́лы ▭ *Неповрежденный; такой, от которого ничего не убавлено* | Дай ц'елую чашку вместо треснутой. Отрежь кусок от це́лой буханки. *Ср.* цел

це́лый[2], -ая, -ое, *местоим. прил.* ▭ *По знач. близко к* весь | Ц'елый день шел дождь. Лишили сна и покоя це́лый город

ЛИТЕРАТУРА

Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р.И. Аванесова. Изд. 5, исправл. и доп. М., 1989.

Н.А. Еськова. Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение. М., 1994.

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ Р.И. АВАНЕСОВА*

Достоевский в работе над "Двойником" // Творческая история. Исследования по русской литературе. Под ред. Н.К. Пиксанова. М., 1927.

О говоре Переславль-Залесского уезда Владимирской губернии // Труды Постоянной комиссии по диалектологии русского языка. 1927. Вып. 9.

Рабочая книга по русскому языку. Сост. применительно к программе Моск. общеобразовательных курсов для взрослых. Под ред. Д.Н. Ушакова. (М.), 1928; 1930. [Совместно с П. Криворотенковым и Л. Перльмуттером].

Сборник орфографических упражнений для начальных общеобразовательных школ взрослых. М.; Л., 1929; 1930; 1931.

[Отчет о наблюдениях над говором деревни Дорофеево Орехово-Зуевского округа] // Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1929 г. II. Отчет о научных командировках и экспедициях. Л., 1930. [Совместно с М.Н. Петерсоном и В.Н. Сидоровым].

Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка // Русск. язык в сов. школе, 1930. № 4. [Совместно с В.Н. Сидоровым].

Синтаксис, пунктуация, стилистика. Учебная книга по русскому языку. Для 2-го года общеобразовательных курсов. М., 1930. [Совместно с Л.Б. Перльмуттером и В.Н. Сидоровым].

Рец. С.И. Абакумов // Русск. язык в сов. школе. 1930. № 5.

Говоры верхнего Поветлужья. Фонетика и диалектологические группы. Н.-Новгород, Нижегор. ассоциация по изуч. производит. сил (НАПС), (прилож. к 1-му вып. "Трудов Нижегор. антропол. экспедиции"). 1931 [Совместно с В.Н. Сидоровым].

Как работать по книге "Орфография и развитие речи". (М.), 1931.

Синтаксис, пунктуация, стилистика. Пособие для школ взрослых. Изд. 2, перераб. М.; 1931 [Совместно с Л.Б. Перльмуттером и В.Н. Сидоровым].

Грамматика русского языка для 6 класса средней школы. (М.), 1932 [Совместно с Л.Б. Перльмуттером и В.Н. Сидоровым].

Русский язык. Учебник для 6 года ФЭС и 2 года ШКМ. М.; Л. 1932 [Совместно с другими].

Русский язык на агрополитехнических курсах. М.; Л., 1932 [Совместно с В.С. Соколовым].

Русский язык. Грамматика и правописание. Учебник для школ малограмотных. Изд. 8, перераб. М., 1933. Изд. 9. М., 1934; Харьков, 1934; Ростов н/Д, 1934; Изд. 10. М., 1935; Киев, 1935.

План-программа проработки учебника Р.И. Аванесова. Русский язык. Грамматика и правописание. М., 1934; Киров, 1935; Горький, 1935.

Русский язык. Грамматика и правописание. Учебник для школ малограмотных. Кн. 1–2. М., 1934.

Русский язык. Учебник для пед. техникумов. М., 1934; 1935; 1936. [Совместно с В.Н. Сидоровым].

Таблицы по синтаксису и пунктуации. Метод. пособие для преподавателей. (М.), 1934. [Совместно с Л.Б. Перльмуттером].

Учебник русского языка для школ грамоты. М., 1935; 1936; 1939; 1940; Киев, 1935.

Второстепенные члены предложения как грамматические категории // Русск. язык в школе. 1936. № 4.

Орфоэпия и ее практическое значение // Говорит СССР. 1936. № 6.

Свод пунктуационных правил. Составлен комиссией при Ученом комитете литературы и языка Наркомпроса РСФСР (проект). М., 1936. [Совместно с другими].

Вопросы русского литературного произношения // Русск. язык в школе. 1937. № 3.

Русский язык. Учебник для начальной школы взрослых. М., 1937; 1938.

Дмитрий Николаевич Ушаков // Русский язык в школе. 1941. № 3. [Совместно с другими].

Учебник русского языка. Для школ грамоты. М., 1941 (Для слепых).

---

* В настоящий список не вошли практические курсы русского языка, печатавшиеся в периодических изданиях 30-х годов; неполно представлены переводы работ Р.И. Аванесова на иностранные языки и рецензии на труды , особенно опубликованные в зарубежных изданиях.

Культура русского литературного произношения в Марийской АССР // Уч. зап. Марийск. пед. ин-та. 1943. Т. 3. Йошкар-Ола.

Problems of dialectology in the Soviet Union // The modern language review (Cambridge) 1944. Vol. 39. № 2.

О построении "Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка" // Программа собирания сведений для составления диалектол. атласа русск. языка. Ярославль, 1945.

О системе фонетической транскрипции при собирании материалов для диалектологического атласа русского языка // Там же.

О составе диалектологического атласа русского языка и построении его частей // Там же.

Очерк грамматики русского литературного языка. Ч. I. Фонетика и морфология. М., 1945. [Совместно с В.Н. Сидоровым].

Рец.: С. Бернштейн // Русск. язык в школе. М., 1946. № 3–4.

Старославянский язык как предмет университетского преподавания // Учебно-методическая конференция [МГУ] 7–13 июня 1945 г. Тезисы докладов. М., 1945.

Сост.: Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русск. языка. Приложение к Отчету о работе Научной диалектол. конференции по севернорусским говорам в г. Вологде 20–28 июля 1944 г. Вып. 1. Вологда. [Совместно с Б.А. Лариным].

К истории средневеликорусских говоров // Доклады и сообщения филологического фак-та МГУ. 1946. Вып. 1.

О построении "Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка" // "Программа собирания сведений для составления диалектол. атласа русск. языка". Под ред. В.В. Виноградова. М., 1946.

О системе фонетической транскрипции при собирании материалов для диалектологического атласа русского языка // Там же.

То же // "Программа собирания сведений для составления диалектол. атласа русск. языка. Вологда, 1946.

О составе диалектологического атласа русского языка и построении его частей // Там же.

Рец.: Диалектологический сборник. Под ред. А.Я. Ягодинского. Вып. 1–2. Вологда, 1941–1942 // Изв. АН СССР, ОЛЯ. Т. 5. Вып. 6. 1946.

Афанасий Матвеевич Селищев (1886–1942) // Бюлл. диалектол. сектора ИРЯ АН СССР. 1947. Вып. 1.

Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник МГУ. 1947. № 9.

Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка // Изв. АН СССР, ОЛЯ. Т. 6. Вып. 3. 1947.

Рец.: А.Н. Гвоздев // Изв. АН СССР, ОЛЯ. 1948. Т. 7. Вып. 3.

Диалектологический атлас русского языка // Русск. язык в школе. 1947. № 5. [Совместно с Ф.П. Филиным].

Из истории русского вокализма. Звуки "i" и "у" // Вестник МГУ. 1947. № 1. (Резюме на англ. яз.).

Московское государство и вопросы образования русского языка в его говорах // Изв. АН СССР, ОЛЯ. Т. 6. Вып. 6. 1947.

О краткой [диалектологической] программе // Бюлл. диалектол. сектора ИРЯ АН СССР. Вып. 1. М.; Л., 1947.

О построении "Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русск. языка" // Программа собирания сведений для составления диалектол. атласа русск. языка. Под ред. Р.И. Аванесова и др. М.; Л., 1947.

О системе фонетической транскрипции при собирании материалов для диалектологического атласа русского языка // Там же.

Об одной фонетико-морфологической особенности северновеликорусских говоров // Доклады и сообщения филол. фак-та МГУ. Вып. 2. 1947.

Работа над русским литературным произношением в школе // Русск. язык. в школе. 1947. № 3.

То же // Работа над русским литературным призношением в школе. Сб. статей. Киев, 1951.

Селищев – диалектолог // Доклады и сообщения филол. фак-та МГУ, 1947. Вып. 4.

Рец.: Выдающийся труд по истории русского языка. [С.П. Обнорский.

Очерки по истории русского литературного языка старшего периода] // Газ. "Труд", 1947. № 133.

Сост. и ред.: Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. М.; Л., 1947 [Сост. совместно с другими].

Сост.: Программа по исторической грамматике русского языка. Для филол. факультетов гос. университетов. Киев, 1947. [Совместно с П.С. Кузнецовым].

Сост.: Программа курса "Современный русский язык". Для филол. факультетов гос. университетов. Киев, 1947 [Совместно с другими].

Академик Сергей Петрович Обнорский // Русск. язык в школе. 1948. № 5.

Вопросы методики наблюдений над говорами. 1. Социально-классовая дифференциация языка сельского населения // Бюлл. диалектол. сектора ИРЯ АН СССР. Вып. 2. 1948.

Вопросы методики наблюдений над говорами. 2. Жанрово-стилистическая дифференциация диалектов // Бюлл. диалектол. сектора ИРЯ АН СССР. Вып. 4. 1948.

О долгих шипящих в русском языке // Доклады и сообщения филол. фак-та МГУ. Вып. 6. 1948.

Об ударении в русском языке // Русск. язык в школе. 1948. № 4.

Сост.: Программа курса "Историческая грамматика русского языка". Для факультета русского языка и литературы пед. институтов. М., 1948 [Совместно с П.С. Кузнецовым]

Заметки о говоре с. Семеновского на р. Водле // Материалы и исследования по русск. диалектологии. М., 1949. Т. 2.

Очерки диалектологии рязанской Мещеры. 1. Описание одного говора по течению р. Пры // Материалы и исследования по русск. диалектологии. Т. 1. М., 1949.

Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949.

Рец.: Н.П. Гринкова // Изв. АН СССР, ОЛЯ. Т. 8. Вып. 6. 1949; Т.П. Ломтев // Сов. книга. 1950. № 3; П. Черных // Изв. АН СССР, ОЛЯ. 1950. Т. 9. Вып. 6.

Рец.: В помощь организаторам экспедиций и собирателям материалов для диалектологического атласа русского языка. Сборник инструкутивно-методических статей // Бюлл. диалектол. сектора ИРЯ АН СССР. 1949. Вып. 5.

Русское литературное произношение. Учебн. пособие для учит. ин-тов. М., 1950; 1954; 1958; 1968.

Рец.: М.И. Матусевич // Вестник ЛГУ. 1951. № 5; С.П. Обнорский // Русск. язык в школе. 1951. № 1; С.И. Ожегов // Сов. книга, 1951, № 5; А.Б. Шапиро // Русск. язык в школе. 1951. № 1; М.І. Матусевич // Українська мова в школі. Київ, 1952, № 4; В.К. Фаворин // Изв. АН СССР, ОЛЯ. 1953. Т. 12. Вып. 1.

Сост.: Программа курса старославянского языка. Для филол. факультетов гос. университетов. М., 1950 [Совместно с В.К. Чичаговым].

Сост.: Программа по исторической грамматике русского языка. Для факультетов русского языка и лит-ры пед. институтов. М., 1950 [Совместно с другими].

Сост.: Программа по исторической грамматике русского языыка. Для филол. факультетов гос. университетов и пед. институтов. М., 1950 [Совместно с другими].

Сост.: Программа по русской диалектологии. Для филол. факультетов гос. университетов и пед. институтов. М., 1950.

Предисловие в кн.: А. Мейе. Общеславянский язык. Пер. со 2-го франц. изд. Под ред. С.Б. Бернштейна. М., 1951 [Совместно с П.С. Кузнецовым].

Рец.: Филологический сборник. Смоленск, 1950, 1951 // Сов. книга. 1951. № 10.

Участие в подготовке к печати: Селищев А.М. Старославянский язык. Ч. I–II. Учебн. пособие для студентов и аспирантов филол. факультетов ун-тов и факультетов русского языка и литры пед. институтов. Ч. I. Введение. Фонетика. Ч. II. Тексты. Словарь. Очерки морфологии. М., 1951–1952.

Сост.: Программа по исторической грамматике русского языка. Для филол. факультетов гос. университетов и пед. институтов. М., 1951 [Совместно с другими].

Сост.: Программа курса старославянского языка. Для филол. факультетов гос. университетов. М., 1951 [Совместно с В.К. Чичаговым].

Сост.: Программа по русской диалектологии. Для филол. факультетов гос. университетов и пед. институтов. М., 1951.

Сост.: Программа по русской диалектологии. Для факультетов русского языка и лит-ры пед. институтов. Киев, 1951.

Вопросы лингвистической географии русских говоров центральных областей // Изв. АН СССР. ОЛЯ. Т. 11. Вып. 2. 1952.

Рец.: B.O. Unbegaun. Russe // Revue des études slaves. Paris, 1953. T. 30. Fasc. 1–4.

Диалект // БСЭ, изд. 2. Т. 14. М., 1952.

Диалектизм // БСЭ, изд. 2. Т. 14. М., 1952.

Диалектология. // БСЭ, изд. 2. Т. 15. М., 1952.

Изголосса // БСЭ, изд. 2. Т. 17. М., 1952.

К вопросу о фонеме // Изв. АН СССР, ОЛЯ. Т. 11. Вып. 5. 1952.

Лингвистическая география и история русского языка // ВЯ. 1952. № 6.

То же // Открытое расширенное заседание Ученого совета Ин-та языкознания АН СССР 18–21 июня 1952 г. Тезисы докладов. М., 1952.

Рец.: W. Kuraszkiewicz. Kwartalnik Instytutu polsko-radzieckiego. Warszawa, 1953, № 5; B.O. Unbegaun // Revue des études slaves. Paris, 1953. T. 30. Fasc. 1–4.

О диалектологическом атласе русского языка // Научная информация (Пекин). 1952. Т. 3. № 7 [На кит. яз.].

О качестве задненёбной фрикативной согласной перед гласными переднего ряда в русском языке // Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР, 1952. № 2.

Объяснительная записка, введение и фонетика // Программа по исторической грамматике русск. языка. М., 1952.

Пытання беларусскага правапісу // Літаратура і мастацтва. Мінск, 1952.

Рец.: П.С. Кузнецов. Русская диалектология. М., 1951 // Сов. книга. 1952. № 6.

Сост.: Программа курса "Историческая грамматика русского языка". Для факультетов русского языка и лит-ры пед. институтов. М., 1952 [Совместно с другими].

Сост.: Программа курса "Русская диалектология". Для факультетов русского языка и лит-ры пед. институтов. М., 1952.

Сост.: Программа по исторической грамматике русского языка. Для филол. факультетов гос. университетов и пед. институтов. М., 1952 [Совместно с другими].

То же // Киев, 1952.

Сост.: Программа курса старославянского языка. Для филол. факультетов гос. университетов. М., 1952. [Совместно с В.К. Чичаговым].

Сост.: Программа по русской диалектологии. Для филол. факультетов гос. университетов и пед. институтов. Киев, 1952.

Вопросы изучения диалектов языков народов СССР // Совещание по вопросам описательной грамматики, лексикографии и диалектологии. Тезисы докладов. М., 1953. [Совместно с другими].

Вопросы изучения диалектов языков народов СССР // ВЯ. 1953. № 5. [Совместно с В.Г. Орловой].

То же на венг. яз. "A nyelvtudomány intézet Közleményei". Budapest, 1954, évf. 5, № 1.

То же на алб. яз. "Buletin për Shkencat Shogërora". Tirana. 1954. № 1.

Рец.: J. Siatkowski. Kwartalnik Instytutu polsko-radzieckiego. Warszawa, 1954. № 3.

Вопросы современного русского литературного произношения... М., 1953.

Рец.: И.Н. Интересная брошюра о вопросах литературного произношения // Школа Советской Латвии (Падомью Латвияс скола)". Рига, 1953.

К вопросам образования русского национального языка // ВЯ. 1953. № 2.

Рец.: W. Kuraszkiewicz. Kwartalnik Instytutu polsko-radzieckiego. Warszawa. 1953. № 5. J. Siatkowski. Там же.

Сост.: Программа курса "Историческая грамматика русского языка". Для факультетов русск. языка и лит-ры пед. институтов. Ташкент, 1953 [Совместно с другими].

Сост.: Программа курса "Русская диалектология". Для факультетов русск. языка и лит-ры пед. институтов. Ташкент, 1953.

Сост.: Программа по исторической грамматике русского языка. Для филол. факультетов гос. университетов и пед. институтов. М., 1953 [Совместно с другими].

Сост.: Программа курса старославянского языка. Для филол. факультетоа гос. университетов. М., 1953. [Совместно с В.К. Чичаговым].

Сост.: Программа по русской диалектологии. Для филол. факультетов гос. университетов и пед. институтов. М., 1953.

Лингвистическая география (или диалектография) // БСЭ, изд. 2. Т. 25. [Совместно с В.М. Жирмунским].

Наречие // БСЭ, изд. 2. Т. 29.

Национальный язык // БСЭ, изд. 2. Т. 29.

О слогоразделе и строении слога в русском языке // ВЯ. 1954. № 6.

Общенародный язык и местные диалекты на разных этапах развития общества. Материалы к курсам языкознания. Под общей ред. В.А. Звегинцева. М., 1954.

Рец.: В.Д. Левин и И.П. Мучник. Материалы к курсам языкознания // Иностр. язык в школе, 1955. № 1. P. Ondrus // Slovenská reč. Bratislava. 1955. Roč. 20. № 1.

Сост.: Программа по курсу старославянского языка. Для филол. факультетов гос. университетов. М., 1954. [Совместно с В.К. Чичаговым].

Введение // Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955. [Совместно с В.И. Борковским].

Вопросы образования русского национального языка // Юбилейная научная сессия, посвященная 200-летию университета, 9–13 мая 1955 года. М., 1955.

Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы // Вопросы грамматического строя. Сб. статей под ред. В.В. Виноградова и др. М., 1955.

Рец.: М. Петер. К теории Московской фонологической школы // Studia slavica Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest, 1957. Fasc. 1–2.

Литературный язык в его отношениях к системе общенародного языка // Открытое расширенное заседание Ученого совета Ин-та языкознания АН СССР 13–16 июля 1955 г. Тезисы докладов и выступлений. М., 1955.

Орфоэпия // БСЭ, изд. 2. Т. 31.

Проблемы образования языка русской (великорусской) народности // ВЯ. 1955. № 5.

Сведения о произношении и ударении // Русское литературное ударение и произношение". Опыт словаря-справочника. Около 50 000 слов. Под ред. Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова. М., 1955.

Ударение в современном русском литературном языке. М., 1955.

То же. Киев, 1956.

Рец.: L. Dvonč // Slovenská reč. Bratislava, 1956. Roč. 21. № 6.

Фонетика [новгородских берестяных грамот] // Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955.

Рец.: Русское литературное ударение и произношение. Опыт словаря-справочника (Около 50 000 слов). М., 1955 [Совместно с С.И. Ожеговым].

Рец.: В.П. Григорьев // Вестник Академии наук СССР. М., 1956. № 5; С.П. Обнорский // Русск. язык в школе. 1956. № 5; М.М. Стаховський // Українська мова і література в школі. Київ. 1956. № 4; А. Аникин. Русск. язык в нац. школе. 1957. № 1; Л. Копецкий // ВЯ. 1957. № 2.

Сост.: Программа по исторической грамматике русского языка. Для филол. факультетов гос. университетов и пед. институтов. М., 1955 [Совместно с другими].

Сост.: Программа по русской диалектологии. Для филол. факультетов гос. университетов и пед. институтов. М., 1955.

Сост.: Программа педагогических институтов. Историческая грамматика русского языка. М., 1955.

[Выступление на открытом расширенном заседании Ученого совета Ин-та языкознания АН СССР 17–19 февраля 1955 г. в Ленинграде о проблеме субстрата и языковом родстве] // Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР. Вып. IX.

О некоторых вопросах истории языка // Академику В.В. Виноградову к его шестидесятилетию. М., 1956.

О трех типах научно-лингвистических транскрипций (в связи с вопросами теории фонем) // Slavia. Praha. Roč. 25. Seš. 3. 1956.

Русский язык // БСЭ, изд. 2. Т. 37. [Совместно с В.В. Виноградовым].

Сравнительно-исторический метод как система исследовательских приемов изучения родственных языков. [Глава 2, § 6] // Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. М., 1956.

Ударение в современном русском литературном языке. Киев, 1956.

То же. Изд. 2, испр. и допр. М., 1958.

То же на немецком языке: Die Betonung in der modernen russischen Literatursprache. Übers. von G. Rossler. Halle (Saale), Veb Niemeyer.

То же на английском языке. Modern Russian Stress. Transl. by D. Huckley. Oxford, Pergamon, 1964.

Рец.: [на 2-е изд.]: Ф. Сергеев. Вопросы ударения в некоторых словарях и справочниках // Русск. язык в нац. школе, 1960. № 1; M. Noha. Příspěvek k otázkám přizvuku ve spisovné ruštině // Československá rusistika. Praha, 1959. № 3; L. Dvonč// Slovenska reč. Bratislava. 1959. № 6; H. Hamburger // Lingua. Amsterdam, 1967. Vol. 18. № 3.

Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

Рец.: Л.Р. Зиндер // ВЯ, 1957. № 5. [Обсуждение книги на заседании Комитета языкознания Польской академии наук в честь 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции] // ВЯ. 1958. № 4; Z. Stieber // Rocznik slawistyczny. Wrocław, 1958. T. 20. Cz. 1; M. Halle // Word. N.Y., 1960. Vol. 16; R.J. Intern. Journ. of Slavic linguistics and poetics. Gravenhage, 1959, № 1–2; B.O. Unbegaun // Bull. de la Soc. de linguistique de Paris, 1959. T. 54. Fasc. 2; K. Horálek // Československá rusistika. T. VIII. 1963. № 4.

Сост.: Программа по исторической грамматике русского языка. Для филол. факультетов университетов и пед. институтов. М., 1956 [Совместно с другими].

То же. Киев, 1957.

То же. М., 1959.

Сост.: Программа курса старославянского языка. Для филол. факультетов гос. университетов. М., 1956 [Совместно с В.К. Чичаговым].

То же. М., 1959.

То же. М., 1960.

То же. Харьков.

Сост.: Программа по русской диалектологии. Для филол. факультетов гос. университетов и пед. институтов. М., 1956. [Совместно с К.В. Горшковой].

То же. М., 1960.

То же. Киев, 1957; 1960.

Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Под ред. Р.И. Аванесова. Вступительные статьи: 1. Проблемы лингвистической географии русского языка; 2. Из истории разработки лингвистической географии русского языка, стр; 3. Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957.

Введение // Методические указания к "Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка". М., 1957. [Совместно с В.Г. Орловой].

Историческая грамматика русского языка. М., 1957. (Программы для пед. институтов) [Совместно с П.С. Кузнецовым и Т.П. Ломтевым].

То же. Ташкент, 1957.

Ред.: Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Ч. 1. Вступит. статьи; справочные материалы и комментарии к картам; Ч. 2, Карты (3.29) отд. л.

Рец.: С.Б. Бернштейн // Изв. АН СССР, ОЛЯ. Т. 17, 1958. Вып. 4; С.П. Обнорский // ВЯ. 1959. № 3; З. Штибер // Там же; B. Kálman // Magyar nyelvór. Budapest, 1958, évf. 82, szám. 4, I, M. Karás // Rocznik slawistyszny. Wrocław, 1964. T. 23. Cz. 1; W. Kuraszkiewicz // Lingua posnaniensis. Poznań, 1965. T. 10; J. Safarewicz. Atlas des parlers russes (I) // Orbis. Bulletin international de Documentation linguistique. T. VIII. 1959. № 2; J. Safarewicz // Język polski, XXXVIII, 1958, № 4; J. Vegh. Über der Atlas deer russischen Mundarten // Acta linguistica. Bp., 1964, № 1–2.

Вопросы истории русского языка в эпоху формирования и дальнейшего развития русской (великорусской) народности // Вопросы формирования русской народности и нации. М.; Л., 1958.

[Выступление по докладам и заключительное слово по теме: О диалектной основе норм национального литературного языка] // Вопросы диалектологии тюркских языков. [Материалы Координационного совещания по вопросам диалектологии тюркских языков. 1956]. Баку, 1958.

Достижения современного языкознания в области русской диалектологии // Изв. АН СССР, ОЛЯ. Т. 17. Вып. 1.

К теории диалектных словарей // Cercetări de lingvistică. Cluj, anul. 3, supl.

Лингвистическая география и структура языка. О принципах общеславянского лингвистического атласа. М., 1958, [Совместно с С.Б. Бернштейном].

Русский язык. Пекин, 1958. На кит. яз. [Совместно с В.В. Виноградовым. Перевод статьи из БСЭ. Изд. 2. Т. 37].

O atlacie gwarowym języka rosyjskiego i jego podstawach teoretycznych // Porandik językovy. Warszawa, zesz. 3, 1958.

Сост. и ред.: Закономерности исторического развития общенародного разговорного языка и местных диалектов. М., 1958 [Совместно с другими].

Сост.: Славянская филология. Сб. статей. Т. II. М., 1958 (IV Международный съезд славистов).

К очередным задачам русской диалектологии // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. 1. [Отв. ред. Р.И. Аванесов и В.Г. Орлова]. М., 1959. [Совместно с В.Г. Орловой].

О теоретических основах диалектологического атласа русского языка. [Изложение доклада на Оломоуцкой конференции по сравнительно-историческому изучению славянских языков. 1957 г.] // Slavia. Praha. 1959. Roč. 20. Seš. 1.

Об очередных задачах диалектологического изучения языков Советского Союза // Известия АН СССР, ОЛЯ. Т. 18. Вып. 3. 1959.

Обсуждение проблем диалектологии // Вестник АН СССР. 1959. № 2. [Совместно с А.С. Гарибяном].

Ред.: Русское литературное произношение и ударение. Словарь-справочник. (Около 52 000 слов). М., 1959 [Совместно с С.И. Ожеговым].

Рец.: Д. Арбатский. Книга о русском произношении // Удмуртская правда, 1959, 14 ноября; Ф. Сергеев. Вопросы ударения в некоторых словарях и справочниках // Русск. язык в нац. школе. 1960. № 1; A. Zorki. Le lingue del mondo. Firenze, an. 24, № 12, 1959.

О моих учителях А.М. Селищеве и Д.Н. Ушакове // Дружба. Статьи, очерки, исследования, воспоминания, письма об армяно-русских связях. Кн. 2. Ереван, 1960.

Сост.: Программа по истории русского языка. Для филол. факультетов гос. университетов (ч. 1–2). М., 1960. [Совместно с другими].

Вступительная статья. Вводные замечания // Вопросник общеславянского лингвистического Атласа. Лексика. Раздел "От слова к значению" [Сост.: В.Ф. Коннова. Под ред. Р.И. Аванесова]. М., 1961.

О нормах русского литературного произношения // Русск. яз. в школе. 1961. № 6.

Об общеславянском лингвистическом атласе // Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР. М., 1961. Вып. 33–34.

То же // Координационное совещание по актуальным проблемам славяноведения. Программа... М., 1961.

К вопросу об общеславянском атласе (территориальный охват и сетка обследования) // Slavia. Praha, 1962. Roč. 31. Seš. 4.

Лингвистическая география и структура языка. О принципах общеславянского лингвистического атласа // IV международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Т. II. М., 1962. [Совместно с С.Б. Бернштейном].

Несколько мыслей о работе в области языкознания в связи с решениями XXII съезда КПСС // Изв. АН СССР, ОЛЯ. 1962. Т. 21. Вып. 2.

О работе над общеславянским лингвистическим атласом // Studia slavica. Budapest, 1962. T. 8. Fasc. 3–4.

Предисловие; Звуковые диалектные различия; Лексические диалектные различия и их картографирование [Совместно с Л.П. Жуковской] // Вопросы теории лингвистической географии. Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1962.

Об общеславянском лингвистическом атласе. (Ответ на анкету) // ВЯ. 1963. № 4.

Описательная диалектология и история языка // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963). М., 1963.

Описательная диалектология и история языка // Тезисы докладов на IX диалектологическом совещании 15–18 мая 1963 г. М., 1963.

Сост. и ред.: Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Ч. 1, 2. Мінск, 1963 [Совместно с другими].

Рец.: A. Obrębska-Jabłońska // Slavia orientalis. Warszawa. 1967. № 2.

Введение // Русская диалектология. М., 1964.

Заседание бюро Отделения литературы и языка, посвященное задачам научных исследований в области диалектологии // Изв. АН СССР, Серия лит-ры и языка. 1964. Т. 23. Вып. 6 [Совместно с Кумелан Л.В.].

О состоянии и задачах научных исследований в области диалектологии // Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка. 1964. Т. 23. Вып. 6.

Приставки на *-з*. О правописании приставок на *-з* в связи со смежными вопросами // О современной русской орфографии. М., 1964.

С.Г. Бархударов (к 70-летию со дня рождения) // Русский язык в школе, 1964. № 1 [Совместно с другими].

Рец.: По поводу письма В. Клепко // Русский язык в нац. школе. 1964. № 4 [Совместно с другими].

Сост.: Программа по руссской диалектологии для филологичеких факультетов гос. университетов. М., [Совместно с другими].

К итогам работы над общеславянским лингвистическим атласом (1958–1964 гг.) // Сов. славяноведение. 1965. № 1.

О двух аспектах предмета диалектологии // Общеславянский лингвистический атлас. (Материалы и исследования). М., 1965.

Описательная диалектология и история языка // Славянска филология. Материалы от V Международен конгрес на славистите. Т. 7. София, 1965.

Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Введение, инструкция, список источников, пробные статьи. Под ред. Р.И. Аванесова, М., 1966.

Рец.: Р.А. Будагов. Два замечания на проект "Древнерусского словаря" // Вестник МГУ, Филология. 1967. № 3; I. Němec // Listy filolog. Praha. 1967. № 4; A. de Vincenz. Methodologische Bemerkungen zu einem lexikographischen Unternehmen // ZfSlPh. Heidelberg. 1970. Bd. XXXV. Hf. 1.

О соотносительном ряде носовых согласных фонем по признаку "дентальность–лабиальность" // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966.

В.Н. Щепкин и его книга по русской палеографии // В.Н. Щепкин. Русская палеография. М., 1967.

К истории морфонологических чередований и фонемного состава корневых морфем при образовании уменьшительных существительных в русском языке // To honor Roman Jakobson. Essays on the occasion of his seventieth birthday. Vol. 1. The Hague; Paris, 1967.

Над чем работают наши ученые (Беседа с Р.И. Аванесовым) // Русск. язык в школе. 1967. № 1.

К истории чередования согласных при образовании уменьшительных существительных в праславянском // Славянское языкознание. VI международный съезд славистов. (Прага, август 1968 г.) М., 1968.

Отчетный доклад комиссии Общеславянского лингвистического атласа VI международному съезду славистов в Праге (7–13 августа 1968 г.). М., 1968.

Ред. и сост.: Лінгвістычна геаграфія і групоўка беларуских гаворак (текст и карты. 3 т.). Мінск, 1968–1969. [Ред. совместно с К.К. Атраховіч и Ю.Ф. Мацкевіч. Сост. совместно с коллективом авторов].

Заметки по русской фонетике (О некоторых проявлениях фонемы "j") // Уч. зап. Московского гос. пед. ин-та. 1969. № 341.

Учебник одного языка // Русская речь. 1969. № 4.

О соотношении предударного вокализма после твердых и после мягких согласных в русском языке // Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка. 1969.

Стойко Стойков (1912–1969) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1969. М., 1970. [Совместно с С.Б. Бернштейном].

О проблематике Общеславянского лингвистического атласа // Труды Прибалтийской диалектологической конференции 1968 г. Тарту, 1969.

Заметки по русской фонетике. О фонеме "j" в заударных слогах после согласных // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Сб. статей к 70-летию чл.-корр. АН СССР В.И. Борковского. М., 1971.

Заметки по русской фонетике. Фонема /н/ // Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А.А. Реформатского. М., 1971.

Сорок лет в славистике // Исследования по славянскому языкознанию. Сб. статей в честь шестидесятилетия проф. С.Б. Бернштейна. М., 1971.

Состояние и итоги работы над Общеславянским лингвистическим атласом // Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка. 1971. Т. 30. Вып. 2.

Русский предударный вокализм после мягких согласных и синхроническая фонологическая система // Sertaslavica in memoriam Alorsii Schmaus. München, 1971.

Ред.: Лингвогеография, диалектология и история языка. Кишинев, 1973.

Ред.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1970. М., 1972.

Ред.: В.Г. Чурганова. Очерк русской морфонологии. М., 1973.

Видатний учений лінгвіст (100-річчя від для нарождення) // Радяньска освіта // Київ // 1973, 24 січня.

Д.Н. Ушаков (К 100-летию со дня рождения) // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1973. Т. 32. Вып. 2.

Д.Н. Ушаков (К 100-летию со дня рождения) // Правда Украины. 1973, 24 янв.

Д.Н. Ушаков // Русская речь. 1973. № 3.

Он любил вечно живой русский язык // Знамя юности. 1973, 24 янв.

Сокровищница живой звучащей речи. К 100-летию со дня рождения [Д.Н. Ушакова] // Советская культура. 1973, 23 янв.

Беседы о русском произношении // Русская речь. 1974. № 1, 2, 3, 4.

Русская графика и русский ударный вокализм // Zbornik filozofickej fakylty. University Komenscképo. R. XXIII–XXIV. Bratislava 1971–1972. Bratislava, 1974.

Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

Ред.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1971. М., 1974.

Ред.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1972. М., 1974.

Беседы о русском произношении (о сочетании предударной гласной и ударной или сочетании предударных гласных) // Русская речь. 1975. № 1, 2, 3, 4, 5.

Ред.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1973. М., 1975.

Еще раз об искусстве устной речи // Русская речь. 1976. № 3.

[Краткое изложение доклада о "Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.")] // Вопросы языкознания. 1976. № 3.

Мягкость групп согласных перед мягкими согласными // Русская речь. 1976. № 2.

Некоторые особенности произношения слов иноязычного происхождения // Русская речь. 1976. № 5.

От редактора // Р.Я. Удлер. Диалектное членение молдавского языка. Ч. 1. Кишинев. 1976.

Произношение некоторых имен и фамилий иноязычного происхождения // Русская речь. 1976. № 6.

Произношение сочетания *чн* // Русская речь. 1976. № 3.

Смягчение согласных перед согласными // Русская речь. 1976. № 1.

Сочетания с непроизносимыми согласными // Русская речь. 1976. № 4.

Zur phonologischen Interpretation der langen Konsonanten in der weißrussichen Literatursprache // Die Welt der Slaven. Halbjahresschrift für Slavistik. Jahrgang XXI. H. 2. 1976.

Акцентная вариантность и вокализм слова // Теория языка. Англистика. Кельтология // М., 1976.

Ред.: Лингвистическая география, диалектология и история языка. Ереван, 1976.

Ред.: Лингвистический атлас Европы. Первый вопросник. Ономасиология, основной словарный состав. М., 1976 [совместно с В.В. Ивановым].

Ред.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1974. М., 1976.

Ред.: Р.Я. Удлер. Диалектное членение молдавского языка. Ч. 1. Кишинев, 1976.

К проблематике общеславянского лингвистического атласа // Zbornik radova povodom 70 godišnjice života akademika Jovana Vukovića. Sarajevo, 1977.

Об одном неправильном употреблении мужского отчества // Русская речь. № 6. 1977.

Ред.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1975. М., 1977.

Ред.: А.І. Чабярук. Лічебнік у беларускіх гаворках. Мінск, 1977.

Заметки по теории русской орфографии // Восточнославянское и общее языкознание М., 1978.

Общеславянский лингвистический атлас. Вступительный выпуск. Общие принципы. Справочные материалы. М., 1978 [Соавтор вступительной статьи и главн. редактор].

Общеславянский лингвистический атлас (1958–1978). Итоги и перспективы // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. М., 1978.

О построении курса истории русского языка // Вопросы русского языкознания. М., 1978.

О фонологическом статусе долгих согласных в белорусском языке // Вопросы языкознания. № 1. 1978.

Русское литературное произношение // Третий Международный семинар преподавателей русского языка стран народной демократии (тезисы, планы). М., 1978.

Ред.: Исследования по исторической морфологии русского языка. М., 1978.

Ред.: Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. М., 1978.

Ред.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1976. М., 1978.

Диалектология // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.

Мой первый родной дом в науке // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1979. № 6.

Об одном фонетическом явлении, получившем синтаксическое значение в русском внелитературном просторечии и диалектах // Звуковой строй языка. М., 1979.

Общеславянский лингвистический атлас: общие принципы, перспективы / Общественные науки. 1979. № 4.

Орфоэпия // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.

Проблемы морфонологии и фонологии простых предлогов в русском языке // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 38. 1979. № 5.

Профессор Теодор Фрингс о "Диалектологическом атласе русского языка" // Общеславянский лингвистический атлас. 1977. М., 1979.

Степан Григорьевич Бархударов (к 85-летию со дня рождения) // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 38. 1979. № 3.

Фонология // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979 [совместно с Л.Р. Зиндером].

Ред.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1977. М., 1979.

Ред.: В.Л. Воронцова. Русское литературно ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения. М., 1979.

Ред.: Фонология, фонетика, интонология // Материалы к IX Международному конгрессу фонетиеских наук (август – 1979. Копенгаген). М., 1979.

Ред.: Звуковой строй языка. М., 1979.

Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1978. М., 1980.

L'atlas linguistique Slave // Liber amicorum W. van Gorcum, 1980.

Нормы русского литературного произношения в их историческом развитии // Русская речь. 1981. № 3, 4.

О русском сценическом произношении // Русская речь. 1981. № 5, 6.

Ред.: Лингвистический атлас Европы. Второй вопросник. М., 1981. [Совместно с В.В. Ивановым].

Ред.: Общеславянский атлас. Материалы и исследования. 1979. М., 1981.

Научное редактирование

Ученые записки Московского городского педагогического института, т. 5. Кафедра русск. яз. Вып. 1. М., 1941.

Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. Ярославль. 1941. [Совместно с другими].

Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка АН СССР. Вып. 1. М.; Л., 1947. [Совместно с С.П. Обнорским].

Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка АН СССР. Вып. 2–4. М.; Л., 1948. [Совместно с другими].

Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка АН СССР. Вып. 5–6. М.; Л., 1949. [Совместно с другими].

Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 1–3. М.; Л. [Совместно с другими].

П.С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.

Труды Института языкознания АН СССР. Т. 5. М., 1954. [Совместно с другими].

Методические указания к "Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка". М., 1957. [Совместно с В.Г. Орловой].

Труды Института языкознания АН СССР. Т. 7–8. М., 1957. М. [Совместно с другими].

Вопросы диалектологии тюркских языков. [В. I]. Баку. 1958. [Совместно с другими].

Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. 1. М., 1959. [Совместно с В.Г. Орловой].

Ю.Ф. Мацкевіч. Марфалогія дзеяслова ў беларускай мове. Мінск, 1959.

Вопросы диалектологии тюркских языков. Т. 2. Баку, 1960. [Совместно с другими].

Материалы и исследования по истории русского языка. М., 1960.

Вопросник общеславянского лингвистического атласа. Лексика. Раздел "От слова к значению". [Сост. В.Ф. Коннова, под руководством Р.И. Аванесова]. М., 1961.

Л.Э. Калнынь. Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках. М., 1961.

Хрэстоматыя па гісторыі беларускай мовы. Ч. 1–2. Мінск, 1961–1962.

Рец.: А. Грицко // Нар. асвета. Мінск. № 5; М. Касцян // Полымя. Мінск. 1962. № 5.

Хрэстоматыя па гісторыі беларускай мовы. Ч. 2. Мінск, 1962.

Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., 1962. [Совместно с С.И. Котковым].

Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962.

Рец.: И.А. Дзендзелевский // Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка. М., 1964. Т. 23. Вып. 4. J. Skulina // Sbornik prací Filos. fak. Brněnské univ. Rada jazykovědná, 1965; S. Utešený // Slavia. Praha, 1964. Roč. 33. № 4.

Историческая грамматика и лексикология русского языка. Материалы и исследования. М., 1962.

Рец.: I. Němec // Slavia. Praha, 1964. Roč. 33. Seš. 4; J. Veyrenc // Bulletin de la société de linguistique de Paris. Paris, 1964. T. 59. Fasc. 2.

Хрэстоматыя па беларускай дыялекталогіі. Мінск, 1962. [Совместно с М.В. Бірыла].

Вопросы диалектологии тюркских языков. Т. 3. Баку, 1963. [Совместно с другими].

Смоленские грамоты XIII–XVI вв. Подготовили к печати Т.А. Сумникова и В.В. Лопатин. М., 1963.

Рец.: В.А. Кучкин. О древнейших смоленских грамотах // История СССР, 1966. № 3; N. Angermann // Hansische Geschichtsblätter. Köln; Graz, 1964. Jg. 82; E. Dickenmann // Die Welt der Slaven. Wiesbaden. 1964. Jg. 9. Hf. 1.

Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964.

Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964.

Нарысы па беларускай дыялекталогіі. Мінск 1964. [Совместно с другими].

М.В. Панов. И все-таки она хорошая! М., 1964. Русская диалектология. М., 1964. [Совместно с В.Г. Орловой].

То же. Изд. 2 М., 1965.

Рец.: И.А. Василенко // Вестник АН СССР, 1966. № 1; J. Skulina // Sbornik prací Filosofické fakulty Brněnské University. Rada jazykovědná. Brno. 1967, № 15.

Л. Константинович. Лимба ши лит-ра молдовеняскэ [Молдавский яз. и лит-ра]. Кишинев, 1966. № 2.

Вопросник общеславянского лингвистического атласа. М., 1965.

Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1965. [Совместно с другими].

Лексикология и словообразование древнерусского языка. М., 1966.

Рец.: Л.В. Копецкий // Československá rusistika. Praha. 1967. № 2.

Н.А. Цомакион. Туруханские говоры в их истории и современном состоянии. Красноярск, 1966. [Совместно с другими].

Л.Э. Калнынь. Типология звуковых диалектных различий в нижнелужицком языке. М., 1967.

Материалы и исследования по Общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1968.

Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. М., 1969.

Общие проблемы диалектологии и истории языка. Ответы на вопросник. М., 1969. [Совместно с Ф.П. Филиным и О.Н. Мораховской].

Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1969. М., 1970.

А.А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Сб. статей к 70-летию чл.-корр. АН СССР. В.И. Борковского. М., 1971. [Совместно с другими].

Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А.А. Реформатского. М., 1971. [Совместно с другими].

СОДЕРЖАНИЕ

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

От редколлегии 3

I. ВОСПОМИНАНИЯ

М.В. Панов. Воспоминания о Р.И. Аванесове (Москва) 7
К.В. Горшкова. Р.И. Аванесов – ученый и учитель (Москва) 13
А.И. Журавский. Приятно вспоминать хорошее (Минск, Беларусь) 18
В.А. Плотникова. Профессор Рубен Иванович Аванесов (годы моей аспирантуры: 1943–1945) (Москва) 25

II. АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
Предисловие, подготовка текстов и примечания О.Е. Никитина

Р.И. Аванесов. Отзыв на "Правила употребления знаков препинания "А.М. Сухотина 33
Р.И. Аванесов. Вопросы русского литературного произношения. 36
Письмо Р.И. Аванесова Е.Б. Тагеру 1923 г. 35
"Давайте будем друзьями, как когда-то" (из переписки Р.И. Аванесова с Н.М. Малышевой и В.В. Виноградовым) 37
Письмо Р.И. Аванесова Л.П. Гроссману 1958 г. 43

III. ТЕОРИЯ ДИАЛЕКТОЛОГИИ И ЛИНГВОГЕОГРАФИИ. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Л.Э. Калнынь. Значение трудов Р.И. Аванесова для теории диалектологии (Москва) .. 47
Л.Э. Калнынь. Роль Р.И. Аванесова в создании Общеславянского лингвистического атласа (Москва) 53
В.Е. Гольдин. Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения (Саратов) 58
Н.Н. Пшеничнова. О некоторых трудных вопросах структурно-типологической классификации русских говоров (Москва) 64
Л.И. Баранникова. Опыт составления таблично-числового диалектологического атласа русского языка на материале говоров территорий позднего заселения (Саратов) 81
А.С. Герд. Диалектное членение и междиалектные связи говоров Обонежья (Санкт-Петербург) 88
Е.А. Нефедова. Диалектные лексические микросистемы в ареальном аспекте (Москва) 94
И.А. Букринская, О.Е. Кармакова. Лексическое своеобразие русских северо-западных говоров (на материале Диалектологического атласа русского языка) (Москва) 104
Г.П. Клепикова. Многоязыковые атласы как источник изучения сепаратных межславянских лексико-семантических параллелей (Москва) 111

М.Н. Преображенская. О некоторых проблемах исследования синтаксиса диалектного русского языка (Москва) 118

Е.А. Галинская. О перспективах русской исторической лингвогеографии (опыт создания диахронной лингвистической карты) (Москва) 125

О.И. Блинова. Аспекты изучения народной речевой культуры (Томск) 134

М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. Голоса московских улиц конца XIX – начала XX в. (по материалам архива Е.З. Баранова) (Москва) 140

Е.З. Баранов. Солодовников, Карташов и Кокорев 151

К. Штайнке. Говор и религия в диаспоре (Регенсбург, Германия) 154

Л.Н. Булатова. Софья Владимировна Бромлей – ученица Рубена Ивановича Аванесова и продолжательница его дела (Москва) 157

IV. ИСТОРИЯ ЯЗЫКА. ЭТИМОЛОГИЯ

В.В. Иванов. О некоторых нерешенных вопросах русской исторической фонетики (Москва) 169

Т.А. Сумникова. Об окончании *'-а* в формах родительного-винительного падежа личных и возвратного местоимений (Москва) 180

С.И. Иорданиди. Преобразование семантической структуры некоторых словообразовательных типов в истории языка (от исходной системы) (Москва) 183

В.Б. Силина. Проблема идентификации старославянизмов в русском литературном языке (Москва) 198

А.М. Молдован. "Повесть о Петре Златых Ключей" и русский книжный язык XVII в. (Москва) 207

Е.М. Верещагин. Древнейшее последование Илии Фесвитянину в славяно-русской гимнографии (Москва) 214

А.В. Суперанская. Имена монахов Киево-Печерской лавры (по данным словаря Памвы Берынды) (Москва) 224

Ж.Ж. Варбот. К этимологии некоторых русских диалектизмов (Москва) 233

V. ФОНЕТИКА. ТРАНСКРИПЦИЯ. ОРФОГРАФИЯ. ОРФОЭПИЯ

В.К. Журавлев. От фонемы к силлабеме (Москва) 239

М. Флайер. К вопросу о критериях фонетического варьирования и грамматикализации в русском языке (Кембридж, США) 246

Е.А. Брызгунова. Обобщающие и классифицирующие единицы звучащей речи и их сопоставление (Москва) 252

С.Н. Борунова. К вопросу об интерпретации побочного ударения в современном русском языке (Москва) 258

С.В. Князев, С.К. Пожарицкая. Еще раз о механизме формирования умеренного яканья в русском языке (Москва) 273

Н.И. Данилина. Изменчивость гласных верхнего подъема в русских говорах (Саратов) 280

Ю.С. Степанов. Древнегреческое слово "on line". В связи с идеями Р.И. Аванесова (Москва) 286

А.А. Кретов. Четвертая транскрипция (Воронеж) 296

В.В. Лопатин. Морфемная структура слова и орфография (Москва) 303

Л.А. Глинкина. Орфографические трудности в аспекте фонемной теории русского письма (Челябинск) 311

С.М. Кузьмина. Самое бездействующее из действующих правил русского правописания (Москва) 318

Л.П. Крысин. Заметки об иноязычных словах (Москва) 323

О.Б. Сиротинина. Неполный стиль произношения в современной русской речи (Саратов) 329

Н.А. Кожевникова. О двух типах звуковых повторов (Москва) 333

С.А. Крылов. Указатель терминов к работе Р.И. Аванесова "Русская литературная и диалектная фонетика" (Москва) 340

VI. ГРАММАТИКА

Т.В. Попова. О морфонологической структуре словоформ Тв. ед. существительных женского рода старых * ĭ-основ в некоторых современных литературных славянских языках (Москва) 349

Л.А. Араева, А.Г. Антипов. "Фонологическое мышление" русского словообразования (Кемерово) 354

Е.С. Скобликова. О категориальном характере традиционной типологии второстепенных членов предложения (Самара) 362

VII. ЛЕКСИКОГРАФИЯ

И.С. Улуханов. Р.И. Аванесов как инициатор и редактор "Словаря древнерусского языка XI–XIV вв." (Москва) 371

О.Д. Кузнецова, Ф.П. Сороколетов. К типологии русских диалектных словарей (Санкт-Петербург) 378

А.Ф. Журавлев. Лексикографические фантомы. 5. СРНГ, О–П (Москва) 382

Л.В. Куркина. Диалектный словарь индивидуума как один из источников лексических архаизмов русского языка (Москва) 390

Н.А. Еськова. Лексикографические заметки (подача прилагательных *знакомый, соленый, целый*) (Москва) 396

Библиография трудов Р.И. Аванесова 401

Научное издание

АВАНЕСОВСКИЙ СБОРНИК

К 100-летию со дня рождения
члена-корреспондента АН СССР
Р.И. Аванесова

Одобрено к изданию Ученым Советом
Института русского языка РАН
им. В.В. Виноградова

Зав. редакцией *А.И. Кучинская*
Редактор *Т.М. Скрипова*
Художник *И.В. Яковлева*
Художественный редактор *Е.А. Быкова*
Технический редактор *З.Б. Павлюк*
Корректоры *А.Б. Васильев, Е.Л. Сысоева*

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 16.10.2002
Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 33,9. Усл.кр.-отт. 33,9. Уч.-изд.л. 37,0
Тираж 500 экз. Тип. зак. 3701

Издательство "Наука"
117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Санкт-Петербургская типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

ISBN 5-02-006389-4

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА"

Магазины "Книга–почтой"

121099 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7Б; (код 812) 235-05-67

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга–почтой"

690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 ("Книга–почтой"); (код 4232) 5-27-91
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга–почтой"); (код 3432) 55-10-03
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 ("Книга–почтой"); (код 3952) 46-56-20
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
220012 Минск, проспект Ф. Скорины, 72; (код 10375-17) 232-00-52, 232-46-52
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00
113105 Москва, Варшавское ш., 9, строение 1Б (книжная ярмарка "Центральная", 5 этаж); 737-03-33 (доб. 50-10)
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79
103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 ("Книга–почтой"); (код 3832) 35-09-22
142292 Пущино Московской обл., МКР "В", 1 ("Книга–почтой"); (13) 3-38-80
443022 Самара, проспект Ленина, 2 ("Книга–почтой"); (код 8462) 37-10-60
199034 Санкт-Петербург, В.О., 9-я линия, 16; (код 812) 323-34-62
191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, 4; (код 812) 247-70-39
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 51-60-36
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга–почтой"); (код 3472) 24-47-74, факс (код 3472) 24-46-94
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

Коммерческий отдел, г. Москва
Телефон 241-03-09
E-mail: akadem.kniga@g 23.relcom.ru
Склад, телефон 291-58-87
Факс 241-02-77
WWW. AK-Book. naukaran.ru

По вопросам приобретения книг
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (095) 334-98-59
E-mail: initsiat @ naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru
